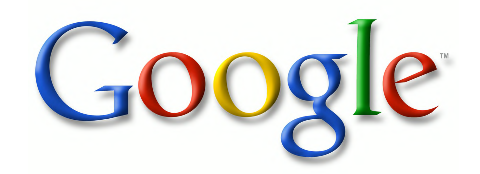

HARVARDIANA
ET
VE RI
TAS
ACADEMIA · IN · NOV · ANG
CHRISTO ECCLESIAE

113

СОВРЕМЕННИКЪ

1866

№ III МАРТЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

(На Литейной, близь Невскаго проспекта, домъ Зыбиной № 60)

Стр.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

Н. А. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ CXIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи Карла Вульфа. На Литейномъ проспектѣ, № 60

1866

HARVARDIANA · IN · NOV · ANG · ACADEMIA
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

И красныя чернилы
Потокомъ полились.

Живаго нѣтъ мѣстечка!
И только на строкѣ
Торчитъ кой-гдѣ словечко,
Какъ муха въ молокѣ.

Угрюмой и сердитой
Редакторъ этотъ сбродъ
Какъ арміи разбитой
Остатки подберетъ;

На ниточку нанижетъ,
Кой-какъ сплотитъ опять
И намъ приказъ напишетъ:
«Исправивъ, вновь послать».

Наборъ мы разсыпаемъ
Зачеркнутыхъ столбцовъ
И литеры бросаемъ,
Какъ въ ямы мертвецовъ,

По кассамъ! Вновь въ порядкѣ
Лежатъ одна къ одной.
Потерянъ ключь къ загадкѣ,
Что выражалъ ихъ строй!

Такъ остается тайной
Каковъ и гдѣ тотъ плодъ,
Который вихрь случайной
Съ деревьевъ въ бурю рветъ.

(Что, какова замѣтка?
Не дуренъ оборотъ?
Случается нерѣдко-
У насъ лихой народъ.

Наборщики бываютъ
Философы порой:
Не все же набираютъ
Они сумбуръ пустой.

Встрѣчаются статейки,
Встрѣчаются умы —
Полезныя индейки
Усвоиваемъ мы...)

Ужъ въ новой корректурѣ
Статья не велика,
Глядишь — еще въ цензурѣ
Посгладятъ ей бока.

Вотъ наконецъ и сверстка!
Но что съ тобой, тетрадь?
Ты менѣе наперстка
Являешься въ печать!

А то еще бываетъ,
Самъ авторъ прибѣжитъ,
Посмотритъ, повздыхаетъ,
Да всю и порѣшитъ!

Намъ всѣ равны статейки,
Печатай, разбирай, —
Три четверти копѣйки
За строчку намъ отдай!

Но не равны заботы.
Чтобъ время наверстать
Мы слѣпнемъ отъ работы...
Хотите ли писать?

Мы вамъ дадимъ сюжеты:
Войдите-ка въ полночь
Въ наборную газеты —
Кромѣшный адъ точь въ точь!

Наборщикъ безотвѣтный
Красивъ какъ трубочистъ...
Кто выдумалъ газетный
Безчеловѣчный листъ?

Хоть цѣлый свѣтъ обрыщешь,
И въ самыхъ рудникахъ,

Тошнѣй труда не сыщешь —
Мы вѣчно на ногахъ;

Отъ частой недосыпки,
Отъ пыли, отъ свинца
Мы всѣ здоровьемъ хлипки,
Всѣ зелены съ лица;

Въ работѣ безпорядокъ
Намъ сокращаетъ вѣкъ.
И лишній рубль не сладокъ,
Какъ болѣнъ человѣкъ...

Но вотъ свобода слова
Негаданно пришла,
Не такъ ужь безтолково
Авось, пойдутъ дѣла!

ХОРЪ.

Поклонъ тебѣ, свобода!
Тра-ла, ла-ла, ла-ла!
Съ рабочаго народа
Ты тяготу сняла!...

III.

ЖУРНАЛИСТЪ-РУКОВОДИТЕЛЬ.

Ну... небесамъ благодаренье!
Свершенъ великій, трудный шагъ!
Теперь общественное мнѣнье
Сожму я крѣпко въ мой кулакъ,
За мной пойдутъ, со мной сольются...
Ни слова о врагахъ моихъ!
Ни слова! сами попадутся!
Ретивость ихъ—погубитъ ихъ!—

IV.

ЖУРНАЛИСТЪ-РУТИНЕРЪ.

Созрѣла мысль, проэктъ составленъ,
И вотъ онъ вышелъ, — я погибъ!
Я раззоренъ, я обезславенъ!
Духъ вѣка и меня подшибъ.

Условья прессы подцензурной
Понявъ практическимъ умомъ,
Плохой товаръ литературной
Умѣлъ я продавать лицомъ,
Провидя смѣлыя затѣи
Читатель упивался всласть,
И дерзновенныя идеи
Во мнѣ подозрѣвала власть.
Какъ я умѣлъ казаться новымъ,
Являясь тотъ же каждый день,
Твердя съ уныніемъ суровымъ
Одну и ту же дребедень!
Какъ я почтенныхъ либераловъ,
Моихъ подписчиковъ плѣнялъ,
Какихъ высокихъ идеаловъ
Я перспективы имъ казалъ!
Я впрочемъ говорилъ не много,
Я только говорилъ: «друзья!
Всегда останусь вѣренъ строго...»
Чему? тутъ точки ставилъ я...
О, точки! тонкіе намеки!
О, недомолвки и тире!
Умнѣй казались съ вами строки!
Какъ не жалѣть о той порѣ?..
Прилично сдержанъ, строго-важенъ,
Какъ бы невольно молчаливъ,
Я былъ бездѣйствуя отваженъ,
Безмолвствуя — краснорѣчивъ!
Являлся я живой картиной—
Гляди, любуйся, изучай!

Рѣкѣ, запруженной плотиной,
Готовой хлынуть черезъ край,
Готовой бѣшенымъ потокомъ
Сорвать мосты, разбить суда,
Въ моемъ бездѣйствіи жестокомъ
Я былъ подобенъ, господа!

Теперь — какъ быть?... «Толковой строчки
Въ твоемъ изданьи — скажутъ — нѣтъ!»
Въ отвѣтъ бы имъ поставить точки,
Но точки — будутъ ли отвѣтъ?
Заговорятъ: «давай идею!»
Но чтожъ могу отвѣтить имъ?
Одну идею я имѣю,
Что всѣ идеи эти—дымъ!
Что въ свѣтѣ деньги только важны,
Что надо ихъ копить, копить...
Что тѣ лишь люди не продажны,
Которыхъ нѣкому купить!

Созрѣла мысль, проэктъ составленъ
И вотъ онъ вышелъ, — я погибъ!
Я раззоренъ, я обезславленъ...
Духъ вѣка и меня подшибъ!
Еще не можетъ быть исчисленъ
Убытокъ, но грозитъ бѣда:
Я больше не глубокомысленъ,
Не радикалъ я, господа!
Не корифей литературы,
Теперь я жалкій паразитъ,
Съ уничтоженіемъ цензуры
Мгновенно рухнетъ мой кредитъ!

V.

ПОЭТЪ.

Друзья, возрадуйтесь! — просторъ!
(Давай скорѣй бутылокъ!)
Теперь бы пѣть... Но сталъ я хворъ!
А прежде былъ я пылокъ.

И былъ подвиженъ я, какъ челнъ
(Зачѣмъ на пробкѣ плѣсень?..)
И какъ у моря звучныхъ волнъ
У лиры было пѣсенъ.
Но жизнь была такъ коротка
Для пѣсень этой лиры, —
Отъ типографскаго станка
До цензорской квартиры!

VI.

ЛИТЕРАТОРЫ.

Три друга обнялись при встрѣчѣ,
Входя въ какой-то магазинъ.
«Теперь пойдутъ иныя рѣчи!»
Замѣтилъ весело одинъ.
— Теперь насъ ждутъ просторъ и слава!
Другой восторженно сказалъ,
А третій посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ! (*)

VII.

ФЕЛЬЕТОННАЯ БУКАШКА.

Я — фельетонная букашка,
Ищу посильнаго труда.
Я, какъ ходячая бумажка,
Поистрепался, господа,

Но лишь давайте мнѣ сюжеты,
Увидите — хорошъ мой слогъ.
Сначала я писалъ куплеты,
Состряпалъ нѣсколько эклогъ,

Но скоро я стихи оставилъ,
Понявъ, что лучшій на землѣ

(*) Эти два послѣдніе стиха взяты у Лермонтова:
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ...

Тотъ родъ, который такъ прославилъ
Булгаринъ въ «Сѣверной Пчелѣ».

Я говорю о фельетонѣ...
Статейки я писать могу
Въ великосвѣтскомъ, модномъ тонѣ,
И будутъ хороши, не лгу.

Изъ жизни здѣшней и московской
Черты охотно я беру.
Знакомъ вамъ господинъ Пановскій?
Мы съ нимъ похожи по перу.

Извѣстенъ я въ литературѣ...
Угодно ль вамъ меня нанять?
Умѣлъ писать я при цензурѣ,
Такъ мудрено ль теперь писать?

Признаться, я попалъ невольно
Въ литературную семью.
Охъ! было время — вспомнить больно!
Дрожишь бывало за статью.

Мою любимую идейку,
Что въ Петербургѣ климатъ плохъ
И ту не въ каждую статейку
Вставлять я безъ боязни могъ.

Однажды написалъ я съ дуру,
Что видѣлъ на мосту дыру,
Переполошилъ всю цензуру —
Пришлось имъ всѣмъ не понутру!

Ну! дали мнѣ головомойку,
Съ полгода поджималъ я хвостъ.
Съ тѣхъ поръ не ѣзжу черезъ Мойку
И не гляжу на этотъ мостъ!

Я надоѣлъ вамъ? извините!
Но старыхъ ранъ коснулся я...
И вдругъ... кто думать могъ?.. скажите!..
Горька была вся жизнь моя,

Но претерпѣвъ судьбы удары,
Подъ старость счастье я узналъ:
Курилъ на улицахъ сигары
И безъ цензуры сочинялъ!

VIII.

ПУБЛИКА.

1.

Ай да свободная пресса!
Мало вамъ было хлопотъ?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьетъ,
Какъ забѣжавшій изъ степи
Конь, незнакомый съ уздой,
Или сорвавшійся съ цѣпи
Звѣрь нелюдимой, лѣсной...

Боже! пошли намъ терпѣнье!
Или цензура воспрянь!
Всюду одно осужденье,
Всюду нахальная брань!
Въ цивилизованномъ классѣ
Будто растленье одно,
Бѣдность безмѣрная въ массѣ
(Гдѣ же берутъ на вино?)
Въ каждомъ нажиться старанье,
Въ каждомъ продожная честь,
Только подъ шубой бараньей
Сердце хорошее есть!
Охъ, этотъ авторъ злодѣйской!
Тоже хитритъ иногда,
Думаетъ лестью лакейской
Насъ усыпить, господа!
Мы не хотимъ поцалуевъ,
Но и ругни не хотимъ...
— — —
— — —

Слышали? Все лишь подобье
Все у насъ маска и ложь,
Глупость, развратъ, узколобье...
Кто же уменъ и хорошъ?
Кто же всегда одинаковъ?
Истинѣ другъ и родня?
Ясно — премудрый Аксаковъ,
Авторъ премудраго «Дня!»
Пусть онъ таковъ, но за что же
Надоѣдаетъ онъ всѣмъ?...
Чѣмъ это кончится, Боже!
Чѣмъ это кончитя, чѣмъ?...

Ай да свободная пресса!
Мало вамъ было хлопотъ?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьетъ,
Какъ забѣжавшій изъ степи
Конь, не знакомый съ уздой,
Или сорвавшійся съ цѣпи
Звѣрь нелюдимой, лѣсной...

2.

Нынче журналы читая
Просто не вѣришь глазамъ,
Слышали — новость какая?
Мы же должны мужикамъ!
Экой герой-сочинитель!
Экой вѣщунъ-богатырь!
Вѣрно ли только, учитель,
Вывелъ ты эту цыфирь?
Если ее ты докажешь,
Дай ужь намъ кстати совѣтъ:
Чѣмъ расплатиться прикажешь?
Суммы такой у насъ нѣтъ!
Нѣтъ ничего, кромѣ модныхъ,
Но пустоватыхъ головъ,
Кромѣ желудковъ голодныхъ
И неоплатныхъ долговъ,

Кромѣ усовъ, бакенбардовъ
Да «какъ нибудь» да «авось»...
Шутка ли! шесть милліардовъ!
Смилуйся! что нибудь сбрось!
Другъ! ты стоишь на рогожѣ,
Но говоришь ты съ ковра...
Чѣмъ это кончится, Боже!...
Грѣшенъ, не жду я добра...

Ай да свободная пресса!
Мало вамъ было хлопотъ?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьетъ,
Какъ забѣжавшій изъ степи
Конь, незнакомый съ уздой,
Или сорвавшійся съ цѣпи
Звѣрь нелюдимой, лѣсной...

3.

Мало что въ сферѣ публичной
Трогаютъ всякой предметъ,
Жизни касаются личной!
Просто спасенія нѣтъ!
Если за добрымъ обѣдомъ
Выпилъ ты лишній бокалъ
И, поругавшись съ сосѣдомъ,
Громкое слово сказалъ,
Не говорю ужъ подрался
(Рѣдко другъ друга мы бьемъ),
Хоть бы ты тутъ же обнялся
Съ этимъ случайнымъ врагомъ, —
Завтра жъ въ газетахъ напишутъ!
Господи! что за скоты!
Какъ они знаютъ все, слышутъ!...
Что потомъ сдѣлаешь ты?
Ежели скажешь: «вы лжете!»
Онъ очевидцевъ найдетъ,
Если дуэлью пугнете,
Онъ васъ судомъ припугнетъ.

Просто — не стало свободы,
Чести нельзя защитить...
Эхъ! эти новыя моды!
Впрочемъ, есть средство: побить.
Но вѣдь пожалуй по рожѣ
Съѣздитъ и онъ между тѣмъ.
Чѣмъ это кончится, Боже!...
Чѣмъ это кончится, чѣмъ?...

Ай да свободная пресса!
Мало вамъ было хлопотъ?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьетъ,
Какъ забѣжавшій изъ степи
Конь, незнакомый съ уздой,
Или сорвавшійся съ цѣпи
Звѣрь нелюдимой, лѣсной...

4.

Все пошатнулось... О, гдѣ ты,
Время безъ бурь и тревогъ?...
Въ Бога не вѣрятъ газеты,
И отрицаютъ поэты
Пользу желѣзныхъ дорогъ!
Дыбомъ становится волосъ,
Чѣмъ наводнилась печать, —
Даже умѣренный «Голосъ»
Началъ не въ мѣру кричать;
Ни одного элемента
Не пропустилъ не задѣвъ,
Онъ положеньемъ Ташкента
Разволновался какъ левъ;
Бдитъ онъ надъ западнымъ краемъ,
Онъ о Россіи болитъ,
Съ ожесточеньемъ и лаемъ
Онъ обо всемъ говоритъ!
Мечется въ праздныхъ тревогахъ,
Горшей считая изъ бѣдъ,
Что на желѣзныхъ дорогахъ

Не продаютъ ужъ газетъ.
Чтò — на дорогахъ желѣзныхъ!
Остановить бы вездѣ.
Меньше бы тратъ безполезныхъ!
И безъ того мы въ нуждѣ.
Жизнь ежедневно дороже,
Деньги труднѣй между тѣмъ,
Чѣмъ это кончится, Боже!
Чѣмъ это кончится, чѣмъ?...

Ай да свободная пресса!
Мало вамъ было хлопотъ?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьетъ,
Какъ забѣжавшій изъ степи
Конь, незнакомый съ уздой,
Или сорвавшійся съ цѣпи
Звѣрь нелюдимой, лѣсной...

5.

Право, конецъ бы таковской
И не велика печаль!
Только газеты московской
Было бъ признаться намъ жаль,
Впрочемъ... какъ пристально взвѣсить,
Такъ и ее — что жалѣть!
Ужъ начала куролѣсить,
Можетъ совсѣмъ ошалѣть.
Прежде лишь мелкій чиновникъ
Былъ твоей жертвой, печать,
Если жь военный полковникъ —
Стой! ни полслова! молчать!
Но отъ чиновниковъ быстро
Дѣло дошло до тузовъ,
Даже коснулся министра
Неустрашивый Катковъ.
Тронуто тамъ у него же
Много забористыхъ темъ...

Чѣмъ это кончится, Боже!
Чѣмъ это кончится, чѣмъ?...

Ай да свободная пресса!
Мало вамъ было хлопотъ?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьетъ,
Какъ забѣжавшій изъ степи
Конь, незнакомый съ уздой,
Или сорвавшійся съ цѣпи
Звѣрь нелюдимой, лѣсной...

***

По отпечатаніи перваго листа въ «Пѣсняхъ» замѣчены слѣдующія опечатки: стр. 7, строка 4 съ верху: напечатано: *аріи,* читай: *арміи.* Стр. 9, строка 3 сверху, напечатано: *индейки,* читай: *идейки.*

ОБЩАЯ СѢТЬ

РУССКИХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ И ВОДЯНЫХЪ СООБЩЕНІЙ (*).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Главное управденіе путей сообщенія, въ своемъ журналѣ за 1863 годъ, сообщило къ свѣдѣнію публики проэктированную имъ сѣть главныхъ линій желѣзныхъ дорогъ европейской Россіи, съ цѣлію воспользоваться тѣми замѣчаніями, какія будутъ сообщены людьми близко знакомыми съ мѣстными условіями.

Подобное заявленіе, конечно, не могло не вызвать обширной полемики о направленіяхъ предлагаемыхъ дорогъ,— о выгодахъ и преимуществахъ одной линіи предъ другою, — о необходимости скорѣйшей постройки такой-то дороги, предпочтительно предъ другою, и т. п. Русская журналистика отозвалась на этотъ призывъ съ полнымъ сочувствіемъ дѣлу, крайняя и настоятельная необходимость котораго становится все болѣе и болѣе ощутительною. Слѣдствіемъ этого было то, что не далѣе, какъ черезъ годъ, заявленная сѣть желѣзныхъ дорогъ получила большія измѣненія и правительство сочло нужнымъ приступить къ постройкѣ такихъ линій, которыя даже и не упоминались въ помянутой сѣти.

Столь существенныя измѣненія предположенной главнымъ управленіемъ путей сообщенія сѣти желѣзныхъ дорогъ и многія возникшія съ того времени новыя предположенія и соображенія — должны совершенно измѣнить и остальныя линіи этой сѣти. Въ виду подобнаго обстоятельства, позволяемъ себѣ привести нѣкоторыя подроб-

---

(*) Представляя читателямъ любопытный трудъ г. Романова, редакція «Современника» считаетъ не лишнимъ оговорить, что она сохраняетъ свою общую точку зрѣнія, болѣе или менѣе извѣстную читателямъ, на причины нашего нынѣшняго экономическаго положенія, и также оставляетъ за собою право высказать относительно линій предполагаемыхъ желѣзныхъ дорогъ и значенія водяныхъ нашихъ сообщеній свое мнѣніе. *Ред.*

ности разсматриваемаго предмета, не имѣя никакой претензіи причислять себя къ людямъ, *близко* знакомымъ съ мѣстными условіями всего обширнаго пространства Россійской имперіи.

ОБЗОРЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

Было время, когда наша отпускная торговля хлѣбомъ и другими сырыми продуктами была весьма значительна, но вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ она пришла въ совершенный упадокъ, слѣдствіемъ котораго между прочимъ было пониженіе курса, общее безденежье, повсемѣстный застой во всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ и проч. Общій неурожай въ западной Европѣ, или иныя подобныя тому бѣдствія,— конечно, могутъ временно оживить нашу отпускную торговлю и поправить на время печальное положеніе нашихъ денежныхъ дѣлъ, но напрасно думаютъ нѣкоторые, что настоящее положеніе нашей торговли только временное, и что вскорѣ оно можетъ поправиться, оживиться и придти въ прежнее положеніе, по естественному ходу вещей, безъ особыхъ съ нашей стороны усилій и пожертвованій.

Неоднократно было заявляемо и доказываемо во всѣхъ нашихъ органахъ гласности, что современный застой и упадокъ нашей торговли, равно какъ и тѣсно съ нею связаннаго общаго благосостоянія государства, въ значительной степени исходятъ именно отъ отсутствія улучшенныхъ путей сообщенія въ нашемъ отечествѣ. А потому общаго улучшенія дѣлъ можно ждать только по улучшеніи существующихъ и по учрежденіи новыхъ улучшенныхъ сообщеній, а также и приданіи имъ такихъ удобствъ, при которыхъ всякая иностранная конкурренція сдѣлалась бы невозможною (*). Но для достиженія послѣдней цѣли необходимо, чтобы эти мѣры были приведены въ исполненіе какъ можно поспѣшнѣе, не теряя нисколько времени, чтобы если не предупредить соперниковъ (что уже поздно), то по крайней мѣрѣ не дать имъ утвердиться окончательно и присвоить себѣ хотя долю участія въ ихъ торговыхъ операціяхъ. Поэтому, обветшалый и давно рѣшенный вопросъ о пользѣ желѣзныхъ дорогъ въ настоящее время становится на высшую степень своего значенія для Россіи, а именно: что дороги эти не только необходимы, но безъ нихъ мы даже и существовать долѣе не можемъ, если не желаемъ потерять безвозвратно нашу отпускную торговлю и стать въ уровень государствъ второстепенныхъ. Поэтому, современный вопросъ состоитъ не въ томъ, чтобы устроить желѣзныя дороги со-временемъ, *когда нибудь*; а главное, устроить ихъ *какъ можно поспѣш-*

(*) См. Голосъ 1863 г. № 117.

нте, не смотря ни на какія жертвы и усилія. Взглядъ этотъ вполнѣ раздѣляется главнымъ управленіемъ путей сообщенія: «*болѣе намъ медлить не слѣдуетъ*»,—говорится въ описаніи сѣти желѣзныхъ дорогъ. «Россія *не должна останавливаться предъ необходимостью нѣ*«*которыхъ пожертвованій* для того, чтобы исполнить сѣть главныхъ «линій желѣзныхъ дорогъ въ самое короткое время.» Такимъ образомъ, въ ожиданіи этихъ дорогъ, мы успѣли наконецъ дожить до того, что время сдѣлалось *и для насъ* дороже денегъ.

Въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, когда Европа постепенно покрывалась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, у насъ проводились шоссе и улучшались водяныя сообщенія преимущественно въ сѣверной и сѣверо-западной части имперіи, съ цѣлію привлечь наибольшее торговое движеніе къ балтійскому прибрежью, тогда какъ благодатная и плодородная южная половина государства, омываемая морями: Азовскимъ и не замерзающимъ Чернымъ, прорѣзанная низовьями Дуная, Днѣстромъ, Днѣпромъ, Дономъ и др., оставалась въ своемъ естественномъ положеніи и не пользовалась (да и до сего времени не пользуется) никакими улучшенными сообщеніями.

Въ сороковыхъ годахъ правительство нашло наконецъ нужнымъ положить начало будущей сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ сооруженіемъ дороги между Москвой и Петербургомъ, на свой счетъ, безъ всякаго частнаго участія какъ въ издержкахъ, такъ и въ выборѣ направленія этой линіи. При этомъ нельзя не упомянуть, что частная предпріимчивость уже и въ то время не оставалась равнодушною къ столь капитальному вопросу русской жизни, потому что еще прежде открытія казенной С.-Петербурго-Московской дороги, частные предприниматели и общества предлагали правительству провести на свой счетъ разныя линіи желѣзныхъ дорогъ (*), большая часть которыхъ не получила въ то время дальнѣйшаго хода—по различнымъ причинамъ и обстоятельствамъ.

Пятидесятые года настоящаго столѣтія составили эпоху въ исто-

(*) Въ 1834 г. между Волгою и Дономъ (устроена въ 1861 г.),—въ 1835 г. отъ С.-Петербурга въ Царское Село и Павловскъ (устроена),—въ 1838 г. отъ С.-Петербурга до Москвы и отъ нея же до Полангена, Ковно, Варшавы, Калиша, Одессы, Моздока и Казани,—въ 1839 г. отъ С.-Петербурга до Москвы (устроена),—въ 1843 г. между Волгою и Дономъ,—въ 1844 г. отъ озера Елтонъ до Николаевской пристани на Волгѣ,—въ 1845 г. отъ С.-Петербурга до Ораніенбаума (устроена) и далѣе по отмели къ Кронштадту, а въ послѣдствіи чрезъ Ямбургъ и Нарву до Балтійскаго порта,—въ 1845 г. отъ Либавы до Юрбурга,—въ 1845 г. отъ Одессы до Ольвіополя,—въ 1845 г. отъ Москвы до Тулы,—въ 1846 г. отъ Москвы до Коломны, Рязани и Саратова,—въ 1846 г. отъ Москвы до Оки и Нижняго-Новгорода. (Журналъ путей сообщенія 1863 г. т. XXXIX).

ріи русскихъ желѣзныхъ дорогъ.—Въ началѣ ихъ была открыта С.-Петербурго-Московская линія, вслѣдъ за которою правительство на таковыхъ же основаніяхъ предприняло постройку длинной дороги отъ С.-Петербурга до Варшавы, окончаніе которой было замедлено вспыхнувшей въ 1853 году войною съ Турціей. Въ это же десятилѣтіе появилось множество предложеній частныхъ лицъ, испрашивавшихъ разрѣшенія правительства на постройку различныхъ линій желѣзныхъ дорогъ (*).

Крымская война, давшая столь сильный толчекъ всѣмъ отживавшимъ уже свой вѣкъ учрежденіямъ, еще рельефнѣе высказала всю крайнюю необходимость безотлагательнаго устройства желѣзныхъ дорогъ, вопросъ о которыхъ съ того времени становится однимъ изъ первостепеннѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Еще во время войны въ 1854 году состоялось Высочайшее повелѣніе о производствѣ изысканій по линіи отъ Москвы къ Черному морю, развѣтвлявшейся на югѣ на двѣ части—къ Одессѣ и Θеодосіи, — и вслѣдъ затѣмъ, вскорѣ послѣ заключенія мира образовано главное общество для постройки первой сѣти русскихъ дорогъ, которому были переданы недостроенная линія с.-петербурго-варшавская, изслѣдованная, черноморская до Θеодосіи и предлагаемая г. Вонлярлярскимъ нижегородская дорога, на изслѣдованіе которой имъ были затрачены немаловажные капиталы. Предполагавшаяся по проэкту 1854 г. вѣтвь отъ Харькова къ Одессѣ была откинута, и въ замѣнъ ея главное общество взялось устроить линію отъ Курска или Орла къ Либавѣ.

(*) Отъ Харькова до Θеодосіи, — отъ Варшавы до Одессы,—отъ Одессы до Москвы,—отъ Москвы до Харькова,—отъ Риги до Динабурга (устроена),—отъ Саратова до Астрахани, — отъ Одессы до Кременчуга, Харькова и Москвы,—отъ С.-Петербурга до Петергофа (устроена),—отъ Москвы къ Черному морю, —отъ Харькова до Перекопа, далѣе чрезъ Кизляръ въ Персію,—отъ Москвы до Коломны (устроена), — отъ Могилева чрезъ Витебскъ до Твери и чрезъ Минскъ до Вильно,—между Кременчугомъ и Екатеринославлемъ,—отъ Екатеринославля до колоніи Эйнлаге,—изъ Россіи чрезъ Каспійское море въ Индію, —изъ Курской губерніи къ Балтійскому морю,—отъ Риги до Митавы,—отъ Кіева до Одессы,—отъ Познани до Одессы, — отъ Рыбинска до Вышняго-Волочка,—отъ Одессы до Балты (устроена),—отъ Одессы до Маяковъ,—отъ Перекопскихъ соляныхъ озеръ къ Каховкѣ, Севастополю или Θеодосіи и Геническу,—между Сухоною и Волгою,—отъ Радзивилова до Кіева,—отъ Екатеринбурга до Перми,—между Бѣлымъ озеромъ и Свирью, изъ Австріи чрезъ Бессарабію до Одессы,—отъ С.-Петербурга до Новой Ладоги,—отъ Одессы чрезъ Бердичевъ и Кіевъ до Курска, и отъ Бердичева до Радзивилова,—отъ Одессы до Бендеръ,—отъ Москвы до Сергіевскаго посада (устроена),—отъ Царицына до Таганрога,—отъ Нижняго-Новгорода до Японскаго моря,—отъ Кракова чрезъ Россію въ Индію, Персію и Китай,—отъ Ревеля до Пскова,—отъ Рыбинска до Петербурга, и друг. (Журн. пут. сообщ. 1863 г. XXXIX и IX)

Воспрянувшій послѣ заключенія мира духъ промышленной предпріимчивости и коренныя преобразованія государственныхъ кредитныхъ учрежденій привели къ образованію множества частныхъ компаній, для разработки разнообразныхъ природныхъ богатствъ Россіи, учрежденія улучшенныхъ сообщеній и т. п., въ средѣ коихъ явились спеціальныя общества морскаго и рѣчнаго пароходства, равно и желѣзныхъ дорогъ.

Къ этой эпохѣ горячаго взаимнаго соревнованія нужно отнести составленіе и утвержденіе частныхъ компаній желѣзныхъ дорогъ: рижско-динабургской, московско-ярославской, саратовской, петергофской, варшавско-бромбергской, волжско-донской и гельсингфорсо-тавастгустской, открывшихъ уже сообщеніе по своимъ линіямъ.

Къ нимъ нужно причислить представленныя правительству предположенія объ устройствѣ дорогъ отъ Риги до Митавы, отъ Кіева до Өдессы, отъ С.-Петербурга до Рыбинска, отъ Харькова до Таганрога, которыя еще ожидаютъ своего вѣроятнаго осуществленія.

По несостоятельности главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, оно въ началѣ текущаго десятилѣтія вынуждено было отказаться отъ постройки либавской вѣтви и южной линіи и ограничить свой кругъ дѣйствій линіями варшавскою и нижегородскою. По преобразованіи состава общества и по замѣнѣ главныхъ иностранныхъ распорядителей и дѣятелей русскими, положеніе дѣлъ начало улучшаться, слѣдствіемъ чего было открытіе дорогъ варшавской и нижегородской. Одновременно съ этимъ были открыты дороги Рижско-Динабургская, часть саратовской, отъ Москвы до Коломны и Рязани, часть Ярославской до Сергіевскаго посада, Волжско-донская отъ Царицына до Калача, Варшавско-бромбергская и Гельсингфорсо-тавастгустская.

Всѣ эти линіи хотя и представляли въ общей сложности болѣе 3,000 верстъ желѣзнаго пути, однако не были въ состояніи улучшить положеніе нашей отпускной торговли и кромѣ того находились всѣ въ сѣверной половинѣ имперіи, чрезъ что южная ея часть оставалась по прежнему безъ сообщеній, а возрастающая дороговизна гужеваго провоза, вмѣстѣ съ несовершенствомъ южныхъ водяныхъ сообщеній,—окончательно убили прежде-цвѣтущую торговлю Одессы и всего черноморскаго и азовскаго прибрежья. Слухи объ осуществленіи южной дороги снова возникли въ 1862 году, когда правительство получило предложеніе откупщиковъ объ отдачѣ имъ въ содержаніе питейно-акцизнаго сбора, за что они обязывались построить 4,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ по указаннымъ правительствомъ направленіямъ. Но откупщики получили отказъ.

Въ это же время, именно въ 1863 году, правительство утвердило постройку желѣзныхъ дорогъ за частными компаніями: англійской

— отъ Динабурга до Витебска и русской — отъ Кіева до Одессы съ вѣтвью до Тирасполя на Днѣстрѣ, — которыя вслѣдъ за тѣмъ и приступили къ работамъ. Къ тому же періоду нужно отнести сдѣланное правительствомъ одобреніе частныхъ предположеній на постройку дорогъ отъ Перми до Тюмени, отъ Рыбинска до Бологова и отъ Бѣлостока къ Пинску,—по которымъ производились изысканія, составлялись окончательные проэкты и ожидалось утвержденіе правительства.

Отказъ главнаго общества отъ сооруженія южной дороги конечно не могъ ослабить усиленныхъ стараній правительства въ изысканіи способовъ къ осуществленію столь огромной линіи. По его вызову, предпріятіе это обратило вниманіе англійскихъ капиталистовъ, которымъ и была дорована концессія на постройку желѣзной дороги отъ Москвы до Севастополя (*). Составившаяся такимъ образомъ компанія внесла въ государственное казначейство въ видѣ залога одинъ милліонъ рублей, два ея инженера пріѣзжали въ Россію и обозрѣвали на мѣстѣ все протяженіе предполагаемой дороги, — но волненія въ Польшѣ пріостановили дальнѣйшее развитіе этого дѣла,— вслѣдъ за тѣмъ компанія отказалась отъ всего совершенно и получила свой залогъ обратно.

Въ виду подобныхъ неудачныхъ стараній, былъ одобренъ и принятъ къ выполненію проэктъ простѣйшей и менѣе цѣнной постройки желѣзныхъ дорогъ, предложенный,—изучившимъ этотъ предметъ въ Соединенныхъ Штатахъ, — барономъ Унгернъ-Штернбергомъ. Въ видѣ опыта положено было построить на счетъ казны небольшую дорогу отъ Одессы къ Парканамъ (на Днѣстрѣ), съ нарядомъ на эту постройку рабочихъ отъ войскъ, для чего были сформированы особыя рабочія роты, а въ послѣдствіи бригады. Успѣшный ходъ этой небольшой постройки заставилъ примѣнить эту систему при сооруженіи длиннѣйшей линіи отъ Одессы до Балты, которая въ настоящее время также приводится къ окончанію.

Обширная полемика, возникшая въ 1864 г. въ журналахъ по поводу публичнаго обсужденія сѣти желѣзныхъ дорогъ, составленной главнымъ управленіемъ путей сообщенія,—выяснила многія обстоятельства и потребности южнаго края и его торговли, въ силу которыхъ правительство нашло нужнымъ отложить проэктированное имъ направленіе южной дороги отъ Харькова до Ѳеодосіи, а въ послѣдствіи до Севастополя, и въ началѣ 1865 года признало болѣе необходи-

(*) Концессія, Высочайше утвержденная 25 іюля 1863 г., на имя негоціантовъ и банкировъ Лондона: Дентъ-Пальмеръ и К°, Фрюлингъ и Гешенъ, Антон. Гиббсъ съ сыновьями и Джонъ Губбардъ и К°.

нымъ обратиться къ старому направленію черноморской дороги 1854 года и соединить Одессо-балтскую линію чрезъ Кременчугъ съ Харьковомъ,—а Москву чрезъ Орелъ и Курскъ съ Кіевомъ, изыскавъ въ тоже время наивыгоднѣйшее направленіе для связи Харькова съ Курскомъ, а въ послѣдствіи конечно и Кіева съ Балтою. Въ іюнѣ того же года послѣдовало измѣненіе въ томъ, что часть южной дороги отъ Орла до Харькова, и не входившее въ прежнія предположенія правительства продолженіе ея, отъ Харькова черезъ Бахмутъ до Таганрога и Ростова на Дону, — переданы частнымъ лицамъ (*), которыя вмѣстѣ съ тѣмъ уполномочены основать въ Лондонѣ акціонерную компанію, съ опредѣленною отвѣтственностью.

Къ этому же періоду времени нужно отнести утвержденіе частныхъ компаній на постройку желѣзныхъ дорогъ Рязанско-Козловской и Варшавско-Тереспольской, на которыхъ уже приступлено къ работамъ, и открытіе движенія по участкамъ дорогъ Динабургско-Витебской и Одесско-Балтской.

Такимъ образомъ протяженіе русскихъ желѣзныхъ дорогъ по настоящее время успѣло достигнуть до 3,000 верстъ, что въ 20-тилѣтіе, съ начала постройки С.Петербурго-Московской желѣзной дороги, составляетъ не болѣе 150 верстъ въ годъ. Понятно, что подвигаться столь медленными шагами далѣе невозможно. Чѣмъ больше мы будемъ вникать въ причины столь неудовлетворительнаго хода одного изъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, тѣмъ больше будемъ убѣждаться, что онъ никакъ не можетъ оправдываться лишь однимъ —повсемѣстно раздающимся недостаткомъ капиталовъ. Освобожденіе крестьянъ требовало еще болѣе громадныхъ средствъ, отсутствіе которыхъ не остановило хода дѣла, не помѣшало его блестящему успѣху. Отраженіе союзниковъ изъ Крыма и спасеніе Севастополя не удались вовсе не отъ недостатка денежныхъ средствъ на продолженіе войны. Неудовлетворительное состояніе финансовъ не помѣшало намъ энергически преслѣдовать недавнее возстаніе въ Польшѣ и подавлять его до послѣдняго издыханія, — и въ тоже время дѣлать обширныя вооруженія въ виду опасности, грозившей намъ съ Запада. Крымская война, освобожденіе крестьянъ и польское возстаніе кажется достаточно показали, какъ русское общество умѣетъ относиться къ своимъ нуждамъ, которыя оно начинаетъ считать неотложными. Съ другой стороны примѣръ многихъ возникшихъ въ послѣднее время компаній, — со включеніемъ и главнаго общества желѣз-

(*) Генералъ-адъютантъ графъ Ѳ. Т. Барановъ, тайный совѣтникъ князь А. В. Кочубей, инженеръ генералъ-маіоръ К. И. Марченко и шталмейстеръ графъ Г. А. Строгановъ (см. «Голосъ» 1865 г. № 160).

ныхъ дорогъ, — весьма убѣдительно доказываетъ, что и обиліе денежныхъ средствъ, при отсутствіи хорошей администраціи и неумѣньи вести дѣло, приводятъ нерѣдко къ весьма печальнымъ результатамъ самыя вѣрныя и надежныя предпріятія.

Внимательный обзоръ всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ учрежденіе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, показываетъ, что на медленное развитіе ихъ имѣли вліяніе главнымъ образомъ слѣдующія условія:

1) Неудачный выборъ ихъ направленія и вообще ошибочное составленіе общей сѣти, не удовлетворяющія потребностямъ торговли и промышленности, а вслѣдствіе того малый дивидендъ на затрачиваемые въ постройку этихъ дорогъ капиталы.

2) Существованіе многихъ постановленій и обычаевъ, стѣсняющихъ техническое устройство дорогъ и вовлекающихъ въ излишніе расходы, и допущеніе несообразной роскоши въ постройкахъ.

3) Отсутствіе или весьма малое участіе частной инниціативы въ вопросѣ о желѣзныхъ дорогахъ, въ его общемъ государственномъ значеніи.

I.

Разсматривая сѣти желѣзныхъ дорогъ въ разныхъ государствахъ, видно, что въ иныхъ онѣ расходятся въ видѣ радіусовъ отъ одного или нѣсколькихъ центровъ, — въ другихъ же представляютъ системы паралельныхъ и діагональныхъ линій, перекрещивающихся между собою въ различныхъ направленіяхъ. Примѣръ первыхъ представляютъ сѣти французскихъ и частію австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, ко вторымъ подходятъ дороги Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Сѣти перваго рода встрѣчаются преимущественно въ государствахъ, отличающихся централизаціей своего управленія, гдѣ правительства руководятъ всѣми частными предпріятіями желѣзныхъ дорогъ и искусственно направляютъ ихъ къ извѣстнымъ пунктамъ (центрамъ), въ видахъ не столько торговыхъ, сколько политическихъ, стратегическихъ и административныхъ, или съ цѣлію поставить прочія провинціи государства въ прямую и непосредственную зависимость отъ этихъ центровъ, какъ торговую, такъ и политическую.

Вторыя сѣти образуются сами собою, когда частная предпріимчивость свободно направляетъ свои капиталы на постройку тѣхъ линій, которыя обѣщаютъ принести болѣе дивиденда, — словомъ, когда при проэктахъ дорогъ руководствуются одними чисто торговыми соображеніями, оставляя въ сторонѣ цѣли политическія и стратегическія. При этомъ линіи втораго разряда не рѣдко проводятся отдѣльно одна отъ другой, представляя такимъ образомъ отрывистые

участки, которые связываются въ общую линію лишь впослѣдствіи, при усиленіи ихъ торговаго значенія и при увеличеніи движенія. Короче сказать, что при подобномъ постепенномъ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, не имѣется въ виду предварительнаго, строго регулированнаго плана общей сѣти, а такая сѣть образуется сама собою впослѣдствіи, чрезъ соединеніе главныхъ линій промежуточными.

Тогда какъ всѣ провинціи и значительнѣйшіе города Франціи связаны рельсовыми путями съ Парижемъ, многіе изъ нихъ терпятъ недостатокъ въ промежуточныхъ сообщеніяхъ, потому что при подобной лучеобразной сѣти, сообщеніе между сосѣдними пунктами, лежащими наприм. на югъ или востокъ Франціи, должно производиться длиннымъ путемъ, на сѣверъ чрезъ Парижъ, гдѣ только и сходятся линіи дорогъ идущія отъ этихъ пунктовъ. Это неудобство заставило дополнить лучеобразную сѣть промежуточными желѣзными дорогами, сумма протяженій которыхъ могла бы быть распредѣлена съ большей выгодой для государства, еслибъ она могла быть принята въ соображеніе при первоначальномъ начертаніи общей сѣти. При невыполненіи этого многія дороги оказываются непроизводительными и приносятъ весьма малые дивиденды, едва покрывающіе свое содержаніе.

Тамъ же, гдѣ желѣзныя дороги проводились не по исключительно поощряемымъ правительствами направленіямъ, основаннымъ на соображеніяхъ политическихъ и стратегическихъ, а единственно для удовлетворенія насущныхъ потребностей торговли, тамъ онѣ всегда приносили неисчислимыя выгоды, служили вѣрными источниками дохода и увеличенія народнаго богатства.

Примѣры подобнаго развитія желѣзныхъ путей представляются въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Нельзя отрицать, что и въ этихъ государствахъ нѣкоторыя дороги приносятъ весьма плохой дивидендъ, а иногда существуютъ и въ убытокъ, но тамъ это происходитъ не столько отъ неудачнаго выбора направленій, сколько отъ слишкомъ большой конкурренціи съ другими параллельными линіями, вслѣдствіе которой удобства и скорость движенія увеличиваются, а цѣны понижаются, отъ чего конечно выигрываетъ и торговля и публика. Поэтому, подобную причину непроизводительности дорогъ никакъ нельзя смѣшивать съ непроизводительностью другихъ, истекающею прямо изъ неудовлетворительнаго ихъ направленія, отвѣчающаго болѣе цѣлямъ административнымъ и политическимъ, чѣмъ торговымъ.

Принимая за основаніе при начертаніи желѣзныхъ путей, если не исключительно, то преимущественно, потребности торговли, само собою разумѣется, что прежде всего необходимо изслѣдовать суще-

ствующіе торговые пути въ странѣ, для которой проэктируются желѣзныя дороги. А такъ какъ въ государствахъ, прорѣзанныхъ большими судоходными рѣками и озерами — каковы Россія и Соединенные Штаты, вся торговля, до устройства искусственныхъ путей, по необходимости направляется по этимъ водянымъ сообщеніямъ, то естественно, что при составленіи сѣти желѣзныхъ дорогъ необходимо предварительно изучить соотвѣтствующіе въ странѣ естественные и искусственные водяные пути.

ОБЗОРЪ ВОДЯНЫХЪ СООБЩЕНІЙ ВЪ АМЕРИКѢ И РОССІИ.

Ни одна страна, вмѣстѣ съ Россіей, не производитъ такого значительнаго количества хлѣба и другихъ сырыхъ, громоздкихъ и малоцѣнныхъ продуктовъ, какъ Соединенные Штаты, и притомъ нигдѣ не перевозятся по желѣзнымъ дорогамъ такія огромныя массы этихъ продуктовъ, какъ въ тѣхъ же Соединенныхъ Штатахъ. Такъ какъ многіе изъ предметовъ отпускной торговли Россіи суть тѣ же, что и въ Соединенныхъ Штатахъ, и притомъ пространства обѣихъ территорій также громадны, а мѣстами также и пустынны, то понятно, что изученіе многихъ условій и особенностей американскихъ желѣзныхъ и водяныхъ путей и передвиженія по нимъ малоцѣнныхъ грузовъ должно оказать весьма благопріятныя послѣдствія по примѣненію ихъ къ русскимъ сообщеніямъ.

Внутреннія водяныя сообщенія Соединенныхъ Штатовъ имѣютъ огромное значеніе въ тѣсной связи съ желѣзными дорогами. Можно положительно утверждать, что если бы территорія Сѣверной Америки не была такъ щедро надѣлена естественными водяными путями, то Соединенные Штаты не могли бы достигнуть всемірнаго торговаго значенія въ столь короткій періодъ времени и безъ помощи водяныхъ путей едва ли бы имѣли возможность выгодно передвигать къ морямъ массы производимыхъ ими цѣнностей. Прилегая на сѣверѣ къ бассейну Большихъ Озеръ, этихъ средиземныхъ морей Америки, изливающихся порожистой р. св. Лаврентія въ Атлантическій Океанъ; отдѣляясь на западѣ отъ пустынь Скалистыхъ горъ громадной рѣкой Миссисипи, орошающею территорію штатовъ на всемъ ея протяженіи отъ сѣвера на югъ до Мексиканскаго залива; будучи прорѣзаны по своей срединѣ съ востока на западъ большою водяною артеріею, судоходною рѣкой Огейо, лѣвымъ притокомъ Миссисипи; будучи изрѣзаны по всему атлантическому прибрежью множествомъ глубокихъ бухтъ и устьевъ рѣкъ, и испещрены сѣтью отдѣльныхъ малыхъ озеръ, ихъ порожистыхъ притоковъ и истоковъ, Соединенные Штаты, благодаря промышленному духу англо-саксонскаго племени, не могли оставить безъ вниманія столь щедрые дары природы и въ настоящее

время покрылись густой сѣтью водяныхъ сообщеній, могущихъ служить въ своемъ родѣ образцовыми произведеніями современнаго искусства. Такъ всѣ огромные пороги рѣки св. Лаврентія обведены каналами, даже и гигантскій водопадъ Ніагара обойденъ каналомъ съ множествомъ шлюзовъ; проливы между озерами обставлены маяками; водопадъ св. Маріи, въ проливѣ между озерами Гуронъ и Верхнимъ, прорѣзанъ каналомъ и проч. Подобными великолѣпными сооруженіями открылся входъ въ замкнутый природою бассейнъ Большихъ Озеръ, образовался непрерывный судоходный путь отъ океана на 2,000 миль внутрь страны, по которому морскія суда поднимаются рѣкой св. Лаврентія и каналами въ Большія Озера, заходятъ во всѣ прибрежные города и, нагрузившись хлѣбомъ, металлами и проч., спускаются тѣмъ же путемъ до океана и слѣдуютъ имъ безъ перегрузки до Ливерпуля и другихъ портовъ Европы. Отъ учрежденія этого судоходнаго пути, пріютившаяся на болотистомъ прибрежьи озера Мичигана бѣдная индійская деревушка Чикаго, черезъ 30 лѣтъ превратилась въ цвѣтущій европейскій городъ съ 250-тысячнымъ населеніемъ, къ которому сходится до одиннадцати линій желѣзныхъ дорогъ, приходитъ и отходитъ ежедневно до 1,000 вагоновъ, портъ котораго наполненъ озерными пароходами и мореходными шкунами, приходящими сюда съ океана. Независимо отъ желѣзныхъ дорогъ, направляющихся отъ Чикаго къ нѣсколькимъ пунктамъ на Миссисипи, къ этой же рѣкѣ ведетъ особый каналъ, соединяющій Мичиганъ съ р. Иллинойсъ, притокомъ Миссисипи, такъ что доставляемое съ Чикаго этими сообщеніями по озеру, по каналу и по желѣзнымъ дорогамъ количество зерноваго хлѣба простирается до $1^1/_3$ милліона четвертей, а годовой оборотъ торговли превышаетъ 250 милліоновъ рублей. Рядомъ съ Чикаго, на томъ же до сего пустынномъ прибрежьи озера Мичигана, выростаютъ будущіе его соперники: Мильвоки, Расинъ и др., отъ которыхъ другія линіи желѣзныхъ дорогъ ведутъ къ другимъ пунктамъ и пристанямъ на Миссисипи. Этими сооруженіями и усовершенствованіями открылся удобный судоходный путь въ замкнутое водопадомъ величайшее изъ озеръ свѣта, Верхнее, вслѣдствіе чего на немъ явилось пароходство, а на дикихъ и пустынныхъ его прибрежьяхъ, къ которымъ по настоящее время нѣтъ еще никакихъ сухопутныхъ сообщеній, оживилась и развилась металлическая производительность. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ прочія большія озера: Онтаріо, Эри и Гуронъ, чрезвычайно оживились усилившимся на нихъ пароходствомъ и судоходствомъ, а расположенные на ихъ прибрежьяхъ города: Торонто, Буффало, Кливелэндъ, Детруа и др., сдѣлались морскими портами и многіе достигли стотысячнаго населенія.

Чтобы осязательнѣе изобразить важность открытія подобнаго во-

дянаго сообщенія, надобно представить наши водяные пути доведенными до такого совершенства, что морскія суда уже не должны останавливаться въ Кронштадтѣ, а могутъ безпрепятственно проходить по водянымъ системамъ въ Казань, Пермь и Саратовъ, тамъ нагружаться хлѣбомъ и слѣдовать обратно въ Англію безъ перегрузки. Впрочемъ подобными блестящими результатами американцы не удовлетворяются: Торонто, столица верхней Канады, лежащая на берегу озера Онтаріо, пользуясь своимъ сосѣдствомъ черезъ узкій перешеекъ съ озеромъ Гуронъ, домогается соединиться съ нимъ судоходнымъ каналомъ, который, минуя все озеро Эри и обходный каналъ чрезъ Ніагару, значительно сократитъ водяной путь къ верхнимъ озерамъ, чрезъ что привлечетъ къ Торонто наибольшую часть озернаго судоходства и сдѣлаетъ его портомъ, который обойти и миновать будетъ невыгодно.

Кромѣ такого главнаго пути, четыре верхнія озера, раздѣленныя отъ нижняго озера Онтаріо Ніагарскимъ водопадомъ, имѣютъ свой особый истокъ къ морю,—большой каналъ, ведущій отъ Буффало, изъ озера Эри, къ рѣкѣ Гудсонъ и по ней къ Нью-Іорку.—Чтобы судить о громадности этого сооруженія, достаточно привести, что длина его почти равна разстоянію отъ Москвы до Петербурга, и что постройка его равнялась стоимости желѣзной дороги, проведенной по берегамъ его, на всемъ протяженіи отъ Буффало до Ольбани на р. Гудсонъ. Питсбургъ и другіе города на верховьяхъ рѣки Огейо, хотя и соединены непрерывными желѣзными дорогами съ Балтиморой, Филадельфіей и другими портами Атлантическаго океана,—но это не мѣшаетъ существованію водянаго сообщенія рѣки Огейо съ тѣмъ же океаномъ, посредствомъ канала чрезъ высокій хребетъ Аллегановъ. Небольшія озера, напр. Шамплень, и нхъ порожистые истоки также не остались безъ расчистки, канализаціи и преобразованія въ судоходные пути; чрезъ это возникло нѣсколько отдѣльныхъ линій желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ къ берегамъ этихъ озеръ и къ различнымъ пунктамъ этого судоходнаго пути. Такое взаимное соотношеніе водяныхъ путей съ желѣзными дозволяетъ перевозить быстро и дешево всѣ малоцѣнные и громоздкіе грузы, частію по водянымъ сообщеніямъ на пароходахъ и баркахъ, а въ мѣстахъ неудобныхъ или невыгодныхъ — по желѣзнымъ дорогамъ. Такой смѣшанный способъ перевозки по дешевизнѣ своей весьма распространенъ въ Америкѣ.

На материкѣ Стараго Свѣта территорія Россійской Имперіи богаче всѣхъ прочихъ надѣлена естественными водяными путями, раскинувшимися почти сплошною и непрерывною сѣтью отъ морей Балтійскаго и Сѣвернаго до Чернаго, Азовскаго, Каспійскаго и до Тихаго океана. И у насъ есть своя,—также величайшая въ старомъ

свѣтѣ,—система большихъ озеръ, на устьѣ которой раскинулась столица Русскаго государства, и у насъ есть много рѣкъ, мало уступающихъ своимъ протяженіемъ и многоводностью громадной Миссисипи, Огейо, Делаверу, Гудсону и пр. Въ остальной Европѣ только Дунай и Рейнъ могутъ выдержать нѣкоторое сравненіе съ громадными русскими рѣками, тогда какъ прочія, напр. французскія и прусскія рѣки, представляются не больше, чѣмъ второстепенные притоки и развѣтвленія нашихъ обширныхъ рѣчныхъ системъ. Но не смотря на то, Франція напр. вся изрѣзана каналами, внутреннее ея судоходство приводитъ въ обращеніе значительные капиталы и питаетъ тысячи народа; тогда какъ у насъ судоходное движеніе хотя и весьма значительно, но лишь по главнымъ рѣкамъ и судоходнымъ системамъ, а большая часть второстепенныхъ рѣкъ и побочныхъ притоковъ оставлены безъ вниманія, засорены и испорчены до такой степени, что постепенно становятся (а многія уже и сдѣлались) не судоходными. Ока, Сура, Мокша и другіе притоки Волги, также какъ и Донъ, Хоперъ, Донецъ, Днѣстръ и проч., были прежде рѣками вполнѣ судоходными; въ Воронежѣ когда-то строились корабли, спускавшіеся по рѣкамъ Воронежу и Дону въ Азовское море; теперь, съ развитіемъ культуры, съ истребленіемъ лѣсовъ и безъ надлежащей расчистки и поддержки, многія изъ нихъ сдѣлались едва проходимы даже и для весьма легкихъ, плоскодонныхъ судовъ и пароходовъ, а многія изъ прежнихъ судоходныхъ обратились лишь въ сплавные въ одинъ путь (по теченію), во время весенняго половодья. Впрочемъ подобный переворотъ испытали почти всѣ рѣки Западной Европы, гдѣ во время приняли дѣятельныя мѣры къ очищенію и улучшенію обмелѣвшихъ рѣкъ, къ шлюзованію и соединенію ихъ каналами, одним словомъ, къ разнообразному отстраненію вреда, нанесеннаго истребленіемъ лѣсовъ, осушеніемъ болотъ, усиленіемъ ирригаціи и вообще развитіемъ культуры. Наибольшая часть нашихъ рѣкъ стоятъ на подобной же очереди.

Существуетъ мнѣніе, что такъ какъ наши воды замерзаютъ въ продолженіи полугода, то не стоитъ обращать большое вниманіе и дѣлать значительныя издержки на улучшеніе нашихъ водяныхъ сообщеній, а прямо приступить къ замѣнѣ ихъ желѣзными дорогами. Подобное предположеніе совершенно неосновательно и опровергается тѣмъ, что во 1-хъ, воды замерзаютъ напр. и въ Швеціи и Финляндіи, но это обстоятельство, не смотря на скудость средствъ въ этихъ сѣверныхъ странахъ, не помѣшало затратить значительные капиталы на устройство огромнаго Готскаго и Саймскаго каналовъ; кромѣ того, навигація на верхней Миссисипи, на Большихъ Озерахъ и вообще на водахъ Канады и сѣверной части Соединенныхъ Штатовъ точно

также прекращается до 4-хъ мѣсяцевъ въ году; во 2-хъ, для Россіи, страны по преимуществу земледѣльческой, собирающей наибольшую массу своихъ произведеній только по одному разу въ годъ, шестимѣсячный срокъ навигаціи весьма достаточенъ, чтобы успѣть перевезти свои продукты къ морскимъ портамъ, лишь бы существующія водяныя сообщенія находились въ исправномъ состояніи, способномъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ судоходства и пароходства во весь періодъ навигаціи; въ 3-хъ, капиталы, затрачиваемые на учрежденіе и улучшеніе водяныхъ путей, представляютъ обыкновенно лишь малую часть тѣхъ издержекъ, которыя требуются на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ; въ 4-хъ, водяныя сообщенія не составляютъ путей привилегированныхъ, подобно желѣзнымъ дорогамъ, а по самому существу своему доступны всякому роду промышленности, всѣмъ классамъ, капиталамъ и состояніямъ,—слѣдовательно на меньшій сравнительно съ желѣзными дорогами капиталъ водяные пути даютъ занятіе и промыслъ наибольшей массѣ народа и разливаютъ благосостояніе въ большей массѣ народонаселенія; въ 5-хъ, безъ улучшенія водяныхъ путей полное развитіе желѣзныхъ дорогъ невозможно, перевозка же по нимъ малоцѣнныхъ продуктовъ становится на длинныхъ разстояніяхъ недоступна, а потому въ этомъ отношеніи водяные пути не могутъ быть замѣнимы никакими другими искусственными сообщеніями (*).

Видѣвшему судоходное движеніе напр. на нашей Волгѣ, становится понятнымъ, что замѣнить подобный путь и доставить работу и промыслъ такой массѣ народа не въ состояніи будутъ и нѣсколько линій желѣзныхъ дорогъ, проведенныхъ даже и въ параллельныхъ ей направленіяхъ.

До настоящаго времени, всѣ наши искусственные водяные пути учреждались и улучшались преимущественно въ сѣверной части им-

---

(*) Изъ замѣтокъ г. Журавскаго о торговлѣ пшеницею въ Америкѣ видно, что при параллельныхъ водяныхъ путяхъ съ желѣзными, наибольшая масса хлѣба на длинныхъ разстояніяхъ всегда перевозится по первымъ изъ нихъ, а по желѣзнымъ отправляется преимущественно зимою. Такъ перевозка отъ Чикаго до Нью-Іорка въ 1858—1859 г. обходилась: пшеницы въ зернѣ по водяному пути, длиною около 2200 вер., по 1 р. 26 к. съ четверти, а по желѣзной дорогѣ, длиной около 1450 верстъ, почти въ 4 раза дороже;—муки около 15 к. съ пуда по водѣ и до 27 коп. съ пуда по желѣзной дорогѣ. При таковыхъ условіяхъ водянымъ путемъ слѣдуетъ почти все отправляемое изъ Чикаго количество пшеницы въ зернѣ, и только 1/36 часть идетъ по желѣзнымъ дорогамъ и то не въ Нью-Іоркъ. Грузы доставляются изъ Чикаго до Нью-Іорка водянымъ путемъ на пароходѣ къ Буффало, а далѣе по каналу въ 14 дней, а по желѣзнымъ дорогамъ въ 4 дня. Журн. Пут. Сообщ. 1861 г. Т. XXXIV. Замѣтки о торг. пшеницей, ст. 7, 8 и 9.

періи, осуществляя первоначальную цѣль Петра Великаго—соединеніе Петербурга съ хлѣбородными приволжскими провинціями. Въ западныхъ губерніяхъ также пролегаютъ три искусственныя водяныя системы между бассейнами Днѣпра, Западной Двины и Вислы, которыя по географіямъ соединяютъ Черное море съ Балтійскимъ, но по которымъ въ дѣйствительности ничто *не проходитъ* ни къ Черному морю, ни съ Чернаго моря къ Балтійскому. Развитіе водяныхъ сообщеній на сѣверѣ перешло даже за предѣлы существенной въ нихъ потребности, потому что напр. Сѣверо-Екатерининскій каналъ, соединявшій Каму съ Сѣверной Двиною, чрезъ 15 лѣтъ существованія (*), пришлось закрыть за его безполезностью; каналъ герцога Александра Виртембергскаго, между Сѣверной Двиной и Волгой, такъ мало приноситъ пользы судоходству, что едва ли оправдываетъ употребленныя на него затраты, а каналъ *Московскій*, послѣ 18-ти лѣтняго производства работъ, закрытъ ранѣе своего окончанія (**). Нельзя не пожалѣть, что капиталы, затраченные на эти сооруженія, не были употреблены на болѣе насущныя улучшенія водяныхъ сообщеній тамъ, гдѣ судоходство ощущаетъ дѣйствительную потребность въ нихъ.

Великій преобразователь Россіи, связывая Волгу со вновь основанною имъ столицею на устьяхъ Невы, не забывалъ въ тоже время и остальныхъ частей государства, еще болѣе нуждавшихся въ водяныхъ сообщеніяхъ. Предполагая покрыть всю Россію сѣтью каналовъ и судоходныхъ путей, онъ оставилъ по себѣ слѣды работъ Ивановскаго канала, между бассейнами Оки и Дона, заложеннаго около 1702 г. и въ 1707 г. уже открытаго, и Камышинскаго, долженствовавшаго соединить Волгу съ Дономъ и начатаго въ 1697 году. Этими двумя путями Петръ предназначалъ Югу Россіи ту великую будущность, которую онъ долженъ былъ имѣть по своему географическому положенію и которой къ сожалѣнію не достигъ и по настоящее время. Съ кончиной Петра умерли и эти проэкты: къ нимъ хотя и возвращались нѣсколько разъ въ періодъ между 1802 и 1839 годами (***), но Югъ постоянно оставался безъ водяныхъ и безъ всякихъ другихъ улучшенныхъ сообщеній. Въ то время, когда существовали уже шоссейныя дороги отъ столицъ въ Варшаву, Кіевъ, Нижній,

---

(*) Начатъ въ 1786 г., оконченъ въ 1822 г., закрытъ въ 1837 г., обошелся до 700,000 р. ассигн. (Журн. Пут. Сообщ. 1861 г. т. XXXIV. Отд. II, стр. 42).

(**) Начатъ въ 1826 г., закрытъ въ 1844 г., обошелся въ 2,504,902 р. 59 коп. (Журн. Пут. Сообщ. 1860 г. т. XXXI смѣсь стр. 26).

(***) Журн. Пут. Сообщ. 1861 г. т. XXXIV отд. II, стр. 18—33, и т. XLII 1864 г. Неоф. Отд. стр. 82.

Харьковъ, когда даже и въ отдаленной и пустынной Сибири явились устроенныя земствомъ шоссированныя дороги (*), на Югѣ Россіи даже и простое шоссе не успѣло дотянуться ни до Одессы, ни до Крыма, ни до другихъ пунктовъ Черноморскаго прибрежья.

Ежегодныя улучшенія волжско-невскихъ искусственныхъ водяныхъ системъ, сооруженіе запасныхъ въ верховьяхъ Волги, Шексны и др. водохранилищъ, проведеніе новаго Ладожскаго канала, уширеніе и очистка прочихъ обходныхъ каналовъ, перестройка шлюзовъ, разборка каменистыхъ пороговъ и улучшеніе прочихъ сооруженій, пароходство, развивающееся по рѣкѣ Свири, озерамъ Ладожскому, Онежскому и ихъ притокамъ, всѣ подобные факты даютъ полное право надѣяться, что эти водяныя системы вскорѣ займутъ почетное мѣсто въ ряду подобныхъ же сооруженій другихъ государствъ. Столь обширныя усовершенствованія заставляютъ предполагать, что русская система Большихъ Озеръ получитъ наконецъ то важное значеніе, которое предназначено ей самою природою; что съ расчисткою устьевъ Невы, съ разборкою пороговъ на Свири, съ урегулированіемъ прочихъ рѣкъ и т. п., небольшія морскія суда, подобно какъ въ Америкѣ, получатъ возможность проникать безъ перегрузки во внутрь нашихъ Большихъ Озеръ, чрезъ что въ Вытегрѣ, Петрозаводскѣ, Вознесеньи и на другихъ пунктахъ ихъ прибрежьевъ могутъ возникнуть своего рода Чикаго, Мильвоки, Буффало и проч., и что при этомъ мореходный путь, можетъ быть, продолжится до Бѣлаго моря, къ канализаціи котораго съ Онежскимъ озеромъ существуетъ нѣсколько возможныхъ линій и проэктовъ. Сознавая всю пользу и важность столь утѣшительныхъ ожиданій, нельзя не вспомнить, что ни одно изъ подобныхъ улучшеній не касается нашего Юга, потому что даже въ наше время всеобщихъ проэктовъ не слышится никакихъ предположеній къ радикальному улучшенію водяныхъ путей къ морямъ Черному и Азовскому.

Не отвергая насущной потребности столь нетерпѣливо ожидаемыхъ южныхъ желѣзныхъ дорогъ, нельзя въ то же время не признать, что главное оживленіе и усиленіе нашей южной торговли можетъ возникнуть лишь по улучшеніи судоходнаго состоянія рѣкъ Днѣстра, Буга, Днѣпра, Дона, Хопра и другихъ донскихъ протоковъ, а главное по обходѣ Днѣпровскихъ пороговъ надежными каналами. Удобный сплавъ по теченію Днѣстра, по дешевизнѣ своей, всегда будетъ привлекать къ Одессѣ значительныя массы хлѣба изъ Галиціи, Буковины, Подольской губерніи и Бессарабіи, предпочтительнѣе предъ молдавскими желѣзными дорогами къ Галацу, особенно когда низовье

(*) Чрезъ Енисейскую губернію.

Днѣстра будетъ соединено съ одессимъ портомъ судоходнымъ каналомъ (*). — Днѣстръ былъ одно время признанъ судоходнымъ, и на немъ русское Общество пароходства и торговли предполагало учредить пароходство, — о результатахъ котораго ничего неизвѣстно, — между тѣмъ какъ на другихъ рѣкахъ, напр. на Прутѣ, считавшихся у насъ не судоходными, съ переходомъ ихъ въ составъ другаго государства открылось пароходство, безъ всякихъ предварительныхъ усовершенствованій и сооруженій. Точно также расчистка и улучшеніе рѣкъ Буга, Ингула, и учрежденіе по нимъ пароходства даже и безъ пособія желѣзныхъ путей можетъ направить къ Николаеву и Одессѣ значительныя массы хлѣба Подольской и Херсонской губерніи.—При этомъ нѣтъ нужды доказывать, что учрежденіе удобнаго судоходнаго пути чрезъ днѣпровскіе пороги, не можетъ быть замѣнено никакою желѣзною дорогою. — Рѣка эта, текущая съ сѣвера на югъ болѣе 1500 верстъ, имѣетъ для западной Россіи, такое же, — и едва ли не важнѣйшее значеніе, — какъ Волга для восточной половины. Но до настоящаго времени рѣка эта не существуетъ для торговли, будучи прорѣзана въ нижней части порогами, раздѣлившими ее вмѣстѣ съ прилегающими губерніями на двѣ отдѣльныя части, водное сообщеніе между которыми возможно только въ одинъ путь во время весенняго сплава по теченію. Всѣ работы, производившіяся съ прошлаго столѣтія для улучшенія порожистой части Днѣпра, можно назвать лишь одними неоконченными попытками безъ связи, безъ общаго плана дѣйствій (*): такъ напр. въ царствованіе Екатерины II, — главнѣйшій изъ пороговъ, Ненасытецкій, былъ обойденъ шлюзнымъ каналомъ, развалины котораго существуютъ и по нынѣ; въ началѣ нынѣшняго столѣтія взрывались камни въ весеннемъ ходу нѣкоторыхъ пороговъ, отсыпались тамъ же изъ камня струенаправляющія плотины,—отъ которыхъ впрочемъ нынѣ и слѣдовъ не осталось; наконецъ въ послѣднее двадцатилѣтіе устроены открытые каналы изъ накиднаго камня въ самомъ руслѣ пороговъ для меженняго сплава. Работы эти, стоившія болѣе $4^1/_2$ милл. руб., кромѣ взрыва опасныхъ камней, облегчившихъ нѣсколько весенній сплавъ, не принесли однако же существенной пользы судоходству, и въ настоящее время, кромѣ исполненной уже расчистки болѣе опасныхъ камней на весеннемъ ходѣ, предполагается еще произвести улучшеніе

(*) Устройство особаго морскаго порта при устьѣ Днѣстра, по мелководью его лимана, неудобно и обошлось бы вѣроятно дороже проведенія судоходнаго канала отъ низовья Днѣстра къ Одесскому порту, который одновременно съ тѣмъ могъ бы служить водоснабженіемъ города Одессы.

(*) Журн. Пут. Сооб. 1863 г. т. XXXIX о необходимости улучшенія судоходства въ порогахъ Днѣпра.

сплава для среднихъ и меженнихъ водъ по вновь проложеннымъ каналамъ, усилить расчистку новаго хода и удлиннить стѣны каналовъ,—на каковыя работы потребуется снова до 1 милл. руб. (*).

Предположенныя работы впрочемъ не откроютъ пути для взводнаго судоходства и пароходства въ порожистой части Днѣпра. Улучшенія эти облегчатъ лишь сплавъ судовъ внизъ по теченію, а пароходство можетъ возникнуть лишь товарное, весьма медленное, туерное, по положенной вдоль фарватера цѣпи. Для учрежденія безостановочнаго и правильнаго пароходства предстоитъ только одно средство: обойти всѣ пороги шлюзными каналами, какъ обойдены рапиды напр. св. Лаврентія, по которымъ даже и большіе суда и пароходы могли бы двигаться вверхъ и внизъ безпрепятственно. Постройка подобныхъ каналовъ можетъ быть выполнена въ 10 лѣтъ и потребуетъ до $3^1/_2$, а съ улучшеніемъ прочей части Днѣпра до 5 милл. руб. Такимъ образомъ затрачивая на улучшеніе сплавнаго пути еще 1 милл., сумма сдѣланныхъ на расчистку пороговъ издержекъ возрастаетъ до $5^1/_2$ милл., на которую уже давно бы было возможно обойти всѣ пороги солидными шлюзными каналами, — если бы съ самаго начала взялись за выполненіе этого единственно надежнаго проэкта, не увлекаясь различными второстепенными и по видимому дешевыми предложеніями, въ результатѣ оказавшимися слабыми полумѣрами. Прошлыя ошибки должны по крайней мѣрѣ послужить полезнымъ урокомъ въ будущемъ, и потому хотя сумма отъ $3^1/_2$ до 5 милл. руб. можетъ показаться значительною, но предстоящая затрата ея совершенно необходима въ виду тѣхъ громадныхъ послѣдствій, которыя обнаружатся для западной половины Россіи и нашей южной торговли отъ безпрепятственнаго и правильнаго пароходства и судоходства по всему теченію Днѣпра.

Расчистка устьевъ Дона и приведеніе русла его въ постоянно судоходное состояніе на долго бы устранило необходимость въ предполагаемой желѣзной дорогѣ отъ Царицына къ Ростову или Таганрогу. Исполненіе же мысли Петра Великаго о канализаціи Дона съ Волгой придало бы главной изъ русскихъ рѣкъ новое устье къ открытому морю, чрезъ которое громадныя массы произведеній восточной половины европейской Россіи и западной части Сибири, направились бы естественнымъ и дешевымъ сплавомъ по теченію къ Азовскому морю. Камышинская линія начатаго при Петрѣ соединительнаго между Волгою и Дономъ канала была подробно изслѣдована въ 1824 и послѣдующіе годы особо командированнымъ инженеромъ Крафтомъ, который доказалъ совершенную возможность

(*) Тамъ же.

въ техническомъ отношеніи устройства и существованія удобнаго соединительнаго канала отъ Камышенки къ р. Иловлѣ (притоку Дона).—По представленному имъ въ 1831 году окончательному проэкту, стоимость канала исчислялась до 26 милл. руб. (*), — на которые въ настоящее время конечно было бы возможно устроить непрерывную желѣзную дорогу отъ Царицына или Калача до Таганрога (до 400 вер.). Поэтому дороговизна сооруженія къ сожалѣнію вѣроятно на долго еще будетъ служить препятствіемъ къ канализаціи Волги съ Дономъ, хотя соединеніе это представляетъ для Россіи важность, едва ли не превосходящую значеніе суэзскаго канала, причемъ трудно было бы даже и приблизительно предвидѣть тѣ громадныя и великія послѣдствія, которыя подобный каналъ могъ бы доставить нашей южной торговлѣ.

Такимъ образомъ на ряду съ возникшими предположеніями южныхъ желѣзныхъ дорогъ стоятъ вопросы равносильной важности объ улучшеніи нашихъ южныхъ водяныхъ сообщеній, изъ которыхъ обходъ днѣпровскихъ пороговъ шлюзными каналами и расчистка устьевъ Днѣпра, а равно устьевъ и русла Дона относятся къ числу задачъ первостепенныхъ, а на второй планъ отодвигаются предположенія объ улучшеніи судоходнаго состоянія рѣкъ Днѣстра, Буга, верхняго Дона, отъ Воронежа до Калача, и его притоковъ, Сѣвернаго Донца, Хопра и Медвѣдицы. Обходъ днѣпровскихъ пороговъ и улучшеніе его русла требуетъ до 5 милліоновъ рублей; если подобная же сумма потребуется на улучшеніе судоходнаго состоянія прочихъ южныхъ рѣкъ: Дона съ притоками, Днѣстра, Буга и проч., то окажется, что нужнѣйшія и существеннѣйшія улучшенія южныхъ водяныхъ путей потребуютъ до 10 милліоновъ рублей и около 10 лѣтъ времени. Построенные на этотъ капиталъ до 200 верстъ желѣзныхъ дорогъ (**) никогда не могутъ придать южной торговлѣ такого значительнаго оживленія и усиленія, какъ улучшеніе упомянутыхъ водяныхъ путей. Нужно принять во вниманіе, что продукты при-волжскихъ губерній при доставкѣ къ Балтійскимъ портамъ должны тянуться вверхъ по Волгѣ противъ теченія, бичевою или на буксирѣ, далѣе перегружаться въ мелкія суда и слѣдовать медленными путями по каналамъ и искусственнымъ сооруженіямъ, тогда какъ съ обходомъ днѣпровскихъ пороговъ и улучшеніемъ прочихъ южныхъ

(*) По этому проэкту длина всей канализаціи полагалась въ 135 верстъ, съ 50 камерными шлюзами, съ запасными водохранилищами, доставляющими болѣе 22 милл. куб. саж. воды, дающихъ возможность переправить каналомъ 3895 судовъ при нагрузкѣ 6000 пуд. каждое. (Журн. Пут. Сообщ. 1864 года т. XLII, о соединеніи Волги съ Дономъ стр. 97).

(**) Считая до 50,000 руб. на версту.

рѣкъ, огромныя массы громоздкихъ и малоцѣнныхъ произведеній тринадцати богатѣйшихъ губерній отъ Смоленска до Воронежа (*), равно и Галиціи, въ состояніи будутъ выдерживать сравнительно скорую и дешевую доставку къ морю, естественнымъ водянымъ сплавомъ по теченію рѣкъ, безъ всякихъ перегрузокъ и замедленій. Дешевизна и удобство подобнаго способа доставки конечно не можетъ быть замѣнена никакими желѣзными дорогами, особенно съ устройствомъ въ Таганрогѣ, Одессѣ, удобныхъ гаваней св соединеніемъ ихъ съ низовьями Дона, Днѣстра и Днѣпра (**) судоходными каналами, по которымъ рѣчныя суда могли бы безостановочно подходить для перегрузки къ портовымъ магазинамъ или къ бортамъ мореходныхъ судовъ.

СѢТЬ РУССКИХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

Сдѣланный обзоръ показываетъ, что желѣзныя дороги только тогда могутъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ торговли и приносить наибольшій доходъ, когда онѣ находятся въ тѣсной связи съ существующими водяными сообщеніями. Взаимная зависимость тѣхъ и другихъ всего рельефнѣе высказывается при разсмотрѣніи сѣти сообщеній сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ Соединенныхъ Штатовъ, по которымъ преимущественно перевозится наибольшая масса хлѣба съ далекаго запада къ портамъ Атлантическаго океана. При этомъ нельзя не убѣдиться, что направленія, развѣтвленія и степень достоинства существующихъ водяныхъ путей служатъ основаніями и опредѣляютъ начертанія для возникающихъ окрестъ ихъ линій желѣзныхъ дорогъ. Такъ наприм. многія дороги Соединенныхъ Штатовъ существуютъ въ видѣ отдѣльныхъ линій, какъ кратчайшая связь между двумя озерами, или рѣчными бассейнами, по которымъ дальнѣйшее сообщеніе производится пароходами (***); нѣкоторыя представляютъ собою какъ бы продолженіе судоходной части рѣки до берега моря (****). Напр. между Бостономъ и Нью-Іоркомъ, не смотря на паралельныя линіи желѣз-

---

(*) Смоленская, Могилевская, Минская, Черниговская, Кіевская, Подольская, Бессарабская, Херсонская, Полтавская, Екатеринославская, Воронежская, Саратовская и Земля Войска Донскаго.

(**) Или съ открытіемъ порта въ устьѣ Днѣпра при Очаковѣ, подробности о чемъ см. корреспонденцію г. Кукольника изъ Одессы, въ «Голосѣ» № 207 1865 года.

(***) Какъ и у насъ волго-донская дорога и предполагаемая тюменско-пермская.

(****) Какъ наша одесско-парканская дорога и предполагаемыя: пинско-бѣлостокская, рыбинско-петербургская и проч.

ныхъ дорогъ, имѣется еще особое сообщеніе частію по короткой желѣзной дорогѣ, а частію по морскому проливу на пароходѣ. Точно также, не смотря на непрерывный желѣзный путь между Нью-Іорркомъ и Монреалемъ, существуетъ болѣе дешевое, хотя и не столь быстрое сообщеніе пароходами по рѣкѣ Гудсону и озеру Шамплэнь, съ пособіемъ промежуточныхъ желѣзныхъ дорогъ, связывающихъ эти водяные пути между собою и съ рѣкою св. Лаврентія у Монреаля. Подобныхъ примѣровъ можно въ Америкѣ насчитать множество.

Изъ всего этого становится яснымъ, что при изслѣдованіи сѣти желѣзныхъ дорогъ, надобно принять въ основаніе всѣхъ разсужденій слѣдующее непреложное правило: *начертанія желѣзныхъ дорогъ должны зависѣть отъ существующихъ въ странѣ водяныхъ путей и должны быть согласованы съ направленіемъ послѣднихъ.*

Европейская Россія прорѣзана водяными путями, направляющимися преимущественно съ сѣвера на югъ, обусловливаемыми положеніемъ ея морей и текущихъ въ нихъ рѣкъ. Изъ нихъ для восточной половины Россіи—волжскій путь, а для западной—днѣпровскій, развѣтвляющійся на сѣверѣ къ Двинѣ и Вислѣ, служатъ главными артеріями для доставки нашихъ продуктовъ къ морямъ, и слѣдовательно для движенія нашей отпускной торговли. Большое протяженіе, несовершенства, а вслѣдствіе того медленность, не рѣдко и дороговизна этихъ путей, подали мысль къ улучшеніямъ ихъ посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, которыя могли бы мѣстами упрочить, удешевить и ускорить доставку по водянымъ путямъ. Вотъ естественная причина, почему съ самаго начала всѣ проэкты нашихъ дорогъ направлялись и до сего времени направляются съ сѣвера на югъ, стремясь къ улучшенію и ускоренію способовъ сношеній между тѣми же морями Балтійскимъ и Чернымъ, которыя издавна уже были связаны водяными сообщеніями. Первая наша дорога—Николаевская, хотя и не имѣла главной цѣли улучшить водяныя сообщенія къ Петербургу, но все-таки дала возможность ускорить судоходное движеніе по вышневолоцкой системѣ отъ Твери и Волочка до Петербурга. Продолженіе ея до Коломны оживило сношенія съ бассейномъ Оки, точно также Одесско-Балтская дорога, достигнувъ Кіева, неминуемо улучшитъ, ускоритъ и усилитъ судоходное движеніе по Днѣстру, Саратовская дорога послужитъ такимъ же сокращеніемъ и ускореніемъ волжскаго водяного пути.

1. НИКОЛАЕВСКАЯ ДОРОГА.

При постройкѣ петербургско-московской желѣзной дороги общія ожиданія были тѣ, что въ Петербургѣ все подешевѣетъ, Москва будетъ сбывать въ Петербургъ многіе предметы продовольствія,

доставка хлѣба съ Волги къ Петербургу ускорится и облегчится, обороты отпускной торговли сдѣлаются правильнѣе и значительнѣе и т.п. Дорога открылась и существуетъ уже 15 лѣтъ: въ Петербургѣ ничто не подешевѣло, за то въ Москвѣ жизнь сдѣлалась дороже. Доставка хлѣба нисколько не облегчилась и не улучшилась, потому что дороговизна провоза и многія формальности дѣлали перевозку его по желѣзной дорогѣ доступною лишь при случайномъ повышеніи цѣнъ въ Петербургѣ, при маловодіи каналовъ и тому подобныхъ случайныхъ обстоятельствахъ. Главная (если не вся) масса хлѣба и другихъ громоздкихъ продуктовъ, доставляемыхъ къ Петербургу, и въ послѣдніе 15 лѣтъ продолжала по прежнему идти съ боку желѣзной дороги, по медленнымъ и затруднительнымъ водянымъ сообщеніямъ и только незначительная, сравнительно съ общимъ количествомъ, часть ихъ пересылалась по желѣзной дорогѣ. Черезъ это обороты петербургскаго порта нисколько не улучшились и не увеличились, если только вслѣдствіе общаго застоя не сдѣлались еще хуже прежнихъ.

Причины этого истекаютъ прямо изъ направленія дороги. Прямое и быстрое сообщеніе между столицами было поставлено, какъ видно, главнымъ условіемъ, почему дорогѣ было придано направленіе замѣчательно прямолинейное, пересѣкающее въ сѣверной половинѣ мѣстности малонаселенныя, болотистыя, лѣсныя, оставляя въ сторонѣ близъ-лежащіе значительные города и водяныя сообщенія и захватывая только тѣ пункты, какіе встрѣтились на этой прямой линіи. Столицы были въ то время уже связаны превосходнымъ шоссе и тремя лучшими въ Россіи водяными собщеніями; поэтому нельзя не согласиться съ раздававшимся въ сороковыхъ годахъ мнѣніемъ, что въ видахъ торговыхъ, политическихъ и стратегическихъ было бы несравненно выгоднѣе—капиталъ, затраченный на Николаевскую дорогу, употребить на постройку южныхъ дорогъ отъ Москвы къ Одессѣ, Ѳеодосіи или Севастополю и вообще къ черноморскому прибрежью. Се меньшею роскошью и большей экономіей въ постройкѣ на 80 или 120 милліоновъ рублей, которые, *какъ слышно*, затрачены на Николаевскую желѣзную дорогу, вѣроятно можно было бы построить дорогу вдвое или даже и втрое длиннѣйшую, потому что новѣйшія русскія дороги обходятся отъ 50 до 80 тысячъ рублей за версту (*).

Оставляя въ сторонѣ эти, къ сожалѣнію весьма позднія, разсужденія, замѣтимъ, что если первая изъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ

(*) Такимъ образомъ вся непрерывная линія отъ Петербурга чрезъ Москву до Севастополя длиною до 2,000 верстъ должна обойтись отъ 100 до 160, — среднее до 130 милліоновъ рублей.

неминуемо не могла быть никакая иная, какъ между столицами, то удовлетворяя главной цѣли, она въ тоже время могла бы приносить гораздо большую пользу торговлѣ, если бы направленіе ея было согдашено съ существующими водяными сообщеніями. Напримѣръ, если бы дорога отъ Петербурга до Москвы захватывала Новгородъ, Рыбинскъ, даже и Ярославль, то хотя длина ея и увеличилась бы противъ настоящей на 200 верстъ, но за то она сдѣлалась бы главной артеріей всей волжской торговли, перерѣзывала бы діагонально всѣ три соединительныя водяныя системы, и если бы не удешевила, то ускорила, и облегчила бы, доставку хлѣба къ петербургскому порту,—а тѣмъ оживила бы и увеличила обороты нашей отпускной торговли. Кромѣ того, она сберегла бы суммы, требующіяся на постройку московско-ярославской дороги;—связывая Москву съ ближайшей къ ней волжской пристанью въ Ярославлѣ (250 верстъ), она надолго бы отстранила потребность въ нижегородской дорогѣ, и послужила бы къ сокращенію петербурго-варшавской дороги, которая въ то время могла бы начинаться не отъ Петербурга, а у Новгорода. При меньшей роскоши въ постройкѣ, указанная линія могла бы стоить если не дешевле, то уже во всякомъ случаѣ не дороже стоимости Николаевской дороги; почтовые поѣзды при нѣкоторомъ увеличеніи принятой нынѣ скорости движенія также могли бы пробѣгать между столицами въ 20 часовъ. Излишнее протяженіе конечно сдѣлало бы провозныя цѣны между Москвой и Петербургомъ дороже существующихъ, — но тогда наибольшая масса грузовъ вѣроятно направлялась бы не между столицами, а между ними и Нижнею Волгою (*), которая по разсматриваемой желѣзной дорогѣ отстояла бы отъ С.-Петербурга не на 1000, — какъ теперь чрезъ Москву и Нижній, а около 500 верстъ (до Рыбинска), а отъ Москвы — не 410, какъ теперь чрезъ Нижній, а лишь 250 верстъ (до Рыбинска или Ярославля). При длиннѣйшемъ своемъ протяженіи дорога чрезъ Рыбинскъ приносила бы несравненно больше прибыли, чѣмъ Николаевская, потому что количество отправляемаго къ портамъ груза изъ одного Рыбинска простирается до 15 милліоновъ пудовъ и по мнѣнію г. Гагемейстера можетъ увеличиться до 50 милліоновъ (**). Кромѣ того петербурго-московская дорога, захватывая Рыбинскъ, могла не опасаться никакой конкурренціи даже и въ отдаленномъ будущемъ, тогда какъ устройство прямой линіи отъ Петербурга къ Ры-

(*) Подъ именемъ Нижней Волги разумѣется протяженіе ея отъ Рыбинска до Астрахани, доступное для плаванія большихъ судовъ и буксирныхъ пароходовъ.

(**) См. Вечер. газ. 1865 г. № 183, о Рыбинско-Петербургской желѣзной дорогѣ.

бинску и отъ послѣдняго чрезъ Ярославль къ Москвѣ или къ Нижнему не можетъ не оказать вліянія на доходность Николаевской дороги. Средство усилить эту доходность и доставить торговлѣ наибольшія выгоды посредствомъ этой дороги состоитъ въ настоящее время въ проведеніи особой вѣтви отъ ст. Бологовской къ Рыбинску и съ другой стороны въ продолженіи ея до Балтійскаго порта.

Николаевская дорога не можетъ способствовать доставкѣ хлѣба и другихъ продуктовъ отпускной торговли еще и потому, что не доходитъ до порта или гавани, а оканчивается на улицахъ обѣихъ столицъ. Недавно частная компанія связала волжскую пристань въ Твери соединительной вѣтвью съ станціей желѣзной дороги, что значительно облегчило нагрузку и подвозку хлѣба,—но въ Петербургѣ едва ли и удобно будетъ довести рельсы Николаевской дороги до набережной биржи, такъ какъ самое мѣсто петербургскаго порта еще не избрано, — и представляется несравненно выгоднѣе отправлять нагруженные вагоны по ораніенбаумской дорогѣ, удлиннивъ оную по отмели до Кронштадта и устроивъ здѣсь торговый портъ для большемѣрныхъ кораблей, которые къ Петербургу пройти не могутъ (*).

2. С.-ПЕТЕРБУРГО-ВАРШАВСКАЯ ДОРОГА.

Говорятъ, что при начертаніи общаго плана варшавской дороги, были проэктированы три направленія: отъ Петербурга, отъ Николаевской дороги черезъ Новгородъ, и отъ Москвы. Направленіе на Москву черезъ Гродненскую, Минскую, Могилевскую и Смоленскую губерніи конечно было бы самое производительное и въ торговомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ, ибо связало бы царство Польское съ кореннымъ русскимъ населеніемъ и сближало бы центральныя и приволжскія губерніи съ западной Европой. Но несмотря на это, отдано было предпочтеніе прямѣйшей линіи изъ Петербурга, которая хотя и придвинула его къ Варшавѣ, но за то отдалила отъ нея всю остальную Великороссію и значительно удлиннила сообщенія средней и восточной половины Россіи съ Европой. До настоящаго времени дорога эта весьма успѣшно содѣйствуетъ вывозу русскихъ капиталовъ за границу, усилила привозъ въ Петербургъ заграничныхъ предметовъ роскоши и весьма успѣшно содѣйствовала усмиренію польскаго мятежа. При этомъ выручая дивидендъ весьма скромный, дорога эта еще долгое время заставитъ приплачивать ежегодную гарантію за предпочтеніе Петербурга центральной Россіи.

(*) Журн. Пут. Сообщ. 1860 г. т. XXXI. Критическій обзоръ предположеній объ устройствѣ торговаго порта въ С.-Петербургѣ,—и «Голосъ» 1864 г. № 60, о доставкѣ хлѣба къ Петербургу.

3. ЮЖНАЯ ДОРОГА.

Проэкты дорогъ къ Черному морю долгое время подвергались различнымъ измѣненіямъ. Предположенная въ 1854 году черноморская дорога направлялась отъ Москвы чрезъ Тулу, Орелъ и Курскъ до Харькова, гдѣ раздѣлялась на двѣ вѣтви: чрезъ Полтаву, Кременчугъ и Елисаветградъ къ Одессѣ и чрезъ Арабатскую стрѣлку къ Өеодосіи. При передачѣ первой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ 1857 г. Главному Обществу, линія отъ Харькова на Одессу была отброшена вовсе, а вѣтвь къ Өеодосіи измѣнена, приближаясь къ Днѣпру близъ Екатеринослава и упираясь въ него у Александровска, откуда направлялась въ Крымъ чрезъ Чонгарскій мостъ на Сивашѣ, между Перекопомъ и Геническимъ проливомъ. При дарованіи въ 1863 году концессіи англійской компаніи, направленіе на Өеодосію было оставлено,—и конечнымъ черноморскимъ пунктомъ дороги былъ избранъ Севастополь. По передачѣ работъ снова въ распоряженіе правительства, крымская вѣтвь вторично была отложена, а линія къ Черному морю начата уже не отъ Севастополя или Өеодосіи, а отъ Одессы къ Балтѣ, которую въ началѣ 1865 года утверждено продолжать по старому, 10 лѣтъ тому назадъ выбранному начертанію чрезъ Елисаветградъ, Кременчугъ до Харькова, подвигая одновременно съ этимъ южную линію отъ Москвы на Тулу, Орелъ, Курскъ до Кіева, и предоставивъ позднѣйшимъ изысканіямъ опредѣлить удобнѣйшее направленіе для соединенія обѣихъ линій. Впрочемъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ средняя часть южной линіи отъ Орла черезъ Курскъ до Харькова была передана частной компаніи, съ обязательствомъ продолжить ее отъ Харькова чрезъ Бахмутъ до Таганрога и Ростова,—а вслѣдъ затѣмъ сооруженіе участка отъ Орла до Курска снова поступило въ распоряженіе правительства.

Этотъ перечень показываетъ, что вопросъ о направленіи южныхъ дорогъ, не смотря на обширную печатную о немъ полемику, еще такъ мало разработанъ, что даже и въ настоящее время представляетъ весьма много противорѣчій и разнорѣчивыхъ свѣдѣній, которыя сбиваютъ съ принятаго пути и принуждаютъ дѣлать весьма частыя измѣненія. Кажется, что главная ошибка проэктированія южныхъ дорогъ состояла въ томъ, что старались выбрать одну главнѣйшую линію, которая бы удовлетворяла насущнымъ потребностямъ всей южной Россіи и всей южной торговли. Сначала указывали на Одессу, какъ на важнѣйшій торговый портъ Чернаго моря,—далѣе стали толковать о Таганрогѣ, какъ о соперникѣ Одессы, заслуживающемъ предъ ней предпочтеніе. Потомъ явились посредники, которые, желая помирить обѣ партіи, предлагали среднюю мѣру, — оставить и

Одессу и Таганрогъ и вести дорогу по среднему и вмѣстѣ съ тѣмъ самому длинному направленію: чрезъ Крымъ на Севастополь или Өеодосію. Подобные споры встрѣчаются и не въ одной Россіи: такъ напр. Бостонъ и Нью-Іоркъ изстари враждуютъ изъ-за первенства и вопроса, который изъ нихъ главный городъ Соединенныхъ Штатовъ; такой споръ хотя и до настоящаго времени остается неоконченнымъ, но это не мѣшаетъ имъ обоимъ быть богатѣйшими средоточіями торговли и цивилизаціи, къ которымъ къ обоимъ примыкаетъ нѣсколько линій желѣзныхъ дорогъ, въ обоихъ производятся громаднѣйшіе обороты милліонной торговли, приходятъ и отходятъ тысячи кораблей, пароходовъ и вагоновъ. Точно также въ Америкѣ цѣлыя десятилѣтія разбирался вопросъ, гдѣ вести желѣзную дорогу въ Калифорнію: по сѣверной линіи, или по южной. Сѣверные штаты конечно доказывали ясно всю выгодность сѣвернаго направленія;—южные штаты ратовали за южную линію; — были точно также посредники, которые предлагали среднее направленіе между югомъ и сѣверомъ. Когда этотъ вопросъ поступилъ на сужденіе извѣстнаго Мори, то онъ нашелъ, что обѣ стороны были совершенно правы, что потребности сѣвера и юга такъ многочисленны и разнообразны, что удовлетворить имъ возможно только двумя линіями дорогъ: сѣверной и южной,—и что всего менѣе можно согласить ихъ проведеніемъ средней дороги, которая не могла бы вполнѣ удовлетворить ни той, ни другой стороны.

Точно въ такомъ же видѣ представляется и вопросъ южныхъ желѣзныхъ дрогъ, направленія которыхъ опредѣлятся сами собою, если прослѣдить связь ихъ съ существующими водяными сообщеніями. Южная Россія, прилегающая къ Черному и Азовскому морямъ, растянута на нѣсколько сотъ верстъ, почему она и не могла сосредоточить избытокъ своихъ произведеній въ одномъ какомъ нибудь пунктѣ. Крымскіе порты весьма отдалены отъ районовъ производительности, почему малоцѣнные мѣстные продукты отпускной торговли по необходимости вынуждены были направиться къ ближайшимъ портамъ и тамъ искать себѣ сбыта. Изъ нихъ Одесса и Таганрогъ, удаленные одинъ отъ другаго на нѣсколько сотъ верстъ, всегда поэтому имѣли каждый свой особый районъ производительности и, нисколько не вредя одинъ торговлѣ другаго, достигли первенствущаго предъ другими портами значенія. Это не было слѣдствіемъ какихъ либо искусственныхъ мѣръ, а исходило прямо изъ ихъ выгоднаго географическаго положенія. Одесса, находясь при устьяхъ двухъ большихъ рѣкъ, Днѣстра и Днѣпра, примыкая къ хлѣбороднѣйшимъ мѣстностямъ, при прежней дешевизнѣ провоза, привлекала къ себѣ огромное количество хлѣба Херсонской и Подольской губерній,

Бессарабіи и др., не опасаясь никакой конкурренціи, потому что другаго, болѣе удобнаго порта на всемъ черноморскомъ прибрежьи отъ Дуная до Крыма не существовало (*). Таганрогъ, вдвинутый Азовскимъ моремъ въ юго-восточный уголъ европейской Россіи, составляетъ ближайшій морской портъ къ теченію Волги и къ центру внутренней южной торговли, Харькову. Кромѣ этого онъ лежитъ при устьѣ Дона, который составляетъ природный водяный путь къ руслу Волги, не доходя до нея на 60 верстъ, прорѣзанныхъ въ настоящее время желѣзною дорогою. Понятно, что при столь выгодныхъ географическихъ положеніяхъ Одесса не могла не сдѣлаться главнѣйшимъ торговымъ портомъ для юго-западнаго угла Россіи, точно также, какъ Таганрогъ для юго-восточной части, имѣя сверхъ того природные задатки сдѣлаться естественнымъ портомъ запертаго приволжскаго бассейна и портомъ, открытымъ во всѣ моря и пункты міра. Понятно также, что произведенія напр. Харьковской или Кіевской губерніи всегда предпочтутъ направиться къ ближайшимъ портамъ,—первыя къ Таганрогу (около 400 верстъ), вторыя къ Одессѣ (около 600 верстъ),—чѣмъ тянуться за 700 и болѣе верстъ къ Севастополю или Ѳеодосіи, единственно изъ уваженія къ болѣе близкому ихъ положенію къ Босфору. Конечно, даже и громадными капиталами нельзя создать ни въ Одессѣ, ни въ Таганрогѣ такой роскошно-великолѣпной гавани, какъ севастопольская, но нельзя отрицать, чтобы съ затратами, незначительными сравнительно съ стоимостью южныхъ желѣзныхъ дорогъ, нельзя было въ обоихъ этихъ пунктахъ устроить безопасныя закрытія и пристани для стоянки и выгрузки кораблей. Точно также, хотя Севастополь и Ѳеодосія дѣйствительно стоятъ ближе къ выходу изъ Чернаго моря, чѣмъ Одесса и Таганрогъ, но излишекъ перехода морскимъ путемъ относительно цѣнности провоза всегда останется ничтожнымъ въ сравненіи съ дороговизною провоза по желѣзнымъ дорогамъ, такъ что провозъ напр. изъ Харькова или Кіева по желѣзнымъ дорогамъ до 400 верстъ къ Таганрогу и до 600 верстъ къ Одессѣ, и отъ нихъ моремъ въ Константинополь, всегда будетъ стоитъ дешевле провоза по непрерывной желѣзной дорогѣ къ Севастополю или Ѳеодосіи и отъ нихъ также моремъ къ Константинополю. Вообще вѣтвь отъ Харькова къ Севастополю имѣетъ аналогическое значеніе съ линіями рижско-либавскою и петербурго-балтійскою въ томъ отношеніи, что предварительно нужно связать внутреннюю Россію съ ближайшими, хотя и неудобными портами, какъ Петербургъ и Рига на сѣверѣ, Одесса и Таганрогъ на югѣ, а впослѣдствіи уже тратить средства на

(*) Очаковъ былъ закрытъ для иностранной торговли.

продолженія желѣзныхъ дорогъ къ портамъ болѣе отдаленнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удобнѣйшимъ, какъ Балтійскій портъ и Либава на сѣверѣ, Севастополь и Ѳеодосія на югѣ.

Предпочтеніе Одессы и Таганрога Севастополю и Ѳеодосіи между прочимъ показываетъ, что цѣли торговыя, составляющія насущныя и неотложныя потребности всей Россіи и въ особенности южнаго края, въ настоящее время успѣли наконецъ одержать верхъ надъ отдаленными соображеніями стратегическими и политическими. Направленія желѣзныхъ путей къ этимъ пунктамъ опредѣляются слѣдующими соображеніями. Таганрогъ есть ближайшій морской портъ къ Нижней Волгѣ и къ Харькову, слѣдовательно требуетъ преимущественнаго сообщенія съ этими мѣстностями. Каналъ между Волгой и Дономъ исчисленъ въ 26 милл. руб., кромѣ того еще не доказано, возможно ли привести Донъ при его маловодьи въ такое улучшенное состояніе, чтобы большемѣрныя суда и пароходы, плавающіе по Нижней Волгѣ, могли беэпрепятственно спускаться по теченію Дона къ морю. Поэтому едвали не выгоднѣе и удобнѣе будетъ на означенный капиталъ продолжить существующую волго-донскую дорогу до Ростова, который въ свою очередь соединится съ Таганрогомъ. Но такъ какъ Донъ уже связанъ съ Волгою желѣзной дорогой, притомъ судоходное состояніе Дона современемъ можетъ быть до нѣкоторой степени улучшено, чрезъ что откроется довольно удобный путь отъ Нижней Волги къ Таганрогу, то на первое время придется отдать предпочтеніе дорогѣ къ Харькову, съ которымъ не можетъ существовать никакого воднаго сообщенія. Притомъ харьковско-таганрогская линія, прорѣзывая *новооткрытыя* богатѣйшія копи каменнаго угля и антрацита въ Міускомъ округѣ и Бахмутскомъ уѣздѣ, будетъ снабжать минеральнымъ топливомъ всѣ остальныя линіи южныхъ желѣзныхъ дорогъ, не исключая одесско-балтской и бессарабской, послужитъ началомъ будущей дорогѣ на Кавказъ, составляющей ея естественное и прямолинейное продолженіе, наконецъ составитъ кратчайшее продолженіе Николаевской дороги къ азовскому и черноморскому прибрежью. Вся длина ея между морями Балтійскимъ и Азовскимъ выйдетъ до 1,770, — между Москвою и Таганрогомъ до 1,165 и Харьковомъ и Таганрогомъ до 430 верстъ, съ вѣтвью въ Ростовъ до 70 верстъ (*).

Что же касается до появляющихся въ газетахъ предположеній о направленіи южной дороги вмѣсто Таганрога къ Маріуполю или

(*) «Голосъ» 1865 г. № 160. Отъ Петербурга до Москвы 604, отъ Москвы до Орла 362, отъ Орла до Курска 143, отъ Курска до Харькова 227, отъ Харькова до Бахмута 225, отъ Бахмута до Таганрога 205 и отъ Таганрога до Ростова 70 верстъ.

Бердянску (*),—то, отдавая Таганрогу преимущество предъ прочими азовскими портами, вслѣдствіе его положенія близь устьевъ Дона и сосѣдства съ нижнимъ теченіемъ Волги, нельзя не замѣтить, что оба названные порта могутъ быть связаны общею сѣтью дорогъ: Маріуполь короткою вѣтвью съ харьковско-таганрогской, а Бердянскъ съ харьковско-севастопольской линіями, особенно если въ виду такихъ соединеній найдутъ возможнымъ выгнуть нѣсколько эти главныя линіи — первую на западъ къ сторонѣ Маріуполя, вторую на востокъ къ сторонѣ Бердянска (**).

Одесса, расположенная близь устьевъ двухъ рѣкъ, Днѣстра и Днѣпра, конечно можетъ значительно увеличить обороты своей торговли съ улучшеніемъ судоходнаго состоянія этихъ рѣчныхъ системъ. Но сближаясь у Одессы, Днѣпръ и Днѣстръ, по мѣрѣ своего удаленія отъ моря, расходятся въ разныя стороны, образуя между собою весьма богатый и производительный оазисъ, занятый губерніями: Херсонскою, Подольскою, Кіевскою и Волынскою, средина котораго, какъ удаленная отъ водяныхъ путей по обѣимъ названнымъ рѣкамъ, лишена всякаго сбыта своихъ богатыхъ произведеній къ морю. Поэтому выгоднѣйшее направленіе желѣзной дороги отъ Одессы будетъ чрезъ эту производительную мѣстность, по линіи строющейся дороги отъ Одессы къ Балтѣ, продолженной вдоль Подольской губерніи, примѣрно по водораздѣлу между Днѣстромъ и Бугомъ. Близь средины Подольской губерніи, Одесская дорога раздѣлится на 2 вѣтви: западная направится въ Галицію, восточная примкнетъ къ среднему Днѣпру у Кіева, — пункта соединенія ея съ московскими дорогами. Чрезъ это по западной вѣтви учредится ближайшее сообщеніе между Одессой, Царствомъ Польскимъ и прусскими прибалтійскими портами, по которому направится къ Черному морю значительная масса хлѣба изъ западнаго края и изъ Галиціи въ ущербъ молдавскимъ дорогамъ, а восточная вѣтвь къ Кіеву, длиною около 600 верстъ, значительно сократитъ водяной путь по Днѣпру отъ Кіева до моря, учредитъ прямое сообщеніе Одессы съ Москвою и центральными губерніями, и доставитъ возможность наибольшей части Кіевской губерніи подвозить свои произведенія къ Одессѣ.

Коснувшись одесской дороги, нельзя пройти молчаніемъ современную полемику относительно различныхъ соединеній ея съ Австріею чрезъ Галицію и Буковину. Посвященныя этому разбору жур-

(*) См. «Голосъ» 1865 г. № 320, 1866 г. №№ 6 и 9 и «Вечерняя газета» 1865 г. № 179.

(**) Подробнѣе о выгодахъ желѣзной дороги отъ Харькова къ Таганрогу см. статью г. Джурича въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1863 г. и г. Кукольника въ «Голосѣ» 1865 г. №№ 143, 152, 163, 186, 205, 207 и 239.

нальныя статьи, вмѣстѣ съ большинствомъ общественнаго мнѣнія указывали на продолженіе одесско-балтской дороги чрезъ Подольскую губернію до соединенія ея съ галиційскими дорогами около Бродъ или Тарнополя, какъ на линію, представляющую для Россіи значительныя выгоды и преимущества сравнительно съ бессарабскою, одесско-черновицкою линіею, которая предлагалась довѣреннымъ строющейся львовско-черновицкой дороги и не заслужила утвержденія нашего правительства. Главнѣйшими изъ этихъ преимуществъ признавались слѣдующія:

1) Протяженіе желѣзнаго пути отъ Одессы до Львова (въ Галиціи) по подольской линіи выходитъ на 38 верстъ короче, чѣмъ по одесско-черновицкой дорогѣ (*).

2) Подольская линія въ предѣлахъ Россіи пройдетъ 527$^1/_2$ вер., а бессарабско-черновицкая лишь 462$^1/_2$, т. е. на 65 верстъ меньше (**).

3) При предположенномъ устройствѣ желѣзной дороги отъ Одессы чрезъ Балту и Станиславчикъ къ Кіеву, для соединенія со Львовомъ придется провести лишь вѣтвь отъ Станиславчика до Волочиска (на границѣ Австріи) длиною 167$^3/_4$ вер., т. е. въ половину менѣе протяженія предполагаемой г. Офенгеймомъ тираспольско-черновицкой линіи.

4) Постройка бессарабско-черновицкой дороги по затруднительности мѣстности обойдется въ 1$^1/_3$ раза дороже подольской линіи, которая на протяженіи отъ Балты до Волочиска обойдется на 9 милл. дешевле первой (***).

(*) Разстоянія по обоимъ направленіямъ будутъ слѣдующія:

1) По Подольской линіи:

Отъ Одессы до Балты.	195 вер.
» Балты до Станиславчика . .	175 »
» Станиславчика до Волочиска.	167$^1/_2$ »
» Волочиска до Львова . . .	170 »
	697$^1/_2$ вер.

2) По Одесско-Черновицкой линіи:

Отъ Балты до Тирасполя . . .	107$^1/_2$ вер.
» Тирасполя до Новоселицъ .	355 »
» Новоселицъ до Черновицъ .	28 »
» Черновицъ до Львова . . .	245 »
	735$^1/_2$ вер.
	Разность 38 вер.

(**) Отъ Одессы до Балты 185 вер., отъ Балты до Волочиска 342$^1/_2$, всего 527$^1/_2$ вер.—Отъ Одессы до Тирасполя 107$^1/_2$ вер., отъ Тирасполя до Новоселицъ 355 вер., всего 462$^1/_2$ вер.

(***) На постройку дороги отъ Тирасполя до Новоселицы, длиной 355 вер., исчислено 29.578,778 р., или по 83,320 р. на версту; на подольскую линію — отъ Балты чрезъ Станиславчикъ до Волочиска длиной 342$^1/_2$ вер.—20,434,636 р.

5) На капиталъ, потребный на сооруженіе 355 вер. одесско-черновицкой дороги, возможно построить подольскую линію до Волочиска, и съ прибавкою $2^1/_2$ милл. руб. отъ Тирасполя до Прута, по направленію къ Яссамъ, всего въ сложности 508 вер. (*).

6) Разстоянія отъ Львова до Кременчуга, Курска, Харькова и другихъ внутреннихъ пунктовъ Россіи при подольской линіи оказываются значительно короче, чѣмъ при новоселицкой. Наконецъ о соединеніи Львова съ Кіевомъ, безъ кіево-балтской линіи съ вѣтвью на Волочискъ до Львова, при одной новоселицкой линіи и рѣчи нѣтъ; тогда какъ при существованіи первой линіи отъ Львова до Кіева будетъ 590 вер. (**).

7) Пятидесятиверстное разстояніе въ обѣ стороны отъ линіи дороги, на которое обыкновенно распространяется вліяніе желѣзнаго пути, на подольской и тираспольско-ясской линіи вдвое болѣе заселено и втрое болѣе обработано, чѣмъ на линіи новоселицкой (***).

или 59,637 р. на вер.; на ясскую, отъ Тирасполя на Яссы до Прута, длиной 166 вер., 11.635,604 р., или по 70,094 р. на вер.—Сооруженіе подольской линіи выйдетъ на 9.000,000 р. дешевле новоселицкой линіи.

(*) Сооруженіе подольской и ясской линій, въ сложности *508 вер.*, потребуетъ 32.070,240 р., слѣдовательно на $2^1/_2$ милл. болѣе капитала 29.578,788 р., требующагося на постройку новоселицкой линіи, длиной *355 вер.*

(**) Разстоянія отъ Львова до Кременчуга:

по новоселицкой линіи . . 1140 вер.
» подольской линіи . . 946 » менѣе на 194 вер.

до Курска:

по новоселицкой линіи . . 1600 вер.
» подольской линіи . . 1030 » менѣе на 570 вер.

до Харькова:

по новоселицкой линіи . . 1370 вер.
» подольской линіи . . 1176 » менѣе на 194 вер.

Отъ Львова до Кіева:

по подольской линіи . . 590 вер.

(***) Населеніе на стоверстной полосѣ вдоль желѣзной дороги:

по линіи новоселицкой 750,470 душъ,—или по 2,114 д. на каждую версту протяженія дороги;
по линіи подольской 1,392,966 душъ,—или по 4,073 д. на каждую версту протяженія дороги;
по линіи Ясской . . . 417,556 душъ,—или по 2,516 д. на каждую версту протяженія дороги;

а по обѣимъ послѣднимъ 1,810,552 дес., т. е. болѣе чѣмъ вдвое населенія линіи новоселицкой.

Количество обработанныхъ земель на этой же полосѣ:

по линіи новоселицкой 472,805 дес., — или по 1,331 дес. на версту дороги;
по линіи подольской . 1,106,712 дес., — или по 3,236 дес. на версту дороги;
по линіи ясской . . . . 251,158 дес., — или по 1,513 дес. на версту дороги;
а по обѣимъ послѣднимъ 1,357,870 дес., т. е. почти въ три раза болѣе, чѣмъ на новоселицкой.

8) Количество лѣсовъ для топлива по линіи Подольской больше, чѣмъ вдвое, превышаетъ такое же количество по линіи Новоселицкой (*).

9) Количество грузовъ, дѣйствительно имѣющихся въ виду изъ мѣстныхъ произведеній и изъ предметовъ заграничной торговли, на подольской линіи болѣе, чѣмъ вдвое, превосходитъ такое же количество на новоселицкой (**).

Кромѣ того, при проведеніи тираспольско-новоселицкой линіи и безъ существованія подольской, въ Одессѣ будутъ подвозиться преимущественно произведенія Галиціи и Буковины, которыя, пользуясь удобнымъ и дешевымъ сбытомъ, будутъ подрывать цѣнность нашихъ произведеній, не имѣющихъ сбыта изъ хлѣбороднѣйшихъ Подольской и Кіевской губерній, и потому обходящихся въ Одессѣ по высокимъ цѣнамъ. Въ стратегическомъ отношеніи Подольская линія выгодна тѣмъ, что идетъ параллельно и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ австрійской границы, прикрыта отъ нея двумя рѣками: Днѣстромъ и Прутомъ и соединяясь у одной оконечности съ Яссами, у другой съ Волочискомъ, можетъ служить превосходнымъ базисомъ для движенія въ Молдавію и Австрію, особливо примыкая въ тылу къ желѣзнымъ дорогамъ изъ Кременчуга, Кіева и лежащимъ за ними губерніямъ. Очевидно, что подобныя преимущества не могутъ быть доставлены косвенною и совершенно изолированною отъ Россіи линіею тираспольско-новоселицкою, которая, по мнѣнію ея противниковъ, въ случаѣ войны способна доставить преимущество только Австріи, служа ей удобнымъ путемъ для вторженія въ Бессарабію.

Послѣ столь продолжительной, упорной и весьма оживленной журнальной полемики по этому вопросу, обставленной съ обѣихъ сторонъ весьма обильными фактами и точными числовыми данными, особенно послѣ неутвержденія правительствомъ одесско-черновицкой линіи, большинство публики едва ли не вполнѣ убѣдилось, что сооруженіе подольской линіи заслуживаетъ всякаго предпочтенія передъ первою и даже предпочтительной гарантіи правительства.

(*) Количество лѣсовъ на стоверстной полосѣ линіи составляетъ на каждую версту дороги:

по новоселицкой линіи 1,331 дес.
» подольской . . » 3,236 »
» ясской . . . . . » 1,513 »

(**) Количество грузовъ, по оффиціальнымъ таможеннымъ свѣдѣніямъ, за послѣдніе 6 лѣтъ составляетъ на версту дороги:

по новоселицкой линіи до 20,400 пудовъ.
» подольской . . » » 50,350 »
» ясской . . . . . » » 34,150 »

Но при этомъ, конечно, не настоитъ основанія отвергать и другія предположенія относительно соединенія одесской дороги съ Черновицемъ или Яссами на проэктируемой Молдавской дорогѣ, лишь бы подобныя предложенія не сопровождались требованіями несообразныхъ гарантій правительства, обыкновенно даруемыхъ другимъ болѣе важнымъ и необходимымъ желѣзнымъ дорогамъ (*).

Кромѣ одесско-балтско-кіевской дороги, въ настоящее время ведется еще особая соединительная линія отъ Балты чрезъ Кременчугъ на Харьковъ длиною до 550 верстъ. Когда при этомъ осуществится продолженіе южной дороги отъ Харькова до Севастополя или Өеодосіи, подходящее къ Екатеринославлю и Александровску, тогда линіи желѣзныхъ дорогъ будутъ касаться Днѣпра въ 4-хъ пунктахъ, именно: у Кіева, Кременчуга, Екатеринославля и Александровска, отстоящихъ другъ отъ друга на 250, 150 и 70 верстъ. Харьково-кременчуго-балтская линія прорѣзываетъ богатыя и хлѣбороднѣйшія мѣстности Малороссіи и Новороссійскаго края, не имѣющія никакихъ путей для сбыта своихъ продуктовъ; она связываетъ съ Одессой весьма важный днѣпровскій пунктъ — Кременчугъ, отстоящій отъ Одессы до 100 верстъ ближе противъ Кіева, поэтому нѣтъ причины сомнѣваться въ производительности и доходности этой линіи. Но разстоянія отъ Одессы до Москвы,—какъ по линіи балто-кіево-курской, такъ и по вѣтви балто-кременчуго-харьковской,—выходятъ почти равныя (до 1,500 верстъ) и притомъ обѣ линіи отъ 150 до 180 верстъ одна отъ другой (**), почему является сомнѣніе, дѣйствительно ли обѣ эти линіи такъ необходимы, чтобы при нашей бѣдности въ желѣзныхъ дорогахъ и въ потребныхъ на сооруженіе ихъ капиталахъ, настояла крайняя нужда строить ихъ одновременно и тѣмъ отвлекать средства отъ дорогъ, можетъ быть, болѣе необходимѣйшихъ. Понятно, что желѣзная дорога къ Черному морю составляетъ потребность величайшей важности, откладывать и замѣнить которую невозможно и спорить о которой излишне. Желѣзная дорога отъ Москвы чрезъ Харьковъ къ Таганрогу, съ вѣтвью отъ Курска чрезъ Кіевъ и Балту къ Одессѣ,—кажется, вполнѣ удовлетворитъ этой потребности по крайней мѣрѣ на первое время, при чемъ курско-кіево-одесская вѣтвь, будучи почти равна курско-харьково-кременчуго-одесской, имѣетъ предъ ней то преимущество, что доставляя торговлѣ выгоды не менѣе послѣдней, представляетъ важное значе-

(*) «Голосъ» 1865 г. №№ 31, 45, 57, 137, 152, 221, 331, 349, 352, 360 1866 г. №№ 11, 12 и «Московскія Вѣдомости» 1865 г. №№ 278, 279, 280.

(**) Въ особенности на протяженіи до 250 верстъ отъ Харькова до Екатеринославля и отъ Харькова до Кременчуга,

ніе въ національномъ, политическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ. Она сближаетъ Кіевъ и юго-западный край съ коренною центральною Россіею, она вмѣстѣ съ тѣмъ связываетъ съ нами Галицію, и не смотря на молдавскія дороги, ставитъ ее въ нѣкоторую зависимость относительно сбыта ея продуктовъ къ ближайшему къ ней черноморскому порту — Одессѣ, и наконецъ оказываетъ огромныя услуги въ случаѣ военныхъ дѣйствій на нашихъ югозападныхъ границахъ. Поэтому, по окончаніи южной дороги съ раззѣтвленіями къ Одессѣ и Таганрогу, едвали не было бы раціональнѣе, въ видахъ сближенія съ Крымомъ, приступить сначала къ устройству третьей южной вѣтви отъ Харькова чрезъ Екатеринославль и Александровскъ къ Севастополю или Ѳеодосіи (до 700 верстъ длиною), употребивъ на эту постройку и тѣ 25 милліоновъ рублей, которые требуются на харьково-кременчуго-балтскую дорогу, а послѣ того изыскать уже средства на построеніе и этой послѣдней соединительной линіи, если только она въ то время окажется необходимою (*). Между тѣмъ мѣстность, прорѣзываемая ею, можетъ имѣть удобный сбытъ къ морю по Днѣпру, Бугу и ихъ притокамъ,—при улучшеніи этихъ водяныхъ путей, требующемъ гораздо меньшихъ издержекъ, чѣмъ постройка желѣзной дороги.

Сѣверная часть южной дороги отъ Москвы до Харькова, совпадая съ направленіемъ двухъ главныхъ водяныхъ путей, днѣпровскаго и волго-донскаго, и пролегая близь водораздѣла этихъ бассейновъ, составляетъ главную артерію Россіи, прорѣзывающую мѣстности богатыя, производительныя и густо заселенныя. Съ устройствомъ ея значительно увеличатся огромныя массы сырыхъ произведеній юга и и мануфактурныхъ издѣлій Москвы, двигающихся въ настоящее время по этому почтовому тракту. Пассажирное движеніе по ней также обѣщаетъ быть весьма значительнымъ, такъ что линія эта во всѣхъ отношеніяхъ обѣщаетъ сдѣлаться одной изъ важнѣйшихъ и доходнѣйшихъ дорогъ Россіи. Совпадая съ направленіемъ главныхъ русскихъ

(*) Подробнѣе объ этомъ см. «Голосъ» 1864 г. № 337. — Что же касается до густо заселенной и богатой произведеніями Полтавской губерніи, на которую обыкновенно любятъ ссылаться защитники харьковско-кременчугско-балтской дороги, то часть вдоль сѣверной границы этой губерніи едвали не войдетъ въ районъ 50-ти верстной полосы вдоль линіи курско-кіевской дороги,—харьковско-крымская линія захватитъ часть юга той же губерніи и наконецъ она всей своей юго-западной границей прилегаетъ къ Днѣпру, по теченію котораго можетъ удобно сплавлять свои произведенія до Екатеринославля и здѣсь передавать ихъ на желѣзную дорогу для сбыта чрезъ крымскіе порты за границу. Слѣдовательно, съ устройствомъ южныхъ дорогъ, даже и безъ проведенія особой харьковско-кременчугско-балтской линіи, Полтавскую губернію никакъ нельзя было бы считать лишенною путей для сбыта.

водяныхъ путей, днѣпровскаго и волго-донскаго, пролегая близь водораздѣла этихъ рѣчныхъ бассейновъ, направленіе этой дороги чрезъ Тулу, Орелъ и Курскъ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ выгодности, прямолинейности и удачнаго соотношенія съ водяными сообщеніями. Остается желать только большаго выгиба къ западу, въ видахъ будущаго сближенія Москвы, приволжья и всей восточной половины Россіи съ южно-балтійскимъ прибрежьемъ. При существующихъ предположеніяхъ желѣзныхъ дорогъ, грузы приволжскихъ губерній, прибывающіе въ Москву по нижегородской и саратовской дорогамъ, для отправленія къ портамъ Балтійскаго моря, должны будутъ изъ Москвы спускаться на югъ до Орла (362 версты), отъ котораго снова подниматься на сѣверъ по витебско-динабургской дорогѣ до Риги (946 верстъ), или до Либавы (1,146 верстъ) (*). Такимъ образомъ при подобномъ начертаніи дорогъ Москва будетъ находиться отъ Либавы въ 1490, отъ Риги въ 1290, отъ Динабурга въ 1086, отъ Вильно въ 1249, отъ Вержболова на прусской границѣ въ 1410 и отъ Варшавы въ 1800 верстахъ (**). Такимъ образомъ Москва будетъ удалена отъ Вильно и отъ сѣверозападнаго края на столько же, какъ и отъ Севастополя и Крыма, а Варшава будетъ лежать еще на 400 верстъ далѣе. Если же южная дорога между Москвою и Орломъ, вмѣсто Тулы, захватывала бы Калугу, къ которой тогда примкнула бы динабургская линія, то она могла бы удлинниться до 20 верстъ противъ направленія на Тулу, но за то сократила бы всѣ показанныя разстоянія между Москвою, балтійскими портами и Польшею на 290 верстъ (***). Такимъ образомъ направленіе вмѣсто Тулы на Калугу, достигая въ общемъ тѣхъ же результатовъ, сократило бы общую сѣть дорогъ до 270 верстъ, сберегло бы до 15 милліоновъ рублей для постройки другихъ линій и приблизило бы Москву съ приволжскимъ краемъ къ балтійскимъ портамъ до 300 верстъ, т. е. на половину разстоянія между Москвой и Петербургомъ. Чрезъ это для восточной половины Россіи открылась бы возможность доставлять свои продукты за границу съ меньшими издержками по желѣзнымъ дорогамъ чрезъ Ригу и Либаву, или зимою и раннею весною, когда Пе-

(*) Отъ Москвы до Орла 362, отъ Орла до Смоленска 380, отъ Смоленска до Витебска 120, отъ Витебска до Динабурга 224, отъ Динабурга до Риги 204 и отъ Риги до Либавы 200 верстъ.

(**) Отъ Динабурга до Вильно 163, отъ Вильно до прусской границы 162, отъ Вильно до Варшавы 550 верстъ.

(***) Отъ Москвы до Калуги 172, отъ Калуги до Смоленска около 280, отъ Калуги до Орла до 200 верстъ. Отъ Москвы до Смоленска выходитъ по тульско-орловскому направленію 742, а по калужскому около 450 верстъ; разница около 290 верстъ.

тербургскій портъ заперть льдомъ, или при значительномъ требованіи за границей, когда цѣны могутъ покрыть стоимость провоза по желѣзнымъ дорогамъ.

Кромѣ того, при предположенномъ направленіи дорогъ, только 370 верстъ южной линіи — между Орломъ и Харьковомъ, — будутъ служить общимъ путемъ для линій одесской, таганрогской, севастопольской, динабурго-либавской и орловско-петербургской; тогда какъ, при направленіи на Калугу, эта общая часть увеличится на 570 верстъ, соотвѣтственно чему увеличатся и доходы московско-орловской дороги отъ провоза огромной массы грузовъ съ *пяти* главнѣйшихъ дорогъ государства на лишнихъ 200 верстахъ протяженія. Скажутъ, что подобное соображеніе является слишкомъ поздно, ибо южная дорога уже ведется отъ Москвы на Тулу и уже утверждена отъ Орла на Витебскъ. Но мы и не надѣемся, что приводимыя обстоятельства будутъ всесильны остановить начатыя работы или измѣнить рѣшенія правительства. Мы ограничиваемся заявленіемъ что независимо отъ излишняго протяженія, соединеніе желѣзныхъ дорогъ въ Орлѣ потребуетъ непремѣннаго сооруженія особой соединительной вѣтви къ юго-восточному поволжью (какъ это было предположено сѣтью главнаго управленія путей сообщенія отъ Тамбова до Орла, длиною въ 340 верстъ), тогда какъ, при соединеніи желѣзныхъ дорогъ въ Калугѣ, существенной надобности въ подобной вѣтви не предвидѣлось бы. Такимъ образомъ, направленіе отъ Москвы до Орла чрезъ Калугу и соединеніе желѣзныхъ дорогъ въ Калугѣ могло бы сократить общее протяженіе всей сѣти дорогъ на 290 вер. вышеупомянутыхъ линій и на 340 верстъ соединительной линіи, а всего до 630 верстъ, требующихъ на свое сооруженіе до 40 милліоновъ рублей. Вообще жаль, что настоящій вопросъ не обратилъ на себя болѣе серьезное вниманіе и не былъ разработанъ болѣе тщательнымъ образомъ, потому что *впослѣдствіи онъ можетъ стоить государству многихъ милліоновъ рублей.*

4. ЗАКАВКАЗСКАЯ ДОРОГА.

Къ проэктамъ южныхъ желѣзныхъ дорогъ относится соединеніе Чернаго моря съ Каспійскимъ чрезъ Кавказскій перешеекъ, посредствомъ желѣзнаго пути до 750 верстъ длиною, отъ Поти чрезъ Тифлисъ до Баку. Необходимость удержать за собою транзитный путь европейской торговли съ Персіею, привлечь колонизацію и доставить правильное и быстрое развитіе вновь покоренному и роскошному краю, придаютъ этой линіи первостепенное значеніе, во всякомъ случаѣ заслуживающее отдать ей преимущество предъ соединительной харьковско-кременчугско-балтской линіей и употребить на соу-

щиствленіе ея капиталы, какъ назначенные на постройку послѣдней линіи, такъ и могущіе быть сбереженными отъ сокращенія общаго протяженія линій всей сѣти, при учрежденіи раздѣльнаго пункта, вмѣсто Орла, въ Калугѣ.

5. РЯЗАНСКО-ВОЛЖСКАЯ ДОРОГА.

Независимо отъ разсмотрѣнныхъ предположеній, къ юговостоку отъ Москвы проводится дорога, не входившая въ предположенія правительства, и мысль о которой и самое исполненіе безспорно принадлежитъ частной инициативѣ. Представленная, подъ именемъ Саратовской, на утвержденіе правительства въ 1846 году, дорога эта была одобрена въ 1859 году, и окончена и открыта для движенія на участкѣ въ 180 верстъ отъ Москвы до Рязани въ 1863 году. Затѣмъ другая компанія взялась продолжить ее на такое же разстояніе отъ Рязани до Козлова, при чемъ уставъ рязанско-козловской дороги былъ утвержденъ въ началѣ 1865 года (*), съ тѣмъ вмѣстѣ открылись и работы на этой новой линіи. Въ сентябрѣ того же года, вслѣдствіе ходатайства воронежскихъ жителей, было разрѣшено произвести изысканія для желѣзной дороги отъ Козлова до Воронежа (**), на протяженіи около 180 верстъ. Такимъ образомъ, саратовская линія, длиною до 800 верстъ, вскорѣ будетъ открыта на 360 верстъ отъ Москвы до Козлова, и уклоняясь отъ первоначальнаго проекта совершенно въ противную сторону, соединится съ Воронежемъ въ разстояніи до 550 верстъ отъ Москвы, гдѣ примкнетъ къ сплавному пути по рр. Воронежу и Дону въ Азовское море. Такимъ образомъ, эта, ускользнувшая отъ всѣхъ появлявшихся проэктовъ желѣзныхъ дорогъ линія обѣщаетъ сдѣлаться весьма производительною и, съ улучшеніемъ судоходнаго состоянія Дона, составитъ удобнѣйшій и дешевѣйшій путь для сбыта произведеній центральныхъ губерній къ Азовскому морю и, можетъ быть, будетъ первою изъ желѣзныхъ дорогъ, которая свяжетъ центръ Россіи съ непрерывнымъ воднымъ путемъ къ Черному морю. Проходя верстахъ въ 60 отъ губернскаго города Тамбова и около 100 верстъ отъ одной изъ важнѣйшихъ въ Россіи хлѣбныхъ пристаней — Моршанска, рязанско-козловская дорога со временемъ вѣроятно соединится съ этими пунктами побочными вѣтвями, тѣмъ болѣе, что и теперь уже возникло предположеніе о проведеніи къ Моршанску особой желѣзно-конной дороги. Чрезъ это центральнымъ губерніямъ откроется еще другой дешевый путь

(*) 12 марта. Собраніе узаконеній и распоряженій правительства, № 24. 1865 г.

(**) «Голосъ» 1865, № 312.

подвозить зимою свои продукты по короткой желѣзной дорогѣ къ Моршанску, откуда весною сплавлять ихъ по рр. Цнѣ, Мокшѣ и Окѣ въ Волгу, и далѣе отправлять ихъ водяными путями къ Петербургу.

Кромѣ того, съ развитіемъ этихъ предположеній, рязанско-воронежская линія вѣроятно свяжется соединительной вѣтвью съ орловско-харьковскою дорогою, чтобы сократить произведеніямъ приволжья путь къ балтійскимъ портамъ чрезъ Витебскъ и Динабургъ и къ черноморскимъ черезъ Кіевъ и Харьковъ. Такія соединительныя линіи вѣроятно направятся или отъ Козлова къ Орлу, или отъ Воронежа къ Курску, изъ которыхъ первая приблизительно окажется въ 280, а вторая до 260 верстъ.

Отъ Тамбова до Саратова остается до 340 верстъ, и нѣтъ сомнѣнія, что желѣзная дорога, соединяющая эти два пункта, весьма оживила бы мѣстности Нижней Волги. Но возможность сбыта по этой дорогѣ къ петербургскому порту большихъ грузовъ саратовской и заволжской пшеницы—подвержена большому сомнѣнію. Протяженіе желѣзнаго пути отъ Саратова до Петербурга составитъ 1,400 вер., до Риги, даже и по устройствѣ соединительной тамбовско-орловской дороги, болѣе 1,600 верстъ, а до прочихъ балтійскихъ портовъ еще далѣе. Провозная цѣна хлѣба отъ Саратова до Петербурга, примѣняясь къ тарифу Николаевской дороги, составитъ *35 коп. съ пуда*, тогда какъ по водяному пути до Рыбинска (не принимая въ разсчетъ случайную дешевизну провоза 1865 года, когда за доставку буксирными пароходами отъ Самары до Рыбинска брали до 7, а отъ Саратова до Рыбинска до 12 коп. съ пуда) и по предполагаемой отсюда желѣзной дорогѣ до Петербурга, эта доставка обойдется около 25—30 к., что составитъ на четверть (мѣшокъ) пшеницы значительную разницу отъ 40 до 50 коп.—Вмѣстѣ съ тѣмъ Саратовъ и прилегающая къ нему страна принадлежатъ болѣе къ району южныхъ морей, чѣмъ сѣверныхъ. Съ развитіемъ и улучшеніемъ сообщеній между Волгою и Дономъ, въ особенности по учрежденіи желѣзной дороги отъ Царицына до Таганрога, откроется удобный, дешевый и кратчайшій путь сбыта къ Азовскому морю,—не только для одной Саратовской губерніи, но и для всего поволжья, начиная отъ Казани внизъ до Каспійскаго моря и Персіи. Это естественное тяготѣніе юговосточныхъ провинцій къ Азовскому морю и послѣдующее его возрастаніе вслѣдствіе улучшенія сообщеній съ этимъ моремъ — было уже замѣчено г. Безобразовымъ (*). Съ улучшеніемъ волго-донскихъ сообщеній, снабженіе всей Нижней Волги колоніальными, мануфактурными и про-

(*) Отчетъ географическаго общества за 1864 годъ.

чими иностранными товарами точно также направится съ юга, съ Азовскаго моря, — такъ что вообще и по привозу и по отпуску за границу, саратовской дорогѣ придется выдерживать сильную и невыгодную конкурренцію съ улучшеннымъ царицынско-таганрогскимъ сообщеніемъ, съ которымъ Саратовъ связанъ 400 верстнымъ удобнымъ сплавнымъ путемъ по теченію Волги. Нельзя и не желать такого оборота въ направленіи торговыхъ путей, потому что тогда сильно развившееся по Волгѣ пароходство получитъ огромную массу своихъ и иностранныхъ продуктовъ для развоза по Волгѣ и по Каспійскому морю, вслѣдствіе чего разовьется въ размѣрахъ еще болѣе значительныхъ, въ особенности на широкомъ и глубокомъ руслѣ Нижней Волги отъ Камы до Астрахани, не стѣсняемомъ ни перекатами, ни узкостями, залегающими въ ея верхней части.

Въ числѣ условій въ пользу саратовской дороги, упоминаютъ, что она оживитъ и усилитъ производительность плодороднаго заволжскаго края. Но противулежащія Саратовской губерніи безлѣсныя и безводныя Узенскія и Киргизскія степи вовсе не составляютъ такого исключительно богатаго, привольнаго и способнаго къ заселенію края сравнительно съ прочими частями заволжья, чтобы къ нимъ стоило вести изъ-за 800 верстъ желѣзную дорогу Къ сѣверовостоку отъ нихъ лежитъ край болѣе благодатный и производительный, составляющій Оренбургскую и сѣверную половину Самарской губерніи, на востокѣ прорѣзанный отрогами Общаго Сырта, а на западѣ прилегающій къ Волгѣ, но не имѣющій съ ней никакихъ улучшенныхъ сообщеній.

Связь этого края съ одной изъ волжскихъ пристаней, напр. Самарою, какъ наиболѣе удобною, значительною и наиболѣе вдавшеюся къ востоку, потому и ближайшею, доставила бы истокъ громадной массѣ произведеній земледѣлія, скотоводства и горной производительности этого богатаго и обширнаго края, а также и предметовъ мѣновой торговли съ Среднею Азіею. Не вдаваясь въ подробности преимуществъ этого края въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ предъ узенскими степями, замѣтимъ, что еще въ 1857 году, при проэктахъ первой сѣти желѣзныхъ дорогъ, линія отъ Самары къ Оренбургу была признана одною изъ необходимѣйшихъ для нашей хлѣбной торговли и въ отношеніи производительности была поставлена въ уровень съ дорогами рыбинско-петербургской и московско-моршанской (*). Со временемъ конечно потребуется связать эту отдѣльную линію съ остальной сѣтью дорогъ. Съ окончаніемъ всѣхъ строющихся и предположенныхъ дорогъ, они примкнутъ къ Нижней

(*) «Экономическій указатель» 1857 г.

Волгѣ лишь въ двухъ (не считая Саратова) пунктахъ: Нижнемъ Новгородѣ и Царицынѣ, отстоящихъ отъ Саратова по теченію Волги на весьма неравныхъ разстояніяхъ 400 и 1,400 верстъ; съ другой стороны богатый и густозаселенный край отъ Нижняго и Казани на сѣверѣ до Тамбова и Саратова на югѣ, раскинувшійся отъ линіи рязанско-козловской дороги на востокъ до Волги, останется по прежнему безъ улучшенныхъ сообщеній и не въ состояніи будетъ принять участія въ общемъ движеніи и сбытѣ своихъ произведеній. Поэтому, чтобы согласить всѣ эти условія, нужно продолжить рязанскую линію на востокъ по направленію, наиболѣе удовлетворяющему потребностямъ этой части приволжскаго края, способствующему развитію существующихъ въ краѣ водяныхъ сообщеній и усиленію по нимъ движенія и наконецъ наиболѣе сближающему ее съ самарско-оренбургскою линіею. Удобнѣйшее для сего направленіе будетъ по верховьямъ сплавныхъ и судоходныхъ притоковъ Волги, или близь водораздѣла Волги и Дона, начиная отъ Тамбова или Моршанска чрезъ Пензу къ Сызрану на Волгѣ. Сравнительно съ саратовскою дорогою линія эта, хотя и выйдетъ длиннѣе до 100 верстъ, но весьма удобно можетъ быть связана съ самарско-оренбургскою линіею, прямой вѣтвью отъ Сызрана до Самары до 120 верстъ длиною. Тогда откроется отъ Москвы непрерывный юго-восточный путь, раздѣляющійся близь своей средины (Козлова и Ряжска) на двѣ вѣтви: одну къ Воронежу и Дону, другую къ срединѣ нижней Волги, къ одной изъ важнѣйшихъ волжскихъ пристаней, Самарѣ, и стоящему на рубежѣ Средней Азіи Оренбургу. Примѣрное протяженіе этого пути отъ Москвы будетъ: до Моршанска около 400, до Волги (Сызранъ) до 900, до Самары до 1,020 и до Оренбурга до 1,400 верстъ, т. е. ближе, чѣмъ отъ Москвы до Либавы, Варшавы и прусской границы (*). При этомъ самарская желѣзная дорога, прорѣзывая приволжскія губерніи почти по срединѣ между дорогами московско-нижегородскою и царицынскою, вмѣстѣ съ тѣмъ коснется теченія Волги въ Сызранѣ и Самарѣ, почти на половинѣ водянаго пути отъ Нижняго до Царицына. Большее протяженіе этой дороги точно также не допуститъ перевозку по ней малоцѣнныхъ грузовъ отъ Волги до Петербуга, но сравнительно съ саратовскою, она будетъ имѣть то преимущество, что захватывая нѣсколько рѣчныхъ пристаней, она облегчитъ подвозъ къ нимъ именно къ Самарѣ и Сызрану на Волгѣ, Пензѣ на *Сурѣ*, Мокшану на *Мокшѣ*, Моршанску на *Цнѣ*, большія массы хлѣ-

---

(*) Отъ Москвы до Рязани 180, отъ Рязани до Тамбова 240, отъ Тамбова до Пензы 250, отъ Пензы до Сызрана 230, отъ Сызрана до Самары 120 и отъ Самары до Оренбурга 380 верстъ.

ба и прочихъ продуктовъ сельскаго хозяйства, равно и милліоны пудовъ превосходной каменной соли изъ Илецкой Защиты, откуда эти грузы, съ расчисткой и улучшеніемъ послѣднихъ трехъ рѣкъ, могутъ слѣдовать дешевымъ водянымъ сплавомъ до Волги и по ней на сѣверъ и югъ Имперіи. По приведеннымъ соображеніямъ, съ устройствомъ особой вѣтви отъ рязанско-козловской дороги къ Тамбову или Моршанску, едва ли не выгоднѣе будетъ, вмѣсто продолженія къ Саратову, провести дорогу по описанному направленію къ Самарѣ, которая къ тому времени вѣроятно уже будетъ соединена съ Оренбургомъ.

6) ЛИБАВСКАЯ ДОРОГА.

Существующая рижско-динабургская дорога, конечно, не ограничится строющимся нынѣ продолженіемъ своимъ къ Витебску, а вѣроятно направится послѣ того къ Смоленску (120 верстъ) и далѣе къ Орлу, какъ на это уже и послѣдовало высочайшее утвержденіе условій съ частной компаніей (*). При разсмотрѣніи послѣдней дороги были изложены выгоды Калуги сравнительно съ Орломъ, для такого соединительнаго пункта. При соединеніи желѣзныхъ дорогъ въ Орлѣ, Москва и лежащіе за нею Нижній Новгородъ и мануфактурный округъ Ярославской и Владимірской губерній будутъ отстоять отъ Риги, Либавы и западной Европы до 300 верстъ далѣе, чѣмъ при соединеніи южной и сѣверо-западной дорогъ въ Калугѣ. При этомъ съ устройствомъ отдѣльной рижско-динабургской дороги, прежде предположенная прямая линія отъ Динабурга къ Либавѣ была оставлена, и Главнымъ Обществомъ желѣзныхъ дорогъ были уже предприняты изысканія по линій отъ Либавы къ Ковно и отъ Вильно черезъ Минскъ, Оршу на Орелъ, или черезъ Оршу, Смоленскъ, Калугу на Тулу. Въ сѣти же, составленной главнымъ управленіемъ путей сообщенія, отдано было предпочтеніе линіи отъ Риги до Либавы, вѣроятно по ея краткости (до 200 верстъ) сравнительно съ прочими (**). И дѣйствительно, при близкомъ осуществленіи желѣзной дороги отъ Риги до Витебска, для соединенія съ Либавою, кромѣ помянутой рижской вѣтви, пришлось бы построить отъ Витебска до Орла 500, или отъ Витебска до Калуги 400, т. е. всего до Либавы *700 (Орелъ)* или *600 (Калуга)* верстъ новыхъ линій желѣзныхъ дорогъ, тогда какъ при соединеніи съ Либавою черезъ Ковно, Вильно, Минскъ, Оршу или Могилевъ къ Орлу или Калугѣ, потребовалось бы до 1,065 верстъ такихъ же новыхъ линій.

(*) Условія заключены на имя сэра Самуила Мортонъ-Пито, и напечатаны въ «Собраніи узаконеній и распоряженій правительства», № 4, 1866 г.

(**) Отъ Ковно до Либавы около 265 верстъ.

Такимъ образомъ при послѣднемъ направленіи протяженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ выйдетъ въ $1^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ при первомъ, а хотя съ устройствомъ прямѣйшей линіи отъ Орла черезъ Минскъ и Вильно разстоянія между Москвою и Царствомъ Польскимъ и сократятся до 80 верстъ (*), но это сокращеніе не такъ значительно, чтобы для него стоило устроивать до 350 верстъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

7. РЫБИНСКО-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДОРОГА.

Искусственныя водяныя сообщенія, связывающія Рыбинскъ съ Петербургомъ, при всемъ усовершенствованіи ихъ, не въ состояніи удовлетворить настоящей потребности торговли, или по медленности движенія по нимъ, или по случайнымъ обстоятельствамъ: недостатку воды въ каналахъ, появленію сибирской язвы на лошадяхъ, раннему замерзанію и т. п. При настоящемъ положеніи этихъ сообщеній, грузы, отправляемые съ низовыхъ волжскихъ пристаней со вскрытіемъ навигаціи, едва успѣваютъ придти къ петербургскому порту въ августѣ, а часто остаются въ пути по два года. Столь медленное сообщеніе производитъ сильный застой въ хлѣбной производительности и торговлѣ всѣхъ приволжскихъ губерній, изъ которыхъ привозится черезъ Рыбинскъ къ Петербургу до 50 милліоновъ пудовъ малоцѣнныхъ грузовъ, тогда какъ общее количество всѣхъ слѣдующихъ этимъ путемъ кладей простирается ежегодно до 70 милліоновъ пудовъ.

Недостатки существующаго сообщенія можно отстранить не иначе, какъ соединеніемъ Рыбинска съ Петербургомъ желѣзною дорогою, которая для балтійской торговли и для приволжскихъ губерній будетъ имѣть такое же значеніе, какъ одесская и таганрогская дороги для южныхъ, — и въ этомъ отношеніи не можетъ быть замѣнена никакою другою линіею. Съ учрежденіемъ ея, пшеница, собранная

(*) Разстоянія отъ Москвы по этимъ линіямъ будутъ въ верстахъ примѣрно слѣдующія:

1) При соединительномъ пунктѣ въ Орлѣ:

	До Вильно.	До Варшавы.	До Либавы.
По орловско-динабургско-рижской дорогѣ	1,249	1,800	1,490
По орловско-минско-виленско-либавской дорогѣ . .	1,162	1,712	1,524
2) При соединительномъ пунктѣ въ Калугѣ:			
По калужско-динабургско-рижской дорогѣ	959	1,509	1,200
По калужско-минско-виленско-либавской дорогѣ . .	920	1,470	1,282

(Отъ Калуги до Вильно чрезъ Смоленскъ, Оршу и Минскъ 748 верстъ. «Журн. Пут. Сообщ.» 1860. Т. XXXII. Смѣсь. Стр. 140. Отъ Орла или Калуги до Орши до 400 и отъ Орши до Вильно тоже около 400 верстъ).

въ августѣ въ Самарской губерніи, могла бы въ ту же осень быть доставлена въ Рыбинскъ (чему бывали примѣры) и оттуда по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ или Балтійскій портъ для немедленной отправки за границу. Для такой дороги проэктируются два направленія: первое длиною 278 верстъ отъ Рыбинска къ Бологовской станціи Николаевской дороги, отстоящей отъ Петербурга на 294¼ верстъ, и второе длиною 518 верстъ отъ Рыбинска особою линіею черезъ Мологу, Устюжну и Тихвинъ къ Петербургу (*). Хотя послѣдняя линія короче первой до 55 верстъ и притомъ имѣетъ передъ нею многія преимущества, но такъ какъ для осуществленія первой потребуется построить новыхъ желѣзныхъ дорогъ лишь на 278 вер. отъ Рыбинска до Бологова, вмѣсто 518 для второй, то при настоящемъ стѣснительномъ положеніи финансовъ, рыбинско-бологовская линія оказывается удобоисполнимѣйшею. Кромѣ того, она, составляя вѣтвь Николаевской дороги, удвоитъ и даже утроитъ массу грузовъ, передвигающихся въ настоящее время по этой дорогѣ (**), черезъ что значительно увеличится доходъ этой дороги, слѣдовательно и доходъ государственнаго казначейства. При этомъ для усиленія этого дохода и въ отклоненіе неизбѣжнаго столкновенія администрацій двухъ разныхъ дорогъ, всегда вредно отзывающагося на ходѣ торговли, весьма было бы желательно, чтобы рыбинско-бологовская дорога была выстроена средствами правительства и, нераздѣльно съ Николаевскою, оставалась бы въ его распоряженіи. Капиталъ, потребный на устройство этой дороги, исчисляется въ 14 милліоновъ рублей, а ежегодный сборъ предполагается около 4 — 5 милліоновъ рублей, при чемъ цѣны провоза по желѣзной дорогѣ ни въ какомъ случаѣ не будутъ превышать существующихъ по водянымъ сообщеніямъ между Рыбинскомъ и Петербургомъ.

(*) См. «Вечерн. Газ.» 1865 г. № 171, 172 и 183. При этомъ въ статьѣ № 171, въ числѣ неудобствъ Нижняго Новгорода, какъ выгрузнаго и складочнаго пункта волжскихъ грузовъ, упомянуто, что по крутизнѣ городскаго берега Волги, онъ мало удобенъ для устройства складочныхъ магазиновъ. Дѣйствительно, волжская городская пристань въ Нижнемъ Новгородѣ составляетъ одно изъ тѣхъ россійскихъ безобразій, которыя невольно бросаются въ глаза, и должна заставить краснѣть такой богатый городъ. Не только при желѣзной дорогѣ, но даже и теперь, въ случаѣ одновременнаго прихода и отхода нѣсколькихъ пароходовъ, по узкости пристани проѣздъ по ней загромождается скопленіемъ экипажей и обозовъ по нѣскольку часовъ. Давно бы пора сдѣлать удобную набережную, отодвинувъ ее отъ берега на приличную глубину Волги при меженнемъ горизонтѣ, и пространство между нею и крутымъ берегомъ обдѣлать удобными проѣздами и террасами для склада грузовъ.

(**) По Николаевской дорогѣ въ послѣдніе годы передвигается до 30 милліоновъ пудовъ, ежегодно увеличиваясь; съ рыбинской дороги ожидается отъ 30 до 50 милліоновъ пудовъ.

8. БАЛТІЙСКАЯ ДОРОГА.

Съ устройствомъ рыбинско-бологовской дороги и съ распространеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, сходящихся къ общему центру — Москвѣ, николаевская линія сдѣлается главною артеріею торговаго и промышленнаго движенія большой половины прочихъ русскихъ дорогъ. Но исходный ея пунктъ, петербургскій (и кронштадскій) портъ, закрытъ около полугода, и притомъ обладаетъ такими естественными неудобствами, которыя крайне стѣсняютъ правильное движеніе внѣшней торговли и сильно препятствуютъ дальнѣйшему ея развитію, особенно въ виду будущаго увеличенія грузовъ, подвозимыхъ къ Петербургу изъ внутреннихъ губерній. Конечно, углубленіе устьевъ Невы, устройство удобнаго порта въ Петербургѣ (*) могутъ отстранить эти неудобства, но движеніе и развитіе внѣшней торговли всегда будетъ стѣснено кратковременнымъ срокомъ шестимѣсячной навигаціи, что точно также должно неминуемо ограничить движеніе по желѣзнымъ дорогамъ и приливъ грузовъ къ Петербургу изъ внутреннихъ губерній. Всѣ эти неудобства отстранятся проведеніемъ желѣзной дороги отъ Петербурга къ Балтійскому порту, открытому для навигаціи въ продолженіи почти цѣлаго года, и съ устройствомъ въ немъ торговой гавани. Тогда сырые продукты приволжскихъ и центральныхъ губерній, послѣ ихъ сбора, могутъ тою же осенью и даже въ теченіи всей зимы доставляться по рыбинской и за-московнымъ желѣзнымъ дорогамъ къ Балтійскому порту и тамъ немедленно отправляться за границу. Тогда для приволжскаго края и центральныхъ губерній отправка хлѣба за границу не будетъ стѣснена краткимъ періодомъ навигаціи и несудоходнымъ состояніемъ нашихъ рѣкъ, а можетъ продолжаться всю зиму, особенно если волжскій хлѣбъ предъ закрытіемъ навигаціи будетъ доставленъ въ Рыбинскъ, гдѣ складъ его обойдется въ 3 раза дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ. Только съ устройствомъ балтійской дороги, колебанія цѣнъ на заграничныхъ биржахъ будутъ отражаться на нашихъ внутреннихъ рынкахъ, и только тогда можно будетъ быстро пользоваться случайнымъ повышеніемъ ихъ за границей. Предполагаемая желѣзная дорога можетъ составить естественное продолженіе петергофско-ораніенбаумской или ея красносельской вѣтви, при чемъ протяженіе ея отъ Петербурга чрезъ Ямбургъ, Нарву, Везенбергъ и Ревель до Балтійскаго порта составитъ до 350 верстъ, а капиталъ, потребный на ея сооруженіе, будетъ простираться до 16½, и сверхъ

(*) На что, по проэкту товарищества торговаго порта въ С. Петербургѣ, потребуется до 20 милліоновъ рублей.

того на устройство торговой гавани въ Балтійскомъ портѣ до 3½, а всего до 20 милліоновъ рублей (*). Такимъ образомъ балтійская дорога, вмѣстѣ съ необходимымъ продолженіемъ ея — петербурго-рыбинскою вѣтвью, составитъ главный, а вмѣстѣ съ тѣмъ кратчайшій и дешевѣйшій путь для сбыта за границу и къ Петербургу громадной массы сырыхъ произведеній всей сѣверной половины волжскаго бассейна.

9) КРОНШТАДТСКАЯ ДОРОГА.

Въ ожиданіи проведенія балтійской дороги и устройства Петербургскаго порта, требующихъ во всякомъ случаѣ весьма значительныхъ капиталовъ и отъ 8 до 10 лѣтъ времени, внѣшняя наша торговля, при постепенномъ умноженіи желѣзныхъ дорогъ, не можетъ удовлетворяться существующимъ состояніемъ петербургскаго и кронштатскаго портовъ. Не принявъ немедленныхъ и соотвѣтствующихъ мѣръ къ отстраненію, или по крайней мѣрѣ къ ослабленію, естественныхъ недостатковъ этихъ портовъ, мы можемъ стѣснить движеніе вновь устроиваемыхъ желѣзныхъ дорогъ и дойти до такихъ результатовъ, что при всей возможности направлять по желѣзнымъ дорогамъ къ Петербургу большія массы грузовъ изъ внутреннихъ губерній, въ доставкѣ ихъ не будетъ настоять надобности за невозможностью или за дороговизною своевременной отправки ихъ изъ Петербурга за море. Поэтому, при неизвѣстности настоящаго положенія, въ которомъ находится проэктъ расчистки устья рѣки Невы и сооруженія торговаго порта на Гутуевскомъ островѣ, а также и по значительной цѣнности этихъ предположеній, не раціональнѣе ли будетъ отложить этотъ проэктъ до временъ грядущихъ, когда съ развитіемъ сѣти главныхъ линій желѣзныхъ дорогъ, съ непрерывнымъ соединеніемъ морей Балтійскаго съ Чернымъ и Азовскимъ, и внутренней Россіи съ портами либавскимъ, рижскимъ, балтійскимъ, петербургскимъ, одесскимъ, таганрогскимъ, севастопольскимъ или ѳеодосійскимъ, обороты внѣшней торговли распредѣлятся болѣе правильнымъ образомъ, соотвѣтственно характеру и производительности мѣстностей, близости морей и удобствамъ ведущихъ къ нимъ сообщеній, когда выяснится положеніе Петербурга въ средѣ прочихъ русскихъ портовъ и степень участія, принимаего имъ въ отпускной торговлѣ всей Россіи. Несомнѣнныя преимущества Балтійскаго порта и Либавы и предвидимое сильное товарное движеніе по балтійской дорогѣ, можетъ быть, ослабятъ значеніе Петербурга въ от-

(*) Подробности въ Журналѣ Пут. Сообщ. 1860—61 г. т. XXXII; XXXIII ст. г. Розена о Балтійскомъ портѣ, и «Вечерн. Газ.» 1865 № 171, 172 и 183.

пускной торговлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ поставитъ въ убытокъ существованіе и содержаніе великолѣпнаго порта съ расчисткою устья Невы. Поэтому, можетъ быть, выгоднѣе будетъ ограничиться болѣе скромнымъ и менѣе цѣннымъ устройствомъ торговаго порта у ораніенбаумской отмели близь Кроншлота (*), тѣмъ болѣе, что въ настоящее время соединяющая его съ Петербургомъ желѣзная дорога уже доведена до Ораніенбаума. По этому проэкту предполагается устроить гавань на маломъ кронштатскомъ рейдѣ, у восточной стороны оконечности ораніенбаумской отмели, для чего оградить часть рейда дамбами и углубить ее землечерпательными машинами до 21 фута. Площадь гавани въ 124,200 квадр. сажень, выходитъ гораздо болѣе купеческой гавани въ Кронштадтѣ, и при удобствѣ выгрузки и нагрузки она будетъ достаточна для потребностей торговли, при чемъ впрочемъ ее не трудно увеличить впослѣдствіи устройствомъ новой южной молы. Для соединенія гавани съ берегомъ предположено устроить вдоль ораніенбаумской отмели дамбу, покрытую двумя путями желѣзной дороги. Такое сооруженіе потребовало бы 5 лѣтъ времени и до $5^1/_2$ милліоновъ рублей, впрочемъ гавань могла бы быть открыта для нагрузки кораблей и черезъ 3 года съ затратой до $3^1/_4$ милліоновъ рублей. Проэктъ этотъ имѣетъ еще то важное преимущество, что освобождаетъ купеческую гавань въ Кронштадтѣ для военнаго флота, съ развитіемъ котораго существующія помѣщенія оказываются недостаточными, и вообще освобождаетъ Кронштадтъ отъ таможеннаго и другихъ гражданскихъ вѣдомствъ и такимъ образомъ дѣлаетъ его закрытымъ, чисто военнымъ портомъ, что въ морскомъ отношеніи и при тѣснотѣ Кронштадта имѣетъ не маловажныя преимущества (**).

Для доставки къ этой гавани хлѣба и другихъ продуктовъ, прибывающихъ къ Петербургу по водянымъ системамъ, предполагалось провести отъ Николаевской дороги особую вѣтвь къ пристани на Невѣ у устья рѣки Славянки, по которой товары, выгруженные изъ барокъ, слѣдовали бы 74 версты до гавани у Кроншлота. Это причислялось къ неудобствамъ этого проэкта, въ предположеніи, что перевозка въ 74 версты для громоздкихъ отпускныхъ товаровъ была бы слишкомъ обременительна и возвысила бы цѣнность товаровъ во вредъ ихъ сбыта. Но въ настоящее время за перевозку отъ станціи

(*) Проэктъ г. Кербедза и Заржецкаго, въ статьѣ г. Кипріянова: Критическій обзоръ объ устройствѣ торговаго порта въ С.-Петербургѣ. Журн. Пут. Сообщ. 1860 г. т. XXXI.

(**) Подробности см. въ «Голосѣ» 1864 г. № 60, о доставкѣ хлѣба къ С.-Петербургу по желѣзной дорогѣ, и Журн. Пут. Сообщ. 1863 г. Т. XL. Смѣсь, стр. 55.

Николаевской дороги къ складочнымъ магазинамъ или лихтерамъ платится $2^1/_2$ коп. съ пуда, доставка на лихтерахъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ стоитъ $2^1/_2$ к. съ пуда и продолжается отъ двухъ недѣль до одного мѣсяца, такъ что уже давно доказано и дознано, что доставка изъ Кронштадта въ Англію производится скорѣе, чѣмъ отъ С.-Петербурга до Кронштадта. Такимъ образомъ существующая плата за медленный провозъ отъ Петербурга до Кронштадта равноцѣнна съ доставкой на протяженіи 200 верстъ желѣзной дороги (по $2^1/_2$ к. за 100 верстъ), и слѣдовательно провозъ громоздкихъ и малоцѣнныхъ кладей на 74 верстахъ желѣзной дороги отъ Невы до Ораніенбаумской гавани обойдется менѣе 2 коп. съ пуда, т. е. въ $2^1/_2$ раза дешевле существующаго провоза на лихтерахъ и въ 20 разъ скорѣе онаго.

Впрочемъ, если впослѣдствіи развитіе торговли петербургскаго порта указало бы на выгоду и необходимость еще большаго сближенія рѣчныхъ барокъ съ морскими кораблями, то это всего удобнѣе достигалось бы прорытіемъ новаго обводнаго канала отъ Александровской мануфактуры на Невѣ по прямой линіи къ дер. Емельяновкѣ ниже Екатерингофа,—длиной до 11 верстъ,—и продолженіемъ его по южному прибрежью финскаго залива до Ораніенбаума до 31 вер. и вдоль соединительной дамбы по Ораніенбаумской отмели до 6 вер., всего до 48 верстъ. Тогда слѣдующія по Невѣ рѣчныя барки, не доходя Петербурга, сворачивали бы въ этотъ каналъ и слѣдовали бы по немъ безпрепятственно до особаго отдѣленія въ морской гавани у Кроншлота, гдѣ и могли бы перегружаться въ корабли безъ пособія паровозныхъ дорогъ. Но такъ какъ подобное продолженіе канала вдоль соединительной дамбы потребовало бы устройства другой параллельной ей дамбы, то для сокращенія издержекъ на первое время можно бы эту дамбу или молу сдѣлать пловучую изъ дерева, тѣмъ болѣе, что восточные вѣтры со стороны Петербурга не разводятъ здѣсь сильнаго волненія, а для сохраненія отъ напора невскаго льда можно бы съ осени снимать ее и отводить въ безопасное мѣсто къ берегу. Придавъ проэктируемому каналу размѣры новаго Ладожскаго канала, или даже нѣсколько большіе, и принимая въ соображеніе, что постройка Ладожскаго канала при длинѣ его въ 102 версты исчислена въ 4,600,000 руб., можно предположить, что новый обводный каналъ, въ 48 верстъ длиною, потребуетъ не болѣе 2,000,000 рублей.

Разсмотрѣвъ главныя линіи общей сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ, остается упомянуть объ отдѣльныхъ, не примыкающихъ къ общей сѣти дорогахъ, проэктированныхъ для связи извѣстныхъ значительныхъ пунктовъ, или отдѣльныхъ рѣчныхъ системъ, въ замѣну

искусственныхъ водяныхъ сообщеній. Къ такимъ линіямъ принадлежитъ предполагаемая уральская желѣзная дорога между Пермью и Тюменью.

10. УРАЛЬСКАЯ ДОРОГА.

Пролегая между бассейнами Камы и Оби, она предназначается для связи волжскаго судоходнаго пути съ рѣками Ницею (въ Ирбитѣ) и Турою (въ Тюмени), по которымъ судоходный путь продолжается на 3,000 верстъ вглубь Сибири до Томска, пролегая по Тоболу, Иртышу, Оби и ея притоку Томи. Такимъ образомъ съ учрежденіемъ этой дороги пароходныя сообщенія европейской Россіи проникли бы внутрь Сибири на 2,000 верстъ (по почтовому тракту), на востокъ отъ Урала. Направленіе этой дороги удовлетворяетъ преимущественно потребностямъ нѣкоторыхъ изъ значительныхъ уральскихъ заводовъ, причемъ оставляетъ въ сторонѣ Екатеринбургъ, значительный городъ и весьма примѣтный пунктъ горной промышленности на Уралѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ уклоняясь на сѣверъ отъ существующаго почтоваго тракта, направленіе это нисколько не сокращаетъ судоходныхъ путей и существующихъ по нимъ рейсовъ пароходства, тогда какъ, по мнѣнію лицъ, знакомыхъ съ тѣмъ краемъ, при проведеніи этой дороги отъ Тюмени на Екатеринбургъ съ уклоненіемъ западной ея оконечности болѣе къ югу, такъ чтобы она упиралась въ Каму, около города Осы или Сарапула, представились бы слѣдующія выгоды. Линія эта, хотя и выходила бы длиннѣе проэктированной на Пермь до 50 (чрезъ Осу) или до 150 верстъ (чрезъ Сарапулъ), но она сократила бы водяной путь по Камѣ до 400 вер. (*), подвинула бы направленіе дороги ближе къ прямой линіи, идущей отъ Тюмени къ Казани, приблизила бы камскую оконечность желѣзной дороги къ Казани около 300 верстъ, тогда какъ при окончаніи ея въ Перми, до Казани оставалось бы почти вдвое большее протяженіе, 577 верстъ. Кромѣ того она упиралась бы въ Каму въ пунктѣ, отъ котораго судоходство внизъ по Камѣ не встрѣчаетъ никакихъ препятствій, тогда какъ непосредственно выше Сарапула въ ней залегаетъ первый отъ устья перекатъ Печерскій. Такимъ образомъ, если впослѣдствіи уральская дорога продолжится до Казани, то длина ея отъ Тюмени до Казани, при направленіи на Ирбитъ и Пермь, окажется до 1,250, а чрезъ Екатеринбургъ и Сарапулъ до 100 верстъ короче, при чемъ она вмѣстѣ съ тѣмъ приближается къ границамъ богатой и производительной Уфимской губерніи. Пермь не обладаетъ никакими особыми естественными условіями, способ-

(*) По теченію Камы отъ Перми до Сарапула.

ными придать ей исключительное значеніе торговаго пункта на Верхней Камѣ. Это одинъ изъ весьма обыкновенныхъ русскихъ городовъ, находящійся на главномъ сибирскомъ трактѣ и возведенный на степень губернскаго города. Ирбитъ, стоящій на сѣверѣ въ сторонѣ отъ большаго почтоваго тракта, существуетъ лишь въ краткій періодъ своей зимней ярмарки; въ остальное время это одно изъ нашихъ уѣздныхъ, погруженныхъ въ глубокій сонъ, захолустьевъ, — въ которомъ даже и улицы поросли травою. Слѣдовательно обходъ такихъ пунктовъ желѣзною дорогою не принесетъ особаго ущерба какъ дорогѣ, такъ и самому краю.

Соединеніе волжскаго и обскаго водяныхъ путей упростилось и облегчилось бы значительно по приведеніи рѣки Чусовой, праваго притока Камы, въ постоянно судоходное состояніе. Съ этою цѣлію съ 1838 по 1857 годъ производились изслѣдованія этой рѣки (*), которыя указали на возможность улучшенія ея помощію упругихъ заплавей, при расчисткѣ камней и устройствѣ запасныхъ резервуаровъ, хотя въ то же время привели производившаго изысканія инженера къ совершенно ошибочному заключенію о невыгодности взводнаго судоходства по Чусовой. Онъ, по какому-то странному недоразумѣнію, — потребность сношеній Сибири съ европейскою Россіею вздумалъ измѣрять количествомъ товаровъ, идущихъ изъ Россіи на Ирбитскую ярмарку, — считая это количество наибольшею массою грузовъ, идущихъ въ Сибирь. По его соображеніямъ, товары, отправленные съ Нижегородской ярмарки около 20 августа, прибудутъ водянымъ путемъ по Камѣ и Чусовой къ Билимбаевскому заводу около половины сентября, и въ ожиданіи Ирбитской ярмарки они должны здѣсь лежать въ магазинахъ (еще не выстроенныхъ) до февраля, составляя такимъ образомъ для купцовъ мертвый капиталъ въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ товары съ Нижегородской ярмарки слѣдуютъ въ Сибирь гужемъ и на пароходахъ безостановочно и прибываютъ въ Ирбитъ еще за два мѣсяца до открытія Ирбитской ярмарки, т. е. къ 1 декабря, когда по случаю ихъ прибытія и открывается въ Ирбитѣ ярмарка. Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности и объясненія, остается привести, что продолженіе камскаго воднаго пути по р. Чусовой на лишніе 400 верстъ въ нѣдра Урала не можетъ не отозваться множествомъ благодѣтельныхъ послѣдствій. Тогда стоящій уже за Ураломъ Екатеринбургъ, вмѣсто существующихъ 363 вер., очутится лишь въ 54 верстахъ отъ начала волжскаго пароходнаго

(*) Журн. Пут. Сообщ. 1860 г. т. XXXII. Объ улучшеніи судоходства по рѣкѣ Чусовой.

сообщенія (*), которое, съ улучшеніемъ Чусовой, конечно не замедлитъ проникнуть на нее съ Волги и Камы. Тогда трудный сухопутный переволокъ между сибирскими и европейскими водяными путями, вмѣсто существующихъ между Пермью и Тюменью 665 вер., сократится почти на половину,—до 357 верстъ между Тюменью и Билимбаевскимъ заводомъ (на Чусовой). Такимъ образомъ, при недостаткѣ капиталовъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ,—улучшеніе судоходнаго состоянія Чусовой доставило бы уже ту огромную выгоду, что для связи волжскаго и обскаго судоходныхъ путей сократило бы предполагаемую уральскую желѣзную дорогу до 350 верстъ (отъ Тюмени до Билимбаихи), а на первое время дозволило бы ограничиться даже участкомъ ея до 250 верстъ (отъ Билимбаихи до Ирбита), вмѣсто проэктированной, вдвое длиннѣйшей линіи изъ Тюмени въ Пермь въ 669 верстъ.

Во всякомъ случаѣ правильное сужденіе о направленіи уральской дороги и о степени ея доходности и производительности возможно лишь при достаточномъ запасѣ свѣдѣній и мнѣній лицъ, близко знакомыхъ съ условіями и торговлею *Сибирскаго края.*

Общій выводъ. Раздѣливъ разсмотрѣнныя линіи желѣзныхъ дорогъ, сообразно ихъ важности и современной потребности на три степени,—мы находимъ, что общее протяженіе всей предположенной сѣти дорогъ приблизительно выйдетъ слѣдующее:

1. ОТКРЫТЫЯ ЛИНІИ:

Николаевская	604 вер.
Петербурго-Варшавская	1.049 »
Вѣтвь къ прусской границѣ	161 »
Варшавско-Вѣнская	325 »
Варшавско-Бромбергская	82 »
Рижско-Динабургская	204 »
Московско-Нижегородская	410 »
Московско-Рязанская	180 »
Московско-Ярославская	66 »
Царскосельская	25 »
Петергофо-Ораніенбаумская	39 »
Вѣтвь къ Красному Селу	12 »
Гельсинфорсо-Тавастгустская	102 »

(*) Въ настоящее время отъ Екатеринбурга до первой пароходной пристани на Камѣ въ Перми считается по почтовому тракту 363 версты; а отъ Екатеринбурга по тому же тракту до Билимбаевскаго завода на р. Чусовой—54 версты.

Волго-Донская	73 »
Грушевско-Аксайская.	58 »
Одесско-Балтская	198 »
Вѣтвь къ Парканамъ	50 »
Итого . .	3.638 вер.

2. строющіяся линіи:

Рязанско-Козловская до	180 вер.
Витебско-Динабургская до	224 »
Варшавско-Тереспольская до	180 »
Московско-Серпуховская до	90 »
Итого . .	674 вер.

3. проэктированныя линіи:

I разряда:

Южная, изъ слѣдующихъ отдѣловъ:	
а) Серпуховско-Орловская	272 вер.
б) Орловско-Таганрого-Ростовская . .	870 »
в) Курско-Кіево-Балтская	800 »
Рыбинско-Бологовская	278 »
Ораніенбаумско-Кронштадтская	6 »
Итого . .	2.226 вер.

II разряда:

Вѣтвь въ Галицію (Станиславчикъ-Волочискъ).	168 вер.
Рижско-Либавская	200 »
Витебско-Смоленско-Калужская	400 »
Закавказская (Каспійско-Черноморская) . .	750 »
Козлово-Задонско-Воронежская	180 »
Козлово-Тамбовская	60 »
Тамбово-Сызранская	480 »
Самаро-Оренбургская	380 »
Итого. .	2.618 вер.

III разряда:

Харьковско-Севастопольская	750 вер.
Харьковско-Кременчуго-Балтская	550 »
Царицыно-Ростовская	325 »
Петербурго-Балтійская	325 »

Задонско-Орловская, или Воронежско-Курская		260 »
Самаро-Сызранская		120 »
Итого . .		2.330 вер.
А всего желѣзныхъ дорогъ:		
1) Открытыхъ		3.638 вер.
2) Строющихся.		674 »
3) Предположенныхъ:		
главныхъ линій . . .	2.226 вер.	7.174 вер.
второстепенныхъ . . .	2.618 »	
низшаго разряда . . .	2.330 »	
Общій итогъ . .		11.486 вер.

Такъ какъ большая часть строющихся нынѣ дорогъ приходитъ къ окончанію, и вѣроятно въ скоромъ времени послѣдуетъ открытіе по нимъ движенія, то можно положить, что въ настоящее время оконченныя дороги составляютъ *до 4,300 верстъ*, при чемъ крайне необходимое и не терпящее отлагательства дополненіе ихъ составляетъ до 2,220 верстъ, т. е. около половины готовыхъ дорогъ, такъ что вообще общая сѣть въ $11^1/_2$ тысячъ верстъ представляетъ до 37% оконченныхъ и до 63% предположенныхъ къ устройству линій.

Въ тѣсной связи съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ находится вопросъ объ устройствѣ и улучшеніи захватываемыхъ ими судоходныхъ пристаней и морскихъ портовъ. Изъ послѣднихъ на первой очереди стоятъ порты: Петербургскій, Балтійскій и Либавскій на Балтійскомъ морѣ и Одесскій, Потійскій и Таганрогскій на моряхъ Черномъ и Азовскомъ, изъ которыхъ работы Либавскаго порта уже окончены, а въ Потійскомъ продолжаются до настоящаго времени.

Д. РОМАНОВЪ.

65

Устюгъ

Никольскъ

Макарьевъ

Варнавинъ

Семеновъ

Новгород

БУНТЫ НА РУСИ.

(ПИСАНО ВЪ 1860 ГОДУ).

Отъ недоразумѣній часто изъ ничтожнаго случая выростаетъ страшное дѣло, отъ непониманія дѣла часто важное кажется ничтожнымъ.

Мы съ народомъ въ настоящее время живемъ такъ, какъ въ повѣсти «Гайка» Людмила съ матерью: мы очень любимъ народъ, только не хотимъ изучать его нуждъ, а сидя въ кабинетѣ, сочиняемъ его истинныя потребности; народъ, въ свою очередь, не понимая нашихъ туманныхъ началъ, смотритъ на насъ недовѣрчиво. Еще надо прибавить, что мы даемъ всему видъ таинственности и все скрываемъ отъ народа, даже то, что напечатано въ газетахъ, поэтому народъ вѣритъ всему, что ему скажетъ какой нибудь пройдоха подъячій, бѣглый солдатъ, и ничему не вѣритъ, что ему скажетъ помѣщикъ или какой нибудь начальникъ (*). Онъ подозрѣваетъ, что̀ по большей части бываетъ и справедливо, что ему не все сказано и что самая суть дѣла не объявлена; за толкованіями дѣло не станетъ: найдется проѣзжій, прохожій изъ ихняго же брата, которому, равно какъ и далевскому матросу, объясняющему причину вѣтровъ, совѣстно чего бы то ни было не знать, и тотъ ему толкуетъ, какъ ему хочется.

Въ особенности народъ туго вѣритъ во всѣ улучшенія, придуманныя образованными людьми. Въ письмѣ о сходкѣ я говорилъ о посѣвѣ картофеля. Вотъ еще случай, изъ котораго видно, какъ смотритъ народъ на придуманныя улучшенія.

Пріѣзжаетъ одинъ господинъ, сдѣлавшій улучшенія въ своихъ деревняхъ, въ одну изъ улучшенныхъ своихъ деревень. Была собрана сходка.

(*) Разумѣется, когда начальникъ скажетъ, что объявленъ наборъ, какъ не повѣрить!...

— Ну, братцы, каково поживаете? спросилъ господинъ у собравшейся сходки.

— Спасибо, батюшка! по твоей милости живемъ — слава Богу! отвѣчали изъ сходки.

— А когда, старики, было лучше жить, теперь, или прежде? При мнѣ, или до меня?

— До тебя, батюшка, какіе порядки были! Никакихъ порядковъ не было! Какъ пошли новые порядки, пошла и жизнь новая—не въ примѣръ лучше прежней! Спасибо твоей милости за порядки!

— Живите, братцы, хорошенько: теперь жить хорошо; будете жить хорошо, сдѣлаю еще лучше!

Вдругъ всѣ въ ноги!

— Батюшка! не дѣлай лучше, и теперь такъ хорошо, что жизнь коротка, сдѣлаешь лучше—просто жить нельзя будетъ!..

Господинъ, какъ видно, старался сдѣлать *лучше* и сознавалъ, что онъ сдѣлалъ *лучше*, а на дѣлѣ вышло, что для лучшаго — жизнь коротка!

Мужикъ рѣшительно не вѣритъ ни во что, что выдумано образованными, на все смотритъ съ недовѣріемъ; не вѣритъ даже въ самое, по видимому, неважное, напримѣръ—въ переименованіе. Въ Курской губерніи лѣтъ десять тому назадъ было ужасное происшествіе; государственные крестьяне захотѣли быть по прежнему однодворцами, а какъ на Руси нѣтъ просто однодворцевъ, а есть, какъ они отъ кого-то слышали, западные однодворцы, то и они захотѣли быть западными однодворцами. На ихъ бѣду въ это время въ Курской губерніи былъ петербургскій баринъ, который поѣхалъ усмирить *бунтъ*. Что это былъ за бунтъ, можно понять изъ того, что ремонтеръ, проѣзжавшій съ ремонтными лошадьми чрезъ бунтующееся село, взялъ тамъ овса, сѣна, подводы, за что отъ него никто не хотѣлъ брать ни копѣйки, и только въ городѣ онъ узналъ, что онъ ночевалъ у бунтовщиковъ.

Петербургскій баринъ пріѣхалъ для усмиренія къ бунтовщикамъ, приказалъ священнику отслужить обѣдню, послѣ которой сказать приличную рѣчь, а послѣ обѣдни велѣлъ у церкви собраться сходкѣ. Священникъ отслужилъ обѣдню, сказалъ рѣчь и петербургскій баринъ сталъ на паперти разсуждать о чемъ-то съ бабами, — мужиковъ въ церкви не было, они всѣ были на сходкѣ.

— Знать дѣло съ бабами толковать! крикнули изъ сходки, собравшейся по приказу у церкви: — ты иди на міръ да и толкуй!

Господинъ этотъ растерялся. Народъ захохоталъ, господинъ еще больше сконфузился—народъ еще больше хохотать, господинъ, не сказавъ ни одного слова, уѣхалъ и приказалъ прислать солдатъ *для усмиренія бунта.*

Пріѣхали солдаты и пріѣхалъ губернаторъ.

— Что вы буяните? крикнулъ губернаторъ на собравшійся народъ, стоявшій безъ шапокъ.

— Нѣтъ, батюшка, буянства за нами никакого нѣтъ! отвѣчали изъ толпы.

— Какъ не буяните! чѣмъ вы хотите быть?

— Западными однодворцами, батюшка!

— А знаете, что такое западные однодворцы?

— Нѣтъ, не знаемъ, батюшка...

— Такъ я вамъ разскажу: сперва были все однодворцы, на западѣ однодворцы и взбунтовались. Царь захотѣлъ отмѣтить небунтовщиковъ и назвалъ ихъ своими крестьянами, государевыми крестьянами, а бунтовщикамъ сказалъ:—оставайтесь вы западными однодворцами! Такъ вы хотите называться бунтовщиками?

— Нѣтъ, батюшка, не хотимъ!

— Такъ вы согласны, братцы, называться государственными крестьянами?

— Нѣтъ, не согласны, отвѣчалъ одинъ крестьянинъ изъ толпы.

— Высѣчь его! крикнулъ губернаторъ.

Его наказали.

— А вы согласны? спросилъ опять губернаторъ, когда кончилось наказаніе.

— Всѣ согласны!

— Попа!

Пришелъ попъ, привелъ всѣхъ къ присягѣ, бунтъ былъ усмиренъ, но тѣмъ не менѣе экзекуція, или, какъ мужики называютъ, сѣкуція, была поставлена.

Еще надо прибавить, что при всѣхъ начинаніяхъ, въ которыхъ народъ видитъ свою прямую выгоду, онъ не вѣритъ въ хорошій конецъ; такъ въ настоящее время, когда рѣшается великій крестьянскій вопросъ, мужики, рѣшительно ничего не

зная, что дѣлается, по своему разсуждаютъ: «Толковали, толковали, что слобода будетъ; а теперь, говорятъ, въ сипацу загоняютъ!» Сипаца по нашему не хорошее слово, а эмансипація—настоящее дѣло!...

Кромѣ недовѣрія къ образованному классу, поводомъ къ такъ-называемымъ бунтамъ часто служитъ непониманіе, незнаніе своихъ правъ въ настоящее время. Прочитайте въ «Русской Бесѣдѣ» статью Иванищева: вы увидите, какъ была сильна сходка очень недавно. Сходки никакимъ указомъ никакихъ правъ не лишали; напротивъ, народъ всячески хотятъ увѣрить, что права ихъ расширены. Почему же народъ долженъ знать, что міръ не можетъ теперь дѣлать того, что дѣлалъ прежде? Часто міръ дѣлаетъ постановленіе, по его мнѣнію, совершенно законное, а оно признается противозаконнымъ, а постановившіе—бунтовщиками.

П. И. Мельниковъ мнѣ разсказывалъ, что крестьяне одной деревни разъ послали своему барину доносъ на своего старосту, который былъ назначенъ не отъ міра, а помѣщикомъ. Помѣщикъ, получая хорошій оброкъ съ крестьянъ и постоянно исправно, не обратилъ никакого вниманія на этотъ доносъ. Какъ только узнали объ этомъ крестьяне—собрали сходку, на которой было положено сосчитать старосту и донести барину, сколько онъ укралъ, т. е. сколько лишняго перебралъ и утаилъ отъ барина; а что онъ воровалъ, объ этомъ не могло быть для крестьянъ никакого сомнѣнія. Но бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ, такъ и этимъ мужикамъ не удалось ничего сдѣлать: староста написалъ, что мужики *бунтуютъ*, а баринъ просилъ начальство усмирить *бунтъ*; ну, разумѣется, и усмирили...

Но, по моему мнѣнію, если приговоры сходки не ладятъ иногда съ существующими нынѣ законами, то не слѣдуетъ забывать, что простой человѣкъ и теперь еще не отвыкъ смотрѣть на сходку такъ, какъ смотрѣлъ на нее въ старину.

Разскажу еще одинъ подобный случай.

Это было въ Нижегородской губерніи, лѣтъ сорокъ назадъ, еще до основанія министерства государственныхъ имуществъ. Въ то время нѣсколько десятковъ тысячъ душъ было приписано къ казенному конному заводу, и надъ этими крестьянами былъ поставленъ офицеръ—начальникъ, и его крестьне очень любили: онъ ихъ не притѣснялъ и по судамъ не волочилъ (а второе, по мнѣнію крестьнъ, еще лучше перваго). Одинъ разъ

къ нему привели крестьяне мужика той же деревни, въ которой жили и сами, и объявили, что приведенный мужикъ укралъ у одного изъ нихъ лошадь. Тотъ, по обыкновенію, отвѣчалъ: «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю». Но улики были такъ сильны, что начальникъ ему прямо сказалъ:

— Признаешься—за лошадь заплатишь, я тебя высѣку; а какъ большая вина, то и больно высѣку; а не признаешься—отдамъ подъ судъ: изо всего видно, что ты укралъ лошадь, тебя подъ плети подведутъ. Теперь я все сказалъ: какъ знаешь—такъ и дѣлай.

Тотъ, подумавши, повинился, заплатилъ за лошадь и былъ наказанъ.

Деревня была зажиточная и ни у одного изъ крестьянъ ни воровъ, ни плутовъ въ роду не было, а потому всѣ стали упрекать въ глаза этого мужика воромъ. А какъ есть и еще пословица: «Не пойманъ, не воръ», то онъ захотѣлъ избавиться отъ нареканія доносомъ.

Вскорѣ послѣ этого происшествія, пріѣхалъ изъ Петербурга, по словамъ крестьянъ, какой-то генералъ-ревизоръ. Когда, по принятому правилу, начальникъ былъ удаленъ со сходки и уѣхалъ, ревизоръ спросилъ: «нѣтъ ли недовольныхъ начальникомъ?»

— Есть! отвѣчалъ крестьянинъ, укравшій у сосѣда лошадь.

— Какая твоя претензія?

— Начальникъ меня высѣкъ.

— За что?

— А такъ: ни дай, ни вынеси!

— Это правда?

— Правда, какъ передъ Богомъ...

— Правда, старики? спросилъ начальникъ у крестьянъ сходки.

— Вретъ, ваше благородіе! обманываетъ тебя, батюшка! загалдила вся сходка.

— Да высѣкъ онъ его? спросилъ начальникъ, видя всеобщее негодованіе.

— Высѣкъ! что правда, то правда!

— За что?

— А вотъ за что... и было разсказано все дѣло, какъ было.

— Мало тебя пороли, сказалъ ревизоръ-генералъ и пошелъ обѣдать къ начальнику.

Ревизоръ уѣхалъ, не сказавъ ни слова начальнику; тѣмъ бы дѣло должно было, казалось, и кончиться: но оно едва не имѣло ужасныхъ послѣдствій.

Наши крестьянскія семейства хвалятся:

Что у насъ въ роду воровъ не было,
Ни воровъ, ни плутовъ, ни разбойниковъ!

Цѣлыя общества хвалятся тѣмъ, что у нихъ воровъ отъ вѣку не было, а также и ябедниковъ и доносчиковъ. Мнѣ случалось слышать нѣсколько разъ: Ступай куда хочешь, спроси про нашу деревню: никто дурнова слова не скажетъ; это не то, что вотъ взять, Гора-Липовица: тѣ еще за нашихъ дѣдовъ конокрадами слывутъ. Въ числѣ другихъ и это село, объ которомъ идетъ рѣчь, славилось тѣмъ, что у нихъ еще за дѣдовъ не было ни ябедниковъ, ни доносчиковъ, а потому крестьяне были возмущены доносомъ, да еще неправымъ, своего сочлена.

Передъ вечеромъ крестьяне позвали на судъ доносчика въ мірскую избу.

— У насъ отродясь доносчиковъ не было, стали они говорить:—а вотъ онъ сталъ ябедникомъ; а для того на расправу!..

Мужики придумали слѣдующую казнь: привязать доносчика за ноги къ перемету и зажженными лучинами колоть его, пока умретъ!.. Сказано—сдѣлано.

Когда стала совершаться казнь, преступникъ закричалъ благимъ матомъ и, на его счастье, староста услыхалъ его крики, прибѣжалъ въ избу и перерубилъ веревку, которой былъ привязанъ доносчикъ, и не медля поѣхалъ за начальникомъ.

— Что вы, братцы, хотите дѣлать? спрашивалъ прискакавшій, испугавшійся начальникъ. Бѣда будетъ!..

— За тебя, батюшка, ваше благородіе! отвѣчали мужики:— вѣдь на тебя доносилъ?!.

— За любовь спасибо, братцы, только киньте это дѣло: всѣмъ и вамъ и мнѣ будетъ бѣда...

— Какая тутъ бѣда! міръ приговорилъ: стало по правдѣ; безъ вины не стали бы съ нимъ такого дѣла дѣлать...

И начальнику большихъ трудовъ стоило убѣдить крестьянъ, что они подобнымъ образомъ не имѣютъ права наказывать...

Ничего нѣтъ хуже для народа, какъ совершенное незнаніе, что съ нимъ дѣлаютъ, или хотятъ дѣлать: онъ вѣритъ всѣмъ нелѣпостямъ, которыя ему разскажетъ какой нибудь пройдоха,

въ особенности когда это подтверждается словами какого нибудь извѣстнаго лица. Такъ въ прошломъ году въ рабочую пору управляющій однимъ имѣніемъ, заставляя крестьянъ усиленно работать, говорилъ: «Теперь работайте! Къ первому сентября будете вольные, тогда васъ самъ чортъ не заставитъ работать на барина!» Поэтому не удивителенъ слѣдующій случай:

Въ Псковской губерніи одна помѣщица жила постоянно въ очень хорошихъ отношеніяхъ къ своимъ крестьянамъ, и никогда ни она на мужиковъ, ни мужики на нее не жаловались; только въ одинъ прекрасный день они собрали сходку, порѣшили, что они вольные, и послали четырехъ выборныхъ къ барынѣ съ этимъ извѣстіемъ. Барынѣ сказали о ихъ приходѣ, и та вышла къ нимъ.

— Что вамъ надо? спросила она.

— Да къ твоей милости, отвѣчали тѣ.

— Что же надо?

— Міръ прислалъ.

— Зачѣмъ же?

— Да объявить твоей милости, что мы стали теперь вольные.

— Какъ такъ?

— Да такъ: становому указъ пришелъ сказать намъ волю.

— Что жъ онъ, сказалъ вамъ волю?

— Нѣтъ, не сказывалъ.

— Отчего же?

— Да такъ! Господа закупили, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, вѣдь ты не такая, господа закупили, становой-то и держитъ указъ подъ сукномъ, а намъ воли не сказываетъ.

— Отъ кого же вы это слышали?

— Солдатикъ приходилъ, такъ сказывалъ.

— Вы сами говорите, что я не изъ такихъ, которые становыхъ подкупаютъ, я сама подписала бумагу объ волѣ; такъ и теперь не хочу мѣшать вамъ: соберите сходку, позовите становаго и пусть онъ вамъ скажетъ волю, коли указъ у него есть.

— Благодаримъ покорно, матушка!

Выборные пришли на сходку, объявили, что имъ сказала барыня, и сейчасъ же послали за становымъ.

Становому вѣрно сказали, зачѣмъ его зовутъ, онъ немедленно пріѣхалъ прямо къ сходкѣ, не заходя къ помѣщицѣ.

— Что надо, ребята? спросилъ онъ:—зачѣмъ меня звали?

— Да вотъ, батюшка, твое благородіе, повѣсти намъ волю, окажи твою милость!

— Какъ же я это сдѣлаю?

— Да у тебя указъ есть про волю, ты этотъ-то указъ-то и прочитай намъ.

— Такого указа, братцы, нѣтъ у меня, и читать стадо быть нечего!

— Какъ нѣту, ваше благородіе, есть: мы вѣрно знаемъ, отвѣчалъ одинъ изъ толпы.

— Я же тебѣ говорю, что нѣтъ: былъ бы указъ, какъ же бы я его вамъ не прочелъ, я не о двухъ головахъ!

— Да я жь тебѣ говорю, ваше благородіе, вѣрно — есть, отвѣчалъ тотъ же мужикъ.

— Такъ ты мнѣ не вѣришь?

— Да какъ вѣрить-то!..

— Ну, отойди, братъ, въ сторону!

Мужикъ, не понимая зачѣмъ, однако отошелъ.

— Ну, а ты вѣришь? спросилъ становой другаго мужика.

— Воля твоя, ваше благородіе, указъ есть!

— Отойди и ты!

Отошелъ и этотъ мужикъ, и сталъ рядомъ съ первымъ.

— И ты не вѣришь? спросилъ онъ третьяго.

— Есть, батюшка, указъ!

— Отойди въ сторону! Розогъ! крикнулъ становой.—Я васъ никогда не обманывалъ, а вы мнѣ не вѣрите!

Принесли розогъ; становой приказалъ высѣчь троихъ невѣрующихъ и уѣхалъ домой, не разговаривая съ прочими. Должно замѣтить, что онъ наказывалъ не за бунтъ, а за то только, что ему не повѣрили и что онъ ни до усмиренія бунта, ни послѣ не заѣзжалъ къ барынѣ: крестьяне видѣли, что между ними стачки никакой не было.

Уѣхалъ становой; сходка послала къ барынѣ четырехъ выборныхъ: двухъ поротыхъ, двухъ не поротыхъ.

— Что скажете? спросила ихъ барыня.

— Былъ становой, указа-то нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?

— Да нѣту! Вотъ Алешка да Митька, объяснялъ выбор-

ный, указывая на двухъ товарищей: — да еще Сережка не повѣрили ему, становому-то, такъ тотъ ихъ выпоролъ!

— За то, что не повѣрили?! И больно?

— Нѣтъ! Коли бъ они какую грубость сдѣлали, а то только не повѣрили! Не больно: только блохъ попугалъ!

— Какъ же теперь жить станемъ? спросила выборныхъ барыня.

— Да какъ жить?! надо по старому.

— А по старому, такъ по старому.

И опять зажили по старому!

Если бы становой сталъ наказывать мужиковъ за бунтъ — едва ли бъ могло такъ кончиться. Да еще это вопросъ: наказалъ ли бы онъ; пожалуй, міръ и не выдалъ бы...

А вотъ еще былъ какой казусъ:

Къ одному моему пріятелю въ декабрѣ или въ концѣ ноября приходитъ разъ мужикъ, его крестьянинъ, съ такою рѣчью:

— Знаешь, Иванъ Васильичъ, вѣдь къ новому году будемъ всѣ вольные! вотъ что!..

— Дай Богъ, отвѣчалъ Иванъ Васильичъ: — да почему же ты это знаешь?

— Слушай, сталъ онъ говорить полушопотомъ: — изъ Питера пришелъ указъ за семью золотыми печатями, и тотъ указъ не велѣно вскрывать до новаго года; а какъ новый годъ придетъ, указъ вскроютъ, вотъ и объявятъ тогда всѣмъ волю.

— А ежели указа такова не было, а можетъ и не будетъ?..

— Постой, Иванъ Васильичъ! Золотыя печати не ломаютъ, указъ не вскрываютъ: отъ того и зима не ложится, а все поводки.

— Ну, это хорошо; а пока такова указа не вскроютъ, живите смирно по прежнему. — Чего буянить на послѣдяхъ-то!..

Этого мужикамъ не могъ разсказать ни одинъ образованный человѣкъ, это или сочинилъ, или можетъ быть видѣлъ во снѣ, человѣкъ близкій къ природѣ, которому кажется, что въ его даже обыденныхъ дѣлахъ сама природа принимаетъ участіе.

Этотъ разговоръ не имѣлъ никакихъ дурныхъ послѣдствій: мужики ждали спокойно новаго года, а съ новымъ годомъ и зимы; новый годъ прошелъ, зимы все не дождались: все одни поводки.

Но другой случай чуть не заставилъ его поплатиться, и поступи онъ не такъ,—не скоро бы могъ справиться. Онъ при-

казалъ насыпать обозъ, хотѣлъ продавать хлѣбъ; мужики объявили, что они не хотятъ продавать хлѣба...

— Отчего, братцы, вы не везете хлѣбъ въ городъ? спросилъ онъ мужиковъ.

— Хлѣбъ-то нашъ будетъ весь, отвѣчали ему:—такъ мы продавать не желаемъ!

— Не можетъ быть, чтобъ весь хлѣбъ былъ вашъ!

— Будетъ, Иванъ Васильичъ.

— Нѣтъ, не будетъ! и вотъ почему: кто больше хлѣба продаетъ: мужикъ или баринъ?

— Знамое дѣло—баринъ! у мужика какой хлѣбъ: что сработалъ, то и съѣлъ.

— И этотъ хлѣбъ, коли подѣлить, будете продавать, или нѣтъ?

— Какая неволя продавать! Подѣлимъ да и разберемъ по домамъ.

— Такъ. Стало быть у господъ хлѣба не будетъ, имъ и продавать нечего; чѣмъ же города питаться будутъ, чѣмъ солдатъ кормить, изъ чего водку гнать?

— А что, ребята, пустяки наболтали; вправду: изъ чего водку гнать, чѣмъ города кормить?! Прости, Иванъ Васильичъ, за нашу глупость! Хлѣбъ отвеземъ въ городъ.

Запрягли лошадей и повезли въ городъ *барскій* хлѣбъ.

Но такъ не всегда оканчивается: иногда отъ тупоумія нѣкоторыхъ господъ, эти происшествія принимаютъ грозный размѣръ и дѣло самое пустое часто ведетъ за собою разореніе цѣлыхъ селъ и деревень. Я знаю одно такое происшествіе, которое едва не имѣло самыхъ страшныхъ послѣдствій.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ проѣзжалъ одинъ господинъ черезъ Рязанскую губернію, гдѣ у него было большое имѣніе и въ которомъ ни онъ, ни отецъ его никогда не бывали. Въ селѣ его носились только темные слухи, что баринъ ихъ проживаетъ то въ Питерѣ, то въ чужихъ земляхъ, то на теплыхъ водахъ, и никто во всей деревнѣ не могъ думать, чтобы баринъ ихъ когда нибудь завернулъ въ свою вотчину, въ чемъ они были отчасти правы: этотъ господинъ и не завернулъ бы къ нимъ и на этотъ разъ, когдабъ ему не пришлось ѣхать къ кому-то въ гости и въ ближнемъ городѣ не сказали бы ему чиновники, что подъ городомъ есть большое село, принадлежащее ему. Господинъ этотъ объявилъ желаніе ѣхать въ свое имѣніе, надѣлъ ка-

кой-то шитый мундиръ, сѣлъ на предложенные чиновниками дрожки и поѣхалъ.

Должно сказать, что большая часть имѣній, управляемыхъ своимъ выборнымъ старостой, живутъ очень хорошо, и въ такихъ имѣніяхъ рѣдко бываютъ случаи воровства или, тѣмъ болѣе, убійства; ежели тамъ не бываетъ установленной полиціи, за то весь міръ смотритъ за человѣкомъ предосудительнаго поведенія и при первой возможности избавляется отъ него, напримѣръ: отдадутъ въ солдаты, слѣдовательно земской полиціи дѣла тамъ рѣшительно нѣтъ никакого, и никто, какъ бы притязателенъ ни былъ, не рѣшится ѣхать въ такую деревню для неправыхъ поборовъ; онѣ по большой части принадлежатъ барину, живущему въ Петебургѣ, а это, какъ извѣстно, для нѣкоторыхъ провинціаловъ имѣетъ ужасающую силу. Къ числу такихъ селъ принадлежало и имѣніе петербургскаго господина: исправникъ тамъ никогда не бывалъ и его никто не видывалъ: дѣлъ не было, а безъ дѣла кому охота таскаться по судамъ. Становаго и совсѣмъ не было (кажется, былъ боленъ), а его должность исправлялъ какой-то молодой человѣкъ веселаго нрава: пріѣдетъ, сыграетъ на гитарѣ, споетъ пѣсенку и уѣдетъ, а за нимъ повезутъ сѣна или овса, муки... но эта дань приносилась не становому, а артисту; мужики его очень любили и звали его *миленькимъ*.

День былъ праздничный, часовъ пять послѣ обѣда; народу около кабака уже много толпилось, когда баринъ пріѣхалъ въ свою вотчину.

— Здѣсь староста? спросилъ баринъ, подъѣзжая къ собравшимся мужикамъ.

— Здѣсь! отвѣчалъ, выходя изъ толпы, староста:—что тебѣ надо?

— Я вашъ баринъ!

— Что? что? зашумѣла толпа.

— Говорятъ вамъ, сталъ толковать баринъ: — вы мои, а я вашъ баринъ.

— Нашъ баринъ живетъ въ Питерѣ!

— Я изъ Питера и пріѣхалъ.

— Какой ты баринъ,—ты шутъ!

— Какой шутъ? спросилъ баринъ, озадаченный этимъ немного рѣзкимъ сужденіемъ.—Я вамъ говорю, друзья мои, я вашъ

баринъ, увѣрялъ баринъ, въ воображеніи котораго рисовался уже бунтъ... Онъ всячески старался въ началѣ погасить его.

— Полно врать, отвѣчали изъ толпы:—ѣзжали и мы въ городъ, видали всякихъ господъ; а пока Богъ не приводилъ видѣть такого, какъ ты... Ты, братъ, лучше, чѣмъ болтать пустяки, какую ни на есть штуку покажи, дѣвокъ позабавь: останешься и самъ, братецъ, нами доволенъ, отблагодаримъ.

Баринъ хотѣлъ опять что-то говорить; но мужики заулюлюкали на него и тотъ долженъ былъ уѣхать отъ возмутившихся крестьянъ.

Дѣло, кажется, ясно: все произошло отъ недоразумѣній. Когдабъ мужики узнали въ баринѣ своего барина — тогдабъ... Но объ этомъ послѣ.

Баринъ прискакалъ въ городъ.

— У меня въ деревнѣ бунтъ, возмущеніе, объявилъ онъ встрѣтившимъ его чиновникамъ.

— Какъ бунтъ?!

— Да, бунтъ! подтверждалъ баринъ:—меня тамъ не узнали, или вѣрнѣе, не хотѣли узнать. Я ихъ сталъ уговаривать, но они рѣшительно не дали мнѣ одного слова сказать, и я принужденъ былъ уѣхать!

— Скажите, пожалуста! говорили чиновники:—а вѣдь мужики какіе были смирные...

— Чтожь будемъ дѣлать, господа?

— Что прикажете, то и сдѣлаемъ, отвѣчали почти въ одинъ голосъ чиновники.

— Съѣздите пожалуста въ мою деревню, сказалъ баринъ одному изъ нихъ:—меня могутъ *не узнать;* а васъ, какъ ихъ начальника, не могутъ, должны *узнать*.

— Должны, должны, отвѣчалъ чиновникъ-начальникъ, увѣренный, что его узнаютъ по обычаю и пріемамъ, хоть до этихъ поръ онъ лично ни съ кѣмъ не былъ знакомъ въ той деревнѣ: сей же часъ ѣду.

Чиновникъ, ревнуя заявить себя въ глазахъ петербургскаго барина, прискакалъ въ бунтующее село прямо къ толпѣ, собравшейся у кабака.

— Гдѣ староста? крикнулъ онъ.

— Здѣсь! что надо.

Едва чиновникъ увидѣлъ старосту, вцѣпился ему въ бороду и замеръ.

Въ это время баба вышла изъ кабака: она вынесла въ большой деревянной чашкѣ соленыхъ огурцовъ на закуску.

— Что дерешься, шальной? крикнула она на чиновника и, вѣроятно, чтобъ слова ея имѣли вѣсъ, довольно сильно толкнула его чашкой по лбу.

Чиновникъ воротился къ барину съ явными признаками усердія къ службѣ; это усердіе выражалось довольно большой шишкой на лбу.

— Какъ! васъ били?! закричалъ баринъ, увидавъ возвратившагося чиновника.

— Что жь дѣлать—служба!

— Да, сказалъ, помолчавъ, баринъ: — нечего дѣлать, зло надо въ началѣ прекратить: напишите въ Рязань, чтобъ тамъ распорядились присылкою войскъ для усмиренія деревни, а я напишу въ Петербургъ.

И стали писать: одинъ въ Рязань за войсками, другой въ Петербургъ, никому неизвѣстно, зачѣмъ.

— Зачѣмъ это пишете, Антонъ Антоновичъ? сказалъ вице-становой *миленькій*, подходя къ Антону Антоновичу:—не пишите, право не пишите: для васъ самихъ лучше будетъ.

— Да, вѣдь, вонъ приказалъ, отвѣчалъ съ горемъ Антонъ Антоновичъ, указывая на другую комнату, въ которой что-то сочинялъ петербургскій баринъ.

— И ему скажите, не пишите: такъ, молъ, уладится еще лучше.

— А какъ уладить?

— Я улажу.

— Попробую: пойду скажу ему; наврядъ только согласится, очень его ужь такъ мужики обидѣли!

Антонъ Антоновичъ пошелъ къ петербургскому барину и доложилъ ему, что исправляющій должность становаго берется убѣдить крестьянъ-бунтовщиковъ, одинъ безъ военной помощи.

Баринъ приказалъ сейчасъ же позвать къ нему такого хитреца.

— Вы хотите ѣхать въ мое имѣніе, усмирить тамъ бунтъ? спросилъ петербургскій баринъ входящаго *миленькаго*.

— Ежели позволите, я отправляюсь сейчасъ же, отвѣчалъ тотъ.

— Вы знаете: бунтъ въ началѣ легче прекратить, послѣ труднѣй будетъ.

— Знаю-съ.

— Поэтому, я думаю, должно какъ можно скорѣе донести и требовать помощи.

— Вы извольте писать въ Петербургъ, а вотъ они въ Рязань, а я пока съѣзжу въ ваше имѣніе; ежели я не успѣю вернуться скоро, то часъ другой можно обождать, не посылать.

— Вы жизнь свою подвергаете опасности; на что вы надѣетесь?

— На единаго Бога... для пользы.

— Ежели такъ—съ Богомъ!..

Эти писаки стали писать, а *миленькій* поскакалъ къ бунтовщикамъ.

— Что вы надѣлали, братцы! крикнулъ *миленькій*, влетая въ самую толпу на тройкѣ.

— Какъ, что надѣлали? Ничего за собой не знаемъ! отвѣчали изъ толпы.

— Ничего не знаете?! Баринъ вашъ пріѣзжалъ къ вамъ, а вы его не хлѣбомъ-солью встрѣтили, а прогнали!

— Когда былъ баринъ?

— Ныньче пріѣзжалъ, а вы его шутомъ обозвали, такъ онъ и уѣхалъ.

— Что ты, *миленькій*!..

— Слушай, это разъ; а вотъ будетъ два: вашъ баринъ присылалъ къ вамъ чиновника и тому морду подправили...

— Это что старосту за бороду тресъ?

— Чиновникъ! теперь дѣлайте, что знаете! сами кашу заварили, сами и расхлебывайте!

Мужики переполошились.

— Это Фенька-дура его чашкой въ морду ткнула, пусто бъ ей было!

— Прощайте, братцы, сказалъ *миленькій*, садясь опять въ свой экипажъ.

— Постой, *миленькій*, куда бѣжишь! Научи! что намъ дѣлать!

— Я не знаю, что вамъ дѣлать; что хотите, то и дѣлайте.

— Э, какой! Будто насъ не знаешь! Научи, сами тебя уважимъ, отблагодаримъ!

— Ну коли такъ: отходите, старики, въ сторону, крикнулъ *миленькій*.

Старики отошли въ сторону и *миленькій* отобралъ изъ нихъ

человѣкъ 50-ть попредставительнѣй; онъ на это дѣло мастеръ былъ: онъ даже разъ участвовалъ въ благородномъ спектаклѣ.

— Слушай, старики! сталъ учить ихъ *миленькій*:—сейчасъ ступайте во дворъ къ барину; какъ во дворъ,—всѣ поклонъ въ землю и не вставай; выйдетъ къ вамъ баринъ — все лежи и до тѣхъ поръ лежать, пока не проститъ; проститъ — поднесите хлѣбъ-соль и опять въ землю, и не вставать, пока не приметъ той хлѣба-соли. Приметъ хлѣбъ-соль — встать да третій разъ въ землю—зовите въ его барскую вотчину, въ ваше село пожаловать, и все-таки лежать, пока не скажетъ, что пріѣдетъ къ вамъ!

— Хорошо батюшка, хорошо, родимой! сдѣлаемъ все по твоимъ словамъ!....

Миленькій поскакалъ въ городъ, а старики-артисты пошли вслѣдъ за нимъ.

Едва успѣлъ *миленькій* войти въ квартиру барина, какъ самъ баринъ его встрѣтилъ: онъ опасался за его жизнь и все время просмотрѣлъ въ окошко, поджидая его; а потому не успѣлъ окончить своего посланія въ Петербургъ.

— Ну что Богъ далъ? спросилъ баринъ входящаго *миленькаго*.

— При помощи Божіей, привелъ въ повиновеніе все село!

— Неужели?.. такъ скоро!

— Почетные мужики идутъ за мной слѣдомъ просить у васъ прощенія.

Въ самомъ дѣлѣ, спустя нѣсколько времени, мужики ввалились во дворъ и растянулись на землѣ, какъ училъ *миленькій*.

Баринъ опять надѣлъ свой загадочный костюмъ и вышелъ на крыльцо.

— Что вамъ надо?

— Милости пришли просить: прости насъ, что не признали твоей милости! завопили мужики, не вставая съ земли.

Баринъ сталъ говорить рѣчь, говорилъ болѣе получасу, и должно быть очень хорошую, потому что мужики не поняли ни одного слова. Наконецъ простилъ. Мужики встали, одинъ сталъ подносить барину хлѣбъ-соль, а всѣ опять (по программѣ *миленькаго*) повалились въ ноги. Баринъ опять прочиталъ рѣчь не короче и не хуже первой и изволилъ принять хлѣбъ-соль. Мужики встали.

— Батюшка баринъ! осчасливь насъ, людишекъ твоихъ, пожалуй въ свою вотчину, на наше село! закричали и опять въ ноги.

Баринъ опять таки прочиталъ подобную же рѣчь и обѣщалъ побывать въ своей вотчинѣ, на ихнемъ селѣ.

Мужики тогда только окончательно встали; баринъ, довольный своимъ краснорѣчіемъ, пошелъ въ домъ; а мужики пошли на свое село.

На другой день чиновникъ, такъ неудачно ѣздившій усмирять бунтъ, предложилъ барину проводить его по уѣзду; но баринъ, поблагодаря его, просилъ проводить себя *миленькаго*. *Миленькій* сразу смекнулъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Позвольте мнѣ прежде съѣздить, сказалъ онъ барину:— не ровенъ случай: не было бы какой непріятности вамъ.

Баринъ, разумѣется, согласился, и *миленькій* полетѣлъ на село.

— Собирайся и старъ и малъ!—крикнулъ онъ, пріѣхавъ въ село:—сейчасъ баринъ будетъ: чтобъ всѣ были на площади, а какъ баринъ подъѣдетъ, вались на землю и кричи ура!

Миленькій вернулся въ городъ.

— Ну что, почтеннѣйшій, спросилъ его баринъ: — какъ идутъ дѣла?

— Слава Богу: все благополучно; мужики ваши хотѣли вамъ приготовить угощеніе, только, извините мою дерзость, я не приказалъ.

— И прекрасно сдѣлали! Поѣдемте.

Едва баринъ въѣхалъ въ село, какъ всѣ мужики, бабы, дѣвки, дѣвчонки, ребятишки упали въ ноги и закричали: ура!... Баринъ сталъ что-то говорить, а мужики, не получа наказа отъ *миленькаго*, все лежали на землѣ и кричали свое *ура!* Наконецъ *миленькій* подошелъ къ одному и толкнулъ; тотъ поднялся, а за нимъ и вся толпа встала и кончила *уру*. Баринъ опять сказалъ рѣчь, послѣ которой онъ приказалъ купить на два цѣлковыхъ водки и приказалъ поднести крестьянамъ изъ своей рюмки. Объ этой рюмкѣ крестьяне долго толковали, для чего она сдѣлана: вѣрно не для водки, изъ такой крохотной невиданное дѣло пить водку, а должно быть изъ нея пьютъ что нибудь да забористое.

Послѣ этого баринъ уѣхалъ и на прощаньи подарилъ *миленькому* серебряный портъ-сигаръ, въ которомъ было положено

тридцать папиросъ (но то были не папиросы, а пятидесяти рублевыя бумажки, свернутыя на подобіе папиросъ). Потомъ обѣщалъ опредѣлить дѣтей на казенный или на свой счетъ въ петербургскія заведенія.

Миленькій, простившись съ бариномъ, прямо поѣхалъ въ усмиренную деревню, гдѣ, говорятъ, тоже не безъ удовольствія простился.

Замѣчательно, что образованные люди стараются всему дать особый толкъ; недоразумѣніе, жалоба—у нихъ все бунтъ! другаго слова и нѣтъ въ ихъ словарѣ!

Я сидѣлъ съ покойнымъ Михаиломъ Александровичемъ Стаховичемъ у него въ деревнѣ. Часа въ два ночи прискакалъ нарочный изъ Ельца. (*)

Мы вышли на крыльцо.

— Зачѣмъ пріѣхалъ?

— Бунтъ?

— Гдѣ?

— Цѣлое село ** взбунтовалось!

— Гдѣ бунтовщики?

— Въ Ельцѣ.

— Что они дѣлаютъ?

— Спятъ на дворѣ земскаго суда.

— Ну, хорошо! ступай спать!

На другой день бунтовщики въ земскомъ судѣ на колѣняхъ принесли жалобу Стаховичу; тотъ имъ сказалъ, что они тѣмъ виноваты, что *всѣ* пришли, бросивши работу; что можно было бы придти одному; а потому онъ приказалъ имъ изъ себя выбрать троихъ и другъ друга наказать розгами.

Толпа зашумѣла:

— Иди, Ванька.

— Ладно!

— Да ты, Андрюшка! да вотъ еще хоть Антошку возьмите.

— Ну ладно, ладно!..

Пошли Ванька, да Андрюшка, да Антошку съ собой взяли, другъ друга перепороли, тѣмъ и бунтъ кончился!..

А то есть такіе господа, которые отыскиваютъ бунты и ужасно сердятся, когда не находятъ ихъ, а видятъ одну тишину. Такъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ въ Полтавской губерніи

(*) Стаховичъ былъ уѣзднымъ предводителемъ.

одинъ чиновникъ вызвался *узнавать духъ народа*. Запасся какимъ-то фальшивымъ паспортомъ, переодѣлся и отправился. Отъѣхавъ верстъ сто отъ Полтавы, пошелъ въ шинокъ, тамъ было много народу.

— Здравствуйте, сказалъ чиновникъ.

— Здравствуй и ты! получилъ въ отвѣтъ.

— Я полякъ.

— Ага!

— Вотъ и билетъ у меня!

— Да не надо!

— Да ты посмотри!

— А ну, посмотрю! сказалъ бывшій здѣсь писарь, къ которому подступилъ чиновникъ.

— Ну, что?

— Билетъ! отвѣчалъ писарь, возвращая билетъ: — билетъ дай, билетъ!

— Я пришелъ бунтовать!

— Противъ кого?

— Противъ царя!

Въ это время чиновникъ получилъ отъ писаря довольно сильный ударъ кулакомъ въ зубы.

— Какъ ты смѣешь драться? Я чиновникъ!

— Какъ чиновникъ?

— На, читай!

И чиновникъ показалъ писарю настоящій свой чиновничій видъ.

— Какъ же это такъ: у тебя два вида?

— Два; вотъ этотъ настоящій!

— А можетъ быть и этотъ фальшивый!

— Нѣтъ, этотъ настоящій!

— У насъ вотъ какъ: руки скрутить, да и въ городъ!

— Ты этого сдѣлать не смѣешь!

— А посмотримъ! Народъ бунтовать пришелъ, такъ можетъ и смѣю!

Связали этого господина и представили въ городъ. Какъ вы думаете, что сдѣлалъ этотъ господинъ? Казалось бы, онъ, какъ ревнитель общественнаго покоя, долженъ былъ быть доволенъ такимъ состояніемъ *духа* народа; нѣтъ, онъ объявилъ, что мужики бунтуютъ и его поколотили!..

Нѣкоторые господа непремѣнно видятъ во всѣхъ подобныхъ

случаяхъ—бунты и не хотятъ видѣть, что всѣ желанія бунтовщиковъ ограничиваются тѣмъ, чтобы довести свои жалобы до царя. Страшный новгородскій бунтъ, по мнѣнію народа, не былъ бунтомъ, а карою царскихъ будто бы измѣнниковъ, и единственною ихъ цѣлію было показать царю измѣнниковъ, которыхъ будто бы набольшіе покрывали. Въ это время ѣхалъ изъ Старой Русы офицеръ изъ нѣмцевъ и везъ съ собою какое-то лекарство; вдругъ на него напали бунтовщики.

— Стой! Что везешь?

— Ядъ! отвѣчалъ тотъ.

— Какъ ядъ?

— Да, ядъ — васъ отравливать!

— А! къ царю его и съ ядомъ!

Нарядили тройку, четверыхъ караульныхъ и повезли хитраго господина въ Петербургъ.

Впрочемъ, я видѣлъ одинъ только разъ и одного только очень опаснаго заговорщика въ одномъ губернскомъ городѣ.

Лежалъ я послѣ обѣда съ книжкой на диванѣ и ко мнѣ пришелъ одинъ гарнизонный юнкеръ.

— У меня голова болитъ, хочу заснуть — не пройдетъ ли! сказалъ я, желая его выпроводить.

— Спите, отвѣчалъ тотъ: — а я сяду, поговорю!

Я сталъ читать, онъ сталъ говорить.

— Знаете, я заговоръ дѣлаю! сказалъ онъ черезъ полчаса.

— Какъ такъ? спросилъ я.

— Да, заговоръ!

— Гдѣ?

— Здѣсь, въ городѣ.

— Противъ кого же?

— Разумѣется, противъ правительства.

— Съ кѣмъ же вы дѣлаете заговоръ?

— Одинъ!

— Ну, дай Богъ часъ.

П. ЯКУШКИНЪ.

УВАЖЕНІЕ КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

(ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ).

Weinhold, Die deutschen Frauen in dem Mittelalter.
H. W. Riehl. Die Familie. 5-te Aufl. 1861.
G. Klemm, Die Frauen. 6 Bde. 1859.
Joh. Scherr, Geschichte deutscher Cultur und Sitte. 2-te Aufl. 1860.
Joh. Scherr, Geschichte der deutschen Frauen. 1860.
J. Michelet, La Sorcière. 1862.

(ОКОНЧАНІЕ).

X.

Образованіе, распространенное и на женщинъ, могло бы конечно много, хотя и не вполнѣ, помочь дѣлу. Но оно оставалось въ самомъ жалкомъ положеніи. Чуть ли даже не стало хуже прежняго. Чѣмъ ближе къ концу среднихъ вѣковъ, тѣмъ меньше встрѣчается въ Германіи женщинъ сколько нибудь замѣчательныхъ по образованію. Двѣ—три женскія школы, существовавшія въ нѣкоторыхъ городахъ, нельзя принимать и въ разсчетъ,—такъ онѣ были ничтожны. Главными центрами женскаго воспитанія продолжали быть монастыри. Но они все больше и больше удалялись отъ идеала, въ угоду которому были созданы, а наконецъ и совсѣмъ перестали напоминать о немъ. По прежнему были они пріютами дѣвственницъ поневолѣ, не нашедшихъ себѣ въ міру мужей. По прежнему попадали въ нихъ женщины вслѣдствіе родительской воли, безъ всякаго желанія и безъ всякаго религіознаго энтузіазма. Мелкое дворянство смотрѣло на нихъ, какъ на очень удобныя убѣжища для своихъ безприданницъ. Ученье дѣвочекъ, которыхъ принимали къ себѣ монахини, было чисто механическое. Школьная мастерица, бывшая въ каждомъ почти монастырѣ, и сама знала не много. Пѣть, читать, писать, знать богослужебные обряды, шить и вышивать,—вотъ была и вся задача преподаванія. Наиболѣе развивающимъ занятіемъ было развѣ переписыванье книгъ, которое оставалось до изобрѣтенія книгопечатанія

одною изъ спеціальностей какъ женскихъ, такъ и мужскихъ монастырей.

Излишество досуговъ, обильная и вкусная пища, отсутствіе заботъ о существованіи, какъ нельзя больше способствовали и фантазіямъ, и осуществленію ихъ. Историческія свидѣтельства говорятъ единодушно ясно о постепенномъ развитіи въ женскихъ монастыряхъ совсѣмъ не монастырскихъ нравовъ. Особенно богато такими свидѣтельствами XVI-е столѣтіе. Изъ множества примѣровъ можно ограничиться двумя тремя, достаточно характеристичными. Въ женскій монастырь Гнаденцелль на швабскихъ альпахъ сосѣдніе дворяне отправлялись кутить, устроивали тамъ пляски и оргіи. Все это не обходилось безъ извѣстныхъ послѣдствій. Одинъ изъ веселыхъ сіятельныхъ патроновъ монастыря упрекалъ настоятельницу въ письмѣ, что она «нѣсколькихъ бѣдныхъ дѣвицъ» не удалила во-время, и оттого сосѣди имѣютъ право говорить, что «монастырскія стѣны оглашаются дѣтскимъ крикомъ». Подобными же нравами отличался монастырь въ Кирхгеймѣ. Виртембергскій герцогъ Ульрихъ писалъ сыну своему, Эбергарду младшему: «Недавно пріѣхалъ ты въ Кирхгеймъ и поднялъ тамъ пляску въ монастырѣ, въ два часа по полуночи. Да еще не удовольствовался грѣшною жизнью, которую самъ ведешь со своими приспѣшниками, — и брата своего съ собою взялъ». Такія уклоненія отъ обѣта цѣломудрія вызывали не разъ реформы и карательныя мѣры. Такъ, не разъ принимались за острастку монастыря Гнаденцелля, и едва водворили тамъ хоть внѣшнее благочиніе. Молва о распущенной жизни въ женскомъ монастырѣ близь Ульма заставила произвести тамъ слѣдствіе. Епископъ, производившій его, доноситъ папѣ, что нашелъ въ монастырскихъ кельяхъ любовныя письма, поддѣльные ключи, роскошныя свѣтскія платья, и притомъ — большую часть монахинь въ «интересномъ положеніи».

Духовенство и монашество мужское отличалось еще пущимъ распутствомъ. Магистратскіе протоколы нѣмецкихъ городовъ въ XV-мъ столѣтіи наполнялись жалобами на грубую безнравственность и безстыдство духовенства (особенно монастырскаго), и разными строгими мѣрами противъ нихъ. Мужскіе монастыри превратились въ притоны тунеядства, невѣжества и праздности. Раздраженіе противъ духовенства было повсюду. О немъ ходили безчисленные скандальные разсказы. Сборникъ разнаго рода анекдотовъ, записанныхъ со словъ народа и изданныхъ въ 1506 году Бебелемъ (подъ названіемъ Facetien), переполненъ циническими похожденіями патеровъ и монаховъ. Въ масляничныхъ фарсахъ духовенство предавалось самымъ жестокимъ насмѣшкамъ. Неизбѣжнымъ лицомъ являлась тутъ наложница или — гораздо безцеремоннѣе—Pfaffenmetze. Чѣмъ ближе ко вре-

меніи реформаціи, тѣмъ громче и рѣшительнѣе раздавался обличительный голосъ сатиры. Высшей силы своей достигла она въ знаменитыхъ *Письмахъ темныхъ людей* (обскурантовъ). Эта сатира почти непосредственно предшествовала сожженію Лютеромъ папской буллы.

Рядомъ съ нравами духовенства, нравы мірянъ не кажутся уже столь вопіющими, хотя въ нихъ тоже былъ изрядный хаосъ. Грубость и безстыдство служатъ главною цѣлью нападокъ тогдашнихъ поэтовъ, проповѣдниковъ и даже хронистовъ. Особенно раздражаетъ ихъ фривольность въ одеждѣ. Видно, даже являться на улицахъ въ костюмѣ Адама и Евы не считалось рѣдкостью. Иначе зачѣмъ бы сант-галленскому совѣту издавать въ 1503 г. запретъ ходить нагишомъ по городу и его округѣ?—Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сатириковъ XV-го вѣка, Себастіанъ Брантъ, восклицаетъ: «Стыдъ нѣмецкой націи! Все, что природа предписываетъ скрывать и прятать, обнажается и выставляется на видъ». Одинъ страсбургскій проповѣдникъ говорилъ съ каѳедры о женщинахъ: «Посмотрите только на ихъ одежду! Не безуміе ли это и поверхъ и ниже пояса? Рубашки всѣ въ сборкахъ; а воротъ у платья какъ вырѣзанъ! Рукава такіе широкіе, какъ у монашескихъ рясъ; а платья такія коротенькія, что ни спереди, ни сзади ничего не прикрываютъ».

Во второй половинѣ XV-го столѣтія появилась въ литературѣ и болѣе серьезная реакція господствовавшей распущенности. Реакція эта выходила изъ среды предшественниковъ такъ называемыхъ гуманистовъ XVI-го вѣка. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи сочиненіе Альбрехта фонъ-Эйба о бракѣ. Авторъ поднесъ свою книгу нюренберскому совѣту въ видѣ подарка на новый 1472 годъ. Она имѣла въ виду и духовенство, которое провозглашало бракъ чѣмъ-то низкимъ для себя, и свѣтское общество съ его неопредѣленною моралью. Фонъ-Эйбъ ставитъ бракъ и уваженіе къ нему краеугольнымъ камнемъ общественнаго благоденствія. «Всемогущій Богъ, разсуждаетъ онъ, какъ справедливый отецъ, хотѣлъ, чтобы родъ человѣческій былъ вѣченъ, и создалъ сначала мужчину по своему божественному подобію, а потомъ женщину по образу мужчины, дабы было два пола, мужчины и женщины, рождать дѣтей и населять предѣлы земли. Это долженствовало происходить въ формѣ святаго брака, и Богъ-Отецъ самъ установилъ и устроилъ бракъ въ сладостномъ раю и во время невинности. Потомъ Господь Богъ, живя во образѣ человѣческомъ, лично почтилъ и благословилъ бракъ, и удостоилъ его своими божественными знаменіями, превративъ при этомъ воду въ вино. Бракъ похваляется и чествуется и природой, которая вложила въ человѣка побужденіе имѣть дѣтей, сходныхъ съ нимъ,

И законоположенія опредѣлили, что бракъ долженъ быть заключаемъ по обоюдной мужа и жены свободной волѣ, въ знакъ того, что между ними долженъ господствовать вѣчный миръ и согласіе, и вѣрная любовь и дружество. Такимъ образомъ бракъ есть честное дѣло, отецъ и наставникъ чистоты. Бракъ есть полезное, благое дѣло: онъ зиждетъ, умножаетъ и содержитъ въ мірѣ домà, города и страны; онъ утишаетъ многія распри и войны, возстановляетъ родство и доброе дружество между посторонними и увѣковѣчиваетъ весь родъ человѣческій. Что можетъ быть отраднѣе и слаще имени отца, матери и дѣтей, припадающихъ на грудь родителей? Когда мужъ и жена имѣютъ другъ къ другу истинную любовь и истинное доброжелательство, то радость и горе у нихъ общія, и тѣмъ радостнѣе наслаждаются они добромъ, и тѣмъ легче переносятъ непріятное».

XI.

Въ томъ же духѣ и тонѣ, какъ фонъ-Эйбъ, говорилъ о бракѣ и Лютеръ. Такъ же говорили и другіе сподвижники реформаціи. Взглядъ не новъ; онъ заимствованъ почти цѣликомъ изъ библейскихъ моралистовъ ветхаго завѣта. Безбрачіе духовенства, приведшее къ такому разврату и въ немъ самомъ и въ обществѣ, должно было заставить Лютера прибѣгнуть къ библейскимъ поученіямъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній о необходимости и святости брака. Онъ впрочемъ черпалъ свои доводы и изъ простаго здраваго смысла... Въ природѣ столь же глубоко внѣдрена потребность родить дѣтей, какъ потребность ѣсть и пить. Поэтому Богъ далъ тѣлу члены, жилы, соки и все, что для того нужно. Противиться и не слѣдовать тому, что велитъ исполнять природа,—то же, что хотѣть, чтобы природа не была природой, чтобы огонь не жегъ, вода не мочила, человѣкъ не ѣлъ, не пилъ и не спалъ». Это разсужденіе какъ нельзя болѣе справедливо и теперь. Но обращаясь къ нравственнымъ качествамъ женщины и ея обязанностямъ, Лютеръ ставитъ женщину въ исключительно служебное подчиненіе мужчинѣ. Она должна существовать какъ бы только для украшенія жизни мужчины, для пополненія его существованія. О самостоятельномъ значеніи и достоинствѣ ея нѣтъ и помину. Въ *Похвалѣ доброй женѣ* Лютеръ просто перифразируетъ Соломона, къ притчамъ котораго прибѣгаетъ такъ часто и нашъ *Домострой*. «Благочестивая, богобоязненная жена есть рѣдкое благо, выше и драгоцѣннѣе жемчуга», говорится въ *Похвалѣ*. «Мужъ полагается на нее и довѣряетъ ей все. Она радуетъ и веселитъ мужа, не печалитъ его, поступаетъ любовно и во всю жизнь не причиняетъ ему горя. Она обработываетъ ленъ и шерсть, и охотно трудится собственными руками, и обряжаетъ домъ, и подобится судну купе-

ческому, которое везетъ изъ дальнихъ странъ много добра и товаровъ. Рано встаетъ она, кормитъ челядь домашнюю и раздаетъ уроки служанкамъ. Обо всемъ, что слѣдуетъ, хлопочетъ она, и всѣмъ занимается съ радостью. Что до нея не касается, оставляетъ. Она крѣпко препоясываетъ себя и не полагаетъ рукъ, заботясь по дому. Она замѣчаетъ полезное и отвращаетъ вредное. Свѣтильникъ ея не угасаетъ ночью. Она протягиваетъ руки къ прялкѣ и персты ея берутъ веретено; она работаетъ съ охотой и усердіемъ. Она распростираетъ свои руки надъ бѣдными и неимущими; даетъ и помогаетъ съ любовью. Она держитъ свое домашнее хозяйство въ добромъ порядкѣ; не ходитъ неряшливая и запачканная. Нарядъ ея — опрятность и прилежаніе. Она открываетъ уста свои съ мудростью; на языкѣ ея пріятное поученіе; она воспитываетъ дѣтей своихъ словомъ Божіимъ. Мужъ хвалитъ ее; сыновья приходятъ и прославляютъ ее.»—Странно было бы и ждать иного взгляда отъ нѣмецкаго реформатора. Не надо забывать, что реформа его касалась церкви — и только церкви. Соціальныя отношенія казались ему непогрѣшимыми, какъ скоро опирались на систему, которой онъ безусловно подчинялся. Его негодованіе обращалось только на частныя уклоненія отъ нея. Шерръ очень характеристично называетъ Лютера настоящимъ изобрѣтателемъ ученія объ ограниченномъ вѣрноподданническомъ разумѣ. «Самыя опредѣленныя свидѣтельства изъ устъ реформатора подтверждаютъ справедливость этого мнѣнія. Всякому извѣстно, что Лютеръ признавалъ законность крѣпостнаго права; что онъ считалъ необходимымъ обременять простаго человѣка тягостями, потому что иначе онъ будетъ слишкомъ *своеволенъ;* что онъ признавалъ даже за администраціей право измѣнять по произволу правила таблицы умноженія». Съ такимъ взглядомъ трудно связывать благотворное вліяніе на общественную нравственность. Если мы замѣчаемъ въ лучшихъ и наиболѣе развитыхъ кругахъ того времени бо́льшую чистоту нравовъ, бо́льшую разумность въ семейныхъ отношеніяхъ, то это слѣдуетъ приписать вліянію общаго гуманитарнаго направленія тогдашней образованности, а не церковной реформѣ. Книгопечатаніе давало больше средствъ къ распространенію грамотности и знанія. Женщинамъ стало легче усвоивать себѣ кое-что изъ современной науки. Послѣ реформаціи и разоренія монастырей чаще основывались женскія училища. Латинскій языкъ вошелъ въ такую же моду, какъ потомъ французскій.

Въ дѣлѣ реформаціи участіе женщинъ было значительно. Лютеръ, какъ человѣкъ практическій, умѣлъ имъ пользоваться. «Если женщины принимаютъ ученіе Евангелія, говоритъ онъ, то онѣ гораздо сильнѣе и ревностнѣе въ вѣрѣ, чѣмъ мужчины, и гораздо

крѣпче и упорнѣе ея держатся». Успѣху новаго ученія помогали своимъ политическимъ вліяніемъ герцогини Катерина Саксонская и Елизавета Брауншвейгская, курфюрстины Сибилла Саксонская и Елизавета Бранденбургская, принцесса Маргарита Ангальтская. Лютеръ былъ въ перепискѣ и съ сестрою своего могущественнаго противника, Карла V-го, королевой Маріей Венгерской. Въ графскихъ фамиліяхъ Мансфельдовъ и Штольберговъ реформація нашла себѣ ревностныхъ приспѣшницъ. Анна Штольбергъ была первою евангелическою настоятельницей знаменитаго Кведлинбургскаго аббатства. Во многихъ городахъ у Лютера были послѣдовательницы и корреспондентки и не такого высокаго положенія. Онѣ тоже помогали ему и дѣломъ и словомъ, публичною проповѣдью. Таковы Магдалина Гаймеръ изъ Регенсбурга, Катерина Юнкеръ изъ Эгера и другія. Но изъ всѣхъ этихъ женщинъ лишь одна, по энергіи, силѣ убѣжденія, одушевленію и пониманію дѣла, стоитъ на ряду съ лучшими пособниками виттенбергскаго монаха. Это Аргула Грумбахъ, изъ Франконіи. Она серьезно изучала Библію и была вся проникнута ученіемъ Лютера. Не смотря на преслѣдованія и гоненія, она съ неостывающею ревностью дѣйствовала въ пользу реформаціи. Посланія ея, распространявшіяся и въ печати, не оставались безъ дѣйствія. Она вошла сначала въ переписку, а потомъ и въ личныя сношенія съ Лютеромъ. Между прочимъ, она же рѣшительно совѣтовала реформатору жениться. Жена Лютера, Катерина Бора, бывшая монахиня, которой онъ самъ помогалъ бѣжать изъ монастыря съ восемью ея товарками, удовлетворяла повидимому вполнѣ его идеалу жены. «Сердечная Катя» («herzliebe Kättre»), какъ онъ называлъ ее въ своихъ письмахъ, была добрая хозяйка и умная женщина, но мало участвовала въ дѣлахъ мужа. Эразмъ говоритъ, что Лютеръ послѣ женитьбы сталъ значительно мягче и кротче къ своимъ противникамъ.

Разумѣется, не всѣ обитательницы монастырей покидали ихъ въ эпоху реформаціи для того, чтобы сдѣлаться скромными подругами любимыхъ людей, какъ Катерина Лютеръ. Закрытіе монастырей, часто очень бурное, ясно показываетъ, какъ мало участвовало въ отшельничествѣ религіозно-аскетическое настроеніе. Мнимый аскетизмъ прямо переходилъ въ противоположную крайность. Такъ было напримѣръ въ 1526 году при упраздненіи монастырей святой Клары въ Нюренбергѣ. А между тѣмъ этотъ монастырь былъ еще однимъ изъ наиболѣе чинныхъ. Тамъ и наука не была совсѣмъ чуждою гостьей. Двѣ аббатиссы этого монастыря, Харита и ея преемница Клара, двѣ сестры гуманиста Вилибальда Пиркгеймера, были извѣстны своимъ образованіемъ, переписывались «о матеріяхъ важныхъ» съ разными учеными,—а старшая оставила по себѣ

и любопытные мемуары. Монастырь славился и воспитаніемъ, какое давалось тамъ юнымъ дѣвицамъ.—Современныя свидѣтельства представляютъ, кромѣ того, священниковъ, которые извлекаютъ себѣ монахинь изъ обителей и разъѣзжаютъ съ ними съ мѣста на мѣсто; монахинь, которыя, несмотря на очень почтенный возрастъ, изловчаются, съ умѣньемъ свѣтскихъ кокетокъ, отыскивать себѣ мужей; цѣлыя шайки высокородныхъ дамъ и кавалеровъ, которые врываются въ монастыри,—и все ставится тамъ вверхъ дномъ, идетъ пьянство, пляска, адскій кутежъ.

Иначе едва ли могло быть. Не могли же нравы измѣниться сразу. Къ тому же въ морали, принятой за основу, не было и задатковъ для лучшаго порядка. Въ то время, какъ Лютеръ выводилъ изъ Библіи свой идеалъ брака, Янъ Лейденскій проводилъ принципъ многоженства. Какъ извѣстно, у этого «истиннаго царя новаго храма сіонскаго» было четырнадцать женъ, и такіе же гаремы были и у его «вельможъ» въ Мюнстерѣ. Одна изъ четырнадцати женъ пророка, Елизавета, объявляетъ ему, что ласки его стали ей противны. Янъ Бокельсонъ облачается въ парчевыя царскія одежды, и въ торжественной процессіи ведетъ ее на площадь. Тамъ онъ собственными руками рубитъ ей голову, и потомъ пляшетъ со своими остальными тринадцатью женами вокругъ обезглавленнаго тѣла.

Но это явленіе исключительное. Возьмемъ нѣсколько болѣе общихъ характеристикъ изъ современныхъ свидѣтельствъ о нѣмецкомъ бытѣ въ вѣкъ реформаціи.

Одинъ изъ лучшихъ людей этого вѣка, поэтъ и рыцарь гуманизма, Ульрихъ Гуттенъ, записываетъ разговоръ Фаэтона и Солнца, наблюдающихъ съ воздушныхъ высотъ нравы Германіи:

«Фаэтонъ. Я вижу, тамъ купаются вмѣстѣ мужчины и женщины, и мнѣ кажется, это не можетъ обходиться безъ вреда для ихъ стыдливости и чести.

Солнце. Никакого вреда нѣтъ.

Фаэтонъ. Да вѣдь они, я вижу, и цалуются.

Солнце. Точно.

Фаэтонъ. И ласково обнимаются.

Солнце. Да.

Фаэтонъ. Можетъ быть, они слѣдуютъ законамъ Платона, и жены у нихъ общія?

Солнце. Нѣтъ, не общія. Но этимъ они доказываютъ свое довѣріе. Ни въ единомъ мѣстѣ, гдѣ женъ берегутъ, не найдешь ты женскую чистоту въ такой неприкосновенности, какъ у этихъ женщинъ, надъ которыми нѣтъ никакого надзора и присмотра. Нигдѣ не рѣдко такъ прелюбодѣяніе, и нигдѣ бракъ не соблюдается строже.

Фаэтонъ. Будто?

Солнце. Я тебѣ говорю, такъ.

Фаэтонъ. И подозрѣнія никакого не бываетъ? Глядя на то, какъ обращаются съ ихъ молоденькими женами, дѣвушками, никто не боится за ихъ честь?

Солнце. И мысли объ этомъ не приходитъ. Они вполнѣ довѣряютъ другъ другу, и живутъ въ добромъ согласіи и вѣрности, свободно и честно, безъ всякаго обмана и измѣны».

Что это такое? нравы временъ Цезаря, какъ примѣръ? или очищенные гуманизмомъ рыцарскіе обычаи? Вѣрнѣе всего, что это иронія, и вовсе не тонкая. Шерръ, указывая на кодексъ уголовныхъ законовъ Карла V (Carolina), очень справедливо говоритъ, что «страшная строгость его относительно половыхъ проступковъ доказываетъ обиліе этихъ преступленій. Лѣтописи уголовной юстиціи XVI вѣка представляютъ и фактическія подтвержденія.

Послушаемъ еще современнаго свидѣтеля другаго склада, нежели Гуттенъ, именно одного изъ послѣднихъ рыцарей Германіи, Ганса Швейнихена, который написалъ свою автобіографію. О гуманизмѣ онъ и не слыхивалъ, и хвалится, что «пьянство доставило ему большой кругъ знакомства въ имперіи». Со своимъ государемъ, герцогомъ Лигницкимъ, разъѣзжалъ онъ изъ мѣста въ мѣсто, имѣя въ виду одно прихлебательство. «Въ 1570 году, разсказываетъ онъ, началъ я съ полной готовностью снюхиваться съ дѣвицами, и, по моему, дѣйствовалъ молодцомъ («былъ Meister Fix», какъ онъ выражается). Сталъ разъѣзжать по свадьбамъ и другимъ мѣстамъ, куда меня звали, и вездѣ годился, жралъ и пилъ по полуночи и по цѣлымъ ночамъ, и обдѣлывалъ любовныя дѣлишки на славу».

Любопытно также послушать, что говорятъ современники о тогдашнихъ танцахъ, которые были одною изъ главнѣйшихъ общественныхъ забавъ. Безъ нихъ, какъ безъ обилія яствъ и питей, не обходилось ни одного собранія. Ученый Агриппа Неттесгеймскій пишетъ въ своей книжицѣ *О тщетѣ наукъ:* «пляшутъ съ непристойными тѣлодвиженіями и неистовымъ топаньемъ подъ сладострастную музыку и вольныя пѣсни. Обнимаютъ дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ безстыдными руками, какъ любовницъ...» Одинъ пасторъ, въ памфлетѣ, посвященномъ исключительно танцамъ его времени, говоритъ, что «танцующіе безпорядочно снуютъ и бѣгаютъ какъ коровы, мечутся и вертятся. Такое постыдное и пасиудное скаканье, круженье и верченье происходитъ отъ плясовыхъ бѣсовъ. Или же кинутся вдругъ вдвоемъ на полъ, а другіе налетятъ, къ нимъ же, и лежатъ кучей. Кто любитъ на всякое безстыдство смотрѣть, тому очень нравится такое скаканье, паданье и маханье платьями. Которая дѣвица боль-

ше всѣхъ напляшется, наскачется, навертится и выкажетъ себя, та слыветъ за самую лучшую, и сами матери хвалятся этимъ. Чортъ подзадориваетъ и нашихъ молодыхъ и старыхъ вдовъ. Онѣ также ломаются и безстыдничаютъ, какъ и молоденькія дѣвушки, и на ночныхъ танцахъ являются первыя, а уходятъ послѣднія». Другой моралистъ послѣдней четверти XVI-го вѣка жалуется: «на вечернихъ танцахъ, гдѣ только и дѣлаютъ, что безстыдно пляшутъ, скачутъ, вертятся, не одна женщина потеряетъ свою добрую славу. Иная дѣвица научается тамъ тому, чего ей лучше бы никогда не знать. Кто такія пляски одобряетъ — негодяй, а кто ихъ защищаетъ — мошенникъ. Не дикое ли это безобразно-скотское скаканье бѣганье и снованье? и проч. Въ теченіе всего XVI-го вѣка и государи, и городскіе магистраты издавали предписанія, въ которыхъ требовали, чтобы танцующія «пристойно одѣвались и прикрывались»; танцорамъ же особенно предписывалось «дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ не закруживать и не подкидывать». — Женская одежда въ XVI-мъ столѣтіи стала впрочемъ вообще скромнѣе прежняго. Только женщины продолжали бѣлиться и румяниться.

Исторія тогдашнихъ дворовъ тоже не богата образцами той нравственности, которой гуманисты и реформаторы требовали отъ семьи и красы ея, женщины. Варварства, невѣжества и разврата было тутъ довольно. Особенно характеристично невѣжество, которымъ очень ловко пользовалось шарлатанство. Мы разскажемъ одинъ такой случай.

Нѣкто чернокнижникъ, въ родѣ Калостро, нѣмецъ, хоть и съ греческимъ именемъ, вкрался въ довѣріе герцога Юлія Брауншвейгъ-Люнебургскаго. Филиппъ Тероциклъ (нѣмецкій Зоммерлингъ) хвалился, что умѣетъ дѣлать «философскій камень». Герцогъ былъ слабъ и болѣзненъ, и шарлатанъ обѣщалъ ему превратить его вновь въ цвѣтущаго юношу. Для этого герцогу слѣдовало оставить жену, съ которою онъ уже прижилъ десятерыхъ дѣтей и былъ друженъ. Орудіемъ его обновленія должна была служить нѣкая Анна Циглеръ, женщина самаго свободнаго нрава. Удивительно, чему только нельзя было заставить тогда вѣрить! Анна Циглеръ выдавала себя за натуру особенную, исключительную. Она утверждала, что пробыла только восьмнадцать недѣль во чревѣ матери; что потомъ ее воспитывали въ особо для того приготовленной кожѣ и кормили составомъ, которымъ можно дѣлать золото и превращать въ золото другіе металлы; что на ней не бывало никакой нечистоты; что она ни съ кѣмъ изъ женщинъ не сходна, и можетъ быть приравнена только къ ангеламъ... что кто будетъ въ связи съ нею, проживетъ безболѣзненно ста годами долѣе другихъ людей.

Герцогъ всему повѣрилъ, и началъ дѣло своего обновленія. Все пошло бы хорошо, еслибъ наконецъ чернокнижника, его пріятельницы и всей ихъ нахальной банды, нахлынувшей ко двору, не заподозрили въ покушеніи на жизнь герцогини. Дѣло кончилось тѣмъ, что Тероцикла до смерти защипали раскаленными клещами, Анну Циглеръ сожгли, а сообщниковъ ихъ колесовали.

Вся эта грубость, дичь и безстыдство блѣднѣютъ однакожъ передъ тѣмъ галантерейнымъ распутствомъ, которое охватило германскіе дворы въ XVII-мъ столѣтіи, по образцу французскаго двора.

XII.

Католическіе дворы въ Германіи слѣдовали болѣе испанско-итальянскому вліянію; дворы же протестантскіе тщились усвоивать нравы и образъ жизни французской Renaissance. И тѣ и другіе представляли безобразное зрѣлище своею роскошью, своимъ безпутствомъ, рядомъ съ несчастною массой бѣднаго, запуганнаго, задавленнаго народа. Подъ блестящимъ лакомъ иностранной цивилизаціи плохо пряталась туземная грубость и варварство. Современники находили, что при дворахъ протестантскихъ нравственная безурядица была еще хуже, чѣмъ при католическихъ. Вліяніе Венеціи, этого другаго Парижа того времени, казалось имъ не столь пагубнымъ, какъ «гордый, коварный и развратный французскій духъ». Тѣ нравственные зачатки, которые повидимому таились въ лютеранствѣ, зачахли виною этого самаго ученія. Съ подавленіемъ крестьянской войны подавленъ былъ самый прогрессъ общества, и лютеранство начало костенѣть въ сухомъ догматизмѣ и рабскихъ понятіяхъ. «Прежде, въ папствѣ, жаловался одинъ протестантскій проповѣдникъ въ 1534 г., можно было свободнѣе карать пороки государей и важныхъ господъ. Теперь надо дѣйствовать все по придворному; а то скажутъ — бунтовщикъ. Богъ знаетъ, что такое!» Одинъ владѣтельный графъ застрѣлилъ нечаянно человѣка на охотѣ. Его придворный капелланъ утѣшаетъ его, кромѣ непреднамѣренности самаго поступка, еще и тѣмъ, что графъ «вѣдь властенъ надъ жизнью своихъ подданныхъ».

О народѣ и не слышно ничего въ это печальное время. Онъ пасся, послѣ своихъ жестокихъ пораженій, какъ покорное стадо, которое «можно рѣзать или стричь». Тридцатилѣтняя война всею страшной тяжестью своей легла на него и окончательно придавила къ землѣ его побѣдную голову. Не говоря уже о другихъ ужасахъ, что терпѣли въ эту дикую войну женщины! Что дѣлали съ ними солдаты! Эти каннибальства стали чѣмъ-то въ родѣ обычая у буйной солдатчины. Народонаселеніе уменьшилось на двѣ трети послѣ этихъ тридцати лѣтъ кровавой бойни, поднятой изъ-за безумнѣйшихъ пред-

разсудковъ и ни къ чему не приведшей, кромѣ народнаго разоренія. Немногія школы еще болѣе рѣдѣли; женскія же совсѣмъ исчезли.

Нѣмецкіе потентаты конечно не такъ пострадали отъ войны, какъ ихъ подданные. Имъ оставалась еще возможность грабить и нищій народъ. Подражательность иноземщинѣ еще болѣе утвердилась и распространилась въ высшихъ кругахъ послѣ тридцатилѣтней войны. Образованность тогдашней аристократіи замѣчательна развѣ тѣмъ, что учителя и гувернеры въ дворянскихъ домахъ получали меньше платы, чѣмъ кучера, повара и лакеи. Метрессы и фаворитки стали необходимою принадлежностію всѣхъ нѣмецкихъ дворовъ, обезьянившихъ Францію. Вся эта безпутная сволочь рядилась въ золото и бархатъ, устроивала разныя дорогія потѣхи, маскарады, аллегоріи въ лицахъ, пасторали, развратничала, пьянствовала и создавала себѣ мишурную Аркадію, высасывая послѣдніе соки изъ народа.

Мы не будемъ останавливаться на скандалахъ, которыми были полны нѣмецкіе дворы XVII столѣтія. Имъ предстоялъ еще прогрессъ въ этомъ отношеніи и въ слѣдующемъ вѣкѣ. Да притомъ эти скандалы всѣ одного характера. Главную роль вездѣ играли наглыя, нарумяненныя и набѣленныя фаворитки въ родѣ графини Платенъ при дворѣ тупоумнаго ганноверскаго курфирста, ставшаго потомъ королемъ Англіи. — Любопытнѣе посмотрѣть на мѣры, какія принимали тѣ же поклонники французской придворной системы, когда дѣло заходило черезчуръ далеко. Такъ ландграфъ кассельскій Морицъ и вводилъ при дворѣ французскіе порядки, и самъ же каралъ ихъ послѣдствія. Его вдругъ обуяла удивительная нравственность. Жена его, Юліана, поцаловалась разъ съ однимъ придворнымъ. Это видѣлъ гофмаршалъ и сообщилъ ландграфу. Придворный отомстилъ гофмаршалу тѣмъ, что застрѣлилъ его на большой дорогѣ. Его схватили, судили и приговорили къ смертной казни. Сначала отрубили ему правую руку, потомъ живому вскрыли грудь и вырвали сердце. Палачъ показалъ сердце ландграфу, который не преминулъ присутствовать при этомъ зрѣлищѣ. Мать казненнаго и обрученная ему невѣста сошли съ ума отъ ужаса. Вскорѣ вдова убитаго гофмаршала забеременѣла отъ одного офицера. Ландграфъ и тутъ явился немедленно карателемъ. Онъ предложилъ ей на выборъ — или что онъ заложитъ ее вмѣстѣ съ ребенкомъ живую въ каменную стѣну, или чтобы она изволила удалиться изъ его предѣловъ. Разумѣется, она выбрала послѣднее, и вышла замужъ за своего любовника. Но на него ландграфъ нагналъ, видно, не малый страхъ. Онъ отравился, боясь его мстительности. Удивительно только, что Морицъ не сдѣлалъ ничего со своей женой.

Само собою разумѣется, что дворянство не отставало въ образѣ жизни отъ своихъ образцовъ. Придворная испорченность коснулась и менѣе высокихъ сферъ общества. Нравственнаго оживленія въ городскихъ сословіяхъ трудно было ждать. Они обезсилѣли и пали послѣ погрома и разоренія многолѣтней войны.

Страсть подражанія иностранцамъ во всемъ, начиная съ одежды и нравовъ и кончая образомъ мыслей, распространялась всюду, какъ прилипчивая эпидемія. Всѣ классы, кромѣ народа, тянулись изо всѣхъ силъ жить и быть à la mode. Такъ называли тогда слѣдованіе французскимъ образцамъ. Аристократическіе юноши устремлялись для своего просвѣщенія à la mode въ Парижъ. Нѣмецкія дамы à la mode усвоивали себѣ и тонъ, и манеры, и языкъ, и покрои платьевъ изъ того же Парижа. Къ услугамъ этихъ дамъ съ обнаженной грудью, съ раскрашенными лицами, залѣпленными мушками, была и цѣлая литература à la mode, такая же размазанная и безвкусная и такая же циническая подъ своею манерной внѣшностью. Говорить о женщинахъ значило для нѣмецкихъ поэтовъ второй половины XVII столѣтія — воспѣвать снѣжную бѣлизну женскихъ грудей, пышность женскихъ бедръ и т. д. Недостигнутымъ образцомъ былъ Пьетро Аретино.

Противъ этого распущеннаго направленія, какъ и противъ обезьянства французамъ и итальянцамъ, раздавалось въ литературѣ нѣсколько голосовъ. Съ особенною сатирическою желчью и патріотическимъ негодованіемъ возставали противъ подражанія иноземному Мошерошъ и Гриммельсгаузенъ. Въ этомъ подражаніи имъ видѣлась причина всѣхъ золъ. Гриммельсгаузенъ написалъ замѣчательный романъ: Simplicissimus, гдѣ очень ярко и характерно изображена картина тогдашняго нѣмецкаго общества. Но такихъ сатириковъ и проповѣдниковъ было немного; значитъ, въ нихъ выражалось мнѣніе лишь слабаго меньшинства, и они не могли принести большой пользы.

Не на одни свѣтскіе кружки не производили они особеннаго или даже никакого впечатлѣнія. Даже и тамъ, гдѣ болѣе интересовались литературой, гдѣ болѣе читались филиппики современныхъ моралистовъ и сатириковъ, они не производили дѣйствія. Деморализація и паденіе семейнаго начала, противъ которыхъ они вопіяли, господствовали, по словамъ Шерра, «часто болѣе всего въ кругахъ, отъ которыхъ менѣе всего слѣдовало бы этого ожидать, именно въ кругахъ академическихъ. Нечего конечно удивляться распутной жизни студентовъ. Въ это время студенчество сплошь сливалось съ простонародьемъ. Но поразительно то, что напримѣръ въ Тюбингенѣ, гдѣ университетъ такъ превозносился своимъ *чисто лютеранскимъ*

ученіемъ, и въ семействахъ профессоровъ господствовалъ сильный развратъ.

Послѣ этого конечно не между солдатками искать идеаловъ семейной чистоты и нравственности.

Церковная и гражданская дисциплина воображала вліять на нравы и поддерживать семейное начало мѣрами въ родѣ тѣхъ, какія принималъ касселькій ландграфъ Морицъ. «2-го апрѣля 1658-го года, записано въ кобургской лѣтописи, тюрингенскій извощикъ Гансъ Виртъ, за то, что соблазнилъ одну дѣвку и обѣщалъ на ней жениться, а потомъ соблазнилъ другую и тоже обѣщалъ на ней жениться, былъ, когда отблаговѣстили въ церкви, поставленъ у колокольни, со вложенною въ цѣпное кольцо шеей, и тутъ съ обѣими дѣвками въ вѣнкахъ изъ соломы долженъ былъ простоять всю обѣдню». Позднѣе «падшія» дѣвушки изгонялись изъ мѣста ихъ жительства. Ихъ съ барабаннымъ боемъ обводили три раза вокругъ рыночной площади, потомъ наказывали розгами и выводили вонъ за городскія ворота. Виноватыми оказывались женщины!

Женскіе монастыри стали повидимому скромнѣе, то есть тѣ, которые остались. Кромѣ католическихъ, были впрочемъ, вскорѣ послѣ реформаціи, устроены и протестантскія заведенія такого рода. Тутъ попадались и ученыя женщины въ родѣ Гротсвиты.

Особенно прославилась изъ нихъ одна, Анна Шурманъ, изъ Кельна. Она пользовалась блестящею репутаціей между первыми тогдашними учеными. Салмазій, Бартолинъ, Фоссъ, Гейнзіусъ, придавали ей самые восторженные эпитеты. Ее именовали и «десятою музой», и «альфою дѣвъ», и «новымъ чудомъ вѣка», и «женственнымъ докторомъ музъ и грацій», и «красою отечества», и еще сотнями столь же замысловатыхъ титуловъ. Анна была энциклопедистка и въ наукѣ и въ искусствѣ. Она занималась музыкою, живописью, гравированіемъ, философіей, астрономіей, географіей, но болѣе всего теологіей, какъ и большая часть тогдашнихъ ученыхъ; защищала протестантизмъ въ «ученыхъ» спорахъ съ іезуитами; знала четырнадцать древнихъ и новыхъ языковъ; писала и стихи, и ученые трактаты, по еврейски, по гречески, по латыни и по французски. Намъ было бы любопытнѣе всего просмотрѣть одинъ изъ нихъ—именно о способности женщинъ къ изученію наукъ. Но какъ нарочно, у нѣмецкихъ историковъ женщинъ нѣтъ ни одного отрывка изъ этой рѣдкой теперь книги (*).

(*) Свой трактатъ Анна Шурманъ написала и на латинскомъ, и на французскомъ языкахъ. По латыни онъ называется: «Dissertatio de Ingenii Muliebris ad Doctrinam et Meliores Literas Aptitudine» (1641), а по французски: «Question Célèbre s'il est nécessaire ou non, que les Filles soient Savantes» (1646).

XIII.

«Нѣчто святое и вѣщее», что уважали въ женщинѣ германцы Тацита, стало у ихъ потомковъ предметомъ ожесточеннаго преслѣдованія. Новымъ Веледамъ и Ауриніямъ, вмѣсто всеобщаго почета, доставались пытки и казни. Съ развитіемъ христіанства вѣра въ волшебство, представительницами котораго въ язычествѣ были всѣми чтимыя жрицы, приняла мрачный характеръ вѣры въ дьявола, врага Бога и рода человѣческаго. Тайны природы, остававшіяся недоступными тогдашней жалкой наукѣ, вызывали не изслѣдованіе, а игру воображенія, и оно населяло міръ множествомъ фантастическихъ и дикихъ силъ. Всѣ средніе вѣка были временемъ самаго искренняго вѣрованія въ постоянное вмѣшательство дьявола въ человѣческія дѣла и отношенія. Нервныя болѣзни, не поддававшіяся лошадинымъ медикаментамъ того времени, были напущеніемъ дьявола; галлюцинація и грезы неудовлетворенной страсти были его искушеніемъ; уродливое дитя, преждевременный выкидышъ — были порожденіемъ дьявола, проникшаго на ложе женщины; страстная любовь, ведшая человѣка чрезъ всѣ препятствія и ничѣмъ неутолимая, была слѣдствіемъ его наважденія.

Какъ ни способенъ умъ человѣческій принимать ложь за истину и вдаваться въ безобразныя заблужденія, но конечно ужь никогда и нигдѣ не могутъ повториться тѣ ужасы, какіе суевѣріе и вѣра въ колдовство производили во всей Европѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ особенности въ Германіи XVI-го и XVII-го столѣтій. Реформація не остановила кровавыхъ преслѣдованій. Напротивъ, тутъ-то они и разрослись до невѣроятныхъ размѣровъ. Оно и понятно. Самъ Лютеръ, котораго исторія ставитъ въ число эманципаторовъ мысли, не отставалъ въ этомъ отъ своихъ современниковъ. Извѣстна всѣмъ исторія, какъ онъ пустилъ въ дьявола чернилицей. Онъ самъ совершенно серьезно разсказываетъ, какъ дьяволъ тревожилъ его по ночамъ въ Вартбургѣ. Не менѣе серьезно говорилъ онъ о дѣтяхъ, рождаемыхъ женщинами отъ дьявольскаго племени. Онъ даже предлагалъ утопить одного несчастнаго уродца, котораго ему показали въ Дессау. Только владѣтельный князь Ангальтскій могъ остановить рвеніе реформатора. Лютеръ съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ говорилъ, что такихъ уродцевъ «Сатана кладетъ на мѣсто настоящихъ младенцевъ, чтобы терзать людей. Онъ часто утаскиваетъ дѣвушекъ въ воду и держитъ ихъ у себя, пока онѣ не родятъ. Потомъ этихъ дѣтей кладетъ онъ въ колыбели, а настоящихъ дѣтей вынимаетъ и уноситъ съ собой». Послѣ такихъ разсужденій Лютера нечего уже удивляться его противникамъ изъ ватиканскаго лагеря, что они напри-

мѣръ обвиняли вальдензовъ въ поклоненіи дьяволу, который является имъ въ видѣ кошки, жабы или козла, съ извѣстной цѣлію». Все, чѣмъ только невѣжественная фантазія народа могла окружить мнимое колдовство, было признано возможнымъ, совершающимся и конечно требующимъ гоненія и истребленія въ интересѣ религіи.

Эти гоненія постигали почти исключительно женщинъ. Это было вполнѣ согласно съ ученіемъ, что женщина есть родоначальница грѣха на свѣтѣ, ученица дьявола. Общественное положеніе женщинъ беззащитно, и карать ихъ было легче, чѣмъ мужчинъ. Одинъ церковный авторитетъ времени Людовика XIII-го, приводимый у Мишле, говоритъ, что въ дѣлахъ колдовства на одного мужчину приходится десять тысячъ женщинъ.

Инквизиція, какъ прочное папское учрежденіе, не привилась въ Германіи. Но такъ называемый «розыскъ вѣдьмъ» (Hexenprozess), систематически разработанный нѣмцами, стоилъ ея. Во все продолженіе среднихъ вѣковъ, вмѣстѣ съ еретиками и еретичками, жгли иногда на кострахъ и вѣдьмъ. Но теологическая и юридическая организація этихъ сожигательствъ утвердилась въ Германіи только на исходѣ XV-го вѣка. Два профессора теологіи въ Верхней Германіи, опредѣленные папою въ инквизиторы, именно Яковъ Шпренгеръ и Генрихъ Инститоръ, исхлопотали себѣ папскую буллу для руководства въ дѣлахъ съ вѣдьмами. Непогрѣшимый преемникъ святаго Петра, Иннокентій VIII, объявлялъ въ этой буллѣ, что нѣмецкія вѣдьмы, «не памятуя о спасеніи души своей и отпадая отъ католической вѣры, водятся съ демонами, которые смѣшиваются съ ними въ образѣ мужчинъ (incubi, какъ это называлось; succubi были демоны въ образѣ женщинъ), и посредствомъ призываній, пѣсенъ и заклинаній, всякихъ гнусныхъ волшебныхъ формулъ, отступничествъ, преступленій и пороковъ, портятъ, удушаютъ и губятъ плодъ женщинъ и животныхъ, а также полевые плоды и овощи, виноградники, луга, сады и хлѣбныя поля; притомъ и самыхъ людей, мужчинъ и женщинъ, равно и скотъ всѣхъ родовъ, поражаютъ и мучатъ жестокими внутренними и наружными болѣзнями; кромѣ того, отрицаютъ богохульными устами принимаемую посредствомъ крещенія вѣру, и по наущенію дьявола совершаютъ безчисленные пороки, злодѣянія и жестокости, на погибель душъ своихъ, на поруганіе величества Божія и на соблазнъ и пагубный примѣръ многимъ». Въ заключеніе картины всѣхъ этихъ мерзостей, происходящихъ отъ колдовства въ странахъ германскихъ, папа уполномочивалъ своихъ теологовъ выступить въ бой противъ вѣдьмъ во всеоружіи церкви, а въ случаѣ надобности призывать противъ этихъ сообщницъ ада и «свѣтскую руку». Этихъ

указаній было достаточно, чтобы соорудить цѣлую систему. Сооруженіемъ ея занялся тотъ же Шпренгеръ со своими единомышленниками. Такъ возникла книга подъ заглавіемъ *Молотъ на Вѣдьмъ* (по латынѣ Malleus Maleficarum). Одинъ богословъ начала XVIII-го столѣтія говоритъ о ней: «Все, что только можно себѣ представить въ лицѣ инквизитора по еретичеству,—все, чего только можно ожидать отъ временъ, когда царство мрака и зла достигло высшаго своего развитія,—все это совмѣщено въ этой книгѣ: злоба, глупость, жестокосердіе, лицемѣріе, коварство, скверна, баснословіе, пустая болтовня». Богословскій факультетъ ревностно-католическаго города Кельна одобрилъ *Молотъ* Шпренгера, и онъ былъ изданъ въ 1489-мъ году.

Книга эта вскорѣ стала настольнымъ кодексомъ для теологовъ и юристовъ въ дѣлахъ колдовства. По опредѣленію этого кодекса, колдовство есть «самое тяжкое, самое страшное и самое гнусное» изъ всѣхъ преступленій. Это въ то же время и *чрезвычайное* преступленіе (crimen exceptum). Стало быть, оно требуетъ, въ преслѣдованіи и наказаніи, и мѣръ чрезвычайныхъ. Доносъ въ этомъ случаѣ всячески поощряется, какъ дѣло богоугодное. Но вѣдь «церковь не льетъ крови», то есть не казнитъ никого сама. Поэтому нужно вступить въ союзъ съ свѣтскою юстиціей, какъ на это намекала и папская булла. Юридическое оправданіе такому союзу найти было не трудно. Колдовство есть и отпаденіе отъ церкви и злоумышленіе на личную безопасность ближнихъ. И такъ, оно—преступленіе и церковное, и въ тоже время свѣтское.

Узаконить доносъ—значило создать себѣ очень широкій кругъ дѣятельности. Всякій могъ ежеминутно запутаться въ сѣти клеветы. Все могло служить поводомъ къ подозрѣнію въ такомъ фантастическомъ дѣлѣ, какъ отношенія къ дьяволу. И точно, болѣе полутора столѣтій (именно съ 1500-го и приблизительно до 1675 года) не было ни единой женщины въ Германіи, даже ни единой дѣвочки, которая могла бы поручиться хоть на минуту, что она избѣжитъ подозрѣнія въ связи съ дьяволомъ, преслѣдованія, пытки и всѣхъ свирѣпствъ вѣдовскаго розыска. Изо ста доносовъ развѣ одинъ не доводилъ до костра. Стоило только попасть въ кошачьи лапы юстиціи. Доносъ бывалъ впрочемъ иногда орудіемъ обоюдуострымъ. «Однажды утромъ, три дамы въ Страсбургѣ, разсказываетъ Мишле, принесли жалобу, что въ одинъ и тотъ же день и въ одинъ и тотъ же часъ на нихъ посыпались удары отъ невидимой руки. Какъ? Онѣ могли обвинить только одного человѣка злокачественной наружности, который околдовалъ ихъ. Обвиненнаго привели къ инквизитору. Онъ отрицался и клялся всѣми святыми, что совсѣмъ не знаетъ этихъ

дамъ и никогда не видалъ ихъ. Судья не хотѣлъ ему вѣрить. Большая симпатія къ дамамъ сдѣлала его неумолимымъ, и запирательство только ожесточило его. Онъ уже поднялся съ мѣста. Обвиненнаго ждала пытка, и онъ конечно сознался бы, какъ дѣлали и самые невинные. Онъ попросилъ однако слова и сказалъ:—дѣйствительно, я помню, вчера, въ показанный часъ, я билъ—но не крещеныхъ людей, а трехъ кошекъ, которыя злобно кинулись на меня и хотѣли схватить зубами за ноги. Судья, человѣкъ проницательный, съ разу понялъ, въ чемъ дѣло. Бѣдный человѣкъ невиненъ. Разумѣется, три дамы превращались по временамъ въ кошекъ, и дьяволъ потѣшался тѣмъ, что кидалъ ихъ подъ ноги людямъ, чтобы навлекать на добрыхъ христіанъ подозрѣніе въ колдовствѣ».

Кровожадность благочестивыхъ трибуналовъ доходила до виртуозности. Каждый процессъ начинался съ предзаданной цѣлью довести жертву доноса до *испепеленія* (Einäscherung), какъ это технически называлось. Самыя муки жертвъ, безотносительно къ дѣлу, были какъ будто какимъ богоугоднымъ актомъ.

Взятая по доносу конечно подвергалась прежде всего простому допросу. Нужно было извлечь какое нибудь показаніе, какъ исходный пунктъ для дальнѣйшей процедуры. Первымъ вопросомъ было обыкновенно, вѣритъ ли подозрѣваемая въ вѣдьмъ. Тутъ и *нѣтъ* и *да* были одинаково опасны. Въ первомъ случаѣ она была еретичка, значитъ повинна смерти; во второмъ—это было indicium, къ которому слѣдовало потребовать поясненій. Подозрѣваемую сажали въ тюрьму, гдѣ она подвергалась всякимъ притѣсненіямъ, лишеніямъ и жестокостямъ. Тюремщики, слѣдователи, палачи могли дѣлать тамъ, что хотѣли. Самая тюрьма могла служить достаточнымъ пристрастіемъ, чтобы заставить обвиненную сказать все, что хотятъ судьи, и даже больше, лишь бы покончить чѣмъ нибудь скорѣе. И въ наше время, недавно всѣ газеты наполнялись извѣстіями о невинной женщинѣ (Розаліи Дуазъ), принявшей на себя вину отцеубійства, чтобы не уморить у себя подъ сердцемъ ребенка во французской тюрьмѣ XIX столѣтія? Что же было въ XVI-мъ, въ XVII-мъ вѣкѣ? Если обвиняемая ничего не поясняла, ее подвергали особому испытанію, дѣйствительно ли она вѣдьма (Hexenprobe), по образцу «Божьихъ судовъ». Читатель уже знаетъ, что это были за испытанія огнемъ, водой и проч. Доказать такимъ образомъ свою невинность было очень трудно,—и обвиняемую снова запирали въ тюрьму. Чтобы получить отъ нея *добровольное* признаніе, мучили ее голодомъ, жаждой, не давали ей спать. Кто это выдерживалъ, подвергался *пробѣ иглою* (Nadelprobe). Этотъ способъ состоялъ въ томъ, что несчастную раздѣвали до гола, састригали ей

волосы и вездѣ искали такъ называемаго *вѣдьмина знака* (Hexenmal). Это былъ слѣдъ связи съ дьяволомъ. По общему вѣрованью, дьяволъ отыскивалъ и увлекалъ женщинъ обыкновенно въ образѣ очень приличнаго молодаго человѣка, или такого дворянчика, какимъ является Мефистофель въ *Фаустѣ*, или охотника, или рейтара. Утоливъ свои желанія въ объятіяхъ избранной имъ будущей вѣдьмы, онъ прикладывалъ къ тѣлу ея свой штемпель. Опредѣленной формы у этой печати ада не было. Для слѣдователей довольно было найти пятно отъ разстройства печени, родинку, бородавку. Въ это мѣсто втыкали иглу, и если кровь не шла—ясно, что это именно Stigma diabolicum. Если же кровь шла—это уловка дьявола. Онъ, значитъ, хочетъ спасти свою любовницу. Совсѣмъ нѣтъ никакого знака—опять его же штуки: онъ стеръ. Если и при этомъ сознанія не послѣдовало, начиналась пытка. Передъ обвиняемой раскладывали орудія пытки и говорили: «Мы тебя до того допытаемъ, что сквозь тебя солнышко будетъ видно». И угроза бывала не напрасна.

Не будемъ останавливаться на гнусныхъ подробностяхъ всѣхъ этихъ «високъ», «испанскихъ сапогъ», завинчиванья пальцевъ, обжиганья горячей смолой и проч. Какихъ дикихъ признаній нельзя было вымучить въ эти четверть часа, какъ должно было продолжаться истязаніе. Но такъ *должно* оно было продолжаться по закону; а гдѣ же въ такихъ дѣлахъ наблюдать законъ?

Вотъ, напримѣръ, что говорятъ подлинные протоколы:

«*Вопросъ*. Долго ли ты этимъ занималась? (то есть: связью съ дьяволомъ).

Отвѣтъ. Тринадцати лѣтъ отъ роду служила я у одной женщины въ Шрейбергѣ. Она мнѣ сказала, чтобы я пошла на чердакъ и собрала тамъ яйца. Тутъ явился ко мнѣ на чердакъ молодой парень въ зеленомъ кафтанѣ и сказалъ, что если я хочу побыть съ нимъ, онъ дастъ мнѣ вдоволь яицъ. Я сказала ему: хорошо.

Вопросъ. Давалъ ли тебѣ твой дьявольскій любовникъ денегъ?

Отвѣтъ. Онъ далъ мнѣ одну монету; но она черезъ три дня превратилась въ черепокъ.

Вопросъ. Гдѣ сдѣлалъ съ тобой свадьбу твой дьявольскій любовникъ?

Отвѣтъ. У колодца полилъ онъ меня водой и окрестилъ, а звали его *Грюнгютль* (зеленая шляпа).

Вопросъ. Въ какомъ видѣ онъ тебѣ являлся?

Отвѣтъ. Егеремъ въ зеленомъ кафтанѣ и съ вострой бородой».

Далѣе подсудимая входитъ въ такія подробности, которыхъ нынѣ не приводятъ въ печати безъ особенной надобности. Вообще

во всѣхъ показаніяхъ вѣдьмъ ласки дьявола описываются какъ «холодныя», «непріятныя», «противныя».

Въ этой дичи, разсказываемой въ изступленіи, совмѣщалось все, что только приходило пытаемой на память изъ сказочныхъ народныхъ представленій о вѣдьмахъ. Подсудимыя разсказывали во всей подробности о собраніяхъ на Блоксбергѣ, куда (какъ у насъ на кіевскую Лысую Гору) слетались вѣдьмы на метлахъ, вилахъ и кочергахъ—служить свою «черную обѣдню» сатанѣ во образѣ козла и цѣловаться съ нимъ. Подробности были всегда однѣ и тѣже, какъ одни и тѣже источники—народныя сказки. До чего только не дознавались такимъ путемъ усердные теологи-юристы? Случалось, вѣдьмы показывали на пыткѣ, что онѣ извели колдовскими средствами людей, которые были живехоньки тутъ, на глазахъ судей. Священная юстиція, удовлетворивъ такимъ образомъ требованіямъ истины, отсылала преступницъ на костеръ. Кровожадность пытокъ не останавливалась и передъ беременными женщинами.

Многія изъ обвиняемыхъ съ отчаянія сами накладывали на себя руки, прежде чѣмъ кончалось слѣдствіе и судъ. Но были и такія, что выдерживали всѣ истязанія героически, защищая свою невинность. Если имъ удавалось выйти изъ судейскихъ когтей, онѣ оставались большею частію калѣками на всю жизнь. Но такіе случаи были очень рѣдки. Судьи брали свое такъ или иначе. Одна молоденькая дѣвушка изъ Нердлингена, въ самыхъ послѣднихъ годахъ XVI столѣтія, вынесла двадцать двѣ пытки, одна жесточе другой, и ни въ чемъ не созналась. Звѣрскіе юристы не удовольствовались этимъ. Они назначили двадцать третью пытку и истерзали несчастную до смерти.

При назначеніи казни принималась въ соображеніе большая или меньшая *готовность* къ показаніямъ. Клеветавшихъ на себя и раскаивавшихся въ мнимыхъ преступленіяхъ жгли удавленныхъ или обезглавленныхъ. Упорно запиравшихся сожигали живьемъ. Понятно, что передъ смертью никто не отказывался отъ данныхъ показаній: хоть умереть не такъ мучительно.

Дѣло Шпренгера и его единомышленниковъ, можетъ быть, и не приняло бы такихъ широкихъ размѣровъ, если бы у него, кромѣ религіозной, не было и другой стороны, болѣе близкой къ ежедневнымъ интересамъ. Одинъ изъ первыхъ противниковъ истребленія вѣдьмъ, Корнелій Лоосъ, говорилъ, что всѣ эти процедуры—«новоизобрѣтенная алхимія, какъ дѣлать золото изъ человѣческой крови». Дѣло въ томъ, что имущество «испепеленныхъ» доставалось гражданскимъ и духовнымъ властямъ. Двѣ трети поступали къ мѣстному владѣльцу, въ области котораго происходилъ судъ; остальная треть

доставалась судьямъ, духовнымъ лицамъ, доносчикамъ и палачамъ. Это было большимъ поощреніемъ дѣлу, — и повсюду явились въ огромномъ числѣ суды, спеціально устроенные съ цѣлью истреблять вѣдьмъ (Malefizgerichte). Во время тридцатилѣтней войны, этой поры всеобщаго обнищанія, «розыскъ вѣдьмъ» оказывался очень удобнымъ средствомъ для полученія денегъ. Имъ пользовались и разорившіеся сельскіе дворяне-помѣщики, и стѣсненные въ финансахъ епископы, аббаты, городскіе совѣты. Преслѣдованіе вѣдьмъ производилось съ одинакимъ рвеніемъ и въ протестантскихъ, и въ католическихъ странахъ. И нигдѣ къ этому дѣлу не было примѣнено такой систематичности, какъ у нѣмцевъ.

Количество «испепеленій» было страшно. Въ шесть лѣтъ съ 1484 по 1489 годъ сожжено было *восемдесять девять* вѣдьмъ. Въ жалкомъ городкѣ имперіи Нёрдлингенѣ въ четыре года (1590 — 1594) было *тридцать два* сожженія. Начиная приблизительно съ 1580 года въ Германіи производились сожженія en grand, и не прекращались цѣлое столѣтіе. Подозрѣніе и обвиненіе одной, при системѣ розысковъ, вело за собою обыкновенно подозрѣнія, обвиненія и пытки другихъ, и число приговоренныхъ къ казни возрастало иногда до огромной цифры. Вюрцбургскій епископъ Филиппъ Адольфъ Эренбергъ въ два года (1627 — 1629) сжегъ *девятьсотъ* вѣдьмъ. Изъ нихъ *двѣсти девятнадцать* приходилось на одинъ Вюрцбургъ. Въ 1678 году архіепископъ зальцбургскій сразу сжегъ *девяносто семь* вѣдьмъ. Въ графствѣ Нейссе въ десять лѣтъ съ 1640 по 1651 годъ сожжено было ихъ около *тысячи*. Въ городѣ Брауншвейгѣ съ 1590 до 1600 годъ казни вѣдьмъ были такъ часты, что обожженные столбы костровъ стояли за городскими воротами «какъ лѣсъ». Не было города, мѣстечка, аббатства, помѣщичьяго имѣнія, не было угла ни большаго, ни малаго, гдѣ не пылали бы въ Германіи костры. Одинъ голштинскій помѣщикъ, нѣкій фонъ-Ранцовъ, сожегъ въ своемъ имѣньи въ одинъ день *восьмнадцать* вѣдьмъ. По самому умѣренному разсчету «розыскъ вѣдьмъ» истребилъ въ Германіи болѣе *ста тысячъ* женщинъ.

Оппозиція этому варварству со стороны умныхъ людей того времени не имѣла большаго вліянія. А между тѣмъ еще авторы *Молота на вѣдьмъ* предчувствовали, кажется, оппозицію и понимали взглядъ честныхъ людей на свое дѣло. *Молотъ* прямо говоритъ, что «нѣкоторые дерзаютъ утверждать, будто колдовство существуетъ только въ заблуждающемся воображеніи, и что люди приписываютъ чарамъ естественныя явленія, причины коихъ имъ неизвѣстны».—Довольно рѣшительно заговорили противъ «розыска вѣдьмъ» врачъ Вейеръ и упомянутый выше священникъ Лоосъ во второй половинѣ XVI-го столѣтія. Но голосъ ихъ былъ недостаточно силенъ, чтобы перекри-

чать невѣжество. Такъ же мало дѣйствія оказало и изданное въ 1593 году сочиненіе Лерхеймера: *Христіанское сомнѣніе въ колдовствѣ*. Авторъ особенно выставлялъ нелѣпость любовныхъ связей дьявола съ женщинами.—Однимъ изъ ратоборцевъ здраваго смысла явился и одинъ изъ членовъ іезуитскаго ордена, графъ Шпе. Это былъ человѣкъ замѣчательной доброты и человѣколюбія. Онъ и умеръ заразившись проказой отъ больныхъ, за которыми ухаживалъ. Книга его противъ «розыска вѣдьмъ» (Cautio Criminalis) вышла въ 1631 году. Графу Шпе были слишкомъ близко извѣстны всѣ мерзости судовъ надъ вѣдьмами. Не одну изъ ихъ жертвъ приготовлялъ онъ, въ качествѣ духовника, къ смерти; не одну долженъ былъ сопровождать на костеръ. По свидѣтельству Лейбница, волосы добраго іезуита еще въ молодости посѣдѣли отъ слышанныхъ и видѣнныхъ имъ ужасовъ. Негодованіе его вылилось все въ его книгѣ. Онъ въ ней доказывалъ, что изъ этихъ инквизиціонныхъ судовъ никто не можетъ выйти невиннымъ, и съ вѣрнымъ психологическимъ тактомъ разбиралъ весь ходъ процессовъ по колдовству. — И этой попыткѣ честнаго человѣка не суждено было образумить людей. Вскорѣ послѣ книги Шпе, какъ бы въ опроверженіе ея, появилось сочиненіе Бенедикта Карпцова: *Уголовная практика*.

Карпцовъ былъ знаменитый юристъ своего времени, авторитетъ въ судебныхъ дѣлахъ, на практикѣ и въ теоріи, — и защищалъ со всею своею ученостью процедуру «розыска вѣдьмъ».

Больше вліянія на общество оказала книга нидерландца Балтазара Беккера, подъ заглавіемъ: *Околдованный міръ*, изданная въ 1691 году. Она нашла широкій кругъ читателей и была переведена на другіе языки. Вѣра въ вѣдьмъ мало по малу начинала ослабѣвать и яростныя сожженія становились нѣсколько рѣже. Еще болѣе сильный ударъ «розыску вѣдьмъ» былъ нанесенъ Христіаномъ Томазіусомъ, нѣмецкимъ піэтистомъ и юристомъ конца XVII-го и начала XVIII-го столѣтій. Но бороться съ невѣжествомъ и жадными своекорыстіемъ было не легко. Томазіусъ доказывалъ нелѣпость судовъ надъ вѣдьмами не съ философской и богословской точки зрѣнія, какъ Беккеръ, а съ юридической; но и это не спасло его отъ клеветъ и преслѣдованій.

Дѣятельность судовъ надъ вѣдьмами впрочемъ только съузилась, но не прекращалась совершенно и въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія, вѣка Вольтера и революціи. Въ 1749 году, въ Вюрцбургѣ, большинству вѣроятно вовсе не казалось анахронизмомъ «испепеленіе» семидесятилѣтней монахини, Маріи Ренаты Зенгеръ-фонъ-Моганъ, обвиненной въ колдовствѣ. Она отдана была въ монастырь поневолѣ, девятнадцати лѣтъ отъ роду. Весь вѣкъ знали ее за очень

скромную женщину; она пользовалась общимъ уваженіемъ, стала помощницей игуменьи въ своемъ монастырѣ,—и вдругъ очутилась въ рукахъ благочестивой юстиціи. Дѣло началось съ того, что одна изъ монахинь, передъ смертью, сказала, — или будто бы сказала, — что Марія Рената—вѣдьма. Вѣроятно тутъ крылась какая нибудь интрига. Старуху подвергли допросамъ и пыткамъ, — и конечно добились отъ нея признанія, что она еще на седьмомъ году отъ роду предалась дьяволу, была вѣдьмою en forme и вгоняла чертей въ утробы своихъ монастырскихъ сестеръ. Слѣдственная коммиссія состояла изъ двухъ духовныхъ совѣтниковъ епископа и изъ двухъ іезуитовъ. Она не могла къ несчастію добыть отъ подсудимой важнѣйшей улики, именно договора ея съ дьяволомъ. У костра Маріи Ренаты іезуитскій патеръ сказалъ поучительное слово. Онъ называлъ всѣхъ, кто не вѣритъ въ вѣдьмъ, *атеистами*.

Прекращенію такихъ совитаній въ католическихъ странахъ Германіи болѣе всего способствовала Марія Терезія. Она энергически ограничила усердіе Malefizgerichte. Но суевѣріе и невѣжество были еще такъ сильны, что въ 1769 году, въ Баваріи, была разослана къ слѣдователямъ и судьямъ въ дѣлахъ о вѣдьмахъ инструкція, которая вся проникнута духомъ шпренгеровскаго *Молота*.

Послѣдній извѣстный намъ приговоръ надъ вѣдьмою въ Германіи былъ произнесенъ судьями изъ протестантовъ. Это случилось въ Гларусѣ, въ 1782 году. Анна Гёльдъ была казнена мечемъ и похоронена подъ висѣлицей за то, что испортила дитя, при которомъ была въ нянькахъ. Порча заключалась въ томъ, что Анна, посредствомъ колдовства, ввела ему въ желудокъ иголокъ, булавокъ и камней.

XIV.

Начало XVIII-го вѣка застало Германію далекою и чуждою тому новому умственному движенію, которое вызывало новую литературу въ Англіи и Франціи. Нѣмцы отстали въ этомъ отношеніи. Отчужденіе государей и дворянства отъ народа дошло до крайнихъ предѣловъ. Народъ сталъ ничѣмъ инымъ, какъ средствомъ для безпутнѣйшаго мотовства высшихъ классовъ. Каждый лиллипутскій деспотъ тянулся изображать собой Людовика XIV, готовъ былъ также повторять, что государство — это онъ; маленькій нѣмецкій султанъ заводилъ «государственныхъ метрессъ», устроивалъ оргіи на подобіе герцога Орлеанскаго и свой parc aux cerfs, какъ Людовикъ XV. «Невозможно пересчитать, сколько это стоило Германіи. Каждый князекъ, подражая французскому королю, имѣлъ свой Версаль, свой Вильгельмсгеэ или свой Лудвигслустъ, свой дворъ, свое

великолѣпіе, свои сады со статуями, свои фонтаны, своихъ одалискъ, свои бриліанты, свои титулы для этихъ красавицъ, свои празднества, свои банкеты, продолжавшіеся по цѣлымъ недѣлямъ. И за все это народъ платилъ своими деньгами, когда онѣ бывали у него, несчастнаго и бѣднаго; платилъ своимъ тѣломъ и своею кровью, когда денегъ не было. Тысячами продавали своихъ подданныхъ эти господа и повелители; весело ставили они цѣлые полки на карту и вымѣнивали на батальоны солдатъ бриліантовыя ожерелья своимъ танцовщицамъ. По просту говоря, они забирали къ себѣ въ карманъ весь свой народъ» (*). Холопство, глядя на все это, сочиняло умилительныя оды и именовало этихъ «отцовъ отечества» новыми Траянами, Августами, Марками-Авреліями. Не принимать участія въ этомъ рабскомъ хорѣ было опасно. Неосторожное слово о любовницѣ принца вмѣнялось въ государственное преступленіе! Поэтъ и патріотъ Шубартъ годы просидѣлъ въ крѣпости за такое слово. Фаворитка виртембергскаго Эбергарда Лудвига, знаменитая Гревеницъ, въ крѣпость же упрятала пастора Цорна, который не далъ ей причастія.

«Великолѣпнѣйшимъ и галантнѣйшимъ» дворомъ въ Германіи былъ саксонскій дворъ Августа Сильнаго. Хозяйничанье кровью и потомъ народа ради необузданныхъ неистовствъ и пировъ доходило тутъ почти до невозможнаго. Жизнь при дворѣ Августа была хмѣлемъ безъ просыпа, кутежомъ безъ отдыха, развратомъ безъ предѣловъ. Когда Августъ узналъ, что регентъ Франціи умеръ отъ удара въ объятіяхъ продажной нимфы, онъ воскликнулъ: «о, если бы и мнѣ умереть смертью этого праведника!» Банкеты этого втораго праведника разрѣшались обыкновенно въ самое безобразное пьянство. О тонѣ ихъ можно судить хоть напримѣръ по тому, что фельдмаршалъ Флеммингъ обращался къ королевской фавориткѣ съ ласковыми названіями Hürchen и Lodechen, на что фаворитка, графиня Дёнгофъ, точно такъ же какъ и на тисканье ея въ объятіяхъ, отвѣчала однимъ веселымъ смѣхомъ. Придворныя увеселенія всѣ отличались однимъ характеромъ, Когда въ Дрезденъ пріѣхалъ король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ I-й, Августъ представилъ гостю зрѣлище въ очень артистическомъ родѣ. Онъ велѣлъ раздѣться до нага хорошенькой итальянской танцовщицѣ Формерѣ и показывалъ обществу эту живую Венеру. Прусскій король былъ не охотникъ до такихъ пряностей. Онъ заслонилъ Формеру отъ глазъ своего кронпринца шляпой, и только сухо сказалъ: «Да, хороша»..

Дворъ Фридриха Вильгельма представлялъ своею мѣщанской грубостью рѣзкій контрастъ аристократической утонченности Августо-

---

(*) Thackeray, «The Four Georges».

на двора. Это былъ въ тоже время единственный дворъ въ Германіи, гдѣ не играли роли метрессы. Впрочемъ и Фридриху Вильгельму приходили въ голову эротическія мысли, какъ говоритъ въ своихъ *Запискахъ* дочь его и сестра Фридриха Великаго, маркграфиня Байрейтская. Вотъ ея разсказъ о дѣвицѣ Панкевицъ, фрейлинѣ королевы: «Король очень откровенно спросилъ у Панкевицъ, хочетъ ли она быть его любовницей. Красавица отказалась самымъ рѣзкимъ образомъ. Смѣлость ея понравилась королю, и какъ ни плохо вознаграждались его старанія, онъ ухаживалъ за нею цѣлый годъ. Наконецъ въ Брауншвейгѣ онъ охладѣлъ къ ней (il se désamouracha). Панкевицъ пріѣхала туда съ королевой. Однажды, когда она шла къ ней, король встрѣтилъ ее на очень узкой потаенной лѣстницѣ. Онъ вздумалъ было обнять ее... Но Панкевицъ не понимала шутокъ, и отпарировала очень грубо... Король впрочемъ на это не разсердился». Другой разсказъ маркграфини о домѣ ея родителя тоже не лишенъ интереса. Другой фрейлинѣ хотѣлось, напротивъ, во что бы то ни стало, попасть въ метрессы къ королю. Это была нѣкая Вагницъ. Она, вмѣстѣ съ матерью своей, очень опытной въ такихъ дѣлахъ, вела всевозможныя интриги, чтобы попасть къ нему въ эту роль. Но король и знать ее не хотѣлъ. Дѣло кончилось даже тѣмъ, что ее за интриги удалили отъ двора. Королева была въ то время беременна и, прощаясь съ Вагницъ, сказала, что если у нея, королевы, родится сынъ, то она будетъ просить мужа помиловать фрейлину. «Вагницъ пришла тутъ въ такую страшную ярость, что вся почернѣла». На прощанье королевы она отвѣтила словами: «а чортъ бы побралъ вашего сына! чтобы васъ обоихъ розорвало!»

Принцы изъ «лучшихъ» фамилій стремились наперерывъ жениться на наложницахъ, отставляемыхъ отъ должности. Августъ Сильный выдалъ своихъ любовницъ за принца Карла Гольштейнъ-Бекскаго (Оржельскую) и за Фридриха Лудвига Виртемберскаго.

Во все продолженіе XVIII-го столѣтія рѣдко гдѣ найдешь при нѣмецкихъ дворахъ что нибудь лучшее. Въ этотъ вѣкъ метрессъ жены и дочери нѣмецкихъ государей не играли замѣтной роли. Похвалы, какими осыпаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ иные современники, основываются большею частію на воздухѣ.

Вторая жена перваго прусскаго короля, Софія Шарлотта, въ самомъ началѣ XVIII-го столѣтія, прославилась своею ученостью и покровительствомъ наукѣ. За ней осталось даже названіе «философской королевы». Всѣ права ея на такой титулъ заключаются въ томъ, что обычнымъ гостемъ ея былъ Лейбницъ и чрезъ нее добился у короля основанія въ Берлинѣ академіи наукъ. Образованіе Софіи Шарлотты было лишь нѣсколько выше обыкновеннаго уровня знаній тог-

дашнихъ принцессъ. Она знала хорошо по французски, по англійски и по итальянски. Правда, Лейбницъ говоритъ ей: «удовлетворить васъ невозможно. Вы хотите знать *почему* всѣхъ *почему* (das Warum des Warum).» Но принимать за чистую монету такія фразы, произносимыя при дворѣ, было бы странно. Точно также нельзя придавать никакого вѣса и отзыву сына Софіи Шарлотты, Фридриха Вильгельма, что мать его была «умная женщина, но плохая христіанка». Самыя простыя вещи могли представляться ему вольнодумствомъ.

Одна женщина въ Германіи XVIII-го вѣка имѣла несомнѣнно великое значеніе въ политическихъ дѣлахъ Европы. Это Марія Терезія. Но въ ея дѣятельности мало характеристическаго для исторіи положенія нѣмецкихъ женщинъ.

Знаменитыя веймарскія герцогини, поощрявшія литературу, едва ли также стоятъ своей знаменитости. Несомнѣнно то, что Гёте и Шиллеръ обязаны Веймару тѣмъ, что ихъ воззрѣнія на міръ съуживались по мѣрѣ сближенія съ міромъ веймарскимъ. Въ Шиллерѣ еще многое изъ свѣжихъ силъ уцѣлѣло; Гёте же превратился напослѣдокъ въ самодовольнаго рутинера, годнаго лишь на сочиненіе плохихъ стиховъ къ придворнымъ маскарадамъ. Похвалы Луизѣ, женѣ герцога Карла Августа, и матери его, Амаліи, слишкомъ голословны. Такими же кажутся намъ и отзывы Гёте и Виланда о Каролинѣ Гессенъ-Дармштатской, матери веймарской Луизы.

XV.

Великія идеи, начинавшія съ половины XVIII столѣтія все болѣе проникать въ европейское общество, коснулись въ Германіи лишь немногихъ избранныхъ. Если онѣ имѣли тамъ дѣйствительное вліяніе, то уже въ нынѣшнемъ столѣтіи. Тогда же подражательность нѣмцевъ продолжала усвоивать отъ Франціи только внѣшность ея цивилизаціи. Рококо одежды и обычаевъ принималось всѣми какъ законъ. Башмаки на вершковыхъ каблукахъ, прически изъ проволоки и конскаго волоса, пудра, перья и ленты, перетянутыя таліи, фижмы, корсеты, мушки, проволочныя юбки, родоначальницы кринолинъ, длинные хвосты, платочки на каркасѣ, которые именовались *лгунами* (menteurs), потому что придавали небывалую полноту груди,—все это, немедленно по изобрѣтеніи, перенималось и въ Германіи.

Какъ женщины не уставали слѣдить за модой, такъ моралисты, разумѣется, не уставали возставать противъ нея. Но эти два дѣла шли рядомъ, не мѣшая другъ другу. Моралисты пригодились развѣ только теперь, какъ историческіе свидѣтели. Мода касалась не одного

платья. Съ моднымъ платьемъ принимались и модныя манеры, и модные нравы и обычаи. Все это еще больше опошлялось въ Германіи. Мы приведемъ лишь нѣсколько современныхъ свидѣтельствъ изъ разныхъ годовъ XVIII столѣтія.

Одинъ достовѣрный свидѣтель разсказываетъ, въ 1740 году, что въ Вѣнѣ «многія дамы прямо съ постели, безъ шнуровки, набросивъ на себя лишь volante, бѣгутъ въ церковь и къ причастью. Священники по этому случаю высказываютъ свое негодованіе съ каѳедры въ очень странной формѣ. Лэди Монтегю, бывшая въ Вѣнѣ въ 1716 году, съ изумленіемъ замѣчаетъ, что вѣнскія дамы, своими любовными похожденіями, не теряютъ репутаціи, а напротивъ выигрываютъ въ мнѣніи свѣта. Онѣ уважаются по положенію своихъ любовниковъ, а не по положенію мужей. Другой наблюдатель говоритъ почти тоже и прямо называетъ всѣхъ женщинъ въ Вѣнѣ кокетками. «Никто, добавляетъ онъ, не порицаетъ смѣшенія обоихъ половъ, пока не обнаружатся плоды слишкомъ близкой интимности». Настоящая семейная жизнь, по согласному отзыву многихъ, была «рѣдкимъ феноменомъ».

Нѣмцы приписывали и приписываютъ всѣ эти вольности французскому вліянію. Такъ смотрѣлъ на дѣло и прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I. Онъ противодѣйствовалъ французоманіи всѣми средствами. Но это ему плохо удавалось. Никто не хотѣлъ подражать нравамъ его «табачной коллегіи», а всѣ напротивъ плѣнялись блестящими французскими формами. Да и какъ было согласить заботы о чистотѣ нравовъ съ страстью къ солдатчинѣ? «По мѣрѣ того, какъ увеличивалось число прусскихъ солдатъ, женитьба которыхъ была сопряжена съ большими затрудненіями,—въ Берлинѣ съ каждымъ годомъ возрастало и число жалкихъ женщинъ. Король отъ времени до времени дѣлалъ на нихъ набѣги и населялъ ими смирительные дома. Но не много пользы было отъ такихъ мѣръ (*) Фридрихъ Великій, какъ извѣстно, былъ самъ французомъ. Но точно ли Франція была виновата, что англійскій посланникъ при прусскомъ дворѣ, лордъ Мамсбери, могъ въ 1772 году говорить о Берлинѣ, какъ о городѣ, гдѣ нѣтъ ни одной чистой женщины. «Полная испорченность господствуетъ здѣсь въ обоихъ полахъ всѣхъ классовъ», пишетъ Мамсбери. «Къ этому присоединяется скудость, необходимое слѣдствіе отяготительныхъ налоговъ, назначенныхъ нынѣшнимъ королемъ, а частью и любовь къ роскоши, которой онъ научился у дѣда. Мужчины постоянно озабочены, потому что ведутъ роскошную жизнь при ограниченныхъ средствахъ. Женщины — гарпіи, погряз-

(*) Шлоссеръ, Исторія XVIII-го столѣтія.

шія такъ низко больше отъ недостатка стыда, чѣмъ отъ недостатка чего либо другаго. Нѣжное чувство и истинная любовь для нихъ предметы неизвѣстные».—Одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ нѣмцевъ того времени, Георгъ Форстеръ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Мансбери, говоритъ почти тоже. «Я очень ошибался въ своихъ понятіяхъ о Берлинѣ, съ какими пріѣхалъ сюда. Я нашелъ внѣшность гораздо красивѣе, внутреннее же гораздо чернѣе, чѣмъ врображалъ. Берлинъ конечно одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ Европы. Но жители! Гостепріимство и изящное наслажденіе жизнью выродились въ роскошь, кутежъ и обжорство, а свободный, просвѣщенный образъ мыслей—въ наглую необузданность. Женщины вообще испорчены». — Что было въ Берлинѣ въ царствованіе преемника короля-философа, его племянника, читатель видѣлъ изъ перваго отрывка.

До развитія новой, болѣе идеальной и художественной литературы въ концѣ вѣка, тонъ въ обществѣ отличался еще или грубостью XVI-го столѣтія, или лакированнымъ цинизмомъ XVII-го. Вѣнскія дамы хлопали изъ ложъ перваго яруса самымъ грязнымъ фарсамъ. Все женское образованіе заключалось въ болтовнѣ по французски, въ знакомствѣ съ двумя—тремя французскими романами (въ родѣ *Фобласа* или *Клевеланда*), въ бренчаньѣ на шпинетѣ, старинныхъ клавикордахъ, да въ умѣньѣ спѣть какую нибудь итальянскую арію. — Въ романѣ Николаи, *Себальдусъ Нотанкеръ* (1773), гувернантка теряетъ свое мѣсто въ дворянскомъ домѣ потому, что не умѣетъ внушить своимъ воспитанницамъ «дворянскихъ манеръ» (состоявшихъ между прочимъ въ самомъ презрительномъ обращеніи съ прислугой) и не просвѣтила ихъ по Mercure de France, «какъ слѣдуетъ вести une affaire de coeur».

Въ среднихъ и низшихъ слояхъ общества грубость поддерживалась въ особенности близостью съ солдатами, изъ которыхъ систематически создавали стадо скотовъ. Студенты хвастались буйствомъ и кутежами. Пьянство было въ большомъ ходу. Ему предавались не рѣдко и женщины. На улицахъ происходили безпрестанные скандалы. Марія Терезія вздумала исправлять нравы полицейскими мѣрами. Но ея Keuschheits-Commissarien произвели больше зла, чѣмъ пользы.

Только въ городахъ, гдѣ не было резиденцій, въ высшемъ классѣ горожанъ замѣтно было нѣкоторое стремленіе къ осуществленію въ семьѣ идеаловъ фонъ-Эйба и Лютера. Тутъ господствовалъ суровый семейный чинъ, въ родѣ того, какой изображаютъ комедіи Островскаго, съ педантической обрядностью взамѣнъ свѣтской моды. «Сыновнее повиновеніе было строгимъ закономъ, и палка или ременная плеть не рѣдко помогали отеческой власти. Даже братья имѣли по-

чти родительскую власть надъ сестрами. Дѣйствительно, положеніе женщинъ было вовсе не таково, чтобы его могли сносить съ терпѣніемъ наши женщины. Онѣ не только находились подъ игомъ родителей, мужей и братьевъ; и общество ограничивало ихъ дѣйствія своими предразсудками гораздо больше, чѣмъ въ наше время. Ни одна женщина изъ лучшаго класса горожанъ не могла, напримѣръ, выходить изъ дому одна; служанка слѣдовала за нею въ церковь, въ лавку, даже на прогулку» (*). Точно также не существовало и той простоты и свободы въ обращеніи и разговорѣ, какая теперь обща всѣмъ. Образованіе ограничивалось грамотностью. При этомъ выборъ для чтенія былъ очень строгъ. Читать романы — просто считалось грѣхомъ. Въ протестантскихъ домахъ маленькихъ дѣвочекъ держали на одномъ катихизисѣ.

Конечно, при этомъ педантскомъ и грубомъ взглядѣ на семью, трудно было развиться нравственнымъ отношеніямъ. Но все-таки тутъ были хоть какія нибудь нравственныя начала, которыхъ вовсе не знало дворянство. Иффландъ и другіе тогдашніе писатели для сцены старались выставить мѣщанскія добродѣтели въ самомъ идеальномъ свѣтѣ, и пьесы ихъ имѣли огромный успѣхъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. Наконецъ Шиллеръ выступилъ противъ аристократіи со своею *мѣщанскою* трагедіей *Коварство и Любовь.*

XVI.

Догматическая сухость лютеранства и неподвижныя формы, въ которыхъ онъ застылъ, заставили религіозныхъ людей, еще въ концѣ XVII-го вѣка, обратиться къ тѣмъ самымъ источникамъ, откуда Лютеръ черпалъ свое ученіе, и поискать въ нихъ большаго удовлетворенія своему чувству и фантазіи. Такимъ образомъ возникло новое ученіе, извѣстное подъ именемъ піэтизма. Какъ оппозиція мертвенности лютеранства, и какъ нравственная доктрина, желавшая согласить съ собою жизнь, піэтизмъ имѣлъ нѣкоторый смыслъ. Но скоро смыслъ этотъ совсѣмъ затерялся, и отъ сущности осталась одна внѣшняя форма.

Въ началѣ эта новая церковь привлекала мало прозелитовъ. Она ужъ слишкомъ аскетически строго относилась не только къ общественной нравственности, но и къ самымъ невиннымъ забавамъ, къ музыкѣ, къ танцамъ, къ театру, считая все это грѣховными потѣхами. Надо замѣтить однако жь, что театръ не отличался тогда особенною пристойностью, и именно послѣ того, какъ на сценѣ стали яв-

---

(*) S. H. Lewes, «Life of Goethe».

ляться женщины. Какъ извѣстно, во всѣ средніе вѣка, женскія роли въ «мистеріяхъ» и потому подобныхъ драматическихъ представленіяхъ занимали мужчины. Только въ послѣдней трети XVII-го вѣка образовался въ Германіи особый классъ сценическихъ пѣвицъ и актрисъ. Непристойныя аріи, которыми были полны тогдашнія комическія оперы, пѣлись ими въ безстыдныхъ костюмахъ и съ безстыдною мимикой. Преслѣдуя театръ за безстыдство, первые піэтисты конечно не подозрѣвали, что самое ихъ ученіе разовьется въ безстыднѣйшія лицедѣйства.

Мало по малу кругъ приверженцевъ піэтизма сталъ расширяться. Первыя бросились въ него женщины. Изъ нелѣпаго положенія своего въ семьѣ и въ обществѣ онѣ искали прибѣжища въ другой нелѣпости. Праздный умъ и праздное или обиженное сердце думали найти тутъ хоть какое нибудь утѣшеніе. Женщины изъ аристократическаго круга, которыхъ тяготила пустота свѣтской жизни, — дѣвушки, оставшіяся безъ мужей вслѣдствіе сословныхъ предразсудковъ, вступали съ энтузіазмомъ въ станъ *пробужденныхъ*. Такъ назывались члены новой церкви. Онѣ дѣйствовали на своихъ мужей, сыновей, братьевъ, — и піэтистская община стала вскорѣ считать въ своей средѣ множество дворянскихъ фамилій, и графскихъ, и княжескихъ, во всѣхъ краяхъ Германіи.

Отъ мистическаго идеализма не далеко до маніи, — и точно, за «пробужденными» скоро явились разныя сумасшествующія пророчицы, и т. п. Подъ наружнымъ благочестіемъ стала развиваться болѣзненная, противоестественная чувственность, превращавшая развратъ въ родъ культа. Въ 1702 году, въ Шварценау, въ графствѣ Витгенштейнъ, основалась цѣлая колонія піэтистовъ и піэтистокъ. Во главѣ ея стояла одна гессенская дворянка, Ева Магдалина Бутларъ, которую именовали «святою матерью Евой». Тутъ по ночамъ разыгрывались, подъ видомъ религіозныхъ обрядовъ, самыя циническія сцены.

Къ необузданной чувственности не доставало только крови, этого втораго необходимаго аттрибута религіозныхъ заблужденій. Но исторія піэтизма не обошлась и безъ нея. Возродившійся въ нашемъ столѣтіи піэтизмъ украсилъ себя и преступленіями.

Въ апрѣлѣ 1831 года казнили женщину, которая всю молодость свою провела въ піэтистскихъ кружкахъ. Она усвоила себѣ сантиментально-выспренній тонъ піэтизма, и на всѣ свои преступленія налагала какую-то мнимо божественную санкцію. Это была Гёше Маргарита Готфридъ, изъ Бремена. Она долго пользовалась славой доброй и хорошей женщины, — на столько долго, что могла отравить въ разное время *пятнадцать* человѣкъ. Между прочимъ

она отравила отца своего, мать, двухъ мужей и дѣтей своихъ. Кромѣ того, *пятнадцать* же попытокъ ей не удались. Такихъ хладнокровныхъ убійцъ немного; но едва ли много и такихъ лицемѣрокъ, какъ эта Готфридъ. Это была воплощенная ложь. Она умѣла даже наружность свою измѣнить съ такимъ искусствомъ, что казалась совсѣмъ иною, нежели была. Когда ее арестовали и, по тюремнымъ правиламъ, стали раздѣвать, на ней оказалось тринадцать корсетовъ, одинъ на другомъ, которые играли роль стройнаго стана. Когда со щекъ ея и шеи смыли все, что было на нихъ намазано и наклеено, передъ тюремными прислужницами, раздѣвавшими ее, вмѣсто полной, красивой и здоровой женщины, очутилась блѣдная, изсохшая, безобразная мумія. Кромѣ отравленій, Готфридъ оказалась по суду виновною въ воровствѣ со взломомъ, въ подлогѣ, и проч. Было бы не справедливо сваливать всю вину подобнаго явленія на піэтизмъ. Нравственное безобразіе Готфридъ зависѣло конечно отъ органической уродливости. Но характеристично то, что женщина съ такими наклонностями кинулась именно въ піэтизмъ, и нашла удобнымъ пользоваться имъ для своихъ цѣлей.

Если о ней можно бы и не упоминать, говоря о піэтизмѣ, то ужь никакъ нельзя пропустить кроваваго спектакля *страстей* (Passionsspiel), который былъ разыгранъ, чисто подъ вліяніемъ піэтистической маніи, въ домѣ одного крестьянина въ Вильденшпухѣ, въ Цюрихскомъ кантонѣ, 15-го марта 1823 года. Здѣсь, подъ именемъ «Вильденшпухской святой», уважалась во всемъ околодкѣ нѣкая Маргарита Петеръ. Въ этой женщинѣ разгулъ чувственности соединялся съ мрачнымъ и дикимъ мистицизмомъ. Въ помянутый день Маргарита пригласила свою піэтистическую общину для «покоренія сатаны». Для этого поклонники ея должны были между прочимъ умертвить ея сестру Елизавету, а потомъ и самую Маргариту. Это и было исполнено. Въ этой безумной трагедіи женщины принимали участіе наравнѣ съ мужчинами.

Кстати будетъ здѣсь упомянуть и о знаменитой баронессѣ Юліанѣ Крюднеръ, урожденной Фитингофъ, которая юродствовала въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ своемъ французскомъ романѣ *Валерія* она изложила свою религіозно-нравственную систему, которая въ сущности можетъ быть вся передана одною фразой: «Кути напропалую въ молодости, — кайся и ханжи въ старости». Для характеристики понятій госпожи Крюднеръ довольно знать, что она отвергала всякое человѣческое знаніе, какъ ничтожное и суетное, и называла преступленіемъ стараніе проникнуть въ таинства природы. Она пророчествовала, творила чудеса и собирала вокругъ себя разныхъ невѣждъ и тунеядцевъ. Подъ видомъ бѣдныхъ и несчастныхъ къ

ней стекалась всякая сволочь. Съ этими сподвижниками своими она разъѣзжала по Европѣ. Полиція не разъ высылала ее и ея адептовъ; а разъ ихъ надо было разогнать даже солдатами. Послѣ этихъ неудачныхъ разъѣздовъ Крюднеръ отправилась въ Россію. На русскую границу она явилась тоже съ восемнадцатью спутниками, не то мошенниками, не то дураками. Ихъ не пропустили и позволили проѣхать только самой пророчицѣ. Въ Россіи баронесса Крюднеръ не успѣла ничего сдѣлать. Она умерла въ 1824 году.

XVII.

И литературная исторія, и исторія искусства упоминаютъ о нѣсколькихъ замѣчательныхъ женщинахъ въ Германіи въ прошломъ и въ нынѣшнемъ столѣтіяхъ. Но ни одна изъ нихъ не имѣетъ того обще-историческаго значенія, какое всегда останется за нѣсколькими женщинами Франціи, Англіи и Америки въ этотъ самый періодъ. Нечего искать между нѣмками именъ, которыя могли бы стоять не только на ряду, но хоть въ почтительномъ отдаленіи, съ именами Сталь, Жоржъ-Санда, Елизаветы Браунингъ, Бичеръ Стоу, Розы Бонёръ. Все тоже «древнегерманское уваженіе къ женщинамъ» оттѣсняло ихъ на задній планъ и дома, и въ обществѣ.

Одно изъ самыхъ извѣстныхъ именъ въ исторіи нѣмецкаго искусства — это Ангелика Кауфманъ. Безъ картинъ — преимущественно портретовъ — этой живописицы не обходится ни одна галлерея. Но это надо приписать больше всего ея плодовитости. Она примыкала къ новѣйшей школѣ въ живописи, переходной отъ стиля рококо къ большей естественности и простотѣ; но вообще достоинства произведеній Ангелики Кауфманъ очень блѣдны.

Менѣе извѣстны ученыя и писательницы Германіи конца XVIII столѣтія. Да о нихъ забыли и сами нѣмцы. А между ними одна была даже докторомъ философіи. Это дочь извѣстнаго Шлецера, Доротея. Геттингенскій философскій факультетъ вручилъ ей дипломъ въ 1787-мъ году. Другая ученая женщина, жена педанта Готшеда, этого нѣмецкаго Сумарокова, была любезною хозяйкой перваго литературнаго салона въ Германіи. Салонъ у Готшеда! Тутъ невольно приходитъ въ голову мольеровскій споръ Трипотена и Вадіуса. Вѣроятно такіе именно споры велись въ немъ.—Перечислить всѣхъ нѣмецкихъ женщинъ-поэтовъ невозможно; но едва ли одна изъ нихъ отличалась даже такими скромными достоинствами, какъ напримѣръ англійская Фелисія Гимансъ. Глава этихъ стихотворицъ, Луиза Каршъ, была совершенно по достоинству оцѣнена Фридрихомъ Великимъ. Онъ выдалъ ей за стихи два талера. — Рядъ нѣмецкихъ романистокъ

открываетъ въ прошломъ столѣтіи Софія Ларошъ. Ея *Исторія Дѣвицы Штернгеймъ* (1771) пользовалась въ свое время большою извѣстностью; теперь она совершенно забыта, какъ и другіе многочисленные романы этой писательницы. Та же судьба постигла и плодовитую Каролину Пихлеръ.

Дѣятельное участіе въ литературѣ нѣмецкія женщины начали принимать въ особенности съ сантиментальной эпохи семидесятыхъ годовъ. Стремленіе облагородить тѣ грубыя отношенія къ женщинамъ, какія продолжали существовать въ обществѣ, вызвало идеализмъ Клопштока и его послѣдователей. Онъ скоро перешелъ въ какую-то слезливую мечтательность и чувствительность, которая стала модой во всѣхъ кружкахъ, желавшихъ слыть образованными. — Невѣста Гердера писала ему, лирически замѣняя «пустое *вы* сердечнымъ *ты*»: «О, что вы дѣлаете, милый, сладостный юноша? Думаете ли еще обо мнѣ? любите ли меня? О, простите, что я объ этомъ спрашиваю! Въ вашемъ послѣднемъ божественномъ письмѣ я вѣдь *твоя милая*,—и все таки я спрашиваю. Это потому, что я съ нѣкотораго времени такъ много тревожусь изъ-за васъ во снѣ. Но это только сонъ,—и ты мой, мой, ахъ! въ сердцѣ моемъ вѣчно мой! Или вы не слышите ничего, что витаетъ вокругъ васъ, — о, ты, сладкій человѣкъ!—и теперь, при свѣтѣ луны, когда я по цѣлымъ часамъ одна и у васъ,—или вы не слышите ничего, ничего изъ моихъ мыслей? Или нашъ ангелъ не шелеститъ около васъ крыльями и не говоритъ вамъ, что я съ вами? О, симпатія! симпатія!» — Семнадцати-лѣтній Виландъ, влюбленный въ Софію Гунтерманъ, о которой сказано выше какъ о Ларошъ, заключилъ съ нею *вѣчный* союзъ любви. Они «часто бросались вмѣстѣ на колѣни, клялись въ вѣчной вѣрности добродѣтели и потомъ цаловались въ мечтательномъ восхищеніи». Но изъ Бибераха, гдѣ это происходило, Виландъ отправился въ Цюрихъ, и тамъ то и дѣло увлекался швейцарскими красавицами. Потомъ въ Бернѣ онъ встрѣтился съ замѣчательно умной дѣвушкой, Юліей Бонделли, вдохновенной миссіонеркой ученій Руссо. Виландъ такъ плѣнился ею, что предложилъ ей руку. Но Юлія плохо довѣряла его постоянству. «Скажите мнѣ, спросила она его однажды съ испытующимъ взглядомъ, вы никогда не полюбите никого, кромѣ меня?» Послѣ клятвъ въ вѣчной вѣрности Софіи, Виланду можно бы поклясться и тутъ. Онъ было и началъ: «никогда! Это невозможно!» Но тотчасъ же прибавилъ: «впрочемъ на нѣсколько минутъ это могло бы случиться, если бы я встрѣтилъ женщину прекраснѣе васъ, которая была бы въ высшей степени несчастна и въ то же время въ высшей степени добродѣтельна». Юлія отказала Виланду. Раненное сердце его скоро однакожъ утѣшилось. Прежнюю возлюбленную свою

встрѣтилъ онъ уже за мужемъ за Ларошемъ. Они жили въ замкѣ графа Стадіона, у котораго Ларошъ былъ домашнимъ секретаремъ. Сантиментальная любовь смѣнилась не менѣе сантиментальною дружбой. Мѣщанская женитьба по разсчету не помѣшала Виланду продолжать какія-то слезоточивыя отношенія къ Софіи Ларошъ. Что за чувствительныя сцены происходили между нимъ и его прежнею возлюбленной, когда онъ пріѣзжалъ въ замокъ, очень чувствительно разсказываетъ Фридрихъ Якоби. «Мы заслышали стукъ экипажа и взглянули въ окно. Это былъ Виландъ. Господинъ Ларошъ сбѣжалъ съ лѣстницы на встрѣчу къ нему; я нетерпѣливо послѣдовалъ за нимъ,—и мы приняли нашего друга на крыльцѣ. Виландъ былъ тронутъ и какъ бы оглушенъ. Пока мы здоровались съ нимъ,—съ лѣстницы спускалась госпожа Ларошъ. Виландъ только что спрашивалъ о ней съ какимъ-то безпокойствомъ, и казалось, съ величайшимъ нетерпѣніемъ хотѣлъ ее видѣть. Внезапно онъ замѣтилъ ее,—и я очень хорошо видѣлъ, какъ онъ весь содрогнулся. За тѣмъ отвернулся онъ въ сторону, рѣзкимъ движеніемъ дрожавшей руки сбросилъ съ себя шляпу назадъ, на полъ, и невѣрными шагами пошелъ къ Софіи. Все это сопровождалось такимъ необыкновеннымъ выраженіемъ во всей фигурѣ Виланда, что я чувствовалъ себя потрясеннымъ во всѣхъ моихъ нервахъ. Софія пошла на встрѣчу къ своему другу съ распростертыми объятіями. Но онъ, вмѣсто того, чтобы принять ея объятія, схватилъ ея руки и наклонился, чтобы скрыть въ нихъ свое лицо. Софія склонилась надъ нимъ съ небеснымъ выраженіемъ лица, и сказала тономъ, котораго не воспроизвести никакой Клеронъ, никакой Дюбуа:—Виландъ... Виландъ... Да, это вы... Вы все еще мой милый Виландъ!—Виландъ, пробужденный этимъ трогательнымъ голосомъ, приподнялъ немного голову, взглянулъ въ плачущіе глаза своей пріятельницы и склонился потомъ лицомъ на ея плечо. Никто изъ окружающихъ не могъ удержаться отъ слезъ. У меня онѣ бѣжали по щекамъ; я всхлипывалъ. Я былъ внѣ себя,—и до настоящей минуты не могу объяснить, какъ кончилась эта сцена, и какъ мы очутились всѣ вмѣстѣ на верху, въ залѣ». Въ своихъ романахъ пріятельница Виланда была такъ же сантиментальна, какъ въ своей любви и дружбѣ. Верхомъ этого чувствительнаго направленія былъ слезливый романъ Миллера *Зигвартъ*. Онъ имѣлъ громадный успѣхъ и еще болѣе распространилъ въ обществѣ нелѣпую слезливую чувствительность и мечтательность.

Но въ лучшихъ людяхъ того времени это настроеніе было вызвано недовольствомъ, нелѣпыми общественными предразсудками и отношеніями, и переходило въ стремленіе преобразовать ихъ. *Вертеръ* Гёте, искаженный Миллеромъ въ его *Зигвартѣ*, былъ не однимъ пас-

сильнымъ выраженіемъ современнаго сантиментализма. Вмѣстѣ съ первыми трагедіями Шиллера, онъ примыкалъ къ тому движенію въ литературѣ, которое нѣмцы — по заглавію одной драмы Клингера — называютъ періодомъ «бурныхъ стремленій». Жанъ-Поль писалъ въ 1799 году изъ Веймара: «Въ сердцѣ міра происходитъ духовная революція, большая, чѣмъ политическая революція, и столь же смертоносная». Одною изъ представительницъ этой революціи была женщина великаго ума и сердца, обреченная великимъ страданіямъ въ жизни, Шарлотта Кальбъ, въ которую были влюблены Шиллеръ и Жанъ-Поль. Но Шарлотта слишкомъ высоко поднималась надъ уровнемъ другихъ женщинъ. Жанъ-Поль называлъ ее *титанидой*. Ему и Шиллеру казалась слишкомъ страшною женщина, которая говорила, что «всѣ наши законы — слѣдствіе жалчайшаго безсилія и рѣдко благоразумія», что «любовь не нуждается ни въ какихъ законахъ». Жанъ-Поль прямо говоритъ въ своемъ дикомъ тонѣ, что онъ съ Шарлоттою «выкурилъ трубку въ пороховомъ магазинѣ». *Геніальныя* женщины (какъ нѣсколько иронически выражались тогда) не могли быть такими служанками, какихъ требовали эти художники, влюбленные больше всего въ своихъ героинь. Жанъ-Поль и Гёте женились именно на такихъ служанкахъ, и конечно это не мало содѣйствовало постепенному съуженію и обмельчанію ихъ мысли. Шиллеръ былъ нѣсколько счастливѣе. Жена его выходила хоть немного изъ круга посредственности.

Живое литературное движеніе «бурныхъ стремленій» было непродолжительно. Оно смѣнилось чисто-художественнымъ, далекимъ отъ жизни направленіемъ. Сантиментализмъ принялъ новую форму въ грезахъ романтизма. Владычество Наполеона въ Германіи какъ будто задушило въ нѣмцахъ всякую память объ идеяхъ прогресса, которымъ они начали было сочувствовать. Литература обратилась за идеалами къ прошлому, — и возникло тупое поклоненіе средневѣковымъ формамъ жизни, странная поэтическая тоска по невѣжеству и кулачному праву. Не оживляющее, а мертвящее вліяніе могла имѣть такая литература на духъ общества. Она превращала весь міръ въ какую-то юдоль плача, гдѣ слышался только горячешный бредъ, или мистическіе хоры. Вмѣстѣ съ мистицизмомъ на впечатлительныхъ людей нападало гнетущее отчаяніе и въ себѣ, и въ будущности отечества.

Въ своихъ взглядахъ на значеніе женщины романтики стояли не выше средневѣковыхъ миннезенгеровъ. Въ любви того времени было что-то болѣзненное и мрачное. Генрихъ Клейстъ, безспорно геніальнѣйшій изъ поэтовъ романтической школы, не находитъ другаго выхода изъ своей любви къ женѣ другаго, кромѣ смерти. Онъ сговари-

вается со своею Адольфиной, что убьетъ ее, когда она скажетъ ему, что наскучила жизнью. И точно, въ ноябрѣ 1811 года Клейстъ застрѣлилъ ее, а потомъ пробилъ пулею черепъ и себѣ.—Въ 1808 году романтическая красавица, Каролина Гюнтероде, закалывается отъ неудовлетворенной любви.

Въ политической жизни всеобщая подавленность, запуганность и жалкое безсиліе были таковы, что Германіи приходилось ждать клича свободы изъ Россіи.

«Vorwärts! fort und immer fort!
Russland rief das stolze Wort:
Vorwärts!» (*)

Тутъ только снова зашевелились въ нѣмецкомъ обществѣ живыя силы. Въ общемъ внезапномъ одушевленіи встрепенулись и женщины. Въ такъ называемыхъ войнахъ за независимость онѣ приняли горячее участіе. «Поведеніе женщинъ заслуживаетъ похвалы», пишетъ Нибуръ изъ Берлина въ концѣ 1813 года. «Сотни изъ нихъ отказываются не только отъ всякихъ удовольствій, но и отъ излишнихъ заботъ о своемъ домашнемъ хозяйствѣ, чтобы служить въ лазаретахъ, стряпать тамъ, ходить за больными, штопать бѣлье, снабжать раненыхъ деньгами и всѣмъ нужнымъ, присматривать за наемною прислугой и побуждать ее къ дѣлу. Многія стали уже жертвою нервной горячки». Богатыя женщины дѣлали большія пожертвованія деньгами, отдавали свое серебро, дорогіе уборы. Многія дѣвушки ѣздили въ войско съ припасами. Многія брались и за оружіе, какъ наша кавалеристъ-дѣвица Александровъ-Дурова, около того же времени. Іоганна Штегенъ, Іоганна Лурингъ, Лотта Крюгеръ, Доротея Завошъ, Каролина Петерсенъ, — вотъ имена этихъ амазонокъ. Но особенно прославилась воспѣтая Рюккертомъ храбрая Прохаска, бывшая въ отрядѣ волонтеровъ Лютцова. При Гёрде она была смертельно ранена. «Въ числѣ тяжело раненныхъ», разсказываетъ очевидецъ, «были Лютцовъ и геройская дѣвушка Прохаска. Когда послѣднюю, полъ которой былъ неизвѣстенъ, по окончаніи сраженія надо было перевязать, такъ какъ ядро раздробило ей стегно, она не согласилась на это, и сначала потребовала къ себѣ фельдфебеля своей роты. Когда же онъ пришелъ, оказалось, что подъ военною аммуниціей, никому невѣдомо, скрывалась женщина, именемъ Прохаска, и помогала намъ одержать побѣду. Это возбудило всеобщее удивленіе и уваженіе къ ея геройской храбрости и къ ея терпѣнію въ перенесе-

(*) Такъ начинается очень популярная тогда пѣсня Лудвига Уланда.

ній всѣхъ тягостей войны». Черезъ три дня героиня умерла отъ раны.

XVIII.

Какъ ни обидно должно было казаться нѣмцамъ иноземное владычество, но то, чего они добились войною за освобожденіе, было несравненно обиднѣе и позорнѣе. Эта война была какъ будто мимолетною вспышкой народнаго духа. За нею наступило самое жалкое и отвратительное безсиліе. Названіе Freiheits-Krieg звучитъ такой злой, безпощадной ироніей. Нѣмцамъ утѣшаться можно было развѣ тѣмъ, что не ихъ однихъ постигла печальная участь въ эпоху реставраціи, что не въ нихъ однихъ угасли надежды на новый порядокъ вещей, возбужденныя движеніемъ конца прошлаго столѣтія. Во всей Европѣ наступила пора жалкаго униженія съ одной и нахальнаго произвола съ другой стороны. Но изъ тѣхъ самыхъ мѣръ, которыми хотѣли достигнуть въ обществѣ могильнаго спокойствія, должно было вырости новое движеніе. Снова начали возникать въ обществѣ идеи, отъ которыхъ искали прибѣжища въ реакціи.

Политическія движенія въ Германіи, къ которымъ сигналомъ послужила іюльская революція въ Парижѣ, были, какъ извѣстно, такъ слабы, что дали правительствамъ только поводъ усилить реакцію. Революціонныя стремленія выразились почти исключительно въ литературѣ. Такъ называемая Юная Германія, наряду съ политическими, подняла и соціальные вопросы. Въ общество стали проникать идеи о женской эманципаціи, которыя во Франціи пытались ввести и въ практику. Идеи эти были плохо поняты въ Германіи. Это видно ужъ изъ того, что сторонники эманципаціи раздували до какого-то міроваго значенія литературную свѣтскость барынь въ родѣ Рахели и Беттины.

Рахель Фарнгагенъ фонъ-Энзе, урожденная Левинъ, собирала въ своемъ берлинскомъ салонѣ представителей поэзіи, науки, литературы и — дипломатіи. Всѣ, бывавшіе въ гостиной der Frau Geheimen Legations-räthin (*), говорятъ съ какимъ-то благоговѣніемъ объ ея умѣ, искренности и проч. Съ такимъ же благоговѣніемъ къ ея памяти издалъ Фарнгагенъ переписку Рахели. Изъ этой переписки видно, что Рахель интересовалась общественнымъ и литературнымъ движеніемъ. Но изъ разныхъ ея разсужденій и афоризмовъ очень трудно составить себѣ какое нибудь понятіе объ ея образѣ мыслей. Вѣрнѣе, что у нея вовсе его не было, и она была не больше, какъ пріятная

(*) Съ этимъ титуломъ обращается къ Рахели глава «Молодой Германіи», Гейне, въ одномъ изъ своихъ посвященій.

свѣтская собесѣдница. Ея гостиная могла же быть равно открыта к Генцу, и Гейне. Этого одного, кажется, довольно для ея характеристики.

Поэтическая Беттина—проще, дѣйствительная тайная совѣтница Ахимъ фонъ-Арнимъ—не имѣла и такого общественнаго вліянія, какое приписываютъ Рахели. Это была очень эксцентрическая женщина. Она прославилась, какъ извѣстно, своею восторженной перепиской съ Гёте, которая была издана подъ заглавіемъ: Göthe's Briefwechsel mit einem Kinde. Такимъ *ребенкомъ* Веттина тщилась оставаться до старости, и вся растерялась въ своей безсвязной, причудливо-романтической болтовнѣ.

До самаго движенія 1848 года мысли объ улучшеніи и расширеніи женскаго образованія, объ увеличеніи правъ и свободы женщинъ постоянно высказывались въ нѣмецкой литературѣ, — и нѣсколько женщинъ приняли участіе въ политическихъ событіяхъ, слѣдовавшихъ въ Германіи за февральскою революціей. Неудачи, за которыми наступила опять реакція, хотя и лишенная уже прежней силы, заставили, какъ всегда, большинство общества усомниться въ примѣнимости тѣхъ идей, которыя еще такъ недавно одушевляли всѣхъ. Съ этими сомнѣніями—или, лучше сказать, съ этимъ непониманіемъ всплыли опять разные отжившіе принципы. Женщины-писательницы, старавшіяся распространять новыя идеи въ популярной формѣ романа, сошли на время со сцены, или круто повернули въ другую, противоположную сторону. Такъ было напримѣръ съ графиней Идой Ганъ-Ганъ, которая, послѣ своего ратованья за права женщинъ, ударилась въ католицизмъ, пошла въ монастырь,—и ея новѣйшія книжки раздаются въ видѣ наградъ въ іезуитскихъ школахъ. Даровитѣйшая изъ нѣмецкихъ писательницъ новаго времени, Фанни Левальдъ, осталась впрочемъ вѣрна своему направленію (*).

* * *

Вотъ всѣ сколько нибудь характеристическія черты изъ исторіи женщинъ въ Германіи. Вотъ все, на чемъ нѣмцы основываютъ свое притязаніе, что «уваженіе къ женщинамъ» есть одна изъ самыхъ яркихъ сторонъ ихъ національнаго характера.

Мы видѣли, что съ самаго начала ихъ исторіи и до послѣдняго

(*) Для полноты мы перечислимъ здѣсь самыхъ замѣчательныхъ изъ нѣмецкихъ писательницъ послѣдняго періода. Это поэты — Бетти Паоли, Аннета Дросте, Элоиза Шмитъ; новелистки—Августа Паальцовъ, Ида Дюрингсфельдъ, Юлія Буровъ; наконецъ знаменитая кругосвѣтная путешественница Ида Пфейферъ и серьезная ученая Луиза Якобъ, извѣстная подъ псевдонимомъ *Тальви*. Ея *Исторія колонизаціи Новой Англіи* и изслѣдованія по народной славянской и германской поэзіи—труды, имѣющіе серьезное достоинство.

времени женщина является (какъ это было и вездѣ) постоянно рабски-подчиненною. Всѣ ея стремленія выйти изъ этого рабства доводятъ господствующую сторону только до внѣшнихъ уступокъ. Уступки эти не улучшаютъ ея положенія, а только развращаютъ ее, а съ нею и все общество. Мало по малу, съ развитіемъ общественности и знанія, нравы смягчаются. Прежде женщину били,—тутъ перестали бить. Прежде она была рабой,—тутъ стала хозяйкой, то есть все-таки служанкой мужа,—но болѣе всего куклой. Лишенная всякой самостоятельности, она видитъ единственную опору свою въ нравственномъ вліяніи на мужчину. Но ее всячески нравственно портятъ воспитаніемъ и отдаляютъ отъ образованія,—и ей приходится дѣйствовать только своими внѣшними качествами. И она старается стать сколько возможно похожѣе на куклу, потому что только кукла нравится мужчинамъ. Они не выпускаютъ изъ рукъ своихъ ни одного изъ тѣхъ мнимыхъ правъ, которыми завладѣли при первой организаціи общества. Какъ всякое насиліе, единожды захватившее власть, они готовы на всякія средства, чтобъ удержать ее. Въ законахъ, касающихся женщины и ея положенія въ семьѣ, не произошло никакой существенной перемѣны со временъ Карла Великаго. Да и могли ли быть перемѣны, когда законы эти основаны на той системѣ понятій, которую всѣми мѣрами стараются поддерживать и теперь?

Впрочемъ и это ужь добрый знакъ, что ее надо поддерживать. Значитъ, начинается убѣжденіе въ ея непрочности.—И точно, пора понять, что основная идея этой системы совершенно чужда человѣческой природѣ; что люди никогда не могли осуществить ее на практикѣ, несмотря на всѣ свои чрезвычайныя усилія, и никогда не могутъ осуществить. Она не могла существовать безъ уступокъ естественнымъ требованіямъ жизни, и расплодила только ложь, лицемѣріе, вообще много всякаго разврата.

Одинъ изъ современниковъ Жанны д'Альбре́, энергической матери Генриха Наваррскаго, говорилъ о ней, что «въ ней не было ничего женскаго, кромѣ пола» («elle n'avait de femme que le sexe»). Это великая похвала для того времени. Но нашему времени предстоитъ задача устроить наши отношенія такъ, чтобы въ женщинѣ и не могло быть ничего женскаго, кромѣ пола. Вѣдь то, что называютъ женскимъ *еще* — это рабство и всѣ его пороки и несчастія. Да: въ женщинѣ нѣтъ и не должно быть ничего женскаго, кромѣ пола. Все остальное да будетъ въ ней не мужское или женское, а чисто-человѣческое!

НРАВЫ РАСТЕРЯЕВОЙ УЛИЦЫ.

ОЧЕРКИ.

III.

ДѢЛА И ЗНАКОМСТВА.

Такъ поселился Прохоръ Порфирычъ въ растеряевой улицѣ. Ветхая и забытая изба старухи оживилась, пріосанилась: около нея нѣсколько дней возились два поденьщика: отставной раненый солдатъ, съ засученными рукавами и панталонами, густо смазалъ ее глиной, таская за собою наполненное глиною корыто и шайку, изъ которой онъ по временамъ брызгалъ водою на стѣну; плотникъ, съ своей стороны, усердно охаживалъ избу кругомъ, тщательно выбирая мѣстечко, куда бы, не опасаясь паденія избы, можно было загнать хорошій гвоздь; ветхость хибары устрашала плотника:—«ну зданія!», толковалъ онъ, проваливаясь ногою гдѣ-нибудь въ гнилыхъ доскахъ крыши: «вотъ такъ зданія!» Плотникъ безнадежно трясъ своей шляпой-зимогоркой, почесывалъ голову и осторожно постукивалъ обухомъ топора, приколачивая клинышекъ бѣлой доски. Скоро ярко выбѣленная изба — пестрѣла повсюду множествомъ свѣжихъ планокъ, досокъ, досчатыхъ четыреугольниковъ, ярко вылегавшихъ на почернѣвшихъ и полусгнившихъ доскахъ крыши, воротъ, забора и т. д. И не смотря на такія старанія, изба все-таки напоминала физіономію обезьяны, если посмотрѣть на нее съ боку: нижняя, выпятившаяся челюсть соотвѣтствовала выпятившимся бревнамъ въ фундаментѣ, вслѣдствіе чего окна верхнимъ концомъ уходили въ глубь избы, а нижнимъ выпирали наружу. Въ одно и тоже время съ преобразованіемъ наружнаго вида избы шли и внутреннія реформы. Прохоръ Порфирычъ неутомимо вводилъ разныя «положенія»: для маменьки было «положеніе»—знать свое мѣсто, сидѣть и дожидаться послѣдняго часу; изюмы и сладенькія малиновыя были отмѣнены,—«не такое время»;

насчетъ старухи, которую не выжила никакая полиція, было положеніе — не касаться: «хочетъ издохнетъ, — издыхай, не хочетъ, какъ угодно»; изъ домашнихъ харчей ей не отпускалось ничего; маменька, убитая сыномъ, выговорила у него дозволеніе хотя въ спокоѣ доживать вѣкъ и не трепаться около печки; Прохоръ Порфирычъ попятился, припомнилъ маменькѣ ея непотребную жизнь, но все-таки взялъ въ стряпухи бабу, которая была тоже оплетена положеніями: солдатъ не водить и не таскаться по сосѣдямъ, — «нечего слоны слонять» попусту; баба тотчасъ заступилась за свое правое дѣло и выговорила только одного солдата и тотъ обѣщался жениться на ней послѣ Святой. Скоро явился солдатъ, растегнулъ сертукъ, закурилъ трубку, началъ поплевывать по сторонамъ, запахло махоркой, послышались слова: «фитьфебель» «чихаусъ», «кантинариусъ» и пр. За солдатомъ потихоньку вошла какая-то баба, спросила — «что, нашей курицы не видали?» и сѣла. За ней другая, тоже насчетъ курицы, третья, — пошолъ говоръ, дружба, драка, — словомъ, житье, которое Прохоръ Порфирычъ не могъ замуровать никакими положеніями. Онъ изрѣдка высовывалъ сюда голову и грозно произносилъ: — «Черти! аль вы очумѣли?» Солдатъ пряталъ пылавшую трубку въ карманъ, бабы замолкали — но черезъ нѣсколько времени начиналась таже самая исторія. Порфирычъ поэтому держался преимущественно въ своей половинѣ.

Прохоръ Порфирычъ выбралъ себѣ на житье другую половину избы, отдѣленную отъ кухни сѣнями съ землянымъ поломъ. Маленькая комнатка его хоть и смотрѣла окнами въ заборъ, но за то не предвѣщала того близкаго разрушенія, которымъ ежеминутно грозило жилище маменьки; стѣны были довольно крѣпки и прямы, окна не такъ гнилы и не такъ ввалились внутрь комнаты; тутъ же была особая печка съ лежанкой. Некрасивый видъ комнаты, при дѣятельномъ стараніи Порфирыча, принялъ нѣкоторый смыслъ. Передъ окнами стоялъ станокъ, на которомъ Порфирычъ обыкновенно высверливалъ дуло револьвера и зарядныя отверстія въ барабанѣ; на этомъ же станкѣ оттачивались какъ эти двѣ штуки, такъ и всѣ принадлежности замка, собачки, шомпола и т. д., которыя доставляются кузнецомъ въ самомъ аляповатомъ видѣ, едва-едва напоминающемъ настоящую форму. Необходимые для этого инструменты были воткнуты за кожаный ремешокъ, прикрѣпленный къ стѣнѣ нѣсколькими гвоздями. Надъ ними, у самаго потолка, на большихъ гвоздяхъ болтались вырѣзанные изъ листоваго желѣза фасоны для пистолетовъ: по нимъ можно было прослѣдить всѣ послѣднія новости въ пистолетномъ мастерствѣ. Безъ пособія какихъ бы то ни было руководствъ, безъ самомалѣйшихъ признаковъ какого-нибудь

печатнаго лоскута по этому предмету, Прохоръ Порфирычъ, всегда умѣлъ поддѣть самую послѣднюю новинку. Проѣзжій офицеръ изъ Петербурга, помѣщикъ, объѣхавшій весь міръ и возвращающійся въ отечество съ твердою вѣрою только въ сыворотку и съ двумя-тремя десятками заграничныхъ рѣдкостей, — никогда почти не ускользали отъ зоркаго глаза Прохора Порфирыча. Гдѣ-нибудь въ гостинницѣ, Порфирычъ убѣдительнѣйше просилъ такого проѣзжаго дать вещицу на фасонъ, тутъ же, повертывая эту вещицу передъ глазами, смекалъ, въ чемъ дѣло; въ крайнихъ случаяхъ прикидывалъ вещицу на бумагу и обводилъ наскоро карандашемъ, а до остальнаго додумывался дома. Такимъ образомъ, въ глуши, гдѣ-то въ растеряевой улицѣ, Прохоръ Порфирычъ зналъ, что на бѣломъ свѣтѣ есть Адамсъ и Кольтъ, есть слово «система», которое онъ впрочемъ переводилъ въ свою вѣру, отчего оно преображалось въ «исцему». Мало того, пистолеты, выходившіе изъ рукъ Порфирыча, носили изящно вытравленное наводильщикомъ клеймо: «London», смыслъ каковаго клейма оставался непроницаемою тайною, какъ для Порфирыча, такъ и для наводильщика.

Все остальное въ комнатѣ, не относившееся до мастерства, обставляло исключительно личныя потребности Прохора Порфирыча. Деревянная скрипучая кровать съ грубымъ ковромъ, когда-то принадлежавшая растеряевскому барину, кожаная подушка того же барина, манишка на стѣнѣ, сундукъ съ тощими пожитками, и наконецъ на лежанкѣ, издали казавшейся грудою кирпичей, кусокъ тарелки съ ваксой, сапожная щетка, съ отодранной верхней крышкой, и оплывшій сальный огарокъ въ приземистомъ жестяномъ подсвѣчникѣ. Всѣ эти признаки убожества въ глазахъ Прохора Порфирыча принимали другой оттѣнокъ, потому что говорили о собственномъ хозяйствѣ.

Сѣнцы также не пропали даромъ: въ нихъ было «положено» спать подмастерью, котораго Порфирычъ скоро припасъ для себя. Подмастерье этотъ былъ не изъ Т—скихъ; — онъ былъ Тамбовецъ и, на счастье Порфирыча, обладалъ такимъ множествомъ собственныхъ бѣдъ, что вовсе не требовалъ за собою ни строгаго присмотра, ни понуканья и ругательствъ. Онъ былъ почти вдвое старше Порфирыча, испыталъ наслажденіе быть полнымъ хозяиномъ, имѣлъ *благородную* жену, которая и помутила всю его жизнь, доведя наконецъ до того, что онъ, Кривоноговъ, бѣжалъ изъ роднаго города, куда глаза глядятъ. Въ Т. проживалъ онъ безъ билета, что составляло его ежеминутную муку. Ко всѣмъ этимъ несчастіямъ присоединилось еще одно, едвали не самое страшное, именно, непомѣрная сердечная доброта, покорливость и ежеминутное сознаніе своей ничтожности. Та-

кія бы сдѣлали изъ него горчайшаго пьяницу, но опасность попасть въ пьяномъ видѣ въ острогъ, а потомъ въ руки жены, удерживала его въ предѣлахъ одного шкалика въ сутки. Прохоръ Порфирычъ, имѣвшій возможность по крайней мѣрѣ разъ тысячу убѣдиться въ честности своего подмастерья, знавшій полную его невозможность сдѣлать какую нибудь «колендрію», все-таки, уходя изъ дому, заглядывалъ въ кухню и говорилъ бабамъ:

— Присматривайте за энтимъ молодцомъ-то...

Самою задушевною собесѣдницею подмастерья была Глафира; при ея помощи какъ-то таинственно являлась выпивка, соленый огурецъ, потомъ, благодаря имъ, тянулись долгіе разговоры шопотомъ, ибо грозная тѣнь Порфирыча невидимо витала въ мастерской. Подмастерье разсказывалъ про свое имущество, «что всего было», какъ онъ съ полицмейстеромъ пилъ шампанское на балконѣ, какъ ходилъ за женой въ маскарадъ, куда она укатила съ офицерами, и т. д. Потомъ еще болѣе глубокимъ шопотомъ присовокуплялъ о томъ, какъ жена его *лудила*. При этомъ дѣло происходило такъ: «— Харя!» — Покорнѣйше, говорю, благодарю... «— Рогожа! Вонъ!» — Чувствительнѣйше васъ благодарю!... Разлетится, разлетится, по щекѣ — жжка! — Сдѣлайте вашу милость, еще...

Послѣ множества мытарствъ, перенесенныхъ имъ отъ супруги, «вѣроломка» однажды пожелала съ нимъ помириться...

— Я, говоритъ, тебя, Ѳедя, ни на кого не промѣняю... — О? — Провалиться! Потому я тебя безъ памяти обожаю...

— Обрадовался я, признаться, разсказывалъ Кривоноговъ. — «Пройдись со мной подъ ручку»... — Подхватилъ, пошли. Шли-шли... «— Зайдемъ сюда на минутку, вотъ въ этотъ домъ»... — Изволь, говорю. Зашли. Вводитъ она меня, милые мои, въ залу — сидятъ господа... Я маленько оробѣлъ... А она дѣлаетъ этотъ самый поклонъ: «— Вотъ, говоритъ, господа генералы, прикажите, сдѣлайте такую милость, моему мужу лобъ забрить... въ ссалдаты!» Я ка-акъ черкану въ окно, — бѣжать! Тринадцать городовъ пробѣжалъ, вотъ здѣсь очутился, не знаю, какъ отсюда-то Богъ вынесетъ...

Кривоноговъ вздыхалъ и принимался за работу...

Если иногда случалось, что подмастерье заливалъ лишнее и начиналъ поговаривать, что самъ г. хозяинъ рожна передъ нимъ не стоитъ, то хозяинъ, т. е. Прохоръ Порфирычъ, бралъ его за шиворотъ, тащилъ въ анбаръ и, толкнувъ туда, запиралъ дверь на замокъ.

— И покорнѣйше васъ благодарю! говорилъ на это Кривоноговъ, очутившись гдѣ нибудь въ углу, среди корытъ, протухшихъ отъ капусты, и всяческой вони.

Обставленный всѣми невзгодами, подмастерье не переставая работалъ цѣлые дни, и подъ защитою его двужильныхъ трудовъ, Прохоръ Порфирычъ неспѣша обдѣлывалъ свои дѣла. Главною задачею его въ эту пору было—оставлять въ своемъ карманѣ цѣликомъ всю красненькую, которая получалась за проданный револьверъ, т. е. не отдѣлять изъ нея по возможности ничего въ пользу кузнецовъ, наводильщиковъ и т. д., которые участвуютъ своими трудами,—а уплачиваетъ имъ по возможности натурою, въ «надобное» время. Сообразно съ такими планами Прохоръ Порфирычъ особенно цѣнилъ только два дня въ недѣлѣ,—понедѣльникъ и субботу.

Понедѣльникъ былъ для него потому особенно дорогъ, по чему для прочаго рабочаго люда — онъ былъ невыносимъ. Въ понедѣльникъ Прохоръ Порфирычъ дѣлалъ дѣла свои потому, что цѣлый городъ въ этотъ день не имѣлъ силъ ударить палецъ объ палецъ, утверждая, что въ этотъ день работаютъ «лядкины дѣти»; а всѣ настоящіе люди рыщутъ цѣлый день, желая отдать душу дьяволу, только бы опохмѣлиться. И этотъ-то общій недугъ доставлялъ въ руки Порфирыча нѣсколько такихъ недужныхъ субъектовъ живьемъ. Но и до этого имъ приходилось пройдти еще многое множество рукъ, всегда достаточно цѣпкихъ и много способствовавшихъ успѣху Порфирыча. Дѣло совершалось такимъ путемъ.

Пріятный для Прохора Порфирыча субъектъ пробуждался въ понедѣльникъ въ какой-то совершенно неизвѣстной ему мѣстности. Только самое тщательное напряженіе разбитой послѣ *вчерашняго* головы приводило его къ заключенію, что это—или архіерейская дача, за пять верстъ отъ города, или засѣка, за четырнадцать верстъ, или наконецъ родная улица и жена со слезами, упреками или поднятыми кулаками. Успокоившись насчетъ мѣстности, бѣдная голова мастероваго успѣваетъ тотчасъ же проклясть своё каторжное существованіе, даетъ самый обстоятельный зарокъ не пить, подкрѣпляя это самою искреннею и самою страшною клятвою, и только выговариваетъ себѣ льготу на нынѣшній день, и то не пить, а опохмѣлиться. Такое богатство мыслей совершенно не соотвѣтствуетъ внѣшнему виду мастероваго: на немъ нѣтъ ни шапки, ни чуйки, куда-то исчезли новенькіе коневые сапоги, но почему-то уцѣлѣла одна только жилетка. Мастеровой понимаетъ это событіе такъ: около него возились не воры-разбойники, а быть можетъ первые друзья-пріятели, которые точно такъ же, какъ и онъ, проснулись съ готовыми лопнуть головами и такіе же полураздѣтые или раздѣтые совсѣмъ. Тотъ, кто оставилъ на мастеровомъ жилетку, такъ думалъ:

«Чать и ему надо похмѣлиться-то»...

И пошолъ искать въ другое мѣсто.

Сожалѣнія о коневыхъ сапогахъ и чуйкѣ, терзанія больной головы, проклятія мало по малу изчезаютъ въ размышленіяхъ надъ жилеткой, и въ особенности въ сомнѣніи касательно того, какъ на этотъ предметъ посмотритъ Данило Григорьичъ.

Полная, здоровая фигура Данилы Григорьича уже давнымъ давно красуется на высокомъ кабацкомъ крыльцѣ. Поправляя на животѣ поясокъ, исписанный словами какой-то молитвы, онъ солидно раскланивается съ стоющими людьми, или, понимая смыслъ понедѣльника, принимается набивать стойку цѣлыми ворохами *перемѣнокъ*. Подъ этимъ именемъ разумѣется всякая *ношебная* рвань, совершенно негодная ни для какого употребленія: старые халаты, сто лѣтъ тому назадъ пущенные семинаристами въ закладъ и прошедшіе огнь и воду, лишившись въ житейской битвѣ полы, рукавовъ, цѣлаго квадрата въ спинѣ и пр. пр. Какія-то непостижимыя и чудовищныя комбинаціи воротника съ полою и рукавомъ; сюртукъ, отъ котораго остались двѣ заднія пуговицы на суконномъ лоскутѣ, къ каковому лоскуту силою суровыхъ нитокъ привлеченъ синій военный рукавъ съ нашивкой, и т. д. Вообще подъ именемъ перемѣнокъ подразумѣвается самое сокращенное воспоминаніе о томъ, что вдревлѣ называлось одеждой. Вся эта рвань, предназначается для несчастныхъ птицъ понедѣльника, которые то и дѣло залетаютъ сюда, оставляя чуйки и облачаясь въ это уродовское тряпье, для того, чтобы хоть въ чемъ нибудь добраться домой.

Весело похаживаетъ Данило Григорьичъ, по временамъ она затягиваетъ какую нибудь духовную пѣснь: «иного-бо развѣ тебѣ..» и т. д., или идетъ за перегородку, откуда скоро, вмѣстѣ съ его приземистымъ смѣхомъ, слышится захлебывающійся женскій смѣхъ...

— Грѣхъ! слышно за перегородкой...

— Эва!...

На крыльцѣ кто-то оступился отъ слишкомъ быстраго взбѣга, и передъ Даниломъ Григорьичемъ, солидно обдергивающимъ подолъ ситцевой рубахи, выростаетъ полуобнаженная и словно на морозѣ трясущаяся фигура. Данило Григорьичъ спокойно помѣщается за стойкой.

— Сдѣлл.... милость.... хрипитъ фигура, подсовывая жилетку и болѣе ничего не въ силахъ сказать — Сдѣлл... милость.

— Покажь-ко, за что миловать-то.

Начинается самая мучительная ревизія всѣхъ дыръ жилета. Данило Григорьичъ третъ ее мокрымъ пальцемъ, разсматриваетъ на свѣтъ, словно фальшивую бумажку.

— Сдѣлл... милость! Ахъ ты Боже мой! а? царапая всклокочен-

ную голову, хрипитъ фигура. — Данило Григоричъ! Сдѣлл... милость... Ахъ тты Боже мой...

Мучитель швыряетъ жилетъ подъ стойку и говоритъ мастеровому, тыкая себя пальцемъ въ грудь:

— Только един-нствен-но моя одна доброта!

— Отецъ!.. Ды разя. . Аххъ тты Ббоже мой!...

Данило Григорьичъ съ сердцемъ откупориваетъ кривымъ шиломъ полштофъ, съ тѣмъ же ожесточеніемъ суетъ маленькій стаканишко, склеенный и сургучемъ и замазкой, почему потерявшій очень много въ своемъ и безъ того незначительномъ объемѣ.

Ужасъ охватываетъ мастероваго.

— Данило Григоричъ! Побойся Бога!

— Я гав-варю, — истинно только изъ одной жалости... Повѣрь ты мнѣ... Я съ тебя, бозныть чего не возьму божиться... Для того, что видѣть я не могу этаго вашего мученія...

— Данило Григоричъ! Отецъ! Ды что же это мнѣ?.. Опять сталбыть на недѣлю испорченъ... Данило Григоричъ!

Цѣловальникъ молча ставитъ полштофъ на прежнее мѣсто.

— Данило Григоричъ! умоляя хрипитъ мастеровой.—Ради Самаго Господа Бога, Данило Григоричъ!..

— Я теб-бѣ гав-варю,—хочешь,—а не хочешь...

— Сто-сто-стой... Что ты? Сдѣлл... милость!.. Ахъ ты Господи...

— Для Господа, я такъ полагаю, пьянствовать нигдѣ не показано... Нуко-сь, поправься махонькой...

Мастеровой долго смотритъ на стаканишко съ самымъ жестокимъ презрѣніемъ, съ горя плюетъ въ сторону—и наконецъ пьетъ...

Долго тянется молчаніе. Идетъ харканье; слышно хрустѣніе соленаго огурца...

— Нѣтъ, — говоритъ наконецъ мастеровой, немного опомнившись.—Я все гляжу, какова обчистка?..

— Справорено по закону...

— А?.. Одну жилетку?.. Эт-то какъ же будетъ?..

— Скажи еще за жилетку-то—слава Богу!

— И ей-Богу скажешь!..

— Ищо какъ скажешь-то...

— Ей-ей.., Ищо слава Богу, хучь... Аххъ ты Боже мой!.. а?.. А-абчи-и-стка-а... ай-яй-яй... а?.. Кани-евые сапоги одни, — душа вонъ,—пять целковыхъ;—одни!.. Да вить какой конь-то!..

— Эти что ль?

Цѣловальникъ вынесъ изъ за перегородки два сапога...

— Он-ни! он-ни! завопилъ мастеровой простирая руки. — Ахъ, братецъ ты мой!... Какъ есть, какъ живые...

— Ну, теперь не воротишь!..

— Дѣ воротить!.. Ни воротишь!..

— Теперь н-нѣ-этъ...

— Теперь, избави Богъ, ни въ жисть не вернуть... Ахъ ты Боже мой!.. Они какъ есть!.. А-пчи-се-тка-а...

Мастеровой развелъ руками.

— То-то и есть: говорилъ я тебѣ... ой, не больно конями-то вышвыривай...

Идетъ долгое нравоученіе.

— И опять же скажу, это на васъ отъ Господа Бога попущеніе... Докуда вамъ мамонѣ угождать?.. заключаетъ цѣловальникъ.

Мастеровой вздыхаетъ и скребетъ голову...

— Данило Григоричъ! умильно начинаетъ онъ; голосъ его принимаетъ какой-то сладкій оттѣнокъ. — Сдѣлай милость!.. маленькую!.. Данила Григорьича охватываетъ ужасъ. Не отвѣчая, онъ въ одну секунду успѣваетъ нарядить посѣтителя въ перемѣнку и за плечи ведетъ къ двери.

— Маленькую! отецъ!

— Ступ-пай!.. Ступай съ Богомъ.

— Полрюмочки!

Мастеровой стоитъ посреди улицы...

— Данило Григоричъ!..

— Ступай-ступа!..

— Аххъ Господи! Какъ же быть-то!

— Думай!

— Думать? Вить и то пожалуй...

— Дѣло твое...

— Надо думать... Ничего не подѣлаешь... Ахъ, ты...

Черной тучей вваливается мастеровой въ свою лачугу, и не взглянувъ на омертвѣвшую жену, нетвердыми ногами направляется къ кровати, предварительно съ размаху налетая на уголъ печки и далеко отбрасывая пьянымъ тѣломъ люльку съ ребенкомъ, висящую тутъ же на покромкахъ, прицѣпленныхъ къ потолку. Не успѣла жена всплеснуть руками, не успѣла сдавленнымъ отъ ужаса голосомъ прошептать: «разбойникъ!»—какъ супругъ ея, съ какимъ-то ворчаньемъ бросившійся ничкомъ на постель, уже храпѣлъ самымъ звѣрскимъ образомъ, поглощая легкими за одинъ пріемъ всю крошечную атмосферу избы. Испуганный этимъ храпомъ ребенокъ вдрагивалъ ногами и икалъ. Оцѣпенѣнье бѣдной бабы разрѣшается долгими слезами и причитаньями... А мужъ все храпитъ... Наконецъ рыдающая жена рѣшается на минуточку сходить къ сосѣдкѣ. На-скоро разсказываетъ она пріятельницѣ, въ чемъ дѣло, занимаетъ до вечера хлѣба,

и тотчасъ же возвращается домой. Прямо подъ ноги ей бросаются изъ избы три собаки, съ явными признаками молока на мордѣ. Чуя погибель молока, припасеннаго ребенку, она дѣлаетъ торопливый шагъ черезъ порогъ — и натыкается на пустой сундукъ, съ отломанной крышкой; въ сундукѣ нѣтъ платья, на стѣнѣ нѣтъ старой чуйки, на кровати нѣтъ мужа,—а люлька съ ребенкомъ описываетъ по избѣ чудовищные круги, попадая то въ печку, то въ стѣну. Окончательно убитая баба долго не можетъ ничего сообразить и вдругъ пускается въ догонку...

Въ это время супругъ ея съ какимъ-то истинно артистическимъ азартомъ выдѣлываетъ въ дальнемъ концѣ улицы удивительные скачки; иногда онъ словно подплясываетъ, а вмѣстѣ съ нимъ пляшетъ по землѣ и хвостъ женскаго платья, выбившагося изъ-подъ чуйки...

— Держи, держи... голоситъ баба, путаясь въ подолѣ отнявшимися и онѣмѣвшими ногами: — ахъ, ахъ, ахъ... Разбойникъ! Грабитель!

Какой-то лабазникъ сталъ ей поперекъ дороги, растопыривъ руки, словно останавливалъ вырвавшуюся лошадь. Прохожій солдатъ обнялъ на ходу и раза два повернулся съ ней; другой солдатъ съ улыбкой смотрѣлъ на эту сцену, придерживая подъ мышкой двѣ пары подошвъ. Остановился и засмѣялся чиновникъ съ женой... А супругъ въ это время уже поравнялся съ храминою Данилы Григорьича и съ разлету распахнулъ обѣ половинки дверей, напирая собственнымъ тѣломъ.

Добралась наконецъ и баба. Мужа не было.

— Дѣ мужъ? едва переводя духъ, закричала она.—Подавай! Слышшь! Сейчасъ ты мнѣ его подавай кровопійцу...

— Я съ твоимъ мужемъ не спалъ! загалдилъ въ свою очередь Данило Григорьичъ.—Ты его супруа,—ты и должна его при себѣ сохранять...

— Подавай, я тебѣ говорю!

Баба вся позеленѣла.

— Ссію минутую мнѣ мужа маво!... Знать я этого не хочу!...

Цѣловальникъ усмѣхнулся.

— Маля! произнесъ онъ, направляя слова за перегородку.—Вотъ баба мужа обронила... Сдѣлайте милость, — присовѣтуйте...

— Ххи-хи-и-ихъ-хи-хи-хи! раскатилось за перегородкой.

— Шкура! заорала баба.—Мнѣ на твои смѣхи наплевать!... Твое дѣло плешничать!..

— Чтобъ тѣ черёвы вевернуло!

— Ахъ ты вонючіе твои...

— Сивастопаль! громче всѣхъ закричалъ цѣловальникъ.—Гене-

ралъ Вельзевулъ!... Ты мутить пришла? Такъ я, опять же тебѣ скажу,—мужа твоего здѣсь не было.

— Не было-о?

— Нѣту. Проваливай съ молитвой! Къ Ѳомину на Павшинскую вдаряйся.

— Къ Ѳомину-у?

— Къ нему. Съ Богъ-гамъ! Въ окно причуялъ!...

Баба замолчала и тихонько заплакала.

— Молись Богу—ды въ путь!... говорилъ цѣловальникъ.

Баба медленно пошла къ двери.

— Все ли взяла? Какъ бы чего не забыть... въ дорогѣ неравно...

— «А я вотанъ, а я во-о...» вдругъ запѣлъ кто-то... Баба узнала голосъ мужа... Но гдѣ раздавалось это пѣніе, — на чердакѣ ли, подъ поломъ ли, или на улицѣ,—рѣшительно разобрать было нельзя. Тѣмъ не менѣе баба бросилась на грохотавшаго цѣловальника.

— Подавай! Сичасъ подавай! Я тебѣ голову разнесу...

Хохоталъ цѣловальникъ, хохотала баба за перегородкой, — и пѣніе возобновилось въ усиленной степени.

— Разбойники! Дьяволы! У меня корки нѣту... Под-дав-вай сичасъ!...

— А я вотанъ, а я во, а я во, а я во, — хооо...

Смѣхъ, гамъ, слезы...

— Ну, — съ Богамъ! заговорилъ цѣловальникъ рѣшительно и повелъ бабу на лѣстницу.

— Я на тебя, извергъ ты этакой, доносилось съ улицы:—сто судовъ наведу на-ашенника! Я тебя, живодера анаѳемскаго, начальствомъ заставлю...

— Ду-ура! Нѣту такого начальства, башка-а! Гдѣ же это ты такое начальство нашла, чтобы не пить?... рожа-а!.. Рѣзко и внушительно говорилъ цѣловальникъ, высовывая голову на улицу.—Горшешная ты пагубница,—это твое дѣло,—а въ начальствѣ ты рожна не смысли-ишь!... Какого ты начальства будешь искать? Иродъ! Прочь!

Баба долго кричала на улицѣ.

Цѣловальникъ, разгоряченный послѣднимъ монологомъ, плотно захлопывалъ дверцы.

— Не торопись! остановилъ его Прохоръ Порфирычъ, отпихивая дверь:—совсѣмъ было прищемилъ!...

— А! Прохоръ Порфирычъ! Добраго здоровья... Виноватъ бачука. Съ эстими съ бабами то есть не приведи Богъ... Прошу покорно.

— Ай ушла? шепотомъ проговорилъ мастеровой, приподымая го-

ловой крышку маленькаго погреба, устроеннаго подъ поломъ за стойкой у подножія Данилы Григорьича.

— Ушла!... Ну, братъ, у тебя ба-аба!...

— О-о!... У меня баба — смерть!

Мастеровой выползъ изъ погреба, весь въ паутинѣ, и сталъ доѣдать пеклеванку...

— Ка-акую жуть нагна-ла-а? спросилъ онъ улыбаясь, у цѣловальника. Тотъ тряхнулъ головой и обратился къ гостю.

— Ну, что же, Прохоръ Порфирычъ, какъ Богъ милуетъ.

— Вашими молитвами.

— Нашими? Дай Господи! За тобой двадцать двѣ...

— Ну, что жь, сказалъ мастеровой: — эко бѣда какая!

Въ это время изъ-за перегородки выползла дородная молодая женщина, съ большой грудью, колыхавшейся подъ бѣлымъ фартукомъ, съ распотѣлымъ свѣжимъ лицомъ и синими глазами, на головѣ у нея былъ платокъ, чуть связанный концами на груди. По добротности, лѣни и множеству всего краснаго, навѣшенному на ней, — можно было заключить, что цѣловальникъ «держалъ при себѣ бабу» — на всякій случай.

Прохоръ Порфирычъ засвидѣтельствовалъ ей почтеніе.

— Что это, Данило Григоричъ, заговорила она: — вы этихъ бабъ пущаете... Только что одна срамота черезъ эсто.

— Будьте покойны! вмѣшался захмѣлѣвшій мастеровой: — она непосмѣитъ этого... Главное дѣло, обратился онъ къ Порфирычу шопотомъ: — я ей сказалъ: Алена!... Я этого не могу, чтобы кажный годъ дите!... чтобы этого не было!... Мнѣ такое влеженіе — нельзя!

— Ну и что же? спросилъ цѣловальникъ.

— Говоритъ: не буду! Потому я — строго...

— Мала! ухмыляясь произнесъ цѣловальникъ. — Вотъ бы этакъ-то... а?...

— Се вы съ глупостями.

— Ххе-ххе-ххе!..

Мастеровой тоже засмѣялся и прибавилъ:

— Нѣтъ, — надо стараться!...

Цѣловальничья баба отвернулась... Прохоръ Порфирычъ кашлянулъ и вступилъ съ ней въ разговоръ:

— Ну, что же, Маланъ Иванна, — по своемъ по Каширу тужите?..

— Чего жь объ немъ... Только что сродственники...

— Ндэ-съ... родные?..

— Родные! Только что вотъ это. Конечно жалко, — ну все и та-

кой матерги не вижу, когда братецъ Иванъ Филипычъ одной вонью меня задушилъ...

— Ссссс...

— Наберетъ дохлыхъ кошекъ, сичасъ ихъ потрошить,... это се мы видимъ; одно поглядѣнье на этакую гадость... тьфу!..

— Данило Григорьичъ! шепталъ мастеровой, колотя себя въ грудь. — Передъ истиннымъ Богомъ...

— Опять развѣситъ—сушитъ!.. Смердъ!.. Кажется—Господи...

— Ты еще мнѣ за стекло долженъ! Помнишь?..

— Данило Григоричъ!..

— Ну, Маланъ Ивановна! — а въ нашемъ городѣ что же вы, пужаетесь...

— Пужаюсь!

— Пужливы?..

— Страсть, какъ пужлива... Сичасъ вся задрожу...

— Да дда да... Мѣсто новое...

— Да и признаться, — все другое, все другое... За что ни возьмись... Опять народъ горластый...

— П-па-ккакому же случаю я тебѣ дамъ!

— Данило Григоричъ! Отецъ!..

— Сичасъ драка! Наровитъ, какъ бы кого...

— Въ ухо... Это вѣрно. Потому вы нѣжныя?..

— Нѣжная!..

— Умру! умру! заоралъ мастеровой, упавъ на колѣни.

— А чудакъ человѣкъ! Ну изъ-за чего же я...

— Каплю! дьяволъ, — каплю!

— Что? Что такое? заговорилъ вступаясь Прохоръ Порфирычъ.— Въ чемъ разсчетъ?..

— Да ей-Богу, совсѣмъ малый взбѣсился... Проситъ колупнуть,— но какже я ему могу дать.

— Любезный! заступись!.... Я ему дьяволу — за четвертакъ цволъ... Цѣна ему два цѣлковыхъ... Прошу—махонькую! а?

— Что же ты, Данило Григорьичъ! произнесъ Порфирычъ.

— Ей-ей не могу. Мы тоже съ эстаго живемъ...

— Покажь! сказалъ Порфирычъ:—что за цволъ?..

У мастероваго отлегло отъ сердца.

— Другъ! заговорилъ онъ, осторожно касаясь груди Порфирыча:—я тебѣ передъ истиннымъ Богомъ поручусь, — полпуда пороху сыпь.

— Посмотримъ, попытаемъ.

Цѣловальникъ вынесъ кованый пистолетный стволъ, на кото-

ромъ мѣломъ были сдѣланы какія-то черты... Прохоръ Порфирычъ принялся его пристально разсматривать.

— Сичасъ околѣть, говорилъ мастеровой:—Дюженцеву дѣлалъ!.. Ищо къ той субботѣ велѣдъ... Я было понадѣялся, понесъ ему въ субботу-ту, а его дьявола дома нѣту... Рыбу, вишь, пошелъ ловить... Ахъ, молъ, думаю, засади тебѣ! Ну оставить-то безъ него поопасался...

— Ды ко мнѣ въ сохранное мѣсто и принесъ! добавилъ цѣловальникъ: — чтобы лучше онъ проспиртовался... крѣпче!

Мастеровой засмѣялся...

— Оно одно на одно и вышло, проговорилъ онъ: — Дюженцевъ этотъ и съ рыбою-то совсѣмъ—утопъ...

— Вотъ такъ-то!

— Какой цволъ-то! ежели бы на охотника...

— Это—что же такое?.. произнесъ Порфирычъ, отыскавъ какой-то изъянъ.

— Это-то? Ды отецъ!

— Дьяволъ! Я говорю,—это что? Это работа?

— Ахъ ты Божже мой! Ну, ей-Богу, — это самое пустое: чуть чуть молоточкомъ прищемлено...

— Я говорю, — это работа?

— Да ты сейчасъ ее подпилкомъ... Она ничуть ничаво...

— Все я же? Я плати, я и подпилкомъ? Получи братъ...

— Ахъ ты Боже мой!..

Прохоръ Порфирычъ кладетъ стволъ на стойку, садится на прежнее мѣсто, и дѣлая папиросу, говоритъ бабѣ:

— Такъ нужаетесь?

— Пужаюсь! Я се пужжа...

— Ангелъ! перебиваетъ мастеровой. — Какая твоя цѣна? Я на все; только хоть чуточку мнѣ помочи-защиты, потому мнѣ—смерть.

— Да какая моя цѣна? солидно, неторопливо, говоритъ Порфирычъ: —Данилу Григорьичу чать рубль ассигнаціями за него надо?..

— Это надо... Это безпремѣнно...

— Вотъ-то-то! Это разъ. Все я же плати... А второе дѣло,—это колдобина, на цволу-то,—это тоже мнѣ не статья...

— Да Ббожже мой! Я тебѣ, сичасъ умиреть...

— Погоди! Ну, пущай я самъ какъ ни какъ ее сравняю;—все же набавки и большой не въ силахъ дать...

— Ну,—примѣрно; на глазомѣръ?

— Да примѣрно, — что же?.. Два большихъ полыхнешь за твое здоровье; больше я не осилю...

— Куда жь это ты Бога-то дѣвалъ?

— Ну ужь, это дѣло наше. Бога ты не безпокой!

— Ты про Бога своими пьяными устами — не осмѣливайся! прибавляетъ цѣловальникъ.

Настаетъ молчаніе.

— Такъ вы, Малань Иванна, пужаетесь все?

— Сё пужаюсь.

— Это такъ. Опасно.

— Три! отчаянно вскрикиваетъ мастеровой.—Чтобъ вамъ всѣмъ подавиться... Терзатели!..

— Давиться намъ нечего, спокойно произноситъ цѣловальникъ и Порфирычъ.

— А что «три», прибавляетъ послѣдній: — это еще я под-думаю.

— Тьфу! Чтобъ вамъ!

— Дако-съ циолъ-то. Порвизирую его...

— Ты меня втрое пуще моей муки измучилъ...

Порфирычъ снова разсматриваетъ стволъ и наконецъ нехотя произноситъ:

— Дай ему, Данило Григорьичъ!

— Три?

— Да ужь давай три... Что съ нимъ будешь дѣлать... Малый-то дюже перкобылистъ.

Мастеровой почти залпомъ пьетъ три большихъ стакана по пятачку, обдаетъ всю компанію тучами нецеремонной ругани и, снова пьяный, снова разбитый, при помощи услужливаго толчка, пущеннаго услужливымъ цѣловальникомъ, скатывается съ лѣстницы, считая ступени своимъ обезсилѣвшимъ тѣломъ. Прохоръ Порфирычъ спокойно запихиваетъ въ карманъ доставшійся ему за безцѣнокъ стволъ и снова обращается къ цѣловальничьей бабѣ, предварительно вскинувъ ногу на ногу.

— Такъ вы, Малань Иванна, утверждаете, что главнѣе вонь, то есть на родинѣ?..

— Такая смердюшшая!..

— Конечно!

Такой образъ дѣйствія Прохоръ Порфирычъ называетъ умѣньемъ потрафлять въ надобную минуту, и въ понедѣльникъ могъ имъ пользоваться до отвалу, употребляя при этомъ почти однѣ и тѣ же фразы, ибо общій недугъ понедѣльника слагалъ сцены съ совершенно одинаковымъ содержаніемъ.

Побесѣдовавъ съ цѣловальничихой, Прохоръ Порфирычъ отправлялся или домой, унося съ собою груду шутя пріобрѣтенныхъ вещей, или же шелъ куда нибудь въ другое небезвыгодное мѣсто. Ме-

жду его знакомыми жилъ *на той сторонѣ* мѣщанинъ Лубковъ, который былъ для Порфирыча выгоденъ одинаково во всѣ дни недѣли.

Мѣщанинъ Лубковъ жилъ въ большомъ ветхомъ домѣ съ огромной гнилой крышей. Самая фигура дома давала нѣкоторое понятіе о характерѣ хозяина. Гнилыя рамы въ окнахъ, примкнувшія къ нимъ тонкія кисейныя занавѣски мутно-синяго цвѣта, оторванные и болтавшіеся на одной петлѣ ставни, аляповатыя подпорки къ дому, упиравшіяся однимъ концомъ въ середину улицы, а другимъ въ выпятившуюся гнилую стѣну и пр. и пр., все это весьма обстоятельно дополняло безпечную фигуру хозяина. Въ лѣтнее время онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на ступенькахъ своей лавчонки. Вслѣдствіе жары и тучности, ноги были босикомъ, на плечахъ неизмѣнно присутствовалъ довольно ветхій халатъ, значительно пожелтѣлый отъ поту и съ особеннымъ стараніемъ облипавшій всѣ выпуклости на тучномъ хозяйскомъ тѣлѣ. Такой легкій лѣтній костюмъ завершался бобровымъ картузомъ, истрепаннымъ и засаленнымъ съ затылка до послѣдней степени... Безпорядокъ, отпечатывавшійся на домѣ и на хозяинѣ, отмѣчалъ едва ли не въ большей степени и всѣ дѣйствія его. Сначала онъ занимался разведеніемъ фруктовыхъ деревъ; дѣло тянулось до смерти жены, послѣ чего Лубковъ вдругъ началъ для разнообразія торговать говядиной, но не умѣя *разсчесть*, сталъ давать въ долгъ, и проторговался. Кризисы такіе Лубковъ переносилъ необыкновенно спокойно, и въ тотъ моментъ, когда напр. торговля говядиной была рѣшительно невозможна, онъ велъ за рога корову на торгъ, продавалъ ее, на вырученныя деньги покупалъ водовозку и принимался не спѣша за водовозничество. Точно съ такимъ же неразсчетомъ завелъ онъ кабакъ, который самъ и посѣщалъ чаще всѣхъ, хлѣбную пекарню и пр. и пр. и на всемъ спокойно прогорѣлъ. Къ довершенію своей добродушно-безтолковой жизни, онъ женился на молоденькой дѣвушкѣ, имѣя на плечахъ пятьдесятъ лѣтъ, и благодаря этому пассажу, имѣлъ возможность хоть разъ въ жизни чему нибудь удивиться и вытаращить глаза. У него родился сынъ. Событіе было до того неожиданно, что Лубковъ рѣшился оставить на нѣкоторое время свое любимое мѣстопребываніе — крыльцо, и направился къ женѣ:

— Наталья Тимофеевна, сказалъ онъ ей, почесывая голову: — Это... что же такое?

— Убирайся ты отсюда къ лѣшему! Дьявола ты тутъ понимаешь.

— Ды и то ничего не разберу...

— Пшолъ!..

Черезъ минуту Лубковъ по прежнему сидѣлъ на крыльцѣ. Спо-

койствіе снова осѣнило его. Раздумывая надъ случившимся, онъ улыбался и бормоталъ:

— К-каммедія!..

Шли года и семья Лубкова росла все больше и больше. *Ребята*, т. е. мастеровой народъ, поднимали Лубкова на смѣхъ и часто извѣщали его о близкой прибыли въ то время, когда онъ и не подозрѣвалъ этого.

— Не сегодня, завтра жди! говорили ему.

— Н-но?

— Вотъ увидишь!..

Слова ребятъ сбывались. Нѣсколько лѣтъ такихъ неожиданностей и насмѣшекъ снова нарушили покой Лубкова. Онъ вторично покинулъ свое сѣдалище съ цѣлію поговорить съ женой.

— Наталья Тимофѣвна! сказалъ онъ ей: — вы сдѣлайте милость, осторожнѣя...

— Нѣтъ, ты перва двадцать разъ издохни...

— Хучь по крайности сказывайтесь мнѣ... въ случаѣ чего... чтобы я во всякъ часъ могъ отвѣтъ дать...

— Пошолъ!..

Постигнувъ наконецъ, что ему безвинно суждено быть отцомъ многочисленнаго семейства, Лубковъ на шутки ребятъ отвѣчалъ:

— А ты бы, умный человѣкъ, помалчивалъ бы, ей-Богу!

Въ настоящее время у него по прежнему существовала лавка, но родъ промышленности былъ совершенно непостижимъ, потому что лавка была почти пуста. Въ углахъ висѣли большія гирлянды паутины, съ потолка свѣшивалась какая-то веревка, которую Лубковъ собирался снять въ теченіи десяти лѣтъ, а на полкахъ помѣщались слѣдующіе предметы: ящикъ съ ржавыми гвоздями, кусокъ мыла, шкворень и полштофъ съ водкой. Болѣе ничего въ лавкѣ и не было, кромѣ дивана, покрытаго рогожей. На этомъ диванѣ любила сидѣть жена Лубкова и обыкновенно во время этого сидѣнья занималась руганьемъ мужа на всѣ лады. Неподвижная спина Лубкова, подставленная подъ ругательскія рѣчи жены, лѣнивое почесыванье подъ мышками или въ головѣ, среди самыхъ патетическихъ мѣстъ ругани, смертельно раздражали разгнѣванную супругу.

— Демонъ! вскрикивала она въ ужасѣ.

Мужъ встряхивалъ головой, и сдвинутый на сторону картузъ снова сидѣлъ въ прежней позѣ.

Отвѣта не было.

Въ понедѣльникъ въ лавкѣ Лубкова было довольно много посѣтителей и происходило что-то въ родѣ торговли. Дѣло въ томъ, что потребность опохмѣлиться загоняла даже къ Лубкову цѣлыя тол-

пы бѣднѣйшихъ подмастерьевъ, которые, за неимѣніемъ своего, тащили добро хозяйское: въ сапогахъ или въ потаенныхъ карманахъ, придѣланныхъ внутри чуйки, тащили они къ Лубкову мѣдную обтирню или дрязгу, цѣлые вороха всякаго сборнаго желѣза по копѣйкѣ или по двѣ за фунтъ и т. д. Все это у него тотчасъ же перекупали люди понимающіе. Иногда и самъ Лубковъ принимался какъ будто дѣлать дѣло: онъ выбиралъ изъ сборнаго желѣза годныя въ дѣло петли, крючки, ключи и т. д., откладывалъ ихъ въ особое мѣсто и при случаѣ продавалъ не безъ выгоды. Иногда, въ общей массѣ желѣзнаго лома, попадались какія нибудь рѣдкостныя вещицы: напримѣръ замокъ съ фокусомъ и таинственнымъ механизмомъ. Ради этихъ диковинокъ заходилъ сюда и Прохоръ Порфирычъ, имѣя въ виду «охотниковъ», которымъ онъ сбывалъ любопытныя вещи за хорошую цѣну, платя Лубкову копѣйками, на что, впрочемъ тотъ не претендовалъ.

Лубковъ по обыкновенію молча сидѣлъ на ступенькахъ крыльца, когда съ нимъ поравнялся Порфирычъ.

— А-а! Бачука, Прохоръ Порфирычъ! Въ кои-то вѣки!..

— Что же это ты въ магазинѣ-то своемъ не сидишь?!.

— Ды такъ надо сказать, что прикащики у меня тамъ орудуютъ...

— Торговля?

— Хе-ххе-хе!..

Порфирычъ вошелъ въ лавку и, помѣстившись на диванѣ, принялся дѣлать папироску.

— Подтить маленичка хлѣбушка искупить... произнесъ хозяинъ, кряхтя поднимаясь съ сидѣнья,—и пошолъ въ лавчонку напротивъ: подъ парусиннымъ пологомъ торговалъ хлѣбникъ; на прилавкѣ были навалены булки, калачи, огурцы и стояла толпа бутылокъ съ квасомъ, шипѣвшимъ отъ жары.

— Что это у тебя въ квасу-то, лѣниво спросилъ Лубковъ.

— Дьявола!

— То-то я гляжу...

Все это говорилось совершенно серьезнымъ тономъ, при полномъ и обоюдномъ сознаніи, что все произносимое сущій вздоръ. Началось долгое и упорное чесанье спины; наконецъ Лубковъ вяло коснулся пальцемъ о бѣлый вѣсовой хлѣбъ и сказалъ:

— Ну-кося,—замахнись...

Въ тоже время въ самомъ «магазинѣ» происходила слѣдующая сцена. Рядомъ съ Прохоромъ Порфирычемъ на диванѣ помѣстилась молодая, черномазенькая, смазливая жена Лубкова, въ маленькой

шерстяной косынке на плечах, изображавшей красных и черных змей.

— Ты, что же, домовой,—говорила она Порфирычу: — когда же ты мне, дьявол, платок-то принесешь?..

Порфирычъ глупо улыбнулся во все лицо и сказал:

— Да ты и без платка выйдешь...

— Ну, это ты вотъ накось, выкуси...

— Ей-Богу выдешь! Потому я на тебя твому главному донесу.

— Мужу-то? Лёшему-то?

— Н-нѣтъ, Евстигнѣю...

— Прошка! ошарашивъ по плечу еще глупѣе улыбавшагося Порфирыча, воскликнула собесѣдница.—Я тебѣ тогда, издохнуть, башку прошибу...

— Хе-хие-хе!

Молчаніе...

— Прохаръ! заговорила опять жена Лубкова. — Если это твой поступокъ, то я съ тобой, со свиньей... Тьфу! Приходи вечеромъ... Чортъ съ тобой.

— Безъ платка?

— Возьмешь съ тебя, съ дьявола... и она еще разъ огрѣла его по плечу.

Порфирычъ улыбался во все лицо...

Въ это время на порогѣ показался Лубковъ; — онъ несъ подъ мышкой большой кусокъ вѣсоваго хлѣба, придерживая другой рукой конецъ полы своего халата, которая была наполнена огурцами. Сваливъ все это на стойку, онъ взялъ одинъ огурецъ, и шмыгая имъ по боку, говорилъ Порфирычу:

— Какая, братецъ ты мой, камедія случилась... Алешку Зуева, чать, знаешь?

— Ну?

— Ну... То есть истинно со смѣху околѣлъ!.. Малый-то замотался, опохмѣлиться нечѣмъ. Что будешь дѣлать?.. Сижу я, никакъ вчерась, вотъ такъ-то, на крылечкѣ,—гляжу, что такое: тащитъ человѣкъ на себѣ ровно бы вороты какія. Посмотрю, посмотрю,—ко мнѣ... Алё!—Я.—Что ты, дуракъ?—Да вотъ, говоритъ: сдѣлай милость, нѣтъ ли на полштофикъ, я тебѣ приволокъ махину въ сто серебромъ...—Что такое?—Надгробіе, говоритъ... Такъ я и покатился! Это онъ съ кладбища сволокъ—Почитай-кось, говоритъ, что тутъ написано... Началъ я разбирать: «Пом-мя-ни» — «Ну, вотъ я и помяну, говоритъ... Хе-хе-хе!

Смѣхъ...

Лубковъ откусываетъ полъ-огурца.

— Кам-медія! говоритъ онъ, усаживаясь снова на крылечкѣ.

Молчаніе.

Жена Лубкова грозитъ кулакомъ около самаго носа Порфирыча. Тотъ сладко улыбается, полузакрывъ глаза...

Въ обиталищѣ Лубкова онъ дѣлалъ дѣла пополамъ съ шуткой; но я не стану изображать, какимъ образомъ тутъ въ руки Порфирыча попадала та или другая нужная ему вещица, отрытая въ ящикѣ съ сборнымъ желѣзомъ. Все это дѣлается спрохвала, тянется отъ нечего дѣлать, долго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря талантамъ Порфирыча, не носитъ на себѣ ничего отталкивающаго. Самый процессъ обдиранія Лубкова весьма милъ. Жадности или алчности не было вообще замѣтно въ дѣйствіяхъ Прохоръ Порфирыча: на его долю приходилось слишкомъ много такого, что можно было брать навѣрняка, безъ подвоховъ и подходовъ; да кромѣ того, даже при такомъ тихомъ образѣ дѣйствій, — Порфирычъ могъ еще подготовлять себѣ надобную минуту. Уходя отъ нужнаго человѣка домой, онъ находилъ полную возможность сказать ему: «такъ смотри же, за тобой осталось... Помни». Стало быть, — единственное достоинство Прохора Порфирыча состояло только въ умѣньи смотрѣть на бѣдствующаго ближняго, не съ сожалѣніемъ, — а съ равнодушіемъ и разсчетомъ, да еще въ томъ, что такой взглядъ осуществленъ имъ прежде множества другихъ, — тоже понимавшихъ дѣло, но не знавшихъ еще, какъ сладить съ собственнымъ сердцемъ.

Взявъ отъ понедѣльника все, что можно взять навѣрняка, Прохоръ Порфирычъ, спокойный и довольный, возвращался домой. Поджидая у перевоза лодку, онъ присѣлъ на лавочкѣ, закурилъ папироску и разговорился съ своимъ сосѣдомъ. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, съ зеленоватой бородой, по всѣмъ примѣтамъ заводскій мастеръ. На колѣняхъ онъ держалъ большой мѣшокъ съ углемъ.

— Что же, ты бы работы поискалъ, говорилъ внушительно Прохоръ Порфирычъ.

— Другъ! рработы! По моимъ лѣтамъ теперича надо бы по настоящему спокой, а я вонъ...

Старикъ какъ-то пихнулъ мѣшокъ съ углемъ.

— Стал-быть, нѣту, прибавилъ онъ. — Что я знаю? Всю жись колесо вертѣлъ, — это разя куды годится?...

— Плохо. Ну, и воруешь?

— И ворую, братецъ мой... Я въ эфтимъ не запираюсь: которые господа у меня берутъ, тѣ это знаютъ. — «Что, накралъ?» — Накралъ, ггрю, васскародіе!.. Такъ-то! Ничего не подѣлаешь...

Старикъ замолчалъ и потомъ что-то началъ шептать Порфирычу на ухо, но тотъ его тотчасъ же остановилъ.

— Ты, старина, такихъ словъ остерегайся...

Старикъ вздохнулъ. Лодка причалила къ берегу, и въ нее вошла толпа пассажировъ: казючка, больничный солдатъ съ книгой, два мѣщанина, старикъ и Прохоръ Порфирычъ. Лодка тихо отплыла отъ берега.

— Вытасшили его? спрашивалъ одинъ мѣщанинъ другаго.

— Вытасшили... Главная причина, пять денъ сыскать не могли: шарили, шарили... Разъ двадцать невода закидывали,—нѣтъ, да нà поди... А онъ, дьяволъ, что же? Какую онъ штуку удралъ...

— Н-но?

— Знаешь ключи-то у берега? Онъ туда и сковырнись, засѣлъ въ дыру-то, — нѣтъ да и полно... Коммиссія!..

— Вотъ тоже наше дѣло, заговорилъ солдатъ съ книгой: — это коммиссія! Я говорю: вассбародіе, нешто голыми людей хоронить показано гдѣ? А онъ мнѣ...

— Это къ чему же рѣчь ваша клонитъ? иронически перебилъ Порфирычъ.

— Чево это?

— Въ как-комъ, говорю, смыслѣ?

Старикъ прищурился и, видимо, не разслышалъ ироническихъ словъ сосѣда.

— Онъ-то, что ль? заговорилъ старикъ.—О-о-о! Онъ смыслитъ! Еще какъ концы-то прячетъ! Ты, говоритъ, Богомъ тоже въ наготѣ рожденъ. Вона ка-акъ!...

Порфирычъ, откинувшись къ краю лодки, съ презрительной улыбкой глядѣлъ на полуглухаго старика, который началъ медленно набивать табакомъ свой золотушный носъ.

— Онъ, братъ, пон-нимаетъ!..

Выйдя на берегъ, Порфирычъ повернулъ налѣво, мимо каменной стѣны архіерейскаго двора; у заднихъ воротъ, выходившихъ на рѣку, стояло нѣсколько консисторскихъ чиновниковъ въ вицмундирахъ; одни торопливо докуривали папиросы, другіе упражнялись въ пусканіи по водѣ камешковъ, рикошетомъ, и дѣлали при этомъ самыя атлетическія позы. У берега бабы и солдаты стирали бѣлье, шлепая вальками. Порфирычъ пошелъ городскимъ садомъ. На лавкѣ, среди всеобщей пустынности, сидѣлъ какой-то отставной чиновникъ, въ одномъ люстриновомъ пальто и въ картузѣ съ выцвѣтшимъ околышемъ. Это современный капитанъ Копѣйкинъ. Принеся на алтарь отечества все, во время севастопольской кампаніи, то есть съѣвъ сотни патріотическихъ обѣдовъ, устроивавшихся для

ополченцевъ, онъ до сихъ поръ весьма явственно видитъ поражиленіе враговъ—въ объемѣ никакъ не менѣе дванадесяти языкъ. Рядомъ съ нимъ была женщина подозрительнаго свойства; она какъ-то особенно пристально всматривалась въ лицо проходившаго Порфирыча и дѣлала томные глаза.

— Костинька! сказала она: — мнѣ скучно.

— А мнѣ чортъ тебя обдери! злобно прорычалъ собесѣдникъ.

— Какъ вы спыльчивы!

Скука, жара...

Въ серединѣ сада, въ кругу, обставленномъ разросшимися акаціями, сидитъ нѣсколько темныхъ личностей, что-то оборванное, разбитое; одни дремлютъ, прислонившись спиной къ дереву, другіе лежатъ на лавкѣ, подставивъ солнцу спину.

— Посмотрите-ка, голубчики, что онъ со мной сдѣлалъ, говоритъ какой-то мастеровой, и отнимаетъ отъ локтя огромный газетный листъ. Локоть оказывается разбитымъ въ дребезги, льётъ кровь.

— Хло-обысну-лъ! говоритъ кто-то.

— А? И за что же, голубчики вы мои, онъ меня этакъ-то изувѣчилъ, какъ вы полагаете, — а? Прросто удивленіе! Вхо-ожу я къ нему, и только два словечка всего и сказалъ-то: одолжи, говорю, мнѣ, Тимоѳеюшко, на копѣечку хрѣнку! Тольки-сего и сказалъ-то,— а? и замѣсто того, что же?

Всѣ удивились. Прохоръ Порфирычъ понялъ, что у Тимоѳеюшки навѣрно теперь расшибены оба локтя. Онъ закурилъ папироску и вышелъ изъ сада.

Пошли длинныя, безмолвныя улицы, длинные заборы, изрытые тротуары.

Тишина. Скука. Жара.

— Держи! держи! раздавалось вдругъ, и на перекресткѣ мелькала фигура улепетывавшаго отъ жены мастероваго.

«Понедѣльничаютъ еще!..» думалъ Прохоръ Порфирычъ.

Наставалъ отдыхъ. Подъ защитою двужильныхъ трудовъ Кривоногова, Прохоръ Порфирычъ имѣлъ возможность ничего не дѣлать цѣлую недѣлю, вплоть до субботы. Время отдыха, ухлопываемое обыкновенно въ кабакѣ, непьющему мастеровому рѣшительно некуда дѣть. Предоставленный самому себѣ, онъ чувствуетъ себя очень неловко: что-то глубоко задавленное трудомъ, въ эту пору какъ будто начинаетъ оживать; чего-то хочется, какія-то странныя мысли залетаютъ въ голову и, застывая въ формѣ неразрѣшеннаго вопроса, еще болѣе тяготятъ малаго: дѣло оканчивается или звѣрскимъ сномъ, или кабакомъ. Прохоръ Порфирычъ въ свободное время принимался

посѣщать знакомыхъ, и такимъ образомъ избѣгалъ обоихъ несчастій. Зеленый, довольно объемистый сундукъ его могъ указать еще другую пользу знакомствъ: наполнявшіе его разнаго рода, длины и вида брюки и сюртуки были подарки за ту или другую услугу отъ разныхъ знакомыхъ. Правда, всѣ эти подарки были довольно дряхлы и засалены, но Прохоръ Порфирычъ умѣлъ скрыть эти недостатки не только отъ глазъ постороннихъ, но, можно сказать навѣрное, и отъ самого себя; онъ былъ увѣренъ и могъ увѣрить кого угодно изъ растеряевцевъ, что это вотъ напр. сукно — аглицкое, этотъ жилетъ французскаго покроя, этотъ—испанскаго, а такого сукна съ искрой, которымъ покрыто пальто, теперь нигдѣ отыскать невозможно. Знакомился Прохоръ Порфирычъ только съ благородными, потому что самъ онъ тоже благородный, и еще потому, что благородный человѣкъ не скажетъ: «угости!», а напротивъ, угоститъ самъ. Правда, Порфирычу всегда приходилось въ гостяхъ присутствовать у притолки, но все-таки и притолка эта тоже была благородная. Выходило вовсе не обидно. Онъ какъ-то глупо былъ доволенъ своими знакомствами и, дѣлая услуги благородному человѣку, иногда терялъ даже нѣкоторую долю разсчетливости, впрочемъ, не надолго.

После обѣда, когда Кривоноговъ ложился въ сѣнцахъ отдохнуть, Прохоръ Порфирычъ тщательно украсилъ себя чѣмъ могъ, запасся коротенькою сломанною тросточкою,—подарокъ растеряевскаго живописца,—и не спѣша отправился попить чайку и посидѣть къ чиновнику Богоборцеву. Знакомство съ этимъ чиновникомъ завязалось благодаря кахетинской курицѣ, забѣжавшей къ Порфирычу и доставленной въ цѣлости хозяину, т. е. Богоборцеву. Кромѣ непреодолимой страсти къ курамъ, Богоборцевъ имѣлъ множество особенностей, совершенно выдѣлявшихъ его изъ класса «чиновниковъ». Его не интересовали канцелярскія тайны и чиновническіе разговоры столько, сколько конная, голдятничество прасоловъ и цыганъ; любимымъ зрѣлищемъ его была — драка, которую онъ всемѣрно старался «подгвазживать». Любилъ слушать двухорные концерты и съ глубокимъ вниманіемъ смотрѣлъ, какъ гоняютъ «сквозь строй» и пр. Книгъ онъ не читалъ ни одной, но былъ увѣренъ, что прочелъ всѣ; духовныя книги онъ считалъ неизмѣримо выше свѣтскихъ, но все-таки не читалъ и духовныхъ, ибо, казалось ему, что и духовныя онъ уже прочиталъ. Относительно политики полагалъ, что «всѣ наши». Въ двѣнадцатомъ году мы всѣхъ взяли. На поляковъ сердился и совѣтовалъ ихъ уничтожить. Насчетъ внутренняго устройства собственной персоны онъ не имѣлъ никакого понятія, зналъ, что есть сердце, которое «стоитъ посередь души», и кишки, но въ какомъ порядкѣ размѣщены эти предметы: душа, кишки и сердце, — объяснить не

могъ. Среди смѣняющихся поколѣній или такъ называемой «рѣки временъ», господинъ Богоборцевъ представлялъ собою скалу, о которую въ дребезги разбиваются всякія «направленія», «плоды реформъ», «отрадныя явленія» и явленія, надъ которыми «можно призадуматься» и т. д., и т. д. Все это бушующее около него въ провинціи,—не имѣло силъ хоть на волосокъ оттянуть его отъ любимаго окошка, гдѣ по вечерамъ Богоборцевъ неизмѣнно присутствовалъ и при этомъ, обыкновенно, пѣлъ, весьма нѣжнымъ голосомъ:

— Вво-об-блацѣ ле-эхцѣ-э...

Отъ жары въ квартирѣ Богоборцева были заперты ставни. Раскаленный, отвратительный воздухъ наполнялъ сѣни. Прохоръ Порфирычъ вошелъ въ горницу. Хозяинъ сидѣлъ въ полуосвѣщенной комнатѣ около стола и какъ-то вяло, неохотно ѣлъ разваренную говядину...

— А! Пріятель! радостно сказалъ онъ.

— Здрассте, Егоръ Матвѣичъ! Кушаете?

— Нѣтъ, это я такъ, отъ скуки...

Хозяинъ отодвинулъ блюдо и почувствовалъ, что сытъ по горло...

— Фѳу, батюшки...

— Жарко-съ! говорилъ Порфирычъ, отирая лицо платкомъ... Хозяинъ замоталъ головой.

— Какъ есть сопрѣлъ.

Начался тугой, вялый разговоръ, поминутно прекращавшійся за отсутствіемъ всякихъ новостей. Обоюдная натуга хозяина и гостя была безпримѣрна, но дѣло не ладилось.

Ударили къ вечернѣ.

— Э-э-э! радостно произнесъ хозяинъ.—Авдоть! Авдотья-а!..

Отвѣта не было.

— Что она, никакъ оглохла.

Хозяинъ вышелъ въ другую комнату, потомъ въ сѣни... Порфирычъ сѣлъ посвободнѣе, оглянулъ комнату: на стѣнахъ висѣли рамки съ разными рѣдкостями: птица, сдѣланная изъ настоящихъ перьевъ, накленныхъ на бумагу; «отче нашъ», написанный въ видѣ креста, съ копьями по бокамъ; «вѣрую», въ видѣ пылающаго сердца и т. д. Только такого рода рѣдкостныя вещи интересовали Богоборцева въ области искусствъ. Во всей комнатѣ была одна картина, изображавшая людей, но и та попала сюда послѣ смерти хозяйскаго брата. Не понимая ея содержанія, Богоборцевъ былъ глубоко увѣренъ, что теперь такихъ картинъ уже нѣтъ нигдѣ. Какъ любителю рѣдкостей, Прохоръ Порфирычъ часто всучивалъ Богоборцеву разныя таинственные замки и прочія вещи, добытыя у Лубкова. Возвратился хозяинъ съ прежними упорными потугами завязать раз-

говоръ. Прохоръ Порфирычъ, ужаснувшись предстоявшей каторги, прямо ударилъ въ любимую тему хозяина:

— Какъ куры, Егоръ Матвѣичъ? спросилъ онъ.

— Что, братъ! Горе мое съ этими курами! Главное дѣло, негдѣ держать!

— Это неловко-съ...

— Пррosто бѣда, просто ббѣда!..

Хозяинъ вынималъ изъ шкафа чайную посуду...

— Курицѣ надобенъ просторъ, говорилъ онъ: — а я ее въ банѣ морю... Коли хочешь, пройдемся...

Гость и хозяинъ тронулись въ путь. Егоръ Матвѣичъ прошелъ дворъ, нагнувшись подъ веревкой, протянутой для бѣлья, вошелъ въ садъ и направился къ банѣ.

— Негдѣ имъ разойдтись-то! оборачиваясь говорилъ онъ:—вотъ горе!..

Въ темной банѣ бродило по полу съ пискомъ и крикомъ нѣсколько породистыхъ куръ и множество цыплятъ; все это населеніе заговозилось при видѣ хозяина. Цыплята начали пищать почти неперестававая. Одинъ цыпленокъ забрался на бочку со щелокомъ и поминутно взмахивалъ крыльями, опасаясь опрокинуться въ пропасть.

— Эко у васъ, Егоръ Матвѣичъ, кочетъ-то багатый!

— Горлопанъ-то? о-о-о! онъ у меня — бѣда... Ка-агда глаза-то продеретъ, почнетъ голосить, — смерть!.. Кочетъ бѣдовый!.. Вотъ кохетинки меня сконфузили... Цыпляки какъ есть всѣ зачичкались...

Хозяинъ подхватилъ одного цыпленка съ полу и вынесъ къ свѣту.

— Во... Поглядико-сь! Опоёный...

Цыпленокъ еле раскрывалъ глаза и чуть чуть издавалъ какіе-то плаксивые звуки.

— Съ чего же это они?

— Скука! со скуки... Тоска!..

— Меланхолія?..

— Д-да! въ заперти... выпустить боюсь,—народъ, самъ знаешь?..

— Это что!..

— Вотъ то-то... Ну, и грустить!...

Хозяинъ пустилъ цыпленка, отворилъ передбанникъ и показалъ индюшку.

— Однодворка, прибавилъ онъ.

— Вотъ тоже охота у Филипъ Львовича! проговорилъ Порфирычъ, и былъ изумленъ неожиданной перемѣною, происшедшей въ хозяинѣ. На лицѣ его выразилось презрѣніе.

— Много вы съ твоимъ Филипъ Львовичемъ въ охотѣ смыслите?.. О-о-хота! Рожна вы постигаете въ охотѣ-то!..

— Егоръ Матвѣичъ! испуганно проговорилъ Порфирычъ. — Я это истинно, передъ Богомъ упомянулъ, т. е. такъ...

— Вамъ еще до настоящей охоты-то сто лѣтъ рости осталось! У Филипъ Львовича охота!..

— Егоръ Матвѣичъ! Богомъ вамъ божусь, я даже самъ обезживотѣлъ со смѣху, когда этотъ Филипъ Львовичъ сказалъ:—у меня, говоритъ, охота... Ей-ей... Такъ и покатился... Собственно только для этого и упомянулъ...

— У него, охота!

— Ей Богу... Просто обезживотѣлъ... У меня, говоритъ, охота, такъ я и покатился!.. Ей-ей...

Прохоръ Порфирычъ оробѣлъ.

— Знаетъ ли онъ, продолжалъ хозяинъ: — что такое охота? Настоящая охота, гляди сюда...

Хозяинъ для модели взялъ въ руки цыпленка и заговорилъ съ разстановкой, отдѣляя каждое слово:

— Первое дѣло порода: этого вѣдь онъ ни шиша не постигаетъ. Потому,—есть курица голландская, и есть курица шампанская...

— Это вѣррно!

— Погоди! Это рразъ! Ежели, — храни Богъ грѣха, — повалятъ ублюдки, это для охотника что? Порфирычъ молча и испуганно смотрѣлъ на хозяина. — Видишь, вонъ щепка валяется, а? Вотъ что это для охотника...

— Трудно! сказалъ Порфирычъ, не найдя другаго слова.

— Второе дѣло! продолжалъ хозяинъ:—шампанская курица бурдастая, изъ сибѣ кволая... бурдѣ-во! Понялъ?

Порфирычъ кашлянулъ и переступилъ съ ноги на ногу.

— Филипъ Львовичъ! Дьявола паленаго смыслитъ онъ! Опять, индюшка: ежели въ случаѣ ее по башкѣ тюкъ!—она летитъ торчмя головой! Но аглицкій пѣтухъ имѣетъ свой разсчетъ: онъ сперва клюетъ землю, а потомъ к-э-э.... Ох-хота!

— Егоръ Матвѣичъ! Передъ Богомъ я это упомянулъ только ради смѣху, сейчасъ умереть! Какая же можетъ быть у него охота?

— Болванъ онъ! Вотъ ему цѣна.

Хозяинъ бросилъ цыпленка и вышелъ.

— Я такъ и покатился! говорилъ Порфирычъ, слѣдуя за нимъ. Богоборцевъ не отвѣчалъ, хотя и успокоился.

На дворѣ здоровая баба выносила изъ кухни лохань, обнаруживъ свои толстыя ноги. Богоборцевъ остановился.

— Марѳа! сказалъ онъ серьезно.—Что же это такое, — и сегодня жара?

— Коли не видишь?

— Чтобы у меня этихъ безпорядковъ не было!

Баба и Порфирычъ засмѣялись.

— Я такъ и покатился, говорилъ Порфирычъ входя, въ комнату. На столѣ кипѣлъ самоваръ.

Началось долгое и дружное чаепитіе.

Черезъ нѣсколько времени Порфирычъ остановился у воротъ дома, принадлежавшаго отставному статскому генералу Калачову. Прежде нежели войдти во дворъ, онъ тщательно осмотрѣлъ свой костюмъ, спряталъ подъ жилетку концы галстука, растопыренные въ разныя стороны для красоты, и нѣсколько разъ откашлянулся. Все это дѣлалось на томъ основаніи, что генералъ Калачовъ считался извергомъ и звѣремъ во всей растеряевой улицѣ; чиновники пробирались мимо его оконъ съ какою-то поспѣшностію, ибо имъ казалось, что генералъ «уже вылупилъ глазищи» и хочетъ изругать не на животъ, а на смерть. Словомъ, всѣ, отъ чиновника и семинариста до мастероваго, или боялись или презирали его, но ругали положительно всѣ. Растеряевой улицѣ было извѣстно, что онъ скоро въ гробъ вгонитъ жену, измучилъ дѣтей и пр. пр. Порфирычъ, спасенный генераломъ отъ рекрутства, считалъ обязаностію задаромъ чинить ему садовыя ножницы, разные столярные инструменты, и былъ тоже убѣжденъ въ его звѣрствѣ. Приведя въ порядокъ свой костюмъ, онъ осторожно входилъ въ калитку; представленіе о генералѣ разныхъ ужасовъ почему-то подкрѣплялось этой необыкновенной чистотой двора, всегда выметеннаго, этими надписями, начертанными мѣломъ на сѣрыхъ углахъ и гласившими: «не смѣть» и пр.

Порфирычъ встрѣтилъ генерала на дворѣ, онъ торопливо шелъ изъ саду съ большими ножницами.

— А! сказалъ генералъ.—Милости просимъ! и скрылся въ домъ.

Порфирычъ зашелъ за чѣмъ-то въ кухню и потомъ робко пробрался въ комнату.

Въ маленькой комнаткѣ, съ старинною, но чистою и блестѣвшею мебелью, сидѣло семейство генерала: около яркаго кипѣвшаго самовара сидѣла дочь, съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ и равнодушнымъ взглядомъ; рядомъ съ ней братъ, молодой человѣкъ, съ измореннымъ лицомъ, боязливымъ взглядомъ и сгорбленой спиной; онъ какъ будто прятался за самоваръ и нагибалъ голову къ самой чашкѣ. У окна, завернувшись въ заячью шубку, грѣлась на солнцѣ жена генерала, протянувъ ноги на стулъ. Лицо ея дѣйствительно

было полно грусти, болѣзни и скорби. Она постоянно вздыхала и говорила: «о-охъ, Господи батюшка!»

При появленіи Порфирыча всѣ сказали ему «здрастуй».

— Садись, Проша! сказалъ генералъ, помѣщавшійся по другую сторону самовара.

Порфирычъ кашлянулъ и сѣлъ. Настала мертвая тишина. Стучали часы, бойко кипѣлъ самоваръ. Отъ самовара и отъ солнца, ударявшаго прямо въ окна, въ комнатѣ дѣлалось душно. Генералъ большой костлявой рукой вытиралъ огромный запотѣвшій лобъ съ торчавшими по бокамъ сѣдыми косицами.

Гробовое молчаніе. Сынъ все больше и больше прячется за самоваръ. Ему понадобилась ложка.

— Ма... Маш..., шепчетъ онъ чуть слышно.

— Ми? спрашиваетъ дѣвушка.

Слѣдуютъ знаки руками.

— Ло... Лож...

— Что тамъ? громко спрашиваетъ генералъ. Все замираетъ. Сынъ начинаетъ опрометью хлебать чай.

— Нѣтъ, это Сеня... тихо говоритъ дочь.

Сеня въ ужасѣ вытаращиваетъ на сестру глаза.

— Что ему? допытывается генералъ. — Что тебѣ?

— Нѣтъ-съ... это...

— Ты что-то говорилъ?

— Нѣтъ... я...

— А?

— Ничего...

Сеня высовываетъ сестрѣ языкъ.

— Что жь ты тамъ шепчешь?

— Скат-ти-на, пригнувшись къ самому столу, шепчетъ Сеня, посылая это привѣтствіе сестрѣ.

Снова мертвое молчаніе.

Порфирычъ какъ-то и самъ привыкъ бояться этого громкаго и твердаго голоса генерала, если бы онъ говорилъ самыя обыкновенныя вещи. Въ мертвой тишинѣ Порфирычъ чуялъ ежеминутно бурю. Такую же бурю чуяли всѣ.

Генералъ началъ тереть лобъ, словно собираясь что-то сказать, но нерѣшительность и тревога, вовсе несоотвѣтствовавшія его энергическому лицу, останавливали его.

— Пашенька! наконецъ мягко произнесъ онъ. Жена вздрогнула; дѣти тоже.

— Тамъ въ саду у насъ... вербочка. Она тамъ разрослась, и я думаю... что ее необходимо... с-с-срубить...

Жена отчаянно махнула рукой.

— Я знаю, ты ее любишь... но...

— Руби! нервно и почти визгливо перервала жена.

— Ты, ради Бога, не сердись понапрасну... Мнѣ самому ее смертельно жаль... Но я хотѣлъ тебѣ сказать.

—Что мнѣ говорить? напрягая всю силу горла, заговорила взволнованная жена. — Зарубилъ одно, захотѣлъ!

— Ради Бога! Не захотѣлъ! Пойми же ты хоть разъ въ жизни, что я ничего не хочу!... Необходимо срубить... Она задушила у насъ двѣ прекрасныя вишни...

Грозное молчаніе. Жена вся дрожитъ отъ новой прихоти мужа, потому что вербочка ея любимое деревцо.

Прохоръ Порфирычъ подался къ двери.

Черезъ нѣсколько времени генералъ началъ было опять...

— И такъ, мой другъ, я... принужденъ...

— Всѣхъ руби! завизжала и закашлялась жена.—Всѣхъ рѣжь!...

— Фу-т-ты!

Блюдечко съ горячимъ чаемъ полетѣло на столъ; генералъ быстро вышелъ, хлопнувъ дверью...

Порфирычъ дрожалъ... Жена генерала рыдала,—дѣти были парализованы звѣрствомъ родителя — и сидѣли съ вытаращенными глазами... Тяжесть свинца висѣла надо всѣми...

«Извергъ!» думалъ Порфирычъ. Дѣти, воздухъ комнатъ, все, все, думало тоже.

А извергъ между тѣмъ заперся въ своемъ мастеровомъ кабинетѣ и, утирая большимъ костлявымъ кулакомъ слезы, думалъ: «Господи!.. за что же! за что же это?..»—Отчего? спрашивалъ наконецъ онъ вслухъ... И все-таки онъ не зналъ этого «отчего». Надо всѣмъ домомъ, надо всей семьей генерала, царило какое-то «недоразумѣніе», вслѣдствіе котораго всякое искреннее и, главное, дѣйствительно благое намѣреніе его, будучи приведено въ исполненіе, приносило существеннѣйшій вредъ. Въ тѣ роковыя минуты, когда онъ допытывался у Бога, отчего онъ безвинно сталъ врагомъ своей семьи,—онъ припоминалъ множество подобныхъ нынѣшней сценъ, — и ужасался... Горе его въ томъ, что, зная «свою правду», онъ не зналъ правды растеряевской... Когда онъ передъ вѣнцомъ говорилъ будущей женѣ: «ты должна быть откровенна и не утаивать отъ меня ничего, иначе я прогоню тебя или уйду самъ»,—онъ не зналъ, что на такую въ устахъ жениха необычную фразу послѣдуетъ слѣдующій комментарій, переданный задушевной пріятельницѣ: «признавайся, говоритъ; зарычалъ на меня ровно звѣрь... прогоню, говоритъ...» Онъ не зналъ, что слова его, всегда требовавшія смысла отъ растеряевской безсмыслицы, —

еще болѣе безсмыслили ее. Страхъ, который почувствовала жена генерала передъ громкимъ голосомъ и густыми бровями мужа,—она какъ-то безтолково передала дѣтямъ. Если напримѣръ, случалось, сидѣла она съ ребенкомъ и вертѣла передъ нимъ блюдечкомъ, то при звукахъ мужниныхъ шаговъ считала какою-то обязанностію украдкой бросать блюдцо и вертѣть ложкой.— Ты что-то бросила? говорилъ мужъ.—Господи! вовсе я ничего не бросала... — Я видѣлъ, что ты бросила что-то? Зачѣмъ же ты утаиваешь? Отчего ты не хочешь сказать мнѣ?—Господи, да вовсе я ничего не бросала! — Не ври! Ты врешь! Я самъ видѣлъ. Мужъ, разсерженный ложью, сердито хлопалъ дверью.—«Господи! разсказывала жена пріятельницѣ—пришолъ, наоралъ, накричалъ, изругалъ... какъ какую самую послѣднюю... и за что? Ей-Богу, — только что вотъ этакъ-то блюдцемъ съ Сеней играла... Господи! пошли ты мнѣ смерть». Дѣти, устрашенныя ужасомъ сценъ, происходившихъ при появленіи родителя, привыкли видѣть въ немъ лютаго звѣря и врага матери. Отъ «папеньки» старались спрятаться, потихоньку думать, потихоньку дѣлать и пр.

Такъ и пошло дѣло. Страхъ въѣдался въ дѣтей, росъ, росъ... безтолковщина растеряевскихъ нравовъ, намѣревавшихся шагать по прадѣдовскому пути не думавши, запуталась въ постоянныхъ понуканіяхъ жить сколько нибудь разсуждая... Растеряева улица, для того чтобы существовать хоть такъ, какъ существуетъ она теперь, требовала полной неподвижности во всемъ. Поставленная годами въ трудныя и горькія обстоятельства, сама она позабыла счастье и давала его первому проходимцу. Честному, разумному счастью здѣсь мѣста не было.

Не имѣя силъ оставаться въ чайной, Порфирычъ потихоньку спустился внизъ, гдѣ были устроены двѣ комнатки для дѣтей... У маленькаго продолговатаго окна стояла дочь генерала, съ лицомъ, убитымъ какою-то тупою ненавистью... Яркое вечернее небо такъ привѣтно сіяло передъ ней, и чѣмъ больше прелести прибавлялось въ немъ, чѣмъ больше звало оно наслаждаться и радоваться,—тѣмъ тупѣе, злѣе дѣлалось лицо дѣвушки, потому что безтолково возмущенная душа ея упорно отталкивала эту, посылаемую небомъ ласку.

— Семенъ! нетерпѣливо раздраженно заговорила она: — отдай мою книгу. Эту книгу я читаю... Отдай.

Семенъ лежа держалъ въ рукахъ книгу, бѣгалъ глазами по строкамъ и не видѣлъ ничего, подавленный тою же, висѣвшею надо всѣмъ домомъ, тупою тоской...

— Отдай мою книгу-у! Семенъ!..

Книга съ шумомъ летитъ въ уголъ.

— Свинья!

— Скатина!..

Прохоръ Порфирычъ потихоньку поднялся съ дивана и ушелъ. На дворѣ онъ увидѣлъ генерала, который вытащилъ изъ сада и бросилъ подъ сарай срубленную вербу...

Очутившись за воротами, Порфирычъ вздохнулъ свободнѣе, снова выпустилъ и растопырилъ концы галстуха и бодро тронулся въ путь, намѣреваясь сдѣлать еще одинъ визитъ, столько же веселый, сколько и необходимый въ видахъ разсчета... Стоялъ душный лѣтній вечеръ; скромные обыватели переулковъ, по которымъ шелъ онъ, не зажигали огней, и всѣ высыпали за ворота или высунулись въ окна, полураздѣтые отъ духоты. Въ открытое окно изъ неосвѣщенной комнаты доносились мелодраматическіе звуки гитары и кто-то пѣлъ:

Н-не ад-дной ли мы пррироды
Ссъ ттабой Фе-ня ражждены?

Становилось темнѣе; легонькая свѣжесть чувствовалась въ воздухѣ.

Прохоръ Порфирычъ стоялъ подъ окномъ маленькаго домика, выходившаго окнами на плац-парадъ, гдѣ обыкновенно происходятъ разнаго рода военныя упражненія гарнизонныхъ солдатъ; окно, съ большимъ косякомъ кумачу въ видѣ драпри, было открыто. Передъ нимъ сидѣла дѣвица съ папироской и съ необыкновенно аляповатой грудью, подпиравшей въ подбородокъ. Распространяя на нѣсколько саженей въ окружности удушливый запахъ душистаго мыла и розовой помады, — дѣвица едва касалась губами папироски и пискливо говорила Порфирычу:

— Вы бы его привели сюда...

— Пом-милуйте, Таисс... Семенна!.. Тогда для нихъ не будетъ этого, какъ сказать, — ревнія... Капитонъ Иванычъ не такой человѣкъ. Имъ много будетъ пріятнѣе, когда ежели въ случаѣ вы безъ пороку.

Дѣвица улыбнулась.

— Именно правда! подтвердила изнутри комнатъ тетенька. — Для мужчины первое дѣло, — не подавай виду! Особливо изъ купеческаго сословія, онъ готовъ кажется себя заложить.

— Да какже-съ! дѣло извѣстное! Онъ, въ ту пору, тоись въ случаѣ интересъ... Онъ тутъ голову прошибетъ, а ужь доберется. По этому случаю, Таисс.. Семенна, вы съ Капитонъ Иванычемъ обойдитесь строго!.. «Ет-та что такое? Какъ вы осмѣливаетесь»? а потомъ

маленичко сдайтесь: «а конечно, молъ, я точно что безъ памяти отъ вашей красоты»... Ну и проччее.

— Именно правда, прибавила тетка. — Дай тебѣ Господи за это всякаго счастія!.. Какъ ты намъ отъ души,—такъ и мы тебѣ.

— Я истинно только изъ одного, что вижу я вашу доброту...

— И Господь тебя не оставитъ... Это все зачтется.

— Я такъ думаю.

Тетенька удалилась въ другую комнату; Прохоръ Порфирычъ облокотился на подоконникъ и покуривалъ папироску, пуская дымъ въ сторону, и для этого всякій разъ поворачивая голову назадъ. Разговоръ принялъ болѣе умозрительное направленіе: толковали о томъ, — кто вѣроломнѣе. Дѣвица доказывала противъ «мужскова полу», Порфирычъ выводилъ на чистоту женскую слабость.

Въ другой комнатѣ послышалось харканье.

— Тетенька! сказала дѣвица.—Хоть бы вы чуточку подождали... Ну, найдетъ кто?..

— Я каплю одну. Да опять и такъ думаю, пожалуй что никто и не найдетъ,—время постное.

Заскрипѣла кровать; тетенька завалилась.

— О-о Господи-батюшка! шептала она, изрѣдка икая... Сохрани и помилуй насъ.

Въ это время къ дому съ грохотомъ подкатили пролетки,—и съ нихъ свалилось на землю три человѣка.

Послышалось какое-то мычанье.

— Тетенька! гости! вскрикнула дѣвица, подлетая къ зеркалу и оправляя волоса.—Запирайте ставни!

IV.

СУББОТА.

Въ субботу, мрачная физіономія Растеряевой улицы нѣсколько оживаетъ: въ домахъ идетъ суетня съ мытьемъ половъ и обметаніемъ потолковъ, молотки на фабрикѣ валяютъ съ особенной торопливостію, на улицѣ замѣтно болѣе движенія. Всѣ полагаютъ, что завтра, въ воскресенье, почему-то будетъ легче на душѣ, хотя въ тоже время всѣ вполнѣ достовѣрно знаютъ, что и завтра будетъ такая же смертельная тоска и скука, только слегка подрумяненная густымъ колокольнымъ звономъ, огромными пирогами, густо намасленными головами и шеями, туго-натуго стянутыми галстухами. У генерала Калачова топятъ баню въ складчину,—кто дрова, кто воду, и т. д.; вслѣдствіе этого черезъ улицу бѣгаютъ дѣвки, кучера,

солдаты съ водоносами, ушатами воды и проч.; въ банѣ по причинѣ стеченія множества субъектовъ обоего пола идутъ веселые разговоры. Кучера, желая заслужить любовь горничныхъ, выказываютъ безпримѣрные подвиги мужества: одинъ берется поднять зубами ушатъ съ водой, другой еще что нибудь и т. д. Между вкладчиками, людьми благородными, вслѣдствіе разныхъ «амбицій» и «анбиціи», происходятъ стычки за первенство и обладаніе баней прямо послѣ выхода генерала. Случаются поэтому драки.

Часовъ съ шести вечера оживленіе еще примѣтнѣй. Вмѣстѣ съ трезвономъ колоколовъ, поднимается стукъ дрожекъ и пролетокъ, развозящихъ по церквамъ православныхъ христіанъ. Торопливо возвращаются съ фабрикъ наждашницы, закутывая почернѣвшія отъ наждака лицо и руки головнымъ платкомъ; самоварщики цѣлыми фалангами тащатъ ярко вычещеные самовары въ складъ; у каждаго въ рукахъ по двѣ штуки; изрѣдка они останавливаются, становятъ ногу на тумбу и поправляются съ своей ношей, подталкивая ее колѣномъ. На фабрикахъ идутъ разсчеты.

Въ огромной комнатѣ съ низкими сводами столпился рабочій народъ, съ книжками въ рукахъ и съ крайне тревожными лицами: ждутъ разсчета. И странное дѣло,—какъ нетерпѣливы они въ ту минуту, когда хозяинъ какъ-то безтолково оттягиваетъ минуту разсчета, разговаривая съ прикащикомъ о совершенно постороннихъ предметахъ—столько же народъ этотъ дѣлается робкимъ, трусливымъ, даже начинаетъ бояться, когда наконецъ настаетъ минута разсчета и хозяинъ принимается громыхать въ мѣшкѣ мѣдными деньгами. Мастеровой человѣкъ, до сихъ поръ не привыкъ вѣрить въ силу своихъ трудовъ и въ вознагражденіи видить не должное, но чуть ли не милость. Начинается шептанье; передніе ряды ежутся къ задней стѣнѣ; иные закрывая глаза и заслонившись разчетной книжкой, какимъ-то испуганнымъ шопотомъ репетируютъ монологъ убѣдительнѣйшей просьбы хозяину: «Самойлъ Иванычъ!... ради Господа Бога! Сечасъ умереть,—на той недѣлѣ какъ угодно ломайте... Батюшка!..» Другіе, разсматривая книжки одинъ у одного, фыркаютъ и исчезаютъ въ толпѣ.

— Пожалуйте лащетъ! произноситъ мальченко лѣтъ 10 въ синей рубахѣ, босикомъ, съ растопыренными волосами; хозяинъ удивленно взглядываетъ на него черезъ очки и обращается къ прикащику.

— Это что же такое? Откуда онъ?

— Ды я, прязнаться Самулъ Иванычъ, говоритъ прикащикъ, тронувъ шею и складывая руки назади:—признаться сказать, въ эфтимъ не могу васъ удостовѣрить... т. е. откэда онъ взялся...

— Давно ли онъ?

— Да болѣ пожалуй недѣли... Эт-та, ежели изволите спомнить, на прашедшей недѣли хлѣбъ у насъ ссыпали... Ну, я обнаковенно въ сараѣ,—хлопоты... Вижу, стоитъ посередь двора вотъ этотъ самый кавалеръ... Я, признаться, крикнулъ ему: будетъ, молъ, тебѣ башку-то чесать, иди помогай... Н-ну онъ и сталъ... Дали ему потомъ въ кухнѣ полопать-съ... Такъ онъ вотъ и того... кое-что помочи даетъ-съ...

— Пожалуйте лащетъ, настоятельно повторилъ мальчикъ. Въ толпѣ глухой смѣхъ.

— Мать-то есть у тебя? спросилъ хозяинъ.

— Нѣту, я теткинъ.

— Отъ тетки родился?

— Отъ тетки.

Раздался дружный смѣхъ; даже хозяинъ закряхтѣлъ какъ-то весело. Мальчонка въ первый разъ задумался надъ своимъ происхожденіемъ.

— Какъ же теперича его считать? спросилъ хозяинъ у прикащика.

— Да такъ я полагаю, считать, что собственно — приблудный-съ... на этомъ счету его и остановить.

— Гм!

Хозяинъ подумалъ.

— Все, я чай, Петру Иванычу надо сказаться?

— Н-н-ѣтъ-съ!... Я такъ полагаю,—Господь съ нимъ!... Пущай его. Все что нибудь въ хозяйствѣ поможе́тъ.. Богъ дастъ, выростетъ, получитъ свое понятіе,—тады ужь его дѣло-съ...

Хозяинъ далъ мальчугану гривенникъ. Тотъ бросился ему въ ноги, брякнувшись объ полъ всѣмъ, чѣмъ только можно брякнуться: лбомъ, локтями, колѣнками...

Толпы рабочихъ, вываливаясь изъ воротъ фабрики, раздѣлялись на партіи; одни шли прямо въ кабакъ, другіе сначала въ баню и потомъ въ кабакъ; третьи—сначала въ церковь, потомъ въ баню и наконецъ въ кабакъ. Бани полны народомъ; вся рѣка покрыта тѣлами гражданъ; въ купальняхъ идетъ гамъ, крикъ, хохотъ; народу тьма, отъ большинства отдаетъ водкой; все это наровитъ забраться подъ самый переметъ купальни и оттуда чебурыхнуть въ воду. Берегъ рѣки около бань запруженъ купающимися. Черныя фигуры мастеровыхъ торопливо срываютъ съ плечь чуйки, рубашки; слышенъ говоръ, смѣхъ.

— Нуко, Господи благослови! говоритъ мастеровой и съ разбѣгу летитъ въ воду,—откинувъ напряженіемъ ноги большой кусокъ зем-

ли отъ берега; вытянутыми впередъ руками онъ врѣзывается въ воду почти вертикально — и изчезаетъ, взболтнувъ ногами...

— Нырокъ! говоритъ кто-то...

Мастеровой выныряетъ среди рѣки и принимается отмѣривать саженями, взмахивая головой въ сторону, чтобы откинуть мокрые, закрывшіе лицо, волоса...

Дальше за банями, гдѣ берегъ уложенъ высокими стѣнами навоза, въ мутныхъ лужахъ полощатся мѣщанскія дѣвицы, опасаясь на аршинъ отдѣлиться отъ берега, такъ какъ платье ихъ можетъ быть ежеминутно похищено разнаго рода юношами. Какая-то смѣлая баба, съ головой обвязанной платкомъ, рѣшается выплыть изъ лужи на рѣку...

— Ха-а, ха-а, ха-а! грозно вскрикиваетъ мастеровой, и пускается за ней въ догонку,—необыковенно сильно и искусно работая руками. Баба въ испугѣ поворачиваетъ назадъ, взбивая ногами цѣлые фонтаны.

На большой улицѣ, съ шумомъ желѣзныхъ засововъ запираются лавки; мастеровые съ работами рыщутъ отъ одной лавки къ другой. Новыя времена, отозвавшіяся на торговлѣ, не поддаются на единственное доказательство мастероваго «Христа ради!» А пробрать хозяина магазина современными доводами онъ не въ силахъ. Онъ человѣкъ старой школы. Да и доводы-то теперь нужно брать совершенно изъ области случая, — а когда еще отыщется такой случай.

Въ ярко освѣщенной лавкѣ стальныхъ издѣлій, сидитъ на диванѣ молодой хозяйскій сынъ въ пестрыхъ брюкахъ; у прилавка, съ ящиками разныхъ стальныхъ мелочей, стоитъ прикащикъ. Тутъ же въ качествѣ посѣтителя присутствуетъ лакей, держа подъ мышкой цѣлый узелъ разнаго оружія.

— Тыкъ я такъ барину и передамъ-съ.

— Такъ и скажи, говоритъ хозяинъ.

— Конечно, мнѣ какое дѣло, — мнѣ приказано: скажи, говоритъ, ему (вамъ-то), что у меня этого самаго оружія въ избыткѣ... Я такъ вамъ и передаю... хоть достовѣрно понимаю, что у нихъ этого избытку не токма въ оружіи... лакей шепчетъ.

— То-то и есть,—говоритъ хозяинъ.

— Вѣрите ли? многозначительно произноситъ лакей, скрестивъ руки.

— Ихнее дѣло прошло-о...

— Эт-то какъ есть... Я теперь вижу, къ чему идетъ-съ. Теперь попретъ купечество... вотъ-съ!... Оно теперича еще не очувствова-

лось какъ слѣдуетъ... Дай ему обглядѣться — ббѣда. Оно теперь робѣетъ... Вотъ я вамъ скажу,—одинъ купецъ купилъ у нашего барина коляску... а ѣздить-то—боится. Хочетъ-хочетъ сѣсть, занесетъ ногу то,—н-нѣтъ, говоритъ. И велитъ кучеру ѣхать впередъ. «Я, говоритъ, трусцой въ сторонкѣ пройдусь»... Еще робѣютъ-съ!

— Капитонъ Иванычъ! громко произнесъ мастеровой, появляясь на порогѣ лавки. — Отецъ! Что жь мнѣ, околѣвать что ли на улицѣ-то!

— Черти! Что у меня, быкъ что ли, съ позволенія сказать, отелился? Изъ-за чего я долженъ разоряться. Ну, купи ты у меня? Видѣлъ товару-то? Ну, купи!

— Куда жь это дѣваться мнѣ теперь?

Хозяинъ помолчалъ.

— Толконись къ Шишкину... Аль ужь въ самомъ дѣлѣ монетный заводъ... Только и прутъ, что ко мнѣ... Ступай!

— Ахъ ты Боже мой!...

Мастеровой уходитъ, отчаянно тряхнувъ головой...

Въ отворенныя двери лавки видно еще нѣсколько мрачныхъ фигуръ, медленно лавирующихъ мимо... Они сходятся на углу, слышны слова: «какъ тутъ быть, а?» «Душа вонъ,—хлѣба не на что купить». «Ну, вре-емя!.. Скоро между ними показывается чинная фигура Прохора Порфирыча. Револьверъ его завернутъ въ платокъ, засунутъ въ рукавъ, а рукавъ, въ свою очередь, засунутъ въ карманъ;—такъ что все-таки Прохоръ Порфирычъ ничуть не теряетъ благороднаго вида. Неумѣлые въ современныхъ разговорахъ мастеровые обступаютъ его со всѣхъ сторонъ; идутъ какія-то клятвы: «за что ни отдать» и т. д.

— Я, ребята, обѣщанія вамъ не даю, говоритъ: черезъ нѣсколько времени Порфирычъ,—а попытать попытаю.

— Отецъ! Защити!

— Погодите, друзья; сами вы разочтите, какая въ этомъ дѣлѣ нужна словесность... разъ! Окромѣ того, долженъ я подъ него, ирода, подводить махину не маленькую... Два! Все это хлопоты! Дѣло это пріятели—не легко... По этому случаю я ужь съ васъ, ангелы,— по полтинничку получу..

— Гряби! Хучь-бы мало мало... Па-алтинникъ! Гряби смѣло...

— То то... Ну ко-ся, — вали!..

Пять пистолетовъ падаютъ въ разставленный платокъ...

— Ну, говоритъ Порфирычъ: — творите молитву! Какую покрѣпче...

И чинно входитъ въ лавку...

— М-май-е ппачтеніе! провозглашаетъ хозяинъ.

— Все-ли въ добромъ здоровьи! произноситъ Порфирычъ, почтительно снимая картузъ.

Хозяинъ прищуриваетъ одинъ глазъ. Порфирычъ утвердительно киваетъ головой.

— Такъ ужъ вы такъ вашему барину и доложите, что молъ у насъ у самихъ товару некуда дѣвать... Опять-же, это ихнее оружіе не по насъ,—намъ въ теперешнее время нужна вещь грошовая, ярморочная...

— Это само-собой...

— Вотъ что-съ! Намъ теперича нужна вещь,—лишь-бы кое-какъ сляпана... Убьешь,—хорошо; не убьешь,—еще того лучше; зачѣмъ бить?

— Именно, правда ваша! подтвердилъ лакей. Я такъ имъ сказалъ: что мое дѣло—исполняй: приказано сказать— отъ избытка,— я исполняю,но достовѣрно знаю, что не токма...

Слѣдуетъ шептаніе: хозяинъ поддакиваетъ, издавая какіе-то звуки въ родѣ: «гм... мм... или д-дэ! во-отъ!» и пр.

— До пріятнаго свиданія, заключаетъ лакей.

— Будьте здоровы!

Лакей уходитъ. Лицо Порфирыча превращается въ радостную улыбку...

— Ну? спрашиваетъ строго хозяинъ, отводя его въ сторону.

— Готово-съ!

— Врешь, мошенникъ!

— Сичасъ умереть!.. Я вамъ, Капитонъ Иванычъ, такую дѣвицу подпихнулъ, — истинно — пшено! Провалиться!

— Проха-аръ! Я тебя убью...

— Какъ вамъ угодно... Это именно ужъ самъ Богъ вамъ помогаетъ...

— Ежели ты въслучаѣ врешь, сечасъумереть—такъ разгвозжу...

— Что угодно! Я ей, Капитонъ Иванычъ, такъ говорю: Таинька! Вы ихъ любите? Васъ то-есть.

— Ну?

— «Даже, ґоворитъ, до безчувствія влюблена»...—А когда, говорю, вы влюблены, то вы ихъ должны удостовѣрить въ полномъ размѣрѣ...

— Ну?

— «Мнѣ, говоритъ, стыдно; пущай, ґоворитъ, они меня сами вовлекутъ»...

— Баг-гато!.. Ну?

— Н-ну-съ; по этому случаю, завтрешняго числа назначено вамъ

быть въ рощу... Тамъ дѣло ваше... Главная причина, маменька ихъ очень строги, — а разожжены они, то-ись Таиса эта, — до бѣла, — можно сказать. — Одно: — по колѣно влюблена!

— А ежели врешь?

— Какъ вамъ угодно! Я подвелъ дѣло. Теперь трафьте сами...

— Я н-натррафлю!.. Вѣрно ты говоришь?

— Издохнуть на мѣстѣ. У меня, слава Богу,—одна спина-то.

Пріятное молчаніе.

— Ну, Капитонъ Иванычъ, затягиваетъ Прохоръ Порфирычъ:— съ васъ тоже могарычу надо будетъ получить...

Въ дверяхъ мелькаютъ нетерпѣливыя фигуры рабочихъ... Порфирычъ грозитъ кулакомъ, фигуры изчезаютъ...

— Какой же это могарычъ тебѣ?—любопытно...

— Я многаго не прошу... Намъ бы только какъ ни какъ перебиться... На васъ вся надежда...

Порфирычъ не торопясь вытаскиваетъ свой револьвьеръ...

— Ахъ, т-ты идолъ эдакой,—подо что подпе-оръ? Небось опять красную?

— Да ужь, что дѣлать...

— Клади! Погоди, я тебѣ разгребу пчелу-то!

— А вотъ эти рубликовъ по четыре, штоли...

Слѣдуетъ развязываніе узла...

— Неси-неси-неси-н-н-н....

— Капитонъ Иванычъ! Что-жь это вы говорите?.. Ради суботы-то хоть снизойдите...

— Дьяволъ!

— Вить посмотрите вы на эту лузгу, — издыхаютъ. А вамъ все г одится... Четыре цѣлковыхъ! онъ въ работѣ шесть стоитъ... Это я вамъ истинную правду говорю... Капитонъ Иванычъ?..

— Клади! Домовой!

— Хxе-хе-хе-хе...

Прохоръ Порфирычъ получаетъ деньги и, отдѣливъ себѣ что слѣдуетъ и даже что вовсе не слѣдуетъ, собирается уйдти.

— Погоди, говоритъ хозяинъ:—мы съ тобой того...

— Слушаю-съ, я сію минуту...

Радостно привѣтствуютъ своего избавителя неумѣлые люди. И потомъ такъ разсуждаютъ.

— Экой у этого Прохора умъ, братцы мои!

— Чево это?

— Я, говорю, у Прохора—ума; страсть!

— О-о! У няго ума по брюхо наваленѝ.

Мастеровые медленно разбредаются въ разныя стороны.

— Прощай!

— Прощай! до свиданія... Ты куда?

— Домой. А ты?

— Я-то. Я, братъ, домой... будя!

Но медленность въ походкѣ, остановки и размышленія надъ трехъ-рублевой бумажкой, совершающіяся на каждыхъ двухъ шагахъ, весьма явственно знаменуютъ борьбу добра и зла, происходящую въ душѣ мастеровъ. При этомъ добро является въ фигурѣ развалённой избы, въ которой на трехъ-рублевую бумажку почти невозможно получить ни единой крупицы радости, настоятельно необходимой въ настоящую минуту; а зло:—въ формѣ кабака, гдѣ означённая бумажка можетъ сдѣлать чудеса...

Мастеровой дѣлаетъ еще два медленныхъ шага,—зло преодолѣваетъ, шаги принимаютъ совершенно обратное направлёніе... и скоро только что разставшіеся пріятели съ громкимъ смѣхомъ встрѣчаются у стойки кабака «*канавки*».

Къ ночи надъ городомъ нависла большая туча, и пошелъ тихій, теплый, лѣтній дождь... Улицы были совершенно пустынны; нигдѣ ни огонька; ярко горѣли только кабаки и харчевни. Въ «канавкѣ» были растворены окна; изъ нихъ, вмѣстѣ съ криками и звономъ стекла, лились на улицу яркія полосы свѣта и удушливый воздухъ, раскаленный плитою, на которой клокотали пятикопѣечные пироги и селянки; въ отдаленной комнатѣ смертельно буэовала провинціальная шарманка и здоровенный бубенъ ежеминутно и какъ-то тяжело охалъ подъ напоромъ ядренаго пальца севастопольскаго героя. Ближе, среди хохота, раздававшагося съ неудержимою силою по временамъ, шло пѣніе. Какой-то тощій портной, оцивилизовавшій свой почти прародительскій костюмъ разорваннымъ до воротника сертукомъ, пѣлъ пѣсенку про *вольника*, приправляя ее нѣкоторыми жестами. Прежде всего онъ сдѣлалъ грустную физіономію, изображая собой старуху мать вольника, прижалъ руку къ щекѣ, и всхлипывая, тянулъ:

Да и что-о-же ты ди-и-тятко...
Будешь тама наси-и-ти?..

Тутъ пѣвецъ вдругъ встрепенулся и съ отчаяннымъ ухарствомъ и присядкой торопливо запѣлъ:

Мма-минька—сертучки—охъ!
Сударынька—сертучки—охъ!
Пусс-кай сертучки-и!...

Ну чтожь? сертучки-и!
Носить буду серрртучки-и...

Далѣе съ тѣмъ же отчаяннымъ весельемъ извѣщалъ онъ горевавшую мать, что спать будетъ «на саломкѣ»,—а на вопросъ «съ кѣмъ», отвѣчалъ, что съ «хозяйкой».

Въ заключеніе мать грустно говорила:

«Ну ужь Богъ съ тобой!»

Прохоръ Порфирычъ, щедро упитанный Капитономъ Иванычемъ, нетвердыми шагами возвращался домой, и вслѣдствіе непроходимой грязи, растворившейся въ Растеряевой улицѣ, поминутно поскользался на глинистой тропинкѣ и хватался рукой за заборъ.

— Эт-то кто такой?... вскрикнулъ онъ, натыкаясь на что-то живое...

— Да что, другъ, шапки никакъ не сыщу...

— Кто ты такой?

— Дальній... Я, братъ, не здѣшній. Никакъ, провалиться, не сыщу этаго демона, шапки...

— Что же ты, лѣшій, безо время шатаешься?

— Ды сё, другъ, теплаго мѣста ищу, которое ежели бы мѣсто, иной разъ, сухое...

— Смотри, не попади въ теплое-то.

— Я самъ, братецъ, объ этомъ думаю... Надо быть — попадешь... во-во-во... Ахъ ты, анаѳема! вотъ она, шельма... ишь! Запотѣла!

Раздается хлясканье объ заборъ мокрой шапкой...

Прохоръ Порфирычъ пробирается далѣе... Усилившійся, но такой же тихій дождикъ чуть чуть шумитъ въ листьяхъ деревъ. Совсѣмъ темно.

У однихъ воротъ возится съ лошадью пьяный извощикъ; въ темнотѣ онъ растерялъ возжи; лошадь переступила черезъ оглоблю и, подаваясь назадъ, подвернула переднія колеса подъ дырявыя и изломанныя дрожки, которыя вслѣдстіе этого свалились на бокъ.

— Тпрр... Тпр... ласково говорилъ извощикъ, засѣвъ по колѣно въ грязь и отыскивая во тмѣ лошадиную морду... Тпрррю... Трр... Нич-чего!... трр... милая...

Прохоръ Порфирычъ, видя безпомощное положеніе хмѣльнаго человѣка, хотѣлъ было сначала посовѣтавать ему: постучись молъ, дьяволъ. Хотѣлъ потомъ самъ постучаться, но раздумалъ... «Шутъ ихъ возьми»... И заключилъ размышленіями о томъ, какой человѣкъ свинья, ибо завсегда радъ облопаться и, насчетъ водки, не имѣетъ мѣры...

Извощикъ все копошился въ грязи... Лошадь поминутно шлепала въ грязь переступившею ногою... Дрожки скрипѣли.

Въ непроницаемо темныхъ сѣняхъ избы Прохора Порфирыча стояла Глафира и подмастерье. Отъ Кривоногова отдавало виномъ.

— ...Это развѣ возможно, шепталъ онъ надъ самымъ ухомъ Глафиры:—извольте послушать. «— Хочу въ маскарадъ,—ты пьяница, немытая мочалка, вонючая рогожа.—Я?—Ты...—Изволь! Ступай съ Богомъ.—«Въ лучшемъ костюмѣ!» — Сдѣлайте вашу милость... — «Я благородная! ты харя!» — Какъ вамъ будетъ угодно: на балъ,— на балъ; харя,—харя! какъ ваша душа желаетъ... Дверью хлопъ,— ушла... Потомъ того слышу, — съ офицерами... Добраго здоровья!.. Это какже?

Вопросительное молчаніе. Глафира вздыхаетъ.

— Или, говоритъ Кривоноговъ снова: — какъ вамъ покажется... Повѣнчались мы съ ней; все какъ слѣдуетъ: гости,—шантанское (околѣть, было-съ!) Отходимъ въ спальню: какъ есть мужъ и жена... Я... Ну она же, напримѣръ, — брыкать, пихать, — прочь, харя, псина тварь... а?..

Опять молчаніе.

— Ну, и валялся, какъ песъ у порога...—Вонъ отсюда! И уйдешь въ кухню... Это жись?

Шумъ дождя начинаетъ слышаться яснѣе среди безмолвія улицы. Около повалившихся дрожекъ и спутавшейся лошади возился другой извощикъ, съ фонаремъ въ рукахъ. Онъ сердито дергалъ лошадь за узду и злобно кричалъ: «ног-гу! н-но, идолъ!» Слышалось ярое хлясканье кнутомъ объ лошадиную морду... Лошадь билась. Извощикъ торопливо и сердито бормоталъ.

— Пр-рапоица!.. Мало ты ученъ!.. Жживотная! Н-но...

И снова свистъ кнута...

— Кумъ! глухо говорилъ пьяный хозяинъ лошади, скрывшись гдѣ-то въ темнотѣ.

— Пррава! Ненасытная утроба!.. Какъ не бъётся, какъ не бъётся, а ужь къ ночи готовъ... Па-адлецъ ты эдакой!..

— Кумъ! сонно бормоталъ пьяный.

Извощикъ съ фонаремъ молча возился около дрожекъ. Сальный огарокъ въ фонарѣ разливалъ тусклый свѣтъ на небольшое разстояніе кругомъ, отчего три большія осины, кучей столпившіяся за заборомъ и слегка освѣщенныя снизу, уходили въ темноту своими вершинами и казались безконечными.

— Кумъ!.. а Кумъ?..

Отворивъ окно, Прохоръ Порфирычъ присѣлъ къ нему съ папироской; хмѣльная голова его клонилась къ низу къ подоконнику. Съ крыши лилъ дождь; гдѣ-то вдали съ легкимъ гуломъ вода била въ пустую еще кадушку...

— Господи! шепталъ Порфирычъ.—Сохрани и помилуй ррраб-ба твоег-го...

Лилъ дождь.

— Ка-арра-у-у-улъ! бушевало гдѣ-то далеко.

ГЛѢБЪ УСПЕНСКІЙ.

ДЖОНЪ БРЕНТЪ.

РОМАНЪ

ТЕОДОРА ВИНТРОПА.

ГЛАВА I.

AURI SACRA FAMES.

Я пишу въ первомъ лицѣ, но о своей личности распространяться много не буду. Я ни въ какомъ случаѣ не считаю себя героемъ настоящей драмы. Назовите меня, если угодно, Хоромъ,—но Хоромъ не просто наблюдательнымъ и безчувственнымъ, а скорѣе Хоромъ, который представляетъ собою сочувствующаго наставника и помощника. Быть можетъ, я сообщилъ черезчуръ быстрый и грубый толчокъ представленію въ то время, когда ослабѣвали другія, несравненно лучшія силы; одни вытерпѣли жестокія мученія, другіе получили награды — одинъ я оставался на мѣстѣ собственно для того, чтобы подать руку помощи побѣжденному или прокричать восторженный возгласъ побѣдителю.

Это ни болѣе, ни менѣе, какъ простой, озаренный дневнымъ свѣтомъ, здоровый разсказъ. Въ немъ нѣтъ ничего таинственнаго. Въ немъ довольно жизни, жизни безъискусственной, жизни гомерическаго свойства. Въ наше время геройскіе и рыцарскіе подвиги еще не совсѣмъ оставлены въ пренебреженіи. И теперь еще есть люди, которые съ такимъ же самоотверженіемъ стремятся за любовью и готовы защищать ее, какъ и въ вѣкъ Амадиса.

Въ этой драмѣ вы увидите людей грубыхъ, необразованныхъ, увидите личности съ звѣрскими наклонностями, точно такъ же, какъ и джентльменовъ. У тѣхъ и другихъ вы не найдете ни на волосъ совѣсти. Они дѣйствуютъ по своимъ собственнымъ законамъ; ихъ цѣли сопровождаются или карой, или успѣхомъ, смотря по тому, согласуются ли ихъ законы съ законами природы, или не согласуются.

Для меня всѣ нижеописанныя приключенія и похожденія были

только эпизодомъ; для моего пріятеля, героя разсказа,— они составляли сущность, эссенцію жизни.

Но въ сторону эти недомолвки и перемолвки. Занавѣсъ поднимается. Входитъ Ричардъ Уэйдъ, то есть я въ роли Хора.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я занимался въ Калифорніи разработкой золотоноснаго кварца.

При условіяхъ тогдашняго времени, нашъ пріискъ былъ однимъ изъ самыхъ неблагодарнѣйшихъ. Я былъ привлеченъ туда превратностями и нуждами калифорнской жизни. Судьбѣ, по всей вѣроятности, угодно было поучить меня терпѣнію и самообладанію въ тяжелыя минуты. Поэтому-то она и забросила меня на кварцовыя розсыпи, чтобы я занялся самымъ скучнымъ, непріятнымъ дѣломъ.

Если бы для разработки руды я имѣлъ капиталъ изъ безчисленнаго множества долларовъ, или ртуть для производства амальгамы въ такомъ близкомъ разстояніи и въ такомъ изобиліи, какъ снѣгъ на вершинахъ Сіерры-Невады, я не сталъ бы горевать.

Изъ невыразимо-огромнѣйшаго количества кварца я добывалъ, какъ говорится, пылинки золота. Драгоцѣнный металлъ относился къ грубому минералу, какъ сотня булавочныхъ головокъ къ тоннѣ желѣзной проволоки. Мои партнеры, жившіе въ Санъ-Франциско, писали мнѣ: «Пріищи только вдвое больше булавочныхъ головокъ, и наше состояніе обезпечено.» Такъ полагали эти энергическіе люди, мечтая, что рано или поздно золото будетъ увеличиваться, а трудъ уменьшаться, что я вдругъ нападу на жилу, въ разщелинахъ которой минералъ покажется желтыми нитями или желтыми круглыми крапинами, быть можетъ, даже желтыми комками;—они вовсе не думали о томъ, что мнѣ безпрестанно попадались пустыя впадины, которыя природа приготовила для помѣщенія въ нихъ золота, но почему-то забыла это исполнить.

Такъ полагали мои товарищи въ Санъ-Франциско. Они спекулировали мясомъ, хлѣбомъ, содержаніемъ пристаней, перевозами грузовъ по рѣкѣ Сакраменто, орегонскимъ лѣсомъ. Они нѣсколько разъ прогорали, нѣсколько разъ тонули, снова прогорали и тонули и снова поправлялись. Они надѣялись на меня и на золотые пріиски. Поэтому изъ опустѣлыхъ сундуковъ моихъ товарищей вытекала на наши пріиски весьма небольшая тихая струя денегъ и быстро изчезала на этихъ пріискахъ вмѣстѣ съ моимъ трудомъ и моей жизнію.

Наша золотая руда,—санъ-францискскіе товарищи любили поддерживать свои иллюзіи, называя мои пріобрѣтенія золотой рудой, — быть можетъ, годилась бы для минералогическаго кабинета какого нибудь аматера. Любой профессоръ съ особеннымъ удовольствіемъ

сталъ бы показывать слушателямъ ея образцы. Никогда, мнѣ кажется, не было еще такого кварца, въ которомъ такъ хорошо обозначалось бы направленіе золотоносной матки, и въ которомъ такъ отчетливо представлялась пустота для содержанія въ себѣ отсутствующаго золота. Какой бы великолѣпнѣйшій матеріалъ вышелъ изъ него для макадама! Дороги въ паркахъ заблистали бы игривѣе всякаго мрамора. Съ какимъ эффектомъ извивались бы по зеленой муравѣ тропинки, покрытыя его кусочками сливочнаго цвѣта!

Хотя бы даже я и не основывалъ отрадныхъ и самыхъ близкихъ къ сердцу надеждъ на этихъ бѣловатыхъ и желтоватыхъ камешкахъ, но все-таки я не пересталъ бы считать ихъ массу полезною и орнаментальною,—полезною въ томъ отношеніи, что она давала возможность содержать въ связи цѣлый міръ,— орнаментальною въ то время, когда она лежала на солнышкѣ и искрилась. Но эти улыбающіяся искры имѣли въ себѣ что-то саркастическое. Блестящіе камешки знали, что они смѣются надо мной, что они просто надуваютъ меня. Когда мужчина или женщина дѣлаются побѣдителями надъ мужчиной или женщиной, тогда великодушіе заглушаетъ торжественные гимны тѣми тонами, которые доставили побѣду. Но матерія такъ часто подвергается насмѣшкамъ и пренебреженію, что, въ случаѣ своего восторжествованія надъ духовными началами, становится безпощадною.

Да; мой кварцъ просто водилъ меня за носъ. Или вѣрнѣе, я не хочу быть несправедливымъ даже къ беззащитному камню, не довольно богатому, чтобы имѣть своего адвоката, я, съ помощію своихъ ложныхъ надеждъ и ожиданій, самъ себя водилъ за носъ. Я убѣдился, что моя опытность не принадлежала къ числу замѣчательныхъ. Другіе тоже могли питать и лелѣять ложныя надежды на всякаго рода предметы, кромѣ кварцовой руды. Можетъ статься, что этому самому обстоятельству предстояло научить меня опытности. Получивъ такой урокъ, я бываю совершенно хладнокровнымъ и спокойнымъ, когда вижу, что другіе люди одержимы тѣмъ же недугомъ, все равно, гонятся ли они за золотомъ, за славой, или счастьемъ: но каково вамъ покажется, если человѣкъ, гоняясь за кускомъ насущнаго хлѣба, находитъ вмѣсто его одинъ только камень? Кварцъ, самъ по себѣ, вещь превосходная. Ни кого не могу винить, кромѣ самого себя, если, надѣясь въ кварцѣ найти золото, я нашелъ одно лишь самообольщеніе. Какое мы имѣемъ право требовать отъ неблагородства то, что можно назвать благороднымъ!

Нерѣдко случалось, что я, сжавъ кулаки, грозилъ ими моей красивой грудѣ минерала, моимъ пустымъ руднымъ гнѣздамъ. Въ этихъ гнѣздахъ, въ этомъ кварцѣ было столько же золота, сколько можно

найти жемчугу на грязномъ днѣ рѣки Джерзей, сколько бываетъ изюминокъ въ кухмистерскомъ пуддингѣ.

Спокойное, ничѣмъ не возмутимое разочарованіе скоро показываетъ человѣку, что онъ попалъ не на свое мѣсто. Всякій трудъ, не доставляющій ни удовольствія, ни пользы, служитъ намекомъ на труды въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ, люди должны порыться и въ мѣстахъ, не приносящихъ пользы, собственно для того, чтобы узнать, гдѣ эти мѣста находятся, и потомъ уже перейти на надлежащія мѣста. Каждый человѣкъ, по видимому, долженъ по пустому пожертвовать частицей своей жизни. Каждый человѣкъ долженъ испытать подобнаго рода заточеніе, чтобы научиться лишеніямъ и ограниченіямъ, которыя въ свою очередь научаютъ его пользоваться свободой.

Но пока довольно о Miei Prigioni. Скажу нѣсколько словъ о моихъ товарищахъ по заточенію. Жестокіе люди были эти товарищи, мои ближніе въ двадцати миляхъ! Нѣкоторые изъ нихъ были тюремныя птицы самаго худшаго рода. Быть можетъ и къ лучшему, что моя разработка не приносила денегъ. Они не посовѣстились бы обобрать мое золото и потомъ зарѣзать меня. Впрочемъ, они не всѣ были разбойники, нѣкоторыхъ можно назвать только варварами.

Пáйки (*) принадлежали къ числу послѣднихъ. Америка выработываетъ въ настоящее время различные новые типы людей.—Пайкъ —это одинъ изъ самыхъ новѣйшихъ. Это какой-то выродокъ изъ американскихъ піонеровъ. Одной рукой онъ держится пороковъ піонеровъ, другой манитъ къ себѣ пороки цивилизаціи. Трудно понять, какимъ образомъ человѣкъ можетъ имѣть такъ мало добродѣтели въ такомъ длинномъ тѣлѣ; — судорожныя подергиванья въ душѣ — это враги добродѣтели, точно также какъ на лицѣ онѣ бываютъ врагами красоты.

Этотъ злосчастный Пайкъ страшнымъ образомъ потрясаетъ въ самомъ основаніи всякую надежду, что новая раса на новомъ континентѣ должна сдѣлаться благородною расою. Представляя себѣ Пайка, я совершенно теряю тѣ убѣжденія, которыя лелѣяли окружавшіе меня люди. Онъ не то чтобы былъ сложенъ изъ различныхъ частицъ въ одно цѣлое, а скорѣе эти частицы составляли одно цѣлое, цѣпляясь одна за другую или одна къ другой привѣшиваясь. Длинная, тощая его фигура одѣта въ платье изъ домашней ткани паточнаго цвѣта. Жесткими, торчащими вверхъ волосами природа увѣнчала его голову,—жесткими и колючими волосами—украсила бороду. Онъ ходитъ, переваливаясь съ боку на бокъ, говоритъ — на распѣвъ, пьетъ виски—ушатомъ, страшная божба и ругательства составляли

(*) Pike — щука.

для его рѣчи такую же потребность, какъ Фальстафу вино при закускѣ. Я видалъ мальтійскихъ нищихъ, арабовъ, погонщиковъ верблюдовъ, доминиканскихъ монаховъ, нью-іоркскихъ алдерменовъ, индійскихъ рудокоповъ,—но самыхъ грязныхъ, самыхъ наглыхъ, самыхъ отвратительныхъ созданій я встрѣчалъ только въ лицѣ кровныхъ Пайковъ. Изъ нихъ обладающіе силой оставляютъ свои родимыя поля, засѣянныя хлопкомъ, песчаныя угодья, тянущіяся вдоль желтыхъ овраговъ западныхъ штатовъ, и эмигрируютъ въ фургонѣ, нагруженномъ ветчиной и на ветчинѣ взрощеннымъ потомствомъ, черезъ пустынныя равнины, въ Калифорнію. Міазмы изъ нихъ улетучиваются подъ палящими лучами солнца; судорожныя кривлянья уменьшаются и въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи они по всей вѣроятности разбогатѣютъ, а можетъ быть, и растолстѣютъ. Въ мое время съ ними этого еще не было. Мѣсяцъ за мѣсяцемъ я жилъ между ними ad nauseam, а теперь пользуюся случаемъ, чтобы выразить имъ прощальный привѣтъ.

Неутомимо работая изо дня въ день, изъ недѣли въ недѣлю надъ этимъ жалкимъ пріискомъ, я даромъ провелъ добрыхъ два года моей жизни. Никакой выгоды и пользы я не извлекъ. Съ каждой тонной вырываемаго грунта, я становился бѣднѣе, — становился бѣднѣе съ каждымъ фунтомъ руды, которую дробили и промывали. Еще нѣсколько мѣсяцевъ, и мнѣ приходилось истратить послѣдній долларъ и поступить въ поденьщики, быть можетъ къ тѣмъ же Пайкамъ. Вытаскиваемая изъ рудниковъ дрянь не хотѣла обращаться въ золото. Разумѣется, я видѣлъ, что мнѣ слѣдовало принять какія нибудь мѣры. Но какія? я не зналъ. Я находился въ такомъ состояніи, когда человѣкъ нуждается въ постороннемъ вліяніи или помощи; когда ему нужно, чтобы безъ его вѣдома или тихонько взяли его за руку, или сильно схватили за плеча, или грубо вцѣпились въ волоса, или даже, къ личному оскорбленію, взяли за носъ и вытянули его такимъ способомъ на новое поприще.

Это вліяніе и эта помощь явились. Я получилъ непріятное извѣстіе. Моя единственная сестра, вдова, моя единственная близкая родственница, умерла, оставивъ на мое попеченіе двухъ малолѣтнихъ дѣтей. Странно, право, какимъ это образомъ, и скука и досада, которыя переносилъ я въ своей жизни, при этомъ печальномъ извѣстіи, сдѣлались для меня ничтожными! Я не въ состояніи выразить, до какой степени я обрадовался возлагаемой на меня отвѣтственности! Моя жизнь болѣе уже не казалась мнѣ одинокою. Всѣмъ моимъ намѣреніямъ, всѣмъ моимъ предположеніямъ была сразу указана цѣль. Наипервѣе всего я долженъ былъ вернуться домой въ Нью-Іоркъ. Дальнѣйшіе планы должны были составиться по прибытіи на мѣсто.

А теперь домой и домой! Кому нуженъ былъ мой кварцъ, тотъ могъ получить его безъ всякихъ возраженій. Мнѣ же не везти было его на сѣдлѣ въ подарокъ какому нибудь минералогическому кабинету.

Торопиться возвращеніемъ не предстояло особенной надобности, и потому я рѣшился ѣхать домой по долинамъ. Двѣ тысячи миль, верхомъ на лошади — это просто прелесть. Горы, пустыни, степи, рѣки, мормоны, индійцы, буйволы, нескончаемое число приключеній —вотъ что представлялось мнѣ въ перспективѣ. Мое воображеніе рисовало уже картину странствованій рыцаря, ищущаго приключеній, но рыцаря такого, у котораго не было настолько средствъ, чтобы его странствованія сопровождались всякаго рода комфортомъ.

Августъ былъ на исходѣ, я началъ свои приготовленія безотлагательно.

ГЛАВА II.

ФЕРМА ГЕРРІАНА.

Случилось такъ, что въ раннюю пору того же лѣта, миляхъ въ двадцати отъ моего пріиска, я наткнулся на пути на табунъ лошадей, которыя паслись на степномъ лугу. Онѣ рысью бросились отъ меня въ то время, какъ я спускался съ откоса, и на разстояніи, недосягаемомъ для аркана, остановились разсмотрѣть меня. Надо замѣтить, что животныя всегда находятъ особенное удовольствіе наблюдать человѣка. Можетъ статься, они нуждаются въ соображеніяхъ о томъ времени, когда имъ придется вступить въ человѣческую сферу, и о томъ, какъ бы не показаться имъ неловкими и не внести въ общество двуногихъ такихъ привычекъ, которыя свойственны однимъ четвероногимъ.

Масса этого табуна смотрѣла на меня и осматривала меня довольно безсмысленно. Человѣкъ для нея казался какой-то необыкновенной силой и больше ничѣмъ,—казался машиной, набрасывающей арканъ,—машиной, которая замундштучивала ихъ лошадиныя морды, взбиралась на лошадиныя спины и заставляла лошадиныя ноги скакать до тѣхъ поръ, пока онѣ не окоченѣютъ. Поэтому въ человѣкѣ было что-то особенное, чѣмъ нужно было восхищаться и чего слѣдовало избѣгать, — по крайней мѣрѣ такъ думали эти лошади; и если бы онѣ знали, какъ думаетъ человѣкъ о своемъ собратѣ человѣкѣ, то можетъ статься, ихъ бы мнѣніе подтвердилось.

Какъ бы то ни было, одинъ скакунъ изъ цѣлаго табуна обладалъ большею храбростію, большимъ любопытствомъ, или большимъ довѣріемъ. Онъ отдѣлился отъ смѣшанной и скученной въ одну груду

толпы—надменный аристократъ! и началъ приближаться ко мнѣ, дѣлая круги, — какъ будто онъ находился подъ вліяніемъ какой-то центробѣжной силы, какъ будто онъ считалъ себя существомъ болѣе высшимъ предъ своими столпившимися товарищами,—существомъ близкимъ къ человѣку и готовымъ предложить ему свою дружбу. Вниманіе табуна раздѣлялось между имъ и мною. Казалось, онъ былъ не предводителемъ табуна, а скорѣе конемъ, который пренебрегалъ всякимъ предводительствомъ. Facile princeps! Онъ держалъ себя выше всѣхъ изъ благороднѣйшихъ въ табунѣ и вовсе не думалъ о своемъ усыпленномъ, не возбуждающемъ никакихъ ощущеній обществѣ.

Я тихонько сползъ съ моего маленькаго мексиканскаго кабалло, привязалъ его къ ближайшему кусту и сталъ любоваться граціозными движеніями свободнаго степнаго коня.

Это былъ американскій конь, — такъ въ Калифорніи называютъ лошадей, приведенныхъ изъ старыхъ штатовъ,—превосходный молодой жеребецъ, совершенно черный, безъ отмѣтинъ. Чудесно было смотрѣть на него въ то время, какъ онъ дѣлалъ около меня круги, видѣть огонь въ его глазахъ, гордость въ ноздряхъ, силу и грацію отъ ушей до заднихъ копытъ. Безъ его согласія никто не осмѣлился бы сѣсть на него и прокатиться. Онъ сознавалъ свое представительное положеніе и продолжалъ показывать красивый свой бѣгъ. Мнѣ кажется, показывать грацію вмѣнено всѣмъ прекраснымъ существамъ въ непремѣнную обязанность.

Представьте себѣ слѣдующую сцену. Небольшая котловина въ степи, образующая настоящій амфитеатръ; потравленная желтая трава и дикій овесъ; на склонѣ оврага табунъ лошадей, съ изумленіемъ смотрѣвшихъ на меня; я самъ, какъ берейторъ въ центрѣ цирка, и этотъ удивительный жеребецъ, бѣгавшій по волѣ. Онъ — то бѣжалъ сильной рысью, то граціозно галопировалъ, то, пускаясь во весь карьеръ, становился на дыбы передо мной, какъ будто привѣтствуя меня, вскидывалъ задними ногами, показывая свою способность отражать непріятеля, перескакивалъ черезъ воображаемые барьеры, прыгалъ и дѣлалъ курбеты, какъ хорошенькая игрушка какой нибудь дѣвушки; наконецъ, когда, вдоволь нарѣзвившись и доставивъ мнѣ полное удовольствіе, онъ подбѣжалъ ко мнѣ на такое разстояніе, что я почти могъ коснуться его, сталъ нюхать и фыркать.

Лошадь узнаетъ друга по инстинкту. То же самое можно сказать и о человѣкѣ. Но человѣкъ — тщеславное существо! — не довѣряетъ инстинкту, а полагается на разсудокъ, и такимъ образомъ уклоняется отъ попытки провѣрить свои первыя впечатлѣнія, которыя, если только онъ здоровъ, всегда бываютъ непогрѣшительны.

Вороной жеребецъ, инстинктивно узнавъ во мнѣ друга, приблизился ко мнѣ и произнесъ, какую умѣлъ, привѣтственную рѣчь: онъ громко проржалъ и больше ничего. Потомъ, вѣроятно разочарованный, что не въ состояніи выразить комплимента мелодичнѣе или граціознѣе, сдѣлалъ шагъ впередъ, и съ застѣнчивостью и пугливостью, на которыя я не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, полизалъ мою руку, положилъ на плечо голову, позволилъ потрепать свою шею и вообще щедро расточалъ всѣ признаки полнаго своего довѣрія ко мнѣ. Мы быстро становились друзьями, какъ вдругъ я услышалъ звукъ приближавшихся лошадиныхъ копытъ. Вороной конь фыркнулъ, повернулся и помчалъ, увлекая за собой весь табунъ. Въ погоню за нимъ летѣлъ мексиканскій *вакеро*. Я окликнулъ его.

— A quien es ese caballo — el negrito?

— A quel diablo! es del Senor Gerrian. И онъ поскакалъ.

Я зналъ Герріана. Это былъ пайкъ лучшаго разряда. Онъ пробрался въ Калифорнію, купилъ такъ называемую миссіонерскую ферму и самъ сдѣлался фермеромъ. Его табуны лошадей, стада коровъ и овецъ покрывали откосы косогоровъ. Его имя напомнило мнѣ древняго великана Геріона. Если бы я былъ безсовѣстнымъ Геркулесомъ, имѣлъ бы право грабить что ни попало и образъ своихъ дѣйствій называть покровительствомъ, я конечно угналъ бы къ себѣ всѣ стада Герріана, лишь бы завлечь съ ними и этого вороного жеребца. Такъ думалъ я, глядя на удалявшійся табунъ.

Случилось такъ, что, когда я приготовлялся къ возвращенію на родину, мои дѣла принудили меня побывать въ мѣстечкѣ, находившемся въ одной милѣ отъ фермы Герріана. Я вспомнилъ при этомъ свиданіе мое съ чернымъ жеребцомъ, и мнѣ сейчасъ же пришло на мысль отправиться на ферму и попросить фермера продать мнѣ жеребца для моего путешествія.

Я засталъ Герріана, тощаго, вытянутаго, какъ проволока, мужчину, загорѣлаго подъ лучами мексиканскаго солнца, такъ что по цвѣту лица его можно было принять за природнаго мексиканца; онъ отдыхалъ въ тѣни своей мазанки. Въ нѣсколькихъ словахъ я передалъ ему, въ чемъ дѣло.

— No bueno, чужеземецъ! сказалъ онъ.

— Почему же нѣтъ? Развѣ вы хотите беречь и держать при себѣ эту лошадь?

— Нѣтъ; особенной надобности я въ этомъ не вижу. Правда, это такой жеребецъ, какого въ здѣшней сторонѣ не найти; но я съ нимъ ровно ничего не могу подѣлать, какъ ничего не подѣлаете вы съ пароходомъ, капитанъ котораго приказываетъ ему идти впередъ, да и

только. Это просто черный дьяволъ, если только дьяволъ когда нибудь бывалъ въ лошадиной шкурѣ. Когда онъ былъ жеребенкомъ, то находились еще люди, которые пытались было объѣздить его, а теперь никто не подходи къ нему близко.

— Продайте его мнѣ; я попробую, не сдѣлаетъ ли чего нибудь ласка.

— Нѣтъ, чужеземецъ. Ты мнѣ понравился послѣ того, какъ спасъ китайца, котораго пайки хотѣли повѣсить за кражу осла, котораго онъ вовсе не укралъ. Я, такъ сказать, полюбилъ тебя и вовсе не хочу, чтобы ты изъ-за меня сломалъ себѣ шею. Этотъ черный бѣсъ такъ прихлопнетъ тебѣ шейный твой шалнеръ, что никогда больше не придется увидѣть макушки дерева. Положимъ даже, что твоя спина крѣпче воловьей, ты не усидишь на этомъ четвероногомъ, если тебя не привяжутъ къ нему дикіе индійцы, и вмѣсто того, чтобы разстрѣлять, пустятъ тебя, привязаннаго, на всѣ четыре стороны.

— Моя спина, слава Богу, крѣпка, сказалъ я: — а шеей буду рисковать.

— Наши табунщики — мастера ѣздить, и ужъ тебѣ за ними не угнаться, а все-таки изъ нихъ не найдется ни одного, который бы рѣшился перекинуть ногу черезъ этотъ огонь, не рѣшится ни за что, даже если бы ты отмѣрялъ ему шесть квадратныхъ миль въ старомъ райскомъ саду и въ добавокъ пригналъ бы туда нѣсколько стадъ самаго лучшаго рогатаго скота.

— Но вѣдь я не мексиканецъ; я самый истый янки. Я не поддамся ни человѣку, ни лошади. Если же этому коню и удастся сбросить меня и сломать мнѣ шею, такъ я сейчасъ же и отправлюсь въ рай.

— Нѣтъ, чужеземецъ, я вижу, тебѣ крѣпко полюбился этотъ конь; а если человѣку что нибудь больно приглянется, то не скоро отведешь его глазъ отъ этого предмета.

— Дѣйствительная правда. Я все-таки скажу — продайте, и я куплю.

— Если ты не потребуешь гроба въ придачу, то, можетъ статься, мы ударимъ по рукамъ. Много ли мѣста арендуешь ты на рудникахъ Фулано?

Я забылъ называть свой рудникъ настоящимъ его именемъ. Этими рудниками владѣлъ нѣкогда одинъ пайкъ, по прозванію Пегрумъ, полковникъ Пегрумъ, надменный Пайкъ, изъ Пайкскаго округа Миссури. Испанцы, находя, что слово Пегрумъ звучитъ довольно грубо, дали полковнику, какъ могли бы дать и всякому другому чужеземцу, названіе Донъ-Фулано, все равно, какъ и у насъ ничего не значитъ прозвать кого нибудь Джономъ Смитомъ. Названіе это постепенно обратилось въ прозваніе, и наконецъ Пегрумъ, присвоивъ себѣ *дон-*

ство, какъ почетный титулъ, досталъ законный актъ, формально именовавшій его Дономъ Фулано Пегрумъ. Онъ былъ извѣстенъ подъ этимъ титуломъ, подвергался насмѣшкамъ, сдѣлался общественнымъ человѣкомъ и по всей вѣроятности надѣялся быть демократическимъ губернаторомъ Калифорніи. Наша кварцовая пещера носила его же имя.

Я сказалъ Герріану, что нанимаю четверть пріисковъ Дона Фулано.

— Въ такомъ случаѣ, ты ровно на четверть становишься богаче, чѣмъ нанимая половину пріисковъ, и ровно на три четверти богаче, еслибъ нанималъ всю его землю.

— Вы правы, сказалъ я. — Я узналъ это по горькому опыту.

— Ну, хорошо, чужеземецъ; посмотримъ, не сторгуемся ли мы. У меня есть лошадь, которая убьетъ хоть кого. Не такъ ли?

— Совершенно такъ.

— У тебя есть пріискъ, который раззоритъ тоже хоть кого, будь у него толстый карманъ или тощій. Вѣдь это тоже такъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Прекрасно; мой конь имѣетъ свои достоинства, точно также, какъ твой пріискъ долженъ содержать въ себѣ золото. Тебѣ изъ своихъ пріисковъ не добыть самородковъ, а мнѣ отъ своего жеребца ничего нельзя ожидать, кромѣ ударовъ копытомъ. Идетъ, что ли, конь за пріиски... говори: гербъ или надпись!

— Давайте коня! сказалъ я. — Я не знаю, до какой степени онъ дуренъ, но знаю, что хуже моего пріиска ничего быть не можетъ.

— Слушай же, чужеземецъ! Ты ѣдешь домой черезъ разныя мѣста. Тебѣ нуженъ конь. А я остаюсь здѣсь. Для меня ничего не значитъ поставить на карту за пріиски Фулано сотню, другую воловъ. Тебѣ же во всемъ здѣшнемъ краѣ не найти человѣка, который бы рѣшился купить твое имущество, состоящее изъ груды камней и ямы, откуда они вынуты. Чтобы продать это все, тебѣ нужно поѣхать въ Санъ-Франциско и ждать, не явится ли тамъ какой нибудь колпакъ, который бы промѣнялъ свое золото на твой кварцъ. Подожди же, я намѣренъ предложить тебѣ выгодную сдѣлку.

— Хорошо, — предлагайте.

— Будемъ мѣняться безъ всякой придачи. У меня лошадь, а у тебя пріиски.

— Идетъ, сказалъ я.

— Какъ не идти! Это такая мѣна, въ которой обѣ стороны останутся довольны. У тебя идутъ пріиски, съ которыми я ничего не подѣлаю, а у меня идетъ конь, который такъ и норовитъ, чтобы сломить тебѣ шею. Ха! ха!

И Герріанъ засмѣялся надъ своей шуткой смѣхомъ пайка. Это былъ смѣхъ, захирѣвшій въ молодости отъ лихорадокъ и послѣ того на всю жизнь оставшійся хриплымъ, безсердечнымъ.

— Велите поймать воронаго, сказалъ я: — и мы ударимъ по рукамъ.

Въ недальнемъ разстояніи бродилъ вакеро. Герріанъ подозвалъ его.

— Хозе! вотъ этому сеньору понравился нашъ вороной жеребецъ. Wamos addelanty? Corral curwolyose toethoso!

Это, извольте видѣть, испанскій языкъ Пайковъ! Если мексиканцы умѣютъ понимать его, то зачѣмъ же Пайкамъ изучать кастильское произношеніе? Намъ, однакоже, слѣдуетъ зорко смотрѣть за новыми словами, которыя заходятъ къ намъ изъ Калифорніи, иначе нашъ новый языкъ наполнится найденышами, отыскать происхожденіе которыхъ будетъ невозможно. Мы должны остерегаться накопленія задачъ для лексикографовъ двадцатаго столѣтія: имъ надо дать свободу для разработки универсальнаго языка Америки,—полу-тевтонскаго, полу-римскаго, съ небольшимъ оттѣнкомъ Мандинго и Мандано!

Буккареръ, какъ Герріанъ назвалъ по испански Хозе, понялъ, что ему приказывали пригнать табунъ. Онъ бросилъ на меня мексиканскій суровый взглядъ, произнесъ надъ моимъ безразсудствомъ какую-то карамбу, и побрелъ въ сторону, снявъ сначала съ гвоздя на дворѣ арканъ.

— Пойдемъ въ комнату, чужеземецъ, сказалъ Герріанъ:—передъ дорогой выпьемъ немного монастырскаго вина. Посмотримъ, каково оно пьется? продолжалъ онъ, наливая золотистую влагу въ надбитый стаканъ.

Это была настоящая эссенція калифорнскаго солнца, — хересъ съ такой бархатистостью, какой не имѣлъ еще ни одинъ хересъ. Это былъ какой-то огненный напитокъ, но безъ всякой жгучести. Время улучшило бы его, какъ улучшаетъ произведенія молодаго генія, но вѣдь и молодость обладаетъ какимъ-то особеннымъ свойствомъ, съ которымъ мы неохотно разстаемся.

— Превосходно, — сказалъ я: — это романтическая Испанія, съ примѣсью страстной молодой Америки.

— Инымъ оно нравится, сказалъ Герріанъ:—но на мой вкусъ оно не такъ хорошо, какъ старое Арджи.—Мнѣ ничего такъ не нравится въ винѣ, какъ вкусъ желтаго зерна. Я нахожу, что изъ здѣшняго винограда можно выдѣлать такое вино, отъ котораго все пойдетъ кругомъ. Это вино—издѣліе монаховъ. А что можно ожидать отъ нашихъ монаховъ? Они вѣдь только въ половину люди. Я намѣренъ

развести свой виноградникъ, и когда ты снова пріѣдешь для покупки розсыпей, у меня будетъ такой стрихнинъ, которому позавидуетъ вся Бурбонія въ такой же степени, въ какой нашему чудесному луку завидуютъ старые Пайки, разводящіе свой отвратительный вонючій чеснокъ.

ГЛАВА III.

ДОНЪ ФУЛАНО.

Гекторъ Трои, Гекторъ Гомера, былъ моимъ первымъ героемъ въ литературѣ. Не потому, что онъ любилъ свою жену, а она любила его, какъ, мнѣ кажется, должны любить другъ друга благородные мужья и жены въ дни испытанія, но потому, что онъ былъ отличный наѣздникъ, который умѣлъ господствовать надъ лошадью.

Какъ скоро познакомился я съ Гекторомъ, я началъ соревновать ему. Мои ребяческіе опыты производились надъ ослами и были неудачны.—Я не могъ, какъ поется въ одной англійской пѣснѣ,—бить ихъ. О, нѣтъ, нѣтъ!—Вотъ въ этомъ-то и состояло мое затрудненіе. О, если бы мнѣ пришлось встрѣтить невиннаго и послушнаго осла въ его молодые годы! Но, увы! мнѣ всегда попадались ослы испорченной нравственности, упрямые, неисправимые. Я былъ слишкомъ гуманенъ, чтобы колотить ихъ палкой, и поэтому не я бралъ верхъ надъ ними, а они надо мной.

Я научился управлять лошадьми съ помощію закона любви. Всякія затрудненія устраняются съ той минуты, когда между человѣкомъ и лошадью образуются дружескія отношенія. Тогда изъ нихъ создается центавръ. Воля человѣка указываетъ направленіе; лошадь, по волѣ своей лучшей половины, стремится по данному указанію. Я весьма рано сдѣлался наѣздникомъ, прибѣгая для этого не къ силѣ, а къ ласкѣ. Всѣ созданія низшаго класса, — за исключеніемъ адскихъ, — не зараженныя коварствомъ, ищутъ сближенія съ высшими, какъ человѣкъ по природѣ любитъ Бога. Лошади сдѣлаютъ для человѣка все, что съумѣютъ, если только человѣкъ позволитъ имъ. Онѣ нуждаются лишь въ легкомъ намекѣ, чтобы помочь ихъ слабому разумѣнію; онѣ съ горячностью примутся за дѣло; понесутъ васъ по милѣ въ минуту или по двадцати миль въ часъ, готовы перепрыгнуть черезъ какой угодно оврагъ, готовы тащить какую угодно тяжесть. Къ желанію понравиться и оказать покорность своему властелину онѣ прилагаютъ столько безстрашія и самоотверженія, что ему самому необходимо нужно быть храбрымъ, чтобы носиться съ ними повсюду.

Чѣмъ превосходнѣе лошадь, тѣмъ сильнѣе магнетизмъ между нею и человѣкомъ. Рыцарь и конь имѣютъ какое-то влеченіе другъ къ другу. Я живо представлялъ себѣ, что вороной жеребецъ Герріана,

послѣ нашей дружеской встрѣчи въ степи, послѣ нашего взаимнаго пониманія, полюбилъ бы меня еще болѣе по мѣрѣ увеличенія нашей пріязни.

Послѣ неоднократнаго чоканья надбитыми стаканами монастырскаго вина, Герріанъ и я сѣли на коней и поѣхали къ табунамъ.

Во всѣ стороны въ широкихъ ложбинахъ паслись безчисленныя стада фермера. Сцена эта носила на себѣ отпечатокъ патріархальности. Мѣстный патріархъ въ малиновой фланелевой рубашкѣ, принявшей отъ дождя и солнца пурпуровый цвѣтъ, въ старыхъ лосинныхъ штанахъ, съ обшмыганными краями, отъ которыхъ въ случаѣ надобности отрѣзывались ремешки, въ сапогахъ, на красныхъ отворотахъ которыхъ красовалась вытѣсненная золотыми буквами фамилія ихъ мастера: *Абель Кушингъ, изъ Линна, въ Массачузетѣ;*— въ такомъ костюмѣ мѣстный патріархъ далеко не напоминалъ собою древнихъ пайковъ, Авраама и его Исаака, въ тюрбанахъ и бѣлыхъ облаченіяхъ. Но все же онъ представлялъ тотъ же періодъ исторіи модернизованной и тотъ же типъ человѣка американизованнаго, такъ что я нисколько не сомнѣваюсь, что его поколѣніе будетъ лучше поколѣнія Авраама, и что оно съ пренебреженіемъ станетъ смотрѣть на мелочную торговлю разнощика, все равно, будутъ ли предметами торговли билеты австрійскаго займа, или «старое платье».

Стада разбѣгались отъ насъ въ сторону, когда мы подъѣзжали къ нимъ, и казались такими же дикими, какъ буйволы на равнинахъ Ла-Платы. При подъемѣ на вершину одного пригорка, мы увидѣли тысячи молодыхъ буйныхъ быковъ, изъ нихъ одни въ побѣгѣ своемъ какъ будто катились широкими полосами волнующагося ковра, другіе стояли небольшими группами, какъ полевые офицеры на парадѣ, слѣдя за движеніемъ колоннъ, когда онѣ одна за другой приходили на сцену и уходили съ нея; нѣкоторые представляли собою посредниковъ и зрителей, окружавшихъ двухъ бойцовъ—быковъ, бодавшихся и ревущихъ точно въ какомъ нибудь амфитеатрѣ среди скатовъ и подъемовъ волнистаго пастбища.

— Вотъ что я скажу тебѣ, чужеземецъ, замѣтилъ Герріанъ, окидывая взорами мѣстность съ видомъ гордости и самодовольства: — я не промѣнялъ бы своего мѣста на мѣсто генерала Прайса въ губернаторскомъ домѣ.

— Я думаю, сказалъ:—быки по моему составляютъ болѣе пріятное общество, нежели искатели мѣстъ и должностей.

Это была простая, но величественная сцена. Вся мѣстность на сѣверѣ и югѣ совершенно открыта и тянется на недосягаемое для человѣческаго глаза разстояніе. На востокѣ высится гордая синеватая стѣна Сіерры, гдѣ мѣстами виднѣлись поля, откосы, снѣжныя

вершины, которыя сообщили горамъ имя Невады. Ландшафтъ, производившій болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ всякій другой въ Старыхъ Штатахъ, на этой вышедшей изъ дикаго состоянія сторонѣ здѣшняго континента. Эти суровые горные контуры на близкомъ горизонтѣ совершенно уничтожаютъ лѣсистыя возвышенности, носящія названіе Аллеганскихъ, Зеленыхъ и Бѣлыхъ горъ. Раса, возросшая въ виду такой величественной природы, должна по необходимости быть возвышеннѣе всякой другой расы въ здѣшнемъ краю. Поставьте болѣе простые типы человѣчества подъ вліяніе подобнаго величія, и они падутъ духомъ; но типы съ энергической душой непремѣнно будутъ требовать для себя болѣе широкаго кругозора. Снѣжный пикъ, подобный Орегонскому Такомасу,—есть въ своемъ родѣ грозный наставникъ для страны, но съ тѣмъ вмѣстѣ это милостивый владыка, высокопоставленное лицо, спокойное торжественное и не лишенное величія, возбуждающаго отраду и удовольствіе. Цѣпь рѣзкихъ остроконечныхъ горъ, такихъ, какъ Сіерра Невада, постоянно увлекаютъ мысль съ лежащихъ у ихъ подножія равнинъ, гдѣ люди пресмыкаются изъ-за куска насущнаго хлѣба, и возносятъ эту мысль до крайнихъ вершинъ, куда во всѣ вѣка стремились пророки, чтобы приблизиться къ тайнѣ божества, къ самому Богу.

Были послѣдніе дни августа. Высокія травы, дикій овесъ и ячмень по холмамъ, ложбинамъ и равнинамъ были желты и отъ зрѣлости уже начинали бурѣть,—это былъ золотой покровъ надъ золотой почвой. Въ простой и обширной картинѣ этой замѣчалось только два цвѣта, прозрачный, глубокій, искрящійся голубой въ небѣ,—и тускло-голубой въ горахъ, — а вся остальная земля представляла собою волнующееся золотистое море.

— Какъ хотите, — а эта страна все таки лучше мнѣ нравится, чѣмъ страна старыхъ Пайковъ или Миссури, сказалъ Герріанъ, давъ шпоры своей лошади:—я предпочелъ бы оставаться здѣсь, даже еслибы эти кривляки-пайки жили здѣсь, а не тамъ, и круглый годъ обѣдали по два раза въ день.

Продолжая ѣхать въ шелестящей травѣ, которая до половины закрывала нашихъ лошадей, до насъ вмѣстѣ съ вѣтеркомъ долеталъ топотъ лошадиныхъ копытъ—потрясающій звукъ! Въ этомъ звукѣ отзывалось что-то свободное и сильное, чего никогда не услышишь въ несущемся въ аттаку кавалерійскомъ эскадронѣ.

— Вотъ онѣ! вскричалъ Герріанъ: — на такой полкъ стоитъ посмотрѣть. Въ старыхъ штатахъ ничего подобнаго не увидишь.

— Куда имъ! Самая лучшая картина въ родѣ стампедо, которую можно увидѣть тамъ,—это, когда лошадь начнетъ бить задомъ, сброситъ съ козелъ кучера, расшибетъ стѣнку кареты, вышвырнетъ от-

тую грузъ женщинъ и ребятъ, опрометью понесется къ шоссейной заставѣ и тамъ, въ заключеніе своей карьеры, получитъ аттестатъ: «продана извощикамъ».

Мы остановились полюбоваться несущимся отрядомъ коней безъ сѣдоковъ.

Вотъ они! Цѣлый отрядъ лошадей Герріана летѣлъ мимо насъ во весь карьеръ! Сначала внезапно показались головы надъ вершиной холма; потомъ онѣ ринулись какъ пѣна и брызги темной бурной волны, несомой порывомъ сильнаго вѣтра, и бѣшено промчали мимо насъ, съ развивающимися по вѣтру хвостами и гривами.

— Ура! вскричалъ я.

— Да! можно сказать, что ура! сказалъ Герріанъ.

Табунъ несся одной массой по направленію къ корралю (*).

Вслѣдъ за табуномъ, въ сторонѣ отъ стремительнаго бѣга своихъ менѣе благородныхъ собратій, бѣжалъ вороной жеребецъ, моя покупка, мой старый другъ.

— Если тебѣ удастся осѣдлать и прокатиться на этомъ конѣ, сказалъ Герріанъ:—я тогда съѣмъ шестиствольный револьверъ, съ зарядами и капсюлями.

— Въ такомъ случаѣ совѣтую вамъ — сначала поточить зубы на вашемъ одноствольномъ деррингерѣ, возразилъ я.—Что я на немъ поѣду—вы будете тому свидѣтель.

При видѣ этого коня, который такъ превосходно понималъ и уважалъ себя, нельзя было не восхищаться, тѣмъ болѣе при видѣ такого коня, который хотѣлъ показать себя передъ цѣлымъ свѣтомъ первѣйшимъ главою своей расы, который такъ гордился своимъ происхожденіемъ. Какой повелительный имѣлъ онъ взглядъ! какая величественная осанка и поступь! Табунъ бѣшено несся впередъ, между тѣмъ какъ онъ пренебрегалъ присоединиться къ его галопу. — Онъ бѣжалъ рысью, футахъ во ста отъ задней шеренги, дѣлая большіе, размашистые шаги. Но даже и при этомъ полубѣгѣ онъ безпрестанно нагонялъ своихъ менѣе быстрыхъ товарищей и отъ времени до времени останавливался, дѣлалъ прыжки, моталъ головой, выкидывалъ ноги и потомъ снова пускался въ рысь, досадуя на стѣсненіе его воли.

Не было на немъ ни одного бѣлаго пятнышка, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ на боку, куда упало нѣсколько клочковъ пѣны изъ его негодующихъ ноздрей. Это былъ чистокровный конь, съ совершеннѣйшимъ хвостомъ и шелковистой гривой благородной расы. Его шерсть блистала, какъ будто лучшій въ Англіи грумъ только что покончилъ надъ нимъ его туалетъ для поѣздки въ Роттенъ-Роу. Но

(*) Corral, дворъ или огороженное мѣсто, куда загоняются табуны лошадей и стада рогатаго скота.

было бы грѣшно сравнить этого вольнаго сына степей со всякимъ другимъ менѣе кровнымъ собратомъ, который не можетъ обойтись безъ грума и скребницы.

Вслѣдъ за табуномъ, на быстромъ мустангѣ, мчался вакеро Хозé. Онъ свободно размахивалъ своимъ арканомъ.

Вороной жеребецъ продолжалъ бѣжать рысью и останавливаться, чтобъ сдѣлать нѣсколько курбетовъ и прыжковъ, повертывалъ голову назадъ, и съ презрѣніемъ посматривалъ на своего преслѣдователя:—мексиканцы могутъ преслѣдовать своихъ лошаденокъ и своимъ звѣрствомъ покорить ихъ своей власти; но оскорбить американскаго коня, это все равно, какъ если бы мексиканецъ оскорбилъ американца. Ну что же! накидывай!—Полно играть своимъ арканомъ! Я вызываю тебя! Я предоставляю тебѣ такой прекрасный шансъ, какого лучше нельзя пожелать.

Такъ повидимому говорилъ вороной жеребецъ своимъ бросаемымъ назадъ взглядомъ, полнымъ презрѣнія и сопровождаемымъ легкимъ ржаньемъ.

Хозé понялъ этотъ намекъ. Онъ вонзилъ шпоры въ свою лошадь. Мустангъ ринулся впередъ. Вороной жеребецъ въ свою очередь сдѣлалъ прыжокъ и ускорилъ свой бѣгъ, но все еще предоставлялъ себя волѣ своего преслѣдователя.

Въ это время преслѣдующій и преслѣдуемый поровнялись съ нами, опрометью несясь по склону ложбины, когда вакеро моментально махнулъ своей кистью и метнулъ арканъ какъ стрѣлу прямо къ головѣ жеребца.

Я слышалъ, какъ ременный арканъ прогудѣлъ въ неподвижномъ воздухѣ.

Поймаетъ ли онъ! Кто будетъ побѣдителемъ: — человѣкъ или конь?

Петля аркана развернулась кольцомъ. На одно мгновеніе она повисла на воздухѣ въ нѣсколькихъ футахъ передъ головою лошади, колеблясь въ воздухѣ и сохраняя свою круглизну, въ ожиданіи момента, когда вакеро дернетъ арканъ, который долженъ былъ стянуть эту гордую шею и эти широкія плечи.

Ура!

Вороной жеребецъ проскочилъ въ кольцо!

Однимъ отчаяннымъ прыжкомъ онъ пролетѣлъ сквозь петлю, коснувшись до нея только заднимъ копытомъ, и то какъ будто съ пренебреженіемъ.

— Ура! вскричалъ я.

— Можно сказать, что ура! прокричалъ Герріанъ.

Хозé подтянулъ къ себѣ арканъ.

Жеребецъ, съ вытянутой кверху головой, съ хвостомъ, развивавшимся по воздуху, какъ побѣдоносное знамя, бросился впередъ и нагналъ табунъ:—ему дали сейчасъ же дорогу; и онъ, очутясь впереди табуна, повелъ его за собой и вскорѣ изчезъ съ своей свитой въ углубленіяхъ степи.

— Mucho malicho! вскричалъ Герріанъ, обращаясь къ Хозé и вовсе не подозрѣвая, что своимъ калифорнско-испанскимъ нарѣчіемъ толковалъ Гамлета. Ему бы слѣдовало загнать ихъ прямо въ корраль. Но не знаю, уступлю ли я еще моего жеребца, послѣ такой его продѣлки. Вѣдь это точно какъ въ циркѣ, только ни въ какомъ циркѣ ничего подобнаго не увидишь! Тебѣ не ѣздить на немъ, хотя и поймаешь его, какъ не ѣздить тебѣ на аллигаторѣ.

Между тѣмъ, продолжая путь, мы подъѣхали къ корралю. Здѣсь, къ крайнему нашему удивленію, мы увидѣли, что весь табунъ добровольно вошелъ въ корраль. Нѣкоторыя лошади, склонивъ головы другъ къ другу, какъ будто совѣтовались, другія, собравшись въ небольшія группы, какъ будто любезничали и цаловались, но какой нибудь невѣжливый или ревнивый собратъ ударомъ копытъ нарушалъ ихъ пріятную бесѣду. По всей вѣроятности они разсуждали о геройскомъ подвигѣ жеребца, точно такъ, какъ люди послѣ балета разсуждаютъ о лучшемъ entrechat первой танцовщицы.

Мы подъѣхали и привязали нашихъ лошадей. Вороной жеребецъ тоже находился въ корралѣ; онъ нетерпѣливо билъ землю, ржалъ и храпѣлъ. Его товарищи держались отъ него въ почтительномъ разстояніи.

— Не впускайте туда Хозé, сказалъ я Герріану. — Пусть онъ только отгонитъ лошадей, чтобы онѣ меня не зашибли, и я одинъ попытаю счастья надъ воронымъ жеребцомъ.

— Пожалуй, я велю выгнать оттуда весь табунъ, кромѣ этого чернаго бѣса, а тамъ пытай свое счастье, какъ знаешь. Akkee Josè! продолжалъ фермеръ:—fwarer toethose! Deyher hel diabolo!

Хозé выгналъ изъ корраля весь табунъ. Вороной жеребецъ не обнаружилъ особеннаго расположенія слѣдовать за табуномъ. Онъ свободно бѣгалъ по всѣмъ направленіямъ, обнюхивая колья и жерди забора.

Я вошелъ въ корраль одинъ. Жеребецъ не замедлилъ повторить сцену нашего перваго свиданія въ степи. Прошло нѣсколько минутъ, какъ мы уже сдѣлались добрыми друзьями. Онъ принималъ мои ласки, позволялъ класть руку на шею, и все это продолжалось въ теченіе часа. Наконецъ, послѣ добраго часоваго труда, мнѣ удалось надѣть ему на шею недоуздокъ. Потомъ съ помощію самыхъ нѣжныхъ ласкъ я убѣдилъ его сдвинуться съ мѣста и отправиться со мной.

Герріанъ и мексиканецъ смотрѣли на все это съ величайшимъ изумленіемъ.

— Можетъ статься, такъ оно и слѣдуетъ, сказалъ патріархъ новѣйшихъ временъ:—лишь бы хватило терпѣнія. Послушай, чужеземецъ,—должно быть ты опасный человѣкъ для женщинъ?

Я сознался въ своей неопытности по этой части.

— Ну такъ со временемъ будешь опаснымъ. Судя по тому, какъ ты наложилъ руку на коня, я нахожу, что ты давно не новичокъ въ женскомъ кругу; это такія неукротимыя созданія, какихъ я не видывалъ.

Я сдѣлалъ всѣ распоряженія, чтобы отправиться въ путь около перваго сентября съ почтальонами изъ Сакраменто, двумя добрыми отважными молодцами; они, не смотря на опасности, которымъ подвергали свои черепа, ежемѣсячно дѣлали поѣздку къ Соленому Озеру. Это было за долго до введенія почтовыхъ каретъ, когда объ экстра-почтѣ никому не снилось даже во снѣ. Переѣздъ черезъ степи, безъ конвоя или каравана, все еще имѣлъ нѣкоторые элементы героизма, хотя въ настоящее время ихъ не существуетъ.

Между тѣмъ одинъ изъ моихъ энергическихъ партнеровъ прибылъ изъ Санъ-Франциско занять мое мѣсто.

— Мнѣ кажется, этотъ кварцъ вовсе не имѣетъ того золотистаго вида, который представляется издали, сказалъ онъ.

— Дѣйствительно, сказалъ Герріанъ, пріѣхавшій на мѣсто для принятія своей доли въ пріискахъ:—въ немъ больше бѣлизны, чѣмъ желтизны. Въ немъ, повидимому, столько же золотыхъ самородковъ, сколько золота въ подвалахъ индіанскаго банка. Но я вѣрю въ счастье, — а счастье всегда несется на меня, понуривъ голову и зажмуривъ глаза. Я буду заваливать эту яму быками или цѣною быковъ, до тѣхъ поръ, пока она не станетъ приносить мнѣ дохода.

И въ самомъ дѣлѣ съ помощію капитала Герріана и съ усовершенствованными новѣйшими машинами, послѣ долгой борьбы, пріиски Фулано стали приносить скромный, ровный доходъ.

Ухаживанье за воронымъ жеребцомъ отнимало у меня все свободное время въ теченіе моихъ послѣднихъ весьма немногихъ дней. Около насъ ежедневно собирался кружокъ Пайковъ полюбоваться моимъ обхожденіемъ съ лошадью. Я полагалъ, что они брали отъ меня уроки въ наукѣ кроткаго обращенія. Вороной жеребецъ былъ хорошо извѣстенъ во всемъ околодкѣ, а моя сдѣлка съ Герріаномъ получила широкую гласность.

Жеребецъ не подпускалъ къ себѣ никого, кромѣ меня. Между нами возникло такого рода сближеніе, какое можетъ только существо-

вать между человѣкомъ и животнымъ. Игривымъ протестомъ онъ далъ мнѣ понять, что онъ только по своему доброму расположенію позволялъ мнѣ садиться на себя и выносилъ сѣдло и узду; что же касается шпоръ или хлыста, объ этомъ не приходило даже на умъ ни тому, ни другому. Онъ не покорялся, — а соглашался. Я не обнаруживалъ ни малѣйшей надъ нимъ власти. Мы понимали другъ друга. Изъ насъ двоихъ образовался центавръ. Я любилъ этого коня, какъ не любилъ еще до сихъ поръ никого, кромѣ тѣхъ лицъ, съ которыми и для которыхъ онъ разыгрывалъ свою роль въ этомъ разсказѣ.

Я назвалъ его *Донъ Фулано.* Онъ достался мнѣ цѣною всего моего состоянія. Онъ представлялъ собою весь видимый, осязаемый результатъ двухъ долгихъ тяжелыхъ лѣтъ, проведенныхъ въ этомъ скучномъ мѣстѣ, между Пайками, гдѣ взору представлялись одни только голые, изрытые пріисками, откосы горъ и безобразные шалаши искателей золота, такихъ же суровыхъ, какъ сама природа, ихъ окружавшая.

Донъ-Фулано,—конь, на котораго не находилось покупателя, служилъ единственнымъ вознагражденіемъ за самый тяжелый и самый грубый трудъ моей жизни. Я, глядя на него и глядя на пріискъ, на эту груду красивенькихъ камешковъ, на эти глыбы воображаемаго золота, не сожалѣлъ о моей покупкѣ. Никогда не сожалѣлъ о ней и впослѣдствіи. «Коня, коня!—все царство за коня!» слова Шекспира, и я всѣ свои владѣнія отдалъ за этого коня.

Но неужели же въ этомъ конѣ, на котораго не было покупателя, заключалось все мое достояніе, все, что я могъ пріобрѣсть въ теченіе двухлѣтняго тяжелаго труда? Все,—если я не стану вычислять невычислимаго, если не стану придавать цѣны тѣмъ нравственнымъ результатамъ, которые дались мнѣ въ руку и которые я умѣлъ удержать за собой, если не рѣшусь оцѣнивать терпѣнія, цѣли и духа долларами и сентами. Но я довольно уже сказалъ о себѣ и моемъ участіи въ подготовкѣ этого разсказа.

Ричардъ Уэйдъ сходитъ со сцены и на ней является дѣйствительный герой настоящаго разсказа.

ГЛАВА IV.

ДЖОНЪ ВРИНТЪ.

Человѣкъ, не любящій роскоши, ни больше ни меньше, какъ человѣкъ несовершенный, или, если ему угодно, просто невѣжда. Но человѣкъ, который не можетъ обойтись безъ роскоши, который не выноситъ грубой пищи, жесткаго ложа, мужественнаго, напряженнаго труда — это просто дрянь. Сибарисъ — прекрасный городокъ,

постель изъ розовыхъ лепестковъ — мягка и благоуханна, индійская музыка — усладительна для души и тѣла, но и пустыня имѣетъ свои прелести, — верескъ и еловыя лапки тоже не жесткое ложе, а густая зеленая листва деревьевъ, право, не хуже инаго полога; и крѣпко засыпаетъ возмужалый сынъ природы подъ говоръ колыбельной пѣсни свободнаго степнаго вѣтра.

Обитатель степей довольствуется самой простой утварью и самой простой пищей; для спальни ему довольно одного одѣяла, для кухни—сковороды и кофейника, для столовой—жестяной кружки и складнаго ножа; — сибаритъ ко всему этому потребуетъ еще жестяную тарелку, ложку и даже вилку. Перечисленіе съѣстныхъ припасовъ также не сложно:—кусокъ свинины, пригоршня муки и кофе,— вотъ и все; сибариту же придется еще прибавить къ этому щепотку чаю, нѣсколько кусковъ сахару и бутылочку уксусу, вмѣсто вина, на праздничный день.

До прибытія моихъ спутниковъ-почтальоновъ, мнѣ оставалось еще нѣсколько дней для приготовленія. Однажды утромъ, когда я дѣятельно занимался упаковкой тѣхъ роскошныхъ дорожныхъ потребностей, о которыхъ уже упомянулъ, я услышалъ стукъ лошадиныхъ копытъ и вслѣдъ за тѣмъ увидалъ незнакомаго человѣка, который ѣхалъ прямо къ дверямъ моего шалаша. Онъ сидѣлъ на сильномъ темносѣромъ конѣ, съ вьючнымъ муломъ и индѣйской лошаденкой въ поводу.

Мое имя красовалось на тщательно выкрашенной дощечкѣ, вывѣшенной надъ дверями. Это было собственное мое произведеніе, которое въ той странѣ считалось диковиннымъ чудомъ. Любуясь этимъ образцомъ высокаго искусства, я сознавалъ, что будутъ ли мои пріиски сопровождаться успѣхомъ, или нѣтъ, но я все-таки имѣлъ впереди хорошій рессурсъ. И въ самомъ дѣлѣ, сосѣди мои Пайки, повидимому, считали, что я неизвинительно скрываю мои артистическіе таланты. Мнѣ не разъ предлагали красивенькіе осмигранные самородки, съ обозначеніемъ ихъ стоимости и штемпелемъ Боффатъ и К°, если бы я согласился написать вывѣску для игорнаго дома въ родѣ «Истиннаго рая» или «Caffy de Paris».

Прибывшій незнакомецъ прочиталъ на дощечкѣ мой автографъ, посмотрѣлъ кругомъ, увидѣлъ меня за работой въ знойной тѣни, спѣшился, привязалъ лошадей и подошелъ ко мнѣ. Въ то время въ Калифорніи не было еще обыкновенія навязываться кому либо съ своими любезностями или желаніемъ познакомиться. Всѣмъ приходилось заявить себя, чѣмъ онъ есть, и доказать справедливость этого заявленія. Я сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и разсматривалъ незнакомца.

— Адонисъ мѣднокожихъ! сказалъ я про себя. Это должно быть

или «Молодой орелъ», или «Воркующій голубокъ», или «Заглядѣнье красныхъ дѣвицъ», или какой нибудь другой главный предводитель болѣе чистаго индійскаго племени на континентѣ. Прелестный юноша! О Фениморъ, о Куперъ, зачѣмъ вы оставили насъ! Изъ одного взгляда этого отважнаго юноши — можно составить цѣлый романъ. Одну главу этого романа можно посвятить описанію его лосинной блузы, отороченной снурками; другую — описанію его штиблетъ, украшенныхъ щетиной дикобраза, и одну, коротенькую главу, описанію его мокасиновъ, обшитыхъ на подъемѣ краснымъ сукномъ, и его бобровой шапкѣ, украшенной орлинымъ перомъ. Да это живая поэма! Я бы самъ желалъ быть индійцемъ, чтобы имѣть такого товарища; — мало того, желалъ бы быть его подругой, за которой бы онъ сталъ ухаживать.

По мѣрѣ его приближенія, я увидѣлъ, что онъ вовсе не былъ мѣднаго, а скорѣе бронзоваго цвѣта. Да это просто бѣлый! Это бѣлый, лицо котораго калифорнское лѣтнее солнце окрасило бронзовымъ цвѣтомъ. А если онъ и саксонецъ, то, право, также красивъ, какъ индійскій дикарь. Какъ скоро я призналъ въ немъ существо моей собственной расы, мнѣ стало казаться, что я уже гдѣ-то его видѣлъ.

Будь онъ выбритъ и остриженъ, будь на немъ черный фракъ, сапоги, перчатки, шляпа съ блестящей тульей, будь онъ, вмѣсто этого опаснаго на видъ арсенала, вооруженъ только жиденькой тросточкой, — короче сказать, если бы онъ изъ рыцаря-искателя приключеній преобразился въ паркетнаго рыцаря, мнѣ кажется, я узналъ бы его, или по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось бы, что когда-то я его знавалъ.

Онъ подошелъ ко мнѣ, фамильярно положилъ мнѣ на плечо свою руку и сказалъ:

— Ну что, Уэйдъ? Ты не узнаешь меня?—Джонъ Брентъ.

— Я слышу твой голосъ. Теперь я узнаю тебя. Ура!

— Какъ это случилось, что я не узналъ тебя? — сказалъ я послѣ братскаго привѣтствія.

— Десять лѣтъ сдѣлали мнѣ вотъ этотъ подарокъ, отвѣчалъ Брентъ, покручивая усы. — Десять лѣтъ должны были сгладить съ меня всѣ признаки юности.

— Что же ты дѣлалъ въ теченіи этихъ десяти лѣтъ, по выходѣ изъ училища, о, многосторонній человѣкъ?

— Всѣ десять лѣтъ гранилъ свои бока объ адамантъ.

— И что же,—началъ ли твой брилліантъ воспринимать блескъ и отражать его?

— Нѣтъ, онъ пока все еще тусклъ.

— Но какъ же ты нашелъ жизнь, благосклонною къ себѣ, или суровою?

— Разумѣется не благосклонною, но и не суровою, если только равнодушіе можно назвать суровостью.

— Но равнодушіе, отсутствіе сочувствія все-таки, мнѣ кажется, должны служить для тебя положительной отрадой послѣ той суровости, которая такъ постоянно преслѣдовала твои юношескіе дни.

— А ты, Ричардъ, что дѣлалъ?

— Да дѣлалъ то, что дѣлаютъ всѣ нынѣ... искалъ наконецъ золота.

— И я искалъ его, искалъ всего, кромѣ граненья алмазовъ.

— Искоренять ложь и насаждать истину, — это, мой другъ, старая работа.

— Прибавь еще—и скучная. Я прорывалъ подземные ходы, чтобы вырваться изъ темницы сомнѣній на открытое, свободное поле вѣрованій.

— Значитъ, ты наконецъ вырвался, и значитъ, ты теперь счастливъ и спокоенъ душой.

— Спокоенъ, пожалуй, — но едва ли счастливъ. Согласись самъ, можетъ ли назвать себя счастливымъ такое одинокое существо, какъ я?

— Относительно нашихъ потерь, мы съ тобой, кажется, ровни. Изъ моихъ родныхъ не осталось ни души, кромѣ двухъ малютокъ родной сестры.

— Ну такъ мы съ тобой не совсѣмъ еще ровни. Для тебя, по крайней мѣрѣ, остались еще нѣжныя воспоминанія о родныхъ, а я лишенъ даже и этого утѣшенія.

Такой разговоръ съ старымъ другомъ, послѣ десятилѣтней съ нимъ разлуки, можетъ показаться страннымъ. Намъ бы слѣдовало встрѣтиться въ болѣе веселомъ настроеніи духа, и мы бы такъ встрѣтились, еслибъ разлучились унося съ собой счастливыя воспоминанія. Но не такъ это было. Юность для Брента была самой суровой порой его жизни. Если судьба предопредѣляетъ человѣку такое поприще, на которомъ онъ долженъ учить другихъ, то прежде всего, она заставляетъ его самого учиться, — заставляетъ его выучить самые горькіе уроки,—все равно, будутъ ли они согласоваться съ его желаніемъ или нѣтъ. Брентъ былъ человѣкъ геніальный. Вся опытность, поэтому, тяготѣла надъ нимъ. Онъ пріобрѣталъ безсмертныя утѣшенія, испытывая на себѣ всякаго рода страданія.

Исторія Брента, если хотите, можетъ быть и слишкомъ длинна, и слишкомъ коротка. Ее можно разсказать на одной страницѣ, или въ нѣсколькихъ томахъ. Мы встрѣчались съ нимъ четырнадцать лѣтъ

тому назадъ на одной и той же скамьѣ въ домашней церкви берклейской школы, гдѣ подлѣ насъ лежали учебники, а впереди — стояли воспитатели;—мы были отличнѣйшими учениками. Брентъ былъ изнѣженный, хорошенькій, мечтательный мальчикъ. Я представлялъ собою совершенную противоположность. Я былъ простая проза и сильно нуждался въ поэтическомъ элементѣ. Мы сдѣлались друзьями. Я былъ постояненъ,—онъ вѣтренъ. Я былъ счастливъ по своему,—онъ совершенно напротивъ. И его несчастію была основательная причина.

Причина эта заключалась въ слѣдующемъ: — всякую другую натуру, кромѣ натуры Брента, она привела бы въ отчаяніе. Его сердце было создано изъ такого вещества, которое не допускало отчаянія.

Причиною бѣдствія Брента былъ докторъ Сверджеръ. Высокопочтенный докторъ Сверджеръ былъ звѣрь, не человѣкъ. Кто держится убѣжденія, что Богъ есть каратель нашихъ грѣховъ, тотъ весьма естественно подражаетъ своему Богу, но забывая въ то же время всю безпредѣльность Его милосердія, онъ безконечно удаляется отъ своего образа.

Сверджеръ былъ вотчимъ Брента. Мистриссъ Брентъ была мила, простовата, богата и вдова. Сверджеръ непремѣнно желалъ, чтобы жена его была хороша собой, но въ то же время не слишкомъ умна, и чтобы ея богатство заглушало нѣкоторымъ образомъ то непріятное сознаніе, что она была вдова.

Весьма естественно, Сверджеръ ненавидѣлъ своего пасынка. При одномъ ясномъ взглядѣ Брента, убѣжденія всей жизни Свердржера теряли все свое значеніе. Всякій ревнитель христіанства поступитъ совершенно нелогично, если приметъ въ основаніе своего ученія одинъ только адъ, дьяволовъ, населяющихъ этотъ адъ, и первоначальный грѣхъ,—умалчивая о той благодати, которая дарована христіанству Искупителемъ рода человѣческаго. Къ счастію, такихъ нелогичныхъ людей—не много. Но Свердженръ не былъ лишенъ логики. Да и Брентъ одаренъ былъ логикой, истекающей изъ правдиваго, чистаго, любящаго сердца. Онъ никакъ не могъ забыть вступленія Сверджера въ домъ покойнаго отца и обольщенія матери мрачнымъ его фанатизмомъ.

Такимъ образомъ Свердженръ далъ понять Бренту, что онъ исчадіе ада. Онъ заставилъ жену отступиться отъ своего сына. Мужъ и жена вмѣстѣ часто раздирали сердце несчастнаго юноши. А это былъ чудный, блестящій юноша,—лучшій изъ всѣхъ насъ. Всѣ его мысли, всѣ дѣйствія, противъ его воли, облекались въ мрачныя тучи. Для своего душевнаго спокойствія Брентъ не могъ найти лучшей рели-

гіи, кромѣ религіи Сверджера; впрочемъ, нельзя не сказать, что въ то время, быть можетъ, ему не представлялось другаго выбора.

Однажды дѣло дошло до ссоры. Сверджеръ проклялъ своего пасынка, само собою разумѣется, не въ такихъ выраженіяхъ, какія употребляются матросами на пристаняхъ, но въ томъ же духѣ. Загнанная мать поддерживала мужа и бросила сына. Они выгнали его изъ дому на всѣ четыре стороны. Брентъ пришелъ ко мнѣ. Я уступилъ ему половину своего помѣщенія и старался его утѣшить. Безполезно. Эта горькая несправедливость, оказанная его любви къ Богу и человѣку, убивала его. Онъ задумывался и приходилъ въ отчаяніе. Онъ уже начиналъ считать себя погибшей душой, какъ называлъ его Сверджеръ. Я видѣлъ, что онъ или умретъ, или сойдетъ съ ума; а если бы у него и осталось достаточно силъ для возбужденія реакціи, то эта реакція приняла бы направленіе къ безнадежному возстанію противъ условныхъ законовъ общества и такимъ образомъ обратила бы его несчастіе въ совершенную гибель. Я посовѣтовалъ ему какъ можно скорѣе отправиться въ Европу, для перемѣны сцены. Это было десять лѣтъ тому назадъ, и послѣ того мы съ нимъ не видѣлись. Я зналъ, однако, что совѣсть терзала его мать, что она желала примириться съ сыномъ, что Сверджеръ отказалъ ей въ этомъ утѣшеніи и повторилъ свои проклятія; что онъ вогналъ эту бѣдную женщину въ могилу; что Бренту пришлось вырвать изъ рукъ этого звѣря свое имѣніе послѣ продолжительнаго судебнаго процесса, который послѣдователи Сверджера считали несовмѣстнымъ съ конституціонными правами, считали чисто адскимъ дѣйствіемъ,—новымъ доказательствомъ совершеннаго отсутствія доброй нравственности. Жалкое дѣло! Не много недоставало, чтобы окончательно подавить всю невинность, вѣру, надежду и религію въ душѣ моего друга.

Само собою разумѣется, что купленная такою дорогою цѣною опытность клонилась къ тому, чтобы свести Брента съ обыкновеннаго пути, сдѣлать его мыслителемъ вмѣсто дѣятеля. Простолюдинъ не можетъ понять, что если человѣку, по характеру и обстоятельствамъ, дѣйствующимъ совокупно подъ именемъ судьбы, опредѣлено быть ясновидящимъ, онъ долженъ видѣть конецъ прежде, чѣмъ начнетъ передавать намъ свои видѣнія, чтобы вполнѣ быть нашимъ руководителемъ, наставникомъ и помощникомъ. Поэтому грубые необразованные люди называли Брента человѣкомъ потеряннымъ для жизни, манкированнымъ геніемъ, безцѣльнымъ резонеромъ, пустымъ мечтателемъ. Необразованный человѣкъ любитъ рѣшать прежде времени.

Такимъ образомъ Брентъ въ юности и зрѣломъ возрастѣ вынесъ тяжелое испытаніе. Я зналъ о его карьерѣ, хотя мы и не встрѣчались. Онъ желалъ и дѣлалъ попытки, быть можетъ и преждевремен-

но, извлечь положительную пользу изъ своихъ прекрасныхъ дарованій. Онъ хотѣлъ составить народный молитвенникъ,—но приверженцы Сверджера признали его молитвы языческими. Онъ хотѣлъ самыя священнѣйшія народныя пониманія облечь въ форму поэзіи,—но они назвали его поэзію нечестивою. Ему хотѣлось вызвать молодыхъ людей своего времени къ болѣе искренней поддержкѣ истинной свободы и къ болѣе глубокому отверженію всевозможнаго рабства, и такимъ образомъ сохранить благородство и великодушіе;—циники смѣялись надъ нимъ; они говорили, что этотъ дѣтскій пылъ пройдетъ, что ему слѣдовало бы жить до появленія Баярда, — и наконецъ, что дикія идеи, которыя онъ проповѣдывалъ и проводилъ въ своихъ сочиненіяхъ съ такой неумѣстной горячностью, вовсе не соотвѣтствовали девятнадцатому столѣтію, практической странѣ и практическому вѣку.

Брентъ оставилъ свой трудъ. Пылъ юности остылъ въ немъ. Наступилъ переходный періодъ отъ юношества къ мужеству. Онъ снова покинулъ свои незрѣлыя попытки сдѣлаться общественнымъ дѣятелемъ и снова обратился въ мыслителя. У человѣка на третьемъ десяткѣ наблюдательность становится главнымъ занятіемъ; чѣмъ меньше ораторъ говоритъ о своихъ результатахъ до тридцати лѣтъ, тѣмъ лучше, если только онъ не захочетъ отказаться отъ своихъ словъ, или поддержать устарѣлыя формулы. Брентъ открылъ это, и блуждалъ по свѣту попрежнему, безъ цѣли, безъ намѣренія, какъ говорили шарцѐ, занимаясь своими собственными дѣлами и собирая факты. Имѣя состояніе, онъ былъ независимъ. Онъ могъ располагать собой какъ ему угодно.

Вотъ этотъ-то самый человѣкъ и подъѣхалъ на темно-сѣромъ конѣ. Это-то и былъ индо-саксонецъ, который привѣтствовалъ меня. Встрѣча съ нимъ освѣжила и одушевила мою одинокую унылую жизнь.

— Развѣ ты ѣдешь куда, старый товарищъ?—сказалъ Брентъ, показывая хлыстикомъ на мои узлы: — не слыхать визга, но я увѣренъ, что въ этомъ мѣшкѣ сидитъ поросенокъ, а въ этомъ — мука. Надѣюсь, ты уѣзжаешь не далеко, особливо теперь, когда я собрался погостить у тебя.

— Какъ бы тебѣ сказать,—не дальше дома—за степями.

— Браво! тогда нѣтъ надобности и мнѣ оставаться здѣсь,—поѣдемъ вмѣстѣ. Вмѣсто того, чтобы мнѣ поучиться у тебя разработкѣ кварца, я буду твоимъ проводникомъ черезъ Скалистыя горы.

— А развѣ ты знаешь эту дорогу?

— Каждый шагъ. Прошлой осенью я съ однимъ пріятелемъ англичаниномъ охотился на всемъ пространствѣ отъ Старой Мексики

до Новой. Наша главная зимняя квартира была у капитана Руби въ фортѣ Ларами; мы всю зиму бродили по этому околодку, и побывали въ горахъ Уиндриверъ. Ранней весною мы отправились къ Люггарнельскому ущелью и Люггарнельскимъ источникамъ, и тамъ цѣлый мѣсяцъ прожили въ палаткахъ.

— Люггарнельское ущелье! Люггарнельскіе источники! Для меня это совершенно новыя названія; впрочемъ, мои свѣдѣнія о Скалистыхъ горахъ, можно сказать, равняются нулю.

— Тебѣ слѣдуетъ видѣть ихъ. Люггарнельское ущелье — это одно изъ чудесъ здѣшняго материка.

Дѣйствительно,—увидѣвъ ихъ, я составилъ себѣ точно такое же понятіе. Странно однако, что по какой-то необъяснимой случайности, какъ впослѣдствіи я припоминалъ, первымъ предметомъ нашего разговора именно было то мѣсто, гдѣ намъ въ скоромъ времени пришлось дѣйствовать и страдать.

— Названіе Люггарнель звучитъ чѣмъ-то французскимъ, сказалъ Брентъ.

— Да, это испорченное La Grenouille. Когда-то былъ въ тамошнихъ краяхъ знаменитый канадскій охотникъ этого имени или прозвища. Онъ первый открылъ источники. Къ нимъ ведетъ ущелье, такое величественное, какъ Via Mala. Когда нибудь я опишу тебѣ его подробнѣе.

— А кто былъ твой пріятель — англичанинъ?

— Сэръ Байронъ Бидолфъ, отличный малый: краснощекій, съ теплымъ сердцемъ, съ крѣпкими ногами, отважный охотникъ.

— И что же, онъ вѣрно охотился изъ любви къ охотѣ?

— Нѣтъ, собственно изъ-за любви, или изъ-за недостатка любви. Какая-то хорошенькая леди въ его родномъ Ланкаширѣ не захотѣла ему улыбнуться, и онъ пустился истреблять буйволовъ, медвѣдей и лосей.

— Называлъ онъ эту «прекрасную, но холодную дѣву»?

— Никогда. Повидимому съ ея судьбой соединяется что-то несчастное или трагическое. Она не любила его, и онъ удалился, чтобы позабыть ее. Онъ не дѣлалъ изъ этого тайны. Въ прошломъ іюлѣ, по дорогѣ взглянуть на Калифорнію, мы прибыли въ Утахъ. Тамъ онъ получилъ письма изъ дому, въ которыхъ, какъ онъ говорилъ мнѣ, извѣщали, что этой леди грозило какое-то несчастіе. Какъ другъ, хотя уже и не какъ любовникъ, онъ вызвался сдѣлать съ своей стороны все, что только могъ, для устраненія опасности. Я оставилъ его у Соленаго-Озера въ приготовленіяхъ къ обратному пути, а самъ отправился сюда одинъ.

— Одинъ! черезъ страну дикихъ индійцевъ, съ такимъ соблазни-

тельнымъ сѣрымъ конемъ, съ такими соблазнительными чемоданами, съ такимъ соблазнительнымъ черепомъ! Мнѣ кажется, видъ твоей головы произвелъ бы радостный трепетъ въ сердцахъ индійцевъ отъ Медвѣжьей рѣки до Колумбійскихъ долинъ! Впрочемъ, можетъ статься, ты уже скальпированъ и потому тебѣ опасаться нечего?

— Нѣтъ; какъ видишь, на черепѣ моемъ все обстоитъ благополучно. Какъ бы я желалъ сказать то же самое о томъ, что находится подъ черепомъ. Индійцы меня не тронутъ. Ты знаешь, я самъ полудикій. Въ этой и моей прежней поѣздкѣ я представлялъ собою привилегированную личность, нѣчто въ родѣ медика.

— Полагаю, ты умѣешь объясняться съ ними. Ты всегда отличался способностью усвоивать чужіе языки.

— Да, я усвоилъ себѣ ихъ гортанныя нарѣчія, и могу болтать съ ними также свободно, какъ бывало прежде болтали трехстопные ямбы. Мнѣ нравится этотъ народъ. Это не идеальные герои; имъ еще не удалось развить какую нибудь цивилизацію, какъ не удалось еще привить и нашей, а потому, я полагаю, они должны пасть, какъ падаютъ сосны, чтобы очистить мѣсто для болѣе твердыхъ и плодоносныхъ деревьевъ; все-таки мнѣ нравится этотъ народъ, и я право не вѣрю въ ихъ чисто чертовскія наклонности. Я съ ними всегда былъ хорошъ, за то и они были хороши со мной. Я люблю настоящаго человѣка; если индіецъ что нибудь знаетъ, такъ знаетъ ужь вполнѣ, и это знаніе становится частицей его самого. Для искусственнаго человѣка весьма полезно, когда онъ, при затруднительныхъ обстоятельствахъ, сознаетъ себя далеко не такимъ созданіемъ, какъ дитя природы. Безъ сомнѣнія, тебѣ это извѣстно не хуже моего.

— Да, мы, непосѣды, искатели счастія, близко сродняемся съ матерью-природой, и она учитъ насъ ласково или сурово, но всегда вѣрно и вполнѣ. Да скажи, между прочимъ, какъ ты меня отыскалъ?

— Вчера вечеромъ на одной изъ стоянокъ нѣсколько Пайковъ разсуждали о какомъ-то господинѣ, который промѣнялъ свой пріискъ на необыкновенную лошадь. Я спросилъ имя. Они назвали тебя и указали мнѣ дорогу. Не будь этого разговора, я бы отправился въ Санъ-Франциско, и мы бы не встрѣтились.

— Счастливый конь! Онъ сводитъ старыхъ друзей, — доброе предзнаменованіе! Пойдемъ посмотрѣть его.

ГЛАВА V.

ЧЕРЕЗЪ СТЕПИ.

Я привелъ моего друга къ корралю.

— У тебя славный конь этотъ темно-сѣрый, сказалъ я.

— Да, отличный — крѣпокъ и вѣренъ! Онъ будетъ идти, пока не издохнетъ.

— Въ добавокъ, онъ у тебя въ хорошемъ тѣлѣ. Какъ его имя?

— Помпсъ (*).

— Къ чему же помпы? Почему не поршни? почему не коромысло или балансиръ? почему вообще не какая нибудь часть машины, дѣйствующей по прямому направленію?

— Неужели ты не догадываешься? Я назвалъ его въ честь нашего стараго танцмейстера. Помпсъ-конь имѣетъ какую-то граціозную иноходь, какъ двѣ капли воды похожую на эластическую походку, которую Помпсъ-танцоръ поставлялъ намъ въ образецъ—какую-то мелкую рысь, которая сначала мнѣ не нравилась, до тѣхъ поръ, пока я не узналъ его размашистаго шага въ то время, когда въ немъ оказывалась надобность.

— А вотъ и мой вороной джентльменъ. Что ты о немъ думаешь?

Донъ-Фулано подбѣжалъ ко мнѣ и подобралъ съ моихъ рукъ пригоршню овса. Мѣра овса стоила тогда четыре доллара. Доходы съ моего пріиска не дозволяли подобной роскоши. Но старый Герріанъ подарилъ мнѣ цѣлый мѣшокъ.

Фулано съѣлъ овесъ, фыркнулъ, въ знакъ благодарности, и потомъ, взглянувъ на незнакомаго человѣка, понюхалъ сначала вопросительно, а вслѣдъ затѣмъ одобрительно.

— Буцефалъ душой и тѣломъ, сказалъ Брентъ. — Четвероногое, которое смѣло можетъ называться конемъ.

— Не правда ли? сказалъ я съ какимъ-то трепетнымъ удовольствіемъ.

— Одинъ видъ такого красавца—просто романъ. Въ жизнь свою не видывалъ я ничего прекраснѣе.

— Безъ всякихъ исключеній?

— Безъ единаго.

— А женщина! очаровательная женщина! вскричалъ я съ сильнымъ одушевленіемъ.

— Если бы я встрѣтился съ женщиной, которую, говоря относительно, можно было бы сравнить съ этой лошадью, меня бы здѣсь не было.

— Гдѣ же бы ты былъ?

— Тамъ, гдѣ и она. Жилъ бы для нея и за нее бы умеръ. Я бы берегъ ее, какъ сокровище; я бы вырвалъ ее изъ челюстей смерти.

— Постой, постой! Ты говоришь съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто видишь передъ собою живую сцену.

(*) Pumps — помпы.

— Твой конь приводитъ мнѣ на память всѣ прочитанныя мною рыцарскія сказки. Если бы теперь были времена рыцарства и если бы таких двa брата по оружію, какъ ты и я, вздумали вырывать несчастныхъ дѣвъ изъ когтей гнусныхъ негодяевъ, намъ непремѣнно бы слѣдовало имѣть такихъ коней, какъ Донъ-Фулано, чтобы казнить этихъ негодяевъ.

— Этотъ конь стоилъ мнѣ двухлѣтняго труда, продолжалъ я. — Какъ ты думаешь, это дорого? стоитъ онъ того?

— Всякая вещь всегда стоитъ того, что за нее заплачено. Иногда случается, что вещь и цѣна ея находятся между собою въ обратномъ отношеніи. Вѣдь уже доказано фактомъ, что цѣна всей жизни есть смерть. Іаковъ служилъ семь лѣтъ за безобразную жену, — почему же другому не прослужить двухъ лѣтъ за прекрасную лошадь?

— Однако Іаковъ получилъ впослѣдствіи хорошенькую жену, когда онъ высказалъ неудовольствіе.

— Быть можетъ, получишь и ты. Если бы Звѣзда гарема Султана Бригама увидѣла тебя гарцующимъ на этомъ конѣ, она вскочила бы къ тебѣ на сѣдло и произвела бы мракъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она свѣтила.

— Я не намѣренъ развивать вкусъ мормонскихъ дѣвъ.

— Я думаю. Вѣдь это общество второй руки. Но развѣ нельзя представить себѣ несчастную дѣвушку съ безтолковымъ отцомъ; какой нибудь старикашка, который отжилъ у себя въ домѣ всѣ надежды, забравъ себѣ въ голову, что въ его лицѣ соединяется и Мельхиседекъ, и Моисей, и Авраамъ, отправился въ Утахъ, управляемый какимъ нибудь безпутнымъ старшиной, которому захотѣлось имѣть эту дѣвушку тринадцатой женой. Вотъ превосходный случай отличиться для тебя и для Донъ-Фулано. Я обѣщаю тебѣ свою помощь и помощь Помпса, если ты вздумаешь увезти чью нибудь жену изъ Новаго Іерусалима во время нашего проѣзда.

— Я полагаю, намъ не надо терять времени, если желаемъ добраться до Миссури до зимы.

— Правда. Мы двинемся, какъ скоро ты будешь готовъ.

— Завтра утромъ, если хочешь.

— Идетъ.

Итакъ, рѣшено было отправиться завтра. Имѣя товарища, мнѣ не было надобности дожидаться почтальоновъ. И слава Богу, что я не дожидался ихъ. Они прибыли спустя три дня послѣ нашего отъѣзда. На рѣкѣ Гумбольдтъ ихъ встрѣтили индійцы, и принудили ихъ разстаться съ маковками, въ знакъ уваженія къ индійской цивилизаціи.

Мы тронулись съ мѣста въ составѣ двухъ человѣкъ и семи животныхъ. Какъ я, такъ и мой товарищъ имѣли по одному вьючному ослу, по одному дорожному пони, съ однимъ такимъ же запаснымъ, на случай несчастія, могущаго встрѣтиться съ которымъ либо изъ братіи.

Помпсъ и Фулано, такіе же добрые друзья, какъ и ихъ господа, шли порожнемъ. Мы садились на нихъ рѣдко, и то только для того, чтобы напоминать имъ о сѣдлѣ, и чтобы они не боялись висящихъ по бедрамъ ихъ ногъ. Ихъ необходимо нужно было беречь, на тотъ конецъ, если бы намъ пришлось бѣжать отъ какой нибудь опасности. А это могло случиться; индійцы могли позавидовать нашимъ мустангамъ. Другія лошади не въ состояніи были бы этого вынести. Такъ Помпсъ, съ своей фантастической иноходью, отъ которой бы не пострадалъ даже кузнечикъ, и Фулано болѣе величественный, болѣе гордый и только одному мнѣ покорный, шли въ ожиданіи, когда для нихъ наступитъ время дѣйствія.

Я пропускаю первую тысячу миль нашего путешествія не по недостатку въ немъ возбужденій, но потому, что онъ былъ очень обыкновененъ. Такія путешествія сдѣланы тысячами людей. Это старая исторія. Быть можетъ, я могъ бы сдѣлать изъ этого и новую исторію; но я спѣшу на то именно мѣсто, гдѣ нашей драмѣ суждено было разыграться. Представленіе на время пріостанавливается, а пока передвигается сцена.

Для меня этотъ пропускъ или прыжокъ въ тысячу миль пополняется однимъ существомъ. Я вижу Брента каждую минуту, на каждомъ шагу. Это былъ образцовый товарищъ.

Только въ лагерной походной жизни человѣкъ узнается вполнѣ. Общій трудъ, лишенія, опасности, безсмѣнная походная ветчина, прѣсныя лепешки, и кофе безъ всякихъ приправъ, ежедневно служатъ пробнымъ камнемъ для испытанія ровности характера. Двумъ собесѣдникамъ весьма не трудно быть любезными, сидя въ клубѣ за столомъ, накрытымъ бѣлой скатертью. Если имъ скучно, обѣденная карта доставитъ имъ развлеченіе, если они не въ духѣ, они могутъ побранить буфетчика, если угрюмы, то ихъ можетъ развеселить вино, если они надоѣли другъ другу окончательно и безнадежно, то могутъ обмѣняться сигарами и разстаться навсегда, оставаясь все-таки друзьями; поддѣльное товарищество исчезаетъ, когда carte du jour ничего въ себѣ не содержитъ, кромѣ porc frit au naturel, damper à discretion и café à rien, т. е. вѣчно одно и то же въ простые дни и въ праздники, всегда на разостланномъ одѣялѣ и всегда на землѣ.

Брентъ и я выдержали это испытаніе. Это былъ образцовый товарищъ, рыцарь, поэтъ, охотникъ, натуралистъ и поваръ. Если

предстояла надобность въ какомъ нибудь знаніи, искусствѣ, ремеслѣ, фокусѣ или даже напряженіи умственныхъ способностей, то всегда казалось, какъ будто Брентъ посвятилъ всю свою жизнь на доскональное изученіе каждаго изъ этихъ предметовъ. Бывало выскочитъ изъ-подъ своего одѣяла послѣ ночлега подъ открытымъ небомъ, пропоетъ импровизованный хвалебный гимнъ восходящему солнцу, набросить эскизы утренней природы съ гористой и туманной далью, выстрѣлитъ по сѣрому волку, вложитъ въ гербарій новое растеніе, пришпилитъ новую букашку и уже потомъ, склонясь на мураву безлюдной пустыни, весело начнетъ разговаривать за нашимъ завтракомъ, который онъ самъ же приготовитъ не хуже всякаго Сойера, разнообразя нашу бесѣду описаніемъ Эдема, Сибариса, жертвоприношеній Ахиллеса, столовыхъ Лукулла, механическихъ столовъ знаменитаго отеля Oeil de Boeuf и маленькихъ уютныхъ кабинетиковъ не менѣе знаменитаго отеля Frères Provençaux, цивилизованныхъ обѣдовъ, гдѣ умъ и остроуміе сходятся, чтобы блеснуть ради всего прекраснаго, такъ что наша скудная провизія превращалась во что-то вкусное и роскошное; кусочки поджаренной ветчины становились павлиньими языками, каждый кусочекъ вязкой лепешки обращался въ vol au vent, а кофе, который никогда не видѣлъ ни молока, ни сахару, принималъ вкусъ такого божественнаго напитка, какого никогда и никто изъ боговъ не вкушалъ на солнечныхъ вершинахъ Олимпа. Подобный чародѣй неоцѣненъ. Всякій предметъ, подвергавшійся его анализу, сейчасъ же показывалъ свою блестящую сторону. Затрудненія прятались отъ него. Опасность трепетала подъ его взглядомъ.

Ничто не могло охладить его энтузіазма. Ничто не могло потушить его пылкости. Ничто не могло утомить его энергіи. Онъ никогда не ворчалъ, никогда не дулся, никогда не придирался, никогда ни отъ чего не отступалъ. Морозныя ночи на вершинахъ Сіерры Невады старались вогнать въ него ломоту; утренніе туманы въ долинахъ истощали всѣ свои силы для его охлажденія; проливные дожди промачивали его насквозь, когда онъ сидѣлъ на сѣдлѣ, или обращали его въ болотистый островъ среди грязнаго озера, когда онъ завертывался въ одѣяло на нашихъ бивуакахъ. Стихіи! ваши усилія напрасны; Брентъ для васъ былъ недоступенъ. Онъ смѣется прямо въ безобразное лицо всякихъ трудностей.

Я не знавалъ еще человѣка, который былъ бы такъ близокъ къ природѣ, какъ Брентъ. Но не въ смыслѣ артиста. Артистъ съ трудомъ иногда можетъ избѣгнуть нѣкоторой техничности. Онъ смотритъ на природу сквозь очки избраннаго имъ жанра. Онъ любитъ мглу и ненавидитъ свѣтъ; онъ стремится къ ручейку и бѣжитъ отъ

мрачныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ; онъ восхищается лугами и скирдами сѣна, и страшится безпредѣльныхъ степей и господствующаго надъ ними снѣжнаго пика. Даже величайшіе артисты впадаютъ въ ошибку, которой избѣгаютъ только великіе изъ величайшихъ, приспособляя природу къ себѣ, а не себя къ природѣ. Брентъ передъ природой походилъ на юношу передъ своей обожаемой дѣвой. Она была постоянно предметомъ его любви, въ какомъ бы настроеніи ни находилась; въ какомъ бы ни была она нарядѣ, облеченная ли туманомъ или солнечнымъ блескомъ, она была неизмѣнно прекрасна; и слезы ея и улыбки—одинаково очаровательны; она прекрасна въ своемъ величіи, въ своей нѣжности, въ своей простотѣ; небрежна въ своемъ одѣяніи и чрезъ это самое еще прелестнѣе, чѣмъ въ изысканномъ и искусственномъ нарядѣ; грубо могущественна и впечатлительна,—будто какая нибудь дикая царица.

Страну, разстилающуюся между пріисками Фулано и Большимъ Солянымъ озеромъ, нельзя назвать очаровательной. Большія пространства ея состоятъ изъ пыльныхъ степей, изъ унылыхъ равнинъ, поросшихъ дикимъ шалфеемъ, самымъ жалкимъ растеніемъ тамошней флоры, изъ дикихъ утесистыхъ горъ. Мрачная, безлюдная, безпредѣльная пустыня. Здѣсь нѣтъ веселыхъ, привлекательныхъ пейзажей, васъ окружаетъ невозмутимое, ненарушимое, торжественное безмолвіе. Здѣсь вы не составите себѣ идеи о сельской жизни, о кроткой, сжатой, покорной цивилизаціи, которая бродитъ передъ вашими окнами, по вашимъ уютнымъ садамъ и лелѣетъ ваши мелкія удовольствія. Эта страна возбуждаетъ невольное движеніе впередъ и впередъ, такъ что истый лондонскій житель, въ жизнь свою не видавшій ничего, кромѣ каменныхъ зданій, и тотъ бы не устоялъ противъ требованій здѣшней природы. Здѣсь она не предписываетъ человѣку низойти на уровень хлѣбопашца. Хлѣбопашцы могутъ оставаться въ скучныхъ безпредѣльныхъ воздѣланныхъ поляхъ *средней* Америки. Эти безлюдныя степи, перерѣзанныя обнаженными горами, какъ будто созданы для привольной жизни бедуина.

Да;—дѣйствительно страна эта скучная; но массивныя бѣлыя облака въ полдень великолѣпнаго сентября, румяная заря впереди, алѣющіе сумерки позади, туманныя очертанія горныхъ вершинъ на дальнемъ горизонтѣ и рѣзкія контуры ближайшихъ горъ, звѣзды, освѣщающія нашъ бивуакъ, луна, затемняющая блескъ этихъ звѣздъ—все это имѣло свое величіе, тѣмъ большее, что каждое явленіе представлялось просто и отдѣльно и вызывало созерцаніе и любовь съ такою силою, какой не въ состояніи возбудить роскошь и великолѣпіе другихъ ландшафтовъ.

Въ это время я научился любить Джона Брента возмужалаго,

какъ я любилъ его мальчикомъ,—какъ зрѣлый мужчина можетъ полюбить мужчину. Я никогда не знавалъ болѣе совершеннаго союза сердецъ, кромѣ этой дружбы. Въ моей перемѣнчивой любви къ женщинамъ ничего не было столько нѣжнаго. Наши мысли были одинаковы, но взгляды на вещи различны, — и мы никогда изъ-за этого не ссорились. Такая дружба возвышаетъ жизнь.

И такъ я перевожу нашъ маленькій отрядъ черезъ первую половину его путешествія. Я не хочу останавливаться надъ описаніемъ Утаха ни даже ради его арбузовъ, хотя это трехцвѣтное лакомство какъ нельзя болѣе услаждало наши засохшія гортани во время переѣзда долины отъ Бокеъ Элдеръ, самой сѣверной колоніи, до города Большаго Соленаго Озера.

Во время отдыха, продолжавшагося нѣсколько дней, мы изучили досконально цивилизацію Мормоновъ, и въ одинъ великолѣпный день въ началѣ октября, лошади и люди съ свѣжими силами и съ веселымъ духомъ выѣхали изъ Мекки новѣйшаго времени.

ГЛАВА VI.

ДЖЕКЪ ШАМБЕРЛЭНЪ.

Если небесный климатъ своей прелестью похожъ на американскій октябрь, то я заранѣе принимаю тамъ мѣсто и записываюсь въ число обитателей на вѣчныя времена.

Климатъ лучшаго пояса въ Америкѣ какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ своему назначенію. Это назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы постоянно поддерживать въ человѣкѣ неутомимую дѣятельность. И потомъ, когда знойное лѣто окончитъ свое дѣло, когда годъ переполнитъ урожаемъ всѣ житницы,—тогда для очаровательной роскоши отдохновенія наступаетъ зрѣлый октябрь, съ своимъ золотистымъ дремлющимъ воздухомъ. Атмосфера становится осязательнымъ сіяніемъ солнца. Каждый листикъ въ лѣсу перемѣняется въ блестящій цвѣтокъ. Самые лѣса роскошны и великолѣпны, но уже блескомъ своимъ не тяготятъ зрѣнія. Ничто не нарушаетъ спокойнаго богатаго чувства времени. Октябрь—это очаровательный праздникъ года.

Въ такую-то пору года мы пробирались черезъ пустынныя ущелія Васатчскихъ горъ, — ограничивающихъ Утахъ на востокѣ. Мы проѣхали Ико Каннонъ, другіе узкіе проходы и неровныя тяжелыя дороги, чрезъ которые Мормоны, эти праведники новѣйшаго времени, прокладываютъ себѣ путь къ своему Сіону.

Мы встрѣчали ихъ большими толпами, тяжело работавшими надъ этой прокладкой. Лѣтняя эмиграція Мормоновъ начинала всту-

нать въ свои предѣлы. По ихъ наружности, никто бы не рѣшился согласиться съ ихъ притязаніями на святость. Если они, кромѣ своей одежды, не имѣли лучшаго паспорта, то:—Прочь! Procul este profani! вскричалъ бы вѣрный привратникъ Сіона. Праведные, сколько мнѣ извѣстно, бываютъ чисты,—не ходятъ въ лохмотьяхъ, даже не носятъ заплатъ. Ихъ одѣянія возобновляются сами собою, не пропускаютъ дождя, подобно макинтошамъ, отбрасываютъ пыль, устраняютъ непріятный запахъ. Эти же праведники-самозванцы требовали безконечнаго омовенія какъ тѣлесъ своихъ, такъ и своего одѣянія. Когда можно было, мы объѣзжали ихъ съ навѣтренной стороны. Жалкія созданія! намъ не разъ еще придется встрѣчаться съ ними.

Мы спѣшили, потому что нашъ путь былъ продолжителенъ, а дней гостепріимной осени оставалось немного. У самой подошвы тѣхъ голыхъ, неуклюжихъ, курганообразныхъ горъ, черезъ которыя Васатчская цѣпь стушовывается съ обширными равнинами, тянущимися между этой цѣпью и Скалистыми горами, мы нагнали почтовую партію съ Соленаго Озера, направлявшуюся къ востоку. Она состояла изъ восьми или десяти человѣкъ, четырехъ конныхъ повозокъ и нѣсколькихъ лошадей и муловъ въ запасѣ для смѣны.

— Если эту партію ведетъ Джекъ Шамберлэнъ, сказалъ Брентъ, когда мы увидѣли ее на открытомъ пространствѣ: — мы присоединимся къ ней.

— Кто этотъ Джэкъ Шамберлэнъ?

— Это малый на всѣ руки;—я встрѣчался съ нимъ во всѣхъ частяхъ свѣта и вездѣ узнавалъ его. Онъ былъ лондонскимъ полисменомъ, былъ рулевымъ на капитанской гичкѣ, которая перевезла меня на берегъ съ обѣда на британскомъ пароходѣ Файрфлай, въ Пиреѣ. Онъ былъ бѣльцомъ въ картезіанскомъ монастырѣ. Разъ какъ-то женился въ Бостонѣ на хорошенькой дѣвушкѣ, отправился на рыбную ловлю, и когда воротился, то нашелъ, что его хорошенькая дѣвушка сдѣлалась двумужницей. Это обстоятельство обратило его въ Мормона и многоженца. Онъ эмигрировалъ два или три года тому назадъ, и какъ смышленый малый, успѣлъ уже запастись порядочнымъ количествомъ земли, безчисленнымъ множествомъ быковъ и женъ. Бидолфъ и я, во время проѣзда нашего лѣтомъ, провели у него нѣсколько дней. Его ферма гдѣ-то внизу долины, по дорогѣ къ Прово. Онъ собственникъ полконтрактной цѣны по содержанію почтъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ городѣ мнѣ говорили, что въ эту поѣздку онъ отправляется самъ. Ты увидишь, сколько странныхъ элементовъ соединяется въ этомъ человѣкѣ.

— Повѣрю этому; — полисменъ, аколитъ, военный матросъ, —

мужъ янки, Мормонъ! Кончилъ ли онъ хоть на этомъ свои мытарства?

— Думаетъ, что кончилъ. Онъ довольно уменъ и имѣетъ хотя поверхностныя, но многостороннія познанія. Онъ говоритъ, что въ цивилизованномъ мірѣ только двѣ логичныя религіи—католическая и мормонская. Только эти двѣ и имѣютъ прочное основаніе. Его монашеская жизнь поссорила его съ католицизмомъ. Этотъ достойный почтенія Джекъ страшно къ нему непочтителенъ. Онъ называетъ католическихъ монаховъ скопищемъ старыхъ развратниковъ, запачканныхъ нюхательнымъ табакомъ. Онъ утверждаетъ, что безбрачіе ведетъ ко всякаго рода низкимъ порокамъ, и что одноженство его разочаровало, а потому ему вздумалось испытать мормонское откровеніе, многоженство и все прочее, и сдѣлаться ревностнымъ пропагандистомъ и увѣщевателемъ. Но если смотрѣть на этого человѣка, каковъ онъ есть, то въ немъ окажется множество прекрасныхъ качествъ.

Въ это время мы нагнали почтовую партію. Она подвигалась медленно. Мѣсто ночлега находилось въ недальнемъ разстояніи. Это была зеленая лужайка на берегу рѣки, мчавшейся по каменистому дну съ быстротой, сообщенной ей горнымъ паденіемъ—кажется Зеленая рѣка, — впрочемъ, Зеленая или Бѣлая, Крупнопесчаная или Мелкокаменистая, хорошенько не припомню. Въ этомъ отношеніи карта моихъ воспоминаній перерѣзана такимъ множествомъ потоковъ, быстро катящихся по безплоднымъ равнинамъ, что я смѣшиваю ихъ названія, такъ мало отличающіяся одно отъ другаго. Такіе однообразные источники было бы лучше всего обозначать нумерами, по примѣру монотонныхъ улицъ города, который еще слишкомъ молодъ, чтобы соединить съ ними какія нибудь историческія воспоминанія. Милыя, прекрасныя рѣки и ручьи Новой Англіи, тихо текущія по лугамъ и подъ вязами, падающія каскадами съ горныхъ откосовъ, выбѣгающія изъ-подъ темныхъ сосенъ на яркій свѣтъ полуденнаго солнца, и соединяющіяся наконецъ съ прозрачными тихими водами между рядами сѣверныхъ березъ, — они имѣютъ свои памятныя названія, дружескія и простыя, а иногда напоминающія грубые звуки туземныхъ дикарей. Такія рѣки, какъ Колорадо, Арканзасъ, Миссури, совсѣмъ избаловали меня, и я не придаю особеннаго значенія горнымъ протокамъ.

— Ало! Шамберлэнъ! окликнулъ Брентъ, поравнявшись съ партіей.

— Здорово! здорово!—Нѣтъ ли чего промѣнять? отвѣчалъ Джекъ по индійскому обыкновенію. Ослѣпните мои глаза, если я не радъ видѣть такого товарища изъ товарищей! Pax vobiscum mi filly! — Ты

смотришь такимъ свѣженькимъ, какъ апрѣльская форель. Да будетъ благословенъ Господь! продолжалъ онъ, переходя въ тонъ мормонскаго проповѣдника: — который снова забросилъ тебя сюда, какъ головню изъ пламени, чтобы раздѣлить путь блаженства вмѣстѣ съ праведниками, которые отправляются изъ своей обѣтованной земли въ страну, гдѣ окаянные язычники готовятъ души свои къ низверженію въ адъ.

Смѣшной наборъ словъ! и притомъ произнесенный по особому способу Джека. Дѣйствительно у него былъ свой собственный жаргонъ,—ругательства всѣхъ климатовъ и государствъ постоянно находились на кончикѣ его языка.

— Здравствуй, незнакомецъ! сказалъ онъ, обращаяся ко мнѣ. — Я чуть было не принялъ тебя за баронета.

— Это мой другъ, Ричардъ Уэйдъ, сказалъ Брентъ.

— Къ твоимъ услугамъ, братъ Уэйдъ, — радушно произнесъ Джекъ.—Если ты окажешься такимъ же славнымъ, такимъ отличнымъ изъ отличныхъ, какъ Джонъ Брентъ, я сейчасъ же мигну глазомъ, чтобы тебя свободно пропустили въ День судный,—все равно, язычникъ ты или нѣтъ. Я уже назначилъ брата Джона прямо въ рай; у брата Іосифа уже готова для него бѣлая одежда.

Мы ѣхали рядомъ съ Шамберлэномъ.

— Что ты хотѣлъ сказать давича? спросилъ мой другъ.—Ты назвалъ Уэйда баронетомъ.

— Я думалъ, что ты не оставишь его одного.

— Не понимаю. Я не видѣлъ его съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались. Я съѣздилъ въ Калифорнію и возвращаюсь оттуда.

— А баронетъ все это время разъѣзжалъ по долинѣ. Ему, кажется, суждено оставаться здѣсь. Быть можетъ, сердце его поколебалось, и онъ намѣренъ присоединиться къ избранному Богомъ народу. Десять дней тому назадъ, я оставилъ его на моей фермѣ возиться съ мохнатымъ медвѣжонкомъ, изъ котораго онъ хочетъ сдѣлать джентльмена. Нечего сказать, — славный выйдетъ джентльменъ, — пожалуй не хуже другихъ.

— Странно, очень странно! сказалъ Брентъ, обращаясь ко мнѣ. — Бидолфъ намѣревался отправиться домой, сейчасъ послѣ того, какъ мы разстались. Вѣрно онъ получилъ какое нибудь извѣстіе о лэди, отъ которой бѣжалъ.

— Вѣроятно, онъ нашелъ невозможнымъ довѣрить свои старыя раны ея попеченію. Хочетъ, чтобы его избитое, измученное сердце еще отдохнуло на годъ.

— Весьма быть можетъ. Жаль, что не знали, что онъ оставался

въ долинѣ. Мы бы утащили его съ собой. Славный малый! Лучше его не найти.

— Не вялый, не сырой, — какъ вообще англичане?

— Нѣтъ; въ теченіе года, проведеннаго въ Америкѣ, созрѣлъ совершенно.

— Надо полагать, что отдѣльныя лица также нуждаются въ здѣшней кухнѣ, какъ и цѣлыя расы.

— Да; я бы только желалъ, чтобы наша общественная кухня была не много понаучнѣе

— Все въ свое время. Мы пока должны отдѣлять вкусы одинъ отъ другаго, и не допускать, чтобы мясо, баранина или индюшка обливались одной и той же подливкой.

— Между тѣмъ нѣкоторые изъ моихъ соотечественниковъ до такой степени бываютъ недожарены или пережарены, что я рѣшительно потерялъ свой вкусъ къ нимъ.

— Подобнаго рода диспепсія очень скоро излечивается на здѣшнихъ равнинахъ. Ты, я увѣренъ, возвращаешься отсюда съ здоровымъ аппетитомъ. Описывалъ ли тебѣ твой пріятель даму своего сердца?

— Нѣтъ; видно было, что этотъ предметъ былъ слишкомъ тяжелъ и печаленъ для разговора. Я замѣчалъ, что обратиться къ этому предмету для него самаго стоило большихъ усилій.

— Должно быть тутъ участвовало непоколебимое сердце или сильная страсть.

— Послѣдняя. Такой храбрый молодецъ, какъ Биддолфъ, не ступитъ на мѣсто, съ котораго можно свернуться.

Въ это время мы подъѣхали къ лагерю, къ мѣсту, гдѣ предназначался ночлегъ.

Лошади прибыли первыя, за ними мы,—это законъ путешествій по равнинамъ. Лагерь долженъ имѣть:

1. Воду.
2. Подножный кормъ.
3. Топливо.

Это предметы первой потребности. Все прочее — роскошь.

Почтовая партія состояла изъ людей веселыхъ, но грубыхъ. Джекъ Шамберлэнъ былъ человѣкъ типичный. Встрѣчаться съ такими людьми пріятно, здорово, назидательно. Это также полезно, даже въ высшей степени, какъ полезно отправляться на медвѣжій conversazione, или на концертъ львовъ и тигровъ. Цивилизація, впрочемъ, смягчаетъ и эту расу. Не хорошо отчасти, что изъ нашего воспитанія исключаютъ тяжелые толчки и грубое обращеніе, необходимые для нашего ума и тѣла

Мы сѣли за ужинъ съ нашими новыми друзьями. После ужина закурили трубки и завели разговоръ о лошадяхъ, индійцахъ, охотѣ на медвѣдей, скальпированьѣ и другихъ звѣрскихъ обычаяхъ, которые еще не вывелись изъ бѣлаго свѣта.

ГЛАВА VII.

НА СЦЕНУ ЯВЛЯЮТСЯ ЗВѢРИ.

Солнце только что скрылось. Къ западу надъ высокой смежной горой нависли красныя тучи густаго тумана. По дорогѣ отъ Солена-го Озера подъѣхали два путешественника и развели огни вблизи отъ нашихъ. Общество въ этой пустынѣ увеличилось. Еще два семейства съ своими ларами и пенатами.

Общество непривлекательное. Это была свора злыхъ гончихъ собакъ. Одна тощая, похожая на волка, другая откормленная, съ широкими костями.

Одинъ былъ мускулистый, такой поджарый, взъерошенный и жестокій Пайкъ, который привыкъ грабить хижины, оскорблять женъ и окроплять табачнымъ настоемъ мертвое тѣло какого нибудь поселенца свободнаго штата въ Канзасѣ. Другой былъ хуже, потому что былъ хитрѣе. Невысокаго роста, коренастый, съ маслянистымъ краснымъ лицомъ, молодцоватый, съ претензіями на щегольство даже въ своемъ дорожномъ, заначканомъ платьѣ.

Оба они были верхами. Долговязый звѣрь сидѣлъ на темногнѣдой лошади, такой же длинной и костлявой, какъ онъ самъ, для которой все равно, былъ ли кормъ, или нѣтъ. Лошадь другаго была рыжей масти, плосколобая, тоже, какъ и ея хозяинъ, невысокаго роста, но крѣпкая и бойкая—это было животное, которое въ состояніи сдѣлать тысячу миль въ двадцать дней, или сто между восходомъ и закатомъ солнца. При нихъ были два легко навьюченныхъ мула. На одномъ было выжжено тавро: «А. А».

Недовѣріе и отвращеніе — это вѣрные, непогрѣшимые инстинкты. Сердце и самая жизнь человѣка отпечатаны на его лицѣ—для того собственно, чтобы служить предостереженіемъ или прелестью. Всегда обращайте вниманіе на этотъ божественный или демонскій отпечатокъ.

Брентъ сразу распозналъ незнакомцевъ, кивнулъ мнѣ, и сказалъ sotto voce:—какая славная пара головорѣзовъ! Пока они здѣсь, намъ нужно смотрѣть въ оба за нашими конями.

—Да, отвѣчалъ я, тѣмъ же тономъ:—на мой взглядъ они похожи на игроковъ изъ Сакраменто, которые кого нибудь уходили и теперь даютъ тягу, спасая свою жизнь.

— Кассій изъ этой пары довольно гадокъ, сказалъ Брентъ: — а масляннистая маленькая гадина просто отвратительна. Я представляю его себѣ, когда онъ пріѣзжаетъ въ Сентъ-Луи и въ малиновомъ кафтанѣ, съ бархатными обшлагами, въ парчевомъ камзолѣ, съ бриліантовыми запонками, или въ огненнаго цвѣта шарфѣ съ томпаковой булавкой и красныхъ сапогахъ ковыряетъ свои зубы на лѣстницѣ плантаторскаго дома. Фи! какъ взгляну на него, такъ и кажется, что по мнѣ ползетъ змѣя.

— И для нашихъ пріятелей это весьма непріятные сосѣди.

— Я думаю. Звѣри для грубаго человѣка также отвратительны, какъ для тебя и для меня. Въ грубомъ человѣкѣ мы видимъ природу, въ звѣрѣ—зло. Мнѣ не нравится, что этотъ звѣрскій элементъ принесло сюда. Онъ предвѣщаетъ несчастіе. Ты и я неизбѣжно столкнемся съ этими гадинами.

— Я вижу—ты уже принимаешь враждебную позу.

— Ты сколько нибудь знаешь моюо пытность. Мнѣ всю свою жизнь приходилось бороться со зломъ въ томъ или другомъ видѣ,—со звѣрствомъ въ той или другой формѣ. Меня такъ часто противъ желанія заставляли наносить первый ударъ, что наконецъ принудили дѣйствовать наступательно.

— Ты думаешь истребить Аполліона, прежде чѣмъ онъ истребитъ тебя.

— Кто нибудь изъ насъ долженъ же дѣйствовать безпощадно. Умиленіе и кротость, въ настоящій періодъ моей жизни, въ мою настоящую эру,—мнѣ не идутъ.

— Мы впадаемъ въ частности; — кстати объ этихъ двухъ звѣряхъ: что намѣренъ ты, добровольный поборникъ добродѣтели, предложить относительно ихъ? Не думаешь ли вызвать ихъ на судъ Божій, чтобы они доказали, что они честные люди и хорошіе товарищи?

— Нападенія всегда бываютъ слѣдствіемъ злобы. Это мошенники, а мы истинные рыцари. Повѣрь, они сдѣлаютъ какую нибудь подлую низость. Тогда ты и я нападемъ на нихъ и проучимъ.

— Странный ты человѣкъ, съ своими предчувствіями.

— Онѣ бываютъ весьма неопредѣленны, это правда, но всегда основываются на какомъ-то магнетизмѣ, которому я привыкъ довѣряться, не ранѣе впрочемъ, какъ забравъ его въ руки послѣ долгаго къ нему неповиновенія. Посмотри на этого долговязаго звѣря, какими пинками и проклятіями надѣляетъ онъ своего мула!

— Можетъ быть, онъ укралъ его и на немъ же вымещаетъ свою кражу. Тавро «А. А.» напоминаетъ ему, что онъ воръ.

— А вотъ упитанный его товарищъ направляется сюда, вѣроятно съ предложеніемъ расположиться вмѣстѣ съ нами.

— Предложеніе весьма натуральное, — все равно, праведникъ ли онъ, или грѣшникъ, — а тѣмъ болѣе, если грѣшникъ. Для человѣка должно быть ужасно, когда въ душѣ его пробуждаются мрачныя тайны подъ открытымъ небомъ глухой ночи, на перемѣнномъ бивакѣ, съ страшными грезами, когда вблизи его нѣтъ живаго существа, когда звѣзды пристально смотрятъ на него и большая бѣлая торжественная луна своимъ непоколебимымъ взглядомъ выражаетъ сожалѣніе и какъ будто говоритъ: какъ ты ни стенай, какія проклятія ни употребляй, но угрызенія совѣсти не спасутъ тебя отъ отчаянія.

— Да, сказалъ Брантъ, выколачивая трубку: — ночь, повидимому, всегда бываетъ судьею дня и произноситъ ему приговоръ. Человѣкъ съ нечистой совѣстью или человѣкъ преступный, оставаясь нечистымъ и преступнымъ, всегда будетъ страшиться непорочной, тихой, безмятежной природы.

Незваный гость подошелъ къ нашему костру.

— Здорово! сказалъ онъ, съ видомъ фамильярности:—прекрасная ночь; и не получивъ отвѣта, продолжалъ.—Впрочемъ, здѣсь, я полагаю, ничего не встрѣтишь, кромѣ прекрасныхъ ночей.

— Въ дурномъ обществѣ и прекрасная ночь покажется скверною, сказалъ Джекъ Шамберлэнъ довольно грубо.

— Да; а хорошее общество и весьма обыкновенную погоду обращаетъ въ отличную. Чѣмъ больше народу, тѣмъ веселѣе,—не такъ ли?

— Пожалуй еще скажешь, чѣмъ больше дикихъ волковъ, чѣмъ больше гремучихъ змѣй, чѣмъ больше конокрадовъ, чѣмъ больше скальпировщиковъ, тѣмъ лучше! сказалъ неумолимый Джекъ.

— О, сказалъ незнакомецъ съ нѣкоторымъ беспокойствомъ: — я этого не хочу сказать. Я говорю о такихъ молодцахъ, какъ я и мой товарищъ. Мы полагали, что на бивакахъ вамъ будетъ пріятно наше сообщество. Мы хотѣли бы къ вамъ присоединиться, если это не противно общему желанію.

— Здѣсь страна свободная, сказалъ Джекъ:—недостатка въ просторѣ кажется нѣтъ; можете раскинуть свой лагерь, гдѣ хотите.

— Прекрасно, сказалъ пришелецъ, пользуясь этимъ легкимъ ободреніемъ:—если вамъ не противно, мы бы поджарили нашу ветчину на вашемъ огонькѣ и покурили бы съ вами ради лучшаго знакомства.

— Онъ, какъ видно, не изъ спѣсивыхъ, сказалъ Джекъ, обращаясь къ намъ, въ то время, когда незнакомецъ отправился за своимъ товарищемъ: — хочетъ насильно втереться въ нашъ кружокъ, — отъ него не отвяжешься. Онъ, кажется, изъ тѣхъ людей, которые до тѣхъ поръ не поймутъ темнаго намека, пока намекъ этотъ не обратится въ движеніе и не дастъ ему хорошаго пинка. Впрочемъ

въ здѣшнемъ краю, два человѣка, съ ихъ вооруженіемъ, не сдѣлаютъ намъ никакого вреда.

— Я снова въ вашемъ кружкѣ! сказалъ непріятный толстякъ, приближаясь къ костру. — И не одинъ, — вотъ это мой товарищъ, Самъ Смитъ изъ Сакраменто; не найдется человѣка, который бы обладалъ свѣдѣніями по лошадиной части лучше его. Меня зовутъ Джимъ Робинсонъ. Я умѣю спѣть пѣсню, разсказать анекдотъ, переброситься въ картишки съ кѣмъ угодно, въ городѣ и внѣ города.

Пока незнакомцы стряпали ужинъ, мой другъ и я пошли прогуляться по степи. Отойдя нѣсколько шаговъ, мы увидѣли чудесную картину. Бѣлыя повозки, въ отдаленіи кормились лошади, вокругъ огня, который, на темномъ фонѣ наступившей ночи, казался ярче обыкновеннаго, живописно сгруппировались люди. Сцена чисто цыганская.

— Ничего не можетъ быть скучнѣе, сказалъ Брентъ: — какъ общество подобныхъ людей, или разговоръ съ такими людьми, будь они хорошіе или дурные, это все равно. Homo sum; nil humani и т. д., эти слова, кажется, принадлежатъ покойному Плавту.

— Ты, какъ я вижу, еще не чувствуешь реакціи къ школьной жизни.

— Нѣтъ; эта гомерическая жизнь съ ея борьбой противъ стихій, которыя я могу обожать, если мнѣ вздумается, противъ грубыхъ силъ въ человѣкѣ или природѣ, какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ юной порѣ моего мужества, моему ахиллесовскому времени. Чрезъ эпоху точь въ точь такой жизни, которую мы проводимъ, прошелъ весь міръ. Каждый человѣкъ, чтобы быть совершеннымъ, а не поверхностнымъ, долженъ пройти эту эпоху.

— Тотъ, кто хочетъ узнать свое отечество и свой вѣкъ, долженъ ознакомиться со всѣми народами въ немъ и со всѣми родами жизни. Ты и я вдоволь извѣдали коллегію и салоны, клубы и улицы, Европу, старый свѣтъ, и страну знаменитыхъ Янки;—скажи, когда ты перестанешь быть Измаиломъ, мой Джонатанъ?

— Когда судьбѣ угодно будетъ отличить меня и даровать мнѣ титулъ любовника.

— Какъ! неужели ты никогда еще не былъ этимъ счастливымъ созданіемъ?

— Никогда. У меня были мимолетные идеалы. Меня плѣняли женщины гибкія, какъ камышъ, и женщины крѣпкія, какъ букъ, слабыя и безцвѣтныя душой и тѣломъ,—нѣжныя и couleur de rose, бойкія и румяныя. Я обожалъ Зобеиду и Гильдегарду, Долорезу и Доротею, соединявшихъ въ себѣ отдѣльно качества и ангела и демона. У моей глупой фантазіи тоже бывали минуты раздраженія, моя пу-

стая страстишка тоже вынесла наказаніе. Сердце мое, однако, все еще совершенно здорово, но начинаетъ чего-то ждать въ будущемъ.

— Ужь не отыскиваешь ли ты въ пустыняхъ предмета своей будущей любви? Не поетъ ли твое сердце: «я хочу жениться на дикаркѣ»? Не ради ли пауні́йской красавицы ты носишь звѣриныя шкуры и пренебрегаешь услугами цирюльника?

— Нѣтъ. Мое мѣсто въ космосѣ не для того, чтобы быть отцомъ ублюдковъ. Я тебѣ просто скажу, мой добрый дружище, — послѣ жизни, которая преждевременно поставила меня во враждебное положеніе ко всему окружающему, мнѣ нужна тишина. Чтобы воспользоваться собранными фактами, мнѣ нуженъ покой. Я хочу, чтобы изъ меня испарилась вся горечь и мѣсто ея заступила бы сладость, я хочу любить и быть взаимно любимымъ.

Въ это время мы подошли къ нашему костру. Джимъ Робинсонъ, сидѣвшій около него, какъ дома, употреблялъ въ дѣло свои дарованія. Онъ забавлялъ слушателей какой-то вульгарной пѣсней. Слова и напѣвъ ея раздирали нашъ слухъ.

— Повторяю еще разъ: Nil humani a me alienum puto, сказалъ Брентъ:—въ этихъ отвратительныхъ звукахъ не слышно человѣческаго голоса. Пойдемъ посмотримъ нашихъ лошадей. Онѣ не измѣняютъ своей благородной натурѣ, не способны унижать себя. Я не могу пріучить себя равнодушно смотрѣть на дикій элементъ, гдѣ бы онъ ни встрѣтился:—въ этихъ ли двухъ конокрадахъ, или въ щегольски одѣтомъ негодяѣ нью-іоркскаго клуба.

— Звѣри въ цивилизованномъ обществѣ одинаково низки, съ тою только разницей, что они не ревутъ.

— Вотъ и наши друзья, Помпсъ и Донъ-Фулано;—право, они въ тысячу разъ благороднѣе и почтеннѣе этихъ двухъ незнакомцевъ.

— Да; это настоящіе джентльмены своей расы.

— Жаль, что они не могутъ говорить; но если бы даръ слова явился имъ,—они выразили бы полное свое презрѣніе къ грубымъ и пошлымъ словамъ этой пѣсни. Посмотри, они даже теперь своими смѣлыми глазами и выражающими пренебреженіе ноздрями осуждаютъ въ людяхъ все неблагородное.

— Дѣйствительно,—они какъ будто выражаютъ готовность принять участіе во всякомъ рыцарскомъ подвигѣ.

Мы оставили лошадей, дѣятельно занимавшихся ужиномъ подлѣ журчащей рѣки, и воротились къ биваку. Сцена при разложенномъ кострѣ была достойна кисти Караваджіо. Джимъ Робинсонъ вынулъ изъ кармана карты. Люди почтовой партіи собрались играть. Даже Джекъ Шамберлэнъ легко забылъ свое недовѣріе къ незнакомцамъ. Двѣ подозрительныя личности, потому ли что надѣялись на хорошую

игру впереди, или потому, что не хотѣли обижать своихъ товарищей и защитниковъ на этомъ опасномъ пути, играли чисто. Робинсонъ отъ времени до времени выигрывалъ и говорилъ съ видомъ необыкновеннаго человѣка: — видите, если бы я захотѣлъ, то обобралъ бы всѣ ваши ставки;—но здѣсь игра идетъ между друзьями. Я играю для препровожденія времени, я и мой товарищъ выиграли уже довольно.

Физіономія игрока и его манеры одинаковы во всемъ мірѣ. Всегда одна и таже холодная, безпрерывная бдительность. Всегда одно и тоже наглое звѣрство, или кошачья свирѣпость. Всегда таже самая скрытная радость и таже самая скрытная насмѣшка надъ жертвой. Таже самая картина, въ которой играющіе представляютъ гусей,—а игроки или банкометы лицъ, которыя пришли ихъ общипать; — тотъ же самый подавленный смѣхъ надъ усиліями несчастнаго воротить къ себѣ счастіе; таже самая увѣренность, что счастливый игрокъ сейчасъ же убьетъ неудачную карту, неудачную масть, неудачное число очковъ, и банкъ воротитъ всѣ свои убытки. Какія суровыя лица они носятъ! Я говорю—носятъ, потому что ихъ лица кажутся масками, которыя скидываются только украдкой и то на какой нибудь моментъ. Всегда одинъ и тотъ же видъ, однѣ и тѣже манеры. Этотъ видъ принимаютъ молодыя и прекрасныя лица. Даже женскія лица. Я видѣлъ женщинъ, страстныхъ поклонницъ игорныхъ домовъ,—лица которыхъ безъ этой безобразной маски были бы прекрасны и молоды. Всѣ мужчины и всѣ женщины, которые дѣлаютъ добычу изъ подобныхъ себѣ созданій, которые залегаютъ въ засаду, чтобы завладѣть и уничтожить своихъ братій и сестеръ, всѣ принимаютъ одно и тоже безжалостное выраженіе. Оно еще рѣзче обозначается на лицѣ банкомета; ибо банкометъ долженъ неизмѣнно сохранять его съ первой минуты появленія ламповаго свѣта и до той поры, пока негодующая заря не убьетъ этого свѣта, пока утренній воздухъ не освѣжитъ тяжелой атмосферы и не покажетъ, что эта атмосфера—чистѣйшій ядъ.

— Я видѣлъ такихъ бездѣльниковъ во всѣхъ игорныхъ домахъ Европы и Америки, сказалъ Брентъ. — Они всегда ходятъ парой;— это тигръ и змѣя; одинъ наглецъ, другой льстецъ.

— Умъ и матерія. Старое товарищество,—подобно нашему.

На слѣдующее утро два незнакомца были уже приняты въ число членовъ почтовой партіи. Они ѣхали вмѣстѣ съ нами. Въ обращеніи сухощаваго, долговязаго Смита обнаруживалась грубая непринужденность. Робинсонъ представлялъ собою шута. Его голова была набита биткомъ пошлыми шутками и анекдотами. Но когда въ этой же головѣ пробѣгали его собственныя мысли, выраженіе его лица стано-

вилось отвратительнымъ. Бывали минуты, когда на того и другаго находилъ внезапный ужасъ, и тогда лица ихъ принимали видъ, который безошибочно показывалъ, что на душѣ у нихъ лежало преступленіе, тяжелѣе обыкновеннаго мошенничества.

Они путались въ своихъ именахъ, и обнаружили, что объявленныя ими имена были приняты на скорую руку. Смитъ сравнивалъ свои револьверы съ моими. На его револьверѣ я замѣтилъ вполовину вырѣзанное имя Моркеръ. А однажды Брентъ услышалъ, какъ Моркеръ, онъ же и Смитъ, назвалъ своего товарища Ларрапомъ.

— Ларрапъ—какъ-то звучнѣе, сказалъ я, когда Брентъ сообщилъ мнѣ объ этомъ:—это настоящее имя для него, — чему служитъ доказательствомъ тавро на его несчастномъ мулѣ.

— Долговязый разбойникъ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо, когда это имя свернулось съ его языка; онъ хотѣлъ подмѣтить, не услышалъ ли я, и готовъ былъ прослѣдить самый воздухъ, ради убѣжденія, что въ немъ не осталось слѣдовъ измѣнническаго слова.

— А ты вѣрно полагаешь, что твое лицо покрыто такимъ множествомъ іероглифовъ и надписей, означающихъ прекрасныя чувства, что для помѣщенія на немъ подозрѣній къ подлости другихъ людей не нашлось бы и мѣста?

— Чистое, спокойное сердце—поддерживаетъ спокойствіе въ лицѣ. Преступное сердце всегда отражается въ глазахъ, на губахъ и щекахъ, и въ безчисленномъ множествѣ трепещущихъ нервовъ. У меня нѣтъ никакого предубѣжденія противъ всякаго рода Ларраповъ. Но когда товарищъ Ларрапа назвалъ его по имени, онъ такъ посмотрѣлъ на меня, какъ будто совершилъ убійство и по какому-то непреодолимому движенію души обнаружилъ этотъ фактъ. Посмотри на него теперь! посмотри, какъ онъ вздрагиваетъ и озирается, лишь только брякнутъ подковы нашихъ лошадей. Онъ боится оглянуться назадъ, зная, что оставилъ за собою преступленіе.

— Ты хочешь сказать, онъ боится мщенія. Этотъ человѣкъ чернѣе, нежели «Atra cura post equitem».

Тяжело и скучно описывать подобныя личности. Впрочемъ я не вводилъ ихъ въ мой разсказъ. Они въ немъ сами заняли мѣста. Я нахожу, что звѣрство само вмѣшивается въ большую часть драмъ и большую часть человѣческихъ жизней. Звѣрство — это порокъ, свойственный мужчинамъ, измѣна — свойственна женщинамъ,—обѣ они употребляютъ всѣ свои усилія, чтобы заглушить героизмъ и нанести позоръ непорочности. Часто они успѣваютъ. Чаще испытываютъ неудачи. И такимъ образомъ существуетъ міръ; его исторія есть исторія борьбы и побѣды. Настоящій эпизодъ изъ моей жизни

заключаетъ въ себѣ краткое описаніе опытности, вынесенной изъ этого міра.

ГЛАВА VIII.

КАРАВАНЪ МОРМОНОВЪ.

Путешествіе наше провожали тѣ же роскошные, спокойные дни октября,—тотъ же упоительный, золотистый воздухъ,—съ каждымъ глоткомъ мы вдыхали въ себя самую жизнь.

Рано по полудни, въ очаровательный изъ очаровательнѣйшихъ дней, мы прибыли въ фортъ Бриджеръ. Бриджеръ когда-то былъ старый охотникъ, звѣроловъ и содержатель индійской торговой почты. Теперь это мѣсто уже сдѣлалось болѣе извѣстнымъ. Здѣсь въ 1858 году пріютилась мормонская экспедиція, послѣ своихъ бѣдствій на Суитватерѣ, вслѣдствіе самой грубой и несчастной ошибки со стороны администраціи сѣверныхъ штатовъ.

Въ минуту нашего прибытія, фортъ Бриджеръ только что былъ взятъ. Владѣтеля его уже здѣсь не было. Старикъ Бриджеръ считалъ себя полнымъ властелиномъ открытой и опаленной солнцемъ страны. На покатости долины, одной степенью плодороднѣе прилегавшихъ къ ней безплодныхъ пустынь, онъ построилъ мазанку, назвалъ ее фортомъ и обнесъ палисадомъ. Этотъ оазисъ былъ его оазисомъ, такъ по крайней мѣрѣ онъ разсчитывалъ; глиняный фортъ считалъ своимъ фортомъ, ивы и ольхи заповѣдными своими лѣсами, — и мѣстную торговлю—своей торговлей.

Но Бриджеръ былъ одинъ и имѣлъ сильныхъ сосѣдей. Мормоны не жаловали суроваго горца, — а этотъ почтенный язычникъ, въ свою очередь, считалъ новыхъ праведниковъ нисколько не лучше старыхъ грѣшниковъ. Мормоны завидовали оазису, форту, лѣсу и торговлѣ. Они обвиняли старика въ продажѣ пороху и пуль враждебнымъ индійцамъ, — нѣкоему Уокеру, вождю племени утовъ, по всей вѣроятности потомку Хуки Уокера. Весьма быть можетъ, что онъ занимался этой продажей. Во всякомъ случаѣ это былъ хорошій поводъ къ враждебнымъ отношеніямъ. Поэтому, во имя пророка и Бригама, преемника пророка, праведники новѣйшаго времени (*) сдѣлали на этотъ постъ хищническій набѣгъ. Бриджеръ бѣжалъ въ горы. Хищники завладѣли собственностью этого язычника и разграбили его имущество.

Джекъ Шамберлэнъ разсказывалъ намъ эту исторію не безъ нѣкотораго сочувствія къ изгнаннику.

(*) The Latter-Day Saints—такъ называютъ себя мормоны.

— Такъ всегда бываетъ, сказалъ Джекъ:—Павелъ насаждаетъ, а Аполліонъ пожинаетъ. Я не хочу сказать, что Бриджеръ похожъ на Павла, а мы — на Аполліона; но во всякомъ случаѣ мы намѣрены собирать плоды его трудовъ.

— Мнѣ очень жаль, что Бриджера посѣтило такое горе, сказалъ мнѣ Брентъ, въ то время какъ мы переѣзжали долину, приближаясь къ укрѣпленію.—Онъ былъ грубъ, но, право, достойнѣе всѣхъ праведниковъ новѣйшаго времени по сю сторону Армагеддона. Бидольфъ и я прошлое лѣто, возвращаясь съ горъ Люггернельскаго ущелья, провели у него цѣлую недѣлю.

— Далеко ли отсюда до Люггернельскаго ущелья?

— Миль пятьдесятъ къ юго-востоку. Мнѣ кажется, я даже узнаю его отсюда вонъ въ томъ легкомъ обрывѣ линіи, окаймляющей на горизонтѣ вершины синихъ горъ. Не знаю, приведется ли мнѣ еще увидѣть его! Еслибъ не было поздно, я бы съѣздилъ туда вмѣстѣ съ тобой. Такого ущелья нѣтъ во всемъ мірѣ. Сильные ключи, смѣлые, обильные родники вырываются изъ земли и шумными потоками бѣгутъ по ярко-зеленой муравѣ! Нѣкоторые изъ нихъ выбрасываютъ кипятокъ, другіе — холодны, какъ ледъ; одинъ изъ нихъ, такъ называемый Шампанскій родникъ, разноситъ по пустынѣ самую вкусную, искристую, оживляющую влагу, какая когда либо усиливала цвѣтъ въ губахъ или освѣжала мозгъ.

— Подожди полстолѣтія; тогда ты и я отправимся туда по желѣзной дорогѣ, съ нашими внучатами, пить воды изъ источника юности.

— Я бы желалъ провести тамъ медовый мѣсяцъ, если бы только нашелъ себѣ жену, которая рѣшилась бы на путешествіе черезъ долины.

О, какъ хорошо я припоминалъ эти слова впослѣдствіи, спустя весьма немного времени!

Мы подъѣхали къ укрѣпленію. Около него лѣниво бродило человѣкъ десять оборванныхъ солдатъ, составлявшихъ гарнизонъ.

— Не ожидаютъ ли они пароля? спросилъ я:—какого нибудь военнаго оклика изъ ихъ искаженнаго исламизма!

— Едва ли! отвѣчалъ Брентъ.—Кому въ мірѣ придетъ въ голову идея сдѣлать нападеніе на эту печальную берлогу. Имъ нѣтъ надобности быть такими церемонными съ чужими, какими бываютъ нѣмцы въ Эренбрейтштейнѣ или Веронѣ.

Джекъ и главная партія остановились въ укрѣпленіи. Мы проѣхали на четверть мили дальше и расположились лагеремъ близь источника, гдѣ находилось обиліе травы.

— Фулано и Помпсъ, кажется, пополнѣли со времени нашего отъ-

ѣзда, сказалъ я, отводя ихъ съ Брентомъ на продолжительный подножный кормъ.—Мустанги несли на себѣ всю тяжелую работу; скоро и этимъ аристократамъ придется приняться за дѣло.

— Они теперь въ самой лучшей порѣ для бѣга. Если бы мы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ нарочно приготовляли ихъ для призовыхъ скачекъ, для бѣгства, для подвига, въ родѣ сабинскаго, для избавленія угнетенныхъ, то право, они не были бы въ такомъ отличномъ состояніи, въ какомъ находятся теперь. Я полагаю, что время для ихъ отличія не за горами, — видно, что они сами горячо этого желаютъ.

Оставивъ нашу маленькую кабалладу наслаждаться ароматическимъ, самимъ собою высушившимся сѣномъ, мы отправились въ укрѣпленіе.

Мы стояли тамъ подъ открытымъ небомъ, разговаривая съ гарнизономъ. Вдругъ зоркій глазъ Брента на самомъ отдаленномъ склонѣ горы замѣтилъ бѣлыя пятна, точно паруса на горизонтѣ дремлющаго, залитаго солнечнымъ свѣтомъ моря.

— Посмотрите! сказалъ онъ. — Это тянется караванъ эмигрантовъ съ Соленаго Озера.

— Да, замѣтилъ мормонскій солдатъ; — это караванъ старшины Сиззума. Ихъ передовой прибылъ сюда еще утромъ, чтобы выбрать мѣсто для лагеря. Они остановятся вонъ тамъ! Двѣсти паръ быковъ и тысяча праведныхъ,—всѣ отправляются въ Обѣтованную землю.

Солдатъ отошелъ въ сторону и свисткомъ далъ знать о прибытіи каравана.—Іорданъ—тяжелая дорога для путешествія, сказалъ онъ.

Я зналъ Сиззума какъ самаго обольстительнаго оратора и пропагандиста мормонства въ чужихъ краяхъ. Онъ провелъ нѣсколько времени въ Англіи съ большимъ успѣхомъ для этого добраго дѣла. Караваны, которые мы встрѣчали по дорогѣ, состояли изъ его прозелитовъ. Самъ Сиззумъ находился въ послѣднемъ изъ нихъ, который мы завидѣли, и который направлялся къ форту Бриджеръ.

Растянувшійся рядъ повозокъ, покрытыхъ бѣлыми чахлами, медленно подвигался впередъ. Онъ тянулся подъ угломъ къ линіи нашего зрѣнія, раздѣленный правильными промежутками, какъ хорошо организованная флотилія. Но вотъ вся она спустилась въ глубокую ложбину, и вслѣдъ за тѣмъ колоновожатый медленно поднялся на высокій холмъ, и снова спустился по откосу, какъ судно на волнахъ океана. Другія повозки точно также тянулись за нимъ по волнистой долинѣ.

— Очаровательно! сказалъ Брентъ. — Посмотри, какъ золотится бѣлая парусина подъ этой роскошной мглой октябрьскаго солнца. Въ подобныхъ сценахъ видна вся поэзія степной жизни.

— Эти облитые солнцемъ паруса хороши, но я все-таки жалѣю о людяхъ, которые плывутъ подъ ними.

— Да; чѣмъ безопаснѣе плаваніе, тѣмъ вѣрнѣе ихъ крушеніе въ безднѣ предразсудковъ, существующихъ за этими горами.

— Не слишкомъ ли мы щедры на сожалѣнія? У кого нѣтъ на столько здраваго смысла, чтобы разобрать весь вздоръ, которому его учатъ, тотъ будетъ вѣчнымъ рабомъ. Ему никогда не приведется сдѣлать открытія, что его вѣра основана на заблужденіи.

— Ты можешь говорить это о взросломъ человѣкѣ; — но подумай о дѣтяхъ,—которыя должны рости въ семьяхъ, лишенныхъ священнаго характера, которыя никогда не будутъ имѣть понятія о нѣжномъ и благотворномъ вліяніи домашняго воспитанія.

— Государство обязано входить въ ихъ положеніе и заботиться о воспитаніи.

— Справедливо; оно обязано, ты скажешь, защищать женщинъ отъ многоженства,—все равно, желаютъ ли онѣ этого, или нѣтъ.

— Конечно. Многоженство обращаетъ женщину въ рабство или силой, или вліяніемъ, которое сильнѣе самой силы. Государство заботится о томъ, чтобы доставить каждой душѣ въ его предѣлахъ дары свободы, и поэтому прежде всего должно доставить свободу самому индивидууму.

— Логика хороша, но непримѣнима, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, къ законодательству нашей страны.

— Такъ это послѣдній караванъ Сиззума; если женщины здѣсь также непривлекательны, какъ и ихъ растрепанныя сестры въ предшествовавшихъ караванахъ, то смѣло можно поручиться, что мы воротимся домой съ здоровыми сердцами.

— Я не въ состояніи смѣяться надъ этимъ, сказалъ Брентъ.— Каждый разъ, когда я увижу одинъ изъ этихъ каравановъ, во мнѣ пробуждаются давнишнія опасенія, что можетъ быть въ немъ находится невинная дѣвушка, слишкомъ еще молодая и неопытная, чтобы распоряжаться собою,—увезенная сюда фанатикомъ отцомъ или опекуномъ. Подумай только о томъ положеніи, въ какомъ должна находиться здѣсь образованная женщина!

— Покамѣстъ мы такихъ еще не видѣли.

Въ это время къ намъ присоединились Ларрапъ и Моркеръ, и подслушавъ послѣднія слова, начали говорить въ самомъ отвратительномъ тонѣ о женщинахъ, которыхъ мы видѣли въ предшествовавшихъ караванахъ.

— Я не желаю слышать подобныхъ пошлостей, сказалъ Брентъ, сурово взглянувъ на Ларрапа.

— Здѣсь свободное государство, и я что хочу, то и говорю, отвѣчалъ Ларрапъ, съ язвительной усмѣшкой.

— Такъ говорите про себя или въ сторонѣ отъ меня.

— Черезчуръ ужь разборчивъ, сказалъ Ларрапъ, прибавивъ грязное замѣчаніе.

Брентъ схватилъ его за шиворотъ и раза два сильно потрясъ его.

Моркеръ положилъ руку на револьверъ и взглянулъ на Брента какъ будто говоря:—Убилъ бы я тебя, да пожалуй плохо будетъ!

— Оставьте, оставьте, сказалъ я, становясь передъ ними.

Джекъ Шамберлэнъ, замѣтивъ ссору, подбѣжалъ къ мѣсту происшествія.

— Послушай, братъ Брентъ, сказалъ онъ:—здѣсь, въ райскомъ саду—не ссорятся. Если этотъ господинъ сдѣлалъ замѣчаніе, которое обидѣло тебя, на это есть извиненія, и онъ не замедлитъ представить ихъ.

Брентъ оттолкнулъ отъ себя этого сальнаго негодяя.

— Вамъ не слѣдуетъ позволять себѣ подобныя грубости, сказалъ онъ. — Я вовсе не думалъ оскорблять васъ.

— Хорошо, хорошо. Другой разъ говори, какъ человѣкъ, а не какъ звѣрь.

Оба негодяя удалились съ мрачными лицами.

— Шамберлэнъ,—ты кажешься разочарованнымъ, сказалъ я. — Ты кажется ожидалъ драки?

— Эти трусы неспособны на подобныя вещи, сказалъ Джекъ:— но если они смогутъ съиграть надъ вами какую нибудь подлую штуку, то непремѣнно сыграютъ; они навѣрное отправились теперь отыскивать ее въ своемъ лексиконѣ. Вы бы лучше посмотрѣли, хорошо ли спутаны ноги у вашихъ коней, и пока эти молодцы провожаютъ насъ, надобно приглядывать за ними. Можетъ быть, они веселые малые, и за картами нарочно упускаютъ шансы, но я такого мнѣнія, что они прикидываются тихонькими, а сами наровятъ какъ бы стянуть, только что нибудь покрупнѣе.

— Добрый совѣтъ, Джекъ.

Въ это время передовыя повозки каравана старшины Сиззума спустились на разстилавшуюся передъ нами равнину. Извилистая линія другихъ повозокъ, подобно огромной бѣлой змѣѣ, тянулась позади на цѣлую милю. Заднія повозки, контуры которыхъ стушовывались съ туманнымъ горизонтомъ, по мѣрѣ движенія впередъ становились для глаза все яснѣе и яснѣе. Караванъ разстилался по землѣ, какъ медленно ползущая гидра. Подлѣ ея змѣеобразныхъ изгибовъ, тамъ, гдѣ должны находиться драконовы крылья, столпи-

лись стада рогатаго скота и небольшія группы праведниковъ, лѣниво подвигавшихся впередъ къ мѣсту своего вечерняго отдыха,—къ невыстроенной на равнинѣ гостинницѣ.

Но вотъ гидра сдѣлалась двуглавымъ чудовищемъ. Передовая повозка заворотила направо, вторая за ней налѣво. Такимъ образомъ всѣ послѣдующія повозки, достигнувъ точки разъединенія, поочередно сворачивали одна напрано, другая налѣво. Между тѣмъ, раздѣленное на двое животное все ширилось и ширилось. Два крыла растянулись по широкой травянистой равнинѣ къ сѣверу отъ укрѣпленія, описавъ кривую линію въ видѣ правильнаго эллипса на треть мили по одному діаметру и на половину этого разстоянія въ ширину.

Оба фланга одновременно и правильно совершали свой обходъ. Этотъ самый маневръ повторялся каждый день въ теченіе всего длиннаго пути. Лишь только передовыя повозки встрѣтились на вершинѣ кривой линіи, какъ заднія двѣ остановились внизу. Эллипсъ образовался совершенно правильный. Онъ былъ замкнутъ со всѣхъ сторонъ. Караванъ расположился на отдыхъ. Каждая повозка съ своей упряжью тѣсно примыкала къ другой.

Какой-то высокій мужчина, по одеждѣ и движеніямъ полупіонеръ, полупасторъ, разъѣзжалъ взадъ и впередъ внутри замкнутаго эллипса. Это былъ Сиззумъ, какъ объясняли намъ гарнизонные солдаты. По сдѣланному имъ сигналу волы, по два и по три въ ярмѣ, были отложены—и скучены; имъ отерли ноздри отъ пыли и пустили пастись на рыжеватой травѣ. Въ безпорядкѣ разсыпались они по всему замкнутому пространству. Темнокоричневые бока ихъ подъ лучами склонявшагося къ горизонту солнца приняли красные оттѣнки. Надъ ними поднялось и нависло облако золотистой пыли. Стада рогатаго скота, освобожденныя отъ привязи, бѣгали и прыгали какъ дикія. Воздухъ огласился громкимъ мычаньемъ. Мы отправились въ лагерь,—въ этотъ импровизированный городъ въ пустынѣ.

Ничего не могло быть систематичнѣе его устройства. Порядокъ имѣетъ свою привлекательность. Послѣ красоты порядокъ занимаетъ въ мірѣ второе мѣсто. Онъ служитъ основой для красоты. Красота ищетъ порядка и становится его нарядомъ. Каждая покрытая бѣлой парусиной живописная повозка мормонскаго каравана была на своемъ мѣстѣ. Дышло каждой лежало на задкѣ передовой. Эллипсъ представлялъ собою и фортъ и корраль. Внутри его безопасно паслись стада рогатаго скота. Краснокожіе мародеры тщетно стали бы рыскать около него. Тутъ имъ нечѣмъ было поживиться. Краснокожіе любители кожи съ человѣческаго черепа потерпѣли бы сильное пораженіе. Они ни подъ какимъ видомъ не могли прорваться сквозь эту

щѣнъ незамѣченными, или вырваться изъ нея ненаказанными. Походомъ и лагеремъ, какъ видно, распоряжался кто-то очень искусно.

— Сиззумъ, говоритъ Брентъ въ полголоса:—можетъ быть слѣпымъ руководителемъ въ дѣлѣ вѣры; но онъ отлично умѣетъ управлять своими послѣдователями въ полѣ. Въ Европѣ я видѣлъ старыхъ тактиковъ, маршаловъ и фельдцейхмейстеровъ, съ эльдорадо на обоихъ плечахъ и голкондой на груди, которые бы завязали этотъ караванъ въ такіе узлы, какихъ никто бы изъ нихъ не распуталъ.

ГЛАВА IX.

СИЗЗУМЪ И ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛИ.

Лишь только кочующій городъ расположился на ночлегъ и успокоился, какъ подъ открытымъ амфитеатромъ собрался городской митингъ.

— Теперь, братія, сказалъ Шамберлэнъ, обращаясь къ намъ: — если вы хотите слышать увѣщанія какъ слѣдуетъ, не отрываясь, то прислушайтесь къ апостолу, посланному къ язычникамъ. Можетъ статься,—и при этомъ Джекъ выразительно мигнулъ:—ваши сердца будутъ тронуты и вы захотите присоединиться, а можетъ быть и нѣтъ. Если вы кротки и послушны, то тронетесь, а если дики и упрямы, какъ быки Башана, то ничего не будетъ.

— Но, Джекъ, какимъ образомъ ты самъ обратился въ мормона? спросилъ Брентъ. — Ты никогда еще не разсказывалъ мнѣ.

— Какимъ образомъ? — А вотъ видите: — я отъ природы человѣкъ религіозный, и испробовалъ всѣ религіи; но долго не встрѣчалъ такой, которая бы творила истинныя чудеса. Однажды я увидѣлъ человѣка, нѣмаго отъ рожденія, котораго пророкъ Джозефъ излечилъ;—онъ заглянулъ нѣмому въ ротъ и велѣлъ его языку говорить — и языкъ заговорилъ, но что-то ужь черезчуръ необыкновенно. Заговорилъ на какихъ-то невѣдомыхъ языкахъ,—такая тарабарщина, что ничего не разберешь; но Джозефъ сказалъ, что во времена апостоловъ языки точно также звучали, пока не послѣдовало ихъ раздѣленія. Передъ этимъ чудомъ я спустилъ флагъ. Когда я былъ въ итальянскомъ монастырѣ, я видѣлъ кое что въ подобномъ родѣ, но противъ такого чуда и на четверть не было. Можетъ статься, я грубо выражаюсь,—но братъ Брентъ знаетъ, что я говорю честно и не лгу.

Джекъ провелъ насъ впередъ и поставилъ на почетныя мѣста впереди слушателей.

Вскорѣ явился и Сиззумъ. Онъ имѣлъ достаточно времени сбросить съ себя видъ піонера и явиться чистымъ пасторомъ; и надобно

дать ему справедливость, онъ явился довольно представительной особой. Онъ былъ гладко выбритъ. Его длинные черные волосы, сталовившіеся жесткими отъ грязной кожи, были гладко зачесаны за уши. Большой бѣлый галстухъ пышно красовался подъ его лоснившимся мясистымъ подбородкомъ; черный фракъ носилъ на себѣ слѣды недавней упаковки. За исключеніемъ того обстоятельства, что его панталоны были засунуты въ сапоги съ именемъ мастера (Абель Кушингъ, изъ Линна,въ Массачузетсѣ), золотыми буквами оттиснутомъ на красныхъ сафьянныхъ отворотахъ, его костюмъ во всѣхъ оношеніяхъ соотвѣтствовалъ митингу.

Сиззумъ занялъ свое мѣсто и началъ осыпать собраніе громомъ и молніями. Его манеры были грубы, надменны и даже повелительны. Это былъ огромный, сильный мужчина, безъ малѣйшаго атома тонкости, нѣжности или деликатности, — человѣкъ, который, взявъ цвѣтокъ или нѣжное сердце въ свою могучую руку, не выпустилъ бы изъ нея ни того, ни другаго, пока не уничтожилъ бы ихъ какимъ-то звѣрскимъ инстинктомъ. Созданіе съ такимъ безобразнымъ совинымъ носомъ, съ такими толстыми мясистыми губами и такой громадной пастью, никогда не могло бы открыть тонкаго аромата въ нѣжномъ цвѣткѣ. Грубыя наслажденія одни были доступны для такого организма; грубыя движенія души, удовольствіе, находимое въ силѣ и господствѣ, были единственными и притомъ не полными движеніями этой неразвитой души.

Въ голосѣ Сиззума столько же было отталкивающаго элемента, сколько въ его жестахъ, выраженіи лица и манерахъ. Дурно сформированный носъ отправлялъ во время ораторства немаловажную обязанность. Чрезъ него онъ окликалъ своихъ слушателей, предлагая имъ открыть сердца, — какъ лодочникъ, тянущійся по каналу, окликаетъ шлюзы чрезъ трубу фаготнаго тона. Но отъ времени до времени, когда ораторъ желалъ быть убѣдительнымъ, фразы выходили изъ гортани, и толстыя губы выдѣлывали, округляли и выбрасывали слова какъ какіе нибудь жирные куски. Я съ какимъ-то отвращеніемъ припоминаю этого человѣка! Не смотря на то, онъ обладалъ какою-то гибельно-чарующей силой, которая принуждала насъ слушать его. Я безъ труда понималъ, какимъ образомъ онъ могъ порабощать слабые умы и располагать къ себѣ тѣ, которые любили лесть. Онъ имѣлъ нѣкоторое образованіе. Путешествія отполировали его низкій металлъ на столько, что блескомъ своимъ онъ могъ обманывать людей простыхъ, мало развитыхъ или легковѣрныхъ. Онъ рѣдко позволялъ себѣ грубо отзываться о своей собратіи, проповѣдующей въ церквахъ.

Не заставить ли его самого говорить за себя? Не пожелаетъ ли

что послушать вдохновеній новѣйшей вѣры, которую человѣчество приняло для своего руководства?

Нѣтъ. Подобное искаженіе религіи — весьма грустная комедія, весьма трагическій фарсъ. Слушать этотъ жаргонъ, это вульгарное краснорѣчіе и безсмысленный наборъ текстовъ и догмъ—было отвратительно, — повторять — было бы невыразимой скукой.

Проповѣдь Сиззума соотвѣтствовала его смѣшанному характеру. Онъ представлялъ собою Аарона и Іисуса Навина, первосвященника и военачальника. Вечеромъ онъ читалъ проповѣдь, утромъ отдавалъ приказанія. Онъ много говорилъ о гибельныхъ послѣдствіяхъ неповиновенія. Распространялся о радостяхъ и привилегіяхъ праведниковъ Суднаго Дня на землѣ и въ небесахъ, и осыпалъ язычниковъ страшными проклятіями. Онъ давалъ понять своимъ слушателямъ, что у него хранятся ключи отъ царства небеснаго; что если ему будутъ безусловно покоряться, то обрѣтутъ покой и радости въ жизни земной и жизни вѣчной, если будутъ роптать, то низвергнутся въ бездну кромѣшную. Страшно было видѣть деспотизмъ этого человѣка надъ своими прозелитами. Громкіе возгласы «аминь» одинаково завершали въ толпѣ каждую угрозу и каждое обѣщаніе.

Проповѣдь Сиззума продолжалась съ полчаса. Онъ распустилъ слушателей съ наставленіемъ держаться завтра на походѣ какъ можно ближе къ каравану и не отдаляться въ сторону на поиски кузнечиковъ, несмотря на то, что они больше и красивѣе ланкаширской породы.

— Вотъ тебѣ одна изъ религій девятнадцатаго столѣтія, сказалъ Брентъ, когда митингъ разошелся и мы отправились осматривать лагерь: — и подобный человѣкъ служитъ ея представителемъ и проповѣдникомъ!

— Надо отнести къ стыду нашего времени, что оно не приготовило людей, которые должны предотвращать подобнаго рода заблужденія.

Такъ Брентъ и я разсуждали о ереси Сиззума и ея пропагандистѣ. Мы осуждали эту систему, и съ отвращеніемъ говорили о ея основателѣ, какъ искусителѣ и плутѣ. При всемъ томъ мы не были особенно расположены принимать участіе въ тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ вводилъ въ заблужденіе. Они повидимому были слишкомъ невѣжественны или слишкомъ недальняго ума, чтобы нуждаться въ болѣе чистой духовной пищѣ.

Пока мужчины слушали поученія Сиззума, женщины приготовляли для нихъ тѣлесную пищу. Ароматъ печенаго хлѣба наполнялъ воздухъ. Тысячи ломтиковъ жирной ветчины поджаривались и шипѣли на двухъ стахъ сковородахъ,—въ двухъ стахъ кофейникахъ или

чайникахъ кипѣла вода. Наши праведники, какъ видно, не могли существовать исключительно одними проповѣдями.

Брентъ и я бродили по лагерю. Мы останавливались тамъ, гдѣ находили болѣе общительныхъ эмигрантовъ, и вступали съ ними въ разговоры. Всѣ они нетерпѣливо желали знать, скоро ли будетъ конецъ ихъ путешествію.

— Нѣкоторые изъ насъ начинаютъ убѣждаться, говорила ветхая старуха съ безчисленнымъ множествомъ морщинъ: — что намъ, подобно древнимъ израильтянамъ, суждено странствовать въ пустынѣ сорокъ лѣтъ. Я бы не поѣхала, Самвелъ, если бы знала, куда ты везешь меня.

— У насъ много такихъ, которые бы тоже не поѣхали, мать, возразилъ Самвелъ, смиренный мужчина, съ озабоченнымъ видомъ: — и мы бы не поѣхали, если бы заранѣе знали то, что узнали только теперь.

И Самвелъ печально посмотрѣлъ на своихъ запачканныхъ, оборванныхъ дѣтей, которыя дѣлали пирожки изъ грязи и vol-au-vents изъ пыли. Разговоръ этотъ былъ прерванъ неряшливой женой Самвела, которая объявила такимъ тономъ, какъ будто узнала отъ гремучей змѣи, что хлѣбъ испеченъ, ветчина изжарена, и ужинъ не будетъ ждать окончанія разговора.

Всѣ эмигранты были англичане. Ихъ акцентъ и діалектъ обличали въ нихъ ланкаширцевъ, и Ланкаширъ, какъ они объявили намъ, былъ ихъ домомъ въ старой мачихѣ отчизнѣ.

Дѣйствительно, Англія для этихъ дѣтей была мачихой! Не удивительно, что они находили жизнь свою дома невыносимою! Это былъ бѣднѣйшій классъ жителей большихъ мануфактурныхъ городовъ, дешевые ремесленники, занимающіеся по домамъ мастеровые, потерявшіе мѣста фабричные, — скопище самыхъ жалкихъ, изнуренныхъ созданій; если слово «сила» сообщаетъ идею о мужчинѣ, а «красота» — идею о женщинѣ, то можно сказать, что здѣсь не было ни мужчинъ, ни женщинъ. Ихъ лица говорили о долгихъ годахъ, проведенныхъ въ тѣсныхъ мастерскихъ съ спертымъ, испорченнымъ воздухомъ, въ такихъ же душныхъ, пропитанныхъ маслянистой атмосферой фабрикахъ. Вѣчная работа безъ всякихъ развлеченій была ихъ исторіей. Ни праздниковъ, ни зеленой муравы, ни полевыхъ цвѣтовъ, ни сельскаго воздуха, — ничего не знали они, ничего кромѣ тяжелаго, дурно оплачиваемаго труда, кромѣ голода, стоявшаго надъ ихъ работой и понуждавшаго ихъ работать и работать до истощенія силъ. Тутъ были и дѣти, но уже взрослыя и морщинистыя, ветхія, какъ старуха-мать Самвела; въ нихъ не было ни малѣйшихъ признаковъ дѣтской веселости. Бѣдняжки! они тоже въ теченіе долгихъ лѣтъ

работали по двѣнадцати, четырнадцати, шестнадцати часовъ на удушливыхъ фабрикахъ въ то время, когда бы имъ слѣдовало валяться по свѣжему сѣну, гоняться за бабочками, распускаться и разцвѣтать на открытомъ воздухѣ, подъ благотворными лучами солнца.

— Во всемъ караванѣ, сказалъ Брентъ:—мы не видѣли ни одного веселаго Джонъ-Буля, ни одной румяной Бетси-Буль.

— Они смотрятъ такъ, какъ будто вмѣсто мяса и пива, пищей и питьемъ имъ служили мякина и помои.

— Мясо и пиво принадлежитъ тѣмъ, у кого румяныя щеки и изъ груди которыхъ безпрестанно вырывается громкій задушевный смѣхъ, а ужъ ни подъ какимъ видомъ не этимъ тощимъ, блѣднымъ, жалкимъ созданіямъ.

— Одежда этихъ праведниковъ повидимому также плачевна, какъ и ихъ лица, сказалъ я. — Я думаю, ни одинъ караульный на вершинахъ ихъ Сіона не воскликнетъ, завидѣвъ ихъ издали: кто это идетъ сюда въ лучезарномъ одѣяніи!

— Въ теченіе такого длиннаго лѣтняго путешествія по этимъ пыльнымъ степямъ они могли пообноситься.

— А вотъ идетъ група въ болѣе веселомъ нарядѣ. Посмотри: воланы на платьяхъ, зонтики!

Мимо насъ прошло нѣсколько молоденькихъ женщинъ легкаго поведенія въ совершенно неумѣстныхъ, покрытыхъ множествомъ пятенъ, полинялыхъ шелковыхъ платьяхъ. Казалось, онѣ дѣлали вечерніе визиты и прикрывали свои загорѣлыя лица отъ октябрьскаго солнца изношенными, съ кружевными обшивками зонтиками. Ихъ костюмъ производилъ забавный эффектъ въ лагерѣ мормонскаго каравана у форта Бриджеръ. Онѣ были въ веселомъ расположеніи духа, и пришли въ небольшой паническій испугъ, замѣтивъ Брента въ индійскомъ нарядѣ; но сейчасъ же оправились, когда увидѣли, что воображаемый пауніецъ былъ красивый, молодой бѣлолицый человѣкъ.

— Быть можетъ, мы напрасно сожалѣемъ объ этихъ людяхъ, сказалъ Брентъ. — Развѣ нельзя допустить, что здѣсь имъ будетъ гораздо лучше, и что они по всей вѣроятности будутъ гораздо счастливѣе и спокойнѣе въ землѣ Утахъ, нежели въ грязныхъ и душныхъ закоулкахъ Манчестера?

— Трудъ мѣняется на трудъ, рабство на рабство; какъ ни пустынна страна Соленаго Озера, какъ ни грубы здѣшніе піонеры, я однако не сомнѣваюсь, что они будутъ счастливы. Но опять—религія!

— Я ее не защищаю; но скажи, что сдѣлала для нихъ Англія въ этомъ отношеніи, что она сдѣлала, чтобы заставить ихъ сожалѣть о ней? Какую пользу приносили этимъ несчастнымъ пролетаріямъ

каѳедральные соборы, скромныя сельскія церкви или тихія обители Оксфорда и Кэмбриджа? Я нисколько не удивляюсь, что они легко перешли на сторону мормонства,—этой энергической, безсовѣстной пропаганды, предлагающей избавиться отъ нищеты и общественнаго гнета, предоставляющей въ полное распоряженіе акры земли, за одни только хлопоты принять ее, обѣщающей высокіе троны на небѣ и даже на землѣ, если только праведники соберутся вмѣстѣ, отправятся назадъ и завладѣютъ ихъ старинными землями въ Иллинойсѣ и Миссури.

Въ это время мы приблизились къ вершинѣ эллипса. Сиззумъ, какъ опытный квартермистръ, исполнилъ свою обязанность превосходно. Большіе синіе береговые ковчеги, покрытые по обручамъ бѣлой парусиной, находились въ отличномъ состояніи во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ этихъ передвижныхъ коттэджахъ господствовалъ порядокъ или хаосъ, смотря по характеру обитателей. Есть люди, которые, повидимому, знаютъ цѣну одного только мусора и дорожатъ имъ. Они берегутъ старые башмаки, старыя шляпы, битые кувшины, смятую жестяную посуду, какъ предметы величайшей рѣдкости. Нѣкоторыя изъ повозокъ были наполнены подобной дрянью. Нѣкоторыя пообчистились отъ нея, побросавъ ее по дорогѣ, и сдѣлались чистенькими и уютненькими гнѣздами, но все-таки число крысьихъ гнѣздъ преобладало надъ птичьими.

Небольшая, чистенькая повозка стояла вблизи головы каравана. Мы было только взглянули на нее и прошли мимо, какъ это дѣлали, проходя по всей линіи; но по мѣрѣ приближенія къ ней, наше вниманіе было отвлечено Ларраномъ и Морнеромъ. Они въ небольшомъ разстояніи отъ этой повозки пристально въ нее всматривались,—но завидѣвъ насъ, въ ту же минуту повернули назадъ и скрылись.

— Что эти гадины дѣлаютъ тутъ? сказалъ Брентъ.

— Выбираютъ, быть можетъ, какую нибудь послѣдовательницу мормонства, чтобы ночью увезти ее, или замышляютъ грабежъ.

— Ни къ кому я не имѣлъ такого отвращенія, какъ къ этимъ двумъ мерзавцамъ. Я столько въ своей жизни видѣлъ этихъ звѣрей, что теперь слѣдовало бы, кажется, сдѣлаться равнодушнымъ къ нимъ, но эти два освѣжаютъ во мнѣ омерзѣніе каждый разъ, какъ я вижу ихъ.

— Я думалъ, что послѣ того, какъ ты взялъ за шиворотъ Ларрана, мы покончили съ ними.

— Ты помнишь мои предчувствія въ ту ночь, когда они пристали къ намъ? Я боюсь, что они еще отомстятъ намъ какой нибудь пакостной штукой. Ихъ «лексиконъ», какъ выразился Шамберлэнъ,

лексиконъ мошенничества и подлостей, принадлежитъ къ числу самыхъ полныхъ изданій этого рода.

— Подобнымъ гадинамъ не слѣдовало бы позволять приближаться къ такой хорошенькой клѣткѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, премиленькая клѣтка. Вѣрно объ убранствѣ ея заботилась Филлида съ болѣе нѣжными и чистенькими ручками, чѣмъ у тѣхъ, которыхъ мы встрѣчали.

— Да; хозяйка этого подвижнаго палаццо по всей вѣроятности не утратила любви къ чистотѣ и аккуратности. Эту повозку можно назвать образцовой изъ всего каравана. Утонченный вкусъ не чуждъ и пилигримамъ Сиззума; эта повозка служитъ доказательствомъ.

— Хорошенькая клѣтка имѣетъ свою птичку, и тоже быть можетъ хорошенькую. Посмотри! позади повозки сдѣлана занавѣска изъ женскаго платка.

— Эта птичка вѣрно разгадала, что за звѣри Ларранъ и Моркеръ, и вѣроятно спряталась.

— Однако довольно, и то долго простояли, — пойдемъ дальше.

ГЛАВА X.

ЭЛЛЕНЪ! ЭЛЛЕНЪ!

Мы повернули прочь отъ хорошенькой клѣтки, чтобы не напугать въ ней птичку, хорошенькую или нѣтъ, это все равно, когда какой-то довольно пожилой мужчина, присматривавшій за огнемъ въ сторонѣ отъ повозки, взглянулъ на насъ и сказалъ:—добрый вечеръ!

Въ мірѣ существуетъ небольшое, но старинное братство, подъ названіемъ Ордена Джентльменовъ. Это величественный старинный орденъ. Какой-то поэтъ сказалъ, что его основалъ Христосъ; что онъ «былъ первымъ истиннымъ джентльменомъ».

Я могу однако указать нѣсколько личностей изъ отдаленнѣйшей древности, какъ на весьма достойныхъ членовъ этого братства. Я полагаю, что существованіе его современно существованію человѣка. Но Христосъ установилъ правила этого братства, даровавъ всему человѣчеству моральный законъ, заключающійся въ двухъ статьяхъ: любви къ Богу и любви къ ближнему. Кто напечатлѣлъ этотъ законъ въ глубинѣ своего сердца и свято соблюдаетъ его въ теченіе всей своей жизни, тотъ безъ сомнѣнія вступаетъ въ самые внутренніе кружки ордена.

Для защиты себя отъ ложныхъ приверженцевъ, это братство, какъ и всякія другія, имѣетъ свои обряды, свои лозунги, свои условные знаки и даже свою форму. Все это наружные символы. Для нѣкоторыхъ символъ имѣетъ большее значеніе, нежели предметъ, опре-

дѣляемый символомъ. Этотъ опредѣляемый предметъ такъ прекрасенъ самъ по себѣ, что достаточно одного внѣшняго знака. Наружный видъ джентльмена — составляя искусство, выраженіе идеи въ формѣ,—можетъ сдѣлаться собственнымъ достояніемъ, какъ всякое искусство. Онъ можетъ быть наслѣдственнымъ въ какомъ нибудь старинномъ домѣ, подобно портрету героя, который доставилъ своему семейству имя и славу; подобно портрету дѣвственной мученицы или вѣрной жены, которая сдѣлала это имя любимымъ и эту славу предметомъ поэзіи для всѣхъ вѣковъ. Съ такимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ, какъ и вообще со всѣмъ прекраснымъ и нѣжнымъ, обходились иногда черезчуръ заботливо. Опекуны и наставники иногда до такой степени пеклись о томъ, чтобы ихъ питомцы не утратили своего мѣста въ орденѣ джентльменовъ, что забывали сдѣлать изъ нихъ прежде всего человѣка. Воздѣлывая цвѣтокъ, они не думали объ укрѣпленіи стебля, о поддержаніи его здоровья. Видомъ джентльмена можетъ обладать и слабое существо, или онъ можетъ перейти въ наслѣдство человѣку, который по своему сердцу недостоинъ этого названія.

Формулы этого братства не изданы въ свѣтъ; его лозунги не облечены въ слова; его форма никогда не красовалась на модныхъ картинкахъ, нигдѣ не была описана такимъ образомъ, чтобы снобсъ могъ придти къ портному и сказать: — сшейте мнѣ платье джентльмена. А между тѣмъ братья этого ордена при встрѣчѣ узнаютъ другъ друга безошибочно, — все равно, будутъ ли это замкнутые джентльмены,—то есть, джентльмены въ душѣ и въ образѣ жизни,—или открытые—джентльмены по чувству и обращенію.

Какъ бы вы ни захотѣли скрыть эту отличительную характеристику, какія бы ни придумывали для этого маски или переряжанья,— она все-таки обнаружится. Ни странность мѣста, ни обстоятельства, не могутъ въ этомъ отношеніи служить преградой. Эти люди встрѣчаются. Между ними является магнетизмъ, и уже все высказано, и все объяснено безъ словъ. Джентльменъ узнаетъ джентльмена посредствомъ того, что мы называемъ инстинктомъ. Но замѣтьте, этотъ инстинктъ есть особенное отличительное свойство въ его прекраснѣйшемъ, тончайшемъ, обширнѣйшемъ и самомъ сосредоточенномъ дѣйствіи. Это есть соприкосновеніе душъ.

Брентъ и я не хотѣли показаться скучными посѣтителями лагеря и пошли прочь отъ чистенькой повозки въ верхней части мормонскаго лагеря, когда довольно пожилыхъ лѣтъ мужчина окликнулъ насъ словами:—Добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ, джентльмены, сказалъ очутившійся передъ нами блѣдный, сѣдой мужчина.

И все тутъ. Но этого было довольно. Мы узнали другъ друга; мы узнали его, онъ — насъ. Мы были члены одного и того же братства, слѣдовательно, были братья и друзья.

Здѣсь была невѣроятность, внезапно возбудившая сильный интересъ, — но сильнѣе въ насъ, нежели въ немъ. Мы были на своемъ мѣстѣ. Онъ попалъ не въ свое общество.

Брентъ и я посмотрѣли другъ на друга. Мы съ перваго взгляда вполовину угадали въ этомъ человѣкѣ нашего собрата.

Какъ легко читаются нѣкоторые люди! Всѣ тѣ, которые имѣли или которымъ предстоитъ имѣть какую нибудь исторію, представляютъ собою для опытнаго дешифрера книги на хорошо знакомомъ ему языкѣ. Но нѣкоторыя трагедіи такъ пристально и съ такой глубокой печалью смотрятъ на насъ, что мы прочитываемъ ихъ однимъ взглядомъ. Мы съ грустью отворачиваемся въ сторону. Мы поняли всю исторію прошедшей скорби, и предсказываемъ въ будущемъ отчаяніе.

Я не хочу теперь разсказывать неоконченной, грустной исторіи, которую мы прочитали на этомъ новомъ лицѣ. Англичанинъ — несомнѣнный джентльменъ, и въ мормонскомъ лагерѣ,—тутъ было довольно трагедіи. Такъ довольно, что она шепнула намъ удалиться и не тревожить себя напраснымъ сожалѣніемъ; съ другой же стороны она повелительно приказывала намъ остановиться и посмотрѣть, не было ли для насъ, какъ истинныхъ рыцарей, враговъ всякаго зла и защитниковъ слабости, какого нибудь дѣла. Тотъ же самый инстинктъ, который открылъ намъ одного изъ нашихъ собратій тамъ, гдѣ бы ему не слѣдовало быть, предупреждалъ насъ, что онъ могъ въ чемъ нибудь разсчитывать на насъ и мы должны были удовлетворить его.

Мы отвѣтили на его привѣтствіе.

Мы хотѣли было продолжать разговоръ, когда онъ открылъ новую страницу трагедіи. Голосомъ слишкомъ печальнымъ для выраженія ропота,—дрожащимъ голосомъ, которому не суждено было болѣе окрѣпнуть вслѣдствіе какой нибудь благотворной надежды, онъ кликнулъ:

— Элленъ! Элленъ!

— Что угодно, дорогой папа?

— Вода кипитъ. Пожалуйста, дитя мое, принеси чай.

— Сейчасъ, папа.

Отвѣты выходили изъ повозки. Это была пѣсня той птички, гнѣздо которой мы хвалили. Грустная пѣсня. Голосъ женщины можетъ въ одномъ словѣ высказать длинную исторію печали. Этотъ удивительный инструментъ, нашъ голосъ, измѣняетъ свой timbre при каждой нотѣ, которую онъ производитъ, какъ лицо измѣняется при каж-

домъ взглядѣ, пока не овладѣетъ имъ господствующее чувство и не сообщитъ качества тону и характера выраженію.

Голосъ, отвѣчавшій на призывъ стараго джентльмена, былъ грустный и съ тѣмъ вмѣстѣ очаровательный. Голосъ лэди,—голосъ высоковоспитанной женщины—нѣжный, звучный, полный самообладанія. Звуки его въ подобномъ мѣстѣ тоже сообщали идею о трагедіи. Никакое временное переходное разочарованіе или бѣдствіе никогда не отпечатывало своихъ слѣдовъ на произношеніи такъ глубоко: здѣсь было слышно, что печаль длилась въ теченіи всей жизни, что она началась очень давно, въ тѣ дни, когда дѣтство должно было бы пройти беззаботно, а если оно и замѣчало значеніе своихъ переходныхъ моментовъ, должно было бы помнить каждый изъ этихъ моментовъ какъ особенный праздникъ, — съ этой печалью до того сроднились, что она обратилась въ постоянную атмосферу жизни. Голосъ незнакомки возбуждалъ невольное сочувствіе.

И все-таки этотъ голосъ, дававшій намъ ключь къ исторіи невидимой лэди, не требовалъ ни малѣйшаго сожалѣнія. Въ немъ не было слышно ни стона, ни жалобы; ни даже ропота, ни горечи, ни досады. Произношеніе было смѣлое. Если въ немъ не звучало надежды, то все же оно было рѣшительно. Въ этой очаровательной музыкѣ ни одинъ звукъ не обнаруживалъ отчаянія. Тоны, вызывавшіе на бой судьбу, были заглушены; но не были заглушены тоны, которые на преждевременную побѣдную пѣснь судьбы отвѣчали: «не сдамся». Пріятно было убѣдиться, что тутъ была непоколебимая душа.

Въ призывѣ отца звучала полуповелительность, полузависимость,—обнаруживалась слабая натура, все еще удерживающая за собою власть, которой не въ состояніи было оказывать надъ существомъ болѣе сильнымъ. Въ отвѣтѣ дочери — какое-то снисхожденіе къ этой слабой попыткѣ присвоенія себѣ власти.

Не покажется ли все это черезчуръ большимъ открытіемъ въ нѣсколькихъ простыхъ словахъ, которыя мы услышали? Анализъ могъ бы сдѣлать безпредѣльно больше. Каждый взглядъ, тонъ, жестъ человѣка есть уже въ своемъ родѣ символъ всей его натуры. Если мы станемъ строго употреблять микроскопъ, то можемъ увидѣть въ нѣжномъ организмѣ проявленія души въ каждый моментъ бытія. А чѣмъ совершеннѣе созданіе, тѣмъ многозначительнѣе и таинственнѣе становится каждая привычка тѣла или души, и каждое движеніе могущественнѣе самой привычки.

Въ одинъ моментъ, такъ очаровательно отозвавшаяся лэди выглянула изъ повозки, граціозно спрыгнула съ подножки и представилась въ болѣе дѣятельномъ и веселомъ видѣ, чѣмъ обѣщалъ ея голосъ.

И вотъ снова тотъ же тонкій магнетизмъ явился между ней и на-

ни. Мы бы не могли быть болѣе убѣждены въ ея правѣ на безусловное уваженіе и вниманіе, если бы она вошла къ намъ при полусвѣтѣ роскошной гостинной, или если бы была представлена, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, какимъ нибудь лицомъ большаго свѣта, при отсутствіи всякой другой обстановки, кромѣ этой дикой, безлюдной пустыни, оживленной на короткое время мормонскимъ караваномъ. Молоденькая леди, подобно ея отцу, сейчасъ же угадала, что мы были джентльмены и слѣдовательно поняли ее. Она спокойно поклонилась намъ. Въ ея манерахъ проглядывалъ безмолвный и невольный протестъ противъ обстоятельствъ, на сколько это касалось ея достоинства. Вульгарная женщина сейчасъ бы приняла глупый тонъ и неуклюжій видъ особы, видавшей лучшіе дни. Эта леди знала себя, какъ знала и то, что ея никто не приметъ за что либо другое, чѣмъ она была. Грубый фонъ, на которомъ она рисовалась, еще рельефнѣе выставлялъ ея благородство.

Впрочемъ ей вовсе и не нуженъ былъ фонъ, не нужны были для контраста эти горемыки мормонскаго каравана. Она могла бы вынести полное освѣщеніе безъ всякой тѣни.

Мы не удивились при ея появленіи. Какъ впослѣдствіи оказалось, мы вѣрно разгадали ея отца. Ея голосъ уже вполовину раскрылъ ея личность. Пусть же ея лицо продолжаетъ дальнѣйшее раскрытіе. Мы уже слышали, что ея имя было Элленъ. — Это съ самаго начала сближало насъ съ незнакомой женщиной, какъ съ женщиной, сестрой, дочерью, и подчиняло обстоятельства жизни — самой жизни.

Итакъ, Элленъ, неизвѣстная леди мормонскаго каравана, была красавица, воспитанная въ высшемъ обществѣ. У англичанокъ обыкновенно оказывается недостатокъ въ такомъ совершенствѣ красоты, какимъ обладала Элленъ. Она обязана своей нѣжной смугловатостью, быть можетъ, какой нибудь сицилійской невѣстѣ, которую ея норманскій предокъ похитилъ съ древнихъ игрищъ Прозерпины и привезъ съ собой въ Англію, когда сдѣлался тамъ завоевателемъ. Ея носъ не совсѣмъ былъ орлиный.

Положительно орлиные носы слѣдовало бы отрѣзывать. Они безобразны; они безнравственны; они показываютъ расположеніе къ чувственности; они любятъ деньги,—они находятъ наслажденіе въ бѣдствіи другихъ. Хищныя и самыя худшія птицы имѣютъ загнутые клювы; то же самое можно сказать и о мужчинахъ, объ этихъ орлахъ и коршунахъ человѣческой расы. Срѣжьте эти клювы, они обозначаютъ наклонность къ жестокости, къ кровожадности, къ плотоядію. За нѣкоторыми исключеніями, эту породу слѣдовало бы истребить.

Носъ Элленъ былъ выразительный и гордый. А какъ хорошо, когда лицо имѣетъ возможность гордиться своимъ носомъ. Тогда за

губками остается только прелесть и лукавая усмѣшка. Кромѣ того гордость, или, если это слово кажется страннымъ, сознательная и смѣлая индивидуальность должна быть характеристикой лица. Эту характеристику или эти качества долженъ выражать носъ. Выше носа—глаза могутъ отъ времени до времени показывать проблески ума; ниже его — ротъ носить пріятную улыбку, — потомъ щеки — поддерживать во всемъ лицѣ равновѣсіе;—подбородокъ—показывать продолговатую ямочку, сообщающую идею о нѣжной и многосторонней, или непритворной и сосредоточенной натурѣ; брови—сосредоточеніе мысли, или ея отсутствіе; но каждая изъ этихъ частей ни болѣе, ни менѣе, какъ данницы носа, который величественно возвышается посреди ихъ и съ достоинствомъ смотритъ на свои капризныя владѣнія.

Но довольно! моя обязанность описывать героиню, а не разбирать физіономію, типомъ которой служитъ ея лицо.

Ея носъ, какъ я уже сказалъ, былъ выразительный и гордый. Очертаніе ея ноздрей когда-то способствовало къ выраженію насмѣшки. Когда-то, но не теперь. Печаль и сожалѣніе сгладили эту насмѣшку, и въ то же время смягчили повелительный тонъ ея голоса. Твердость, самоуваженіе, скрытое негодованіе оставались неизмѣнными. Это была сильная женщина, сила которой заключалась въ энергической и страстной душѣ. Спокойная женщина, но до времени, пока въ ней не вспыхивало пламя. Берегитесь возбудить ее! Не потому, что въ ея лицѣ было мщеніе. Нѣтъ; не потому, что оно грозило кинжаломъ или ядомъ. Нѣтъ, — это была женщина, которая скорѣе бы согласилась умереть, нежели позволить нанести себѣ оскорбленіе. Однимъ спокойнымъ рѣшительнымъ взглядомъ она могла остановить дерзкаго, дѣлаясь въ то же время блѣднѣе и блѣднѣе, непорочнѣе, выше земной непорочности, до тѣхъ поръ, пока кипучая кровь снова и сильнымъ притокомъ не врывалась въ ея сердце и она представлялась тому же дерзкому бѣлою и холодною, какъ мраморная статуя.

Вотъ какую женщину пришлось намъ встрѣтить въ мормонскомъ караванѣ! И между тѣмъ до какой степени была она способна перенести всѣ удары ужасной судьбы!

Ея волосы были зачесаны назадъ, и имъ строго воспрещалось капризничать и быть такими прекрасными, какими они были на самомъ дѣлѣ; это были прихотливо вьющіеся волосы, и на столько черные, что могли своей чернотой поспорить съ мастью Фулано. Но какъ строго ни держала она ихъ, они все-таки упорно вырывались тамъ и здѣсь небольшими кудрявыми прядями, какъ будто для того,

чтобы показать свою прелесть и то, чѣмъ могли бы они быть, если бы имъ дана была полная свобода.

Ея глаза были сѣрые, съ фіолетовымъ оттѣнкомъ. Брови тонкія и прямыя. Будь у нея страстные, томные черные глаза, въ которыхъ съ трудомъ удерживаются слезы при радости или печали,—и тотъ темпераментъ, который обличаютъ подобные глаза, ея слезы давнымъ давно свели бы ее въ могилу. Никакая женщина не могла бы безъ сокрушенія смотрѣть на ту скорбную жизнь, которой Эленъ обрекала себя, не могла бы ее перенесть. Эти сѣрые глаза выражали твердость, терпѣніе, надежду и силу господствовать надъ судьбой, а если не господствовать, то презирать ее.

Она была нѣсколько блѣдна и худощава. Скучное и тяжелое путешествіе по этимъ пыльнымъ степямъ къ мѣсту своего изгнанія не могло обратить ее въ веселую румяную дѣвушку. Одни только ея тонкія, красивыя губки доказывали, что въ ней существовалъ еще румянецъ, но ускользалъ отъ взора.

Это была созрѣвшая женщина, вышедшая и душой и тѣломъ изъ предѣловъ дѣтства. При всей ея серьезности, она не могла скрыть своей привлекательности, которая безпрестанно вырывалась наружу. Если бы она была въ состояніи олицетворить собою счастіе, какой дивный міръ она бы внезапно создала вокругъ себя!

На ней было простое шерстяное платье, приличное всякой женщинѣ, отправляющейся въ путешествіе. Она очевидно употребляла всѣ средства для того, чтобы устранить признаки дорожной неопрятности. Сравнительно съ тѣми пышными, но грязными шелковыми нарядами на молодыхъ женщинахъ, которыхъ мы недавно видѣли, простота ея наряда была очаровательно свѣжа. Можно ли допустить, чтобы она принадлежала къ одной съ ними расѣ? Онѣ также рѣзко отличалися отъ нея, какъ все грубое отъ утонченнаго, какъ серебро отъ мѣди. Видѣть ее въ этомъ сбродѣ, въ этой ордѣ—было ужасно. Тѣмъ болѣе ужасно, что она не могла оставаться слѣпою къ своему положенію и къ своей судьбѣ. Она не могла не видѣть, какая гибель ожидала здѣсь все прекрасное. Что она все это видѣла, не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Строгою простотою своего наряда она старалась сгладить съ себя все, что только обнаруживало въ ней ея происхожденіе. Попытка совершенно напрасная! Ея красота торжествовала надъ всѣми усиліями, которыя она предпринимала ради долга.

Всѣ эти замѣчанія были сдѣланы мною однимъ взглядомъ. Всякое описаніе покажется страннымъ, когда подумаемъ, какимъ образомъ одинъ взглядъ можетъ сразу обнять такое множество предметовъ, для созданія которыхъ требовалась цѣлая жизнь.

Брентъ и я обмѣнялись взглядами. Это былъ результатъ нашихъ

странныхъ предчувствій. Мы увидѣли женщину, съ которой боялись встрѣтиться. Но все-таки это видѣніе представлялось неправдоподобнымъ. Мнѣ все казалось, что вотъ одѣяло старика джентльмена поднимется съ нимъ и его дочерью, какъ коверъ самолетъ, и внезапно унесетъ ихъ отсюда, оставивъ насъ подлѣ мормонской повозки въ лагерѣ Сизэума, передъ грязной семьей, поджаривавшей на ужинъ ветчину.

Я смотрѣлъ снова и снова, и видѣлъ дѣйствительность. Передо мной стояла чистенькая, уютная повозка;—слабый, робкій, старый джентльменъ, хлопотавшій около огня, и наконецъ эта прелестная дѣвушка, дѣятельно занимавшаяся приготовленіемъ чая и нѣжно улыбавшаяся своему отцу.

ИСТОРІЯ ПОЛИ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Въ добромъ городѣ Плѣснеозерскѣ, на масляницѣ, у Егора Петровича Счетникова были званые блины.

Прежде всего позвольте пояснить вамъ, кто такой былъ Егоръ Петровичъ.

Года за три передъ тѣмъ, пріѣхалъ онъ на службу изъ Петербурга въ Плѣснеозерскъ. Человѣкъ онъ былъ женатый и женился по любви. Любовь эта началась еще въ ту пору, когда Егоръ Петровичъ носилъ кадетскую куртку. Въ продолженіе двухлѣтняго пребыванія въ юнкерахъ, онъ пребылъ вѣренъ предмету своей страсти. Родители милочки или милки, какъ обыкновенно Егоръ Петровичъ называлъ во всеуслышаніе свою жену, люди не бѣдные, смотрѣли не совсѣмъ благосклонно на взаимную привязанность молодыхъ людей. Сама «милочка», съ годами все болѣе и болѣе понимавшая практичный строй жизни, сохранила въ своемъ сердцѣ ровно столько любви къ Егору Петровичу, сколько нужно сохранить ея для кандидата, котораго про всякій случай берегутъ на запасъ. Но время шло. «Милочкѣ» пошелъ двадцать девятый годъ. Она стала желтѣть и худѣть. Другихъ кандидатовъ не навертывалось и родители, скрѣпивъ сердце, благословили ее на бракъ съ Егоромъ Петровичемъ.

Исторія любви и брака Егора Петровича извѣстна была всѣмъ плѣснеозерцамъ, потому что онъ любилъ разсказывать о ней эффектно, рисуясь въ ней романическимъ героемъ. Истинному значенію этой исторіи суждено было на вѣки остаться непроницаемымъ для его смысла. Худобу и желтизну «милочки» онъ приписывалъ страсти къ своей особѣ, и разсказывая

свой романъ уже не при всѣхъ, а конфиденціально, какому нибудь одному лицу, обыкновенно заключалъ его жалобами на родителей «милочки».

«Вотъ, восклицалъ онъ, выставивъ впередъ обѣ руки, мучили, мучили, да и отдали мнѣ ее, когда она уже изсохла, какъ скелетъ».

Вскорѣ послѣ брака, одна добродѣтельная княгиня, о которой любила упоминать «милочка» въ разговорахъ съ плѣснеозерцами, доставила посредствомъ своей протекціи Егору Петровичу такое мѣстечко въ Плѣснеозерскѣ, гдѣ онъ зажилъ спокойно и безбѣдно полезнымъ гражданиномъ отечества. Егоръ Петровичъ, успокоенный на счетъ матеріальнаго благосостоянія и имѣя очень много свободнаго времени, занялся полезнымъ дѣломъ, т. е. непрерывными заботами и попеченіями объ умственномъ и нравственномъ благосостояніи не только собственной своей особы, но и всѣхъ добрыхъ людей, съ которыми водился. А водился-то онъ со многими, потому что самъ любилъ поѣсть, попить и друзей угостить. Говоритъ пословица, что глупому сыну не въ прокъ и богатство. Егору Петровичу природа дала лишь одинъ талантъ—даръ слова, и онъ, нельзя пожаловаться, не зарывалъ его въ землю. Надо было послушать, какъ на какомъ нибудь вечерѣ иль обѣдѣ, или даже просто въ какомъ нибудь мужскомъ или женскомъ кружкѣ, все равно, чуть только срывалось у кого-нибудь съ языка одно изъ тѣхъ современныхъ словъ, которыя нынче такъ въ ходу, Егоръ Петровичъ подхватывалъ его на лету и въ тоже мгновеніе дѣлалъ грандіозный жестъ рукою, вѣжливо приглашавшій говорившаго къ молчанію. Руки у Егора Петровича были маленькія, бѣлыя, и правая на указательномъ пальцѣ украшалась художественнымъ перстнемъ.

«Позвольте, говаривалъ онъ обыкновенно, я разовью вамъ эту идею».

И за тѣмъ начиналъ ораторствовать, и ораторствовалъ до тѣхъ поръ, пока утомленные слушатели начинали зѣвать и переставали возражать ему. Читалъ Егоръ Петровичъ мало, за недостаткомъ времени. Днемъ онъ занятъ былъ службою, вечеромъ картами, или обсужденіемъ міровыхъ вопросовъ. Но онъ часто по службѣ ѣздилъ въ Петербургъ, и тамъ подхватывалъ на лету толки о разныхъ современностяхъ. Память у него была хорошая и онъ обыкновенно привозилъ въ Плѣснеозерскъ

богатый запасъ разнообразныхъ свѣдѣній и мнѣній различныхъ авторитетовъ. Но дѣло въ томъ, что запасъ этотъ никогда не пережевывался, да и не могъ пережеваться въ его головѣ, по крайней невѣжественности Егора Петровича во всѣхъ отрасляхъ знаній. Изъ этого слѣдовало то, что въ словахъ его не было послѣдовательности и логики. Сегодня онъ противорѣчилъ тому, что говорилъ вчера. Но это его нисколько не смущало и не препятствовало ему говорить обо всемъ на свѣтѣ и все разрѣшать самымъ рѣзкимъ, безапелляціоннымъ образомъ.

Прогрессъ, какъ всѣмъ извѣстно, хорошее, святое дѣло. Но такіе распространители прогресса въ провинціальныхъ городахъ, какъ нашъ Егоръ Петровичъ—великое зло. Это темныя пятна на солнцѣ, ржавчина на металлѣ. Не одинъ почтенный отецъ семейства, въ Плѣснеозерскѣ живущій какъ за китайской стѣною, въ нѣдрахъ патріархальнаго быта, потолковавъ нѣсколько разъ съ Егоромъ Петровичемъ о разныхъ разностяхъ и поймавъ его въ непослѣдовательности, и главное, видя явную разногласицу между словами и дѣйствіями, пятился отъ него еще дальше за свою китайскую стѣну. Еще сильнѣе укоренялось въ немъ предубѣжденіе противъ всякой человѣчной мысли, которыя Егоръ Петровичъ умѣлъ выводить на сцену, но не умѣлъ доказывать; добродѣтельный отецъ семейства еще усерднѣе принималъ мѣры, чтобы зараза прогресса не пахнула въ его гнѣздо, на томъ основаніи, что прогрессъ есть ни что иное, какъ вредная болтовня, и прогрессисты — пустѣйшій народъ.

На званые блины собралось многочисленное общество. Дамы сидѣли въ гостиной, мужчины въ столовой. Много ихъ тутъ было, нашихъ добрыхъ плѣснеозерцевъ. Между ними шелъ горячій споръ. Кружокъ раздѣлился на старое и новое поколѣніе. Къ представителямъ стараго поколѣнія принадлежали: богатый помѣщикъ, отличавшійся своею громадностію и хорошимъ аппетитомъ, пожилой докторъ съ язвительною усмѣшкою, лечившій больныхъ по таксѣ, судья, городничій и еще нѣсколько почтенныхъ личностей, которыхъ безполезно описывать. Дѣятелями новаго поколѣнія являлись: бѣлокурый молодой человѣкъ съ оторопѣвшею физіономіей, точно будто онъ вѣчно ожидалъ, что вотъ его сейчасъ распечетъ начальникъ; молодой, высокій брюнетъ, сильно взъерошенный, со стеклыш-

комъ, болтавшимся на жилетѣ; плотный, румяный юноша, котораго maman его называла Валери; офицеръ съ нѣмецкой фамиліей и безмятежнымъ выраженіемъ лица,—въ главѣ всѣхъ Егоръ Петровичъ. Священникъ, сидѣвшій противъ доктора, не занимался мірскою суетою и не принималъ участія въ спорѣ, а спокойно кушалъ блины, запивая ихъ хересомъ. Подлѣ него сидѣлъ другой докторъ госпитальный, молодой человѣкъ, только что пріѣхавшій изъ Петербурга, онъ также не принималъ участія въ спорѣ, но слѣдилъ за нимъ съ живымъ любопытствомъ, какъ новичокъ въ этомъ обществѣ.

Говорилъ Егоръ Петровичъ, сопровождая слова свои жестами, такъ что перстень сверкалъ во всѣхъ направленіяхъ.

— Нѣтъ, господа, повторялъ онъ уже въ третій разъ, потому что рѣчь его безпрестанно перебивали:—идея браковъ по контракту самая гуманная идея. И настанетъ пора, когда весь міръ признаетъ справедливость этой идеи.

— Да полноте вамъ, перебилъ его пожилой докторъ, говорившій въ носъ и на распѣвъ:—всѣ эти ваши современныя идеи бредъ горячихъ головъ, чистѣйшая идеалистика.

— Такъ по вашему выходитъ, что вся Европа бредитъ, всѣ умнѣйшіе люди бредятъ! горячился Егоръ Петровичъ:—я сейчасъ разовью гуманную сторону идеи браковъ по контракту. Возьмите вы положеніе женщины. Возьмемъ хоть съ фактовъ, которые совершаются у насъ ежедневно.

— Гдѣ вы икру покупали, Егоръ Петровичъ? спросилъ священникъ басомъ.

— Изъ Москвы выписалъ.

— Отличная икра.

— Нашъ вѣкъ, замѣтилъ румяный юноша, обращаясь къ пожилому доктору:—нельзя упрекнуть въ идеальныхъ стремленіяхъ. Напротивъ, теперь вездѣ, во всемъ развивается практичность.

— Знаемъ мы вашу практичность, проговорилъ докторъ, усмѣхнувшись сквозь зубы.—На словахъ вы всѣ города берете.

— Да, нашъ вѣкъ практичный, сказалъ блондинъ, съ оторопѣвшей физіономіей.—Кумиръ поэзіи разбитъ и низвергнутъ съ пьедестала. Мѣсто его заступаетъ геній промышленности, спекуляцій.

— Не разбитъ еще, не горюйте, перебилъ докторъ, язви-

тельно усмѣхнувшись.—Вотъ вы и сами вѣдь только что не риѳмами говорите.

Блондинъ покраснѣлъ и опустилъ глаза на тарелку, точно его уличили въ какомъ нибудь злоeредномъ поступкѣ.

— Наше время—славное время, заговорилъ Егоръ Петровичъ, который въ хлопотахъ хозяина, угощающаго на славу своихъ гостей, уже отвлекся отъ развитія идеи браковъ по контракту. — Въ наше время подняты всѣ человѣчные и научные вопросы, выработываются свѣтлые, ясные взгляды, въ женщинѣ перестаютъ уже видѣть рабу.

— Нѣтъ, ужь позвольте, Егоръ Петровичъ, позвольте, перебилъ громадный помѣщикъ: — вотъ на этомъ-то мы и остановимся. Ваши времена ужь что-то больно мудреныя времена. Про научные вопросы слова нѣтъ! Выработываются новые взгляды, ну и прекрасно, и пускай ихъ. На это ученье есть. Коли открывается что новое въ наукѣ — это обязанность ихъ, доводить до свѣдѣнія публики. А вотъ насчетъ женщинъ-то или, какъ вы называете это, извините меня, выходитъ совсѣмъ въ разладъ съ здравымъ смысломъ.—Кричатъ, свобода женщинъ, равенство женщинъ съ мужчинами? Помилуйте, да съ чѣмъ же это сообразно? Въ наше время, мы такихъ вещей и не слыхивали. Кто заговорилъ бы, сумасшедшимъ назвали бы! Самъ Богъ сотворилъ женщину слабѣе мужчины. Какое же тутъ можетъ быть равенство? А свобода имъ на что? Я даже и не понимаю, какую имъ свободу надобно? Вѣдь не подъ замкомъ же онѣ у насъ живутъ. Вѣдь мы не турки! Слава Богу, разъѣзжаютъ онѣ у насъ по магазинамъ въ волю... Нѣтъ, воля ваша, а мудреныя нынче времена. Все нынче какъ-то на изворотъ! Прежде зло и считалось зломъ — а добро добромъ. А нынче у васъ и не разберешь, что по вашему добро и что зло. Прежде женщина, нарушившая свой долгъ, такъ и считалась безнравственною женщиною, и всѣ считали ее достойною осужденія, а нынче говорятъ,—что не за что ее винить—состраданія достойна,—гуманность-дескать,—а какая гуманность! Безнравственность просто. Страстямъ волю даютъ. И женщинъ-то развратить хотятъ! А все это надѣлали французскіе писаки ваши, Вольтеръ, да вотъ эта, какъ ее.... Жоржъ-Зандъ, прибавилъ помѣщикъ и отъ негодованія стукнулъ даже по столу вилкой.

— Вы пожалуй обвините Вольтера и Жоржъ-Зандъ въ

томъ, что и американскіе штаты отдѣлились отъ Англіи, сказалъ насмѣшливо брюнетъ со стеклышкомъ.

Помѣщикъ захлопалъ глазами.

— Къ чему вы тутъ американскіе штаты-то выводите на сцену? проговорилъ онъ наконецъ.

— Да оттого, началъ Егоръ Петровичъ:—что американскія учрежденія первыя признали до нѣкоторой степени за женщиною человѣческія права, признали въ ней существо свободно мыслящее, гражданина.

— Ну, батюшка, на это я вамъ скажу вотъ что: — славны бубны за горами. То, что примѣнимо къ Америкѣ, непримѣнимо къ Россіи!

— Да почемужъ непримѣнимо? почемужъ непримѣнимо, почтеннѣйшій Андрей Степанычъ? горячился Егоръ Петровичъ.

— Да потому что непримѣнимо, да и все тутъ. Да что съ вами толковать, господа, прибавилъ помѣщикъ, и вставъ изъ-за стола, направился въ залъ.

— Гуманность примѣнима ко всѣмъ національностямъ, закричалъ ему вслѣдъ румяный юноша.

Пожилой докторъ, судья и еще нѣсколько человѣкъ стараго поколѣнія отправились вслѣдъ за помѣщикомъ.

— Ну вотъ подите и толкуйте съ нимъ, проговорилъ Егоръ Петровичъ.

— Охота вамъ толковать съ нимъ, что онъ смыслитъ, замѣтилъ румяный юноша.

— Да нѣтъ, господа, вѣдь ужъ это изъ рукъ вонъ. Этакой обскурантизмъ. Вѣдь это почти немыслимо въ наше время, вопіялъ Егоръ Петровичъ.

Принесли шампанское, Егоръ Петровичъ налилъ бокалы.

— Господа, сказалъ онъ, подмигивая на слоноватую фигуру помѣщика, двигавшуюся по залѣ съ сигарою въ зубахъ:— предлагаю тостъ за свободу и эмансипацію женщинъ.

— Отлично, подхватила молодежь.

— Андрею-то Степанычу предложите, сказалъ брюнетъ.

— Андрей Степанычъ, Антонъ Ѳедорычъ, покорно прошу сюда, господа, шампанское.

Призываемые явились.

— Господа, провозгласилъ Егоръ Петровичъ, поднимая бокалъ: — свобода и эмансипація женщинъ!

— По мнѣ все равно, за что ни выпить, проговорилъ добродушно усмѣхнувшись помѣщикъ, и всѣ осушили бокалы.

Егоръ Петровичъ взялся за другую бутылку.

— Теперь за гуманность, сказалъ брюнетъ. Выпили и за гуманность. Тосты продолжались въ томъ же духѣ. Пили за русскихъ женщинъ, за женщинъ вообще безъ различія національностей, и т. д.

— Егоръ Петровичъ, скажите спичъ! потребовала молодежь.

Егоръ Петровичъ и спичъ сказалъ. Намъ никогда не удастся повторить его: такъ красно, сладко и блистательно выражался Егоръ Петровичъ. Онъ явился въ немъ рьянымъ поборникомъ человѣчныхъ идей, выставлялъ женщину на этотъ разъ уже не наравнѣ, а несравненно выше мужчинъ, бранилъ Прудона и прочее.

Новичокъ докторъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, всталъ наконецъ изъ-за стола и прошелъ чрезъ залъ въ гостиную. Тамъ на первомъ планѣ красовалась m-me Травнинская. Она была самая вліятельная особа въ городѣ.

Еслибъ кто усумнился въ существованіи m-me Курдюковой, тотъ убѣдился бы въ немъ, познакомясь съ m-me Травнинской. Это были два тома одного изданія. Только Курдюкова, какъ каррикатура, утрирована, а m-me Травнинская олицетворяла собою первообразъ, послужившій типомъ.

Около нея подобострастно помѣщался остальной дамскій кружокъ: хозяйка, крайне жеманная особа, говорившая на распѣвъ и безъ милосердія таращившая свои маленькіе, чорные глазки; двѣ бѣлокурыя дочери священника, отличавшіяся изящными манерами, m-me Лѣсенская, славившаяся своимъ голосомъ, въ особенности чувствомъ, съ какимъ пѣла романсъ «ты скоро меня позабудешь», жена громаднаго помѣщика, молчаливая и равнодушная ко всѣмъ житейскимъ треволненіямъ барыня; дѣвица третьей молодости, наперсница всѣхъ тайнъ m-me Счетниковой, румяная, чернобровая особа, пламенно желавшая выдти замужъ и любившая на этотъ конецъ щегольнуть своими прогрессивными стремленіями, особенно практичностью. Только практичность по ея мнѣнію состояла въ іезуитскомъ правилѣ: «всѣ средства хороши для достиженія цѣли». Руководствуясь этимъ правиломъ, она постоянно вертѣлась около богатыхъ и сильныхъ земли. Туземные остряки

звали ее за глаза луною. Была тутъ еще съ своей maman Мари Воробьева, миніатюрное созданіе съ большими бѣловатыми глазами на выкатъ, поставившая себѣ задачею жизни разъигрывать свѣтскую особу. Ради этой цѣли она безпрестанно вертѣлась и болтала вздернувъ носикъ, что придавало ей особѣ весьма комическій оттѣнокъ. Было тутъ еще много и другихъ нашихъ милыхъ плѣснеозерскихъ дамъ. Всѣ онѣ занимались истребленіемъ блиновъ. Дочери священника прикасались къ блинамъ ножемъ и вилкой осторожно, какъ къ огню, рѣзали ихъ крохотными кусочками и глотали граціозно и мило, точно ученыя канареечки. Прогрессистка же напротивъ глотала ихъ огромными кусками съ быстротою коршуна.

M-me Травнинская повѣствовала о прелестяхъ Елисейскихъ полей; всѣ внимали ей съ благоговѣніемъ.

— Подъѣзжаешь, говорила она:—ворота очарованіе просто! Сквозныя, въ готическомъ вкусѣ. Кружево, mesdames, настоящее кружево. Входите вы — паркъ, да какъ бы сказать,—въ половину нашего города. Деревья вѣковыя, и все это такъ мило. На каждомъ шагу какое нибудь развлеченіе. То павильончикъ маленькій, то диванчикъ мраморный, établissement какое нибудь. Идемъ мы съ княземъ Скворецкимъ. Paul былъ со мной... вдругъ смотримъ, старичокъ и старушоночка, ну премиленькіе,—сидятъ у бесѣдки.

«Entrez, говорятъ мнѣ, entrez madame, je vous en prie.

«Князь говоритъ: entrons, madame Travninsky.

— Входимъ мы, тамъ что-то такое, je ne sais quoi, въ родѣ рулетки. Старушоночка подаетъ мнѣ шарикъ и говоритъ:

— Voilà madame, jettez cette boule. Я и спрашиваю, combien cela coûte? Она мнѣ сказала цѣну. На наши деньги выйдетъ такъ, копѣйка. Я взяла эту boule, бросила.

— Voilà madame, vous avez gagné.

Смотрю, открываетъ старушоночка сундукъ, вытаскиваетъ, что бы вы думали? Вотъ этакій листъ, — m-me Травнинская широко разставила руки—и на немъ все миндальныя лепешечки. Ну усѣянъ, просто усѣянъ. Мы попробовали. Мягкія, вкусныя, такъ и таютъ во рту. И вѣдь все за копѣйку. Imaginez-vous mesdames, за одну копѣйку, восклицала она съ умиленіемъ, граціозно потряхивая сложенными руками.

— Вы бывали на bals Mabile? спросила прогрессистка.

—Mais comment? Кто же изъ русскихъ не бываетъ тамъ!

— Какая у васъ хорошенькая брошка, Александра Филиповна, замѣтила жена священника хозяйкѣ.

— Папа изъ Петербурга прислалъ, отвѣчала Сметникова, взглянувъ вскользь на брошку.

Она не прочь была помолодиться, и вслѣдствіе этой невинной страстишки, говоря о своихъ родителяхъ, называла ихъ «папа» и «мама» съ какимъ-то особенно мягкимъ, дѣтскимъ акцентомъ.

Разговоръ продолжался въ томъ же духѣ.

Вдругъ кто-то изъ мужчинъ, стоявшій у окна въ залѣ, громко сказалъ:

— Николай-то Игнатьичъ! Николай-то Игнатьичъ! Посмотрите.

— Гдѣ?

— Вонъ катитъ.

Произошла маленькая суматоха. Всѣ дамы безъ исключенія и нѣсколько мужчинъ бросились къ окнамъ. Мимо проѣхали щегольскія, парныя сани; въ нихъ сидѣли господинъ и очень хорошенькая дама въ бояркѣ.

Посыпались вопросы, восклицанія.

— Когда это онъ успѣлъ пріѣхать?

— Лошадки-то у него славныя, пробасилъ священникъ.

— И негодяйка-то эта съ нимъ, воскликнулъ помѣщикъ во всеуслышаніе.

— Полинька молодецъ, подхватилъ Егоръ Петровичъ. — Знать себѣ ничего не хочетъ.

— Такія женщины настоящее золото, замѣтилъ съ ироніей румяный юноша:—прогрессъ распространяютъ!

— Егоръ Петровичъ, сказалъ брюнетъ, подсмѣиваясь: — вѣдь Полинька осуществила на дѣлѣ вашу идею браковъ по контракту.

— Да-съ, отвѣтилъ съ какимъ-то многозначительнымъ выраженіемъ Егоръ Петровичъ.—А вѣдь боярка-то идетъ къ ней! Право идетъ, Василій Дмитричъ. А? прибавилъ онъ, съ усмѣшкою взглянувъ на брюнета.

— Идетъ, отвѣтилъ брюнетъ сухо.

— Вы... бы... того, продолжалъ Егоръ Петровичъ.

— Что?

— Приволокнулись бы за ней.

— Зачѣмъ? спросилъ брюнетъ съ пренебреженіемъ.

— Да такъ. Почему же нѣтъ. Будь я холостой, я приволокнулся бы.

— Да развѣ вамъ жена мѣшаетъ? спросилъ брюнетъ насмѣшливо.

— Ну нѣтъ... А все не то, знаете...

Въ эту минуту въ залъ вошло нѣсколько дамъ.

— Messieurs, заговорила Травнинская, окидывая всѣхъ однимъ взглядомъ:—рѣшите нашъ споръ. Кто проѣхалъ съ Николаемъ Игнатьичемъ? Наталья Игнатьевна?

— Нѣтъ, не она, ваше пре — ство, поспѣшилъ отвѣтить Егоръ Петровичъ.

— Но вотъ, и m-me Лѣсенская говоритъ, что не она. Кто же! Неужели эта?... М-me Травнинская остановилась, не находя слова, какимъ бы слѣдовало назвать проѣхавшую даму. Надо сказать, что m-me Травнинская была весьма добродѣтельная особа и наблюдала за нравственностью плѣснеозерскихъ дамъ со рвеніемъ полиціймейстера.

— Съ нимъ проѣхала Полинька, ваше пре — ство, донесъ брюнетъ.

М-me Травнинская вздернула плечи и всплеснула руками.

— Можетъ ли это быть? воскликнула она съ негодованіемъ.

— Разумѣется она! Чемужъ тутъ удивляться, сказалъ помѣщикъ.—Развѣ у этихъ женщинъ есть стыдъ, есть совѣсть?

— Но послушайте, продолжале восклицать m-me Травнинская.—Какъ же это можно? En pleinjour, прибавила она, обращаясь къ дамамъ.

Дамы отвѣтили единодушною одобрительною усмѣшкою.

— Это еще ничего, ваше пре—ство, сказалъ пожилой докторъ:—еще не то будетъ. Эта особа скоро сдѣлаетъ визиты нашимъ женамъ. Помилуйте, отчего жь ей и не ѣздить съ Николаемъ Игнатьичемъ предъ лицемъ всего города, когда Натальи Игнатьевна взяла ее подъ свое покровительство, а мало того, что принимаетъ ее у себя, такъ и вездѣ ѣздитъ съ ней.

— Этого не можетъ быть, это не правда, отвѣтила запальчиво m-me Травнинская.

— Да когдажь я докладываю вамъ, что самъ видѣлъ своими глазами. Третьяго дня иду я, а онѣ обѣ у овощной лавки изъ экипажа выходятъ.

— А я на прошедшей недѣлѣ засталъ ее у Натальи Игнать-

евны, прибавилъ брюнетъ:—только не удалось поговорить съ ней. Ушла.

— Да развѣ вы не знали этого, ваше пре-ство? Онѣ частехонько прогуливаются вмѣстѣ.

— Еслибъ я это знала, отвѣчала съ достоинствомъ m-me Травнинская:—то повѣрьте, давно бы прекратила всякое знакомство съ Натальей Игнатьевной. Сказать откровенно, мнѣ Наталья Игнатьевна никогда не нравилась. Я всегда ждала отъ нея какихъ нибудь эксцентричныхъ выходокъ. Въ ней есть что-то слишкомъ самоувѣренное, слишкомъ рѣзкое. Эта женщина не нашего круга. Теперь я воспользуюсь этимъ случаемъ. На Пасхѣ я ей не дѣлаю визита.

— И моя жена не поѣдетъ къ ней больше, прибавилъ помѣщикъ.

— И я не поѣду къ ней! Я не поѣду, раздалось еще нѣсколько дамскихъ голосовъ, и громче всѣхъ голосъ m-me Счетниковой.

Егоръ Петровичъ и вся молодежь присмирѣли предъ негодованіемъ добродѣтельной и вліятельной барыни.

Наталья Игнатьевна подверглась остракизму, и ни одинъ изъ этихъ проповѣдниковъ гуманности и прогресса, ни одинъ изъ этихъ провинціальныхъ чиновниковъ не подалъ голоса въ ея защиту, не попробовалъ вразумить m-me Травнинскую.

Толки о Натальѣ Игнатьевнѣ и о Полинькѣ продолжались еще до тѣхъ поръ, пока все общество стало разъѣзжаться и расходиться по домамъ.

Пріѣзжій изъ Петербурга докторъ, выждавъ удобную минуту, подошелъ къ Егору Петровичу и спросилъ, что за особа эта Полинька, о которой такъ много толковали. Съ Натальей Игнатьевной онъ сходился уже ранѣе въ обществѣ, а потому и не распрашивалъ о ней. Егоръ Петровичъ въ короткихъ словахъ сообщилъ ему все, что самому было извѣстно о Полинькѣ, а извѣстно-то ему было почти все, потому что на то и провинція, чтобы все знать. Свѣдѣнія свои Егоръ Петровичъ, равно какъ и все общество, почерпалъ изъ любознательности одной пожилой вдовы. Какъ скоро появлялось въ Плѣснеозерскѣ какое нибудь новое лицо, вдова эта освѣдомлялась подробно объ его имени, отчествѣ, званіи и немедленно писала въ Петербургъ къ своимъ многочисленнымъ агентамъ, чтобы они открыли въ Петербургѣ слѣды его и разузнали бы всю подно-

готную. Порученья эти иногда увѣнчивались успѣхомъ... И такимъ образомъ вдова знала біографію всѣхъ лицъ, перебывавшихъ въ Плѣснеозерскѣ, а ужь отъ нея волей неволей узнавалъ весь городъ. Само собою разумѣется, что біографіи эти не подвергались исторической критикѣ, но за это никто и не взыскивалъ.

— Хорошо, сказалъ докторъ, выслушавъ все, что сказалъ ему Егоръ Петровичъ:—а Наталья-то Игнатьевна чѣмъ заслужила гнѣвъ этой барыни? Признаюсь, Егоръ Петровичъ, меня очень удивило то обстоятельство, что никто не сказалъ ни слова въ защиту Натальи Игнатьевны. Давеча за завтракомъ вы сказали такой славный спичъ и явили себя такимъ усерднымъ защитникомъ женщинъ, что я отъ васъ-то и ожидалъ краснорѣчиваго словца въ пользу Натальи Игнатьевны и Полиньки предъ m-me Травнинской!

— Что съ ней толковать? проговорилъ Егоръ Петровичъ, сморщась и махнувъ рукой:—вѣдь вы не знаете, что это такое! Это барыня, саратовская помѣщица. Вотъ все равно, что это, добавилъ онъ щелкнувъ пальцемъ по столу.—Ее ничѣмъ не проймешь. За границей, я думаю, чортъ знаетъ гдѣ не была и чего невидала. Ну, а поди толкуй съ ней. Все равно, что въ стѣну горохъ. Да и правду сказать, добавилъ Егоръ Петровичъ значительно понизивъ голосъ: — Наталья Игнатьевна сама не права. Зачѣмъ ей компрометировать себя предъ цѣлымъ городомъ. Ну, хочетъ она покровительствовать Полинькѣ, принимай ее у себя да и то втихомолку. Зачѣмъ же разъѣзжать съ ней? Что ни толкуйте, какъ ни глупы общественныя условія, но вѣдь онѣ существуютъ еще пока. Ихъ ни обойти, ни объѣхать невозможно. Къ намъ не привились еще чисто человѣчныя идеи. Наши взгляды еще не выработались. Мы не доросли еще до истинной гуманности. Все у насъ броженіе какое-то, ералашъ, подземное царство. Положимъ, что мы съ вами понимаемъ вещи, а попробуйте втолковать ихъ такимъ господамъ, какъ Травнинская да Андрей Степанычъ! Лобъ о стѣну разобьете! Такъ, какъ же женщинѣ-то въ такомъ обществѣ бравировать мнѣ? Нѣтъ-съ, вы поживите-ка въ нашемъ Плѣснеозерскѣ, такъ и узнаете, что это за нора.

Краснорѣчію Егора Петровича не было бы конца, но докторъ воспользовался первою паузою, чтобъ откланяться и уйти.

Мы также оставимъ на долго нашихъ добрыхъ плѣснеозер-

цевъ, и прослѣдимъ шагъ за шагомъ исторію женщины, на которую весь городъ со всѣми своими добродѣтельными дамами, нравственными стариками и молодежью, исполненною гуманныхъ и свѣтлыхъ взглядовъ, бросилъ яркое клеймо позора и презрѣнія. Мы разскажемъ вамъ исторію Полиньки и посмотримъ, какое преступленіе совершила она предъ плѣснеозерскимъ обществомъ.

За нѣсколько лѣтъ до начала нашего разсказа, въ одинъ жаркій іюньскій день, часовъ около четырехъ, дѣвочка лѣтъ 14-ти шла по одной изъ линій Васильевскаго острова. Сѣрый мѣшокъ, изъ котораго выглядывали тетрадки, обличалъ въ ней школьницу, возвращавшуюся домой. На ней была соломенная шляпка, порядочно помятая. Вообще весь нарядъ ея говорилъ, что она принадлежитъ къ очень и очень не богатому семейству.

Молоденькое лицо дѣвочки нравилось, съ перваго взгляда, правильнымъ оваломъ и гармоніей подробностей. Кромѣ этой нѣжности и мягкости, свойственныхъ вообще полуребяческому, женскому возрасту, въ лицѣ дѣвочки не было ничего дѣтскаго. Оно было блѣдно. На немъ выражалось что-то трогательное, скорбное, точно оттѣнокъ страданья, будто всосаннаго съ материнымъ молокомъ, такъ давно казалось лицо это сроднилось съ этимъ выраженіемъ. Ея большіе, темные глаза смотрѣли умно, но какъ-то грустно.

Она перешла Средній проспектъ и отворила калитку во дворъ третьяго отъ угла дома, отличавшагося какою-то щеголеватою и вмѣстѣ съ тѣмъ степенною наружностью. Онъ былъ не великъ, двуэтажный съ лѣпными украшеніями надъ 9-тью окнами, выходившими на главный фасадъ, и съ тамбуромъ, захватывающимъ тротуаръ до мостовой. На темно-сѣрой, блестящей поверхности дома не было ни одной вывѣски. Ворота и калитка, въ которую вошла дѣвочка, были сквозныя, чугунныя. По просторному двору въ разныхъ направленіяхъ къ службамъ или широкіе тротуары. Въ глубинѣ его, сквозь чугунную же рѣшетку, виднѣлся садъ, буквально усѣянный, какъ красивыми корзинками, артистическими клумбами съ цвѣтами. Направо отъ калитки въ садъ въ углубленіи стоялъ красивый, какъ игрушка, флигелекъ въ три окна. Этотъ флигель нанимали жильцы. Верхній этажъ дома весь занималъ самъ хозяинъ. Нижній раздѣлялся на нѣсколько небольшихъ квартиръ, отдававшихся въ наемъ.

На крыльцѣ флигеля сидѣла дѣвочка лѣтъ 8-ми и прилежно стачивала два новыя ситцевыя полотнища. На противоположномъ концѣ двора, около поперечной стѣны дома, два бойкіе рѣзвые мальчика и дѣвочка лѣтъ десяти, худая и растрепанная, смотрящая изъ подлобья, играли въ какую-то шумную игру.

— А! Полька пришла! закричалъ одинъ изъ нихъ, увидѣвъ входившую во дворъ школьницу.

Дѣти оставили игру и обернулись посмотрѣть на пришедшую.

— Какъ ты смѣешь ее звать Полькой? съ ироніей подхватилъ другой мальчикъ.—Она барышня, чиновница, ея папенька четырнадцатаго класса.

— Ни воды, ни кваса! съострилъ первый мальчикъ, прыгая на одной ногѣ.

Маленькая группа расхохоталась.

— Онъ не чиновникъ, онъ баронъ, прибавила дѣвочка, смотрящая изъ подлобья.—Ефремъ всегда зоветъ его барономъ, когда ведетъ пьянаго подъ ручку.

— Ну да, баронъ, гонялъ воронъ! подхватилъ опять неугомонный острякъ.

— Ваше сіятельство, обратился другой мальчикъ къ дѣвочкѣ:—какъ ваше здоровье?

— Тссъ!... Не обижайте баронешу, она папенькѣ пожалуется, замѣтила дѣвочка.

— Плевать я на него хотѣлъ, отвѣчалъ задорный острякъ, и затянулъ во все горло «баронъ гонялъ воронъ».

Товарищи мигомъ подхватилъ этотъ мотивъ.

— Кышь вы, бѣсенята! чего разоралися! промолвилъ замахнувшись на нихъ дворникъ Ефремъ, проходившій на ту пору по двору.

Дѣти съ громкимъ хохотомъ разсыпались по разнымъ угламъ двора.

Школьница, бывшая предметомъ насмѣшекъ, не обратила на нихъ никакого вниманія. Ни малѣйшаго признака досады не выразилось на ея лицѣ; напротивъ оно все озарилось любовью, когда работавшая на крыльцѣ дѣвочка бросилась ей на встрѣчу съ радостнымъ восклицаніемъ:

— Поля! Поля!

— Здраствуй, Маша! проговорила Поля, нагнувшись къ сестрѣ и поцаловавъ ее.

— Знаешь, Поля, что я скажу тебѣ? Вѣдь мой левкой распустился, сказала Маша.

Лицо ее выразило живѣйшее наслажденіе, возбужденное воспоминаніемъ о красотѣ и благоуханіи цвѣтущáго левкоя.

— Это вѣрно ночью, замѣтила Поля: — я не успѣла взглянуть на него сегодня утромъ.

Сестры пошли на крыльцо.

— А намъ сегодня каникулы дали, сказала Поля, присѣвъ на скамейку.

— Значитъ, ты завтра не пойдешь въ школу. Ахъ, какъ я рада! какъ я рада! проговорила она, запрыгавъ отъ радости.

Поля робко посмотрѣла вокругъ и особенно на дверь, ведущую въ комнаты, и проговорила почти шепотомъ, нагнувшись къ сестрѣ.

— А послѣ каникулъ тетенька велѣла и тебя приводить.

— Въ самомъ дѣлѣ? воскликнула Маша шепотомъ. Ея большіе глаза, очень похожіе на глаза сестры, такъ и засіяли радостью. Но этотъ яркій лучъ мгновенно погасъ. Лицо ея приняло встревоженное выраженіе, и она печально прибавила, покосясь на послѣднее окно флигеля.

— Она не пуститъ.

— Пуститъ, отвѣтила Поля, кивнувъ утвердительно головой.

Нѣсколько минутъ сестры молчали.

Поля сняла шляпку и тальму и положила подлѣ себя на лавочку.

— Что она сегодня сердита? спросила она шепотомъ, робко посматривая на окно.

Маша кивнула головою.

— За то, что папа вчера пьянъ былъ, пояснила она.—Знаешь, прибавила она вдругъ умильнымъ голоскомъ:—у насъ сегодня винегретъ былъ. Такой вкусный. И ботвинья съ селедками.

Поля улыбнулась.

— Мы давно обѣдали, добавила Маша.—Въ часъ.

— Которое ты полотнище шьешь сегодня? спросила Поля.

— Третье. Она все ворчитъ, что я тихо шью.

— Я помогу тебѣ послѣ, промолвила Поля, взявшись за дверную ручку..

Маша на крылечкѣ снова принялась за работу.

Поля отворила дверь и вошла въ небольшую кухню, убранную очень опрятно. Но опрятность эта ни чуть не напоминала голландской или англійской кухни, радующей взглядъ какимъ-то видомъ комфортабельности и довольства. Правда, что некрашенный столъ былъ вымытъ такъ чисто, что лоснилъ, кухонная утварь на полкѣ была вычищена, нигдѣ не было замѣтно слѣдовъ крошекъ, кусковъ ломанаго хлѣба или помой, какъ это часто водится въ русскихъ кухняхъ, и даже на окнѣ красовалась чистая бѣлая занавѣска. Но во всемъ этомъ проглядывала бѣдность, наводящая грусть. Нѣсколько кострюль, кофейникъ и самоваръ, чинно лѣпившіеся по полкѣ,—были тонки, помяты, съ глубокими впадинами и разщелявшимися краями. Занавѣска на окнѣ во многихъ мѣстахъ была заштопана и украшена заплатами, а въ небольшомъ посудномъ шкапикѣ со стекломъ, смиренно прижавшемся въ углу кухни, было заключено весьма малое количество столовой и чайной посуды.

Поля прошла черезъ кухню въ другую комнату объ одномъ же окнѣ, въ длинную и узкую. Тутъ стоялъ у одной стѣны диванъ съ поднимавшимся сидѣньемъ, обитый растрескавшеюся клеенкою. Надъ нимъ висѣлъ злодѣйской работы эстампъ, изображавшій Фридриха II-го на конѣ. Подлѣ него помѣщался другой эстампъ, имѣвшій претензію на изображеніе какой-то романической заграничной мѣстности, съ горами и башнями, а подъ ними пріютился Пушкинъ, въ неизбѣжномъ плащѣ, фанфаронски накинутомъ на плечо. Противъ дивана стоялъ комодъ. На немъ лежало нѣсколько книгъ и стояло маленькое, круглое зеркальцо. Подлѣ окна столикъ, а на самомъ окнѣ красовался великолѣпный, только что начавшій распускаться бѣлый, махровый левкой, и еще два горшка съ отводками геліотропа и розана. Въ противоположномъ концѣ комнаты стоялъ простой шкапъ и на немъ нѣсколько картонокъ. Двери въ сосѣднюю комнату были отворены настежь. Эта послѣдняя комната была вдвое больше предыдущей и раздѣлялась на двое деревянной перегородкой, оклеенной какъ и вся комната новыми сѣрыми обоями. У одного окна помѣщался обѣденный столъ съ опущенными полами, у другаго за рабочимъ столикомъ сидѣла женщина неопредѣленныхъ лѣтъ, между средними и пожилыми годами, и прилежно шила ситцевый лифъ. Ея одежда, какъ и весь домашній бытъ, обличали склонность къ чистотѣ

и порядку. Она была худощава, черты ея лица были некрасивы, и въ нихъ, какъ и во всѣхъ ея движеніяхъ, выражались живость характера и какая-то раздражительная, нервная дѣятельность. Эта особа была Катерина Ѳедоровна Глѣбова, дочь умершаго переплетнаго подмастерья изъ нѣмцевъ и русской швеи, жена чиновника и мачиха Поли и Маши.

При стукѣ отворившейся изъ кухни двери, она спросила:

— Кто тамъ?

— Это я, отвѣчала Поля.

— Что ты такъ поздно сегодня? строго спросила Катерина Ѳедоровна. — Вѣрно, гдѣ нибудь заболталась на улицѣ со своими дѣвчонками?

— Насъ сегодня поздно отпустили, потому что уроки задавали на каникулы, робко отвѣчала Поля, и подойдя къ комоду, стала убирать тальму и прочія свои вещи.

— Сходи въ лавку, сказала Катерина Ѳедоровна — принеси два фунта сахару. Смотри у меня во всѣ глаза, чтобъ не обвѣсили, да еще сливокъ на три копѣйки. Да попроворнѣе поворачивайся. Я тебѣ рукава смечу, сошьешь, какъ пообѣдаешь.

Поля накинула на голову и на плечи большой платокъ, взяла отъ матери деньги и пошла въ лавку, объявивъ мимоходомъ Машѣ, зачѣмъ и куда идетъ. Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась и съ сіяющимъ лицомъ высыпала на колѣни Машѣ нѣсколько штукъ леденцовъ.

— Ахъ! леденцы! вскричала Маша въ восторгѣ.

— Мнѣ лавочникъ далъ барыша.

Восклицанье Маши услыхала дѣвочка, игравшая на дворѣ съ мальчиками. Она подошла къ крыльцу и вступила съ Машей въ разговоръ, смотря на нее изъ подлобья.

— Дай мнѣ леденцовъ, проговорила она плаксиво-жалобнымъ голосомъ.

Маша дала ей одинъ леденецъ.

— Одинъ-то только, проговорила дѣвочка съ неудовольствіемъ.

Маша дала ей другой.

— Да дай еще, жадная!

— Я не жадная, а леденцовъ тебѣ больше не дамъ, за то, что мы васъ не трогаемъ, а вы все насъ браните. Давеча папу бранили, надъ Полей смѣялись, сказала Маша.

— Ну, ладно, я тебѣ припомню эти леденцы, проговорила дѣвочка и убѣжала.

Между тѣмъ, Поля принесла мачихѣ покупки и отправилась въ кухню обѣдать. Она была очень голодна, потому что съѣла лишь въ 12 часовъ ломоть чернаго хлѣба съ масломъ. Винегрету, или лучше сказать, какого-то крошева изъ старой холодной говядины, со свеклой, картофелемъ и огурцами, политыхъ уксусомъ, — приходилось на ея долю немного. Но она не забыла масляныхъ глазокъ Маши, когда та похвалила винегретъ, и осторожно на цыпочкахъ, отворивъ дверь на крыльцо, позвала сестру шопотомъ раздѣлить съ нею обѣдъ.

Маша покраснѣла отъ удовольствія и тихонько скользнула въ кухню.

— Ѣшь же, шепнула Поля, подавая ей вилку.

Маша съ минуту колебалась. Ей было совѣстно лишить проголодавшуюся сестру ея доли, и она, облокотившись на столъ обѣими ручонками, поперемѣнно поглядывала то на винегретъ, то на Полю.

— Да что жь ты думаешь, Маша? прибавила Поля: — того и жди, что мачиха вздумаетъ заглянуть сюда, пожалуй прогонитъ тебя.

— Да вѣдь ты сама голодна, отвѣтила Маша печально:— Я обѣдала, а ты еще нѣтъ!

— Я не голодна. Вотъ это тебѣ, а это мнѣ, сказала Поля, раздѣливъ ножемъ винегретъ на тарелкѣ. — Видишь, у меня сколько ботвиньи еще есть.

Искушенье было слишкомъ велико, Маша, съ полнымъ эгоизмомъ ребенка, который чувствуетъ, что его сильно любятъ, и потому простятъ ему все, принялась за винегретъ, сначала очень церемонно, а потомъ, увлеченная вполнѣ духомъ сластолюбія, живо очистила все, что было на ея долю на тарелкѣ.

Пока Маша наслаждалась повтореніемъ скромнаго обѣда, на дворѣ разыгралась маленькая сцена, напоминающая мстительность языческихъ героинь.

Растрепанная дѣвочка, по уходѣ Маши, озираясь кругомъ изъ подлобья, сорвала листъ подорожника, росшаго у садовой калитки, скомкала его въ рукахъ и, осторожно прокравшись на крыльцо, сдѣлала сокомъ растенія большое пятно на одномъ изъ ситцевыхъ полотнищъ, которыя сшивала Маша. За-

тѣмъ бросилась, какъ дикая кошка, съ крыльца, и какъ ни въ чемъ ни бывало, присоединилась къ игравшимъ мальчикамъ. Острякъ видѣлъ всю эту продѣлку.

— Что ты тамъ, злючка, сдѣлала? сказалъ онъ.

— Машкино шитье запачкала.

— За что?

— За то, что она мнѣ леденцовъ мало дала. Пусть ее мачиха приколотитъ, отвѣтила языческая героиня.

— А вѣдь если бъ твой тятька видѣлъ это, проговорилъ острякъ въ раздумьѣ: — онъ бы вѣдь накостылялъ тебѣ шею. Право! Лихо бы накостылялъ.

Героиня сдѣлала ему гримасу и убѣжала.

Маша вернулась на крыльцо и принялась за шитье, ничего не замѣтивъ.

Поля, окончивъ обѣдъ, вошла въ комнату и спросила у мачихи приготовленную для нея работу.

Катерина Ѳедоровна, подавая ей сметанный рукавъ, взглянула въ окно.

— Вонъ, сказала она: — тащится. Такъ и есть, опять ужь шатается. Ахъ ты, Господи, что за наказаніе. Сущая скотина! Куда жь ты пошла, кликнула она Полѣ.

Поля, хотѣвшая было уйти, вернулась.

— Подыми половинку стола, да накрой обѣдать своему пьяному отцу. Вѣдь гдѣ его лукавый не носитъ, а ѣсть-то все домой приходитъ.

Лицо Поли стало еще грустнѣе. Она молча начала выполнять приказаніе мачихи.

Александръ Семенычъ Глѣбовъ вошелъ на крыльцо, слегка пошатываясь.

— Здравствуй, Машукъ, проговорилъ онъ мимоходомъ.

— Здравствуйте, папа, робко отвѣтила дѣвочка, взглянувъ на него.

Александръ Семенычъ продолжалъ колеблющееся шествіе, и предсталъ предъ женою въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. Ему на видъ было лѣтъ около сорока. Лицо его выражало что-то тупое и пошленько-сладкое. Въ молодости онъ былъ красивъ, т. е. воображалъ себя красивымъ и вдобавокъ очень ловкимъ и милымъ молодымъ человѣкомъ. Эти качества доставили ему неоднократныя побѣды надъ женщинами той среды, въ которой вращается бѣдный и крайне необразованный

чиновникъ, или лучше сказать, канцелярскій писецъ. Женщинамъ этимъ вѣроятно очень нравятся франты, намалеванные на плохихъ цирульничьихъ вывѣскахъ.

Александръ Семенычъ въ молодые годы тратилъ половину скуднаго своего жалованья на помаду, духи и другія косметическія средства. Онъ сохранилъ высокое мнѣніе о своей красотѣ даже до настоящей минуты, несмотря на то, что щеки его ввалились, носъ пріобрѣлъ красноватый оттѣнокъ, волосы на головѣ порядочно повылѣзли и все лицо окрасилось цвѣтомъ близкимъ къ шафранному, а употребленіе помады и духовъ вышло изъ привычки. Въ нормальномъ состояніи Александръ Семенычъ бывалъ молчаливъ, подъ часъ даже угрюмъ и избѣгалъ ссоръ, хотя часто ему приходилось бороться съ супругою за первенство въ домѣ. Но жизненный элексиръ, какъ онъ называлъ вино, дѣлалъ его сообщительнымъ. Онъ становился словоохотливъ и задоренъ. Въ немъ проявлялась страсть, вліянію которой любилъ онъ поддаваться въ молодые годы, отъ 14-ти до 25-ти-лѣтняго возраста, именно страсть къ поэзіи и литературѣ. Эта страсть и въ самый цвѣтущій періодъ ея развитія ограничивалась чтеніемъ альманаховъ, пѣсенниковъ и кой-какихъ романовъ. Женитьба, недостатки и заботы убили въ немъ эту страсть, и только иногда въ искусственно-веселыя минуты, подъ наитіемъ любимыхъ воспоминаній молодости, предавался онъ вспышкамъ поэзіи. Онъ начиналъ выражаться краснорѣчиво, любилъ ввернуть въ разговоръ какую нибудь уцѣлѣвшую въ памяти стихотворную цитату, или прозаическое изреченіе какого нибудь великаго мужа, съ существованіемъ котораго познакомился какъ нибудь случайно, напѣвалъ романсы и смотрѣлъ въ такія минуты на все въ мірѣ въ розовые очки, необыкновенно усладительнаго для сердца цвѣта. Катерина Өедоровна терпѣть не могла такого настроенія духа въ своемъ мужѣ. Оно сильно раздражало ее.

— Что, и сегодня таки нализался? сказала она, увидѣвъ Александра Семеныча.

— Нализался, отвѣчалъ тотъ, утвердительно кивнувъ головою съ улыбкою.

— Совѣсти въ тебѣ нѣтъ! замѣтила лаконически Катерина Өедоровна, и снова принялась за работу, которую было выпустила изъ рукъ.

— Я не пьянъ, проговорилъ Александръ Семенычъ, снимая

вицмундиръ и замѣняя его старенькимъ халатомъ, который жена его недавно вымыла и украсила новыми заплатами.

— Я только такъ, немножко.

— Немножко?.. А отчего жь шатаешься?..

Этотъ вопросъ Александръ Семенычъ оставилъ безъ отвѣта. Онъ подошелъ къ зеркалу и пригладилъ щеткою волосы.

— Нечего передъ зеркаломъ-то пялиться. Лучше на ноги-то посмотри. Изъ сапогъ-то скоро пальцы видны будутъ. Чѣмъ пьянствовать-то, лучше отдалъ бы ихъ починить на эти деньги.

— Сапоги, повторилъ Александръ Семенычъ и, отвернувшись отъ зеркала, нагнулъ голову и уставилъ пристальный, глубокомысленный взглядъ на кончики своихъ сапогъ:—поизносились? Что жь тутъ мудренаго? Они и сшиты для того, чтобы ихъ носить. А чинить не нужно. Къ чему чинить? Раза три схожу въ департаментъ, опять разорвутся. Даль-то вѣдь какая! и онъ махнулъ рукою.

— По тебѣ хоть бы все разорвалось! Тутъ работай, работай съ утра до вечера, какъ какая нибудь лошадь, а онъ себѣ ни о чемъ и думать не хочетъ. Угораздило меня за тебя выдти. Дура я была.

— Вотъ на что выдумала жаловаться, что за меня замужъ вышла... Чтожъ? небось худо сдѣлала? Званье пріобрѣла, чиновницей стала.

— Да, обузу себѣ на шею на всю жизнь навязала. Прежде для одной себя работала, а теперь на всѣхъ васъ знай только поспѣвай шить, да чинить, да стряпать. Безъ меня дѣти-то твои оборвышами бы какъ нищіе ходили.

«Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ
Шумитъ, бѣжитъ
Гвадалквивиръ».

Дребезжащимъ голосомъ запѣлъ Александръ Семенычъ, снова принявшись охорашиваться передъ зеркаломъ.

— Да хоть не бѣси ты меня. Хоть дурацкихъ-то пѣсенъ своихъ не пой! Не пустомель!

— Папа, обѣдать готово, сказала Поля, вошедшая съ мискою.

Александръ Семенычъ сѣлъ за столъ.

— Дурацкія пѣсни? проворчалъ онъ презрительно.—Много

ты смыслишь! Да ты знаешь ли, что эту-то Пушкинъ написалъ? Ты поди-ко не знаешь, что онъ на свѣтѣ-то жилъ.

— Крайняя нужда мнѣ знать всѣхъ, кто жилъ на свѣтѣ!

— Непросвѣщенье! Закоснѣлое непросвѣщенье! проговорилъ Александръ Семеньічъ, пожавъ плечами.—Пушкинъ былъ такой человѣкъ... такой... какого нынче нѣтъ и на свѣтѣ. Что нынѣшніе писаки?... Всѣ его подметки не стоятъ.

Александръ Семенычъ лѣтъ 10-ть не бралъ въ руки никакой книги и не зналъ имени ни одного писателя.

— Папа, сказала Поля:—намъ сегодня каникулы дали.

— Дали? Ну, хорошо, что дали. Уроковъ много задали?

— Много.

— Учись, Поля, учись. Ученье свѣтъ, а неученье тьма. Выучишься, въ гувернантки пойдешь, жалованье будешь брать хорошее, платья шелковыя будешь носить, шляпки модныя, по французски будешь разговаривать: «команъ-ву-порте-ву? Кё вулеву?» Фу ты, какая важная будешь!

Александръ Семенычъ отъ удовольствія прищелкнулъ пальцами.

— Тётя велѣла и Машу приводить послѣ каникулъ, сказала Поля.

— Ну, вотъ это хорошо! Спасибо ей за это! Право спасибо!

— Машу не для чего въ школу посылать, отозвалась Катерина Ѳедоровна.—Все это пустяки! Я ее шить выучу. Вотъ я и не ученая, да не меньше тебя, ученаго, иголкой достаю. Еще какой-то толкъ выйдетъ изъ этого ученья! Пусть мнѣ пока помогаетъ Маша юбки тачать. Мнѣ одной не разорваться и съ своей, и съ чужой работой.

— Молчи, Катерина Ѳедоровна, сказалъ Александръ Семенычъ, возвыся голосъ.

Ея воркотня начала уже раздражать его.

— Ты не суйся судить о томъ, чего не понимаешь! Пустяки ученье!!... Да кабы меня больше бы учили, такъ не тѣмъ бы и былъ я теперь. Нѣтъ, не тѣмъ, прибавилъ онъ въ раздумьѣ.— Было бы у меня и мѣсто не такое, и жилъ бы я не такъ. Можетъ быть, экипажъ бы свой держалъ, домомъ каменнымъ владѣлъ бы, по театрамъ да по клубамъ разъѣзжалъ бы!

— Пошелъ врать! Ужь тебѣ только и жить, какъ порядочному человѣку. Ты бы и экипажъ, и домъ каменный—все бы прокутилъ!

— «Жена злая и въ словахъ ядовитая,—разворенье дому», сказалъ... сказалъ... Іисусъ сынъ Сираховъ, совралъ Александръ Семенычъ и махнулъ рукой.

— Самъ-то ты ядовитый! воскликнула Катерина Өедоровна.

Александръ Семенычъ отправился за перегородку. Черезъ нѣсколько времени онъ вышелъ оттуда облеченный въ пальто, взялъ фуражку и направился къ двери.

— Куда это ты? вскричала Катерина Өедоровна.

— На Крестовскій, отвѣчалъ Александръ Семенычъ, бравурно надвигая на бекрень фуражку и смотря прямо въ глаза супругѣ.

— Ахъ ты безсовѣстной этакой! Ахъ ты шаталка! загремѣла Катерина Өедоровна.—Людей тебѣ добрыхъ не стыдно. Ну, куда ты пойдешь, когда ноги подъ тобой подкашиваются. Я тебя не пущу. Не ходи!

Она попробовала загородить ему дорогу.

— Отойди! проговорилъ Александръ Семенычъ.

— Не отойду. Это значитъ—ты опять на всю недѣлю закутишь. Того и жди, что за твое пьянство хозяинъ отъ квартиры откажетъ. Вѣдь ты здѣсь на всемъ дворѣ одинъ только и есть такой пьянчужка! Мальчишки на тебя пальцами показываютъ. Страмъ черезъ тебя, просто страмъ. Вотъ тебѣ честное слово, если добромъ не останешься, да придешь домой пьяный, скажу Ефрему, чтобъ не отворялъ тебѣ калитку.

— Мнѣ, чиновнику, смѣетъ мужикъ не отворить калитку?.. Нѣтъ-съ, ужь этому-то не бывать! Никогда не бывать! Пусть-ко Ефремка попробуетъ меня оставить на улицѣ... Да я ему всѣ бока переломаю... Да я его...

Катерина Өедоровна, испугавшись возрастающаго краснорѣчія мужа, отшатнулась въ сторону. Александръ Семенычъ, довольный тѣмъ, что одержалъ побѣду, бодро сошелъ съ крыльца и скрылся за калиткою, напѣвая:

«Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую гречанку я страстно любилъ».

ГЛАВА III.

Катерина Өедоровна по уходѣ мужа сѣла къ своему рабочему столику, сильно раздосадованная. Поля, убиравшая со стола, робко посматривала на ея сжатыя губы и нахмуренныя

брови. По этимъ признакамъ она всегда почти вѣрно угадывала, что надъ нею или надъ Машею собирается что-то недоброе.

— Да ну, копайся дольше, закричала она на Полю.—Да поди скажи сестрѣ, чтобы она мнѣ работу показала. Неужели она все еще третье полотнище сшиваетъ. Лѣнтяйки этакія. Чиновницы! А у самихъ чулокъ крѣпкихъ на ногахъ нѣтъ! У меня въ каникулы все перечини, и свое, и сестрино. Въ гувернантки обѣихъ прочитъ. Оборвашекъ-то гувернантокъ никому не надо.

Поля молча вышла на крыльцо. Тамъ, закрывъ лицо руками, горько рыдала Маша.

— Маша, что съ тобою? спросила Поля съ испугомъ.

Маша всхлипывая показала пятно на платьѣ.

Поля поблѣднѣла.

— Боже мой! прошептала она:—что теперь дѣлать?

— Она прибьетъ меня, прошептала Маша.

— Она велѣла тебѣ принести показать ей работу. Давай я снесу. Можетъ быть, она не замѣтитъ, а если замѣтитъ, такъ я скажу, что это я нечаянно запачкала.

— Да вѣдь она и тебя прибьетъ, сказала Маша, поднявъ головку и взглянувъ на сестру съ недоумѣніемъ.

— Мнѣ не будетъ такъ больно. Вѣдь я большая. Да, можетъ быть, еще и не прибьетъ, а только побранитъ.

— Нѣтъ, навѣрное прибьетъ, отвѣчала Маша. — Вѣдь платье-то чужое.

Поля взяла сшитыя полотнища и понесла къ мачихѣ. Маша пріотворила дверь, высунула въ кухню только кончикъ носика, и навостривъ ушки, стала прислушиваться съ сердечнымъ замираніемъ.

— Развѣ я тебѣ велѣла принести? крикнула Катерина Ѳедоровна.—Какъ ты смѣешь умничать? Сейчасъ поди, пошли Машу, а сама тачай рукава у меня.

Поля пошла и съ тяжелымъ вздохомъ шепнула Машѣ.

— Она велѣла тебѣ придти. Да смотри, не бойся! Сдѣлай веселѣй лицо, чтобъ она не замѣтила. Я не дамъ тебя бить. Сейчасъ прибѣгу и отниму.

Дѣлать было нечего. Маша поплелась въ большую комнату, какъ ее называли, а Поля заняла ея постъ у двери.

Катерина Өедоровна примѣтывала 4-е полотнище. Это ободрило Машу.

«Не видала, подумала она, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не увидитъ».

И скорчивъ какую только умѣла безпечную физіономію, стала противъ мачихи.

Но не тутъ-то было. Когда Катерина Өедоровна стала передавать шитье—роковое пятно бросилось ей въ глаза.

Всякое неумѣстное пятно имѣло свойство сильно раздражать аккуратную Катерину Өедоровну. Пятно же на чужомъ платьѣ неминуемо должно было вывести ее изъ себя, потому что угрожало недоплатою денегъ, прикупкою новаго полотница и вообще очень непріятными послѣдствіями.

— Это что? вскричала она, всплеснувъ руками и устремивъ сперва на пятно, потомъ на Машу такой взглядъ, отъ котораго бѣдное дитя поблѣднѣло и задрожало всѣмъ тѣломъ. — Ахъ ты зелье дѣвчонка! Да вѣдь ты все платье испортила. Что я теперь буду дѣлать?

Маша стояла молча и дрожала какъ осиновый листъ.

— Вотъ тебѣ за это!

И красный отпечатокъ ладони Катерины Өедоровны заклеймилъ, бѣленькую, пухлинькую щечку Маши.

— Мамаша, это не она, это я запачкала платье нечаянно. Не бейте ее, вскричала вбѣжавшая въ эту минуту Поля.

При взглядѣ на щеку сестры лицо ея выразило такую серьезную скорбь, такое мучительное живое страданіе,—что надо, было быть Катериной Өедоровной, т. е. женщиной невѣжественной, съ сухимъ сердцемъ по природѣ и крайне раздраженномъ жизнью, — чтобы не тронуться хоть на нѣсколько мгновеній выраженіемъ этого дѣтскаго лица. Но Катерину Өедоровну заступничество Поли напротивъ еще болѣе разсердило.

— Ты? вскричала она. — Ахъ ты, негодная лгунья. Сама лжешь, да еще и сестрѣ-то какой примѣръ подаешь! Я по ея лицу вижу, что это она виновата. И какъ это помогло тебѣ? вскричала она, опять обращаясь къ Машѣ.

И она схватила Машу за ухо.

Поля не выдержала. Съ порывомъ отчаянія бросилась она къ мачихѣ и, уцѣпясь обѣими руками за ея руку, вскричала пронзающимъ сердце голосомъ:

— Мамаша, голубушка, не бейте ее, ради Бога не бейте. Я вамъ говорю, что это не она, а я виновата. Я какъ пришла изъ школы, сорвала травы и играла на лавочкѣ, гдѣ она работала. Она какъ нибудь и выпачкала.

— Отстань отъ меня, отстань, говорила вся раскраснѣвшись Катерина Ѳедоровна, стараясь освободить свою руку.— Что ты вцѣпилась въ меня точно кошка. Говорятъ тебѣ, пусти!

Но Поля не выпускала ея руки.

— Такъ вотъ же тебѣ, коли такъ, вскрикнула Катерина Ѳедоровна и, сильно рванувшись, освободила свою руку и стала распоряжаться ею по щекамъ, волосамъ и ушамъ Поли.

Маша взвизгнула и убѣжала въ кухню, гдѣ, бросясь на лавку, принялась истерически рыдать. Чрезъ нѣсколько минутъ стихнулъ голосъ Катерины Ѳедоровны, и вошла въ кухню Поля, растрепанная, съ раскраснѣвшимися щеками и ушами.

— Поля! Поля! вскричала Маша, бросаясь къ ней на грудь.

Поля поцаловала голову сестры и прижала её къ себѣ. Лицо ея выразило грустную, тоскливую, почти материнскую нѣжность. Крупныя слезы потекли изъ ея глазъ и закапали на бѣлокурые, волнистые волосы Маши.

— Тебѣ очень больно было? спросила Маша, поднявъ лицо и безпокойно взглянувъ въ глаза сестры.

Поля отерла слезы.

— Нѣтъ, не очень, отвѣчала она: — теперь ужь прошло. Перестань же плакать, вѣдь она больше ужь не будетъ бить, ни тебя, ни меня. Надо скорѣе шить. Вотъ она тебѣ прислала полотнище. Сядемъ лучше здѣсь работать. Мнѣ стыдно идти на крыльцо. Всѣ узнаютъ, что насъ били, смѣяться будутъ.

Обѣ дѣвочки сѣли на лавкѣ въ кухнѣ и принялись за работу, передавая другъ другу догадки и предположенія о томъ, какъ могло замараться полотнище. Онѣ говорили шопотомъ, безпрестанно озираясь и прислушиваясь, какъ испуганныя мышки. Такъ прошло около часа. Вдругъ дверь изъ комнаты отворилась и въ кухню вошла Катерина Ѳедоровна, въ шляпкѣ и съ зонтикомъ въ рукѣ.

— Я пойду недалеко, сказала она Полѣ.—А ты безъ меня примечи ей еще полотнище. А сама, если кончишь рукава, фалборку руби. Тамъ у меня на столѣ возьмешь. Да смотрите у меня, ни шагу изъ дому, чтобъ кто не забрался да не укралъ чего нибудь. Заприте изнутри.

Поля проводила мачиху и заперла дверь на ключъ.

— Ушла! воскликнула Маша, и въ порывѣ радости, забывъ все минувшее горе, бросила работу и весело запрыгала, захлопавъ въ ладоши.

— Тсссъ... тише, Маша, прошептала Поля, покачавъ головою и прислушиваясь у двери. — Не равно она что нибудь забыла, пожалуй вернется еще.

Маша осторожно скользнула въ комнату и изъ-за косяка украдкою посмотрѣла въ окно.

— Нѣтъ! вскричала она:—теперь ужь не вернется, совсѣмъ ушла за калитку. Она вернулась въ припрыжку къ сестрѣ.

— Поля, сказала она: — я пойду посмотрю мои цвѣточки. Можно, Поля? прибавила она, необыкновенно умильно заглядывая въ глаза сестрѣ. Поля никогда не могла устоять противъ этого дѣтскаго, лукаваго и молящаго взгляда.

— А полотнище-то еще мачиха велѣла сшить? сказала она, стараясь смотрѣть серьезно.

— Я принесу его, отвѣчала Маша, проворно сбѣгала въ другую комнату и положила на лавку подлѣ Поли полотнище и фалборку.

— Ты позови меня, когда примечешь его, сказала она Полѣ и убѣжала.

Поля, вмѣсто того, чтобы сметать полотнище, проворно стала его стачивать. Поля страстно любила сестру. Довольное лицо, улыбка и смѣхъ Маши были для нея дороже собственной радости. Мы выскажемъ въ слѣдующей главѣ, какъ возникло и развилось въ сердцѣ ребенка такое сильное чувство къ другому, ребенку же, теперь скажемъ только, что Поля смотрѣла на свою жизнь не какъ на самостоятельное явленіе природы, а какъ на необходимое дополненіе къ благосостоянію Маши.

Сначала Поля шила молча, потомъ запѣла одну изъ тѣхъ заунывныхъ русскихъ пѣсенъ, которыя такъ понятны русскому, и даже дѣтскому сердцу, особенно если въ него уже запали сѣмена страданья.

Она сидѣла спиною къ окну, и не замѣтила, что въ саду, около цвѣточныхъ клумбъ, ходилъ господинъ средняго роста, въ свѣтломъ пиджакѣ, въ соломенной шляпѣ, съ лейкою въ рукѣ. Его блѣдное, продолговатое лицо, окаймленное темными баками и бородою, было такъ серьезно, что съ перваго взгляда

могло показаться даже строгимъ. Но всмотрѣвшись внимательнѣе, наблюдатель открылъ бы, что это серьезное выраженіе скорѣе слѣдъ какого-то глубокаго страданья, чѣмъ суровости характера. Это открытіе подтвердилъ бы и взглядъ его прекрасныхъ, карихъ глазъ, взглядъ кроткій, болѣзненно-задумчивый и медленный, полузакрытый длинными рѣсницами. Весь очеркъ этого лица напоминалъ отчасти типъ испанской школы. Господинъ этотъ, казалось, былъ страстный любитель цвѣтовъ. Онъ поливалъ ихъ осторожно, медленно, наклонялся по нѣскольку разъ надъ какимъ нибудь кустомъ, разсматривалъ его со вниманіемъ, обрѣзывалъ сухія вѣтви и снова принимался за лейку. Иногда онъ по нѣскольку минутъ вдыхалъ въ себя ароматъ какого нибудь цвѣтка, давалъ неудобно согнувшейся вѣткѣ нормальное положеніе. Онъ лелѣялъ, холилъ свои растенія. Женщина не могла бы обращаться съ ними нѣжнѣе и съ большею любовью. Вдругъ онъ остановился, поставилъ лейку и, обратившись къ окнамъ флигеля, сталъ прислушиваться. Вмѣстѣ съ легкою вечернею прохладою, донеслись до него и звуки пѣсни, которую пѣла Поля. На лицѣ его мелькнуло удивленіе. Онъ подошелъ почти къ самой рѣшеткѣ и сталъ еще внимательнѣе прислушиваться. Его поразила не чистота и симпатичность еще не совсѣмъ развившагося полудѣтскаго голоса, не грустная прелесть мелодіи, но глубокое пониманіе страданья, высказаннаго въ пѣснѣ. Господинъ этотъ видѣлъ у окна головку дѣвочки, наклоненную надъ работою, съ темными остриженными въ кружокъ волосами, и думалъ, слушая пѣніе:

«Не мудрено, если отъ этой нелѣпой машины, которую зовутъ жизнію и которая коверкаетъ и ломаетъ все хорошее, доброе и чистое, такъ что только дребезги летятъ въ грязь, не мудрено, если отъ нея страдаютъ зрѣлые люди, это стадо барановъ, которое перескакиваетъ черезъ ручеекъ потому только, что перескакнулъ первый шедшій спереди. Но откуда взялось такое глубокое, хватающее за душу страданье въ пѣснѣ ребенка? Что можетъ быть ужаснѣе сознанья; что жизнь дѣтей не пощажена общею участью?» Такъ или почти такъ думалъ господинъ въ свѣтломъ пиджакѣ, а между тѣмъ Поля все болѣе и болѣе увлекалась пѣніемъ, и все звучнѣе и нервически выразительнѣе раздавался ея голосокъ...

Она пѣла и крупныя слезы текли по ея щекамъ.

А вокругъ нея розы, левкои и резеда изливали свои благоуханія, вечерняя роса спѣшила освѣжить растительность и садилась прозрачными каплями на утомленные зноемъ цвѣты и зелень. Листья растеній, готовясь ко сну, склонялись съ нѣгою, и запоздавшая птичка на кустѣ сирени пѣла весело, съ роскошными руладами и трелями, не такъ, какъ Поля. Все наслаждалось счастьемъ, страдали только двое—ребенокъ, едва начавшій жить посреди невѣжества, грязи и бѣдности, да богатый баринъ, владѣтель этого сада и всѣхъ этихъ сокровищъ растительнаго царства, человѣкъ, никогда не знавшій нищеты и пользовавшійся съ дѣтства съ избыткомъ земными благами.

— Поля! да перестань пѣть эту пѣсню. Я ее не люблю, вскричала вдругъ Маша. Она прибѣжала къ сестрѣ и сѣла подлѣ нея на лавку.

— А ты не видала, Поля, сказала Маша: — хозяинъ тебя все время слушалъ. Вонъ еще и теперь стоитъ у забора.

Поля быстро повернула голову. Хозяинъ въ самомъ дѣлѣ стоялъ у рѣшетки, склонясь въ раздумьѣ надъ кустомъ барбариса, съ котораго безсознательно ощипывалъ листья.

— Какое у него доброе лицо! сказала Поля и снова принялась за шитье.

— Да, теперь доброе, возразила Маша:—а иногда онъ идетъ по двору такой сердитый. У.... точно бука какой, и ни на кого не смотритъ.

— Онъ не сердитый, онъ печальный только, замѣтила Поля.

— О чемъ ему скучать? Кабы у меня былъ такой садъ да цвѣты, какъ у него, я была бы счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ, сказала Маша, съ завистью поглядывая въ окно.

— Вѣрно у него горе есть какое нибудь, проговорила Поля и задумалась.

Нѣсколько минутъ сестры молчали. Маша все еще сидѣла пригорюнясь подъ вліяніемъ тоскливаго Полинаго пѣнья.

— А что жь мое полотнище? вдругъ съ испугомъ спросила она, вспомнивъ, что не сдѣлала еще ни стежка, а мачиха можетъ каждую минуту вернуться и спросить, кончила ли она заданную работу.

— Вотъ оно! На, я его сшила, сказала Поля, подавая ей шитье.

— Сшила? Ахъ, какая ты добрая, Поля, проговорила Маша съ немножко іезуитскою совѣстливостью.

Ей и было жаль, что сестра работала за двоихъ, а еще болѣе она была рада тому, что могла теперь отдыхать на незаслуженныхъ лаврахъ.

Она стала ласкаться къ Полѣ.

Черезъ нѣсколько времени Катерина Өедоровна возвратилась, посмотрѣла работу и позволила дѣтямъ ее спрятать. Да и пора ужь было. Часы въ большой комнатѣ давно уже пробили 9, а Маша шила съ самаго утра. Дѣти вышли на крыльцо. Онѣ сидѣли долго молча, смотря на садикъ, по которому все еще прохаживался хозяинъ.

Ребятишки, еще игравшіе на дворѣ, прибѣгали къ нимъ, пробовали заводить съ ними разговоръ, звали играть. Но Полѣ и Машѣ было не до игръ. Онѣ никогда не водились съ этой веселой компаніей. За то дѣти называли ихъ гордыми, смѣялись надъ ними, и тѣ изъ нихъ, которые были похуже другихъ, строили имъ, какъ мы уже видѣли, при удобномъ случаѣ разныя дѣтскія каверзы.

Между тѣмъ іюньскіе сумерки разостлались въ воздухѣ легкимъ синеватымъ паромъ.

Поля и Маша видѣли, какъ хозяинъ вышелъ изъ сада. Онъ заперъ его на ключъ. Замокъ щелкнулъ и хозяинъ тихимъ шагомъ, по обыкновенію ни на кого не смотря, прошелъ по тротоару черезъ дворъ въ свою квартиру.

—Пойдемъ, сказала Маша, и обѣ сестры сбѣжали съ крыльца и подошли къ садовой калиткѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ заборъ почти примыкалъ къ углу и гдѣ ихъ не очень было видно изъ глубины двора, онѣ принялись смотрѣть въ этотъ заповѣдный эдемъ, который долженъ былъ остаться навсегда недосягаемымъ для нихъ. Такъ дѣлали сестры каждый вечеръ. Эта минута была для нихъ самою лучшею изъ всего дня, единственная минута отдыха и удовольствія. Обѣ сестры любили цвѣты. Но въ Машѣ эта наклонность была истинною, глубокою, хотя и дѣтскою страстью. Въ ея головкѣ не могло еще бродить такихъ неотвязчивыхъ мыслей, какъ въ головѣ Поли; ея вниманіе не было еще ни на чемъ сосредоточено, а цвѣты были самое лучшее изъ того, что она видѣла въ своей бѣдной, затворнической жизни—жизни маленькаго червячка въ подземномъ царствѣ.

И вотъ она полюбила цвѣты. Она полюбила ихъ за то, что

они красивы, за то, что они радовали ея взглядъ разными красками, за то, что благоухали для нея разными ароматами, качались на своихъ стебляхъ, словно разговаривали о чемъ нибудь, полюбила ихъ наконецъ за то, что они дали ей наслажденіе любить.

Игрушки, куклы были для Маши ничтожны въ сравненіи съ цвѣтами. Садъ хозяина составлялъ для нея волшебный міръ, куда рвалась она всею душою, всею силою воображенья, всѣми своими дѣтскими думами. Часто въ теченіе дня, когда она шила на крылечкѣ или у окна, ее волновала мечта, какъ хорошо было бы когда нибудь проникнуть въ этотъ садъ, погулять посреди этихъ цвѣтовъ, полюбоваться на нихъ вблизи, посмотрѣть, какъ они качаются на своихъ стебляхъ, разузнать, отчего они такъ хороши и такъ чудно пахнутъ. Но осуществленіе этой мечты казалось ей совершенно немыслимо. Поля знала объ этомъ единственномъ и пламенномъ желаніи Маши и тяжело страдало ея сердце оттого, что не могла представить себѣ возможности когда нибудь удовлетворить его. Въ этотъ день ей особенно было жаль свою маленькую сестренку за то, что мачиха побила ее, и потому, стоя у рѣшетки сада, она думала тоже, что и Маша, а именно:

«Что еслибъ Маша какимъ нибудь образомъ очутилась посреди этихъ цвѣтовъ?.. То-то была-бы радость! Какъ-бы у нея горѣли глазки и щечки! Съ какимъ-бы удивленіемъ и счастьемъ разсматривала она каждый цвѣтокъ. Хорошо бы это было. Да!»

«Но только этого никогда не будетъ, — мысленно прибавила она и вздохнула.—Развѣ попросить у садовника позволенія погулять въ саду, когда хозяина не будетъ дома?.. Но садовникъ не пуститъ. Онъ угрюмой такой, да и побоится. Онъ знаетъ, какъ хозяинъ дорожитъ своимъ садомъ. Никто изъ жильцовъ не ходитъ въ него, даже и изъ старыхъ, которые давно живутъ въ домѣ. А вѣдь мы переѣхали недавно, всего съ мѣсяцъ, съ какой же стати пустить насъ»?..

И вдругъ въ памяти Поли мелькнуло доброе, грустное лицо хозяина, когда онъ стоялъ вонъ тамъ у рѣшетки и слушалъ пѣніе.

«А что, если попросить его самого», подумала она и покраснѣла. Такъ нелѣпа показалась ей эта мысль.

Нѣтъ, нѣтъ, у нея никогда не достанетъ смѣлости. Онъ

откажетъ! Пожалуй еще разсердится! Впрочемъ за чтожъ ему сердиться?

И Поля стала раздумывать о томъ, до какой степени было бъ неприлично и дерзко, еслибъ она, бѣдный ребенокъ, попросила у него, богатаго барина, позволенія для своей сестры погулять у него въ саду, при немъ же. Здравый смыслъ доказывалъ ей, что въ этой просьбѣ не было рѣшительно ничего такого дикаго или дерзкаго, за что могъ бы разсердиться богатый баринъ.

Мало по малу она начала освоиваться съ мыслію, которая такъ испугала ее сначала. Она рѣшилась до поры до времени ничего не говорить Машѣ о своемъ намѣреніи.

«Еще надо посмотрѣть, — думала она — достанетъ ли у меня духа подойти къ нему и заговорить съ нимъ».

Ей очень хотѣлось, чтобъ духа достало, и она вся предалась мечтамъ о томъ, какъ Маша будетъ рада, какъ она удивится, и прочее.

Шумъ на дворѣ, хохотъ и крики ребятишекъ вдругъ разсѣяли всѣ ея мечты.

— Пойдемъ скорѣе, Поля, — шепнула Маша: — вѣрно это папу пьянаго ведутъ. Слышишь, мальчишки кричатъ: баронъ, баронъ!

Маша не ошиблась. Дворникъ велъ спотыкающагося Александра Семеныча; процессія мальчишекъ и дѣвчонокъ сопровождала ихъ смѣхомъ и гамомъ.

Поля и Маша притаились у рѣшетки и, когда все стихло, вышли тихонько изъ своей засады, и украдкою, какъ воры, пробѣжали по крыльцу въ кухню. Стыдно было бѣднымъ дѣтямъ за своего отца.

Александръ Семенычъ между тѣмъ ввалился въ комнату. Между нимъ и Катериною Ѳедоровною завязалась словесная перестрѣлка, т. е. собственно говоря, громила только Катерина Ѳедоровна, а Александръ Семенычъ даже едва ворочалъ языкомъ. Но Катерина Ѳедоровна обладала способностью шумѣть за двухъ, когда слѣдовало дать головомойку.

Дѣти сдѣлали то, что обыкновенно дѣлывали въ подобныхъ случаяхъ. Онѣ тихонько притворили дверь въ большую комнату и стали сбираться лечь спать безъ ужина. Катерина Ѳедоровна имѣла обыкновеніе накрывать ужинъ въ кухнѣ для всѣхъ вмѣстѣ. Но когда она была раздосадована мужемъ, каждый ку-

сокъ, который глотали ея падчерицы, сопровождался попрекомъ ихъ пьяному, не заботящемуся о нихъ отцу. У Поли и Маши такъ наболѣло сердце отъ этихъ попрековъ, что онѣ предпочитали лечь спать голодными.

Поля подняла сидѣнье дивана и достала изъ-подъ него матрацъ, такой тоненькій, что съ разу не могло даже придти въ голову, что это матрацъ для отдыха человѣка, а скорѣе можно было его счесть за подстилку для какой нибудь большой собаки. Она разостлала матрацъ на полу подлѣ дивана для себя, а на диванѣ приготовила постельку для Маши. Только что дѣти улеглись, Катерина Ѳедоровна, уложивъ Александра Семеныча, прошла мимо нихъ, ворча, въ кухню. За тѣмъ послышался стукъ отворяемаго шкапа и бряканье тарелокъ. Какъ ни заманчивы были эти звуки для слуха дѣтей, но онѣ лежали молча, не открывая глазъ. Поля привыкла уже къ голоду и часто переносила его, почти не замѣчая. Маша не могла похвалиться такою стоическою твердостію.

Но у нея были свои замыслы насчетъ ужина. Въ нихъ, какъ и во всемъ, она крѣпко надѣялась на Полю. Она привыкла считать ее въ отношеніи къ себѣ за могущественную волшебницу, для которой не было ничего невозможнаго: поэтому Поля нисколько не удивилась, когда по уходѣ Катерины Ѳедоровны Маша сѣла на диванѣ и проговорила шопотомъ:

— Поля, а Поля! Мнѣ не спится. Я ѣсть хочу. Для такихъ случаевъ у Поли находился въ комодѣ запасный магазинъ. На этотъ разъ въ немъ оказалось только два сухаря.

— Поля, шепнула Маша, когда сгрызла ихъ какъ мышенокъ, устроивъ изъ одѣяла родъ норки, затѣмъ, чтобъ мачиха не услыхала, какъ хрустятъ у нея сухари на зубахъ:—Поля, вѣдь тебѣ не хочется спать?

— А что тебѣ?

— Мнѣ не хочется спать. Я все еще голодна. Ты бы, Поля, разсказала мнѣ сказку какую нибудь. Я бы стала слушать и забыла бы, что голодна.

Какъ же было не потѣшить голодную сестру сказкою?

— Ну, ложись, сказала Поля.

Маша улеглась, а Поля, завернувшись въ одѣяло, облокотилась на диванъ и стала разсказывать ей сказку про «Золотую Рыбку», которую слышала въ школѣ.

— Нѣтъ, я этой не хочу. Ты мнѣ ее часто разсказывала, прервала ее Маша:—разскажи другую.

— Какую жь другую? Про «дѣвочку красную шапочку?»

— Нѣтъ, нѣтъ! И этой не хочу. И про «Кота въ Сапожкахъ» не хочу, и про «Красавицу и Звѣря» не хочу. Разскажи мнѣ совсѣмъ новую.

— Какую же новую? Я не знаю.

— Ну, коли не знаешь, такъ выдумай, отвѣтила Маша строго.

Поля задумалась.

— Выдумай мнѣ какую нибудь хорошую, хорошую сказку про цвѣты, прибавила Маша. У Поли не было недостатка въ воображеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ она стала ходить въ школу, а это случилось года три тому, она стала видѣть другихъ дѣтей, и какъ это часто бываетъ, столкновеніе съ обществомъ хотя и маленькихъ людей, разбудило въ ней мыслительныя способности. До тѣхъ же поръ она, какъ и всѣ бѣдныя дѣти, живущія въ отчужденіи отъ остальнаго міра, загнанныя и робкія, жила большею частію въ фантастической области, создаваемой воображеніемъ для собственнаго увеселенія. Какъ быть? Игрушекъ и куколъ не было, а если и были, такъ такія уродливыя, изъ тряпицъ сшитыя, что и играть ими не хотѣлось. Съ сосѣдними дѣвочками, игравшими на дворѣ, ей не позволяли знакомиться и водить компанію, потому что она дочь чиновника, слѣдовательно онѣ были не пара ей, да и по двору бѣгать считалось неприличнымъ. А въ комнатѣ было такъ грустно. Больная мать вѣчно ссорилась съ отцомъ. Садилась Поля въ сумерки къ окну и принималась смотрѣть лѣтомъ на облачка, бѣгущія по небу, на траву, растущую подъ окномъ, зимой на пушистый снѣгъ—валившій хлопьями и на узоры, которые морозъ вывелъ на стеклахъ. Со всѣмъ этимъ она сроднилась душою, все воодушевляла. Облака становились для нея колесницами, на которыхъ носились незримыя для земныхъ глазъ какія-то фантастическія существа. Травка, выбѣгавшая изъ-подъ земли, разсказывала ей, что дѣлалось въ царствѣ муравьевъ и червяковъ. Снѣгъ былъ пухъ, которымъ устилали землю добрые геніи, затѣмъ чтобы дѣтямъ можно было кататься на конькахъ, и узоры на окнахъ представлялись ей рисунками волшебныхъ, кристальныхъ палатъ, которыя существовали не извѣстно гдѣ, но непремѣнно существовали, потому что о нихъ

такъ увлекательно разсказывала знакомая ея матери старушка, приходившая изъ богадѣльни. Послѣ этого понятно, что выдумать сказку про цвѣты, которой требовала Маша — было для Поли не очень трудною задачею. Она подумала, подумала и принялась разсказывать полушопотомъ, прильнувъ къ изголовью Маши. Разскажемъ вкратцѣ содержаніе сказки.

За тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, въ фантастической области добрыхъ и злыхъ геніевъ и волшебницъ, существовала когда-то земля, которую звали «Счастливою». И въ самомъ дѣлѣ земля эта была счастлива. Не одно, а два солнца сіяли въ небесахъ. По ночамъ мѣсяцъ опускался надъ нею и свѣтилъ такъ, что нечего было бояться темноты маленькимъ дѣтямъ. Звѣзды перебѣгали съ мѣста на мѣсто. Онѣ играли, потому что имъ было весело. На землѣ росли деревья, въ пять разъ больше тѣхъ, которыя видѣла Маша въ хозяйскомъ саду, и всѣ они во всякое время года были усѣяны цвѣтами и плодами. Тамъ никогда не было холодно. Шубъ тамъ и не знали и шерстяныхъ чулокъ также.

Поля съ любовію распространилась о красотѣ и великолѣпіи этой блаженной страны. По ея словамъ, тамъ въ рѣкахъ текла вода такая сладкая, какъ медъ, и въ ней плавали золотыя рыбки. Вѣтеръ не завывалъ, какъ завываетъ у насъ подъ осень, а напѣвалъ такія сладкія пѣсни, что дѣти, засыпая, все еще прислушивались къ его убаюкивающей мелодіи. Злыхъ звѣрей тамъ не было, все были добрые. И люди тамъ были добрые, такіе добрые, какихъ до сихъ поръ ни Поля, ни Маша никогда еще не встрѣчали. Дѣтей не бранили и не били, а напротивъ позволяли играть, сколько имъ угодно. Дѣти бѣгали по полямъ и лугамъ, на свѣжемъ сѣнѣ катались, птичекъ слушали, на бабочекъ любовались.

— А мачихъ тамъ не было? спросила Маша.

— Нѣтъ!

— И пьяныхъ не было?

— Нѣтъ!

— А леденцы продавали въ лавкахъ?

Оказалось, что лавокъ тамъ не было, и леденцы давали всѣмъ даромъ.

— Ну такъ тамъ хорошо было, замѣтила Маша.—Разсказывай дальше.

Дальше выходило то, что люди въ «Счастливой» землѣ ни-

когда между собою не ссорились и любили другъ друга такъ, какъ вотъ Поля любитъ Машу. Всего у нихъ было вдоволь. Одного только не было въ «Счастливой» странѣ—цвѣтовъ, которые растутъ на землѣ. Были и цвѣты многіе и хорошіе, да все росли на деревьяхъ, люди ихъ и не рвали, потому что высоко было, и ногами не топтали. А запахъ отъ нихъ все равно разливался такой же, что и отъ здѣшнихъ цвѣтовъ, и маленькія птички съ золотыми перышками свивали себѣ межъ этихъ цвѣтовъ гнѣздышки. Этимъ счастливымъ царствомъ управляла добрая, предобрая волшебница—красавица. Она учила людей, какъ между собою въ мірѣ жить, помогать другъ другу; какъ любить и людей, и животныхъ, и деревья и цвѣты, и бабочекъ и птичекъ, словомъ все, что было на землѣ и вокругъ нея. Люди ея слушались и долго, долго жили, гораздо болѣе, чѣмъ сто лѣтъ, жили такъ счастливо, какъ можно жить только въ «Счастливой» землѣ. Наконецъ видно имъ наскучило счастье, потому что они не видали горя. Стали они между собою ссориться. Добрая волшебница попыталась было между ними возстановить прежнюю дружбу и согласіе, но они ея не послушались, затѣяли противъ нея войну и задумали схватить ее и посадить въ тюрьму, съ желѣзными дверями и рѣшетками. Много и долго терпѣла она, жалѣла ихъ, и все думала, что они опомнятся. Но наконецъ терпѣніе ея лопнуло, и она захотѣла наказать ихъ. Она махнула волшебнымъ жезломъ и всѣ люди, сколько ихъ ни было въ этой странѣ, провалились подъ землю, а на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ каждый человѣкъ, выросъ цвѣтокъ.

— Вотъ, сказала она, этимъ цвѣтамъ:—вы не умѣли быть добрыми и счастливыми, за то и не стоите быть людьми. Растите же въ наказаніе по всей землѣ. Пусть любуются на васъ такіе же злые люди, какими были вы. Пусть они топчутъ васъ ногами, срываютъ васъ со стеблей, дѣлаютъ изъ васъ букеты и вѣнки, косятъ васъ вмѣстѣ съ травою.

— Ахъ, бѣдные цвѣточки! прошептала Маша.

— Волшебница обѣщала простить ихъ, замѣтила Поля.

— Когда же?

— Она ушла въ другія земли. Въ каждой землѣ она учитъ людей быть счастливыми, долго живетъ тамъ и ходитъ между ними, а когда они становятся совсѣмъ хорошими, уходитъ въ другую землю. Вотъ какъ она обойдетъ весь свѣтъ и всѣмъ

будетъ хорошо, и всѣ будутъ счастливы, тогда она и проститъ цвѣты, превратитъ ихъ опять въ людей.

— Кабы она поскорѣе пришла къ намъ, сказала Маша.

Сказка ей такъ понравилась, что ей невольно хотѣлось слить ее въ воображеніи съ дѣйствительностію.

— Къ намъ? повторила Поля.—Да что ты, Маша, вѣдь все это сказка. Вѣдь въ самомъ-то дѣлѣ нѣтъ никакихъ волшебницъ, ни злыхъ, ни добрыхъ.

— А жаль! Пусть бы лучше были! И Маша отвернулась къ стѣнѣ. Поля поправила на ней одѣяло и легла. Маша долго думала о цвѣтахъ. Теперь она знала, отчего они иногда такъ наклоняютъ головки и каждый вечеръ на нихъ блестятъ капли воды, точно слезы. Она знала также и то, зачѣмъ прилетаютъ къ нимъ пчелы и бабочки. Онѣ вѣрно исполняютъ обязанности почты между ними.

Потомъ Машѣ пришло въ голову, что можетъ быть цвѣтамъ и въ самомъ дѣлѣ больно, когда ихъ рвутъ. Вѣдь хоть все это и сказка и цвѣты никогда не были людьми, а въ нихъ есть что-то живое. Они качаются и листьями шевелятъ и запахъ такой хорошій разливаютъ въ воздухѣ, — почемъ знать, можетъ имъ и въ самомъ дѣлѣ больно. Отъ цвѣтовъ дума Маши перешла въ «Счастливую» землю, которую такъ краснорѣчиво описала Поля, и дѣвочка тихо и сладко заснула, рисуя себѣ ея два солнца, приволье дѣтской жизни посреди зеленыхъ луговъ, золотыхъ и серебряныхъ рыбокъ въ прозрачныхъ рѣкахъ, безплатную раздачу леденцовъ счастливымъ смертнымъ—словомъ, всѣ прелести фантастическаго міра, который такъ завлекателенъ для ребенка, страдающаго въ мірѣ дѣйствительномъ.

ГЛАВА IV.

На другой день Поля по обыкновенію проснулась раньше всѣхъ въ домѣ. Она заглянула въ окно. Дорожки и лужайки въ саду, которыя попозже были ярко освѣщены солнцемъ, въ настоящій часъ утра еще были покрыты тѣнью. Золотились только верхушки деревьевъ. Поля зѣвнула и опять улеглась на свою жесткую постельку. Ей не хотѣлось вставать. Въ четырнадцати-лѣтній возрастъ природа требуетъ много сна. Но Полѣ не хотѣлось также и заснуть. Она боялась проспать единственное время дня, въ которое могла учить уроки, не преслѣ-

дуемая воркотнею мачихи. Она лежала не закрывая глазъ. Вдругъ она почувствовала, что они сжимаются противъ воли. Она испугалась, вскочила и проворно стала одѣваться. Потомъ тихонько прошла въ кухню, умылась холодною водою, и не прошло десяти минутъ, садъ и дворъ все еще были подернуты тѣнью, а Поля, закутавшись въ кацавейку, чтобъ предохранить себя отъ рѣзкой свѣжести воздуха, сидѣла на крыльцѣ и учила урокъ изъ французской грамматики Ноеля и Шапсаля. Она часто зѣвала. Глаза ея по временамъ слипались, но она широко раскрывала ихъ, старалась ободрить себя и прилежно твердила по нѣскольку разъ какую нибудь фразу. Поля всегда такъ учила свои уроки. Зимою она для этой цѣли собирала, гдѣ могла, сальные огарки.

Катерина Өедоровна была очень недовольна тѣмъ, что Поля ходила въ школу. Она говорила, что образованіе совершенно безполезная вещь и что гораздо прибыльнѣе выучиться шить платья.

Можетъ быть, она была и права относительно къ тому образованію, какое получала Поля въ школѣ. Не такъ думала Поля, и хотя теперь были каникулы, она принялась учить уроки съ перваго же дня. Она знала, что когда встанетъ мачиха, то учиться будетъ некогда. Надо будетъ самоваръ поставить, потомъ въ лавочку сбѣгать, потомъ убрать комнаты, а тамъ Катерина Өедоровна засадитъ ее на цѣлый день за шитье. Надо однако сказать, что не жажда любознательности заставляла бѣдную дѣвочку бороться съ волею мачихи, такъ энергически преодолѣвать сонъ и учить уроки, когда закрывались глаза. Тотъ способъ преподаванія, который былъ въ употребленіи въ школѣ, могъ скорѣе убить, чѣмъ развить всякую любознательность. Поля видѣла въ ученьѣ не цѣль, а только средство. Она и не подозрѣвала даже, до какой степени оно можетъ быть интересно само по себѣ. Ей, во что бы то ни стало, хотѣлось быть гувернанткою.

Александръ Семенычъ также желалъ этого. Но побудительныя причины отца и дочери были совершенно противоположны. Поля нисколько не думала ни о модныхъ шляпкахъ, ни объ удовольствіи сказать по французски: «ке вуле ву» и «команъ ву порте ву». Конечно, вознагражденіе, какое получаютъ гувернантки, и которое, какъ слышала Поля, значительно превышаетъ заработки швеи, казалось ей весьма заманчи-

вымъ. Но она думала не о себѣ, когда рисовались предъ нею картины будущаго благополучія. Природа вложила въ ея сердце такое сокровище любви, которое, безпрестанно возрастая, заставляетъ человѣка совершенно забывать о самомъ себѣ и пріучаетъ жертвовать на каждомъ шагу своими личными стремленіями такъ легко, что эта привычка переходитъ во вторую природу. Такія натуры встрѣчаются рѣдко, и чаще именно въ такомъ быту, гдѣ некого и нечего любить, а любить хочется. Можетъ быть, это-то и развиваетъ въ нихъ такъ сильно чувство любви. Какъ ни безотрадна была теперь жизнь Поли и Маши, между пьянымъ отцомъ и нелюбившею ихъ мачихой, среди недостатковъ и лишеній всякаго рода, но было время, когда онѣ жили еще хуже этого. По крайней мѣрѣ Катерина Ѳедоровна любила чистоту и порядокъ, комнатки были уютны и свѣтлы, и сама она доставала кое-что работою, такъ что совершенно голодныхъ дней не случалось. При родной матери было хуже.

Дѣтство Поли было ужасно. Сначала мать безтолково баловала ее, но когда явился второй, а затѣмъ и третій ребенокъ, дѣти вообще, въ томъ числѣ и Поля, стали ей въ тягость. Когда Поля начала понимать то, что происходило вокругъ нея, она не видала и не слыхала ничего другаго, кромѣ ежедневныхъ ссоръ отца съ матерью, грубой брани, грязи и неурядицы въ домашнемъ быту. Она постоянно качала и нянчила другихъ дѣтей. Она любила ихъ. Онѣ были для нея единственнымъ хорошимъ явленіемъ во всемъ, что ее окружало. Онѣ не бранили ее, не награждали пинками, а напротивъ, улыбались ей и тянули къ ней ручонки, какъ живыя куклы. Поля, сама еще маленькій ребенокъ, отъ души радовалась, когда онѣ смѣялись и улыбались. Ей казалось очень забавнымъ въ нихъ это появленіе сходства со взрослыми людьми. Но дѣти умирали. Поля не понимала, что такое смерть, но очень скучала, когда увезли въ красивыхъ розовыхъ ящичкахъ ея брата и сестру, и не привезли больше домой. Когда явилась на свѣтъ Маша, умъ Поли уже началъ работать. Когда Маша начала ходить и лепетать, Поля страстно привязалась къ ней. Это чувство спасло ее самоё. Окружающая грязь не прикоснулась къ ея душѣ. Она отдала ее всю своей маленькой хорошенькой сестренкѣ, и чистое чувство любви охранило эту душу отъ воспріятія всѣхъ нечистыхъ впечатлѣній. Когда Анна Спири-

доновна слегла въ постель, дѣти по цѣлымъ днямъ оставались почти безъ призора. Она никогда не заработывала денегъ, но умѣла устроивать дѣлишки такъ, что какъ-то жилось по маленьку, не очень голодно и холодно. Теперь же появилась въ домѣ бѣдность, доходящая въ иные дни до нищеты. Въ этотъ періодъ дѣтства, привязанность Поли къ сестрѣ значительно возрасла и окрѣпла. Поля, чувствуя сама на себѣ всю тяжесть домашняго быта, старалась всѣми силами защитить отъ него Машу. Эти старанія мало по малу сдѣлались главною заботою, почти главною цѣлью ея жизни. Онѣ изощрили ея умъ, довели его до той тонкой изобрѣтательности, на которую способны въ высшей степени любящія натуры, и пріучили ее къ терпѣнью и борьбѣ. Какъ тяжела и грустна была жизнь обѣихъ дѣтей, невозможно передать никакими словами. Надо войти въ кожу бѣдняковъ, чтобы вполнѣ оцѣнить всѣ убійственныя стороны бѣдности. Въ провинціи, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, гдѣ вообще жизнь въ матеріальномъ отношеніи какъ-то привольнѣе, темный бытъ бѣдняковъ даже и для наблюдателя не бросается въ глаза, при первомъ столкновеніи съ нимъ, рѣзкостію и мрачностію красокъ. Въ Петербургѣ, какъ и во всѣхъ большихъ сѣверныхъ городахъ, бытъ этотъ выступаетъ рельефнѣе.

Грустнѣе всего то, что въ этихъ мрачныхъ картинахъ, гдѣ нибудь въ темномъ уголкѣ, непремѣнно рисуются дѣти. Они ростутъ полузаброшенные, плохо одѣтые зимою, ростутъ не развиваясь нравственно, а только присматриваясь къ жизни и изучая по собственному опыту ея дурныя стороны, безъ всякаго понятія о томъ, что могло бы въ ней быть хорошаго.

Единственнымъ, спасительнымъ геніемъ для бѣдныхъ дѣтей въ такой жизни можетъ быть только задушевная, теплая любовь, такая, какой любила Поля сестру. Она не дала имъ погибнуть, не допустила ихъ превратиться спозаранку въ дурныя существа. А сколько лишеній терпѣла Поля, сколько жертвъ приносила она! Представьте себѣ небольшую комнату, въ которой зимою дымитъ печь и дуетъ во всѣ углы. Полъ въ ней вѣчно грязный, Поля моетъ его, и часто, но въ ея маленькихъ ручонкахъ недостаетъ силы, чтобы управляться какъ слѣдуетъ съ такою тяжелой работою. Она вымоетъ его, а вечеромъ полупьяный отецъ, который безпрестанно уходитъ и приходитъ, опять его затопчетъ. Въ углу на кровати лежитъ

больная мать. Она вѣчно ворчитъ, ничѣмъ недовольна, потому что болѣзнь терзаетъ ее, потому что ей тяжелы лишенья, которыя она должна переносить, потому что тяжела самая жизнь, а ее никто не училъ, что жизнь должна состоять въ томъ, чтобы пріобрѣтать нравственную силу, чтобъ не терзать и не мучить другихъ, когда мы сами мучимся. Въ кухнѣ старушка изъ богадѣльни, проживающая у Глѣбовыхъ по цѣлымъ недѣлямъ, готовитъ обѣдъ, если есть, что готовить. Поля помогаетъ ей. Старушка плохо видитъ, силы у ней мало, одной не справиться. Поля въ рваныхъ башмакахъ бѣгаетъ по морозу въ лавочку, разводитъ огонь въ плитѣ, щеплетъ растопки, чиститъ зелень. Но мысль о сестрѣ не оставляетъ ее ни на минуту. Она боится, чтобы Маша по дѣтской глупости чего нибудь не напроказничала, и чтобы ей за то не досталось отъ раздраженной матери. Она отворяетъ украдкою дверь въ комнату и смотритъ. Маша сидитъ на сундукѣ и играетъ тряпками; но она блѣдна, Полѣ показалось, что она дрожитъ. Она тихонько выманиваетъ Машу въ кухню, закутываетъ ее въ рваную кацавейку, которую снимаетъ съ собственныхъ плечъ, и усаживаетъ на лавочку, подальше отъ окна. Полѣ холодно, но она этого не замѣчаетъ. Она потираетъ ручонки, грѣетъ ихъ у огня и съ любовью смотритъ на Машу.

Обѣдъ готовъ. Больная проситъ ѣсть. Но Поля прежде всего наливаетъ тарелку Машѣ. Каждый лучшій кусокъ принадлежитъ безспорно Машѣ. Послѣ обѣда Поля моетъ посуду, Маша тутъ же около нея.

— Сшей мнѣ куклу, шепчетъ она.

Посуда убрана, старушка изъ богадѣльни легла вздремнуть, больная заснула. Все тихо, только въ кухнѣ, при свѣтѣ ночника, шьетъ Поля сестрѣ изъ тряпокъ куклу. Маша, живо заинтересованная, безпрестанно спрашиваетъ, гдѣ у ней будутъ руки, гдѣ носъ. А Поля думаетъ:

«Еслибъ у меня были деньги, какую бы я славную купила Машѣ куклу». И воображеніе рисуетъ ей куклу, которую она видѣла въ окнѣ табачной лавочки, въ розовомъ платьѣ и розовой шляпкѣ. Она смотритъ на Машу съ состраданіемъ. Ей тяжело, что другія дѣти, а не Маша будутъ играть этою куклою. Она цалуетъ сестру и принимается за работу еще усерднѣе. Но вотъ кукла готова и, нечего сказать, красива. Брови и глаза выведены углемъ, щеки размалеваны свеклой,

пакля на головѣ изображаетъ волосы. Но Маша вполнѣ ею довольна.

— Ахъ, Поля, да какая она хорошенькая! восклицаетъ она и въ восторгѣ обнимаетъ сестру за шею ручонками.

Поля вполнѣ вознаграждена. Она забыла даже о куклѣ въ розовомъ платьѣ и розовой шляпкѣ.

Приходитъ изъ должности отецъ. Дѣти не любятъ его возвращенія. Безъ него какъ-то тише въ домѣ и онѣ не такъ боятся. Поля зажигаетъ свѣчу и накрываетъ ему обѣдать. Его возвращеніе уже раздражаетъ больную. Она начинаетъ придираться къ нему, попрекать его тѣмъ, что онъ мало получаетъ, что они живутъ въ нурьѣ, что печка дымитъ, что не на что купить лекарства и прочее.

Жена для Александра Семеныча уже давно тяжелое бремя. Было время, когда онъ страдалъ чрезъ нее,—теперь на его улицѣ праздникъ. На упреки онъ отвѣчаетъ упреками же, колетъ женѣ глаза стариной, подтруниваетъ, подшучиваетъ надъ ея прежнею счастливою жизнью. Сыплются съ обѣихъ сторонъ тяжелыя слова, голоса возвышаются, жена и плачетъ и стонетъ и рыдаетъ, мужъ топаетъ ногами и твердитъ ей, чтобъ она ѣхала въ больницу. Страшно дѣтямъ. Маша жмется къ Полѣ. Наконецъ Александръ Семенычъ надѣваетъ шинель, фуражку и уходитъ, сильно хлопнувъ дверью. Дѣти опять садятся въ кухнѣ. На столѣ горитъ ночникъ. Старушка изъ богадѣльни утѣшаетъ Анну Спиридоновну, и для вящшаго утѣшенія придаетъ Александру Семенычу эпитеты проклятаго, лѣшаго, пьяницы. Дѣти все это слышатъ.

— Поля, о чемъ это мама плачетъ? спрашиваетъ Маша.

— Ей больно, отвѣчаетъ Поля.

— А зачѣмъ папа кричалъ и топалъ? Зачѣмъ Никитишна его бранитъ? Слышишь, какъ бранитъ?

Поля и сама не знаетъ, зачѣмъ все это. Она знаетъ только, что это худо, и ей тяжело, зачѣмъ Маша объ этомъ разспрашиваетъ.

— Хочешь, я разскажу тебѣ сказку? говоритъ она.

— Ахъ, разскажи, говоритъ она.

Глазки ея блестятъ. Поля начинаетъ разсказывать сказку, которую слышала отъ Никитишны. Отецъ возвращается домой. Но теперь дѣло гораздо хуже, онъ пьянъ, онъ шатается. Отвратительныя сцены семейнаго раздора возобновляются.

Дѣти, испуганныя крикомъ, нерѣдко выбѣгаютъ на крыльцо. Поля плачетъ, но она плачетъ не за себя. Ей жаль Машу. Машѣ холодно на крыльцѣ. Она закутываетъ ее, согрѣваетъ ей руки своимъ дыханіемъ и плачетъ, плачетъ горько, потому что Маша вся дрожитъ, а она сама бѣдный, безпомощный ребенокъ, выбилась изъ силъ, и не знаетъ уже, что ей дѣлать.

Анна Спиридоновна умерла. Смерть ея произвела перемѣну въ жизни Поли. У Александра Семеныча была двоюродная сестра, также изъ чиновницъ, Апполинарія Леонтьевна Медвѣцкая, немолодая дѣва, жеманная, немножко сантиментальная, а впрочемъ весьма незлобивое существо, бывшая институтка. Она жила съ матерью и содержала школу для дѣвочекъ. При жизни Анны Спиридоновны мать и дочь Медвѣцкія очень рѣдко посѣщали Глѣбовыхъ. Апполинарія Леонтьевна, дѣва безукоризненной нравственности, считала предосудительнымъ для своей чести навѣщать чаще женщину, на которую жаловался самъ мужъ и распускалъ о ней двусмысленные слухи. По смерти ея, тронувшись на похоронахъ видомъ плачущихъ сиротъ, Апполинарія Леонтьевна предложила Александру Семенычу, чтобы Поля ходила къ ней учиться въ школу, и бралась приготовить ее къ ремеслу гувернантки.

Въ сущности благодѣяніе это было невелико. Апполинарія Леонтьевна выражала свои мысли на французскомъ языкѣ довольно шероховато, знала, что въ нѣмецкомъ языкѣ имена существительныя бываютъ трехъ родовъ, помнила изъ курса ариѳметики первыя четыре правила, изъ географіи названіе столицъ въ европейскихъ земляхъ. Но Александръ Семенычъ очень обрадовался предложенію учить Полю. Ему случалось иногда думать о томъ, что дѣлать съ дѣтьми, но его думы не вели ровно ни къ какому результату. Случалось ему иногда, проходя мимо какого нибудь хорошаго магазина, заглядываться въ окна на безчисленное множество шляпокъ и чепчиковъ, и мелькала тогда въ головѣ его мысль:

«А что, если Полю отдать въ ученье, въ модистки. Вѣдь хорошо живутъ эти магазинщицы. Право, даже лучше, нежели нашъ братъ, чиновникъ!» Но онъ спѣшилъ прогнать эту мысль, какъ не совсѣмъ здравую. Чиновничья надменность въ немъ равнялась надменности римскаго патриція относительно низшихъ себя. Его дочери не должны были дѣлать шля-

покъ. Но какъ мысль о нихъ все таки по временамъ тревожила его, то дѣти становились ему почти въ тягость. Онъ рѣдко ласкалъ ихъ, и всѣ его о нихъ заботы ограничивались тѣмъ, что онъ запрещалъ имъ знакомиться съ играющими лѣтомъ на дворѣ дѣтьми, не-чиновнаго происхожденія. Предложеніе Аполлинаріи Леонтьевны заставило его взглянуть на дѣтей съ другой точки. Карьера гувернантки для Поли показалась ему весьма привлекательною. Поля не только со временемъ не будетъ нуждатьсн въ его помощи, но будетъ сама заработывать деньги, и будетъ въ состояніи избавить его отъ расходовъ на Машу и заботъ о ней.

Онъ купилъ Полѣ ситцу на платье и новые сапожки и, отправляя ее первый разъ въ школу, прочелъ ей строгимъ тономъ краснорѣчивую, наставительную рѣчь, въ которой говорилось о пользѣ образованія, относительно извлеченія изъ него матеріальныхъ выгодъ, что Апполинарія Леонтьевна благодѣтельница Поли, и проч.

Благодѣтельница Поли приняла ее ласвово, и также сказала ей рѣчь, но не строгимъ тономъ, а со слезами на глазахъ. Въ этой рѣчи она съ соболѣзнованіемъ распространилась о настоящей горькой участи сиротки и ея сестры, и заключила также пользою образованія. Но, по ея мнѣнію, польза состояла въ томъ, что когда она выучится и выдержитъ экзаменъ въ гимназіи, то поступитъ къ ней помощницею въ школу съ вознагражденіемъ по 5 рублей въ мѣсяцъ. Поля выслушала обѣ рѣчи внимательно. Она поняла, что образованіе дѣйствительно хорошая вещь, и глубоко проникнулась этимъ убѣжденіемъ. Но, какъ конечная цѣль его, въ ея умѣ тотчасъ явилась Маша, хорошо одѣтая, въ крѣпкихъ сапожкахъ и новомъ платьѣ, съ тою куклою въ рукѣ, которую запримѣтила Поля въ окнѣ табачной лавочки, Маша довольная, сытая, смѣющаяся. Поля принялась за ученіе съ усердіемъ и тою несокрушимою волею, которая говоритъ, что надо добраться до цѣли, во что бы то не стало. Не легко давалось ей ученье. Апполинарія Леонтьевна знала по собственному опыту, какая отрасль просвѣщенія у насъ всего необходимѣе. Поля вѣрила ей и занималась французскимъ языкомъ съ великимъ усердіемъ. Но Апполинарія Леонтьевна, при своемъ способѣ преподаванія, дѣлала изъ французскаго языка нѣчто таинственное, въ родѣ языка боговъ, недоступное для ума простыхъ смертныхъ. Поля, какъ и другія воспитанницы,

не разъ становилась въ тупикъ, когда ей хотѣлось понять, о чемъ идетъ дѣло.

Несмотря на всѣ свои старанія, она ушла недалеко и кромѣ отдѣльныхъ словъ да маленькихъ фразъ почти ничего не понимала по французски. Прежде это ее не очень сокрушало. Она была еще слишкомъ ребенокъ и думала, что если учатъ ее и сама она учится прилежно, то непремѣнно выучится. Но, съ нѣкотораго времени, а именно съ тѣхъ поръ, какъ ей пошло за четырнадцать лѣтъ, ее стало не на шутку безпокоить сознаніе, что изъ ученія выходитъ мало толку. Она не знала, кого винить. Апполинарію Леонтьевну она винить не смѣла. Бѣдная дѣвочка съ горькимъ чувствомъ обвиняла себя и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряла вѣру въ свои умственныя способности.

Между тѣмъ Александръ Семенычъ на третій годъ вдовства снова женился. На этотъ разъ бракъ съ обѣихъ сторонъ былъ не по любви, а по разсчету. Вдовцу посватали Катерину Өедоровну кумушки-сосѣдки, соболѣзновавшія объ его дѣтяхъ. Онѣ отрекомендовали ему невѣсту, какъ трудолюбивую хозяйку и хорошую швею.

Александръ Семенычъ посватался. Катерина Өедоровна знала, что женихъ испиваетъ и что у него есть двое дѣтей, но это были ничтожныя препятствія въ сравненіи съ выгодами и преимуществами чиновничьяго сана, и она приняла предложеніе.

На слѣдующую весну супруги переѣхали съ Петербургской на Васильевскій островъ, гдѣ жила большая часть «давальцевъ» Катерины Өедоровны.

ГЛАВА V.

Мы оставили Полю на крыльцѣ, полусонную, съ французскою грамматикою въ рукѣ; какая-то французская фраза, приведенная для примѣра, сильно заинтересовала её. «Еслибъ у меня былъ лексиконъ», подумала Поля. «Вѣдь есть же такія счастливицы въ школѣ, у которыхъ есть лексиконы».

Но ей не слѣдовало даже и мечтать о такой роскоши. Поля, какъ всегда, обвинила себя въ непонятливости и тупости.

«Какая я безтолковая, думала она, учусь, учусь, и каждое слово отдѣльно знаю, а что онѣ значатъ вмѣстѣ, не пони-

маю. Неужели и Маша, когда выростетъ и будетъ учиться, будетъ также мало понимать, какъ я? Она будетъ у меня все спрашивать, а чтожь я могу растолковать ей, когда и сама почти ничего не знаю».

Эта мысль сильно огорчала ее. Но за то, разъ вспомнивъ о Машѣ, Поля, какъ и всегда увлеклась думою о ней. Она радовалась что Маша послѣ каникулъ станетъ ходить въ школу.

«Папа не послушаетъ мачихи, думала она. Онъ хочетъ, чтобы мы учились. Онъ настоитъ на своемъ. Какъ будетъ весело. Маша цѣлый день будетъ со мною. Я не буду бояться, что ее дома безъ меня мачиха прибьетъ за то, что она не такъ сшила. Тутъ Полѣ представилась грустная сцена за пятно, въ которой досталось и ей наканунѣ. Какъ ей стало жаль маленькую сестренку! Поля тяжело вздохнула.

«Еслибъ я могла чѣмъ нибудь порадовать ее», подумала она.

И вдругъ вспомнила она, какъ рѣшилась было вчера просить хозяина, чтобъ позволилъ Машѣ погулять въ его саду. Она опять начала обдумывать это смѣлое намѣренie. Результатъ ея думъ былъ тотъ, что она рѣшилась исполнить его. Натура Поли была изъ числа тѣхъ, робкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ гордыхъ натуръ, для которыхъ просить кого нибудь, хотя бы и о совершенныхъ пустякахъ — своего рода подвигъ. Но Поля такъ любила сестру, что для нея готова была на всѣ жертвы, какъ большія, такъ и маленькія. Она рѣшилась сдѣлать Машѣ сюрпризъ, т. е. ничего не говорить ей о своемъ планѣ до самой минуты его осуществленія. Цѣлое утро она держалась этого благаго намѣренія. Но когда послѣ обѣда Маша усѣлась на крылечкѣ подлѣ нея, съ шитьемъ и, взглянувъ на садъ, сказала:

— Отчего, мы, Поля, никогда не гуляемъ? Всѣ дѣти, всѣ люди гуляютъ, а мы никогда. Знаешь, я бы хотѣла когда нибудь въ лѣсу побывать. Тамъ должно быть чудесно. Прошедшій разъ у мачихи была Юлія Карловна, съ завода пріѣзжала, разсказывала, какъ у нихъ тамъ гуляютъ и какъ тамъ хорошо. И лѣсъ, и поле, и цвѣтовъ сколько. Я бы желала тамъ погулять! А то не знаешь, что и за лѣсъ такой, какъ никогда не видала его. А что, Поля, какъ ты думаешь, прибавила она съ выраженіемъ серьезнаго опасенія: — вѣдь эдакъ я пожалуй всю жизнь проживу и состарѣюсь, и умру, и никогда не увижу

ни лѣса, ни поля? Бываетъ такъ, Поля? Есть такіе люди, которые никогда не видали лѣса? А?..

Поля засмѣялась, разцаловала Машу и увѣрила ее, что когда нибудь она непремѣнно увидитъ и лѣсъ, и поля и даже горы,—гдѣ, когда и какъ, Поля и сама не знала. Въ заключеніе, чтобы окончательно разсѣять мрачныя мысли Маши, она не выдержала и разсказала ей о своемъ замыслѣ насчетъ хозяйскаго сада.

Маша въ восторгѣ раскрыла свои ясные глазки и устремила на сестру полурадостный, полунедоумѣвающій взглядъ.

Въ эту минуту дверь изъ хозяйской квартиры во дворъ отворилась и хозяинъ тихимъ шагомъ пошелъ по тротуару въ садъ.

— Вонъ онъ, шепнула Маша.—Поди же скорѣй, Поля, проси его.

Поля подняла было глаза, но тотчасъ же опустила ихъ и, вся вспыхнувъ отъ волненія принялась стегать очень усердно.

Маша также покраснѣла, но отъ досады, и украдкою толкнула сестру локтемъ.

Поля опять подняла глаза. Хозяинъ былъ уже подлѣ калитки. Она хотѣла встать, идти просить, но ноги отказались повиноваться. Она тяжело вздохнула, опустила глаза и снова принялась усердно за шитье.

— Чтожь ты, Поля? шепнула наконецъ Маша съ явнымъ неудовольствіемъ.

— Я послѣ попрошу, проговорила Поля тихо.

— Когдажь послѣ?

Маша надула губки, отодвинулась дальше отъ сестры и занялась шитьемъ.

— Когда онъ пойдетъ изъ сада, сказала Поля.

— Тогда ужь поздно будетъ, мачиха велитъ спать ложиться.

— Ну, такъ завтра.

— Ну, да, завтра. Сама же сказала, что сегодня попросишь. И завтра тоже скажешь, а сама не попросишь.

Весь вечеръ Маша была печальна. Каждый разъ какъ Поля взглядывала на нее, она еще болѣе пригорюнивалась.

— Хочешь, я разскажу тебѣ сказку? спросила ее Поля, когда онѣ легли спать.

— Нѣтъ, благодарствуй, не надо, отвѣчала маленькая деспотка съ глубоко-разобиженною физіономіей.

На слѣдующій день расположеніе духа Маши не измѣнилось. Она знала слабую струну сестры и такъ умѣла играть на ней, что какъ ни забавляли Полю ея плутовскія уловки, а все таки ей отъ всей души хотѣлось, чтобъ это отуманенное личико просіяло и чтобъ эти наивно жалобныя глазки просвѣтлѣли.

Вечеромъ она сидѣла на крыльцѣ за работою и ждала появленія хозяина почти съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ.

Чѣмъ ближе подвигался часъ, въ который онъ обыкновенно ходилъ въ садъ, тѣмъ становилось ей страшнѣе, и тѣмъ страннѣе казалось ей ея намѣреніе.

Маша работала подлѣ сестры. По безпокойству, выражавшемуся въ глазахъ Поли всякій разъ, какъ она взглядывала на дверь хозяйской квартиры, Маша знала, что сегодня она сдержитъ свое слово, и потому молчала.

Наконецъ дверь отворилась и хозяинъ вышелъ. Поля дала ему дойти почти до рѣшотки, потомъ встала вся блѣдная, подошла къ нему скорыми шагами и хотѣла было изложить ему свою просьбу какъ можно короче, въ пяти-шести словахъ, въ родѣ того, какъ глотаютъ пилюли, чтобы поскорѣе отдѣлаться. На шумъ ея шаговъ хозяинъ обернулся и увидѣлъ передъ собою молоденькую дѣвушку, которая очевидно хотѣла что - то сказать ему, но не могла выговорить ни слова и только безпрестанно мѣнялась въ лицѣ. Это робкое запуганное личико возбудило въ немъ любопытство.

— Вамъ что нибудь надо? спросилъ онъ ласково.

Поля собралась съ духомъ и кое-какъ объяснила ему, въ чемъ дѣло.

— Это ваша сестрица? спросилъ хозяинъ, указавъ глазами на Машу, которая сошла уже съ крыльца, но остановилась въ приличномъ отдаленіи отъ разговаривающихъ и съ живѣйшимъ интересомъ ждала рѣшенія вопроса, имѣвшаго въ ея ребяческой жизни огромное значеніе.

— Да, это она, отвѣчала Поля.

Хозяинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ Машѣ и наклонился съ участіемъ надъ этимъ хорошенькимъ ребенкомъ, въ которомъ встрѣчалъ сочувствіе къ тому, что любилъ самъ.

— Такъ вамъ очень нравятся цвѣты? спросилъ онъ съ улыбкою.

— Очень, прошептала Маша, покраснѣвъ и посмотрѣвъ искоса на садикъ такими глазами, которые ясно говорили: ахъ, кабы они всѣ были мои.

— Пойдемте же въ садъ; только съ условіемъ,—прибавилъ онъ полушутя, полусерьезно:—не рвать цвѣтовъ.

Маша отъ внезапной радости и отъ ласковаго взгляда хозяина сдѣлалась вдругъ бойка.

—Нѣтъ, нѣтъ—отвѣчала она съ блистающими глазками:—я не буду рвать. Вотъ посмотрите, я буду все такъ ходить, —прибавила она, заложивъ руки за спину:—и ни до чего не дотронусь.

Хозяинъ и Поля засмѣялись.

— Можно мнѣ идти? спросила Маша съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ, встряхнувъ своими бѣлокурыми кудрями и взглянувъ на хозяина тѣмъ умильнымъ взглядомъ, которымъ взглядывала на сестру, когда хотѣла у ней что нибудь выпросить.

— Можно, идите, идите, проговорилъ хозяинъ и пропустилъ ее впередъ, потомъ пригласилъ Полю слѣдовать за нею.

Маша вошла въ садъ степенно, какъ слѣдуетъ умной дѣвочкѣ. Но едва она вступила въ этотъ заповѣдный кругъ, какъ всѣ ея хитрые разсчеты и соображенія, которымъ учатъ ребенка ложныя понятія, вселяемыя въ его голову взрослыми, — мгновенно разсѣялись, и ею овладѣлъ простодушный восторгъ ребенка, душа котораго всегда готова откликнуться сочувствіемъ къ природѣ. Она перебѣгала отъ клумбы къ клумбѣ, становилась на колѣни предъ цвѣтами, вдыхала въ себя ихъ ароматъ и разсматривала ихъ съ любопытствомъ и мелочною дѣтскою наблюдательностію. Намѣреніе держать руки за спиною, чтобъ не придти въ искушеніе—было забыто. Она то поправляла волосы, падавшіе ей на глаза, когда она наклонялась, то хлопала въ ладоши при внезапномъ открытіи какого нибудь цвѣтка, который особенно нравился ей. Все это сопровождалось прыганьемъ, веселыми восклицаніями и болтовнею.

— Поля, Поля, поди сюда,—кричала она безпрестанно:—посмотри здѣсь, какой цвѣтокъ. А вотъ этотъ какъ хорошо пахнетъ! А вотъ еще какой красивый. Еще! еще! вотъ тутъ! Ахъ вотъ еще лучше!

И Поля на каждый призывъ непремѣнно должна была изъ-

являть Машѣ свое сочувствіе къ ея восторгу. Иначе Маша не давала ей покоя, теребила ее за платье и тащила туда, куда ей хотѣлось. Хозяинъ также прохаживался между клумбами и смотрѣлъ съ любопытствомъ на оба дѣтскія лица, часто наклоненныя рядомъ.

На одномъ выражалось ребяческое счастіе, обладающее вполнѣ и беззаботно настоящимъ мгновеніемъ. Съ другаго даже улыбка не могла согнать выраженія обычной грусти.

Николаю Игнатьевичу Лашкареву, такъ звали владѣтеля дома и сада, было и пріятно и вмѣстѣ съ тѣмъ грустно смотрѣть на этихъ дѣтей. Пріятно ему было оттого, что онъ давно уже не видалъ такой живой, чистой радости, — грустно потому, что восторгъ Маши, почти дикій, наводилъ его на печальныя мысли. Казалось, что этотъ бѣдный ребенокъ жилъ до сихъ поръ, какъ слѣпецъ въ какомъ-то темномъ мірѣ, и только впервые прозрѣлъ и увидалъ теперь ту роскошь природы, которую люди достаточные видятъ каждый день и къ которой привыкаютъ до такой степени, что часто и не замѣчаютъ ее. Вообще обѣ сестры сильно заинтересовали его. Николай Игнатьичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые и въ ребенкѣ видятъ человѣка и въ состояніи удѣлить ему серьезно значительную долю участія и сочувствія.

Онъ осматривалъ цвѣты, подвязывалъ тѣ изъ нихъ, которые требовали поддержки, толковалъ съ садовникомъ, поливавшимъ клумбы изъ огромной лейки, а самъ издалека наблюдалъ за Полею и Машею.

Онъ нарочно далъ имъ полную свободу и не подходилъ къ нимъ. Наконецъ, когда Маша немножко пришла въ себя и стала уже останавливаться подольше предъ какою нибудь клумбою, безъ восклицаній и жестовъ, Николай Игнатьичъ подошелъ къ дѣтямъ.

— У васъ есть цвѣты въ комнатахъ? спросилъ онъ Машу.

— Есть, отвѣчала она, вздернувъ носикъ съ самолюбивою гордостью любительницы, которая рада, что можетъ избѣжать отрицательнаго отвѣта.

Но почти въ туже минуту она вспомнила, что очень гордиться не чѣмъ, и прибавила, покраснѣвъ и печально опустя головку:

— Только три горшка.

— Это мало, — замѣтилъ Николай Игнатьичъ: — я вамъ дамъ еще нѣсколько горшковъ.

Маша забыла сдѣлать книксенъ, какъ ее учила дѣлать мачиха. Вмѣсто того, она вся вспыхнула отъ удовольствія и, указывая на великолѣпный піонъ, давно уже привлекавшій ея вниманіе, вскрикнула:

— И такихъ дадите?

Николай Игнатьичъ улыбнулся.

— Эти не будутъ рости въ комнатахъ, сказалъ онъ.—Это садовые цвѣты, а не комнатные.

Маша призадумалась. Піонъ былъ такъ хорошъ.

Николаю Игнатьичу захотѣлось, чтобы на живомъ личикѣ Маши, снова отразилась радость, такъ прекрасно освѣтившая его за минуту передъ тѣмъ. Онъ вынулъ изъ кармана складной ножъ и срѣзалъ піонъ.

— Что вы сдѣлали? вскричала вдругъ Маша, отступивъ и всплеснувъ руками.—Зачѣмъ вы его отрѣзали?

Лицо ея стало серьезно, почти печально.

— Я хочу вамъ нарѣзать букетъ, проговорилъ Николай Игнатьичъ, взглянувъ на нее съ удивленіемъ.

Но эта вѣсть не обрадовала Машу. Она смотрѣла на складной ножикъ и качала головою, какъ качаютъ старики, когда не одобряютъ какой нибудь выходки молодежи.

— Я бы никогда не стала ни рѣзать, ни рвать цвѣтовъ, сказала она наконецъ съ досадою.

— Отчего же? спросилъ Николай Игнатьичъ, удивляясь все болѣе и болѣе на этого ребенка.

— Такъ, отвѣчала Маша и подошла къ другой клумбѣ.

— Нѣтъ, не такъ, проговорилъ Николай Игнатьичъ, подойдя къ ней.—Будемте друзьями. Скажите мнѣ, отчего вы не любите, чтобъ рѣзали цвѣты?

— Не скажу, отвѣчала Маша, опустивъ головку, съ настойчивостію ребенка, твердо рѣшившагося не дѣлать того, чего отъ него требуютъ.

— Отчего жъ не скажете? продолжалъ Николай Игнатьичъ. Развѣ вы не хотите, чтобы мы были друзьями?

Маша взглянула на него изъ подлобья и засмѣялась. Она встрѣтила такіе ласковые, добрые глаза, что почувствовала непреодолимое желаніе быть другомъ владѣтеля этихъ глазъ.

— Вы будете смѣяться надо мною, прошептала она.

— Нѣтъ, не буду, отвѣчалъ онъ серьезно.—Скажите.

— Можетъ быть, имъ больно, когда ихъ рѣжутъ или рвутъ.

И Маша робко взглянула на Николая Игнатьича, опасаясь уловить на его лицѣ насмѣшливое выраженіе. Но онъ не смѣялся, а попрежнему смотрѣлъ на нее добрымъ, ласкающимъ взглядомъ.

— Почему вы думаете, что имъ больно?

— Они живутъ, отвѣчала Маша.—Конечно, не такъ, какъ люди, а все-таки живутъ. Они ростутъ и, когда вѣтеръ, качаются, точно говорятъ между собою. Сперва они такіе маленькіе, точно дѣти, а потомъ становятся такіе большіе, большіе, и цвѣтокъ распускается такой большой.

— Вамъ кто нибудь говорилъ, что они живутъ? спросилъ Николай Игнатьичъ Маша засмѣялась.

— Да вѣдь я сама вижу, что они живутъ. Спросите у Поли, и она говоритъ, что живутъ. Она мнѣ такую славную сказку разсказывала про цвѣты.

— Разскажите мнѣ.

Николай Игнатьичъ сѣлъ на лавочку. Восторгъ, который ощущала Маша отъ того, что проникнула въ міръ, считавшійся для нея недоступнымъ, пестрый партеръ цвѣтовъ, которые будто смотрѣли на нее со всѣхъ сторонъ и посылали ей свои ароматы, добрый взглядъ хозяина и интересъ, который онъ казалось принималъ въ ея маленькой особѣ — все это сдѣлало ее сообщительною и довѣрчивою. Она сѣла подлѣ хозяина и съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ и жестами начала разсказывать ему сказку, которую слышала отъ сестры.

Поля, ушедшая убрать работу, о которой совсѣмъ было забыла въ первыя минуты, какъ вошла въ садъ, возвратилась къ концу разсказа Маши и подошла къ скамейкѣ, гдѣ сидѣла она съ хозяиномъ.

— Пора домой, Маша, сказала она, боясь, чтобъ ея въ этотъ вечеръ говорливая сестренка не наскучила хозяину.

Маша вдругъ прервала разсказъ и печально посмотрѣла на сестру.

— Нѣтъ, еще рано, возразилъ Николай Игнатьичъ и предложилъ Полѣ сѣсть подлѣ него, съ другой стороны.

Маша, досказавъ наскоро окончаніе сказки и опасаясь, чтобы въ самомъ дѣлѣ не пришлось скоро идти домой, убѣжа-

ла въ ту часть сада, которую не успѣла еще хорошенько осмотрѣть.

— Вы гдѣ нибудь учитесь? спросилъ Николай Игнатьичъ Полю.

— Я хожу въ школу.

— Что вамъ преподаютъ тамъ?

Поля перечислила всѣ предметы, которымъ Аполлинарія Леонтьевна обязалась предъ родителями выучить ихъ дѣтей.

— Имѣете ли вы понятіе о жизни растеній? спросилъ Николай Игнатьичъ. Поля созналась, что не знаетъ ничего положительнаго о растеніяхъ.

— А вѣдь это очень любопытно. Ваша сестрица... какъ ее зовутъ?

— Маша.

— Ну такъ Маша разсказывала мнѣ сказку о цвѣтахъ, которую слышала отъ васъ. Эта сказка доказываетъ поэтическую настроенность вашего воображенія. Поэзія хороша, но простое и внимательное изслѣдованіе окружающихъ насъ предметовъ еще лучше. Оно открываетъ намъ природу какъ книгу, въ которой каждое слово—правда. А правда должна быть основаніемъ всего въ нашей жизни. Притомъ какъ интересно изучать и наблюдать, что насъ окружаетъ, что живетъ вмѣстѣ съ нами.

Николай Игнатьичъ замолчалъ и въ раздумьѣ смотрѣлъ на свои любимые цвѣты, надъ которыми уже начиналъ подыматься едва замѣтный вечерній паръ. Его слова возбудили въ Полѣ любопытство. Они были для нея совершенно новы. Никто и никогда не говорилъ ей о значеніи истины и не направлялъ ея вниманія съ научной точки на окружающіе ее предметы.

Чтобы какъ нибудь снова вовлечь хозяина въ разговоръ, который ей хотѣлось продлить, она сказала робко, полу-вопросительнымъ, полу-утвердительнымъ тономъ:

— Вѣдь цвѣты питаются водою?

— Да, конечно, отвѣчалъ Николай Игнатьичъ, снова обративъ вниманіе на свою собесѣдницу.

Онъ объяснилъ ей въ общихъ чертахъ физіологію растеній такъ понятно и просто, что Поля не могла надивиться, отчего она понимаетъ это такъ легко, тогда какъ всегда упрекала себя въ непонятливости. Она даже не стыдилась сама предлагать ему вопросы. Предметъ былъ слишкомъ увлекателенъ. Толкуя объ

организаціи цвѣтка, Николай Игнатьичъ коснулся слегка для сравненія организаціи человѣка. Этотъ предметъ былъ еще новѣе для Поли. Вообще неразвитой умъ менѣе всего обращаетъ вниманія на такіе предметы, которые каждую минуту находятся въ его распоряженіи и ближе къ нему другихъ. Такъ Полѣ никогда не приходило въ голову, что ея маленькая рука, съ голубоватыми жилками, которая шила такъ проворно, когда Поля хотѣла скорѣе кончить работу, можетъ быть предметомъ изученія.

Поля, слушая хозяина, совершенно забыла о томъ, что Катерина Ѳедоровна, по системѣ порядка и аккуратности, любила ложиться спать каждый день въ одинъ и тотъ же часъ, и что этотъ часъ уже давно пробилъ. Маша, бѣгавшая по саду, увидала въ отворенномъ окнѣ маленькой комнаты лицо матери, уже обрамленное бѣлымъ ночнымъ чепцомъ. Маша прибѣжала къ сестрѣ въ сильныхъ попыхахъ и не безъ страха сообщила ей объ этомъ. Дѣлать было нечего. Надо было прервать интересную бесѣду. Николай Игнатьичъ примѣтилъ, что Полѣ хотѣлось бы послушать его подольше.

— Приходите завтра въ садъ, — сказалъ онъ Полѣ. — Мы будемъ продолжать нашу ученую бесѣду, если она интересуетъ васъ. Вы и ваша сестрица можете гулять въ немъ каждый вечеръ. Теперь я знаю, что Маша любитъ цвѣты, и увѣренъ, что она не сорветъ ни одного листика. Я совершенно покоенъ на этотъ счетъ.

Онъ ласково простился съ дѣтьми.

Дома ихъ встрѣтила воркотня мачихи, недовольной тѣмъ, что ей пришлось дожидаться, чтобъ запереть двери на ночь. Александръ Семенычъ не ходилъ на Крестовскій въ этотъ вечеръ и давно уже спалъ крѣпкимъ сномъ. Впрочемъ Катерина Ѳедоровна ворчала на этотъ разъ несравненно умѣреннѣе противъ другихъ разовъ. Она спросила у Поли, какимъ образомъ она и Маша попали въ хозяйскій садъ. Поля солгала. Она сказала, что хозяинъ самъ позвалъ ихъ. Катерина Ѳедоровна осталась довольна ласковымъ обращеніемъ хозяина дома съ дѣтьми. Вѣдь домовой хозяинъ важное лицо для бѣдныхъ жильцовъ. Онъ можетъ настоятельно требовать или снисходительно ждать недоплаченныхъ за квартиру денегъ, и смотрѣть на нравственность своихъ жильцовъ сквозь пальцы, или быть неумолимо строгимъ къ этой статьѣ.

ГЛАВА VI.

На другой день Николай Игнатьичъ прислалъ Машѣ съ садовникомъ нѣсколько горшковъ резеды, гвоздики и цвѣтущій олеандръ. Маша была въ восторгѣ.

Обѣ сестры съ нетерпѣніемъ ждали вечера. Поля усердно шила, чтобы кончить заданную ей мачихою работу къ тому времени, когда хозяинъ пойдетъ въ садъ.

Но какъ ни старалась она, а кончить не успѣла. Николай Игнатьичъ, проходя мимо дѣтей, сидѣвшихъ на крыльцѣ, ласково кивнулъ имъ головой и пригласилъ дѣтей идти съ собою. Пошла только Маша, за которую Поля уже давно подрубила фалборку.

— Чтожь ваша сестрица не идетъ? спросилъ хозяинъ, пріостановясь.

— Она не успѣла кончить свою работу, отвѣчала Маша.

— Она можетъ кончить въ саду. Тамъ есть бесѣдка и столикъ. Скажите ей.

Маша вернулась и Поля пошла въ садъ съ работою.

— Вотъ здѣсь вамъ будетъ удобно!—сказалъ Николай Игнатьичъ, дойдя до бесѣдки въ концѣ сада. — Сядьте здѣсь, а мы пока съ Машею и садовникомъ займемся цвѣтами.

Поля сѣла на скамейку и принялась дошивать.

Черезъ нѣсколько времени хозяинъ, сдѣлавъ свой обыкновенный осмотръ и сообщивъ садовнику свои распоряженія, также пришелъ въ бесѣдку и сѣлъ подлѣ Поли.

Мы уже сказали, что обѣ сестры возбудили въ Николаѣ Игнатьичѣ участіе. Теперь же, когда онъ провелъ наканунѣ съ ними вечеръ, это участіе еще возрасло и превратилось почти въ сострадание. Онъ зналъ, что его жилецъ во флигелѣ — пьяница, и замѣтилъ, съ какимъ страхомъ отзывалась Маша о мачихѣ. Къ тому же изъ грустнаго личика Поли и полнаго тоски и страданья ея голоса, когда она пѣла пѣсню, которую онъ слушалъ у рѣшотки — онъ и безъ того угадалъ бы, что жизнь бѣдныхъ дѣтей была не радостна.

Любопытство, съ какимъ слушала Поля наканунѣ,—заставило Николая Игнатьича возобновить вчерашній разговоръ.

Отъ физіологіи человѣка онъ опять перешелъ къ ботаникѣ, и говоря о разнообразной почвѣ земли, коснулся слегка физической географіи.

Поля не могла скрыть своего полнѣйшаго невѣжества и по этому предмету. Николай Игнатьичъ началъ распрашивать подробно, какъ и чему ее учатъ въ школѣ. Поля уже перестала видѣть въ богатомъ хозяинѣ какое-то особенное существо. Ободренная простотою его обращенія, она уже говорила съ нимъ откровенно и свободно, какъ съ равнымъ себѣ. Она сбѣгала домой, отнесла дошитую работу и принесла свой мѣшокъ съ тетрадями и книгами. Николай Игнатьичъ просмотрѣлъ нѣкоторыя изъ нихъ, покачалъ нѣсколько разъ головою и отодвинулъ въ сторону.

Поля, пользуясь удобнымъ случаемъ, показала ему фразу изъ грамматики Ноеля и Шапсаля, которая такъ ее смущала.

Николай Игнатьичъ перевелъ ей эту фразу и растолковалъ ея смыслъ. Слово за слово, отвѣчая на вопросы Николая Игнатьича, Поля высказала ему свои планы насчетъ будущаго. Она умолчала о конечной цѣли своихъ надеждъ и стремленій, т. е. о Машѣ, и сказала только, что ея отецъ получаетъ немного, и что ей необходимо приготовиться къ должности гувернантки. Она упомянула и о своемъ сильномъ желаніи выучиться хорошо по французски. Николаю Игнатьичу стало жаль ее. Онъ видѣлъ, что по методѣ Апполинаріи Леонтьевны Поля не далеко уйдетъ въ изученіи этого языка. На слѣдующій же день онъ принесъ въ садъ хорошій диксіонеръ и французскую книгу и сказалъ ей, чтобъ она читала, когда ей есть время, и обращалась къ нему за объясненіемъ тѣхъ мѣстъ, которыя затруднятъ ее.

Такимъ образомъ бесѣды въ саду стали повторяться почти каждый вечеръ и только дождь или отсутствіе Николая Игнатьича мѣшали имъ иногда. Послѣднее случалось очень рѣдко. Для Поли бесѣды эти были настоящими лекціями, которыя приносили ей пользы въ милліонъ разъ болѣе, чѣмъ бы принесъ цѣлый курсъ такого ученія, какъ у Апполинаріи Леонтьевны. Лекціи были весьма не полныя. Все это были только общіе, легкіе контуры, но ихъ главное достоинство состояло въ томъ, что они показывали Полѣ всю бездну ея невѣжества, а съ другой раскрывали передъ нею вселенную, какъ огромную книгу, гдѣ каждая букашка составляетъ слово, надъ которымъ должно остановиться и подумать, чтобъ уяснить себѣ смыслъ цѣлаго.

Въ головкѣ Поли началось броженіе мыслей, вызываемыхъ

постоянными бесѣдами съ хозяиномъ. Предъ ея глазами начало оживать все то, что прежде было мертво, т. е. не имѣло значенія. Она съ удивленіемъ и вмѣстѣ съ радостью, понятной всякому, кто испыталъ подобныя чувства, сознавала, что въ ней совершается переворотъ, вводящій ее въ ряды мыслящихъ созданій, переворотъ, дающій отрадное право причислить себя къ числу дѣйствующихъ, а не заржавѣвшихъ силъ въ огромной машинѣ творенья.

Николай Игнатьичъ часто давалъ Полѣ книги, служившія поясненіемъ его лекцій. Умная дѣвочка, въ непродолжительное знакомство съ хозяиномъ, сознала уже до такой степени необходимость и наслажденіе положительныхъ и разнообразныхъ познаній, что не находила этихъ книгъ скучными, какъ отзывалась бы о нихъ мѣсяца за два до того, а читала ихъ съ возрастающимъ любопытствомъ. Только одна непріятная мысль отравляла для нея порой всѣ другія. Чѣмъ болѣе развивался ея умъ, тѣмъ яснѣе становилось ей, что школьное образованіе далеко не ведетъ къ своей цѣли. Избавиться же школы она не могла. Она рѣшилась раздѣлить свое ученье на двѣ части. Съ Николаемъ Игнатьичемъ она училась для себя, собственно для того, чтобы знать, по школьнымъ же тетрадкамъ училась для школы. Французскій языкъ шелъ своимъ чередомъ. Николай Игнатьичъ, объясняя Полѣ выраженія, которыхъ она не понимала, разоблачалъ ей механизмъ языка. Все это дѣлалось изустно, безъ диктовокъ, письменныхъ спряженій глаголовъ и другихъ проволочекъ времени, и оставляло въ памяти ученицы гораздо болѣе глубокіе слѣды.

Чудное лѣто проводили обѣ сестры. Никогда еще не были онѣ такъ счастливы. Маша еще гораздо тѣснѣе Поли подружилась съ добрымъ хозяиномъ.

Когда Николай Игнатьичъ ухаживалъ за цвѣтами, Маша неотлучно находилась при немъ, помогая по мѣрѣ силъ и умѣнья. Она распрашивала о свойствахъ каждаго цвѣтка, о томъ, что онъ любитъ больше, тѣнь или солнце, много ли слѣдуетъ его поливать, отъ сѣмянъ иль корней онъ размножается, и т. д. Эти разспросы нисколько не утомляли Николая Игнатьича. Любитель никогда не устанетъ говорить о предметѣ своей страсти, когда встрѣчаетъ сочувствіе къ ней. Притомъ же, Маша была такъ мила съ своею бѣлокурою, волнистою головкою и оживленнымъ личикомъ, что на нее можно было

любоваться также, какъ на прекрасный цвѣтокъ. Вообще, садъ доставлялъ ей много хлопотъ и заботъ. Ей надо было всегда первой подсмотрѣть каждый зарождающійся бутонъ и слѣдить за его развитіемъ. Она особенно любила наблюдать процессъ превращенія бутона въ цвѣтокъ. Казалось, что сказочная мысль насчетъ сознательнаго существованія цвѣтовъ плотно угнѣздилась въ ея головкѣ.

Маша могла по долгу стоять надъ однимъ и тѣмъ же цвѣткомъ и внимательно наблюдать за нимъ, какъ будто ей хотѣлось узнать, какъ онъ ростетъ и развивается. Цѣлый день у ней не было съ Полею другихъ разговоровъ, какъ про садъ да про цвѣты. Обѣ сестры видѣли въ хозяинѣ какого-то благодѣтельнаго для нихъ генія, и питали къ нему чувство, близкое къ благоговѣнію.

Катерина Өедоровна не мѣшала дѣтямъ проводить время въ саду, по извѣстной намъ уже причинѣ. Она даже любила слушать разсказы Маши о хозяинѣ.

Александръ Семенычъ, возвращаясь въ одинъ вечеръ съ своей любимой прогулки—съ Крестовскаго, встрѣтилъ на дворѣ Николая Игнатьича, и принялся было увѣрять его, что вѣдь онъ, т. е. Александръ Семенычъ, не камень, а человѣкъ благородный и притомъ же отецъ, и чувствуетъ въ глубинѣ своего сердца глубочайшую признательность за его ласку къ дѣтямъ. Но эти изліянія благодарности были приняты такъ равнодушно, что ими и покончились всѣ попытки Александра Семеныча сблизиться съ домовымъ хозяиномъ.

ГЛАВА VII.

Какимъ образомъ Николай Игнатьичъ, человѣкъ еще молодой по видимому, одинокій и съ состояніемъ, живя въ Петербургѣ, велъ такую уединенную жизнь, что проводилъ по вечерамъ столько часовъ одинъ, въ обществѣ дѣтей? Отчего почти не было у него товарищей или пріятелей? Да и почему тѣ, которые изрѣдка навѣщали его, не вовлекали его въ кругъ жизни болѣе дѣятельной, хотя бы по внѣшности?

Эти вопросы сдѣлаетъ вѣроятно каждый читатель, и найдетъ жизнь Николая Игнатьича странною. Но жизнь иногда слагается подъ вліяніемъ такихъ противоположныхъ здравому смыслу условій, что портитъ все существованье человѣка.

Предки Николая Игнатьича имѣли хорошее состояніе.

Оно было пріобрѣтено не трудомъ и умомъ, и даже не гражданскою дѣятельностію, а просто красотою одной изъ прабабушекъ Николая Игнатьича. Тѣмъ не менѣе Лашкаревы чванились своими помѣстьями и многочисленною дворнею. Каждый изъ представительныхъ членовъ этого семейства значительно убавлялъ легко нажитое богатство, проматывая его то на разныя барскія затѣи, то за границею. Отецъ Николая Игнатьича особенно усердно подвизался на этомъ поприщѣ. Онъ былъ женатъ на дочери одного обрусѣвшаго и обнищавшаго нѣмецкаго барона. Мать Николая Игнатьича, получила образованіе въ институтѣ. Здѣсь свободно развились въ ней, неохлаждаемыя здравыми понятіями о жизни, два врожденныя свойства ея характера: сентиментальность и восторженность. Она, какъ и многія изъ ея подругъ, составила себѣ идеалъ человѣка, съ которымъ неминуемо должна была свести ее судьба.

Отыскивая на паркетахъ идеалъ человѣка съ благородными стремленіями и богатымъ запасомъ разныхъ аристократически-изящныхъ чувствъ,—она очутилась замужемъ за пресытившимся жизнію гвардейцомъ, безъ всякихъ поэтическихъ наклонностей, заклятымъ врагомъ сантиментальности, въ которомъ несравненно скорѣе можно было отыскать идеалъ хорошаго товарища въ веселыхъ пирушкахъ и кутежахъ, нежели идеалъ человѣка по воззрѣніямъ на этотъ предметъ баронессы, да пожалуй и по чьимъ бы то ни было воззрѣніямъ. Разочарованіе совершилось быстро. Уже на третій годъ послѣ свадьбы жена надоѣла Игнатію Петровичу, какъ смертный грѣхъ. Онъ вышелъ въ отставку и поселился въ плѣснеозерской усадьбѣ, въ одномъ домѣ съ женою, но на разныхъ половинахъ, предоставивъ ей полную свободу, нисколько не стѣсняя и себя въ этомъ отношеніи. Молодая женщина вообразила, что ей больше уже нечего ждать отъ жизни, схоронила себя за живо въ четырехъ стѣнахъ, сосредоточивъ всю силу любви и умственной дѣятельности на двухъ своихъ дѣтяхъ — сынѣ и дочери. Но дѣло въ томъ, что при всей нѣжности чувствъ, при пламенномъ желаніи добра, рѣдко умѣетъ у насъ женщина руководить воспитаніемъ дѣтей.

Мать Николая Игнатьича, когда онъ былъ ребенкомъ, не могла на него надышаться, слѣдила за каждымъ его шагомъ, приказывала укутывать его во фланель, боялась для него, какъ заразы, общества дворовыхъ ребятишекъ, пріучала его къ

изящнымъ манерамъ и съ пяти-лѣтняго возраста начала сама учить его музыкѣ, французскому языку и вышиванью по канвѣ. Послѣднее употреблялось какъ средство усадить мальчика на мѣсто, когда онъ слишкомъ рѣзвился и бѣгалъ. Игнатій Петровичъ, года четыре послѣ водворенія въ усадьбѣ, отошелъ къ праотцамъ. Вдова его переѣхала въ Петербургъ, гдѣ у нея были родные. Здѣсь образъ ея жизни измѣнился. Она снова сблизилась съ свѣтомъ. Система оранжерейнаго воспитанія дѣтей продолжалась своимъ порядкомъ. Удушливая любовь матери преслѣдовала Колю на каждомъ шагу. Извѣстно, что изъ матушкиныхъ сынковъ никогда не выходитъ проку. Въ томъ же кругу, къ которому принадлежала Лашкарева, если и встрѣчаются человѣчныя личности, то ужь никакъ не производитъ ихъ воспитаніе, а напротивъ, совершенная переработка этого воспитанія, по окончаніи его, ломка самого себя, совершающаяся въ головахъ, одаренныхъ здравымъ смысломъ.

Такъ было и съ Николаемъ Игнатьичемъ. Изъ рукъ гувернеровъ и мелочной, хотя и изящной жизни въ домѣ матери, онъ перешелъ въ одно спеціальное заведеніе, гдѣ воспитываются дѣти благородныхъ, но богатыхъ родителей. Между тѣмъ любовь матери и тутъ продолжала преслѣдовать его также неотступно какъ и прежде. Больше всего Лашкарева боялась для сына дурнаго общества. Когда онъ достигнулъ тѣхъ лѣтъ, въ которыя мальчикъ болѣе или менѣе чувствуетъ потребность въ самостоятельности и порывается къ ней, она стала бояться за него—порывовъ къ разгульной жизни, кутежей, столкновеній съ грязью, словомъ всего, что можетъ напугать экзальтированное воображеніе, преобладающее надъ здравымъ смысломъ.

Еслибъ она боялась, но молчала, то дѣло вышло бы еще довольно сносно, но она деспотически подстерегала каждый шагъ сына, безпрестанно дѣлала ему то наставленія, то нѣжные выговоры, то трогательныя сцены. Все это втайнѣ раздражало молодаго человѣка и онъ подчасъ возставалъ противъ этого деспотизма любви, но возставалъ ребячески—бравадами.

Когда онъ кончилъ курсъ и поступилъ на службу, воля матери втолкнула его въ тотъ очарованный кругъ общества, среди котораго жила она сама. Въ Николаѣ Игнатьичѣ было много хорошихъ задатковъ. Въ немъ было стремленіе къ размышленію, къ дѣятельности, къ труду. Но въ искусственномъ мірѣ. гдѣ онъ вынужденъ былъ вращаться, эти свойства легко по-

крываются плѣсенью. Послѣ первыхъ увлеченій жизнію и обществомъ, Николай Игнатьичъ догадался, что этотъ міръ не тотъ, которому симпатизировала его душа, что люди, съ которыми онъ встрѣчается, не настоящіе люди, а искусственные, такіе же, какъ и міръ, въ которомъ они живутъ. Онъ попробовалъ было выдти изъ этой среды, но долженъ былъ отложить это намѣреніе до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Только тотъ, кто жилъ семейною жизнію, можетъ понять вполнѣ, какова она бываетъ, когда въ ней встрѣчается дисгармонія или борьба. Безпрестанныя ссоры, бури, упреки, какъ бы они ни были нелѣпы и какъ мало ни заслуживали бы вниманія, все-таки по неволѣ заставляютъ обращать на себя вниманіе потому, что портятъ жизнь. Положеніе Николая Игнатьича было тѣмъ тяжелѣе, что владычествовала женщина, и вдобавокъ мать, опирающаяся на чувство любви и умѣющая порою облекать проявленья своего деспотизма въ мягкія, нѣжныя формы. Въ головѣ Лашкаревой глубоко сидѣли двѣ идеи: первая та, что все, что не аристократично, не хорошо; вторая, что «noblesse oblige»

Николай Игнатьичъ пытался было ей доказывать неосновательность этихъ идей, но доказывать выходило тоже, что толочь воду.

Среди такихъ-то обстоятельствъ, мать его умерла отъ рака въ груди. Онъ вдругъ очутился на свободѣ и на просторѣ, и какъ часто случается съ людьми, долго жившими въ тискахъ, первые шаги свободы ознаменовалъ—глупостью.

По смерти матери онъ отправился въ Плѣснеозерское имѣніе, которое вмѣстѣ съ домомъ на Васильевскомъ островѣ, гдѣ онъ жилъ, составляло всѣ уцѣлѣвшія крупицы изъ богатства, доставшагося его прабабушкѣ.

Случайно познакомился онъ съ сосѣдкою по имѣнію, княгинею Глушковскою. Она принадлежала къ разряду тѣхъ княжескихъ родовъ, которые сохранили княжескій титулъ какъ будто бы въ насмѣшку надъ всѣми титулами и гербами. Имѣніе ея, сосѣдственное съ имѣніемъ Николая Игнатьича, было заложено, перезаложено и разорено. Но старуха жила въ своихъ княжескихъ хоромахъ, съ покосившимися стѣнами и полуразрушенными крыльцами, ничуть не унывая. Она придерживалась этикета и причудъ знати. При стѣсненности ея средствъ, эта привычка дѣлала изъ ея домашняго быта нѣчто живо на-

поминающее грубо намалеванныя театральныя декораціи, нѣчто весьма уродливое, смѣшное, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма тяжелое и непріятное. Старуха постоянно говорила по французски, выговаривая слова на русскій ладъ, и держала при осьмнадцати-лѣтней внучкѣ одну бѣдную дворянку, нѣчто въ родѣ «Suivante», которая носила названіе гувернантки и жила въ домѣ княгини изъ-за хлѣба. Внучку же княгиня муштровала также, какъ муштровали ее самоё въ былые годы. Эта внучка была прехорошенькая дѣвушка, живая, съ большими темными глазами, полными губками и темными дугообразными бровями, высокая, стройная, съ гордою осанкою. Какъ ни строго держала ее бабушка, но успѣла вбить ей въ голову, что она красавица, княжна, а слѣдовательно, если рѣшится осчастливить простаго не титулованнаго смертнаго своею рукою, то не иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ этотъ смертный былъ богачъ. Внучка смотрѣла на это дѣло иначе. Она знала, что у ея отца, князя, еще шесть человѣкъ дѣтей, кромѣ нея, и что ея сестры сочли бы себя счастливыми, если бы вышли за армейскихъ поручиковъ или уѣздныхъ чиновниковъ.

Въ губернскомъ городѣ, гдѣ княжна провела съ бабушкою одну зиму, на балахъ у нея было много ухаживателей. Она очень любила балы. Жизнь вообще представлялась ей какъ рядъ безпрерывныхъ удовольствій. Въ полусгнившемъ домѣ бабушки, въ деревнѣ, гдѣ старуха жила постоянно, не было другихъ удовольствій и развлеченій, кромѣ дребезжащаго отъ старости рояля. Княжна сообразила, что чѣмъ скорѣе выдти замужъ, тѣмъ лучше, и что даже разбирать много нечего. Первый мало мальски порядочный человѣкъ, хотя по наружности, и не нищій сдѣлался для нея идеаломъ мужа. При такихъ-то обстоятельствахъ свела ее судьба съ Николаемъ Игнатьичемъ. Княжна была ловка, умна и умѣла затронуть его сердце. Николай Игнатьичъ влюбился и въ деревнѣ, подъ вліяніемъ благотворнаго воздуха, охваченный чувствомъ свободы, какъ никогда не бывалымъ счастьемъ, далъ волю своимъ чувствамъ. въ немъ проявилась наклонность къ идилліи. Результатомъ его идиллическихъ стремленій было то, что онъ женился на княжнѣ почти нечаянно для самого себя.

Первый годъ послѣ свадьбы молодые прожили въ Петербургѣ, среди того круга, который Николай Игнатьичъ давно въ душѣ называлъ пустымъ и изъ котораго стремился въ другую

сферу. Но для хорошенькой, любимой жены можно принести жертву.

На второй годъ Николай Игнатьичъ попробовалъ повести жизнь болѣе отдаленную отъ этого общества и болѣе дѣльную. Средства его были далеко не такъ обширны, чтобы онъ былъ въ состояніи безнаказанно поддерживать роскошь и праздное тщеславіе, которыя даютъ человѣку право гражданства въ этомъ кругу.

Если мы назвали его въ началѣ разсказа богатымъ человѣкомъ, то сравнительно съ бѣдными жильцами, для которыхъ каждый домохозяинъ кажется богачемъ.

Перемѣна въ образѣ жизни очень не понравилась его женѣ. Она уже привыкла къ суетѣ, выѣздамъ, собраніямъ, гдѣ красота ея не оставалась не замѣченною, и къ роскоши, которая такъ возвышаетъ женскую красоту. Домашняя жизнь не могла ей нравиться, тѣмъ болѣе, что ея наклонности совершенно противорѣчили наклонностямъ мужа. Въ характерахъ ихъ было мало гармоніи. Сперва пошли легкія вспышки и мелкія неудовольствія, потомъ они стали становиться все крупнѣе и крупнѣе и превратились въ постоянное раздраженіе, въ ссоры, за которыми послѣдовала почти враждебная холодность. M-me Лашкарева считала себя обманутою. Выходя замужъ, она не имѣла истиннаго понятія о значеніи средствъ для свѣтской жизни, и считала мужа своего гораздо богаче, нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Это семейное разногласіе кончилось полнымъ равнодушіемъ супруговъ другъ къ другу. Николай Игнатьичъ не хотѣлъ препятствовать свободѣ жены. Свобода увлекла ее. Черезъ четыре года послѣ свадьбы мужъ и жена добровольно разстались, вѣроятно затѣмъ, чтобы никогда не встрѣчаться. M-me Лашкарева уѣхала сперва за границу, а оттуда въ одну изъ южныхъ губерній, гдѣ зажила богатой барыней и законодательницей вкуса и модъ, въ одномъ губернскомъ городѣ, охраняемая щитомъ законовъ, т. е. личнымъ и совершенно отцовскимъ попеченіемъ о ней самого начальника губерніи.

Николай Игнатьичъ сталъ высылать женѣ ежегодно условленную сумму на содержаніе. Такая житейская неудача сильно его раздосадовала. Она доказала ему, что онъ человѣкъ не выработавшійся, школьникъ, способный увлекаться блуждающими огоньками. Онъ проклялъ глупѣйшее воспитаніе, проклялъ

кругъ, въ которомъ жилъ, и рѣшился начать новую жизнь, т. е. пересоздать самого себя. Онъ вышелъ въ отставку и засѣлъ въ своемъ кабинетѣ, окруживъ себя книгами. Кругъ его знакомыхъ былъ очень ограниченъ. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, большею частію студентовъ, но и тѣ навѣщали его рѣдко. Между ними и Николаемъ Игнатьичемъ была огромная разница. Ихъ трудъ былъ обязательный, дѣятельный и благотворный. Николай Игнатьичъ на поприщѣ труда былъ дилеттантъ. Года черезъ два усидчивыхъ занятій, онъ созналъ не совсѣмъ пріятную истину. Онъ понялъ, что изъ него никогда не выйдетъ такой хорошій практическій дѣятель, какъ изъ знакомой ему молодежи. Онъ былъ для этого слишкомъ баринъ, слишкомъ аристократъ. Хорошихъ стремленій въ немъ было много, но онъ боялся взяться за дѣло. Онъ не надѣялся на свои силы, не вѣрилъ имъ. Вообще въ немъ не доставало энергіи, свойственной свѣжимъ силамъ, а силы его были надломлены тѣмъ кругомъ, въ которомъ онъ провелъ дѣтство и первую молодость.

Эта-то разладица между стремленіями и реальною жизнью запечатлѣла лицо Николая Игнатьича оттѣнкомъ грусти. Она же развивала въ немъ все болѣе и болѣе склонность къ уединенію и отчужденію отъ людей. Физическія силы молодаго человѣка, испорченныя безсмысленнымъ воспитаніемъ, скоро поддаются вліянію на нихъ духовнаго разслабленія.

Не мудрено, что при такомъ состояніи духа, онъ находилъ отраду въ страсти къ цвѣтамъ. Поля и Маша заняли и увлекли его, какъ живыя, свѣжія явленія.

Любознательность Поли, наивная и забавная болтовня Маши развлекали его.

Жизнь бѣдняковъ, которой онъ никогда не видалъ такъ близко, такъ осязательно, какъ на этихъ бѣдныхъ дѣтяхъ, жизнь пошлая, грязная, неразумная и среди которой человѣкъ со всѣми своими человѣческими стремленіями виденъ уже въ ребенкѣ, одаренномъ умомъ и любовью, — сильно возбудили участіе Николая Игнатьича.

ГЛАВА VIII.

Къ концу лѣта дружба Николая Игнатьича съ дѣтьми окончательно возрасла и укрѣпилась. Они совершенно перестали видѣть въ немъ посторонняго для нихъ человѣка. Обращеніе

съ нимъ Поли, не смотря на простоту и откровенность, не выходило изъ границъ той сдержанности, которую инстинктивно устанавливаетъ смыслъ дѣвушки, начинающей выходить изъ ребятъ. Но Маша съ хозяиномъ была гораздо фамильярнѣе.

Дѣвочка совершенно переродилась. Ея запуганность прошла. Гордая и счастливая покровительствомъ домоваго хозяина, которое, въ ея понятіяхъ, равнялось покровительству по крайней мѣрѣ царя волшебниковъ, она стала даже меньше бояться отца и мачихи. Катерина Ѳедоровна на все это смотрѣла благосклонно. Результаты ея думъ отражались на обращеніи съ дѣтьми. Она стала гораздо мягче. Она рѣдко попрекала ихъ пьянымъ отцомъ, сокращала иногда уроки шитья и почти отстала отъ привычки хватать дѣтей за уши или за волосы, когда бывала недовольна ими или Александромъ Семенычемъ. Никогда еще сестры не жили такою хорошею жизнію. Садъ, движенье въ немъ, свобода, чудные цвѣты, отсутствіе побой дома, увѣренность, что нашелся хоть одинъ расположенный къ нимъ человѣкъ,—все это почти осуществляло для нихъ идеалъ счастія.

Настала осень. Сборъ сѣмянъ оказался для Маши настоящимъ праздникомъ. Поля, у которой въ сердцѣ по прежнему на первомъ планѣ выдавалась ея горячая привязанность къ сестрѣ, съ непривычною ей прежде радостною улыбкою смотрѣла на Машу, какъ она въ сильныхъ суетахъ, вся раскраснѣвшись и потряхивая бѣлокурыми кудрями, бѣгала отъ цвѣтка къ цвѣтку и отъ нихъ къ Николаю Игнатьичу, теребила его за полу и тащила то въ ту, то въ другую сторону, чтобы онъ удостовѣрился, вызрѣли ли сѣмена и можно ли собирать ихъ. Поля въ такія минуты была невыразимо счастлива. Она понимала, что Маша въ саду хозяина живетъ полною дѣтскою жизнію, какою еще никогда не живала. «Какой онъ добрый! думала Поля: все это онъ. Еслибъ не онъ, Маша сидѣла бы теперь, какъ бывало, за шитьемъ въ кухнѣ и говорила бы со мною шопотомъ, чтобы не услыхала мачиха, а теперь рѣзвится, бѣгаетъ, хохочетъ. Отчего онъ такой добрый, не такъ, какъ другіе, и такой печальный иногда?»

Послѣ каникулъ обѣ сестры стали ходить въ школу. Александръ Семенычъ настоялъ-таки на своемъ. Эта настойчивость не вызвала сильной бури со стороны Катерины Ѳедоровны. Она стала податливѣе относительно просвѣщенія съ тѣхъ

поръ, какъ увидала, что хозяинъ даетъ Полѣ книги, и поняла, что онъ помогаетъ ей учиться. Маша, подъ покровительствомъ Поли, смѣло принялась за мудреную науку, преподаваемую въ школѣ.

Пошли дожди, слякоть, потомъ заморозки. Садъ заперли, и въ непродолжительномъ времени первый пушистый и ярко-бѣлый снѣжокъ уже лежалъ толстымъ слоемъ на клумбахъ и дорожкахъ, гдѣ красовались цвѣты и бѣгала Маша. Бесѣды съ хозяиномъ стали рѣже, но онѣ не прекратились. Онъ зашелъ однажды утромъ во флигель, поговорилъ съ Катериной Ѳедоровной и позвалъ дѣтей къ себѣ вечеромъ на чай. Послѣ этого перваго посѣщенія дѣти почти каждое воскресенье стали ходить къ хозяину. Если они не шли, онъ посылалъ звать ихъ. Онъ привыкъ къ нимъ, и когда долго не видалъ ихъ, ему точно чего-то недоставало. Поля все болѣе и болѣе начинала занимать его. Разъ возбужденное въ дѣвочкѣ мышленіе быстро развило въ ней то непреодолимое стремленіе къ любознательности, которое лихорадочно волнуетъ душу и хочетъ все постигнуть, все усвоить. Лекціи въ формѣ разговоровъ продолжались и становились все интереснѣе. Въ Полѣ проявилась несвойственная ей прежде живость, точно будто по всему организму ея разлилась новая жизнь. Часто Николай Игнатьичъ встрѣчалъ умный, сверкающій внутреннимъ огнемъ взглядъ Поли и, любуясь одушевленіемъ всей ея физіономіи, замѣчалъ мимоходомъ, что эта дѣвочка похорошѣла и хорошѣетъ съ каждымъ днемъ. Но ни одной нечистой мысли не вызывали въ немъ эти замѣчанія.

Николай Игнатьичъ выстрадалъ убѣжденіе, что только тогда можно отъ женщины требовать вполнѣ человѣчныхъ дѣйствій, когда она будетъ развитымъ созданіемъ. На этомъ-то основаніи онъ выучился смотрѣть на женщину съ уваженіемъ.

Зима прошла, и весной Николай Игнатьичъ уѣхалъ за границу. Въ это лѣто сестры вполнѣ пользовались садомъ. Но счастье, которымъ наслаждались онѣ со дня знакомства съ хозяиномъ дома, не надолго согрѣло ихъ жизнь. Къ исходу лѣта съ Александромъ Семенычемъ случилось несчастіе. Болѣзненные припадки, мѣшавшіе ему иногда по цѣлымъ недѣлямъ ходить на службу, наскучили наконецъ начальству. Предсказанія, которыми неоднократно грозила ему Катерина

Өедоровна, свершились надъ нимъ. Его отставили отъ службы. Это болѣзненно отозвалось на всей семьѣ. Сперва Катерина Өедоровна пробовала было соваться туда-сюда, искала чрезъ знакомыхъ покровительства, протекціи, но ничего не могла сдѣлать. Александръ Семенычъ всѣмъ крѣпко насолилъ въ департаментѣ. Когда Катерина Өедоровна потеряла всякую надежду на поправленіе дѣла, она стала съ утра до ночи пилить своего сожителя.

Очень естественно, что постоянная воркотня выживала Александра Семеныча на цѣлые дни. Онъ пріобрѣлъ кругъ знакомства изъ разныхъ забулдыгъ, шлялся по всему городу; разносилъ просьбы о вспомоществованіи бѣдному чиновнику, обремененному многочисленнымъ семействомъ, и почти никогда уже не приходилъ трезвый.

Съ Катериною Өедоровною онъ не смѣлъ уже много спорить. Теперь уже вполнѣ отъ ея дѣятельности зависѣлъ кусокъ хлѣба для его дѣтей. Она воспользовалась своимъ авторитетомъ и перестала пускать Машу въ школу. Она опять засадила Машу за шитье. Такое распоряженіе опечалило бѣдную дѣвочку.

Раздраженная Катерина Өедоровна стала по прежнему строга и взыскательна, ворчала на Машу при каждомъ удобномъ случаѣ и снова взялась за оставленныя было привычки. У Поли изнывало сердце глядя на сестру. На нее наводили тоску несвойственныя прежде Машѣ задумчивость и такіе вопросы и разсужденія, которые прежде никогда не приходили дѣвочкѣ на умъ.

У Поли разрывалось сердце, но она старалась утѣшить и ободрить Машу, какъ умѣла.

Маша стала рости и худѣть. Она вытянулась быстро, какъ молодая жимолость.

Позднею осенью вернулся Николай Игнатьичъ. Дѣти несказанно обрадовались его пріѣзду. Онъ замѣтилъ, что Маша выросла и похудѣла. Но въ тѣ вечера, которые дѣти по прежнему время отъ времени проводили съ нимъ, къ Машѣ возвращалась прежняя живость. Николай Игнатьичъ привезъ много гравюръ, красивыхъ вещицъ и разныхъ бездѣлушекъ, которыя Маша разсматривала съ любопытствомъ, забывая о пьяномъ отцѣ, нелюбившей ея мачихѣ, вообще обо всемъ, что возмущало ея дѣтскую душу. На распросы Николая Игнатьича Поля раз-

сказала ему, что Машу взяли изъ школы, и впервые высказала ему свои намѣренія относительно будущности сестры. Николай Игнатьичъ одобрилъ ихъ. Это придало Машѣ болѣе увѣренности въ ту будущность, которую обѣщала ей Поля. Вообще, со времени пріѣзда Николая Игнатьича Маша стала немножко повеселѣй, хотя все продолжала рости и худѣть.

Прошла зима. Весной на самой Пасхѣ Александръ Семенычъ, обрадовавшись празднику, какъ законному поводу къ пьянству, пилъ безъ просыпу, пилъ до того, что съ нимъ сдѣлалась бѣлая горячка. Онъ кричалъ, шумѣлъ, бредилъ, бросался на стѣны и перепугалъ всѣхъ до полусмерти. Катерина Ѳедоровна отвезла его въ больницу. Испугъ сильно подѣйствовалъ на Машу и развилъ въ ней зародышъ болѣзни, къ которой она была склонна по природѣ. Она стала нервна, всего боялась, и плакала часто безъ всякой причины. Потомъ появился у нея кашель. Поля съ удивленіемъ стала замѣчать, что Маша сильно устаетъ послѣ каждаго, даже легкаго движенія. Но никакое мрачное предчувствіе не тревожило Полю. Мысль о смерти такъ далека отъ начинающей жить молодости. Только одного Николая Игнатьича встревожило состояніе дѣвочки. Онъ началъ внимательно наблюдать за ней, расспрашивать ее; когда опасенія показались ему основательными, онъ зашелъ къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ, высказалъ ей ихъ и спросилъ, будетъ ли она согласна, чтобъ онъ пригласилъ доктора и лечилъ Машу на свой счетъ. Катерина Ѳедоровна, разумѣется, согласилась съ радостью. Необходимость лечить Машу встревожила Полю, но Николай Игнатьичъ успокоилъ ее; онъ сказалъ, что всякую болѣзнь легко прервать, если захватить въ началѣ. Поля повѣрила ему. Она уже пріобрѣла привычку вѣрить ему. Знакомый Николаю Игнатьичу докторъ занялся Машей. Катерина Ѳедоровна строго начала исполнять всѣ его предписанія. Домовый хозяинъ не только не требовалъ съ нея денегъ за квартиру, почти за восемь мѣсяцевъ, но еще самъ давалъ ихъ на лекарства Машѣ и безпрестанно приносилъ ей фрукты, игрушки, все, что могло обрадовать ее. Но ничто не тѣшило дѣвочку. Характеръ ея сильно измѣнился. Маленькія, плутоватыя уловки, къ которымъ часто прежде прибѣгала она, совершенно изчезли. Съ сестрой стала она чрезвычайно ласкова и нѣжна и не высказывала уже въ своей привязанности къ ней эгоистическихъ побужденій, точно будто впервые сознавала

она, какъ безкорыстно и чисто любила ее Поля. Часто по цѣлымъ часамъ Маша сидѣла молча. Только среди своихъ любимыхъ цвѣтовъ въ саду Маша какъ будто оживала. Но и тутъ она не бѣгала, какъ прежде, не хлопотала о нихъ, не суетилась, а задумчиво сидѣла на скамейкѣ и любовалась ими.

Въ іюнѣ Николай Игнатьичъ опять уѣхалъ, но не за границу, а въ Плѣснеозерское имѣніе, гдѣ его присутствіе было необходимо для размежовки.

Давно желанный для Поли день насталъ. Однажды возвратилась она торжествующая и веселая изъ школы и, не видя Маши на крыльцѣ, проворно прошла въ садъ. Дѣвочка полулежала на той скамейкѣ, гдѣ за два года до того разсказала Николаю Игнатьичу сказку про цвѣты. Лицо ея было уныло. При видѣ вошедшей сестры, она вдругъ оживилась, щеки слегка вспыхнули, глаза заблистали и Маша, вся вспыхнувъ отъ радости, соскочила со скамейки.

— Поля, проговорила она весело.

Поля подбѣжала къ ней, бросила мѣшокъ и обняла ее.

— Поздравь меня: Маша, заговорила она — теперь ужъ кончено,—я больше не школьница.

Маша вопросительно взглянула на нее.

— Послѣ каникулъ — я гувернантка. Ты переѣдешь къ тетѣ, и мы будемъ жить вмѣстѣ.

— Ахъ, Поля, неужели?

И Маша какъ-то трепетно, и радостно заглянула въ глаза сестрѣ.

— Да, да, ужъ это кончено, не бойся. Мы сегодня говорили съ тетей обо всемъ. Я разсказала ей, каково намъ жить дома. Ей очень хочется, чтобъ я была гувернанткой у ней въ школѣ. А я сказала ей на отрѣзъ, что ни за что не оставлю тебя дома безъ себя.

— Тетя скоро согласилась?

— Скоро.

— Я очень рада, Поля, что буду жить съ тобой, а не дома, не здѣсь. Ты не знаешь, какъ мнѣ скучно дома, когда я одна, безъ тебя. Мачиха хоть и добрая теперь, а я все же ее не люблю. Я знаю, что вѣдь и она меня не любитъ. А папу я ужасно боюсь съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ ума сходилъ. Я тебя очень люблю, Поля, очень, прибавила она помолчавъ. Я бы хо-

тѣла всегда жить вмѣстѣ съ тобой. И она прильнула головкой къ плечу сестры.

— Мы и будемъ всегда жить вмѣстѣ, проговорила Поля и поцаловала ее.

— Да развѣ это можно, Поля? спросила Маша недовѣрчиво.

— По крайней мѣрѣ долго, пока ты выростешь.

— Одного мнѣ только жаль, проговорила Маша вздохнувъ: — цвѣтовъ вотъ этихъ да Николая Игнатьича.

— Мы будемъ ходить домой по праздникамъ, и цвѣты будешь видѣть, и Николая Игнатьича.

— Ахъ! да непремѣнно. Это славно. Мои милые цвѣточки, какъ я люблю ихъ. Пойти посмотрѣть на нихъ. Я еще сегодня не подходила къ нимъ близко, все лежала вотъ тутъ на скамейкѣ.

И Маша, оживленная радостью, которая мгновенно подняла въ ней жизненныя силы, побѣжала къ клумбамъ. Нѣсколько минутъ ея кудрявая головка мелькала, наклоненная, въ разныхъ направленіяхъ. Но возбужденіе продолжалось не долго. Быстрота движенья скоро утомила ее. Она подошла уже едва передвигая ноги и вся запыхавшись къ клумбѣ піоновъ, прямо противъ которой сидѣла Поля. Маша остановилась, закашлялась и приложила руку къ сердцу, которое билось сильно, ненормально. Въ эту минуту Поля пристально взглянула на нее. Вечернее солнце обдавало всю фигуру дѣвочки розовымъ колоритомъ. Но изъ-подъ этого яркаго отблеска какъ-то вдругъ поразительно рельефно выступили на видъ ея полупрозрачная блѣдность и худоба. Эта минута была минутою тяжелаго откровенія для Поли. Она смотрѣла на Машу такими глазами, какъ будто увидала ее въ первый разъ со времени ея болѣзни. Она не могла понять, какимъ чудомъ, такъ быстро и такъ неожиданно эти дѣтски-пухлыя розовыя щечки осунулись, откуда явились подъ глазами эти темные полукруги, когда и какъ печать истощенья, какъ страшный предвѣстникъ, успѣланалечь на все это маленькое существо. Чувство ядовитой боли въ одну минуту охватило сердце Поли невыносимымъ страданіемъ. Мысль «она можетъ умереть» мелькнула въ первый разъ въ ея головѣ.

— Можетъ! повторила Поля съ ужасомъ.

Но почти въ ту же минуту все ея существо съ невыразимымъ отвращеніемъ и тоскою возстало противъ этого чувства

и этой мысли. Въ глубинѣ ея души раздался вопль «она не должна умирать!»

«Не должна! не должна!» повторила Поля мысленно съ тѣмъ безуміемъ любви, которое не хочетъ вѣрить въ смерть любимаго существа, не хочетъ ни за какія блага міра покориться неизбѣжности общаго закона, а напротивъ готово возставать противъ него всегда, вѣчно до тѣхъ поръ, пока будетъ жить въ сердцѣ воспоминаніе о томъ, чье существованье на землѣ превратилось уже въ какой-то сказочный миѳъ.

Поля взглянула съ отчаяніемъ вокругъ себя.

Цвѣты, зелень, солнце, воздухъ, небо — все было полно жизни. Съ какой же стати, среди всего этого, умереть только ей одной — Машѣ, — этому милому ребенку, который имѣлъ столько же правъ на жизнь, какъ и распускающіеся бутоны этихъ цвѣтовъ, какъ и маленькія птички, какъ и бабочки и пчелы, и все, что порхало и жило въ этомъ саду.

«Она не умретъ! Не умретъ! Это невозможно! раздалось въ сердцѣ Поли.—Не умретъ», повторилось въ ея головѣ.

«А если?»

И вдругъ Поля соскочила со скамейки и подбѣжала къ сестрѣ. Она посмотрѣла на нее такимъ тревожнымъ горячимъ взглядомъ, который казалось хотѣлъ прочесть все, что происходило въ глубинѣ ея организма.

— У тебя что нибудь болитъ, Маша? спросила она.

Дѣвочка подняла головку и спокойно посмотрѣла на Полю.

— Нѣтъ, ничего не болитъ, проговорила она слабымъ голосомъ: — я только устала.

— Пойдемъ, сядь поскорѣе на скамейку, она взяла ее за руку и подвела къ скамьѣ.

Дѣвочка нѣсколько минутъ сидѣла сначала, облокотясь головою на плечо Поли и полузакрывъ глаза въ легкой дремотѣ. Вдругъ она широко раскрыла ихъ, потянулась, посмотрѣла вокругъ и сказала весело:

— Какой сегодня славный день, Поля. Какъ тепло, хорошо! Солнце такъ и свѣтитъ и въ травѣ все что-то жужжитъ... Я люблю лѣто, Поля. Всякая травка точно живетъ! А осень не люблю! Осенью скучно. Все какъ будто умираетъ. Не правда ли, Поля, вѣдь осенью скучно?

Поля молчала.

— А нынче я буду рада, когда лѣто пройдетъ, продолжала

Маша, напрасно подождавъ отвѣта. — Мы будемъ жить вмѣстѣ съ тобою у тети. Къ осени-то я поправлюсь. Докторъ говоритъ, что я скоро поправлюсь. Да я и не больна, только вотъ несносный кашель не проходитъ. Вѣдь онъ пройдетъ къ осени, какъ ты думаешь, Поля?

— Конечно пройдетъ.

— Ахъ, славно будетъ, когда мы будемъ жить въ школѣ.

Она улыбнулась, прислонилась опять головой къ плечу сестры и снова задремала.

ГЛАВА IX.

Съ этого дня Поля почти буквально ни на шагъ не отходила отъ Маши. Странная мысль, возмутившая ее, не давала ей минуты покоя. Но ей не хотѣлось поддаться вліянію этой мысли. Она упорно боролась съ ней, и не смотря на очевидность близкаго несчастія, воображеніе ея открывало въ больной такіе признаки, какіе могли бы подать надежду и какихъ не было на самомъ дѣлѣ. Силы Маши истощались съ каждымъ днемъ, но она вовсе не подозрѣвала опасности своего положенія. Когда умерла ея мать, она была слишкомъ мала. Она знала, что люди умираютъ, но вообще смерть представлялась ей такимъ отвлеченнымъ, не яснымъ понятіемъ, котораго она никакъ не могла примѣнить къ самой себѣ. Она даже повеселѣла съ тѣхъ поръ, какъ Поля стала проводить съ ней цѣлые дни. Въ хорошую погоду сестры не выходили изъ сада. Поля шила, сидя въ бесѣдкѣ или на скамейкѣ, а Маша обыкновенно лежала, положивъ голову къ ней на колѣни.

— Разскажи мнѣ что нибудь, говаривала она сестрѣ.

И Поля начинала разсказывать. Она старалась говорить что нибудь веселое. Маша смѣялась, показывая бѣлые зубки, и даже слѣды прежнихъ ямочекъ обозначались слегка на впалыхъ щекахъ. Этотъ смѣхъ радовалъ Полю. Онъ заставлялъ ее забывать хриплый кашель, который по ночамъ терзалъ больную. Прошли жары. Насталъ августъ. Докторъ запретилъ Машѣ долго сидѣть въ саду. Сестры стали ходить въ него только часа на два по утру, при яркомъ солнцѣ. Остальное время Маша проводила лежа на своемъ диванѣ. Она стала скучать. Лѣто было еще во всей красѣ, а ей запрещали жить посреди любимаго ею міра, міра цвѣтовъ и зелени.

— Мои милые цвѣточки! говаривала она иногда съ грустью, поглядывая изъ окна: — вамъ не долго жить. Что это Николай Игнатьичъ такъ долго не ѣдетъ. Говорилъ, что пріѣдетъ въ августѣ, а вотъ и августъ, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Скучно безъ него. Я только и люблю, Поля, что тебя, да его.

Поля также ждала Николая Игнатьича съ нетерпѣніемъ. Она знала, что пріѣздъ обрадуетъ Машу. Кромѣ того, его присутствіе всегда было благодѣтельно для обѣихъ сестеръ. Всѣми хорошими днями, которые провели они во всю жизнь, были онѣ обязаны ему. Поля какъ-то дѣтски или по привычкѣ вѣрила, что его возвращеніе принесетъ имъ счастье, а для нея въ настоящую минуту все счастье заключалось въ выздоровленіи сестры.

Наступилъ и сентябрь, а вмѣстѣ съ нимъ потянулись скучные дни съ туманами, дождями и грязью. Маша перестала уже вставать въ дивана. На тревожные распросы Поли докторъ отвѣчалъ не съ прежнимъ веселымъ обнадеживающимъ лицомъ, а какъ-то грустно и неохотно. Какая-то тишина, словно ожиданіе чего-то выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ вещей распространились въ домѣ. Катерина Ѳедоровна совсѣмъ ужь не ворчала, ходила тихо и обращалась съ дѣтьми не только мягко, но даже нѣжно. Даже Александръ Семенычъ напивался не въ примѣръ умѣреннѣе противъ прежняго, возвращался домой безъ шума, часто стоялъ у дивана передъ уснувшей Машей, покачивалъ головой и, когда она не спала, спрашивалъ у нея, не хочетъ ли она леденчиковъ, пастилки или яблочка. Всѣ эти непривычныя впечатлѣнія родительской нѣжности и полное спокойствіе въ домѣ пугали Полю и предвѣщали ей что-то недоброе. Двадцать разъ въ день, подходила она отъ постели къ окну, съ пламеннымъ желаніемъ увидѣть, какъ растворяются ворота и въѣзжаетъ во дворъ экипажъ. Она знала, что Николай Игнатьичъ не въ силахъ остановить смерть, если смерть придетъ, но въ эти дни невыносимой тоски ей хотѣлось увидать хоть одно человѣчное лицо, на которомъ отразилось бы разумное пониманіе ея страданія и теплое участіе къ нему. Горе, которое посылала ей судьба, одолѣвало ее. Она чувствовала, что оно задавитъ ее, убьетъ въ ней всѣ нравственныя силы, и по инстинктивному чувству самосохраненія душа ея рвалась къ тому, кто одинъ могъ поддержать ее. Тотъ, кто научилъ ее мыслить, могъ научить ея страстную натуру покоряться тамъ,

гдѣ разумъ требовалъ покорности. А между тѣмъ Николай Игнатьичъ все еще не пріѣзжалъ.

Однажды въ сумерки Поля сидѣла на скамейкѣ подлѣ дивана. Въ этотъ день Маша принималась нѣсколько разъ бредить съ открытыми глазами, и въ первый разъ заснула спокойнымъ сномъ.

— Поля, ты тутъ? спросила она.

— Здѣсь. Что тебѣ? поспѣшила отвѣтить Поля.

— Ахъ! какой я славный сонъ видѣла. Я видѣла садъ, большой, большой и въ немъ все цвѣты такіе чудные. Рѣчка въ немъ и вода такая чистая и въ ней золотыя рыбки плавали, помнишь, про которыхъ ты мнѣ разсказывала. Чего-то, чего въ этомъ саду не было, я и разсказать тебѣ не съумѣю. И Николай Игнатьичъ гулялъ въ этомъ саду, и ты, и я, намъ было такъ весело. Мнѣ жаль, зачѣмъ я проснулась. Скоро ли Николай Игнатьичъ пріѣдетъ? прибавила она съ тоской и замолчала.

— Ты спишь, Маша? спросила Поля черезъ нѣсколько минутъ.

Отвѣта не было.

Поля нагнулась и стала прислушиваться къ ея дыханію. Оно было ровно, но слабо.

— Дремлетъ, подумала Поля и, опустивъ голову на диванъ, сама задремала подлѣ сестры.

— Никакъ домовый хозяинъ пріѣхалъ, сказала вдругъ Катерина Ѳедоровна, сидѣвшая у окна въ сосѣдней комнатѣ.

Это извѣстіе разсѣяло тотчасъ полусонъ Поли. Она тихо скользнула въ сосѣднюю комнату и взглянула въ окно. На дворѣ въ самомъ дѣлѣ рисовались въ сумеркахъ очерки экипажа, человѣка, несшаго чемоданъ къ подъѣзду, и Николая Игнатьича.

«Пріѣхалъ», подумала Поля и какое-то тихое, отрадное чувство овладѣло ею и отогнало на нѣсколько минутъ отъ нея образъ больной сестры.

Она долго простояла у окна. Она видѣла, какъ зажгли огонь въ верхнемъ этажѣ дома и Николай Игнатьичъ нѣсколько разъ выходилъ въ переднюю, говорилъ съ человѣкомъ и опять скрывался въ сосѣднихъ комнатахъ.

«Вотъ обрадую Машу», подумала Поля. Она отошла отъ окна и снова сѣла на скамейку подлѣ дивана, и нетерпѣливо стала дожидаться пробужденія сестры. Катерина Ѳедоровна

зажгла у себя свѣчу, но Поля сидѣла въ потьмахъ. Прошло довольно долго времени, а Маша не просыпалась. Поля нагнулась къ ней, она дышала слабо, прерывисто. Полѣ вдругъ стало какъ-то страшно. Она хотѣла идти въ другую комнату зажечь свѣчку, но въ эту самую минуту Маша тихо простонала, Поля остановилась и стала прислушиваться. Стонъ не повторялся. Все было тихо. Поля вышла и возвратилась съ зажженною свѣчою. Она поставила ее на столъ, но свѣтъ не разбудилъ Маши. Поля наклонилась къ ней и стала всматриваться въ ея лицо. Оно было какъ-то поразительно спокойно. Никакой признакъ страданья не отражался на немъ. Поля въ ужасѣ бросилась къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ.

— Подите, прошептала она задыхающимся голосомъ:—посмотрите, что съ нею.

Катерина Ѳедоровна встревожилась и торопливо пошла въ комнату Маши. Нѣсколько минутъ смотрѣла она на нее пристально, провела рукой по ея лбу, потомъ взяла съ туалета маленькое зеркало, приложила его къ губамъ Маши и покачала головой. Поля, сама блѣдная, прислонясь къ комоду, съ замирающимъ сердцемъ слѣдила за всѣми ея движеніями.

— Умерла, проговорила наконецъ Катерина Ѳедоровна тихо.

Поля задрожала. Она сама уже видѣла это, но эти роковыя отнимающія всякую надежду слова, произнесенныя въ первый разъ, подлѣ постели ея дорогой Маши, которая еще за часъ до того разсказывала ей своимъ милымъ дѣтскимъ голоскомъ о прекрасномъ снѣ, произвели на нее ужасное дѣйствіе. Ей показалось, что всѣ нити, связывающія ее самоё съ жизнью, вдругъ оборвались, что все чистое, свѣтлое, радостное отлетѣло отъ нея навсегда.

«Зачѣмъ же теперь жить?» раздалось въ ея сердцѣ. — Зачѣмъ же жила она прежде, когда каждая ея мысль, каждое ея чувство, были только дополненіемъ къ жизни Маши. Все ея прошлое, столь богатое любовью, превратилось теперь въ горькую насмѣшку судьбы. Будущности у нея теперь также не было. По крайней мѣрѣ при этомъ первомъ взрывѣ отчаянія, будущность показалась ей темна, холодна, нелѣпа, почти немыслима.

Страшное, невыносимое страданье, такое страданье, отъ котораго человѣкъ готовъ бѣжать въ воду, или въ огонь, все

равно, лишь бы избавиться отъ него, почти помрачило ея разсудокъ.

— Маша умерла! вскрикнула она и ринулась вонъ изъ комнаты.

Ей было жарко, душно. Видъ трупа былъ для нея невыносимъ. На дворѣ она остановилась и схватилась руками за горящую голову. Ей хотѣлось бѣжать куда нибудь, лишь бы уйти подальше отъ собственнаго сердца, отъ его жестокой боли.

Изъ оконъ Николая Игнатьича свѣтился огонь.

Поля, не размышляя, почти инстинктивно бросилась вверхъ по лѣстницѣ, пробѣжала мимо удивленнаго лакея черезъ нѣсколько комнатъ и остановилась только въ дверяхъ той, по которой ходилъ Николай Игнатьичъ.

— Что съ вами? вскричалъ онъ и бросился къ ней.

— Маша!.. проговорила Поля.

— Что съ Машей?

— Умерла! хотѣла было сказать Поля но это слово вырвалось изъ ея груди крикомъ. — Умерла, умерла! повторила она еще, прислушиваясь къ звуку собственнаго голоса. Потомъ зашаталась, протянула къ Николаю Игнатьичу руки и упала бы какъ пластъ, еслибъ онъ не успѣлъ схватить ее.

Все, что было потомъ,—Маша въ розовомъ гробу, осыпанная цвѣтами, печальная процессія, новая могила на Смоленскомъ, гдѣ уже лежала мать и другія сестры Поли,—припоминались ей впослѣдствіи словно въ какомъ-то туманѣ. Изъ него выдавалось отчетливо только доброе, грустное лицо Николая Игнатьича, съ выраженіемъ участія и состраданія. Потомъ и это лицо стало блѣднѣть въ ея памяти. Туманъ становился все гуще и наконецъ для Поли настали совершенный мракъ, пустота и отсутствіе всякихъ ощущеній, что-то въ родѣ небытія. Она выдержала жестокую, нервическую горячку. Только съ возвращеніемъ весны стали возвращаться къ ней прежнія силы и съ ними сознаніе страданья, превратившагося въ тихую, глубокую скорбь. Тоска терзала ее.

Въ Полѣ, и по натурѣ и по молодости ея, жизнь чувства и страсти, къ которой привыкла она, преобладали надъ жизнью мысли и разума. Отсутствіе сильнаго чувства оставляло въ душѣ ея пустоту, которая была для нея ужаснѣе самой смерти. Мудрено ли послѣ этого, что эта страстная, любящая дѣвушка

бросилась въ объятія Николая Игнатьича, какъ скоро открылись для нея эти объятія и возможность жить снова стала ей понятна.

Онъ давно уже любилъ ее. Любовь вкралась въ его сердце незамѣтно для него самаго. Наблюдая жизнь обѣихъ сестеръ, онъ понялъ и изучилъ натуру Поли, и она возбудила въ немъ ту глубокую симпатію, на которой прочно основывается чувство и живетъ долго, до тѣхъ поръ, пока лѣта не превратятъ его въ тихую, но тѣмъ не менѣе глубокую пріязнь. Не разъ случалось ему мысленно сравнивать Полю съ своей женою, и тогда онъ думалъ, что быть любимымъ такою дѣвушкою, какъ Поля,—большое счастье. Но онъ спѣшилъ отогнать эту мысль. Онъ видѣлъ, что Поля была счастлива и безъ него, а онъ ей ничего не могъ предложить, кромѣ позора, которымъ добрые люди такъ усердно клеймятъ женщину, рѣшившуюся идти независимо отъ нихъ.

Онъ никогда бы не высказалъ Полѣ своихъ чувствъ и оставилъ бы ее идти своей дорогой, но судьба распоряжалась такъ, какъ будто поставила себѣ задачею слить ихъ жизнь во едино. Смерть Маши показала Николаю Игнатьичу, какое онъ имѣлъ значеніе для Поли. Въ минуту страданья, она бросилась къ нему, какъ будто ожидала отъ него сверхъестественной помощи. Потомъ ея болѣзнь, заставившая его опасаться за ея жизнь, возбудила съ его стороны еще больше привязанности къ ней. Наконецъ, когда Поля выздоровѣла, тоска о сестрѣ не оставляла ее ни на минуту. Любовь къ Николаю Игнатьичу, порабощенная и не допущенная до сознанія самой себя другою, болѣе живою, болѣе сильною привязанностью, теперь стала разгораться. Чувства одиночества и безнадежности несвойственны молодости и любящей натурѣ: онѣ вообще несвойственны человѣку, и онъ спѣшитъ освободиться отъ нихъ.

Поля, какъ цвѣтокъ, повернулась всѣмъ своимъ существомъ къ солнцу, какъ скоро взошло для нея это солнце. Какъ и когда дошли они до изліянія взаимныхъ чувствъ, мы не станемъ разсказывать. Не все ли равно, въ какихъ словахъ они ихъ высказали другъ другу. Дѣло въ томъ, что Поля знала всю прошлую жизнь Николая Игнатьича, знала, что онъ связанъ, и что рѣшась идти объ руку съ нимъ, она будетъ забрызгана грязью,—но ей было все равно. Она любила его, она понимала что въ его жизни была грустная, темная сторона, и ей хотѣ-

лось освѣтить ее, какъ прежде освѣтилъ онъ жизнь для Маши и для нея.

Что могло быть проще и обыкновеннѣе исторіи Поли? Такія исторіи повторяются каждый день и на каждомъ шагу. Тотъ, въ комъ развито чувство справедливости и кто одаренъ хотя немного пониманіемъ человѣческой природы, не станетъ неумолимо казнить за нихъ женщину. Любовь Поли къ Николаю Игнатьичу была выводомъ всей обстановки ея жизни, обстоятельствъ, окружавшихъ ее, психологическимъ выводомъ ея натуры, и миновать ее было не въ ея власти.

Читатель давно уже предвидѣлъ такой конецъ, и еслибъ Поля по смерти Маши не увлеклась снова чувствомъ, наша исторія была бы скорѣе сказкой, чѣмъ былью.

А между тѣмъ общество цѣлаго города, общество, въ которомъ были люди съ претензіями на гуманность и прогрессивныя идеи, съ особеннымъ удовольствіемъ бросало каменья и грязь не только въ эту женщину, но даже въ ту, которая одна изъ всего общества рѣшилась высказать свою гуманность не на словахъ, а на дѣлѣ, и обращалась съ бѣдною Полей по человѣчески, не причисляя ее къ разряду парій. Конечно этотъ городъ былъ патріархальный, добродѣтельный Плѣснеозерскъ. Но если бы наши губерніи не изобиловали плѣснеозерсками, то мы пожалуй бы не стали и писать этой исторіи, и не замолвили бы слова въ защиту бѣдной Поли.

Съ того дня, какъ первое слово любви было произнесено между Николаемъ Игнатьичемъ и Полей, до званыхъ блиновъ Егора Петровича Счетникова, гдѣ мы познакомились съ цвѣтомъ плѣснеозерскаго общества, прошло около пяти лѣтъ. Въ теченіи этого времени, Поля достигнула своей цѣли. Темная сторона въ жизни любимаго ею человѣка ярко озарилась отблескомъ ея любящей души. Способности къ наблюдательности и размышленію, которыя онъ пробудилъ въ ней, когда она была еще почти ребенкомъ, и усыпленныя было сначала глубокимъ страданьемъ и потомъ упоеньемъ свѣжаго, внезапно нахлынувшаго счастія, снова проснулись, какъ скоро жизнь ея потекла спокойной, тихой, ровной струей.

Поля скоро поняла, что нравственныя силы Николая Игнатьича были подточены, что онъ сознавалъ въ себѣ недостатокъ энергіи, недостатокъ воли взяться за что нибудь дѣльное, и страдалъ отъ этого. Она успѣла вывести его изъ этого оча-

рованнаго міра барства, изъ этого нравственнаго растлѣнія на тотъ путь, по которому идетъ человѣкъ не уставая, гдѣ съ каждымъ шагомъ крѣпнутъ и свѣжѣютъ силы. Николай Игнатьичъ какъ будто ожилъ. Все совершающееся вокругъ него и вдали отъ него, въ огромной человѣческой семьѣ, стало горячо интересовать его, стало близко его сердца, какъ собственное дѣло. Пріятели, показывавшіеся у него прежде только изрѣдка, стали теперь чаще заходить къ нему. Поля любила ихъ бесѣду. Ихъ живыя, умныя рѣчи раскрывали передъ нею жизнь такою, какою она должна бы быть, а не такою, какою ее сдѣлали страсти людей, прикрытыя разными благовидными предлогами.

Николай Игнатьичъ предоставилъ свой барскій садъ въ Петербургѣ на волю садовника и началъ каждую весну рано ѣздить съ Полей въ свое имѣніе, гдѣ оставался до поздней осени. Здѣсь ужь не цвѣты занимали его. Онъ всматривался въ бытъ крестьянина, вникалъ въ его отношенія къ труду и личной пользѣ, знакомился съ собственной землей, пробовалъ извлекать изъ нея все, что она могла дать,—словомъ, хозяйничалъ въ обширномъ смыслѣ слова.

За годъ до своего послѣдняго пріѣзда въ Плѣснеозерскъ, Николай Игнатьичъ вздумалъ зимою отправиться въ Петербургъ, откуда ему писали, что на его домъ есть покупщикъ.

Чтобы Поля не соскучилась одна въ имѣніи, онъ привезъ ее въ Плѣснеозерскъ. Родная его сестра, Наталья Игнатьевна, жила уже около трехъ лѣтъ въ Плѣснеозерскѣ. Мужъ ея служилъ тамъ. Наталья Игнатьевна была одна изъ тѣхъ откровенныхъ и честныхъ натуръ, которыя питаютъ непреодолимое отвращеніе отъ всякой низости, лжи, обмана и тѣхъ мелочно-гаденькихъ продѣлокъ, которыя проходятъ незамѣченными. По добротѣ своей души она избѣгала случаевъ высказывать горькія и рѣзкія истины, когда ее о томъ не просили, но за то неуклонно дѣйствовала по своимъ убѣжденіямъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, скандализировалось этимъ общество, или нѣтъ. Вообще, она не любила плѣснеозерцевъ и держалась отъ нихъ въ сторонѣ; пѣть съ ними одну пѣсню ей было незачѣмъ. Мужъ ея былъ начальникомъ отдѣльной части, и подставлять ему ногу на служебномъ поприщѣ добрые люди не могли.

Наталья Игнатьевна имѣла порядочное состояніе, но не ви-

дѣла ни малѣйшей необходимости давать обѣды и балы. За все это плѣснеозерцы ненавидѣли ее и приписывали ей разныя дурныя свойства, въ томъ числѣ гордость и скупость — недостатокъ русскаго хлѣбосольства. Особенно негодовала на нее m-me Травнинская. Она никакъ не могла простить того, что Наталья Игнатьевна не хотѣла примкнуть къ ея штату. Такой недостатокъ субординаціи не терпимъ русскими дамами, въ родѣ m-me Травнинской. Но Натальѣ Игнатьевнѣ было не до нея. У ней было двое дѣтей, которыхъ она страстно любила, мужъ, котораго она могла уважать и который симпатично сроднился съ ней въ понятіяхъ и взглядахъ на жизнь и людей. У ней было множество книгъ, хорошій рояль, чудный голосъ, словомъ, полная жизнь мысли и чувства. Брата Наталья Игнатьевна любила горячо. Его житейскія неудачи жестоко огорчали ее. Каждое лѣто она ѣздила съ дѣтьми въ его имѣніе. Здѣсь познакомилась она съ Полей и полюбила ее вдвойнѣ, и за то, чего Поля стоила сама по себѣ, и за привязанность къ брату. Поля была багодарна Натальѣ Игнатьевнѣ, но слыша отзывы о плѣснеозерскомъ обществѣ, не хотѣла компрометировать ее и обыкновенно уѣзжала осенью въ Петербургъ, не заѣхавъ къ ней. Въ эту послѣднюю зиму, съ которой мы начали нашъ разсказъ, Николай Игнатьичъ насилу убѣдилъ Полю остаться безъ него въ Плѣснеозерскѣ. Здѣсь Наталья Игнатьевна не оставила Полю въ покоѣ, и она волею или неволею должна была перешагнуть порогъ ея дома.

Мы видѣли, что по этому случаю m-me Травнинская составила комплотъ и всѣ плѣснеозерскія дамы безъ изъятія примкнули къ нему.

X.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ завтрака у Егора Петровича Счетникова, описаннаго въ началѣ нашего разсказа, разнеслась по городу вѣсть, что Николай Игнатьичъ боленъ. Извѣстіе это подтверждалъ въ каждомъ домѣ, куда появлялся, знакомый уже намъ докторъ, лечившій больныхъ по таксѣ. Онъ лечилъ и Николая Игнатьича.

На улицѣ подъ окнами больнаго постлали солому и любопытнѣйшіе изъ плѣснеозерцевъ по нѣскольку разъ въ день проходили мимо его дома, заглядываясь на опущенныя сторы. Вскорѣ пожилой докторъ на вопросы плѣснеозерцевъ о состоя-

нія здоровья его пацієнта сталъ отвѣчать насупивъ брови и пожимая плечами, что болѣзнь принимаетъ очень неутѣшительный оборотъ, что вся организація сильно растроена и прочее.

Наталья Игнатьевна предложила ему сдѣлать консиліумъ. Съѣхались плѣснеозерскіе врачи въ домъ къ больному, потолковали между собой и разъѣхались.

На четвертой недѣлѣ великаго поста Николай Игнатьичъ умеръ отъ жестокаго тифуса. Лишь только провѣдали объ его смерти, весь городъ закопошился, заволновался, пошли толки, догадки, предположенья. Все надо было знать: въ которомъ часу дня или ночи умеръ больной, писали ли его женѣ, очень ли плачетъ Полинька, гдѣ и когда будутъ хоронить покойника. Послѣднее обстоятельство больше всего занимало плѣснеозерцевъ. Мало кто изъ нихъ былъ знакомъ съ Николаемъ Игнатьичемъ лично и никого не приглашали на похороны, но въ назначенный для нихъ день на всѣхъ плѣснеозерцевъ напалъ сильный припадокъ богомолья. Такъ какъ дѣло было въ посту, то оно пришлось и кстати. Еще до начала обѣдни церковь была полна. М-me Травнинская стояла на своемъ обычномъ мѣстѣ, впереди всѣхъ, налѣво у самой рѣшотки. Около нея группировался весь ея штатъ. Плѣснеозерская молодежь также не отстала отъ дамъ. Егоръ Петровичъ то и дѣло посматривалъ на дверь и обращался безпрестанно то къ высокому брюнету, то къ Валери, то къ блондину съ оторопѣвшей физіономіей, то къ прочимъ своимъ сотоварищамъ.

Перо на шляпкѣ m-me Травнинской также безпрестанно колыхалось отъ частыхъ поворотовъ ея головы къ двери.

Наконецъ желанная минута настала. Печальная процессія прибыла. Гробъ внесли въ церковь. Подлѣ него стали Наталья Игнатьевна и Полинька, обѣ одѣтыя въ трауръ. Надо было видѣть негодованье и ужасъ, изобразившіеся на лицахъ дамъ. Всѣ онѣ впились глазами въ Полиньку. Мужчины также пришли въ волненье. Лица ихъ приняли разнообразныя выраженія. На губахъ брюнета мелькнула насмѣшливая и въ то же время завистливая улыбка. Блондинъ съ оторопѣвшей физіономіей совершенно растерялся. Ничего не могло быть комичнѣе его лица въ эти минуты. Казалось, онъ великодушно рѣшился не видать явленья, скандализировавшаго все общество,

и вслѣдствіе этой рѣшимости не зналъ, куда дѣвать глаза, и не смѣлъ повернуть головы въ ту сторону, куда напротивъ повернулись всѣ головы. Но всѣхъ выразительнѣе была физіономія Егора Петровича. На ней отразилось официіальное прискорбіе, приличное случаю, и взглядъ его, встрѣтившій процессію, выразилъ безмолвное осужденіе. Затѣмъ этотъ взглядъ встрѣтился со взглядомъ m-me Травнинской. Въ одну минуту Счетниковъ очутился подлѣ вліятельной барыни.

— Vous alles voir, elle fera des scénes, проговорила она съ такимъ выраженіемъ, какъ будто, въ предотвращеніе сценъ и ради урока хорошей нравственности, готова была немедленно собственными руками оттрепать Полиньку.

Егоръ Петровичъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но удовольствовался пожатіемъ плечъ, потому что началась служба.

Къ счастью, Полинька ничего не видала и не слыхала. Для нея какъ будто не существовало ничего кромѣ гроба, подлѣ котораго она стояла. Ея скорбь производила тяжелое впечатлѣніе. Она не плакала. Выраженье лица ея было холодно, какъ будто она сознавала сама все безсиліе отчаянія, всю безполезность своего страданья. Только по временамъ она какъ-то нервически вздрагивала и пошатывалась, точно будто вѣтеръ колыхалъ ее. Наталья Игнатьевна, напротивъ, много и горько плакала.

Служба кончилась. Обрядъ отпѣванія, къ совершенному разочарованію m-me Травнинской, прошелъ безъ всякихъ сценъ. Только когда уже вынесли гробъ и вся толпа вышла изъ церкви, Полинька на паперти какъ будто опомнилась и сознала всю невозвратность своей утраты. Она вскрикнула, поблѣднѣла еще больше и схватилась рукой за колонну, чтобъ не упасть. Наталья Игнатьевна и ея мужъ бросились къ ней. Съ Полинькой сдѣлался обморокъ.

Плѣснеозерцы спѣшили скорѣе пройти мимо. Только пріѣзжій изъ Петербурга докторъ продрался сквозь народъ и съ помощью бывшихъ при немъ кой-какихъ медицинскихъ пособій началъ приводить ее въ чувство. Это ему удалось не скоро, Полинька пришла въ себя, но была такъ слаба, что едва могла держаться на ногахъ.

Николая Игнатьича должны были похоронить въ его имѣніи. Оно находилось въ сорока семи верстахъ отъ Плѣснеозерска. Полинька была въ такомъ положеніи, что ее невоз-

можно было везти. Наталья Игнатьевна не хотѣла ее оставить. Мужъ ея уѣхалъ одинъ, поручивъ жену и Полиньку доктору.

Прошло нѣсколько недѣль со дня смерти Николая Игнатьича. Время, одно только умѣющее затягивать глубокія сердечныя раны, утишило скорбь Натальи Игнатьевны. У ней были дѣти, которыя требовали ея попеченій и безпрестанно отвлекали ее отъ упорной думы. У ней былъ мужъ, старавшійся развлечь ее. У ней было хозяйство, она жила наконецъ среди обстановки семейной жизни и житейскихъ интересовъ, необходимо отнимающихъ по временамъ человѣка отъ самого себя.

У Полиньки ничего этого не было. Александръ Семенычъ былъ для нея всегда скорѣе постороннимъ человѣкомъ, нежели отцомъ, да и того не было уже въ живыхъ. Мачиха давно сдѣлалась для нея совершенно чуждымъ лицомъ. У Полиньки въ прошедшемъ и настоящемъ были только двѣ дорогія могилы, въ которыя она сложила всѣ сокровища своего сердца и которыя оставались безотвѣтными и на ея скорбь, и на исполненные отчаянія вопросы души ея о смыслѣ и значеніи этихъ могилъ въ ряду явленій жизни.

Ея страданье не высказывалось въ наружныхъ проявленіяхъ. Напротивъ, замѣтно было, что она старалась подавить его, примкнуть къ окружающей ее жизни и сдѣлаться въ ней дѣйствующимъ лицомъ. Она принимала участіе въ заботахъ и занятіяхъ Натальи Игнатьевны, силою воли пыталась освободиться отъ неотступно преслѣдующей ее думы, но эти усилія стоили ей такъ дорого, что не успокоивали, а пугали Наталью Игнатьевну и сильно озабочивали петербургскаго доктора. Сила страданья была могущественнѣе воли Полиньки. Она дѣлала все, какъ автоматъ, и постоянно молчала. Если ей приходилось говорить, то она не сразу могла оторваться отъ міра воспоминаній, въ которомъ жила. Она вслушивалась съ напряженнымъ вниманіемъ въ то, что ей говорили, и отвѣчала не вдругъ, какъ бы пріискивая для отвѣта слова, въ которыхъ измѣняла ей память. Такіе признаки нервнаго тупоумія не предвѣщали ничего хорошаго. Единственное лекарство въ такихъ случаяхъ — вліяніе внѣшнихъ впечатлѣній. Но Полинька не поддавалась этому лекарству и, какъ обыкновенно бываетъ, всякая перемѣна, всякое движеніе были для нея нестерпимы.

Напрасно Наталья Игнатьевна звала ее каждый день погулять или прокатиться, уговаривала, даже сердилась, — Полинька упорно отговаривалась и жила совершенной затворницей. Мысль встрѣтиться съ недоброжелательными для нея лицами плѣснеозерцевъ также не мало пугала ее.

Вопросъ: что дѣлать теперь съ собой, для чего жить, — часто представлялся уму бѣдной женщины. Она была еще молода и твердо вѣрила, что такое сильное страданье, какъ ея, убило въ ней навсегда всякую способность наслаждаться жизнью.

Наталья Игнатьевна въ самые первые дни послѣ смерти брата высказала Полинькѣ желаніе, чтобы она осталась у ней.

— Ты будешь моей сестрой, говорила она.— Ты поможешь мнѣ воспитать моихъ дѣтей.

Полинька отказалась. Она знала, какъ неумолимо нравственны плѣснеозерцы, и не хотѣла давать имъ повода къ толкамъ на счетъ Натальи Игнатьевны. Отказъ ея огорчилъ Наталью Игнатьевну, но она надѣялась, что ей удастся еще уговорить Полиньку. Она знала, что Полинька совершенно одинока, и думала, что когда пройдетъ первая вспышка отчаянія и она будетъ въ состояніи размышлять, то ее соблазнитъ перспектива жизни въ семействѣ, которое любило ее и съ которымъ породнило ее одно общее чувство. Но Наталья Игнатьевна ошибалась.

Настала весна. Снѣгъ совершенно исчезъ на улицахъ, — солнце сіяло ярче и грѣло, деревья стали опушаться. Полинька съѣздила съ Натальей Игнатьевной въ усадьбу покойнаго, пережила снова тамъ въ нѣсколько часовъ всѣ ощущенія минувшаго счастья и невозвратной утраты, и съ этого дня стала поговаривать объ отъѣздѣ. Наталья Игнатьевна всѣми силами старалась отговорить ее отъ этого намѣренія.

— Куда жь ты поѣдешь? говорила она ей.

— Въ Петербургъ.

— Но что жь ты будешь тамъ дѣлать?

— Не знаю. Но если буду жить, то буду и дѣлать что нибудь, отвѣчала Полинька съ болѣзненной усмѣшкой.

— По крайней мѣрѣ подожди еще хоть до осени. Ты больна теперь, ты не можешь ѣхать.

— Тетя Поля, не уѣзжай. Я не хочу, чтобы ты ѣхала, прибавляла четырехлѣтняя дочка Натальи Игнатьевны и, вскараб-

кавшись на колѣни къ Полинькѣ, обвивала ее за шею ручонками.

— Если вы не хотите съ нами остаться навсегда, говорилъ мужъ Натальи Игнатьевны: — то все-таки мы васъ теперь не выпустимъ. Это непростительное безразсудство. Вы еще слишкомъ взволнованы. Вы можете расхвораться дорогой. Поживите съ нами, успокойтесь, обдумайте хорошенько свое положеніе и тогда уже поѣзжайте не на авось, а съ какимъ нибудь опредѣленнымъ планомъ, какъ вамъ устроиться.

— Мы ее не пустимъ! восклицалъ, заслышавъ этотъ разговоръ, бойкій сынишка Натальи Игнатьевны и, переставъ бѣгать лошадкой или играть въ мячикъ, подбѣгалъ къ Полинькѣ и приговаривалъ: — Вѣдь ты ее, папа, не пустишь ѣхать? Катя не хочетъ и я не хочу, и мама тоже не хочетъ. Не пускай, папа.

Подобные разговоры, часто повторявшіеся, начинали понемногу колебать рѣшимость Полиньки. Въ Петербургѣ ей было рѣшительно нечего дѣлать, и если существовала еще нить, связывающая ее съ жизнью, то какъ ни тонка она была, но находилась именно въ этомъ семействѣ. Дни проходили за днями. Полинька сознавала, что лучше поступитъ, если уѣдетъ изъ Плѣснеозерска, но у ней недоставало духа вырваться изъ среды людей, которые принимали въ ней такое живое участіе.

Между тѣмъ плѣснеозерцы дѣлали свое дѣло. На святой ни одна изъ дамъ не завезла своей карточки Натальѣ Игнатьевнѣ. Встрѣчаясь съ ней на улицѣ, онѣ или вовсе не кланялись съ ней, спѣшили отвернуться, или кланялись съ самымъ смущеннымъ видомъ. Мужчины при встрѣчахъ съ ней старались изобразить на своихъ физіономіяхъ что-то въ родѣ тонкой полуулыбки. Въ гостиныхъ между дамами вошелъ въ большую моду разговоръ вполголоса насчетъ страннаго и совершенно неприличнаго сближенія Натальи Игнатьевны съ Поленькой. M-me Травнинская позволяла себѣ говорить о немъ во всеуслышаніе, приправляя свои рѣчи французскими восклицаніями, изъявляющими негодованіе и ужасъ. Наталья Игнатьевна не обращала на это ни малѣйшаго вниманія. Это крайне бѣсило плѣснеозерцевъ, и они рѣшились во что бы то ни стало заставить ее живо почувствовать ихъ негодованіе. Они избрали для этого самыя остроумныя, самыя честныя средства. Го-

родской почты не существуетъ въ Плѣснеозерскѣ, но плѣснеозерцы ухитрились.

Въ одно прекрасное утро Полинька получила изъ Москвы, гдѣ не знала рѣшительно ни одной души, письмо, наполненное нравственными сентенціями и совѣтами оставить семейство, въ которомъ жила, и городъ, бывшій свидѣтелемъ ея безнравственнаго поведенія. Къ совѣтамъ прибавлялись угрозы. Въ письмѣ было прямо сказано, что если Полинька останется въ Плѣснеозерскѣ, то должна ждать себѣ на каждомъ шагу оскорбленій, которыя заслужила, скандализируя все общество.

Мы знаемъ достовѣрно, что это письмо было написано въ Плѣснеозерскѣ и что его писала не женская рука. Знаемъ также и то, что оно было написано въ угоду m-me Травинской, какъ самой вліятельной особы въ городѣ.

Она на слѣдующій же день собралась ѣхать въ Петербургъ. Наталья Игнатьевна не смѣла уже уговаривать ее остаться. Она боялась, чтобы въ самомъ дѣлѣ Полинька не подвергнулась въ Плѣснеозерскѣ незаслуженнымъ оскорбленіямъ. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ простилась Полинька съ пріютившимъ ее семействомъ и больная оставила Плѣснеозерскъ.

Дальнѣйшей ея исторіи мы не будемъ разсказывать: она выходитъ за черту нашей повѣсти. Дѣло въ томъ, что плѣснеозерцы совершили подвигъ высокой добродѣтели. Они вынудили больную и глубоко страдающую женщину, которая не сдѣлала имъ ни малѣйшаго зла, которой житейское положеніе вытекло изъ роковыхъ обстоятельствъ, бѣжать отъ нихъ изъ среды семейства, которое пріютило ее и которое одно только въ цѣломъ мірѣ могло быть истиннымъ для нея пріютомъ, гдѣ любовь, попеченія и симпатія къ ея горю облегчили бы ея безотрадную жизнь.

И это совершило общество, въ которомъ пьютъ тосты и говорятъ спичи въ честь человѣчныхъ идей. Конечно, въ этомъ же обществѣ пишутъ и анонимныя письма, но это совсѣмъ другая статья. Спичи говорятся во всеуслышаніе, а письма пишутся втихомолку.

В. САМОЙЛОВИЧЪ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВОПРОСЪ МОЛОДАГО ПОКОЛѢНІЯ.

II.

Дворянство должно измѣнить свой образъ жизни; оно должно измѣнить вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ мыслей и понятій, оно должно измѣнить и систему воспитанія. Въ этомъ оно еще не убѣждено. Оно любитъ однако напоминать о томъ, какія оно принесло жертвы за послѣднее время изъ своего кармана, и если оно въ самомъ дѣлѣ убѣждено въ этихъ жертвахъ, то въ его разсужденіяхъ оказывается противорѣчіе. Разсужденіе слѣдуетъ вести такъ: если были принесены жертвы и притомъ значительныя, то жертвы эти не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ вычитаніемъ изъ дворянскихъ достатковъ. Грошъ, переложенный изъ одного кармана въ другой, есть во всякомъ случаѣ грошъ, отнятый у того кармана, у котораго онъ отнятъ. А если мы сами говоримъ, что у насъ убыли не гроши, а цѣлыя состоянія, то отсюда логически вытекаетъ то заключеніе, что мы не можемъ разсчитывать на тотъ образъ жизни, на который разсчитывали прежде. А если мы мѣняемъ образъ жизни, то должны измѣнить вмѣстѣ съ тѣмъ и наши понятія и систему воспитанія. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ мы разсуждаемъ совершенно обратно. Мы принесли, говоримъ мы, значительныя жертвы, мы отдали чуть не половину нашихъ состояній на общее дѣло обезпеченія крестьянъ—и продолжаемъ разсчитывать на прежній образъ жизни, на прежніе нравы. Пять лѣтъ къ ряду общество представляется защищающимъ

свое барство въ различныхъ оттѣнкахъ, подъ различными предлогами и основаніями. Общество протестуетъ противъ оскверненія дворянскихъ рукъ не-дворянскимъ трудомъ. Органы, принявшіе на себя защиту нашихъ интересовъ, не скажу — съ возмутительнымъ цинизмомъ, а съ идеальной безтолковостью выставляютъ на видъ нашу прожорливость, нашу способность распоряжаться только такимъ сумасшедшимъ образомъ нашими остатками, за который по закону эти остатки слѣдуетъ брать подъ опеку. Все это для того, чтобы потѣшить барское самолюбіе, спасти отцовскій духъ безпечности и самодурства въ дѣтяхъ.

Аристократическая жилка раздражается, муссируется духъ барской расточительности и вмѣсто того, чтобы думать о работѣ, дающей кусокъ хлѣба, мы разсчитываемъ еще на мѣдныя деньги сыграть роль общественныхъ дѣятелей и покровителей бѣдности, патронизируя учрежденія различныхъ благотворительныхъ обществъ въ новомъ вкусѣ пятью рублями, недоплаченными по этому случаю по счету прачкѣ.

Одно изъ двухъ: или мы въ самомъ дѣлѣ можемъ еще проѣдаться, можемъ содержать на оброки и поземельные доходы по прежнему цѣлый хвостъ дивидизованныхъ пролетаріевъ, не пріуроченныхъ къ дѣлу, можемъ воспитывать изъ нашихъ дѣтей салонную сволочь, — и тогда, значитъ, о какихъ же мы толкуемъ значительныхъ пожертвованіяхъ? Очевидно, что или принесенныя жертвы незначительны для того, чтобы отразиться сколько нибудь на нашихъ нравахъ, — слишкомъ незначительны, чтобы заслуживать названіе жертвъ; или въ самомъ дѣлѣ время нашихъ достатковъ прошло и тогда невозможно болѣе барство, и продолжать воспитаніе дѣтей въ смыслѣ этого барства составляетъ уголовное передъ ними преступленіе и самый нелѣпый обманъ. Таково противорѣчіе, которое жуетъ, пережевываетъ въ послѣднія пять лѣтъ общество, раздраженное грубостью вольноотпущенныхъ, закрытіемъ кредита, ничтожествомъ дохода. И это-то вотъ противорѣчіе стараемся мы выдавать въ нашемъ слабомысліи за любовь къ отечеству, оправдать пользой. Польза отечества въ нашемъ мотовствѣ—для того, чтобы спасти принципъ барства, служившій опорой порядку. Загадачно! Будемъ же рѣшать эту загадку, будемъ взвѣшивать и самый принципъ мотовства и его аргументацію отечественной пользой; авось узнаемъ этимъ пу-

тѣмъ, о чемъ въ сущности хлопочутъ, сами того не сознавая, наши баричи.

Въ человѣкѣ существуетъ особенное свойство принаравливать свои понятія къ своему положенію, искать въ этомъ положеніи успокоительныхъ и ласкающихъ самолюбіе сторонъ, и онъ находитъ эти стороны во что бы то ни стало и во всякомъ случаѣ. Онъ всегда съумѣетъ освѣтить въ своемъ воображеніи извѣстныя его стороны такъ, чтобы найдти въ нихъ источникъ гордости для себя, несмотря на то, стоятъ ли эти стороны его гордости или нѣтъ. Работникъ, крестьянинъ, лакей, купецъ или баринъ — въ каждомъ положеніи скрыта своя соціальная гордость, въ каждомъ положеніи укрѣпилась и живетъ преемственно чрезъ поколѣнія своя доля презрѣнія къ другимъ положеніямъ и своя гордость, уваженіе и привязанность къ особенностямъ своего собственнаго. Есть такая гордость въ русскомъ крестьянинѣ, направленная противъ всего, что не мужикъ. Она была еще замѣтнѣе въ нашемъ лакействѣ, которое считало для себя обиднымъ возвращеніе къ мужицкому положенію. Эта-то спѣсь особенностями своего положенія существовала въ такъ называемыхъ цивилизованныхъ слояхъ. Не разбирая, хороши или дурны тѣ особенности, которыя намъ принадлежали, мы гордились ими, какъ нашими личными особенностями. Мы привыкли смотрѣть на эти особенности, какъ на нѣчто нравственно цѣнное просто потому, что они составляли особенность нашего положенія, и болѣзненно смотрѣли на ихъ утрату, какъ на ущербъ нашей гордости и оскорбленіе, хотя бы въ сущности наше нравственное положеніе только выигрывало вслѣдствіе такихъ утратъ, хотя бы потеря этихъ-то именно особенностей и давала намъ право гордиться чѣмъ нибудь, а сохраненіе ихъ въ сущности насъ только унижало.

Что безнравственнѣе, въ сущности, жизни на чужой счетъ; а между тѣмъ эта-то жизнь на чужой счетъ составляла всю подкладку барской крѣпостной гордости. На этой подкладкѣ выросли извѣстныя понятія о достойномъ и унизительномъ, выросли и утвердились совершенно однообразно, съ пунктуальной тожественностью — вездѣ, гдѣ люди находились въ одномъ положеніи. Барство вездѣ, гдѣ оно ни существовало, было тѣмъ горделивѣе, чѣмъ шире оно могло распоряжаться чужимъ трудомъ, и видѣло доблесть въ тратахъ на ши-

рокую ногу. Между тѣмъ какъ работникъ утѣшался въ своемъ удрученномъ положенiи и гордился именно тѣмъ, что всѣ его траты оплачиваются его личнымъ трудомъ, барство вездѣ смотрѣло на пропитанiе личнымъ трудомъ, какъ на нѣчто для себя оскорбительное, — въ то время какъ это-то и составляло гордость работника.

Понятно, что въ существѣ дѣла не можетъ же быть вещей, оскорбляющихъ и унижающихъ одного человѣка и не унижающихъ другаго. Не можетъ же быть этого раздѣленiя людей на категорiи, изъ которыхъ для одной было бы въ самомъ дѣлѣ достойно то, что для другой оскорбительно. Кто нибудь былъ здѣсь неправъ, или мужикъ, или баринъ. И выбирая между двумя мнѣнiями, мы теперь не затруднимся конечно рѣшить, что былъ скорѣе въ правѣ гордиться тотъ, кто гордился личнымъ трудомъ, чѣмъ тотъ, кто гордился личной расточительностью этого труда.

Но такова сила привычки, что не смотря на анализъ, на логическое убѣжденiе, человѣкъ все-таки готовъ хвастать своими дурными сторонами и считать для себя оскорбительными болѣе нравственное положенiе, болѣе достойныя условiя.

Органы продолжаютъ хвастать отъ лица нашего цивилизованнаго общества этими именно привычками, въ которыхъ общество уронило свое нравственное значенiе.

Къ чести или не къ чести этого общества, я долженъ однако сказать, что оно никогда не понимало настоящей причины, въ силу которой оно училось гордиться этой властью надъ чужимъ трудомъ и возможностью расточительности. Оно не понимало, что поддерживая въ немъ эту гордость, думали поддержать въ немъ вовсе не расточительность, а возбудить духъ прiобрѣтенiя, который составлялъ дѣйствительный залогъ аристократизма, какъ сословной силы. Оно понимало свое барство грубо и матерьяльно, иначе оно не издерживалось бы и не проматывалось, между тѣмъ какъ теперь всю политическую роль оно полагало въ мотовствѣ. Хорошо это было или дурно, но въ этомъ заключается серьезное условiе, рѣшающее его вопросъ.

Печально повѣсивъ носъ, разсуждая теперь надъ своимъ положенiемъ, оно довольно, когда его тѣшатъ картинами застольнаго пьянства, когда его раздражаютъ противъ людей, пытающихся примѣниться къ новымъ условiямъ и стать на нѣ-

сколько иную точку зрѣнія къ тому, что стоитъ гордости или нѣтъ. Оно довольно, когда его усыпляютъ надеждами на то, что можно еще воскресить растраченные доходы, испортивъ положенія 19 февраля; поддержавъ духъ барства въ школахъ и молодомъ поколѣніи, отнявъ кусокъ хлѣба у дѣтей и женщинъ. Его теперь надоумливаютъ о томъ, что оно должно сплотиться въ корпорацію; учатъ, что въ его прошедшихъ доходахъ заключались не только доходы, а политическая сила; т.е. обезпеченіе на будущее время такихъ же доходовъ, такого же барства, утративъ которые, оно утратило вмѣстѣ съ тѣмъ и въ жизни возможность удержать за собой какія либо привилегіи. Его учатъ съ отчаянія поставить своихъ дѣтей, что называется, въ упоръ къ стѣнѣ, лишивъ ихъ куска хлѣба для того, чтобы масса созрѣвающаго юнкерства, лишенная положительныхъ знаній, масса истинныхъ пролетаріевъ, была вынуждена очертя голову и во что бы то ни стало желать дароваго куска и такимъ образомъ поддерживать принципъ барства. Все это-то вотъ называется патріотизмомъ. Почему, на какомъ основаніи патріотизмъ можетъ нуждаться въ этомъ барствѣ? знаютъ ли наши философы, настаивающіе на спасеніи барскаго начала, въ чемъ полагалась историческая роль этого барства, въ чемъ заключались его аргументы, которыми оно защищало себя теоретически, какъ политическій принципъ въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣ времена, когда оно считалось необходимымъ элементомъ цивилизаціи?

Я укажу на эти аргументы «противъ себя» для того, чтобы ничего не оставить въ сторонѣ и безъ возраженія. Барство, говорятъ, играло въ политическомъ отношеніи двоякую роль, его оправдывающую. Оно составляло средство, дисциплинирующее массу. Поэтому-то оно и называло себя опорой политическаго единства. Барство съ другой стороны играло роль цивилизующую; оно, живя на готовыя средства, не тратя времени на грубый трудъ, служило тѣмъ укромнымъ угломъ, въ которомъ находила свое помѣщеніе и пріютъ цивилизація. Потому-то, говорятъ, нельзя относиться къ нему съ такой безцеремонностью—ибо, посягая на него, мы посягаемъ и на орудіе централизаціи, посягаемъ и на нашу цивилизацію.

Согласимся, что это барство служило такимъ орудіемъ централизаціи, что при его существованіи могла развиться въ извѣстныхъ предѣлахъ цивилизація, плодами которой оно одно,

говоря между прочимъ, и пользовалось только. Остается затѣмъ все-таки вопросъ: какую дисциплину и какую цивилизацію приносило это барство?

Всякое орудіе цѣнится по его результатамъ и по дѣйствію— бываютъ орудія, дающія большіе и меньшіе результаты въ томъ же направленіи; бываютъ орудія грубыя и несовершенныя, съ которыми при всемъ искусствѣ достигаются только весьма недостаточные результаты, влекущіе за собой съ другой стороны страшныя пожертвованія; орудія, при помощи которыхъ можно достичь только весьма условнаго и ограниченнаго успѣха, и нельзя, не смотря ни на какія усилія, достичь большаго успѣха, потому что эта ограниченность заключается въ свойствахъ самаго орудія.—Человѣчество въ своемъ развитіи начинаетъ вообще съ пользованія такими несовершенными и немосредственными орудіями и только опытъ и постепенное развитіе приводитъ его къ пользованію средствами болѣе совершенными и болѣе успѣшными. Никто не станетъ утверждать конечно, чтобы такое орудіе, первобытное и несовершенное, было навсегда самымъ пригоднымъ къ дѣлу человѣчества, потому что въ извѣстный періодъ невѣжества оно служило первымъ средствомъ достиженія извѣстныхъ результатовъ. Но такимъ-то грубымъ орудіемъ дисциплинировать массу и было барство и крѣпостничество. Вопросъ поэтому не въ томъ, служитъ ли барское начало орудіемъ извѣстнымъ цѣлямъ, но какимъ орудіемъ оно было для этихъ цѣлей, достаточно ли пригоднымъ и совершеннымъ для того, чтобы можно было о немъ говорить серьезно, какъ о средствѣ, дающемъ политическое единство и цивилизующемъ. Вотъ тутъ-то именно и оказывается, что это было начало, задерживающее самое объединеніе массъ на весьма грубой и недостаточной степени — задерживающее цивилизацію на извѣстной грубой степени, далѣе которой въ связи съ этимъ началомъ не можетъ развиваться цивилизація. Барское начало являлось централизующимъ тогда, когда для объединенія людей вообще было одно средство — война, и не было сознанія ни другихъ связующихъ средствъ, ни сознанія самой выгоды отъ объединенія. Въ это время объединеніе представлялось въ чисто политической военной формѣ и это политическое объединеніе приносила съ собою политическая власть, извнѣ налагавшая его и приносившая чуждую массамъ дисциплину. Понятно, если эта

власть искала поэтому сдѣлки съ барскимъ началомъ для дисциплинированія.

Но съ тѣхъ поръ понятіе о централизаціи или дисциплинѣ перемѣнило эту грубую форму, потому что явились и указались сами собою иныя орудія и средства объединенія, иныя причины объединенія, кромѣ посягательства на чужой личный произволъ.

Эти орудія—тѣ выгоды, которыя извлекаютъ люди изъ взаимныхъ дружественныхъ сношеній, изъ взаимнаго подчиненія другъ другу, изъ взаимныхъ связей другъ съ другомъ и дисциплины. Съ помощію такого сознанія люди, нѣтъ сомнѣнія, способны устроить между собою такія связи, провести начало объединенія въ такой формѣ, которымъ конечно уступаетъ грубое начало крѣпостнаго объединенія. Послѣ этого понятно, что барское начало представляетъ собой дисциплину въ грубой формѣ, удерживаетъ народъ отъ болѣе тѣснаго, совершеннаго объединенія. А если въ объединеніи людей ихъ сила, то барство, стало быть, служитъ уже источникомъ политической слабости народа въ сравненіи съ народомъ, дисциплинированнымъ иначе. Формы самобытнаго хозяйства, задатки которой представляетъ народное село съ своей землей, не обязательной работой на землевладѣльца, конечно не менѣе связываютъ, цивилизуютъ и дисциплинируютъ, чѣмъ барскія владѣнія, — несомнѣнно тѣснѣе и раціональнѣе связываютъ людей, чѣмъ крѣпостная община, но они-то упраздняютъ барское начало въ дѣлѣ дисциплины, и потому понятно все нерасположеніе перваго къ этой формѣ народнаго труда.

Съ другой стороны барство вездѣ употребляло всѣ средства для того, чтобы препятствовать этой формѣ объединенія, и потому-то нигдѣ до сихъ поръ дѣло взаимной дисциплины не привилось и не развивалось до той степени, чтобы сплотившіяся корпораціи могли на самомъ дѣлѣ положить предѣлъ всякимъ толкамъ о необходимости барской опеки въ той или другой формѣ надъ народнымъ трудомъ. А потому-то въ концѣ концовъ мы не можемъ даже сказать, на сколько въ самомъ дѣлѣ барское начало служило опорой политическаго единства и на сколько препятствовало болѣе прочному политическому единству, и не устроилось ли бы это единство въ болѣе прочномъ видѣ помимо помѣхи въ этомъ дѣлѣ барства. Къ чему же мы станемъ поощрять послѣ этого барство? Ясно къ чему,—

къ тому, чтобы иные люди раньше насъ вступили на путь свободныхъ корпорацій и оказались лучше объединены и политически сильнѣе насъ.

Что же касается цивилизующей роли барскаго начала, то она слишкомъ очевидно исключительная, слишкомъ условная для того, чтобы стоило на ней останавливаться. Рабочая корпорація представляется не потому только предпочтительною передъ владѣльческой въ ея разнообразныхъ формахъ, что она сильнѣе; но она потому именно сильнѣе, что болѣе оставляетъ въ своихъ рукахъ изъ того, что вырабатываетъ, а потому является и вмѣстѣ съ тѣмъ цивилизованнѣе. Въ одномъ случаѣ мы получаемъ цивилизованную или полуцивилизованную единицу на темную массу, въ другомъ—общую цивилизацію; тутъ выборъ не можетъ быть затруднителенъ. А если цивилизація есть сила, то ясно, что барское начало, уединяющее цивилизацію въ ограниченную часть общества, ослабляетъ политическую силу народа.

И такъ, какія же были бы патріотическія причины поддерживать у насъ это начало? одна причина—дать другимъ опередить насъ еще болѣе въ цивилизаціи.

Такимъ образомъ сохраненіе барскаго начала оказывается политической безтактностью съ двухъ сторонъ, въ смыслѣ развитія тѣсныхъ отношеній между людьми, въ смыслѣ цивилизаціи. Для того, чтобы все это стало наглядно, стоитъ только сравнить тѣ общественныя формы, которыя даетъ это начало въ результатѣ, съ формами имъ противоположными. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ крѣпостныя общины, населенныя привязанными къ ней закономъ рабочими силами, можемъ имѣть въ виду и впредь селенія или фабричныя общины владѣльческія, населенныя наемными людьми или работниками.

Одно то обстоятельство, что люди изъ крѣпостныхъ рабочихъ становятся наемными, не мѣняетъ еще въ существѣ самыхъ результатовъ. Народный трудъ продолжаетъ направляться не на тѣ предметы, которыхъ требуютъ народныя нужды, а на тѣ, пользованіе которыми допускаютъ средства предпринимателя—капиталы скопляются не въ народѣ, а въ рукахъ лицъ, работающихъ батраками. Народъ остается по прежнему бѣденъ и нецивилизованъ, а составляются отдѣльныя состоянія, которыя тратятся и употребляются тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ крѣпостныхъ условіяхъ. Какъ бы ни были значительны эти

отдѣльные капиталы, но они никогда не сравняются съ тѣми, которые образуются въ томъ случаѣ, когда состоянія разливаются въ массѣ. Часть единичныхъ капиталовъ уходитъ всегда на роскошь, тратится убыточно и ежегодно вычитается изъ народнаго богатства. Промышленность устроивается въ разсчетѣ на потребителей роскоши и потому направляется всегда ложно и устроивается не для всѣхъ, а для исключительныхъ состояній.

Никогда, въ самыя цвѣтущія времена аристократическихъ состояній, при помощи скопленія огромныхъ богатствъ въ отдѣльныхъ рукахъ не могло быть осуществлено и тѣни тѣхъ предпріятій, которыя могли быть осуществлены въ Европѣ въ послѣднее время. А эти предпріятія были именно осуществлены не на отдѣльные капиталы, а на незначительные мелкіе капиталы, собранные въ среднемъ классѣ. Если же такого ничтожнаго раздѣленія и образованія среднихъ достатковъ въ среднемъ кругу, какое произвело въ Европѣ уничтоженіе крѣпостнаго труда, было достаточно для осуществленія предпріятій, о которыхъ никогда не могли мечтать капиталы аристократической эпохи; то мы едвали можемъ составить въ настоящую минуту достаточно вѣрное понятіе о громадности той силы, которая окажется въ рукахъ общества, гдѣ такіе средніе достатки станутъ достояніемъ большинства. Такимъ образомъ, если измѣненіе крѣпостнаго труда на наемный и дало Европѣ серьезный перевѣсъ передъ нами относительно успѣховъ во всѣхъ отрасляхъ хозяйственной и умственной культуры, то это не потому, что наемный трудъ способствовалъ къ скопленію отдѣльныхъ громадныхъ состояній, а потому только, что онъ прежде всего далъ возможность развиться до извѣстной степени и массѣ мелкихъ состояній.

Разливъ богатствъ въ массу составляетъ такимъ образомъ настоящій критеріумъ и признакъ народнаго могущества, а вовсе не образованіе отдѣльныхъ огромныхъ состояній. Потому-то осуждается съ политической точки зрѣнія не только крѣпостное барство, но и барство промышленное, ибо если первое не даетъ вовсе развиваться какимъ либо среднимъ достаткамъ, то второе допускаетъ такое развитіе въ слишкомъ ничтожныхъ и ограниченныхъ предѣлахъ. А между тѣмъ слѣдуетъ кажется обратить вниманіе на то, что между народами, какъ политическими единицами, идетъ таже конкурренція изъ-за богатствъ, какъ и между отдѣльными лицами. Никакой стач-

кой, никакой дипломатической сдѣлкой государство не обяжется не развивать своего богатства далѣе другаго. Пока возможно было опережать другъ друга въ богатствѣ, опираясь на крѣпостной трудъ, до тѣхъ поръ отдѣльныя лица стояли за крѣпостное право и сами государства держались этой системы. Точно также, пока возможно богатѣніе, опирающееся на наемную систему, пока ни одно государство не вынуждено было искать источниковъ дальнѣйшаго богатѣнія въ дальнѣйшемъ разливѣ богатствъ въ массу, до тѣхъ поръ Европа можетъ держаться условной степени разлива богатствъ въ массу, которую допускаетъ ея батрачеcкая система. Но нѣтъ сомнѣнія, что существующія государства будутъ вести неограниченную войну изъ-за богатствъ, а потому, идя далѣе, будутъ вступать все рѣшительнѣе на путь разлива богатствъ въ массу. И счастливѣйшимъ будетъ то, конечно, которое раньше другихъ вступитъ на этотъ путь. Счастливѣйшимъ потому, что сумма единичныхъ капиталовъ, какъ бы они ни были значительны, всегда составитъ дробь въ сравненіи съ тѣми капиталами, которые могутъ быть во всякое время составлены изъ среднихъ достатковъ массы въ томъ случаѣ, когда масса пользуется этими достатками. *Распространеніе достатка въ массу* составляетъ поэтому *законъ политическаго роста и силы націи*,—законъ, приближаясь къ которому, они только и опережали другъ друга въ своемъ развитіи...

Взаимная конкурренція между народами изъ-за богатствъ—вотъ та движущая сила, которая дѣятельно заставляла ихъ вступать на путь всё большаго разлива богатствъ и образованія среднихъ состояній. И какъ бы они ни шли медленно по этому пути, несомнѣнно, что они вынуждены политическимъ интересомъ заходить по этому пути все далѣе и далѣе.

Какъ ограниченное развитіе богатствъ, допускаемое крѣпостными условіями, составляло приговоръ крѣпостной системы, точно также и ограниченное развитіе богатствъ, допускаемое батрачеcкой системой, составитъ и политическій приговоръ на смерть этой системы. Государства Европы, придерживаясь внутри монопольныхъ или аристократическихъ системъ хозяйства—крѣпостной или батрачеcкой,—тѣмъ самымъ останавливали, выражаясь безусловно, развитіе своей силы и своихъ богатствъ. Но между ними самыми отсталыми и несчастными были тѣ, которыя держались монополій въ грубѣйшей

формѣ; такъ государства, державшіяся крѣпостной системы, наименѣе допускавшей образованіе среднихъ достатковъ, играли и наиболѣе второстепенную роль относительно цивилизаціи и матеріальнаго богатства. Ни пространныя владѣнія, ни масса зависимаго населенія, не давали Россіи возможности конкуррировать относительно цивилизаціи и развитія богатствъ съ Европой. И напрасно было бы конечно скрывать тотъ фактъ, что страна наша эксплуатировалась въ матеріальномъ отношеніи европейцами почти какъ колонія. Система монополій, допускавшаяся внутри, отражалась такимъ образомъ совершенно категорически и на внѣшнихъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ, и здѣсь въ результатѣ государство расплачивалось тѣмъ болѣе отсталымъ и зависимымъ положеніемъ, чѣмъ болѣе монопольнымъ оттѣнкомъ отмѣчена была система его внутренняго хозяйства, чѣмъ менѣе способствовала эта система развитію среднихъ достатковъ.

Какъ развитіе высказаннаго закона о томъ, что усиленіе матеріальнаго могущества прямо пропорціонально развитію среднихъ достатковъ, мы можемъ поэтому признать неизбѣжное отраженіе уклоненія отъ этого закона на внѣшнемъ положеніи каждаго государства. Мы утверждаемъ: что хотимъ, «чтобы Россія вышла изъ своего отсталаго положенія относительно Европы, чтобы она догнала ее, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Но какъ же она достигнетъ этого, какъ не сознавъ, что единственный путь, ведущій къ матеріальному могуществу, есть развитіе среднихъ достатковъ въ массѣ, и выполнивъ это требованіе? О разливѣ богатствъ и образованіи среднихъ достатковъ въ массѣ, о перенесеніи центра тяжести культуры въ массу, заставляетъ насъ хлопотать нашъ собственный политическій интересъ, — а вовсе не о барствѣ.

Защита барства играетъ поэтому, какъ видите, весьма жалкую роль въ вопросѣ патріотизма. И я не знаю большей политической бестактности, которую могло было сдѣлать правительство его поощряя, и точно также не знаю, какъ назвать патріотизмъ, хвастающій своей расточительностью.

Европа, видите ли, будетъ идти къ тому, чтобы богатѣть на счетъ образованія среднихъ достатковъ; она будетъ хлопотать о корпоративномъ трудѣ, о рабочихъ обществахъ; мы будемъ все это называть еще соціализмомъ и занимать европейскій капиталъ на условіяхъ для того, чтобы отдавать ихъ на поощ-

реніе владѣльческихъ хозяйствъ, дающихъ нуль процентовъ, и безкорыстный патріотизмъ будетъ нами руководить при этомъ.

Очевидно, защита барства въ принципѣ врядъ ли же заслуживаетъ названія совершенно противнаго патріотизму, и вопросъ сводится на личный вопросъ поддержать разрушившіяся въ барствѣ состоянія. Въ этой-то формѣ и займемся теперь вопросомъ. Въ этомъ-то смыслѣ спрашивается, не есть ли пустая иллюзія весь нашъ расчетъ поддержать эти состоянія, поддерживая барство какъ принципъ, не есть ли это напрасное раздраженіе воображенія, или въ какомъ случаѣ неосуществимое? И не самое ли раціональное и единственно возможное, о чемъ можетъ идти рѣчь, это — облегченіе, которое могли бы найти землевладѣльцы въ поддержаніи цѣнности земель, у нихъ оставшихся?

Двѣ формы хозяйства поставлены крестьянской реформой рядомъ: старыя помѣщичьи усадьбы съ вольнонаемнымъ трудомъ и крестьянское сельское общество. Одна изъ этихъ формъ должна выгорѣть; двѣ рядомъ процвѣтать не могутъ: или крестьянское хозяйство возьметъ перевѣсъ, или помѣщичье. Если случится послѣднее, то крестьяне превратятся въ батраковъ, а нынѣшніе помѣщики въ конецъ разорятся и сдадутъ земли за безцѣнокъ кулакамъ-промышленникамъ, которые и будутъ настоящими помѣщиками. Если случится первое, то выиграютъ и крестьяне и помѣщики, ибо земля послѣднихъ скорѣе найдетъ выгодныхъ арендаторовъ и покупщиковъ между крестьянскими обществами, чѣмъ между случайными промышленниками изъ кулаковъ, и это тѣмъ скорѣе и выгоднѣе, чѣмъ въ лучшемъ положеніи будутъ находиться крестьяне.

Помѣщики, сколько извѣстно, утверждаютъ, что они не могутъ конкуррировать съ крестьянами и слѣдовательно обработывать сами своихъ земель, и между тѣмъ все-таки продолжаютъ толковать о поземельномъ кредитѣ на поправленіе своихъ хозяйствъ. Получая самый ничтожный процентъ отъ хозяйства, они не могутъ, стало быть, и выплатить процентовъ съ тѣхъ капиталовъ, которые могутъ быть имъ даны взаймы для поддержанія ихъ хозяйствъ. Поддержать ихъ хозяйство есть, стало быть, одно средство, это — зарѣзать крестьянское хозяйство, не хозяйственнымъ, а насильственнымъ путемъ — путемъ привилегій. Если же дать помѣщичьимъ хозяйствамъ только капиталы на поддержку хозяйствъ, т. е. остановиться

на полумѣрѣ, то это будетъ значить только растратить капиталы, на поддержавъ помѣщичьихъ хозяйствъ—растратить капиталы, которые съ большею выгодой для самихъ помѣщиковъ могли бы быть употреблены на поддержаніе не помѣщичьихъ, а напротивъ крестьянскихъ хозяйствъ. Если кто нуждается поэтому въ кредитѣ, то это именно крестьянскія общества, для того, чтобы имѣть возможность купить помянутыя земли въ выгодѣ послѣднихъ же, а вовсе не помѣщики.

Такимъ образомъ представляется такая альтернатива: или зарѣзать крестьянское хозяйство не хозяйственными путями, или въ выгодахъ самихъ помѣщиковъ поощрять эти хозяйства, потому что съ развитіемъ крестьянскихъ достатковъ и промышленности неизбѣжно возрастетъ и цѣнность помѣщичьихъ земель,—и эта-то поддержка для меня представляется единственно основательною, на которую можно разсчитывать для облегченія участи землевладѣльцевъ.

Если же остановиться на полумѣрѣ поощренія помѣщичьихъ хозяйствъ, то не выиграетъ уже ни помѣщичье хозяйство, ни крестьянское, а выйдетъ новая комбинація, худшая изъ всѣхъ, потому что она не принесетъ пользы ни помѣщику, ни крестьянину. Помѣщикъ зарвется долгами, его земли пойдутъ съ молотка и будутъ скуплены кулаками, вмѣсто крестьянскихъ обществъ, скуплены за ничтожную плату—тогда-то дѣйствительно выгоритъ барство, но оно выгоритъ не для тѣхъ вовсе, кто о немъ хлопочетъ теперь, оно выгоритъ въ пользу кулаковъ-промышленниковъ. Поэтому, исправить положенія 19-го февраля въ пользу помѣщиковъ нельзя, какъ думаютъ наши баричи, можно только испортить положенія 19-го февраля для крестьянскихъ обществъ; исправить же ихъ можно только для кулаковъ-промышленниковъ, которые при недостаточномъ развитіи крестьянскихъ обществъ и дальнѣйшемъ разореніи помѣщиковъ поддержками и кредитами, скупятъ рано или поздно помѣщичьи земли съ молотка. Я не знаю поэтому, какую выгоду находятъ защитники дворянскихъ интересовъ въ поддержкѣ барскаго начала. На мой взглядъ вся эта поддержка есть безкорыстнѣйшая изъ услугъ и жертвъ со стороны дворянства своими собственными интересами въ пользу кулаковъ-промышленниковъ. И этого-то вотъ не видятъ слабоголовые дворянскіе публицисты. Каковы бы ни были послѣдніе результаты, если бы мы предположили, что нашимъ

адептамъ барскаго толка удалось въ разореніи крестьянъ вновь утвердить у насъ барскія отношенія въ той или другой формѣ, сохранить барскіе нравы и привычки, барскую цивилизацію и обезпечить царство сверкающихъ пировъ, безумныхъ содержанокъ и т. п.,—все это ими будетъ устроено не для того барства, о которомъ они хлопочутъ теперь,—все это ими будетъ устроено и всѣмъ этимъ воспользуются только кулаки-промышленники. Они будутъ барствовать во всякомъ случаѣ. И ихъ барство ничѣмъ не улучшитъ положенія, а напротивъ только ускоритъ разореніе и ухудшитъ положеніе нынѣшняго владѣющаго сословія.

Повторяемъ, этому послѣднему не спасти своего положенія. У него нѣтъ для этого ни капиталовъ, ни предпріимчивости, ни промышленныхъ и реальныхъ знаній и опыта. И потому, если уже выражаться ихъ языкомъ, имъ остается выбирать между двумя видами барства, или барствомъ крестьянскаго села, крестьянскихъ и городскихъ общинъ, или барствомъ кулаковъ-промышленниковъ. Въ этомъ-то съ точки зрѣнія ихъ интересовъ не можетъ быть, говорю я, затрудненія. Неумѣющіе наживать, лишенные предпріимчивости, знанія и энергіи, ограниченные въ своей предпріимчивости эксплуатаціей своихъ земель, которая не можетъ продолжаться выгодно по ихъ собственному сознанію — они могутъ разсчитывать на одно, это на цѣнность своихъ земель. Если ихъ положеніе жалко и сомнительно, то это потому, что земля эта имѣетъ сама по себѣ слишкомъ мало цѣнности. Для нихъ остается поэтому одна возможная надежда, одинъ разсчетъ, это—чтобы земля эта пріобрѣла бо̀льшую цѣнность. А земля можетъ пріобрѣсти эту цѣнность только при возрастаніи общаго богатства съ успѣхами народной производительности, а не при ея дальнѣйшемъ упадкѣ. Всякій же заемъ, заключенный лично нынѣшними владѣльцами для поправленія собственнаго хозяйства нынѣшнихъ владѣльцевъ, только уронитъ еще болѣе производительность, поведетъ къ убыточной растратѣ труда и капиталовъ и слѣдовательно въ концѣ концовъ еще болѣе убьетъ и понизитъ цѣнность помѣщичьихъ земель; земли эти тѣмъ легче перейдутъ за безцѣнокъ въ руки кулаковъ-предпринимателей въ ущербъ помѣщиковъ и совершенный ущербъ ихъ дѣтей, которые будутъ воспитаны въ гостинномъ тунеядствѣ и не будутъ знать, за какое дѣло взяться ради куска хлѣба. А

можно разсчитывать и по тѣмъ процентамъ, на которые можетъ быть заключенъ такой заемъ, и по тѣмъ доходамъ, которые могутъ быть получены отъ имѣній землевладѣльцами, что никакой заемъ не можетъ быть ими выдержанъ. Возрастаніе поземельной цѣнности представляется поэтому единственнымъ условіемъ, отъ котораго можетъ ждать хой-какихъ достатковъ настоящее владѣющее сословіе и для себя, и для своихъ дѣтей.

И такъ, спрашиваю у нихъ еще разъ, что же для нихъ выгоднѣе,—когда ихъ земля должна подняться въ цѣнѣ равномѣрнѣе, быстрѣе и повсемѣстнѣе? Не тогда ли именно, когда разовьется промышленность и предпріимчивость крестьянскихъ селъ, а не одиночная, разбросанная и случайная предпріимчивость кулаковъ-предпринимателей? Есть ли для нихъ какой либо разсчетъ стѣснять развитіе богатства крестьянъ и ихъ обществъ, убить развитіе сельскихъ обществъ и предпріимчивость какими бы то ни было внѣшними мѣрами, отнять въ свои руки и истратить попусту капиталы, которые могли бы быть отданы именно на развитіе промышленности крестьянскихъ обществъ для того, чтобы въ концѣ концовъ отдать свои земли за безцѣнокъ случайнымъ спекуляторамъ и оставить дѣтей безъ средствъ?

И такъ, даже съ чисто эгоистической точки зрѣнія, не говоря уже о нравственныхъ и патріотическихъ цѣляхъ, для нашего владѣльческаго сословія менѣе всего представляется выгодною та защита барскаго начала въ ущербъ крестьянамъ, какую они преслѣдуютъ пять лѣтъ сряду въ ущербъ себѣ, въ ущербъ народу, въ ущербъ собственнымъ дѣтямъ. Они готовятъ себѣ послѣднее разореніе, народу царство кулаковъ-предпринимателей, своимъ дѣтямъ лакейскую службу у этихъ кулаковъ за прилавкомъ. Они готовятъ этимъ дѣтямъ даже нѣчто лучшее. Уже не малая доля ихъ и до сихъ поръ жила лизоблюдствомъ и прокармливалась откупщиками, разжившимися ростовщиками и счастливыми аферистами всякаго рода. Когда разовьется новое царство кулаковъ-промышленниковъ, тогда презирающіе трудъ, унижающій дворянскія руки, покумятся съ этими кулаками, повыдавъ за нихъ дочерей, поженивъ сыновей на кулацкихъ дочкахъ, или займутся у нихъ просто нахлѣбничествомъ. Дѣйствительно можно разсчитывать, что и будущее барство кулаковъ будетъ находить свой разсчетъ держать свою изящную салонную сволочь, свой комплектъ

праздной прислуги, своихъ преторіанцевъ, готовыхъ за бутылку шампанскаго продать народъ и все, что угодно, и составляющихъ не малую поддержку ленкаго принципа, способнаго выставить эту бутылку.

Воспитанное въ классической праздности, юношество до извѣстной степени дѣйствительно найдетъ себѣ въ будущемъ такую роль, и не для такой ли роли защитники барства требуютъ для этого юношества классическаго образованія? Роль дѣйствительная,—но какая роль! Не достойнѣе ли, честнѣе и лучше было бы по крайней мѣрѣ знать этому юношеству, что оно не можетъ болѣе нахлѣбничать, а что если работаетъ и служитъ чему нибудь, то работаетъ не кулаку-промышленнику, а дѣйствительному богатѣнію націи въ лицѣ земскихъ обществъ. Юношество въ своемъ стремленіи искать трудоваго куска и связи между этимъ кускомъ хлѣба и образованіемъ именно и протестовало противъ нахлѣбничества. Важно было не только то конечно, чтобы это стремленіе не было убито, но желательно было бы еще нѣчто болѣе. Важно было, чтобы въ томъ случаѣ даже, когда бы оно вооружено было положительными знаніями, имѣющими цѣну на рынкѣ, — это юношество не принуждено было сознаться, что найдя помѣщеніе своимъ знаніямъ въ тѣхъ или другихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, оно служитъ при этомъ изъ-за куска хлѣба богатѣнію кулаковъ-предпринимателей на счетъ народа, а что служитъ оно богатству самаго народа, служитъ земской предпріимчивости сельскихъ и городскихъ обществъ, а не кулакамъ-предпринимателямъ.

И молодое поколѣніе могло бы вступить въ жизнь съ этимъ послѣднимъ сознаніемъ, если бы нынѣшнее образованное и владѣющее сословіе болѣе понимало свои настоящія выгоды и сколько нибудь думало объ интересахъ своихъ дѣтей,—если бы оно понимало, по крайней мѣрѣ, что хлопоча о барствѣ, оно хлопочетъ о своемъ послѣднемъ разореніи, о самомъ жалкомъ униженіи для своихъ потомковъ.

Вмѣсто того пять лѣтъ сряду мы наблюдаемъ въ нѣкоторыхъ партіяхъ одно близорукое стремленіе убить крестьянское развитіе, одно желаніе занять и растратить послѣдніе капиталы. Глядя на все это, я готовъ сказать, что эти люди не умѣютъ еще вовсе понимать собственныхъ интересовъ, не говоря уже объ интересахъ гражданскихъ и об-

щественныхъ, и готовы изувѣчить и сами себя и попортить народу. Нашъ патріотизмъ поэтому по меньшей мѣрѣ медвѣжій, наша любовь къ дѣтямъ не осмыслена, а о настоящей любви къ народу не имѣется и подозрѣнія. Но этого мало, нѣтъ настоящей любви и къ самимъ себѣ, и мы еще готовы испортить всю жизнь для того, чтобы имѣть возможность поважничать сегодня. Несомнѣнно, найдутся всегда люди, которые воспользуются такимъ нашимъ настроеніемъ; этихъ-то людей я и называю кулаками-промышленниками. Несомнѣнно, найдутся и публицисты, которые поддержатъ насъ въ такомъ рвеніи, потому что мы за это преподнесемъ имъ чернилицу. Но мнѣ достаточно сказать два слова для того, чтобы обратить этотъ дорогой подарокъ изъ предмета гордости въ предметъ срама.

Статьи, за которыя преподнесенъ былъ этотъ подарокъ, написаны были вовсе не чернилами; онѣ были написаны опивками отъ барскихъ обѣдовъ. Отъ этого-то въ нихъ столько виннаго бреда и пьяной фразистости, столько барской помоги къ крѣпостничеству; но нѣтъ главнаго—это серьезнаго понимания интересовъ тѣхъ, кому онѣ служатъ. Все это было написало болѣе не для тебя, русское землевладѣніе, все это было написано для кулаковъ-промышленниковъ, жидовъ, нѣмцевъ—кого угодно, но не для тебя, словомъ для ряда аферистовъ, выжидающихъ только удобнаго часа для того, чтобы овладѣть твоими землями, и русскіе землевладѣльцы только даромъ тѣшились и платили за все это послѣднія деньги.

После этого можно спросить: не въ интересахъ ли тѣхъ же кулаковъ-промышленниковъ, былъ поднятъ въ числѣ прочихъ поощреній барства и процессъ противъ молодаго поколѣнія, которое, слѣдовательно, вѣрнѣе самихъ землевладѣльцевъ понимало настоящіе интересы нынѣшняго землевладѣнія и интересы страны, и свои собственные.

Во всякомъ случаѣ должно быть очевидно, что вопросъ молодаго поколѣнія представлялъ еще одну серьезную сторону, это, чтобы это поколѣніе не только нашло кусокъ хлѣба, но и не было принесено въ жертву кулакамъ-промышленникамъ. Поднимая процессъ противъ него, мы напротивъ 1) не хотѣли, чтобы оно нашло трудовой кусокъ, 2) хотѣли, чтобы оно могло выбирать только между прилавкомъ или нахлѣбничествомъ у кулаковъ-аферистовъ. И мы имѣли совѣсть думать, что хлопо-

тали о дѣтяхъ, о нравственности, мы имѣли смѣлость думать, что сочувствуемъ при этомъ либеральнымъ начинаніямъ!

Въ чемъ же были несогласны съ нравственностью стремленія молодаго поколѣнія, скажу болѣе, въ чемъ онѣ были не согласны съ интересами стараго? Юношество хотѣло знаній, которыя дали бы ему роль практическихъ дѣятелей, оно хотѣло служить положительному успѣху общественной производительности хозяйства и культуры; поэтому оно искало реальныхъ знаній. Юношество хотѣло эти знанія примѣнить къ дѣйствительному успѣху и развитію поставленной на очередь народной жизни и къ богатству сельскихъ обществъ, а не къ богатѣнію аферистовъ. Что же было тутъ безнравственнаго и такого, что бы не согласовалось, какъ теперь можно спросить, и съ интересами политическими, и съ интересами самаго дворянства, и съ заявленными правительствомъ тенденціями?

Требованія юношества несомнѣнно были нравственнѣе службы и нахлѣбничества у кулаковъ-промышленниковъ, которую мы хотѣли имъ дать. Но мы все еще представляемъ себѣ, что жизнь не готова для того, чтобы предложить человѣку въ нее вступающему вполнѣ нравственное, неунижающее, неоскорбляющее положеніе. Въ такомъ случаѣ всѣ наши заботы о нравственности выходятъ пустымъ лицемѣріемъ. Двухъ вещей требуетъ человѣкъ вступающій въ жизнь для того, чтобы мы могли судить его послѣ за его безнравственность: 1) труда, дающаго прочное обезпеченіе; 2) такого труда, который не противорѣчилъ бы общимъ интересамъ, словомъ труда на общество, а не на исключительныя лица. Пока мы этого не устроимъ, мы не выполнимъ дѣтскаго вопроса.

О выполненіи этихъ требованій мы скажемъ послѣ. Скажемъ также въ своемъ мѣстѣ и о слабыхъ сторонахъ молодаго поколѣнія, объ его недостаткахъ и увлеченіяхъ. Теперь же остановимся еще на одной сторонѣ вопроса, упустить изъ виду которой мы не имѣемъ права.

Все, что нами было говорено до сихъ поръ, касалось той роли, которую игралъ въ дѣтскомъ вопросѣ читатель.

Читатель былъ очевидно сбитъ съ толку, введенъ въ заблужденіе и поставленъ въ странное до крайности отношеніе къ собственнымъ дѣтямъ.

Но не въ одномъ заблужденіи частнаго читателя была сила, испортившая этотъ вопросъ, и мы были бы несправедливы, если-

бы принисали всю вину въ этомъ случаѣ увлеченію ложной точкой зрѣнія одного частнаго читателя. Мы чувствуемъ, что наше изложеніе было бы далеко не полно, еслибы мы не объяснили вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и тѣхъ средствъ, которыя были употребляемы до сихъ поръ для дѣйствія на воображеніе простаго читателя.

Если чье имя будетъ неразрывно связано съ судьбой нашего молодаго поколѣнія, то это—имя московскаго публициста Каткова: онъ игралъ такую видную роль во всемъ этомъ дѣтскомъ процессѣ, и игралъ ее такъ усердно, онъ столько хлопоталъ о томъ, чтобы образованіе было лишено реальныхъ основъ, столько хлопоталъ о батрачествѣ, какъ крестьянъ, такъ и юношества, что тѣ и другіе будутъ ему вѣкъ благодарны. Въ этихъ видахъ мы и считаемъ нужнымъ, на какомъ либо поучительномъ, живомъ примѣрѣ, узнать тѣ средства, на которыхъ основывался особенный успѣхъ его вліянія, по затемнѣнію сущности дѣтскаго вопроса.

Эти-то средства, которыя онъ считалъ нужными, пусскай укажетъ онъ намъ самъ. Примѣръ, который намъ попадается подъ руку, не касается прямо дѣтскаго вопроса, рѣчь въ немъ идетъ объ украйнофилахъ, но тѣмъ не менѣе онъ объясняетъ дѣло. Въ настоящую минуту, къ концу трехгодоваго бреда партіями, сталъ очевидно истощаться положительный матерьялъ, эксплуатируя который, шаловливая рука дергала до сихъ поръ нитками интриги.

Украйнофильство оказалось мечтой.

Прежніе сотрудники «Основы» видимо испарились, испарились до того, что даже московскіе публицисты не находили никакого повода толковать о нихъ. Петербургскій нигилизмъ,—о которомъ московскіе публицисты съумѣли выдумать за послѣднее время только одно, что онъ состоялъ въ связи съ продавцами фосфорныхъ спичекъ,—не представилъ ничего такого, что бы оправдывало эту послѣднюю глупость, выдуманную въ конецъ изолгавшейся Майей.

Чтоже касается «Ригаше-Цейтунгъ» и тому подобныхъ представителей остзейскаго краснорѣчія, то эти уже какъ-то вовсе не поддавались на то, чтобы изъ нихъ можно было слѣпить какого либо политическаго болвана, похожаго на украйнофильство, нигилизмъ, матерьялизмъ.

И вотъ московская Аспазія начинаетъ снова дергать за

старыя нитки и копаться въ словахъ прежнихъ украйнофиловъ, не завлечется ли еще чѣмъ либо здѣсь дикое воображеніе провинціаловъ, нельзя ли будетъ еще удержать ихъ на той же точкѣ зрѣнія политическаго препирательства. Прежніе украйнофилы напримѣръ пишутъ, что между малоруссами никогда не существовало не только никакого существеннаго племеннаго, но и филологическаго различія, а тѣмъ менѣе серьезнаго политическаго разъединенія и ненависти. Они указываютъ, что Малороссія не была покорена, а присоединилась добровольно къ Россіи, и прибавляютъ: «если и существовала какая нибудь вражда между великороссіянами и малороссіянами, то она была болѣе похожа на вражду двухъ сосѣднихъ селъ изъ-за особенностей говора, костюма и проч., вражду, выражающуюся насмѣшками одной стороны надъ другою: москаль смѣялся надъ чубомъ и красными чоботами хохла, хохолъ въ свою очередь не пропускалъ безъ замѣчаній лаптей и бороды москаля.»

Каковъ настоящій смыслъ подобныхъ выраженій, каковы ихъ тенденціи, этого читатель никакъ самъ собою не пойметъ. Ему объяснятъ этотъ смыслъ только заплечные публицисты, и для изолгавшихся публицистовъ все это послужитъ «доказательствомъ того, что петербургскіе украйнофилы не отказались отъ своихъ затѣй, и полагаютъ, что теперь наступила благопріятная минута начать прежнее дѣло, только съ другаго конца. Съ какого конца, объ этомъ, быть можетъ, придется поговорить въ послѣдствіи....»

Все это конечно было похоже на юродство иверскихъ вѣщателей, морочащихъ иверскую публику, но вотъ съ помощію такого-то юродства читатель морочился видѣніями политическихъ партій за все послѣднее время, съ помощью такихъ соображеній выросталъ болванъ украйнофильства, болванъ нигилизма. Съ помощью такихъ соображеній «Основа» превращалась въ органъ малороссійскаго жонда и въ одномъ карманѣ каждой стриженой барышни московскіе редакторы усматривали пучекъ прокламацій, въ другомъ разрывную гранату. А между тѣмъ за всѣмъ этимъ туманомъ инкриминацій все-таки какъ-то плохо прячется и торчитъ изъ-за пазухи пучокъ крѣпостникахъ розогъ, и выдаетъ головой всю интригу со всѣми ея нитками. Дѣло въ томъ, что въ вопросѣ политической агитаціи Аксакова все-таки сама не полагается на одну силу своего краснорѣчія,

на свои натуральныя чары, ей нужно подластиться къ чему либо болѣе сильному, ей нужна на прокатъ чужая рука, съ помощью которой она могла бы дѣйствовать. Она не занималась и не занимается тенденціями умершей «Основы», сами понятія неважны и неопасны, она не занимается нигилизмомъ какъ нигилизмомъ, самъ по себѣ онъ также неопасенъ.

«Не фантазія нѣсколькихъ литераторовъ могла казаться опасною, — такъ пишутъ «Московскія Вѣдомости». — Но мы видѣли источникъ и направленіе агитаціи, быть можетъ не сознаваемые даже главными участниками въ ней, и мы должны были всѣми нашими силами противодѣйствовать этой агитаціи, точно также какъ должны были прежде противодѣйствовать нигилизму, который невѣдомо для самихъ героевъ своихъ творился закулисными дѣятелями въ литературѣ, въ учащейся молодежи, въ разныхъ слояхъ общества,— противодѣйствовать агитаціи по вопросу польскому, по вопросу о реформѣ учебныхъ заведеній, о поджогахъ и т. п., которыхъ усерднымъ органомъ по преимуществу былъ «Голосъ», получавшій казенныя субсидіи».

Аспазія, видите ли, усматривала «серьезную опасность въ поддержкѣ, которую эти мнѣнія и дѣйствія находили въ административныхъ сферахъ».—Вотъ къ чему она ластилась. Административныя сферы, видите ли, сами себя не видѣли, ихъ видѣла Аспазія, она приняла на себя ихъ служеніе и заслонила ихъ своей грудью, и если она возставала противъ субсидій, получаемыхъ «Голосомъ», то это потому только, что честь и дѣло администраціи роняились газетой, которая въ одно и тоже время была оффиціозной и потворствовала нигилизму. Если она воевала противъ реальнаго образованія, то это потому только, что вводя его въ школы, администрація потворствовала развитію въ нихъ нигилизма, которому они безъ того служили разсадникомъ. Если она совѣтовала той же администраціи посадить работниковъ вмѣсто надѣловъ на сытые хозяйскіе харчи и выгнать ихъ изъ земскихъ собраній, то и тутъ она имѣла въ виду только честь и пользу администраціи.

Тутъ-то вотъ выступалъ съ полной наглядностью конецъ, плохо прячущійся за интересы администраціи, крѣпостной палки, заключавшей въ себѣ всеобаятельное волшебство—секретъ всего обаятельнаго вліянія на провинціальное воображеніе и весь секретъ успѣха московской прессы и въ борьбѣ съ

украйнофилами, и съ нигилизмомъ, и весь секретъ ея популярности.

Въ томъ-то и дѣло, что рядомъ съ откровеннымъ заявленіемъ своихъ крѣпостническихъ тенденцій, московская Майя заявила въ то же время столь же категорически претензію на руководство административныхъ сферъ своими попечительными совѣтами и на очарованіе администраціи своей навязчивой услужливостью, и доходила до такого безцеремоннаго контроля съ своей точки зрѣнія и навязыванія своихъ мнѣній нѣкоторымъ частямъ оффиціальной іерархіи, что при невозможности для прочихъ частныхъ органовъ контролировать печатно въ той же степени дѣйствія оффиціальныхъ лицъ, монополія въ этомъ отношеніи одного органа, который въ то же время величалъ себя частнымъ, представлялась весьма серьезной шалостью.

Мы вотъ также не обращали бы никакого вниманія на всѣ эти шалости московской литературной Аспазіи, на всю эту фантасмагорію партій, на все это политическое резонерство, похожее само по себѣ на фарсъ; мы не обратили бы никакого вниманія на все это противопоставленіе украйнофиловъ руссофиламъ, нигилистовъ благонамѣреннымъ, на все это травленіе дѣтей противъ отцовъ и обратно. Дѣло не въ выходкахъ и инкриминаціяхъ нѣсколькихъ литературщиковъ.

Дѣло просто въ томъ, что намъ кажется въ свою очередь, что пропаганда подобная той, какую вели московскіе публицисты, гораздо рѣшительнѣе всякаго украйнофильства и нигилизма можетъ дѣйствовать не на одни частныя сферы; и мы находимъ несообразнымъ и вреднымъ, чтобы газета частная, какою называли себя «Московскія Вѣдомости», въ одно и то же время пропагандировала извращеніе въ крѣпостную сторону и положеній 19 февраля, и положеній о земскихъ учрежденіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прикидывалась заступницей администраціи, отказывающейся отъ крѣпостныхъ началъ.

Повторяемъ, мы видѣли мало связи между администраціей, отказавшейся отъ крѣпостныхъ началъ, и блюстительствомъ интересовъ той же администраціи со стороны газеты, всѣ тенденціи которой чисто крѣпостническія.

Если «Голосъ», получая субсидіи, дискредитировалъ администрацію, по мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей», потворствуя, необъясненнымъ «Московскими Вѣдомостями» образомъ, нигилистическому резонерству, то «Московскія Вѣдомости», будучи

газетой вполнѣ крѣпостнической, еще болѣе дискредитировали ту же администрацію, принимая на себя роль ея заступницы и въ то же время стараясь направить административные взгляды на точку зрѣнія политическаго террора, который была самой удобной для того, чтобы вызвать реакцію въ административныхъ дѣйствіяхъ и въ крестьянскомъ дѣлѣ, и въ остальныхъ, и вслѣдствіе которой и былъ поставленъ на сцену процессъ противъ молодаго поколѣнія.

Мы же принимаемъ на себя роли ни опекуновъ, ни поучителей администраціи, которой намъ никто не давалъ; послѣдняя должна лучше насъ знать, что подходитъ къ ея цѣлямъ. Мы не принимаемъ на себя навязывать нашихъ взглядовъ исполнителямъ административныхъ распоряженій. Для этого у администраціи есть свои органы. Но мы прямо находимъ ненормальнымъ и соблазнительнымъ, чтобы такая роль была предоставляема въ монополію какому либо частному органу, ибо въ такомъ случаѣ вліяніе этого органа становится слишкомъ рѣшительно и оффиціально. Въ этихъ-то видахъ мы также имѣемъ право обращать вниманіе на пропаганду воззрѣній, который могутъ оставаться безъ особыхъ послѣдствій, пока они вращаются въ сферѣ частныхъ лицъ, но становятся гораздо серьезнѣе, когда распространяются на лицъ, имѣющихъ прямое оффиціальное вліяніе на дѣло, какъ бы ни была мелка сфера ихъ оффиціальнаго вліянія. И чѣмъ мельче эта сфера, тѣмъ страшнѣе кажется и самое вліяніе потому уже, что здѣсь это вліяніе всего доступнѣе и легче для всякаго извращенія истины, легче съ двухъ сторонъ: во первыхъ, мелкое чиновничество находится въ большей зависимости въ своей дѣятельности отъ окружающей ихъ среды, во вторыхъ, его дѣйствія неуловимы для контроля.

И если украйнофильство казалось серьезнымъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» потому только, что въ народныхъ школахъ распространялось обученіе малорусскому языку, то какимъ должно казаться намъ проникновеніе въ упомянутыя сферы всей этой выдумки партій, для ловленія въ мутной обстановкѣ остатковъ крѣпостнаго произвола и дѣтскаго хлѣба?

Прежде всего, въ какое положеніе ставится мелкая администрація, обязанная вводить реформы, разсчитанныя на уничтоженіе крѣпостничества, оффиціозной ролью, которую принимаетъ на себя газета вполнѣ крѣпостническая? Способствуетъ

ли это въ поддержкѣ реформы и ея цѣлей? Соотвѣтствуетъ ли достоинству правительства, отвѣчающаго за эти реформы, открытое бравеерство буквой закона, которому поучаетъ крѣпостническій органъ съ одной стороны, съ другой прикрываясь его симпатіями и напрашиваясь къ нему съ своими услугами? Администрація, уничтожающая крѣпостничество, не можетъ имѣть ни одного пункта соприкосновенія съ органомъ въ корнѣ крѣпостническимъ. Разобщеніе тутъ слишкомъ очевидно глубоко для того, чтобы могъ быть допущенъ какой либо компромиссъ, подъ условіемъ котораго она могла бы принять какія либо услуги, какую либо помощь, не заплативъ за нее втридорога, не уступивъ противнымъ ей тенденціямъ въ существѣ дѣла, не становясь въ противорѣчіе сама съ собою, не поставивъ въ недоразумѣніе и своихъ болѣе мелкихъ исполнителей, и все общество?

Но это не самое главное: полуоффиціозное положеніе, въ которое самозванно ставитъ себя органъ, очевидно чуждый всему, что ждало общество лучшаго отъ администраціи, могло имѣть извѣстное угнетающее вліяніе на дѣятельность извѣстныхъ слоевъ администраціи, но и только. Несравненно хуже и серьезнѣе тѣ мотивы, во имя которыхъ совершалось это вліяніе, которые подсказывала московская газета для оправданія своего вліянія не на одни частныя мнѣнія, и которые она форсированно ставила на видъ и хотѣла ввести въ программу оффиціальнаго руководства.

Это мотивы той борьбы партій, которую московскія газеты старались возвести на степень дѣйствительнаго факта; это усиліе навязать самимъ административнымъ слоямъ московское возарѣніе на украйнофильство и нигилизмъ, какъ на явленія политическія, на которыя слѣдуетъ смотрѣть и противъ которыхъ слѣдуетъ дѣйствовать политическими способами.

Спасеніе крѣпостничества въ его корнѣ, въ возрѣніяхъ молодаго поколѣнія, въ самыхъ школахъ конечно казалось московской газетѣ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе сама администрація школъ будетъ проникнута возрѣніемъ на приходскихъ учениковъ, какъ на политическую партію. Горобецъ долженъ былъ составить политическую грозу не только крѣпостничества вообще, но и всего соціальнаго порядка; грозу для самой училищной администраціи, которая, если не находила въ своихъ школахъ достаточнаго количества Горобцовъ для того, чтобы при-

нять ихъ за политическую партію, то была предупреждаема въ этихъ находкахъ заплечными публицистами и предаваема публично инкриминаціи. Терроризація общества присутствіемъ партій, терроризація чиновниковъ и исполнителей публичными доносами въ потворствѣ нигилизму, одѣтому для вящшаго эффекта въ конфедератку польскаго возстанія, съ краснымъ пѣтухомъ въ рукахъ, — и все это для спасенія розогъ въ селахъ, розогъ въ школахъ, розогъ въ семьяхъ и развитія раздраженія между лицами, болѣе всего близкими другъ другу!

Обыски въ учебникахъ, навязываніе классицизма училищной администраціи, подъ страхомъ инкриминаціи въ сочувствіи польскому возстанію, и отождествленіе реальныхъ знаній съ бунтомъ,—словомъ, насильственное врывательство въ административную сферу тѣмъ или другимъ способомъ! Спрашивается: принадлежитъ ли все это къ числу такихъ явленій, которыя бы не были очевидно возмутительны? Всякій долженъ сознавать, что одна возможность противодѣйствія оттѣняетъ уже совершенно иначе и отношенія администраціи къ такому органу, какъ «Московскія Вѣдомости», въ глазахъ публики, и вмѣстѣ съ тѣмъ избавляетъ низшихъ исполнителей отъ двойственной зависимости и двойственнаго соображенія своихъ дѣйствій съ одной стороны съ тѣмъ, что скажетъ непосредственная власть, съ другой —съ тѣмъ, что скажутъ «Московскія Вѣдомости».

И вотъ, становясь на точку зрѣнія такого-то права, необходимаго литературѣ, мы съ сердечнымъ сокрушеніемъ должны сказать, что вся трехъ-годичная дѣятельность московскихъ шалуновъ состояла лишь въ томъ, чтобы останавливать на полдорогѣ — не только общественное, но по возможности и административное сознаніе, отъ пониманія насущныхъ текущихъ явленій, и въ тщательномъ отыскиваніи предлоговъ для терроризаціи одной части общества другою, и для терроризаціи исполнителей. Да и какъ не глядѣть въ два глаза этимъ исполнителямъ, если эта терроризація не ограничивается одними мелкими исполнителями. Если та же Майя травитъ своими доносами и поклепами чиновничью мелочь за урядъ съ нигилистами и сепаратистами всякаго рода, то забираясь въ барскій покой, тономъ стараго лакея, конечно—которому прощается грубость, потому что она прикрывается въ настоящемъ случаѣ избыткомъ мнимой преданности и мнимыхъ старыхъ за-

слугъ,—но все-таки привилегированнымъ тономъ она державетъ тревожить вмѣстѣ съ тѣмъ самыя центральныя распоряженія.

Нужно сказать, что эти забѣганія въ высшія сферы оффиціальнаго лагеря имѣли до сихъ поръ нѣчто особенно пряное и раздражающее для своего круга читателей. Они производили и производятъ, если сказать правду, нисколько не меньшій азартъ въ извѣстномъ кругу, чѣмъ азартъ, производившійся запрещенными листками между Горобцами-нигилистами. Да, читатель, и особенно московскій читатель, я къ тебѣ обращаюсь спеціально, не думай теперь, что Горобцы случались только въ молодомъ поколѣніи, принявшемъ свое крещеніе отъ Базарова.

То-то и особенно грустно, что такихъ же Горобцовъ оказалось гораздо болѣе въ старомъ; они-то, посѣдѣвшіе Горобцы, носились и носятся съ этими московскими протестаціями противъ оффиціальныхъ циркуляровъ точно съ подметными листками. Пряча въ карманъ катковскія грубости петербургскимъ управленіямъ, какъ запрещенный плодъ, они засасывались въ эти строчки, начертанныя рукой, «мокающей перо въ разумъ», и ихъ лысыя головы восхищались въ это время лысой мыслью о томъ, что они составляютъ силу и партію, которая можетъ постоять за себя передъ кѣмъ угодно, и вести рѣчь съ кѣмъ угодно на равныхъ и даже высшихъ правахъ. О патріотизмѣ ли они думаютъ въ эти минуты, это другой вопросъ; но во всякомъ случаѣ все это пріятно щекочетъ барское самолюбіе, оно даетъ пищу тому, что называется своего рода разговоромъ съ перспективами, и жалко то только, что въ концѣ всѣхъ перспективъ ничего нѣтъ въ виду, кромѣ крѣпостничества, сооружающагося въ партію несравненно болѣе категорическую и положительную, какъ показали обстоятельства, чѣмъ всѣ нигилизмы, сепаратизмы и прочее взятое вмѣстѣ. Партія эта до того внушительна, что мы не видѣли до сей поры протеста противъ солидарности съ нею со стороны какой либо части нашего землевладѣнія, хотя протестовать противъ такой солидарности было обязательно для большинства землевладѣльцевъ, ибо общественное мнѣніе замыкало въ эту партію всѣхъ, чей интересъ вязался только съ интересомъ русскаго землевладѣльца; а мы не хотимъ допустить мысли, чтобы наше землевладѣніе было, вообще говоря, въ массѣ, катковскаго толка. Повторяемъ, мы не хотимъ относить нашихъ словъ къ массѣ нашего землевладѣнія, а только къ тѣмъ посѣдѣвшимъ Гороб-

цамъ, которые носились послѣдніе три года сряду съ катковскими прокламаціями и перспективами своей барской партіи точно также, какъ акцизные чиновники и провинціальные офицеры и барышни съ «Русскимъ Словомъ».

За нѣсколько лѣтъ рьяной дѣятельности, г. Катковъ до того вошелъ въ роль администратора въ администраціи, что ему кажется наконецъ не нормальнымъ, если его бредни, за которыми въ сущности ничего не кроется, кромѣ крѣпостничества, встрѣчаютъ какое либо сомнѣніе въ оффиціальномъ мірѣ. Майя оскорбляется, когда ея навязчивая услужливость надоѣдаетъ донельзя и ей циркулярно отвѣчаютъ «*будетъ*».—Въ этихъ-то случаяхъ она спѣшитъ пobудировать это «будетъ» и поломаться надъ оффиціальнымъ распоряженіемъ, и это даетъ ей возможность придать новую возбуждающую на иной вкусъ свѣжесть давно пережеванному вздору, которымъ она душитъ своихъ читателей.

Такимъ-то вотъ образомъ мы сидимъ съ ней до сихъ поръ на рижскомъ сепаратизмѣ, и съ нимъ должны имѣть дѣло еще и въ настоящую минуту для того, чтобы привести хотя одинъ образчикъ ея литературнаго цивилизма въ борьбѣ болѣе крупной, чѣмъ съ уѣздными учителями и пр.

Циркуляромъ, по дѣламъ печати, 14 декабря, литературѣ, надоѣвшей въ конецъ рижскимъ сепаратизмомъ, было сказано: «будетъ».

1-го марта этотъ сепаратизмъ появился снова на сцену и вотъ въ какомъ приблизительно видѣ.

«Мы имѣемъ на этотъ разъ дѣло, пишутъ «Московскія Вѣдомости», съ любопытнымъ документомъ, обнародованнымъ въ № 40 «Сѣверной Почты»: это — представленіе цензора «Рижской Газеты» г. начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати, и краткое изложеніе отвѣта, вызваннаго этимъ представленіемъ.

«Эта оффиціальная переписка, которую сочла полезнымъ обнародовать «Сѣверная Почта», есть прежде всего тяжкій обвинительный актъ, направленный противъ всей русской печати безразлично, противъ всѣхъ ея органовъ, которые высказывались по вопросамъ прибалтійскаго края или которые только печатали историческіе документы о дѣлахъ этого края, слѣдовательно и противъ «Московскихъ Вѣдомостей», коимъ принадлежала не малая доля въ обсужденіи вопросовъ этого рода.

Свойства этого обвинительнаго акта очень затрудняютъ дѣло защиты. Обыкновенные обвинительные акты, прежде всего, въ точности обозначаютъ лица, противъ которыхъ направлено обвиненіе, и если въ дѣлѣ участвовало много лицъ, то стараются опредѣлить мѣру участія каждаго изъ нихъ».

Ну, а вы, г. Катковъ, обозначили въ своихъ обвинительныхъ актахъ въ точности тѣхъ лицъ, которыхъ обвинили въ поджогѣ петербургской толкучки? Опредѣлили ли вы мѣру участія каждаго изъ нихъ, или вообще говорили о петербургскихъ нигилистахъ? Вы не говорили вообще о нѣкоторыхъ петербургскихъ изданіяхъ, преслѣдующихъ разрушительныя цѣли, и прочее?

«Далѣе, обыкновенные обвинительные акты основываютъ каждый пунктъ обвиненія на томъ или другомъ фактѣ, на томъ или другомъ показаніи, ссылаясь прямо на нихъ; напротивъ, въ обвиненіяхъ, обнародованныхъ «Сѣверною Почтой», нѣтъ и помина ни о какихъ подобныхъ указаніяхъ и ссылкахъ, а говорится просто, голословно и бездоказательно, что русская печать, или иногда, что нѣкоторыя столичныя газеты основывали свои нападки на лживыхъ корреспонденціяхъ, увлекались въ этихъ нападкахъ однимъ разсчетомъ на эффектъ, доходили въ нихъ до рѣзкости и запальчивости».

Такъ, г. Катковъ, вы опять таки никогда не предавались голословнымъ обвиненіямъ? Вы всегда опирали ваши обвиненія на положительные факты? Я рѣшительно не понимаю вмѣстѣ съ вами, о какихъ это изданіяхъ говоритъ «Сѣверная Почта», что они основывали свои нападки на лживыхъ корреспонденціяхъ, увлекаясь при этомъ разсчетомъ на эффектъ?...

«Но мы пойдемъ дальше, продолжаютъ «Московскія Вѣдомости», и гдѣ только можно понять смыслъ обвиненія, будемъ приводить и доказательства въ подкрѣпленіе нашихъ опроверженій. Такимъ образомъ, говоря отъ имени «Московскихъ Вѣдомостей», мы объявляемъ прямо и положительно, что въ обвиненіяхъ г. рижскаго цензора нѣтъ ни слова правды, по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ нашей газетѣ».

Ни единаго, конечно; поэтому-то мы и оставимъ въ сторонѣ все ваше резонерство, собственно относящееся къ рижскому сепаратизму, до котораго намъ нѣтъ никакого дѣла; а ограничимся лишь слѣдующей еще выпиской, которой увѣнчивает-

ея вся воркотня противъ министерства, мѣшающаго распространяться о рижскомъ сепаратизмѣ.

«Главное управленіе по дѣламъ печати, какъ мы узнаемъ изъ той же статьи «Сѣверной Почты», не сочло за нужное ни отмѣнить своего циркуляра отъ 14-го декабря, ни ходатайствовать о поставленіи Риги, Ревеля и Дерпта, въ отношеніи къ дѣламъ печати, на равную ногу съ двумя столицами Россіи; но въ своемъ отвѣтѣ оно сочло за должное укорить русскую литературу въ недостаткѣ безпристрастнаго взгляда на дѣло, и указать, какъ на признакъ этого недостатка, на «изложеніе «свѣдѣній за прежнее время, при молчаніи о томъ, на сколько «эти свѣдѣнія не соотвѣтствуютъ нынѣшнему положенію тѣхъ «мѣстностей и тѣхъ вопросовъ, до которыхъ они относятся». Если главное управленіе поставляетъ въ вину русской литературѣ печатаніе документовъ и свѣдѣній за прежнее время безъ указаній на то, что они уже не соотвѣтствуютъ нынѣшнему положенію дѣлъ, то мы позволимъ себѣ только спросить, какимъ образомъ «Сѣверная Почта», газета министерства внутреннихъ дѣлъ, рѣшилась напечатать оффиціальный документъ текущаго времени, отзывы котораго о русской литературѣ такъ положительно не соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію ея въ вопросахъ прибалтійскаго края, а между тѣмъ появляясь въ оффиціальной газетѣ, отъ имени оффиціальнаго лица, и безъ сомнѣнія, по желанію правительственнаго вѣдомства, къ которому этотъ документъ былъ адресованъ, тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ какъ бы характеръ господствующихъ въ русскомъ правительствѣ воззрѣній? Зачѣмъ понадобилось обнародованіе этого страннаго, исполненнаго внутреннихъ противорѣчій, документа? Неужели для того, чтобъ осыпать укорами всю русскую періодическую печать безразлично и тѣмъ пріободрить партію анти-русскихъ патріотовъ въ прибалтійскомъ краѣ, или же для того, чтобы путемъ оффиціальнаго документа засвидѣтельствовать, что остзейскій край можетъ стать на путь сепаратизма изъ-за того только, что онъ не приравненъ по отношенію къ дѣламъ печати къ двумъ столицамъ и не пользуется никакими въ этомъ отношеніи привилегіями сравнительно со всѣми прочими областями Россіи?»

Видите ли, дѣло приходитъ къ тому, что уже не «Ригаше-Цейтунгъ», не рижскій цензоръ, не шайка нигилистовъ, а

«Сѣверная Почта», министерство внутреннихъ дѣлъ инкриминируются въ кумовствѣ съ сепаратизмомъ!

Все это по меньшей мѣрѣ очень смѣло, но откуда это столько у васъ храбрости, г. Катковъ? Вотъ что вы намъ объясните. Разсудите передъ нами, долженъ ли феодализмъ или крѣпостничество пользоваться какими либо привилегіями относительно литературной храбрости, когда его гражданскія привилегія считаются уничтоженными? Скажите на милость, не отражается ли вредно и соблазнительно такая исключительная храбрость на общемъ строѣ дѣлъ; употребляя ваши выраженія, не скомпрометируетъ ли она отчасти власть, которая представляется какъ бы покровительствующей одной рукой тому, отъ чего отказывается другой?... Вы жалуетесь на голословныя обвиненія, но сами вы не изолгались ли въ конецъ и не обратились ли въ *пословицу*?...

Но на все это мы не обращали бы, повторяемъ, опять таки никакого вниманія, если бы и эта исключительная храбрость въ рѣчахъ и разговорахъ съ оффиціальными циркулярами не придавала лишняго успѣха и лишняго авторитета лжи, распускаемой ради тенденцій, въ которыхъ нѣтъ, какъ я показалъ выше, не только пользы, но просто смысла, которыя не нужны ни Россіи, ни крестьянамъ, ни дворянству, ни отцамъ, ни дѣтямъ, а только кулакамъ-промышленникамъ.

Но вотъ съ помощью такой-то терроризаціи однихъ и увлеченія другихъ пряными перспективами, намекающими посѣдѣлымъ Горобцамъ на возможность образовать изъ себя дѣятельную партію, извѣстная доля читателей становились въ ложное отношеніе и къ крестьянскому, и къ дѣтскому вопросу, и занималась волей или неволей созиданіемъ своего рода партіи, совершенно параллельной Горобцамъ-нигилистамъ,—партіи, которая думала, какъ мы видѣли, утвердить начало барства, но въ сущности готовила и себѣ, и дѣтямъ, и народу одно батрачество.

Она вступила въ свою роль доносомъ на молодое поколѣніе въ петербургскихъ пожарахъ, и это было столь удачно, что она продолжала этотъ способъ дѣйствія, разсчитывая, что пока будетъ возможно играть на всякаго рода страхахъ, ее не перестанутъ поддерживать, какъ противоядіе. Для нея клевета на молодое поколѣніе обратилась поэтому въ индустрію, и на это пора, я думаю, обратить кой-какое вниманіе.

Мы не хотимъ и совершенно вправѣ не хотѣть, чтобы партія, совершенно нелѣпая и вредная по своимъ основаніямъ, развивалась среди насъ на счетъ народа, дѣтей и интересовъ самихъ землевладѣльцевъ. Мы не хотимъ базаровскаго нигилизма, но не хотимъ и барскаго нигилизма, который можетъ съ нимъ во всемъ спорить и всѣ принципы котораго начинаются и кончаются тунеядствомъ. Тѣмъ менѣе хотимъ конечно, чтобы судьба молодаго поколѣнія просто на просто эксплуатировалась и послѣднее открывалось всевозможнымъ преслѣдованіямъ для того только, чтобы служить подножкой застарѣлому тунеядству, съ помощію которой оно могло бы забавляться подъ этотъ шумъ своей пропагандой.

Съ этой-то стороны мы прежде всего считали бы важнымъ для благополучія нашего юношества серьезное вниманіе къ нашей точкѣ зрѣнія на вопросъ. Пусть поймутъ, что желая этого вниманія, мы ничего не имѣемъ въ виду, кромѣ устраненія вреднѣйшаго изъ предубѣжденій, мѣшающаго совершить все благое, что можно было бы сдѣлать и для страны, и для молодаго поколѣнія—кромѣ искренняго стремленія вернуть отцовъ къ дѣтямъ. Пусть поймутъ, что все, что было прискорбнаго въ этомъ увлеченіи несчастнаго читателя московской точкой зрѣнія, не уничтожило самихъ вопросовъ, а только отдалило ихъ рѣшеніе. Самые же вопросы становятся насущнѣе, чѣмъ когда либо.

Ю. Ж.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЖУРНАЛИСТИКА.

ФЕВРАЛЬ, 1866.

ЧТО ТАКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ?—ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НОВОМЪ РОМАНѢ Г. Ѳ. ДОСТОЕВСКАГО.—«ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ» № 3 И 4.—«НАТУРЩИЦА», ПОВѢСТЬ Г. АХШАРУМОВА.—«МОСКОВСКІЯ УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ» №№ 1—6. — «О СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ», ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ ПРОФЕССОРА БУСЛАЕВА. — ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ, ДОЦЕНТА ГЕРЬЕ. — «РУССКІЙ АРХИВЪ», № 1 И 2. — ГРАФЪ Е. Ф. КАНКРИНЪ.—ЛАГАРПЪ, ВОСПИТАТЕЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-ГО.

Въ двухъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» за мѣсяцъ февраль помѣщена повѣсть г. Ахшарумова: *Натурщица*. Повѣсть эта по смѣлости замысла нисколько не уступаетъ новому роману Достоевскаго, а по художественности даже далеко превосходитъ его. Поэтому, мы, давъ мѣсто въ нашемъ обозрѣніи роману г. Достоевскаго, обидѣли бы г. Ахшарумова, еслибы не дали мѣста и его новому произведенію по крайней мѣрѣ столько же, сколько дали роману г. Достоевскаго.

Но прежде, чѣмъ начнемъ рѣчь о новомъ произведеніи г. Ахшарумова, мы должны войти въ нѣкоторыя предварительныя объясненія съ нашимъ читателемъ о художественности вообще.

Едва ли можно указать какой нибудь другой предметъ, о которомъ существовали бы такія сбивчивыя и неопредѣленныя представленія и въ обществѣ и въ наукѣ, какъ художественность во всѣхъ ея проявленіяхъ, а художественность въ поэзіи по преимуществу. У насъ относительно этого предмета царствуетъ почти непроглядный мракъ. На каждомъ шагу вы встрѣчаете діаметрально-противоположные отзывы о такихъ произведеніяхъ, во взглядѣ на которыя, по видимому, трудно было бы разойтись двумъ человѣкамъ, сколько нибудь образованнымъ. И это повторяется не только въ обыкновенныхъ разговорахъ, но и въ печатныхъ критикахъ. Одинъ говоритъ: «превосходно; лучше желать нельзя!» Другой говоритъ: «никуда негодно; гаже ничего нельзя представить!» Я сказалъ о но-

номъ романѣ г. Достоевскаго, что подобное произведеніе можно было написать только въ ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей. Критикъ одной газеты расхвалилъ напротивъ это произведеніе до небесъ; такого, по его мнѣнію, высоко-художественнаго произведенія давно уже не бывало въ русской литературѣ. Я говорю теперь, что «Натурщица» г. Ахшарумова нисколько не ниже, а напротивъ выше романа г. Достоевскаго. Вѣроятно тотъ же самый критикъ, который расхвалилъ романъ г. Достоевскаго, найдетъ теперь мое мнѣніе просто невѣжественнымъ и только пожалѣетъ обо мнѣ.

При подобномъ хаосѣ художественныхъ воззрѣній, существующемъ въ нашемъ обществѣ и въ литературѣ, мнѣ необходимо выяснить ту мѣрку, которою я буду мѣрять художественныя произведенія. Я не хочу играть передъ моимъ читателемъ роль фельетоннаго критика, слова котораго онъ въ одно ухо впускаетъ, а въ другое выпускаетъ. Напротивъ, я хочу вполнѣ владѣть моимъ читателемъ. Я хочу не только того, чтобы читатель принималъ мои слова за *что-то*, чтобы онъ вѣрилъ мнѣ, но чтобы онъ думалъ вмѣстѣ со мною и былъ вполнѣ моимъ союзникомъ.

И такъ, какою же мѣркою будемъ мы мѣрять художественныя произведенія нашей литературы? Какой будемъ держаться теоріи?

Въ мірѣ *прекрасное* существуетъ со времени появленія самого міра. Оно привлекало къ себѣ людей сильнѣе всего, на всѣхъ ступеняхъ ихъ цивилизаціи, — и попытокъ объяснить его, подвести подъ твердые, опредѣленные законы было безчисленное множество. Однакожъ всѣ строго научныя теоріи прекраснаго рѣдко переживали жизнь своихъ авторовъ. Даже теорія Гегеля, казавшаяся такою несокрушимою и назадъ тому двадцать лѣтъ царствовавшая почти безраздѣльно надъ всею Европою, теперь обратилась въ пухъ и прахъ. И въ дѣлѣ искусства, равно какъ и поэзіи единственнымъ надежнымъ руководствомъ остается прожившая тысячелѣтія теорія здраваго смысла, т. е. та теорія, которая, изучая образцы великихъ художниковъ и поэтовъ прошедшаго, дѣлаетъ извѣстными сдѣланныя ею наблюденія и замѣтки, какъ несомнѣнныя и болѣе или менѣе общія данныя въ развитіи искусства. Теоретики-эмпирики сохранили свой авторитетъ въ искусствѣ въ продолженіи тысячелѣтій, какъ напримѣръ Аристотель; изъ теоретиковъ-систематиковъ, умозрителей не было ни одного, который продержался бы и сто лѣтъ.

Гервинусъ въ предисловіи къ своей исторіи нѣмецкой литературы говоритъ, что онъ не можетъ указать ни одной теоріи эстетики, которая могла бы объяснить тѣ эстетическія воззрѣнія, которымъ онъ слѣдовалъ въ своей исторіи при оцѣнкѣ различныхъ произведеній, а

можетъ указать только на разбросанныя источники, которыми онъ пользовался, именно на Аристотеля, Лессинга, Гёте, Шиллера.

Итакъ, вотъ тѣ неизмѣнные авторитеты въ дѣлѣ искусства, сужденія которыхъ остаются постоянно цѣнными. Въ наше время мы можемъ присоединить къ нимъ еще Прудона. Читатель конечно знакомъ уже съ вышедшимъ въ прошедшемъ году и прекрасно сдѣланнымъ у насъ переводомъ сочиненія Прудона: *объ Искусствѣ*. Поэтому мы будемъ говорить объ этой книгѣ, какъ о вещи вамъ извѣстной.

Сочиненіе Прудона замѣчательно тѣмъ, между прочимъ, что Прудонъ разсматриваетъ искусство не какъ спеціалистъ въ дѣлѣ искусства, не какъ записной ученый, дѣлающій изслѣдованіе объ искусствѣ на основаніи развитія его у разныхъ народовъ, а какъ человѣкъ, совершенно незнакомый съ искусствомъ, высказывающій объ немъ тѣ или другія замѣчанія и соображенія единственно по собственному впечатлѣнію и наблюденію. И не смотря на это, Прудонъ, не читавшій никогда, какъ онъ самъ говоритъ, Лессинга, приходитъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ и заключеніямъ относительно искусства, къ которымъ приходитъ и Лессингъ. Разница только въ томъ, что Лессингъ владѣетъ громадною ученостію и взглядъ его въ частныхъ случаяхъ, напримѣръ, при оцѣнкѣ греческаго искусства, гораздо глубже и основательнѣе, чѣмъ у Прудона.

Имѣя въ виду оба эти авторитета, мы будемъ однакожъ въ нашемъ обозрѣніи знакомить читателя по преимуществу съ Лессингомъ, во первыхъ, потому, что Прудонъ свои общія соображенія объ искусствѣ разсматриваетъ почти исключительно только въ примѣненіи къ французской живописи, а Лессингъ, критикъ, главнымъ образомъ литературный; во вторыхъ, потому, что авторитетъ Прудона, какъ человѣка, не обладавшаго ученостію и по всей вѣроятности незнакомаго даже съ воззрѣніями на искусство г. Буслаева, можетъ подвергаться сомнѣнію разными учеными профессорами. Авторитетъ же Лессинга въ этомъ отношеніи твердъ и безукоризненъ. Лессинга признаетъ вся ученая Германія. Онъ никогда не терялъ такъ своего значенія, онъ сохранялъ его даже во время господства теорій Шеллинга и Гегеля; теперь, съ паденіемъ послѣднихъ, авторитетъ его сдѣлался еще цѣннѣе и растетъ съ каждымъ днемъ. Намъ въ настоящее время можно только пожалѣть, что наша бѣдная литература, въ разныя времена въ обиліи надѣлявшая себя эстетическими воззрѣніями изъ разныхъ ученыхъ лужъ Германіи и Франціи, ни разу не доходила до этого свѣтлаго источника, на которомъ воспитывались, и досель продолжаютъ воспитываться всѣ лучшіе поэты Германіи.

Сдѣлавъ необходимыя предварительныя замѣчанія, мы можемъ обратиться теперь къ самому дѣлу.

Искусство, по воззрѣнію Лессинга, есть ничто иное, какъ подражаніе природѣ, т. е. дѣйствительности, или, точнѣе сказать, ея воспроизведеніе, изображеніе.

Но для чего, спрашивается, нужно воспроизводить дѣйствительность, когда всякій можетъ наслаждаться ею и безъ помощи искусства?

Вотъ что отвѣчаетъ на это Лессингъ:

«Въ природѣ (дѣйствительности) все тѣсно связано одно съ другимъ; все перекрещивается одно другимъ, все смѣняется одно другимъ, все видоизмѣняется одно въ другое. По этому своему безконечному разнообразію природа есть зрѣлище только для безконечнаго духа. Чтобы духи ограниченные, конечные могли принимать участіе въ наслажденіи ею, они должны получить способность давать ей предѣлы, которыхъ она не имѣетъ; способность отвлекать, умственно выдѣлять для себя желаемое и останавливать свое вниманіе на томъ, на чемъ они захотятъ остановить его.

«Этою способностью мы пользуемся въ каждую минуту нашей жизни. Безъ нея жизнь для насъ была бы совершенно невозможна. Мы не могли бы ничего чувствовать именно по причинѣ безконечнаго разнообразія чувствованій; мы были бы постоянною игрушкою мимолетныхъ впечатлѣній; дѣйствительность была бы для насъ не болѣе, какъ непрерывнымъ рядомъ сновидѣній, причемъ мы не имѣли бы ни малѣйшаго понятія о томъ, что за сны мы видимъ.

«Назначеніе искусства именно въ томъ и состоитъ, чтобы освобождать насъ отъ работы выдѣленія для себя, отвлеченія извѣстныхъ предметовъ въ царствѣ прекраснаго, чтобы облегчить для насъ сосредоточеніе вниманія на извѣстныхъ предметахъ. Все, что мы въ нашихъ мысляхъ выдѣляемъ или желаемъ выдѣлить для себя изъ дѣйствительности относительно извѣстнаго предмета или связи извѣстныхъ предметовъ, въ пространствѣ ли то или во времени,—все это и выдѣляется для насъ искусствомъ,—и желаемый нами предметъ или цѣлая связь различныхъ предметовъ представляется передъ нами именно въ такой обработкѣ и такой связи, какія требуются для тѣхъ чувствъ, которыя возбуждаются въ насъ этими предметами».

Когда мы въ дѣйствительности встрѣчаемъ какое нибудь явленіе серьезное, поражающее насъ, а между тѣмъ рядомъ съ нимъ идетъ другое явленіе совершенно ничтожное, которое мѣшаетъ намъ сосредоточить вполнѣ наше вниманіе на явленіи насъ интересующемъ, что мы тогда дѣлаемъ? спрашиваетъ Лессингъ. Мы, говоритъ онъ, стараемся по возможности устранить отъ себя то разсѣяніе, которымъ угрожаетъ явленіе ничтожное, стараемся отвлечься отъ него.

Вотъ такую же именно, по его мнѣнію, оказываетъ намъ услугу

и искусство. Оно выдѣляетъ для насъ изъ дѣйствительности желаемые нами предметы въ той самой связи и порядкѣ, въ какомъ они желаются нами, т. е. въ какомъ производятъ въ насъ извѣстныя чувствованія.

Но вкусы и понятія людей въ каждомъ обществѣ стоятъ на безконечно различныхъ степеняхъ развитія. Если бы искусство стало воспроизводить изъ дѣйствительности все, что можетъ нравиться разнымъ неразвитымъ, незрѣлымъ, испорченнымъ вкусамъ и понятіямъ, то оно легко и быстро могло бы превратиться въ орудіе для развращенія людей. Поэтому самое важное во всякомъ художественномъ произведеніи, по мнѣнію Лессинга, цѣль этого произведенія.

«Дѣйствованіе съ цѣлію, говоритъ онъ,—составляетъ то высокое преимущество, которымъ человѣкъ отличается отъ низшихъ твореній; въ поэзіи творчествомъ съ цѣлію, изображеніемъ съ цѣлію и отличается геній отъ тѣхъ мелкихъ художниковъ, которые творятъ только для того, чтобы творить, изображаютъ только для того, чтобы изображать, которые, удовлетворяясь тѣмъ мелкимъ удовольствіемъ, какое получаютъ они изъ употребленія своихъ художественныхъ средствъ, эти именно самыя средства и дѣлаютъ единственною своею цѣлію въ искусствѣ и поэтому требуютъ, чтобы и мы удовлетворялись тѣмъ же самымъ ничтожнымъ удовольствіемъ, какимъ удовлетворяются и они, т. е. какое мы можемъ получить изъ художественнаго, но безцѣльнаго употребленія ими своихъ средствъ. Правда, подобными незначительными произведеніями начинаетъ и геній; но это его приготовительныя, ученическія работы; онъ не пренебрегаетъ художественными средствами и въ своихъ великихъ твореніяхъ для усиленія и сосредоточенія нашихъ горячихъ симпатій,—но свои дальнѣйшія и высшія цѣли — онъ основываетъ на построеніи и обработкѣ главныхъ характеровъ въ его произведеніяхъ. Цѣль, которую онъ имѣетъ при этомъ въ виду, состоитъ въ томъ, чтобы научить насъ, что мы должны дѣлать и чего избѣгать, чтобы познакомить насъ со всѣми характеристическими признаками добра и зла, истинно разумнаго и неразумнаго, чтобы показать намъ добро во всѣхъ его проявленіяхъ и во всѣхъ послѣдствіяхъ, прекраснымъ, счастливымъ даже въ самомъ несчастіи, и напротивъ того зло ненавистнымъ въ самомъ счастіи. При выборѣ сюжетовъ, которые не могутъ возбуждать собою ни нашихъ непосредственныхъ симпатій, ни непосредственнаго отвращенія, онъ по крайней мѣрѣ имѣетъ въ виду занимать наши нравственныя силы такими предметами, которые заслуживаютъ этого, и во всякомъ случаѣ давать этимъ предметамъ вѣрное освѣщеніе, такъ чтобы для насъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, чего бы мы могли желать и чего отвращаться».

И такъ, по воззрѣнію Лессинга, поэзія, какъ и всякое другое искусство, сама отъ себя не создаетъ ничего, — она выдѣляетъ только для насъ изъ дѣйствительности то, что намъ нравится, что намъ пріятно, вообще что дѣйствуетъ на наши чувства въ томъ или другомъ отношеніи. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что предметомъ поэтическихъ изображеній могутъ быть только тѣ явленія, которыя не только имѣютъ твердую и несомнѣнную основу въ дѣйствительности, но которыя предварительно подѣйствовали на насъ, привлекли наше вниманіе къ себѣ, стали по крайней мѣрѣ на столько ощутительны для насъ, что въ насъ явилась потребность выяснить ихъ для себя, понять ихъ смыслъ и значеніе. Исполненіе этого требованія повидимому не возможно относительно такихъ сюжетовъ, которые берутся поэтомъ изъ далекаго отъ насъ прошедшаго, а между тѣмъ въ сущности оно непремѣнно и исполняется здѣсь. Все, что берется поэтомъ изъ прошедшаго, берется непремѣнно въ разсчетѣ на наши современныя симпатіи и антипатіи и въ томъ или другомъ отношеніи непремѣнно разъясняетъ для насъ смыслъ настоящаго. Безъ этого ни одинъ сюжетъ изъ прошедшаго не привлечетъ къ себѣ ничьего вниманія. Потому-то отъ каждаго художественнаго произведенія требуется, чтобы оно давало намъ *типы*, т. е. изображало такія явленія, которыя имѣютъ не только достаточное число представителей для себя въ дѣйствительности и потому допускаютъ возможность типическаго построенія, но и на столько близки намъ въ своихъ индивидуумахъ, что мы не затруднимся увидѣть въ типахъ знакомые намъ черты послѣднихъ.

Изъ сказаннаго нами видно, какъ несовмѣстно съ понятіемъ истиннаго искусства изображеніе явленій одиночныхъ, исключительныхъ, никому не извѣстныхъ, тѣмъ болѣе измышленіе для поэтическаго изображенія явленій вовсе не существующихъ, такихъ, напримѣръ, какъ представляетъ собою студентъ Раскольниковъ въ новомъ романѣ г. Достоевскаго. Рецензентъ, расхваливающій этотъ романъ, становится чисто на психологическую точку зрѣнія. Онъ говоритъ, что интересъ романа сосредоточенъ на изображеніи той борьбы, которая происходитъ въ душѣ преступника передъ совершеніемъ убійства. Это совершенно неправда. Уничтожьте только тотъ оригинальный мотивъ убійства, въ силу котораго Раскольниковъ видитъ въ убійствѣ не гнусное преступленіе, а *поправленіе* и *направленіе* природы, нѣкоторымъ образомъ подвигъ, мало того: сдѣлайте такой взглядъ на убійство только личнымъ, индивидуальнымъ убѣжденіемъ одного Раскольникова, а не общимъ убѣжденіемъ цѣлой студенческой корпораціи, всякій интересъ въ романѣ г. Достоевскаго немедленно пропадетъ. Это ясно показываетъ, что основу романа т.

Достоевскаго составляетъ предположенное имъ или принятое за данный фактъ существующее въ студенческой корпораціи покушеніе на убійство съ грабежомъ, существующее въ качествѣ принципа. Отъ этого только и частный фактъ убійства, въ сущности обыкновеннаго, принимаетъ интересъ въ глазахъ читателя и дѣлается сюжетомъ годнымъ для романа.

Далѣе, по воззрѣнію Лессинга, художественныя средства въ поэзіи сами по себѣ не имѣютъ ровно никакого значенія. Онѣ могутъ быть блестящи, эффектны и восхищать самого поэта, но произведеніе останется все-таки ничтожнымъ, если оно безцѣльно, если оно не вноситъ свѣта и добра въ душу читателя. Мы видимъ, что даже относительно сюжетовъ безразличныхъ Лессингъ требуетъ, чтобы поэтъ ни на одну минуту не выпускалъ изъ виду нравственную сторону читателя. Невѣрное освѣщеніе предмета, ложная постановка, неопредѣленность взгляда, вообще все, что можетъ повести читателя къ ложнымъ выводамъ и соображеніямъ, — все это, по воззрѣнію Лессинга, грѣхи не терпимые въ истинно-художественномъ произведеніи. Какъ требователенъ былъ въ этомъ отношеніи Лессингъ, мы можемъ судить по слѣдующей исторіи. Когда вышелъ «Вертеръ» Гете, Лессингъ сильно былъ озабоченъ тѣмъ, что развязка этого увлекательнаго романа, въ которой молодой человѣкъ лишаетъ себя жизни изъ-за любви, произведетъ вредное впечатлѣніе на юношество, давъ ему совершенно превратное понятіе объ истинно-душевныхъ доблестяхъ. Вотъ что писалъ по этому случаю Лессингъ Эшенбургу:

«Чрезвычайно благодаренъ вамъ, любезный Эшенбургъ, за удовольствіе, которое доставили вы мнѣ, одолживъ романъ Гете. Возвращаю вамъ его днемъ раньше условленнаго срока, чтобы другіе могли поскорѣе насладиться этимъ удовольствіемъ.

«Но какъ вамъ кажется: чтобы не надѣлать больше вреда, нежели пользы, не должно ли бы было столь теплое произведеніе имѣть коротенькій эпилогъ? Нужно бы нѣсколько словъ о томъ, какъ развился въ Вертерѣ такой странный характеръ, какъ другой юноша съ подобными наклонностями можетъ уберечь себя отъ этого. Вѣдь онъ, пожалуй, можетъ поэтическую красоту принять за нравственную и вообразить, что если этотъ человѣкъ столь сильно возбуждаетъ наше участіе, то значитъ, что онъ былъ *хорошъ*. А онъ вовсе не былъ хорошъ. И если бы нашъ Іерузалемъ (въ Вертерѣ изображена судьба друга Лессинга, молодаго Іерузалема, сына извѣстнаго теолога) былъ совершенно въ такомъ душевномъ состояніи, то я... почти что презиралъ бы его. Скажите: греческій или римскій юноша лишилъ ли себя жизни *такъ* и *изъ-за такой причины*? Навѣрное, нѣтъ. О, они умѣли не поддаваться фантазерству въ любви, и во времена *Сократа*

на такую манію отъ любви, доводящую до лишенія себя жизни, простили бы развѣ какой нибудь дѣвочкѣ. Производить такихъ мелко-великихъ, презрѣнно-милыхъ оригиналовъ предоставлено только нашему новоевропейскому воспитанію, которое такъ отлично умѣетъ превращать физическую потребность въ душевное совершенство. И такъ, любезный Гёте, прибавьте въ концѣ еще маленькую главу, и чѣмъ циничнѣе, тѣмъ лучше».

Желая сколько нибудь противодѣйствовать роману Гёте, возводившему въ доблесть «презрѣнную слабость» души, Лессингъ издалъ сочиненія Іерузалема—сына, съ предисловіемъ, въ которомъ изображалъ покойника, какъ человѣка съ мужественнымъ характеромъ и свѣтлой головой. Этого мало. Лессингъ, въ противоположность Гётеву развращенному Вертеру, хотѣлъ написать другаго своего Вертера съ здоровой, мужественной точки зрѣнія!

Такъ серьезно и строго этотъ благородный человѣкъ смотрѣлъ на художественныя произведенія въ ихъ вліяніи на молодые умы.

Чтожъ мы видимъ въ нашей литературѣ?

Къ прискорбію мы должны сказать, что ни на что такъ мало доселѣ не обращается у насъ вниманія, какъ на то вліяніе, которое можетъ имѣть художественное произведеніе на читающую публику. Въ этомъ случаѣ мы должны впрочемъ строго разграничить поэтовъ натуральной школы и поэтовъ современнаго направленія.

Мы замѣтили уже въ прошедшемъ нашемъ обозрѣніи, что безцѣльность была характеристическою чертою произведеній натуральной школы и эпигоны этой школы, дѣйствующіе въ литературѣ доселѣ, остаются вѣрны тѣмъ воззрѣніямъ, въ которыхъ они воспитывались. Какою напримѣръ разумною цѣлію можетъ быть оправдано изображеніе молодаго юноши, студента, въ качествѣ убійцы, мотивированіе этого убійства научными убѣжденіями и наконецъ распространеніе этихъ убѣжденій на цѣлую студенческую корпорацію? Кому оказывается этимъ услуга, если не обскурантамъ, которые въ распространеніи свѣта видятъ причину всякаго зла въ мірѣ? Какое впечатлѣніе и вліяніе можетъ имѣть подобное изображеніе на читающую публику, которая привыкла видѣть въ наукѣ основаніе и залогъ всего лучшаго для своего будущаго? Наконецъ, даже чисто съ художественной точки зрѣнія сюжетъ новаго романа г. Достоевскаго не можетъ быть оправданъ никакими цѣлями. Слыхано ли въ лѣтописяхъ искусства, чтобы когда нибудь, какой нибудь художникъ или поэтъ чистое, голое убійство, убійство an sich und für sich—выбиралъ темою для своего изображенія? Искусство обыкновенно избѣгаетъ живописать отвратительныя сцены убійства даже въ тѣхъ случаяхъ, когда убійство входитъ въ извѣстное произведеніе, какъ

необходимое послѣдствіе извѣстныхъ пассій или отношеній. Вмѣсто сцены физическаго убійства изображается сила пассіи, т. е. та степень ея, на которой фактъ убійства дѣлается понятнымъ для читателя, самый же актъ убійства передается двумя, тремя словами. Притомъ пассія, подъ вліяніемъ которой совершается убійство, бываетъ обыкновенно не уничтожающая человѣческой природы, не поворящая ея, не убійство съ грабежомъ, а пассія болѣе или менѣе естественная, понятная намъ въ своихъ основахъ и понятнымъ для насъ образомъ, при содѣйствіи разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, развивающаяся до тѣхъ чудовищныхъ размѣровъ, гдѣ преступленіе становится необходимостію.

Что же сказать о художественномъ тактѣ поэта, который процессъ чистаго, голаго убійства съ грабежомъ беретъ темою для своего произведенія и самый актъ убійства передаетъ въ подробнѣйшей картинѣ со всѣми малѣйшими обстоятельствами? Въ художественномъ отношеніи—повторяемъ—даже въ художественномъ отношеніи это чистая нелѣпость, для которой не можетъ быть найдено никакого оправданія ни въ лѣтописяхъ древняго, ни въ лѣтописяхъ новаго искусства.

Къ чести натуральной школы должно впрочемъ сказать, что г. Ѳ. Достоевскій представлялъ собою въ ней едвали не единственный примѣръ подобнаго свирѣпаго баловства искусствомъ. Прочіе баловались искусствомъ болѣе кроткимъ и пріятнымъ образомъ. Къ числу баловниковъ послѣдняго рода, собственно *милыхъ* баловниковъ, относится и г. Ахшарумовъ. И такъ какъ кротость вообще, какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ пріятнѣе видѣть, чѣмъ свирѣпость, то мы и поставили новое произведеніе г. Ахшарумова *Натурщица* гораздо выше романа г. Достоевскаго.

Теперь пора уже намъ познакомить читателя съ содержаніемъ *Натурщицы*.

Героиня разсказа нѣкто Елена Качалова, въ замужествѣ Алищева. Еще ребенкомъ она потеряла отца и мать, которые не оставили ей ничего. Окончивъ свое воспитаніе въ Сп., она была принята въ семью дальнихъ родственниковъ, которые не могли ее долго держать у себя и видимо тяготились ею. Кругомъ нея и при ней каждый день толковали, какъ бы ее пристроить, но въ сущности дѣло шло просто о томъ, какъ бы сбыть ее съ рукъ. О замужествѣ ей нечего было и думать, такъ какъ въ семействѣ родственниковъ ея было своихъ двѣ взрослыхъ дочери. Ей оставалось идти въ гувернантки... какъ вдругъ къ общему удивленію въ это время къ ней присватался женихъ, человѣкъ молодой и свѣжій, мелкій чиновникъ, но съ неистощимымъ запасомъ терпѣнія и практической опытности. Женихъ понравился

Еленѣ молодостію, веселостію и ухаживаніемъ. Ребенокъ 16-ти лѣтъ, Елена, ничего не понимавшая, никого не видавшая, вообразила себѣ, что любитъ его и вышла замужъ въ надеждѣ полнаго счастія. Но четырнадцать лѣтъ замужества вполнѣ разочаровали ее. Мужъ ея сдѣлался взяточникомъ; мелкочиновный филистерскій бытъ душилъ ее своею невыносимой тухлою атмосферою; около нея не было ни одной живой души, ни одного свѣжаго человѣка, ни одной умной женщины, а была *одна треска сушеная*, *гниль*, *отъ которой душу воротитъ*... Въ это время ея безъисходной тоски и унынія является передъ ней литераторъ Чуйкинъ. Онъ писалъ тогда романъ въ одномъ журналѣ и ему вздумалось избрать Елену натурщицею для этого романа. Но такъ какъ ему нужна была для романа женщина прогрессивная, то онъ и рѣшился подвергнуть ее разнымъ экспериментамъ прогресса, какъ самъ онъ понималъ его, съ тѣмъ, чтобы по мѣрѣ успѣховъ ея въ прогрессѣ описывать ея похожденія и такимъ образомъ продолжать начатый имъ романъ.

«Онъ,—такъ разсказываетъ героиня романа — разбудилъ во мнѣ страсти, которыхъ я сама не знала; онъ обольстилъ меня лживыми обѣщаніями, заставилъ гоняться за призраками, зная какъ нельзя лучше, что я ничего не поймаю, что я потеряю все, что я буду страдать, какъ рѣдкіе изъ людей страдаютъ, и что въ награду за эти страданія не буду имѣть ни одной короткой минуты счастія... Онъ началъ съ того, что лишилъ меня твердаго положенія въ обществѣ. Долго разсказывать, какъ онъ за это взялся; но не прошло полгода съ тѣхъ поръ, какъ я начала исполнять его волю — мужъ мой потерялъ мѣсто на службѣ и умеръ отъ огорченія. Въ то же время онъ сблизилъ меня съ человѣкомъ, отъ котораго, если бы я только знала его въ ту пору, какъ я теперь знаю, я отошла бы съ холоднымъ презрѣніемъ. Онъ заставилъ меня привязаться къ нему и частью обманомъ, частью насильствомъ сдѣлалъ меня его любовницею... Мы жили не долго вмѣстѣ: онъ бросилъ меня и только тогда я увидѣла, что это не человѣкъ, а маска, за которой скрывался никто иной, какъ тотъ же мучитель мой... тотъ же Чуйкинъ... Послѣ этого всѣ старые мои друзья, родственники, знакомые—все это отъ меня отступилось. Я осталась одна съ двумя, скоро потомъ съ тремя дѣтьми, въ долгахъ, въ нищетѣ. Полтора года я работала, какъ лошадь, наконецъ силъ моихъ не хватило. Тогда онъ сталъ требовать, чтобы я сбыла дѣтей куда нибудь, увѣряя, что мнѣ не по силамъ ихъ содержать, и что я наконецъ не обязана, что это—долгъ общества. Намеки подобнаго рода онъ дѣлалъ уже не разъ не прямо отъ своего лица, но посредствомъ другихъ имъ подосланныхъ и имъ подученныхъ лицъ; но долго это были одни намеки. Теперь онъ сталъ требовать въ полной

увѣренности, что я, какъ его созданье, не посмѣю ему отказать; но тутъ онъ ошибся. Откуда у меня сила взялась, — не знаю, но въ этомъ я не могла уступить. Тогда онъ озлился и началъ мнѣ мстить. Сначала я не догадывалась, что это его рука. Когда старшій ребенокъ мой умеръ, я не приписывала это ему. Я думала, что это случай», — но когда захворалъ второй, и тотъ умеръ, и наконецъ захворалъ третій, тогда героиня рѣшилась искать на Чуйкинѣ и взыскала искъ.

«Но это ужасно, скажетъ читатель. Это въ сущности еще кровожаднѣе, чѣмъ у г. Достоевскаго. Какъ! разстроить всю жизнь женщины, разорить ее, довести до нищенства, умертвить даже дѣтей ея! И все это для того только, чтобы сдѣлать изъ нея годный сюжетъ для романа! Что можетъ быть ужаснѣе такого варварскаго злодѣянія»?

О не ужасайтесь, читатель! Г. Ахшарумовъ вовсе не извергъ какой нибудь, — а, какъ мы сказали уже, просто баловникъ съ очень игривою фантазіею. Все, что вы находите ужаснаго въ его разсказѣ, происходитъ не въ дѣйствительности, а въ его собственной фантазіи. Дѣло въ томъ, что героиня романа, претерпѣвающая такія ужасныя страданія отъ Чуйкина, вовсе не живой, т. е. не существующій въ дѣйствительности человѣкъ, а лицо вымышленное Чуйкинымъ, лицо, существующее только въ несуществующемъ романѣ. Но зачѣмъ же, спрашивается, г. Ахшарумовъ выводитъ это лицо, какъ живое, какъ дѣйствительно существующее въ своемъ разсказѣ? Вотъ что отвѣчаетъ на это г. Ахшарумовъ: лица какого бы ни было поэтическаго произведенія нельзя называть *вымышленными* чисто лицами; если бы они были только вымышленныя лица, то они были бы чистый вздоръ, нечто, а поэты только бумагомаратели. Но нельзя эти лица называть и созданными поэтомъ лицами, какъ обыкновенно говорятъ. Подобное названіе есть только фигурное выраженіе. Поэтъ не создаетъ лицъ, онъ беретъ ихъ изъ дѣйствительности, и только выводитъ въ своемъ твореніи на сцену въ новой, самимъ имъ задуманной и приготовленной для нихъ обстановкѣ, подчиняя ихъ созданнымъ имъ условіямъ и обстоятельствамъ жизни. «Что герои романовъ и драмъ имѣютъ реальное существованіе въ глазахъ всѣхъ, это видно изъ того, что къ страданіямъ ихъ выказываютъ гораздо болѣе участія, чѣмъ ко всѣмъ другимъ страдальцамъ». «Попробуйте разсказать, говоритъ авторъ, кому нибудь изъ пріятелей, что ваши надежды разбиты и что вы умираете отъ несчастной любви... предупредивъ его во время, что все это выдумка — и вы убѣдитесь, что какъ бы искусно вы ни разсказывали, вы не успѣете пробудить въ немъ ни искры участія. Самый плохой авторъ самой посредственной драмы будетъ

успѣшнѣе насъ: отчего? Безъ сомнѣнія отъ того, что онъ выражаетъ собою живое, невымышленное лицо и страданія положительныя».

Но если каждый герой драмы, романа и т. д. живое лицо,—продолжаетъ игриво философствовать г. Ахшарумовъ, то почему же до сихъ поръ никто не подумалъ вступиться за это живое лицо, за его угнетенную волю, за права его оскорбленныя, за его человѣческое достоинство непризнанное, оплеванное, растоптанное его господиномъ и повелителемъ? «Главнымъ образомъ, отвѣчаетъ онъ, оттого, что до сихъ поръ со стороны самаго этого лица мы не слышали никакого протеста противъ своего притѣснителя». Но теперь, говоритъ г. Ахшарумовъ, всѣ угнетенные освобождаются отъ своихъ притѣснителей; теперь пора и этимъ угнетаемымъ произволомъ авторовъ лицамъ вступиться за свои права.

И первый примѣръ такого протеста представляетъ героиня романа Чуйкина, возставшая противъ своего притѣснителя. Она отыскиваетъ адвоката, который пишетъ ей жалобу на Чуйкина: *въ с.-петербургскій верховный судъ общественной совѣсти, по отдѣленію уголовныхъ дѣлъ*. Вторая часть романа г. Ахшарумова занимается изложеніемъ процесса этого суда. Въ концѣ концовъ *верховный судъ общественной совѣсти*, обвинивъ Чуйкина въ злоупотребленіи авторскихъ правъ надъ созданнымъ имъ лицомъ, постановляетъ: изгнать его Чуйкина изъ міра дѣйствительной жизни и поселить навсегда въ области отвлеченнаго мышленія, чѣмъ разсказъ благополучно и кончается.

Но вѣдь все это чепуха и галиматья? скажетъ читатель.

Конечно такъ, но чепуха и галиматья не кровожадныя, какъ у г. Достоевскаго; а добродушная, безобидная, веселая, игривая. Муза г. Ахшарумова вполнѣ уподобилась той благочестивой дѣвѣ, которая по разсказу протодьякона, передаваемому Рязановымъ въ «Трудномъ времени», и невинность соблюла, и капиталъ пріобрѣла.

Казалось, чего бы лучше? Однакожъ, не претятъ ли вамъ, читатель, не воротятъ ли васъ съ души подобные милые, шутливые разсказы? Не представляются ли вамъ они шутовствомъ недостойнымъ искусства? Что сказали бы вы о человѣкѣ, который надѣлъ священныя ризы и сталъ передъ вами въ нихъ паясничать? Но не священны ли должны быть для поэта доспѣхи искусства, въ которые онъ долженъ облекаться единственно для того, чтобы, по выраженію Шиллера, охранять и возвышать человѣческое достоинство своихъ братьевъ? На сколько нужно унизиться поэту въ понятіи о себѣ самомъ и своемъ искусствѣ, чтобы превратить эти доспѣхи въ символъ безсмыслія, чтобы облекаться въ нихъ для того только, чтобы сказать міру глупость?

Мы говоримъ все это по поводу разсказа г. Ахшарумова, но не потому конечно, чтобы имѣли въ виду одинъ только этотъ романъ. Въ такомъ случаѣ не стоило бы, конечно, и говорить. Нѣтъ, такое легкомысленное отношеніе къ искусству остается болѣе или менѣе общимъ въ нашей литературѣ,—и это явленіе не можетъ не поражать своею странностію.

Всюду, гдѣ возникала сознательная мысль въ литературѣ, лучшіе поэты немедленно понимали то высшее значеніе, которое они могутъ имѣть въ образованіи и развитіи общества, и первою и главною ихъ заботою было вносить каждымъ новымъ своимъ произведеніемъ какую нибудь долю свѣта и добра въ общественное сознаніе. Мы не говоримъ уже о томъ, что они тщательно пересматривали каждый созданный ими характеръ, каждую сцену, каждую частную мысль, чтобы не произвесть вреднаго дѣлу образованія и развитія дѣйствія на молодые умы. Мы видѣли уже, съ какою заботливостію именно съ этой стороны отнесся къ «Вертеру» Гёте Лессингъ. Въ свою очередь Гёте пришелъ въ ужасъ отъ того впечатлѣнія, которое произвели на молодые умы Германіи «Разбойники» Шиллера. Ему казалось, что этотъ громадный талантъ, съ такою легкостію дающій видъ истины самымъ страннымъ парадоксамъ—увлечетъ за собою все и разрушитъ всѣ его планы о распространеніи эстетически-моральнаго образованія. Но въ то время, когда Гёте, волнуемый такими опасеніями и страхами за будущее, избѣгалъ Шиллера, — въ Шиллерѣ совершался уже нравственный переломъ. Онъ понялъ, что при постоянно возрастающихъ успѣхахъ знанія, поэзія впадетъ въ ничтожество, если останется на однихъ формахъ. Поэтому онъ рѣшился сдѣлать ее неразрывнымъ спутникомъ прогрессивнаго движенія мысли въ человѣчествѣ, носительницею идей современнаго знанія и распространительницею ихъ въ обществѣ и нѣкоторымъ образомъ даже указательницею или, точнѣе сказать, предвѣстницею тѣхъ новыхъ путей, на которые должно вступить человѣчество въ своемъ будущемъ развитіи. Этотъ свой взглядъ на поэзію, какъ на неразрывную спутницу прогрессивной мысли, Шиллеръ превосходно выразилъ въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи: *Художники*, переведенномъ у насъ, къ сожалѣнію, очень плохо,—и съ этого времени начался поворотъ его поэзіи на эту новую дорогу и вмѣстѣ съ тѣмъ усиленная работа его по философіи и исторіи, чтобы завладѣть современнымъ ему знаніемъ.

Такъ высоко смотрѣли первые лучшіе германскіе поэты на свое призваніе, такъ благоговѣйно относились къ искусству, такъ заботливо сторожили за тѣмъ, чтобы своимъ вліяніемъ не повредить дѣлу развитія общественной мысли!

Ничего подобнаго мы не находимъ въ нашей литературѣ. Со времени Ломоносова вплоть до послѣдняго времени художественныя средства въ поэзіи стояли у насъ на первомъ планѣ. Поэты ребячески самоуслаждались красивымъ изображеніемъ разныхъ по произволу выбираемыхъ ими сюжетовъ, нисколько не думая о томъ, какое дѣйствіе, полезное, или вредное, произведетъ его изображеніе въ читателѣ и нужно ли для чего нибудь изображеніе этихъ сюжетовъ.

Движеніе послѣдняго времени уничтожило этотъ ребяческій взглядъ на искусство въ нашей литературѣ. Новое направленіе требуетъ, чтобы въ каждомъ поэтическомъ произведеніи была разумная, жизненная цѣль, и только тѣ предметы, которые могутъ служить такимъ цѣлямъ, могутъ быть сюжетами поэтическихъ изображеній.

Это существенно въ принципѣ отдѣлило поэзію новаго направленія отъ прежней. Но старые недуги врачевать очень трудно, — и всякій принципъ легче установить въ теоріи, чѣмъ провести и выполнить на практикѣ. Мы, конечно, не промѣняемъ поэзіи новаго направленія на прежнюю, но не можемъ не сознаться, что новую поэзію приходится хвалить пока за ея добрыя намѣренія, а никакъ не за дѣло. Убогость ея содержанія, поверхностность и узкость ея кругозора, незнакомство ни съ жизнію, ни съ наукою, отсутствіе благородной простоты и естественности ея изображеній, погоня за остротами, доходящая нерѣдко до балагурства и паясничества — всѣ эти недостатки, которыми блистала натуральная школа, остаются доселѣ въ полной красѣ и въ новой поэзіи. И пока наши поэты не поймутъ вполнѣ сознательно и ясно того, что въ наше время истинною поэзіею можетъ быть только поэзія прогрессивной мысли, что идеи современнаго знанія должны составлять базисъ и содержаніе всякаго поэтическаго произведенія и что только тотъ поэтъ можетъ пріобрѣсть прочное значеніе и будущность, который овладѣетъ по крайней мѣрѣ значительною массою знанія, однимъ словомъ, доколѣ поэтическое творчество не будетъ соединяться съ серьезнымъ и основательнымъ научнымъ изученіемъ, дотолѣ поэтическія произведенія будутъ болѣе или менѣе жалкими эфемеридами, день явленія которыхъ будетъ вмѣстѣ и днемъ ихъ смерти. У насъ среди поэтовъ съ давнихъ временъ утвердилось мнѣніе, что для поэта самое главное дѣло — знаніе жизни, что наука для него дѣло второстепенное и, пожалуй, вовсе ненужное. Это большое заблужденіе. Жизнь есть такой заколдованный кладъ, который дается не всякому. Нерѣдко тамъ, гдѣ человѣкъ обыкновенный не видитъ въ ней ничего, талантъ собираетъ обильную жатву. Но и для таланта, внутренній смыслъ жизни раскрывается только по мѣрѣ собственнаго его развитія и образованія. Потому что, по мѣрѣ его собственнаго развитія и обра

вованія, у него создается другой идеалъ жизни; онъ ищетъ разрѣшенія въ ней другихъ задачъ, подходитъ къ ней съ другими вопросами, и натурально видитъ ее на другой глубинѣ и въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ видитъ ее талантъ самородокъ. Державинъ, современникъ Шиллера, зналъ жизнь конечно гораздо больше послѣдняго, если мѣрять знаніе только количественно. Начиная отъ капрала, онъ прошелъ ее до высшихъ государственныхъ степеней. Но что же эта жизнь дала ему для его поэтическаго творчества, не смотря на несомнѣнный его талантъ? Не ясно ли отсюда, что жизнь всякому поэту можетъ дать только то, что онъ приготовленъ, что способенъ и можетъ взять самъ отъ нея по своему развитію и образованію, что она будетъ отвѣчать ему только на тѣ вопросы, которые есть въ немъ самомъ?

Мы высказываемъ истины самыя простыя, самыя обыкновенныя, которыя долженъ знать всякій сколько нибудь образованный человѣкъ, однако мы читатель по существующей у насъ литературѣ знаетъ, что этихъ истинъ у насъ доселѣ не знаютъ не только всѣ образованные люди, а даже большая часть записныхъ поэтовъ. Отчего это такъ?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы обратимся къ «*Московскимъ университетскимъ Извѣстіямъ*», журналу, который началъ издаваться при московскомъ университетѣ съ половины прошлаго года. Теперь вышло его уже 6 книжекъ. Какія цѣли предполагается достигнуть этимъ изданіемъ, въ самомъ изданіи не объясняется. Сколько же можно судить по составу книжекъ, изданіе это должно представлять собою скромную лѣтопись безсмертныхъ дѣяній профессоровъ московскаго университета. Оно вмѣщаетъ въ себѣ все, что относительно почтенныхъ профессоровъ вѣдать надлежитъ — ихъ *дѣла*, т. е. занятія въ университетскомъ совѣтѣ, ихъ *радости*, т. е. торжественные обѣды, и ихъ *горести*, т. е. ихъ сочиненія. Этимъ горестямъ ихъ нельзя не сочувствовать. Ибо есть, вѣроятно, какая нибудь роковая, невѣдомая для насъ сила, заставляющая ихъ въ наши дни печатать тотъ несписуемый хламъ, который они печатаютъ въ своемъ изданіи, хламъ, какого не печаталось даже во времена оны въ блаженной памяти ученыхъ запискахъ разныхъ университетовъ. Изъ этого хлама мы извлекаемъ для нашего обозрѣнія публичную лекцію о современной русской литературѣ г. Буслаева, какъ потому, что она составляетъ нѣкоторымъ образомъ бисеръ многоцѣнный среди трудовъ другихъ профессоровъ, такъ и потому, что она представляетъ собою на нашъ взглядъ удовлетворительное объясненіе, отчего въ нашемъ образованномъ обществѣ не знаютъ о литературѣ часто такихъ простыхъ вещей, которыя повидимому знать каждому надлежало бы.

«Мы живемъ,—говоритъ профессоръ,—въ такое дѣятельное, тревожное, хлопотливое время, когда изъ-за шума и грома преобразованій, одно другое смѣняющихъ и одно другимъ вызываемыхъ, едва слышатся скромные голоса той *легкой литературы*, которая нуждается въ большемъ досугѣ, нежели сколько остается его у всѣхъ въ этой суматохѣ дѣйствительности, въ этихъ волненіяхъ и опасеніяхъ, въ радостяхъ и надеждахъ, которыя съ избыткомъ питаются все новыми и новыми реформами всей русской жизни, правительственныхъ, земскихъ и всякихъ другихъ порядковъ. Литература, особенно періодическая, поглотившая въ своемъ слишкомъ широкомъ разливѣ всѣ интересы публики, по своему призванію быть отголоскомъ жизни—вторила и не перестаетъ вторить этому, повсюду поднявшемуся гулу преобразованій, рѣшая вопросъ за вопросомъ, соревнуя практикѣ своими теоріями и проэктами и подвизаясь въ разгоряченной полемикѣ враждующихъ партій, не изъ-за литературныхъ принциповъ, но изъ-за вопросовъ практическаго свойства, такъ живо затрогивающихъ интересы партій. . . . .

«Вмѣсто поэтовъ, повѣствователей, романистовъ на первомъ планѣ выступаютъ въ литературѣ съ своими проэктами, замѣчаніями и спорами *лица духовнаго званія, землевладѣльцы, мировые посредники, инженеры, адвокаты, учителя гимназій и другихъ школъ, люди коммерческіе и вообще промышленники всѣхъ сословій.* . . .

«Такимъ образомъ дѣйствительность слилась съ литературою, и многіе изъ лицъ разныхъ сословій, никогда прежде и не мечтавшіе о литературномъ авторствѣ, изъ среды читающей публики перешли въ ряды писателей, и чѣмъ вліятельнѣе чья либо дѣятельность была на практикѣ, тѣмъ почетнѣе является онъ въ литературѣ съ своимъ мнѣніемъ, какъ спеціалистъ въ литературѣ. . . . .

«Это дѣйствительно передовые люди въ современной литературѣ, литературные представители интересовъ дѣйствительности. Это — люди съ вліяніемъ въ дѣловой литературѣ, по своему общественному положенію, въ соединеніи съ практическою опытностію.

«Заниматься *легкою* литературою, писать повѣсти и романы и дѣлать о нихъ критическіе отзывы — за очень немногими исключеніями — предоставлено въ наше *преобразовательное* время людямъ, изъятымъ по своему положенію изъ круговорота современныхъ реформъ, людямъ незначительнымъ по дѣятельности практической, не чувствующимъ въ себѣ дарованія и стремящимся наверстать долю своего вліянія *по крайней мѣрѣ* на поприщѣ литературномъ.

«Но литература, поощряемая къ гласности въ рѣшеніи вопросовъ текущаго дня, до того усвоила себѣ практическ[illegible] направленія, что и эти, какъ бы сказать, *теоретическіе* умы, зам[illegible] [illegible]ія повѣять, ре[illegible]

манъ или стишки, волею и неволею входили въ ту же практическую колею».

Итакъ, по мнѣнію почтеннаго профессора, существуютъ двѣ литературы: одна *дѣловая*, которую на столбцахъ «Голоса», «Московскихъ Вѣдомостей» и другихъ газетъ ежедневно стряпаютъ *лица духовнаго званія, землевладѣльцы, мировые посредники, инженеры и вообще разные практики*, а другая *легкая* литература праздныхъ людей, какъ-то поэтовъ, ученыхъ, литераторовъ и тому подобныхъ теоретиковъ. И истую, подлинную литературу и составляетъ именно оная дѣловая литература практиковъ, а послѣдняя, легкая, такъ себѣ существуетъ только для забавы! Слыханное ли дѣло, чтобы когда нибудь профессоръ словесности въ какой нибудь землѣ и народѣ имѣлъ такое конфузное понятіе о литературѣ? Нашему брату журналисту еще простительно иногда, для внушенія вящшаго къ себѣ уваженія, каждую статейку, какъ свою собственную, такъ и какого нибудь практика, положимъ, хоть о предохранительныхъ средствахъ противъ холеры, называть литературою. Но какъ же это дѣлать профессору, долгъ котораго, начавъ трактовать о современной литературѣ, именно въ томъ и состоитъ, чтобы установить точку зрѣнія на литературу, указать, что въ ежедневно печатающемся хламѣ составляетъ дѣйствительную литературу, и что отправленіе ежедневныхъ житейскихъ потребностей, совершаемое вмѣсто устнаго печатнымъ козлогласованіемъ.

Если каждая практическая замѣтка каждаго землевладѣльца, инженера, священника и т. п. — литература, то отчего же не отнести къ литературѣ и «Опытной хозяйки» Авдѣевой и «Подарка молодымъ хозяйкамъ», — книгъ, которыя отъ начала до конца наполнены самыми практическими совѣтами? Если каждый проэктъ, каждое соображеніе о сокращеніи штатовъ, о прибавкѣ жалованья чиновникамъ, о кредитномъ рублѣ и т. п. составляютъ литературу и притомъ самую высокую и главную, — то отчего къ литературѣ не отнести всѣ канцелярскія докладныя записки и проэкты, на основаніи которыхъ вырабатываются разные уставы и законоположенія? Отчего тѣмъ болѣе не поставить на первомъ планѣ въ литературѣ всѣ правительственные акты, начиная отъ великокняжескихъ грамотъ московскаго государства и литовскаго княжества и кончая послѣднимъ томомъ полнаго собранія законовъ? Отчего наконецъ не причислить къ литературѣ всѣ рекламы и отчеты пароходныхъ и другихъ обществъ, всѣ объявленія о продажѣ земель, домовъ и т. п.? Вѣдь все это также замѣтки и заявленія практиковъ.

Однимъ словомъ, нѣтъ такого печатнаго лоскута бумаги, котораго, по воззрѣнію г. Буслаева, мы могли бы не причислить къ ли-

тературѣ. Литература въ его представленіи вполнѣ отождествляется съ макулатурою.

Но смѣшавъ литературу съ макулатурою, назвавъ именемъ литературы то, что не называется и не называлось никогда литературою, на языкѣ ни одного образованнаго народа, г. Буслаевъ идетъ еще далѣе. Онъ извергаетъ изъ такъ называемой имъ *дѣловой* литературы именно то, что въ ней только и можетъ быть названо литературою въ собственномъ смыслѣ этого слова. Онъ отвергаетъ всякое значеніе тѣхъ популярно ученыхъ статей, которыя внесли столько новыхъ идей и свѣта въ наше общество и которыя такъ много содѣйствовали приготовленію общества къ реформамъ и ходу самыхъ реформъ. Онъ говоритъ, что все, что сдѣлано хорошаго для преобразованій, все это сдѣлано было тѣми литераторами-практиками, т. е. землевладѣльцами, инженерами, священниками и т. д., которые вносили свои разныя спеціальныя замѣтки въ прессу. Что касается до литераторовъ не-практиковъ, то, говоритъ онъ:

«Для досужаго пера литератора по профессіи нѣтъ ничего соблазнительнѣе и увлекательнѣе, какъ идеи о преобразованіи, особенно, если за отсутствіемъ какихъ либо спеціальныхъ свѣдѣній, ему не остается въ литературѣ инаго занятія, кромѣ вымысловъ своего собственнаго изобрѣтенія. Русскій народъ съ его вѣковымъ невѣжествомъ, русская земля, съ ея безконечнымъ разнообразіемъ условій, далеко не приведенныхъ въ извѣстность, мало разработанное наукою прошедшее и невѣдомое будущее, особенно заманчивое вслѣдствіе современныхъ переворотовъ — все это невольно разгорячаетъ досужую голову и поддерживаетъ задорное безпокойство. На этой-то шаткой основѣ, сложенной изъ неизвѣстности и незнанія, возникъ тотъ призрачный типъ нашей современной литературы, который собственно нигдѣ не выразился вполнѣ, но своими отдѣльными, разрозненными чертами проглядываетъ то въ журнальной статейкѣ, то въ нравоописательной повѣсти и романической идилліи, то въ модныхъ циническихъ стишкахъ, то даже въ учебникѣ и ученомъ трактатѣ, на сколько авторы этихъ издѣлій предпочитали соблазнительную для нихъ профессію преобразователя нравовъ скромной долѣ ученаго. И вотъ этотъ призрачный идеалъ, Мефистофель нашего времени, вскормленный гдѣ нибудь въ степныхъ захолустьяхъ святой Руси, но къ довершенію своего образованія, наслышавшійся, гуляючи по Невскому проспекту, о существованіи Прудона и Мадзини, Фейербаха и Ренана, почувствовалъ въ себѣ высокое призваніе взять на свои плечи тяжкое бремя преобразованія своихъ невѣжественныхъ соотечественниковъ, быть для нихъ вмѣстѣ и Галилеемъ и Лютеромъ, снять съ ихъ болѣзненныхъ очей бѣльмо предразсудковъ и суе-

вѣрій, дать имъ новую религію и новую науку, вновь размежевать по сущей правдѣ — необозримыя пространства русской земли, полюбовно размежевать между богатыми и бѣдными не только имѣнія, но и женъ и дѣтей, и въ образецъ всему міру — водворить въ русской землѣ несказанное счастіе».

Вотъ какъ понялъ профессоръ словесности въ университетѣ (horribile dictu!) ту популярно-ученую литературу, которая составляетъ самое характеристическое отличіе современной литературы отъ прежней и свидѣтельствуетъ о пробужденіи мысли въ нашемъ обществѣ. Почтенный профессоръ не усмотрѣлъ того, что замѣтки и проэкты разныхъ практиковъ имѣютъ къ этой литературѣ такое же отношеніе, какъ обглоданныя кости и корки хлѣба къ питательному и роскошному столу.

Свои разсужденія о литературѣ г. Буслаевъ увѣнчиваетъ слѣдующею характеристикой современной, такъ называемой имъ *изящной* литературы, характеристикой, изъ которой видно, что профессоръ въ своихъ воззрѣніяхъ на изящную словесность остается на той же точкѣ зрѣнія, на которой покинулъ его покойный Кошанскій.

«Едва ли не будетъ анахронизмомъ, говоритъ онъ, — называть современную изящную литературу *изящной*, потому что изящество строго изъ нея изгоняется; ищутъ въ ней правды, дѣйствительности, а не красоты. Въ большей части своихъ явленій эта литература—фотографическая, переносящая на бумагу дѣйствительность: къ истинно художественному воспроизведенію жизни относится она, какъ фотографическая карточка къ портрету Рембрандта; наконецъ, къ довершенію сходства, также быстро, какъ фотографія, изготовляется большая часть ея произведеній, ускоряемыхъ періодическимъ изданіемъ журналовъ, этого главнаго ихъ резервуара... Художественную критику она почти позабыла, и опредѣляетъ достоинство произведеній только по направленію, современное оно или не современное, либеральное или консервативное, благонамѣренное или неблагонамѣренное, и смотря по цвѣту журнальной партіи, первому или послѣднему дается безусловное предпочтеніе;—однимъ словомъ, это уже не литературная критика, а судъ присяжныхъ, который и къ такому генію, какъ напримѣръ Дантъ, отнесся бы только съ точки зрѣнія цензурной и осудилъ бы его на сожженіе за то, что онъ бичуетъ сатирою папскую власть, или за тоже самое, забывая все прочее въ его поэмѣ, сдѣлалъ бы его главою агитаторовъ».

И такъ, по мнѣнію г. Буслаева, дѣйствительность, правда изображеній, въ совокупности съ направленіемъ, необходимо обусловливающимъ собою разумную цѣль въ произведеніи, есть нѣчто проти-

воположное изяществу, нѣчто совершенно несовмѣстное съ нимъ, изгоняющее его.

Но что же, спрашивается, составляетъ, по мнѣнію г. Буслаева, ту красоту въ поэтическихъ произведеніяхъ, за которую онъ ратуетъ? Какъ, что? Тѣ художественныя средства, которыя употребляетъ поэтъ для изображенія. По мнѣнію всѣхъ эпигоновъ натуральной школы, не то важно, какой предметъ изображаетъ поэтъ; онъ можетъ выбирать предметъ какой ему угодно, хотя бы и не интересующій собою никого, кромѣ его самого; и не цѣль изображенія важна; въ изображеніи поэта можетъ не быть вовсе никакой цѣли, — даже еще и лучше, если ея нѣтъ; ибо тогда и будетъ только чистое искусство, искусство an sich und für sich; а важно единственно то, какъ изобразитъ избранный предметъ художникъ, какія выкажетъ художественныя средства.

Читатель видитъ, что это воззрѣніе на искусство идетъ совершенно въ разрѣзъ воззрѣнію Лессинга. То, что Лессингъ называетъ дѣтствомъ, ребячествомъ въ искусствѣ, то, что онъ считаетъ жалкою долею художниковъ бездарныхъ, — то здѣсь возводится въ идеалъ искусства, ставится высшимъ и единственнымъ требованіемъ искусства и главною его цѣлью.

Натурально, что стоя на такой точкѣ зрѣнія на искусство, г. Буслаевъ долженъ былъ сдѣлать совершенно превратную оцѣнку современной литературѣ. То, что онъ почитаетъ въ ней недостаткомъ, составляетъ въ ней несомнѣнное достоинство, а совершенства, которыя онъ желаетъ въ ней видѣть, уронили бы ее еще ниже, чѣмъ она стоитъ теперь.

Современная литература не тѣмъ слаба, что она держится неуклонно направленія, напротивъ направленіе, хотя пока очень поверхностно ею понимаемое, не давая ей возможности изображать ничего безъ разумной цѣли, даетъ ей все-таки силу, которой не имѣла прежняя безцѣльная литература, — и не тѣмъ, далѣе, она слаба, что она изображаетъ дѣйствительность, правду, а напротивъ, она тѣмъ именно и слаба, что пока не добралась до этой истой дѣйствительности и правды, что наслѣдовавъ отъ натуральной школы недугъ—считать художественныя средства за главное дѣло въ поэзіи, она мало заботится о правдѣ изображенія и вообще о содержаніи, и хотя много болтаетъ о реальности, но на самомъ дѣлѣ вмѣсто дѣйствительности изображаетъ свои собственныя измышленія, или совершенно чуждыя дѣйствительности, или основанныя на поверхностномъ ея наблюденіи.

Не можемъ здѣсь кстати не сказать нѣсколько словъ объ учености вообще почтеннаго профессора. Мы уже видѣли, какъ, характеризуя

современныхъ литераторовъ не-практиковъ, онъ говоритъ объ нихъ, что, гуляючи по Невскому проспекту и наслышавшись здѣсь о Прудонѣ и Мадзини, Фейербахѣ и Ренанѣ, они, т. е. литераторы, дѣлаются Галилеями и Лютерами и полюбовно раздѣляютъ между богатыми и бѣдными не только имѣнія, но и женъ и дѣтей. Читатель, вѣроятно, уже не мало подивился въ этомъ случаѣ тому искусству, съ которымъ профессоръ умѣетъ не только соединять между собою имена, ни въ какомъ повидимому отношеніи не соединимыя, но и заставлять ихъ дѣйствовать для цѣли, для которой ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ дѣйствовать. Теперь профессоръ извлекаетъ изъ запаса своей учености имя Рембрандта,—и опять не кстати. Онъ говоритъ, что современная литература имѣетъ такое же отношеніе къ дѣйствительности, какъ фотографическая карточка къ портрету Рембрандта. Этого никакъ онъ не могъ сказать, признавая фотографическую вѣрность за современною литературою. Потому что все достоинство и заслуга Рембрандта и всей голландской школы именно и состоитъ въ фотографической вѣрности дѣйствительности, въ томъ, что она обыденную, пошлую дѣйствительность, которую до нея презирало искусство, стало изображать, какъ она есть, безъ всякихъ прикрасъ, во всей наготѣ. Изо 100, если этого мало, то изъ 1000 хорошихъ фотографическихъ снимковъ человѣческаго лица одинъ самый лучшій и будетъ именно Рембрандтъ. Все искусство, какъ живописи, такъ и фотографіи, состоитъ въ этомъ случаѣ въ томъ, чтобы въ чрезвычайно подвижной и непрестанно мѣняющейся человѣческой физіономіи уловить тотъ моментъ, когда она всего болѣе на себя похожа. Рембрандтъ потому именно и достигалъ высокаго совершенства въ портретной живописи, что хлопоталъ, какъ никто, сдѣлать самую точную фотографію съ изображаемаго лица. Потому профессоръ напрасно представляетъ, что Рембрандтъ владѣлъ какой-то особенной тайной идеализаціи дѣйствительности и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ славу: этого именно въ Рембрандтѣ и не было. Быть Рембрандтомъ въ настоящее время не составитъ особенной заслуги даже для второстепеннаго таланта; но быть Рембрандтомъ въ то время, когда жилъ Рембрандтъ, могъ только самый сильный талантъ. И тогдашнія обстоятельства, требовавшія подобнаго таланта, были таковы, что чѣмъ сильнѣе былъ талантъ, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ заботиться о фотографической вѣрности своихъ произведеній съ дѣйствительностію. Потому что, когда никто не хотѣлъ изображать предметовъ обыденной жизни, когда подобныя изображенія въ цѣломъ мірѣ считались профанаціей искусства, оскорбленіемъ его традицій, даже ересью, когда идеализація становилась необходимымъ условіемъ и закономъ живописи, — переломить это ложное направленіе могъ только талантъ,

чуждый всякой идеализаціи, рѣшившійся изображать дѣйствительность такъ точно, какъ она есть, вполнѣ фотографически.

Понятно ли теперь г. Буслаеву, какъ онъ неудачно блеснулъ своею ученостію, прихвативъ Рембрандта тамъ, гдѣ его трогать вовсе не слѣдовало.

Но г. Буслаевъ, конечно, не повѣритъ тому, что мы сказали относительно Рембрандта, и намъ необходимо опереться на авторитеты.

«Рембрандтъ, Лютеръ живописи, — говоритъ Прудонъ въ вышеупомянутой нами книгѣ своей объ искусствѣ,—былъ въ XVII вѣкѣ реформаторомъ искусства. Въ то время, когда роялистическая и католическая Франція, ради изученія грековъ и римлянъ, отказывалась отъ своей самобытности, для реформатской и республиканской Голландіи начинался новый періодъ эстетики. Въ картинѣ, неправильно названной «Ночной обходъ», Рембрандтъ представляетъ съ натуры и пишетъ съ живыхъ людей сцену изъ муниципальной жизни, и однимъ взмахомъ своей сильной кисти въ этомъ лучшемъ изъ лучшихъ произведеній, онъ ставитъ на задній планъ всѣ изображенія церемоніаловъ папства, коронацій, дворянскихъ турнировъ и всяческія апоѳеозы. Въ другомъ своемъ знаменитомъ произведеніи, «Урокѣ изъ анатоміи», онъ представляетъ науку въ образѣ профессора «Тульпа», который со скальпелемъ въ рукѣ смотритъ на трупъ, предназначенный для вскрытія; этой картиной онъ кончаетъ навсегда съ аллегоріями и эмблемами, олицетвореніями и воплощеніями и примиряетъ окончательно идеалъ съ реальностію. Поставьте рядомъ «Аѳинскую школу» Рафаэля и «Урокъ анатоміи» Рембрандта, вглядитесь и вдумайтесь въ нихъ, спросите свое сознаніе и рѣшите, которое изъ двухъ произведеній пробудило въ васъ болѣе могущественный идеалъ, произведеніе ли символическаго и идеальнаго итальянца, или же картина положительнаго и реальнаго голландца? Слѣдовательно самая конкретная, повидимому самая реальная живопись, можетъ гораздо сильнѣе затронуть эстетическое чувство, вызвать высшій идеалъ, чѣмъ самая идеальная картина, писанная самымъ величайшимъ изъ мастеровъ. Распространяться объ этомъ я много не стану, — умные люди поймутъ меня по одному намеку.

«Жизнь живая, говоритъ одинъ изъ нашихъ критиковъ, — продолжаетъ Прудонъ,—человѣкъ, его нравы, занятія, радости и случайности,—вотъ характеръ голландской школы, разсматриваемой въ ея общности. Однѣ изъ картинъ представляли гражданина, во время его служенія общественному дѣлу, посвящаетъ ли онъ свое время упражненіямъ въ стрѣльбѣ, или разсужденіямъ о государственныхъ дѣлахъ; другія представляли семью у домашняго очага или во время

ея развлеченій; на однѣхъ мы видимъ высшіе классы, на другихъ классы рабочихъ или представителей исключительной жизни. Нѣкоторые художники изображаютъ и среду, въ которой кипитъ дѣйствительность: море и прибрежья, которыя служатъ какъ бы рамкой для эпизодовъ морской жизни, такъ любезной голландцамъ, сельскія сцены и сельскія охоты, каналы и ручейки съ мельницами, барками и рыбаками, города, площади, улицы, гдѣ толпится все разнообразіе народонаселенія. Повсюду видны одушевленіе и настоящая жизнь, которая въ тоже время есть и вѣчная; во всемъ видна исторія страны и народа. Да! это уже не мистическое искусство, поддерживаемое отживающими предразсудками, это не миѳологическое искусство, искусственно поддерживающее мертвые символы, не искусство аристократическое, а слѣдовательно и исключительное, посвятившее себя одному восхваленію сильныхъ міра сего. Это уже не искусство папства и властей, героевъ и миѳовъ. У народовъ римскаго племени искусство покоится на воздухѣ, на недосягаемой простому человѣку высотѣ, на двоякой вершинѣ церкви и дворцовъ. Въ Италіи главнымъ образомъ и даже во Франціи, гдѣ литература такъ ясна, понятна и независима, почти всѣ картины были или мистическаго, или теологическаго, или миѳологическаго, или аллегорическаго содержанія; по выраженію Эммерика Давида, это какія-то картины *внѣшняго приличія*. Лики святыхъ, догматы и церемоніи католицизма, вакханаліи и жертвоприношенія, подвиги правителей, развлеченія и забавы баръ, образы сильныхъ міра сего, совершенное исключеніе всей остальной націи—вотъ предѣлы, изъ которыхъ не выходили южные живописцы. Во Франціи никогда не рисовали французовъ не только изъ народа, но даже изъ всѣхъ классовъ, совокупность которыхъ и составляетъ цѣлое, называемое Франціей». (Musées de la Hollande, par W. Burger (Thasé) Paris, 1858).

Читатель видитъ, что во время Рембрандта весь вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы поворотить живопись отъ предметовъ такъ называемыхъ возвышенныхъ къ жизни обыденной, пошлой. Самая цѣль этого поворота требовала, чтобы онъ совершенъ былъ какъ можно круче, чтобы у новой живописи въ самыхъ пріемахъ не оставалось никакой связи съ прежнею идеализирующею живописью. Нужно было обратиться прямо къ нагой, голой фотографіи обыденныхъ предметовъ, начиная отъ самаго незначительнаго вида голландской природы, и кончая горшкомъ голландской кухни. Это именно и сдѣлалъ Рембрандтъ съ своею школою, и въ этомъ состоитъ ихъ заслуга и величіе.

Нѣчто подобное въ миніатюрномъ, конечно, размѣрѣ, мы можемъ видѣть въ нашей литературѣ. Послѣ графовъ и князей Звонскихъ,

Лидиныхъ, Громовыхъ, Томскихъ и тому подобныхъ, наша публика съ жадностію бросилась на этюды изъ обыденной жизни казака Луганскаго и на повѣсти г. Григоровича изъ крестьянскаго быта, — а такъ какъ мужички г. Григоровича были все-таки очень рафинированные мужики, то потомъ еще съ большею жадностію она бросилась на мужиковъ г. Успенскаго, какъ подлинныхъ мужиковъ, выведенныхъ во всей ихъ жалкой обстановкѣ и въ грязномъ видѣ. Никто не обращалъ тогда вниманія на то, что и казакъ Луганскій писалъ свои этюды и Григоровичъ и Успенскій изображали своихъ мужичковъ безъ всякой цѣли. Всѣ довольны были тѣмъ, что видятъ передъ собою нѣчто, что дѣйствительно есть въ ихъ жизни, а не измышленія, которыя изображались прежде подъ именемъ русской жизни.

Однакожь, когда всѣ согласились въ томъ, что поэзія должна изображать жизнь дѣйствительную, а не вымышленную, когда объ этомъ стали стараться и большія, и малыя дарованія въ своихъ произведеніяхъ, и это сдѣлалось принципомъ въ литературѣ,—тогда тѣ самыя произведенія, которыя прежде привлекали къ себѣ общее вниманіе, потеряли для всѣхъ значительную часть своей прежней прелести. Потому что на той именно почвѣ, на которую вступила новая поэзія, стали требовать отъ нея дальнѣйшаго развитія. Поэтамъ говорятъ: вы изображайте намъ дѣйствительность, какъ она есть, но изображайте не подъ рядъ, какъ она есть, а изображайте съ выборомъ, съ разумною цѣлію, — изображайте то, что имѣетъ смыслъ въ себѣ, что можетъ доставить пользу читателю. Иначе сказать: имѣйте направленіе въ своихъ изображеніяхъ.

Г. Буслаевъ ненавидитъ направленіе всею душою. Онъ говоритъ, что критика, имѣющая въ виду одно направленіе, есть не критика, а судъ присяжныхъ, которая дѣлаетъ приговоры надъ произведеніями не по ихъ достоинствамъ, а только потому, либеральны они или консервативны. Критика, которая приходитъ въ восторгъ отъ каждаго либеральнаго произведенія только потому, что оно либерально, конечно одностороння; но критика, которая осуждаетъ каждое консервативное (въ смыслѣ г. Буслаева) произведеніе, именно за то только, что оно консервативно, не входя ни въ какой дальнѣйшій разборъ его частныхъ достоинствъ или недостатковъ, вполнѣ основательна. Всякое произведеніе искусства должно содѣйствовать прогрессу человѣчества,—и въ ряду художественныхъ произведеній, дошедшихъ до насъ изъ прошедшихъ вѣковъ и сохранившихъ доселѣ право на безсмертіе, нѣтъ ни одного консервативнаго. Всѣ они были въ высшей степени прогрессивны для своего времени. Такова именно была въ свое время и самая обыкновенная на нашъ взглядъ по своей мысли голландская школа. Но ошибка голландской школы именно въ томъ

и состояла, что начавъ хорошо, т. е. въ высшей степени прогрессивно, она остановилась на своемъ началѣ, не пошла далѣе безцѣльнаго изображенія разныхъ сценъ, пейзажей и т. п. и опережена была движеніемъ времени, исторіей, которая никакого застоя не терпитъ, и потому осталась въ свое время безъ вліянія на развитіе искусства.

Все, что мы говорили доселѣ, мы говорили только между прочимъ, по поводу напраснаго вмѣшиванья г. Буслаевымъ въ свою лекцію разныхъ ученыхъ именъ. Теперь обратимся снова къ дѣлу.

Изъ переданнаго нами содержанія лекціи г. Буслаева читатель видитъ, какія незрѣлыя и поверхностныя воззрѣнія на литературу и искусство существуютъ у насъ даже на университетскихъ каѳедрахъ. Гдѣ же молодымъ поколѣніямъ, которыя воспитываются или въ стѣнахъ университета, или подъ его вліяніемъ, искать свѣта? Нельзя не сознаться, что наша университетская наука доселѣ представляетъ характеристическое явленіе. Всюду, исключая развѣ Англіи, университетская наука несетъ знамя прогрессивнаго движенія— въ области мысли. Каждая новая система, каждое новое умственное завоеваніе является или въ стѣнахъ университета, или по крайней мѣрѣ здѣсь немедленно находитъ себѣ пріютъ и получаетъ права гражданства. Въ случаѣ появленія какого нибудь значительнаго таланта въ наукѣ, университеты наперерывъ другъ передъ другомъ изъ всѣхъ силъ хлопочутъ о томъ, чтобы ввести эту новую силу въ составъ своего ученаго персонала. У насъ напротивъ, университетская наука какъ бы намѣренно старается оградить себя отъ всякаго *новшества* въ мысли. Говорятъ: это и хорошо, что университетская наука держитъ себя благоразумно консервативно, не распаляя молодые умы разными напрасными мечтаніями. Мы ни слова противъ этого, если наша наука поставлена въ необходимость преслѣдовать нѣсколько цѣлей. Но всякій консерватизмъ имѣетъ свои границы, — и есть предѣлы, за которыми онъ превращается въ отсталость. Какъ иначе назвать, какъ не глубоко отсталыми, тѣ воззрѣнія на литературу и искусство, которыя высказываетъ г. Буслаевъ?

Но отсталость непроизвольная, не намѣренная, какую мы признаемъ въ лекціи г. Буслаева, вещь еще не особенной важности; гораздо серьезнѣе и опаснѣе для университетской науки та отсталость, которая обнаруживается не въ игнорированіи новаго только изъ благоговѣнія къ старому, но въ какой-то упорной непріязненности и враждебности ко всему новому именно за то, что оно ново, безъ особенной при этомъ привязанности къ старому. Большею частію въ этомъ случаѣ люди въ своихъ научныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ водятся вовсе не научными мотивами; но бываетъ конечно и иначе. Съ нѣкотораго времени подобныя явленія стали встрѣчаться нерѣд-

ко въ нашей университетской наукѣ и, что всего прискорбнѣе, стали встрѣчаться даже въ молодыхъ профессорахъ.

Нѣчто подобное встрѣтили мы по крайней мѣрѣ во вступительной лекціи всеобщей исторіи г. Герье, въ которой изложенъ очеркъ различныхъ въ разныя времена методовъ въ изложеніи исторіи и различныхъ взглядовъ на нее, какъ науку. Университетская лѣтопись въ той самой книжкѣ московскихъ «Университетскихъ Извѣстій», гдѣ помѣщено нѣчто въ родѣ програмы этой лекціи (полная лекція напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за прошедшій годъ), повѣствуетъ, что г. Герье кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету въ 1858 году, въ 1861 году выдержалъ экзаменъ на степень магистра всеобщей исторіи; въ слѣдующемъ году защищалъ диссертацію подъ заглавіемъ: *Борьба за польскій престолъ въ 1733 году*, написанную по источникамъ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ; осенью 1861 года былъ посланъ за границу на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, въ 1864 году избранъ доцентомъ всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ, но до прошедшаго академическаго года продолжалъ свои занятія за границей, преимущественно въ Испаніи и Германіи. Изъ этого видно, что г. Герье могъ имѣть очень хорошую подготовку. Хотя его лекція даетъ гораздо меньше, чѣмъ можно ожидать отъ такой блестящей подготовки, но не лишаетъ надежды. Всякій, кто прочтетъ ее, увидитъ, что если еще г. Герье поучится, подкрѣпитъ себя болѣе основательнымъ знаніемъ и размышленіемъ, то современемъ онъ, пожалуй, будетъ составлять и очень недурныя лекціи. Дѣлать какіе нибудь рѣшительные выводы по первой лекціи никакъ нельзя, и мы прошли бы молчаніемъ первый ученый грѣхъ г. Герье, если бы онъ не удѣлилъ въ своей вступительной лекціи нѣсколько страницъ Боклю, очень не лестныхъ для послѣдняго.

Долгъ справедливости и человѣколюбія заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ въ защиту Бокля.

Мы не знаемъ ни одного историческаго писателя, который такъ благосклонно былъ бы принятъ русскою публикою, и который въ такое короткое время успѣлъ бы такъ значительно распространиться въ ней, какъ Бокль. Перебирая за тѣмъ въ нашей памяти произведенія всѣхъ отечественныхъ историковъ, мы не можемъ указать ни одного, которое могло бы своими достоинствами соперничать съ сочиненіемъ Бокля и которое принесло бы хотя четверть той пользы нашему умственному развитію, какую принесла книга Бокля. Казалось бы — судя по этому, — что каждый россіянинъ, желающій распространенія просвѣщенія въ своемъ отечествѣ, долженствовалъ бы быть благодаренъ этому почтенному иностранцу, который написалъ

такую хорошую ученую книгу, что даже русскій человѣкъ, большею частію бѣгающій всякаго ученаго чтенія, читаетъ ее съ удовольствіемъ.

А между тѣмъ Бокль то и дѣло получаетъ незаслуженные толчки отъ разныхъ россійскихъ сочинителей. Его бранитъ г-жа Евгенія Туръ, бранятъ «Московскія Вѣдомости», бранитъ, говорятъ, г. Стасюлевичъ въ своей философіи исторіи, наконецъ каждый изъ тѣхъ ученыхъ и литераторовъ, которымъ не нравится современное направленіе литературы, заговоривъ о ней, непремѣнно считаетъ за долгъ кстати и не кстати прихватить Бокля.

Отчего это? Что сдѣлалъ такого ужаснаго Бокль? Говорятъ, онъ односторонenъ, парадоксаленъ. Положимъ, такъ. Но развѣ есть какой нибудь изъ нашихъ отечественныхъ историковъ, который былъ бы менѣе одностороненъ и порадоксаленъ, чѣмъ Бокль, хотя наши историки никогда почти не выходятъ изъ уровня исторической рутины? Самый парадоксъ свѣтлаго ума есть если не шагъ къ истинѣ, то сильный толчекъ для ея разработки, — тогда какъ парадоксъ рутинера только еще болѣе увеличиваетъ мракъ, облегающій извѣстный предметъ. Мы вѣдь только не хотимъ обижать нашихъ историковъ, и потому не перечисляемъ разныхъ вопіющихъ ихъ односторонностей и парадоксовъ, въ сравненіи съ которыми односторонности и парадоксы Бокля просто ничто, — и если Бокль въ чемъ нибудь болѣе виноватъ, чѣмъ они, то развѣ только въ томъ, что онъ — свѣтлый умъ, прокладывающій новую дорогу въ наукѣ, что самыя его ошибки составляютъ нѣкоторымъ образомъ пріобрѣтеніе въ наукѣ, потому что они даютъ толчки для новыхъ изслѣдованій,—тогда какъ наши... ну, да что впрочемъ говорить о дѣлѣ общеизвѣстномъ? — Отчего же, спрашивается, объ одныхъ односторонностяхъ и парадоксахъ—часто вредныхъ въ наукѣ и уже на худой конецъ безполезныхъ, не говоритъ никто,—тогда какъ односторонности и парадоксы Бокля, полезные для науки и во всякомъ случаѣ безвредные, подвергаются общимъ нападеніямъ, въ особенности записныхъ ученыхъ. Отчего это? Оттого, намъ кажется, что Бокль слишкомъ свѣтелъ и новъ для рутины.

Замѣчательно, что Бокль опровергается какимъ-то страннымъ образомъ. Даже иностранные опровергатели его, которыхъ намъ случалось читать, и которые, вѣроятно, пишутъ свои опроверженія, предварительно прочитавши внимательно Бокля, нападаютъ въ немъ на частности, на мелочи, но не на цѣлое. Опроверженія нашихъ опровергателей еще мелочнѣе и, въ добавокъ къ тому, большею частію и по мелочамъ бьютъ не впопадъ, такъ что при чтеніи этихъ опроверженій является подозрѣніе: читали ли опровергатели сами

Бокля, не опровергають ли они его по наслышкѣ? Такое именно впечатлѣніе выносится читателемъ и изъ лекціи г. Герье.

Прежде нежели приступимъ къ замѣчаніямъ г. Герье на Бокля,— выскажемъ первоначально связь цѣлаго сочиненія Бокля, на сколько позволитъ намъ память, такъ какъ у насъ нѣтъ подъ руками Бокля.

Бокль говоритъ, что на каждую *первобытную* цивилизацію природа имѣетъ рѣшительное вліяніе. Цивилизація можетъ, по его мнѣнію, начаться только тамъ, гдѣ трудъ человѣка поставленъ въ такія благопріятныя условія, что накопленіе богатства дѣлается возможнымъ. Поэтому во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ трудъ человѣка вовсе не вознаграждается отъ скудости природы или отъ ея безграничной производительности, которой не въ состояніи подчинить себѣ трудъ человѣка, народы остаются въ томъ же дикомъ состояніи, въ какомъ они были въ незапамятныя времена, если къ нимъ, само собою разумѣется, не пришла на помощь *пересадочная* цивилизація.

Но и тамъ, гдѣ началась цивилизація, гдѣ слѣдовательно накопленіе богатства возможно, цивилизація не можетъ прочно утвердиться , если богатства распредѣляются слишкомъ неравномѣрно, иначе сказать, если природа не даетъ правильнаго развитія труду человѣка. Въ странахъ жаркихъ, гдѣ ничтожный трудъ человѣка вознаграждается очень обильно, гдѣ между тѣмъ для существованія человѣка требуется очень мало и климатъ дѣйствуетъ на человѣка разслабляющимъ образомъ, человѣкъ дѣлается безпеченъ относительно своего будущаго и вслѣдствіе этого становится жертвою эксплуатаціи. Громадныя богатства скопляются въ немногихъ рукахъ, а милліоны остаются въ нищенствѣ, которое дѣлается тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ при благопріятныхъ природныхъ условіяхъ быстрѣе размножается народонаселеніе. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого бываетъ невыносимый гнетъ со стороны богатыхъ классовъ и неисходное рабство бѣдныхъ классовъ и за тѣмъ неизбѣжное паденіе обществъ, основанныхъ на такихъ неправильныхъ отношеніяхъ. Въ этомъ Бокль видитъ причину паденія древнѣйшихъ цивилизацій.

Европа представляла собою самое благопріятное мѣсто для прочнаго утвержденія первобытной цивилизаціи. Почва Европы, вознаграждавшая трудъ человѣка безъ излишества, но достаточнымъ образомъ, поддерживала энергію труда; къ той же цѣли способствовалъ умѣренный климатъ Европы, съ одной стороны не разслаблявшій очень человѣка невыносимымъ зноемъ, а съ другой требовавшій бо́льшихъ удобствъ для него въ жизни и слѣдовательно бо́льшаго труда; народонаселеніе, распространявшееся медленно, держало трудъ человѣка въ постоянной цѣнности. Все это давало возможность къ болѣе равномѣрному распредѣленію богатствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ

приготовляло другія, болѣе правильныя формы общественнаго устройства.

Подъ тѣми же самыми природными условіями, подъ которыми утверждается цивилизація въ извѣстной странѣ, она продолжаетъ и развиваться. Благопріятныя или неблагопріятныя природныя условія рѣзко отражаются не только на экономическомъ и соціальномъ устройствѣ обществъ, но и на всей ихъ умственной культурѣ и ходѣ этой культуры. Даже въ области чистой повидимому свободы, въ нравственныхъ дѣйствіяхъ людей въ обществахъ, вліяніе физическихъ условій обнаруживается въ неизмѣнной правильности числа преступленій, числа браковъ и т. п.

Цивилизація есть ничто иное, какъ постепенное подчиненіе природы человѣку, перемѣна неблагопріятныхъ ея для развитія человѣка условій въ благопріятныя. Единственнымъ средствомъ къ этому служитъ открытіе законовъ природы и вообще распространеніе свѣдѣній, основанныхъ на этихъ открытіяхъ въ массахъ.

Ни религія, ни литература, ни нравственность, ни правительства, почитавшіяся доселѣ двигателями цивилизаціи, никогда въ исторіи таковыми не были. Единственнымъ двигателемъ цивилизаціи было знаніе. Съ каждымъ великимъ открытіемъ въ природѣ европейское человѣчество дѣлало шагъ впередъ на пути своего развитія и изъ суммы этихъ открытій, сопровождавшихся обыкновенно новымъ направленіемъ въ наукахъ, въ общественныхъ воззрѣніяхъ и отношеніяхъ, и составляется то, что называется европейскою цивилизаціею. Пріобщеніе каждаго частнаго народа къ цивилизаціи есть ничто иное, какъ усвоеніе всѣхъ добытыхъ доселѣ человѣчествомъ свѣдѣній о природѣ, распространеніе ихъ въ массахъ, и за тѣмъ дальнѣйшая работа на этомъ пути, совокупно со всѣмъ образованнымъ человѣчествомъ.

Что именно пріобрѣтеніе и распространеніе такихъ только знаній ставитъ каждый народъ на истинный путь цивилизаціи, это доказываетъ Бокль исторіею развитія Англіи. Это и составляетъ главную задачу его сочиненія, quod probandum est.

Теперь просимъ читателя судить, на сколько профессоръ Герье вникъ въ сочиненіе Бокля, когда онъ объ общей мысли сочиненія Бокля говоритъ слѣдующее: «вообще по этому поводу (т. е. по поводу вліянія природы на развитіе человѣка) Бокль впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Онъ въ началѣ своего сочиненія приписываетъ естественнымъ наукамъ необыкновенную важность въ историческихъ вопросахъ, а потомъ самъ показываетъ очень опредѣленно, что чѣмъ выше степень цивилизаціи, тѣмъ болѣе человѣкъ умѣетъ подчинять себѣ природу и тѣмъ менѣе самъ подчи-

няется ей. И дѣйствительно, продолжаетъ онъ, примѣры, приведенные имъ въ доказательство вліянія физическихъ условій, всѣ заимствованы изъ исторіи азіятскихъ народовъ, и хотя онъ посвятилъ два толстые тома исторіи различныхъ европейскихъ народовъ, но не привелъ ни одного примѣра въ подтвержденіе прямаго вліянія физическихъ условій на европейскую исторію.»

Не въ правѣ ли каждый читавшій Бокля заключить изъ этой замѣтки, что профессоръ Герье не читалъ Бокля и пишетъ о немъ по слухамъ?

Однакожъ, нѣтъ, перевернувъ нѣсколько страницъ, вы видите, что профессоръ читалъ Бокля. Ибо профессоръ сообщаетъ здѣсь слѣдующія подробности о сочиненіи Бокля.

«Мы не будемъ, — говоритъ онъ — останавливаться на второй большой половинѣ Боклева сочиненія. Она интересна тѣмъ, что Бокль, обѣщавшій сдѣлать изъ исторіи объективную науку, подалъ въ ней примѣръ крайней субъективности. Бокль предлагаетъ въ ней обзоръ исторіи Франціи, Англіи, Шотландіи и Испаніи со времени реформаціи, для того чтобы съ его помощію доказать нѣсколько любимыхъ положеній. Эти положенія слѣдующія: 1) прогрессъ цивилизаціи зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ изслѣдуются законы, управляющіе явленіями, и распространяются свѣдѣнія объ этихъ законахъ; 2) всякому успѣшному изслѣдованію этихъ законовъ должна предшествовать эпоха скептицизма; 3) отъ этихъ открытій постоянно растетъ запасъ научныхъ и умственныхъ истинъ, тогда какъ нравственныя способности людей мало развиваются и остаются почти въ одномъ и томъ же положеніи; 4) главнымъ препятствіемъ къ цивилизаціи служитъ духъ опеки, въ которомъ часто дѣйствуютъ правительство и церковь.»

Не правда ли, — вѣдь кажется нельзя сомнѣваться, что профессоръ читалъ Бокля? — Однакожь, изъ непосредственно слѣдующихъ за симъ замѣтокъ, въ которыхъ видно непониманіе каждаго изъ вышесказанныхъ положеній Бокля, вы снова склоняетесь къ тому предположенію, что профессоръ только слышалъ о содержаніи книги Бокля отъ другихъ, а самъ ее не читалъ.

«Что касается до этихъ четырехъ положеній, — такъ объясняется профессоръ, — то они въ извѣстномъ смыслѣ (?) совершенно справедливы, особенно если они высказаны въ общихъ выраженіяхъ (!); но они чрезвычайно легко могутъ принять характеръ *парадоксовъ* (*если ихъ не поймутъ*), и нужно сказать, что у Бокля они именно являются съ этимъ характеромъ. Такъ, напримѣръ, скептицизмъ чрезвычайно важный моментъ въ изслѣдованіи истины, если подъ этимъ разумѣть неутомимую пытливость человѣка, которая

никогда не успокоивается на добытыхъ результатахъ, но постоянно провѣряетъ ихъ, смотритъ на нихъ съ новыхъ точекъ зрѣнія, и обогащенная опытностію, снова возвращается къ нимъ. Но едва ли возможно въ жизни народовъ различить особенную эпоху скептицизма. Правда, XVII и XVIII вѣка въ сравненіи съ средними вѣками могутъ показаться скептическою эпохой, но причина этого въ томъ, что только въ это время и началась новая, серьезная научная дѣятельность.»

Ну, а если, положимъ, Персія, Китай и т. п. стали бы пріобщаться къ европейской цивилизаціи и въ нихъ *начала бы возникать серьезная научная дѣятельность*, то какъ вы думаете, профессоръ, явился бы въ нихъ скептицизмъ по отношенію къ прежнимъ ихъ вѣрованіямъ, воззрѣніямъ и убѣжденіямъ, или нѣтъ?

Опровергая третье положеніе Бокля, профессоръ говоритъ: «вопросъ о томъ, что болѣе способствуетъ прогрессу цивилизаціи, умственное ли развитіе людей, или нравственное, столько же празденъ, сколько споръ о томъ, что болѣе способствуетъ движенію локомотива, вода, которая обращается въ паръ, или каменный уголь, съ помощью котораго она обращается въ паръ. Часто повторяемая фраза, что люди вообще въ нравственномъ отношеніи не выше своихъ предковъ, ничего не выражаетъ: вѣдь точно также можно сказать, что люди нашего времени отъ природы не умнѣе современниковъ Аристотеля; однако современное общество далеко опередило древній міръ, какъ въ умственномъ, такъ и нравственномъ отношеніи. Нравственная природа человѣка осталась можетъ быть таже, но нравственныя понятія его измѣнились, уровень нравственности, требуемой обществомъ, возвысился.»

Если бы мы имѣли, подобно профессору, склонность серьезныя истины утверждать на забавныхъ и игривыхъ сравненіяхъ, то здѣсь мы рѣшительно въ правѣ были бы спросить его: когда кошка вертится около собственнаго хвоста, можетъ ли она поймать что нибудь кромѣ этого самаго хвоста? Гдѣ и когда говоритъ Бокль, что нравственность людей остается неизмѣнною? — Онъ говоритъ, что неизмѣнны нравственныя способности людей, неизмѣнны правила нравственности,—но что именно умственное развитіе людей вкладываетъ тотъ или другой смыслъ въ неизмѣнныя нравственныя правила, даетъ имъ ту или другую широту, видоизмѣняетъ ихъ такъ или иначе въ практическихъ отношеніяхъ. Слѣдовательно чѣмъ выше умственное развитіе, тѣмъ, по Боклю, выше нравственность, зависящая отъ умственнаго развитія. Кого же опровергаетъ профессоръ, если не самого себя?

Профессоръ продолжаетъ: «когда Бокль говоритъ объ умствен-

номъ прогрессѣ, онъ имѣетъ почти исключительно въ виду накопленіе свѣдѣній, относящихся къ физическимъ явленіямъ природы, и подведеніе этихъ явленій подъ естественные законы. Но этотъ трудъ далеко не исчерпываетъ умственной работы человѣчества; сюда не входятъ всѣ тѣ улучшенія въ юридическомъ, общественномъ и государственномъ быту, всѣ труды въ области философіи, искусства и литературы, которые преимущественно обусловливаютъ собою характеръ и степень цивилизаціи».

Когда хорошее зерно положено въ хорошую землю, дастъ оно изъ себя растеніе и плодъ, при надлежащемъ, разумѣется, уходѣ за нимъ? Непремѣнно дастъ. Поэтому Бокль говоритъ: было бы только хорошее зерно,—а ужъ растеніе и плодъ непремѣнно будутъ. И въ постепенномъ ходѣ цивилизаціи считаетъ одни зерна, или иначе сказать, открытія законовъ природы. Профессоръ Герье, признавая растеніе и плодъ чѣмъ-то совершенно отдѣльнымъ, независимымъ отъ зерна, изъ котораго они произошли, находитъ у Бокля ошибку въ томъ, что онъ не считаетъ растенія и плодовъ наравнѣ съ зернами. Кто изъ нихъ правѣе? — Если бы профессоръ внимательно прочелъ исторію философіи, то онъ увидѣлъ бы, что каждая новая философская система была ничто иное, какъ новая попытка извѣстнаго времени объяснить законы всего сущаго на основаніи вновь накопившихся свѣдѣній о природѣ или по крайней мѣрѣ не въ противорѣчіи съ ними. Хорошее, дѣльное въ ней и были только именно эти свѣдѣнія и непосредственные изъ нихъ выводы; остальное составляли тѣ произвольныя ипотезы, которыми она старалась пополнить недостатокъ положительныхъ знаній о природѣ, чтобы дать какое нибудь связное представленіе о всемъ сущемъ. Въ наше время, когда естественныя науки сдѣлали очень значительные успѣхи, прежнія мечтательныя построенія міра сдѣлались невозможными. Философію и теперь уже почти что замѣняетъ скромный сводъ результатовъ, добытыхъ естественными науками, и строго сдѣланныхъ изъ нихъ выводовъ. Въ послѣдствіи же, — въ чемъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, — то, что называлось прежде философіею, отождествится съ суммою положительныхъ знаній о природѣ. А такъ какъ философія составляла основаніе всѣхъ другихъ наукъ, въ томъ числѣ и юриспруденціи, и общественнаго и государственнаго устройства, и теоріи искусства и литературы, то отсюда ясно, правъ ли былъ Бокль, относя къ несомнѣннымъ пріобрѣтеніямъ цивилизаціи только тѣ здоровыя зерна, которыя давали дѣйствительно доброе растеніе и добрый плодъ, и не ставя въ число этихъ пріобрѣтеній тѣ дурныя сѣмена, которыя давали только пустоцвѣтъ или просто сорную траву, которую послѣ надобно было выдергивать.

Изъ представленныхъ нами выдержекъ читатель видитъ, какого рода замѣчанія дѣлаетъ г. Герье на сочиненіе Бокля. Не говоря уже о ихъ мелочности и ничтожности, онѣ въ существѣ дѣла представляютъ собою скорѣе печальныя недоразумѣнія самого г. Герье, чѣмъ дѣйствительныя критическія замѣчанія. Присовокупите къ этому высокомѣрный тонъ, который принимаетъ профессоръ по отношенію къ такимъ почтеннымъ именамъ, какъ Бокль и Либихъ, тонъ, смѣемъ сказать, совершенно не соотвѣтствующій ни знаніямъ, ни таланту профессора, его неумѣнье владѣть логически мыслію, школьническое стремленіе блистать ученостію совершенно не кстати, безъ всякой нужды,—и вы получите понятіе о томъ впечатлѣніи, которое производитъ все разсужденіе профессора Герье о Боклѣ.

Впрочемъ, чтобы насъ не обвинили въ голословности нашихъ приговоровъ относительно логической несостоятельности и лжеученности разсужденій г. Герье,—мы представимъ здѣсь образчикъ того порядка, въ какомъ связываетъ профессоръ свои мысли, не касаясь при этомъ достоинства дѣлаемыхъ профессоромъ замѣчаній, потому что по истинѣ на это не стоитъ терять времени.

Сказавъ, что собранныя Боклемъ данныя изъ наблюденій надъ сельскимъ хозяйствомъ и промыслами различныхъ народовъ имѣютъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ его толки о вліяніи климата и проч. на психологическій характеръ народовъ, профессоръ считаетъ нужнымъ замѣтить: первое, что эти данныя большею частію выходятъ уже изъ предѣловъ естественныхъ наукъ и подлежатъ политической экономіи, и слѣдовательно, дескать, Бокль относитъ ихъ къ естественнымъ наукамъ неосновательно, а второе, и главное, говоритъ профессоръ, такого рода данныя легко вовлекаютъ въ заблужденіе — одною какою нибудь причиною объяснять то, что вызвано столкновеніемъ разнообразныхъ причинъ. Это увлеченіе есть и у Бокля, говоритъ профессоръ, — но у Либиха такія увлеченія гораздо разительнѣе. Либихъ всѣ историческіе перевороты объясняетъ нераціональнымъ веденіемъ сельскаго хозяйства и истощеніемъ полей. Далѣе профессоръ подробно разсказываетъ, въ какіе парадоксы и ошибки отъ этого увлеченія впадаетъ Либихъ при объясненіи греческой исторіи. Вы думаете, что профессоръ на этомъ остановится, потому что и то, что онъ говоритъ о Либихѣ и о Греціи, вовсе къ дѣлу нейдетъ. Нѣтъ, профессоръ продолжаетъ: но еще, говоритъ, поразительнѣе увлеченія Либиха относительно Испаніи. Слѣдуетъ разсказъ объ испанскихъ увлеченіяхъ Либиха. Вы думаете, что профессоръ по крайней мѣрѣ здѣсь остановится. Нѣтъ, — сдѣлавъ замѣчаніе о наивности, съ которою Либихъ даже борьбу христіанъ съ маврами объясняетъ враждою двухъ народовъ за насущный хлѣбъ, профессоръ отпускаетъ по это-

му поводу слѣдующую вовсе не профессорскую остроту: «послѣ этого мы смѣло можемъ надѣяться, что со временемъ явится другой химикъ, который будетъ объяснять освобожденіе Россіи отъ татарскаго ига истощеніемъ русскихъ полей, а французскую революцію и походъ Наполеона I на Россію—истощеніемъ французскихъ полей», и затѣмъ снова продолжаетъ: а впрочемъ Испанія особенно счастлива на увлеченія. Еще за 250 лѣтъ до Либиха жилъ нѣкоторый испанскій писатель Герара, который оскудѣніе полей и дороговизну всего объяснялъ введеніемъ въ Испаніи въ половинѣ XIII вѣка *лошака*, который не имѣетъ силы пахать достаточно глубоко. Объ этомъ также разсказъ.

Очевидно, что ни Либихъ, ни Герара, ни Греція, ни Испанія, для разъясненія дѣла нисколько не нужны. Бокля они нисколько не опровергаютъ, и приплетать ихъ къ дѣлу никакъ не слѣдовало. Они вошли въ сочиненіе не въ силу логическаго мышленія, а единственно по ассоціаціи идей, съ которой логическая мысль профессора не можетъ управиться. Отъ писанія ученаго сочиненія по такому необычному способу выходитъ, что о томъ, о чемъ нужно, профессоръ говоритъ десять, пятнадцать пустыхъ строкъ, а о чемъ не нужно, онъ пишетъ цѣлыя страницы.

Представленный нами примѣръ нелогическаго увлеченія профессора ни чуть не единственный и не исключительный. Напротивъ, у профессора это обычная манера опровергать Бокля то Либихомъ и Герарою, то Рафаэлемъ, то какимъ-то Гадріаною, то Августомъ Шлейхеромъ, то даже какимъ-то Археемъ, сидящимъ въ желудкѣ человѣка.

Однимъ словомъ, такой сумбуръ мыслей, свидѣтельствующій сколько о нетвердости, столько же и о неясности представленія въ головѣ профессора, можно встрѣтить развѣ только въ какомъ нибудь фельетонѣ. И хотя профессоръ изъ всѣхъ силъ бьется, чтобы показаться ученѣйшимъ, приводитъ цитаты даже изъ Либиха и Августа Шлейхера, совершенно не нужныя для его дѣла, и повидимому, готовъ бы былъ привести таковыя даже изъ Архея, сидящаго въ желудкѣ, если бы только у Архея были сочиненія,—тѣмъ не менѣе мы сильно подозрѣваемъ, что профессоръ зачитывается фельетонами «Голоса». Иначе трудно объяснить чисто фельетонную манеру его писанія, которую не только не прикрываетъ, но еще болѣе обнаруживаетъ наружная ученая маска.

Замѣчательнѣе и прискорбнѣе всего то, что профессоръ самъ не замѣчаетъ своей слабости. Онъ, напротивъ, видимо благодушествуетъ: ему представляется, что онъ разбилъ Бокля въ пухъ и прахъ. Въ упоеніи своимъ торжествомъ онъ доходитъ до того, что хочетъ

подарить историческую науку вмѣсто метода Бокля своимъ собственнымъ методомъ. Что, говоритъ, климатъ! Что физическія условія!— Все это пустяки,—о чемъ толкуетъ Бокль,—а вся суть дѣла въ исторіи—это *идеи.* Онѣ «имѣютъ громадное вліяніе на судьбу народовъ и на ходъ цивилизаціи».

Вы настораживаете ухо, чтобы узнать, что за новую силу открылъ профессоръ,—и узнаете, что эта сила нисколько не новая, а давно извѣстная и ни мало не отвергаемая Боклемъ, но Бокль не говоритъ объ этой силѣ потому, во 1-хъ, что не всякая историческая идея содѣйствуетъ цивилизаціи, а во 2-хъ, и тѣ идеи, которыя содѣйствуютъ цивилизаціи, берутся не изъ воздуха, а исходятъ изъ той же суммы знанія, которое онъ признаетъ корнемъ всякой цивилизаціи. Господинъ же Герье стоитъ относительно идей совершенно на другой точкѣ зрѣнія. По его мнѣнію, историческія идеи представляютъ собой подобіе птицъ, о которыхъ никто не знаетъ, откуда они прилетаютъ и куда отлетаютъ. Такова, говоритъ онъ, была идея всемірной христіанской имперіи въ теченіе среднихъ вѣковъ въ западной Европѣ, — такова, говоритъ, есть идея равенства, возникшая въ Европѣ въ половинѣ прошедшаго вѣка и властвующая доселѣ. Но, говоритъ профессоръ, еще первая идея не совсѣмъ недовѣдомая, — она опиралась хоть сколько нибудь на прошедшее, на историческія данныя; но «гдѣ, напримѣръ, искать начала другой идеи, которая волновала болѣе близкое къ намъ время, — идеи о равенствѣ людей между собою? Выдумка ли она философовъ, или она вытекаетъ изъ свойства человѣческой природы? Намъ нѣтъ дѣла здѣсь, — оговаривается профессоръ, — до ложныхъ толкованій, которымъ она подвергалась, и до злоупотребленій, которыя она порождала; мы указываемъ только на силу ея вліянія въ исторіи міра съ половины прошлаго столѣтія до послѣдней кровопролитной войны, окончившейся политическою эмансипаціею негровъ».

На нашъ взглядъ странными вопросами затрудняетъ себя профессоръ, спрашивая: идея равенства выдумка ли философовъ, или... и проч.? Очевидно, выдумка философовъ. И даже извѣстно, кто ее выдумалъ. Вольтеръ ее выдумалъ, а съ его словъ пошли болтать и другіе. Болтовня шла все дальше и дальше, наконецъ дошла до негровъ—и они взбунтовались. Тутъ, намъ кажется, и головы ломать не надъ чѣмъ, — тутъ все ясно, какъ Божій день.

И все это, читатель, въ наши дни провозглашается съ университетскихъ каѳедръ! И даже печатается! Что жь послѣ этого мы должны думать о тѣхъ лекціяхъ, которыя не печатаются, а остаются въ литографированныхъ тетрадкахъ или даже и не литографируются?

Отъ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстій» переходимъ къ

другому московскому журналу «Русскому Архиву», издаваемому при Чертковской библіотекѣ. Журналъ этотъ издается уже четвертый годъ каждомѣсячно книжечками до 5 листовъ и представляетъ собою сборникъ историко-литературныхъ матеріаловъ XVIII и XIX столѣтій. Мысль изданія очень хорошая, и хотя издатели помѣщаютъ въ немъ не мало хлама, рѣшительно ни къ чему не пригоднаго, тѣмъ не менѣе изданіе за одну мысль заслуживаетъ сочувствія и поддержки. Кто-то давно уже сказалъ, что истинною исторіею, исторіею въ истинномъ значеніи этого слова, можетъ быть только исторія того времени, въ которое мы живемъ, или ближайшаго къ намъ. Для такой исторіи «Архивъ» представляетъ иногда очень интересные матеріалы.

Въ двухъ вышедшихъ за нынѣшній годъ книжкахъ «Архива», кромѣ разныхъ мелкихъ замѣтокъ, намъ болѣе другихъ интересными показались слѣдующія статейки: 1) Лагарпъ въ Россіи и 2) Графъ Е. Ф. Канкринъ. Съ ними мы и познакомимъ нашихъ читателей.

Статейка о Канкринѣ представляетъ краткій очеркъ его жизнеописанія, заимствованный «Архивомъ», съ немногими дополненіями, изъ появившейся въ 1865 году въ Брауншвейгѣ книги: Aus den Reisetagebüchern des Grafen Georg Kankrin (Дорожные дневники графа Канкрина).

Графъ Канкринъ родился въ Германіи, въ Гессенскомъ курфиршествѣ въ 1774 году. Образованіе получилъ классическое, но много занимался также юридическими и политико-экономическими науками. Будучи студентомъ въ городѣ Гессенѣ, онъ учредилъ «идеальное дружеское общество», потомъ написалъ и издалъ романъ подъ названіемъ «Дагоберъ», занимался поэзіею и философіею. Поэтическія способности не оставляли графа до конца жизни. Уже на верху своей славы, почти потерявъ зрѣніе отъ тяжкихъ занятій финансовыми дѣлами, онъ еще писалъ и печаталъ въ Германіи свои повѣсти подъ общимъ названіемъ: «Фантастическіе образы слѣпца» (Phantasienbilder eines Blinden). Это не мѣшало ему впрочемъ заниматься и учеными сочиненіями по части политической экономіи и финансовъ. Въ числѣ послѣдняго рода сочиненій лучшимъ по части финансовъ почитается «Экономія человѣческихъ обществъ», изданная въ Штутгардтѣ въ 1845 году.

Графъ Канкринъ прибылъ въ Россію 23 лѣтъ отъ роду, и хотя по связямъ своего отца, бывшаго директоромъ соляныхъ варницъ въ Старой Русѣ, поступилъ въ русскую службу прямо надворнымъ совѣтникомъ, — но не зная русскаго языка, не могъ долго получить соотвѣтственнаго чину значительнаго мѣста и находился въ очень затруднительномъ положеніи. Сохранились письма его къ академику

Николаю Фуссу, въ которыхъ будущій министръ проситъ Фусса дать ему мѣсто учителя въ гимназіи. «Мѣсто было нужно, — говоритъ «Архивъ», молодой Канкринъ самъ себѣ чинилъ сапоги и платье, и долженъ былъ отказаться отъ куренія табаку».

Составленный имъ проэктъ объ овцеводствѣ, на который обратилъ вниманіе вицеканцлеръ графъ И. А. Остерманъ, вывелъ его изъ этого положенія. Онъ былъ назначенъ помощникомъ отцу по управленію старорусскими варницами. Это было въ 1800 году. Послѣ этого Канкринъ занималъ разные посты и должности, главнымъ образомъ по интендантской части, пока наконецъ въ 1823 году былъ назначенъ министромъ финансовъ послѣ графа Гурьева.

Министерскій постъ Канкринъ занималъ въ теченіи 21 года. «Архивъ» передаетъ нѣкоторыя изъ тѣхъ воззрѣній, которыми руководствовался этотъ во всякомъ случаѣ замѣчательнѣйшій изъ министровъ нашихъ финансовъ въ своей дѣятельности.

Въ 1821 году Канкринъ издалъ въ Мюнхенѣ книгу подъ заглавіемъ: «Weltreichthum, Nationalreichthum und Staatswirtschaft (Всемірное богатство, народное богатство и государственное хозяйство). Начала, изложенныя въ этомъ небольшомъ сочиненіи, говоритъ «Архивъ», — легли въ основу русско-финансовой системѣ. Благосостояніе людей каждаго въ частности, а не умноженіе общаго государственнаго дохода, должно быть непреложною задачею управленія. Умѣренный, по возможности одинаковый достатокъ всего народа, а не огромный итогъ доходовъ, при которомъ половина народонаселенія иногда нищенствуетъ — вотъ идеалъ Канкрина. Богатство въ частной жизни пріобрѣтается не иначе, какъ на счетъ другихъ; то же самое происходитъ и въ иностранной торговлѣ. Народы владѣютъ извѣстными долями всемірнаго богатства по мѣрѣ хитрости и насилія, посредствомъ которыхъ они обогащаются на счетъ своихъ сосѣдей. Отсюда опасливость Канкрина относительно большихъ торговыхъ государствъ, а особенно Англіи, а также и его приверженность къ тарифамъ и покровительственной системѣ. «Независимое, обезпеченное существованіе есть главная цѣль народа, и этой цѣли должно служить и народное богатство».

«Въ государственномъ, какъ и въ частномъ быту, — говоритъ Канкринъ, — можно разориться не столько отъ капитальныхъ расходовъ, какъ отъ ежедневныхъ, мелочныхъ издержекъ. Первые дѣлаются не вдругъ, по зрѣломъ размышленіи, а на послѣдніе не обращаютъ вниманія, между тѣмъ копѣйки ростутъ въ рубли.»

Послѣ обязательнаго, гостепріимнаго старца гр. Д. А. Гурьева, жившаго открытымъ домомъ и по супругѣ своей, графинѣ Салтыковой, связаннаго съ высшимъ петербургскимъ обществомъ, Канкринъ

принялъ министерство финансовъ въ самомъ плачевномъ положеніи. Необходимо было приступить къ энергическому преобразованію финансовъ. «Немедленно, говоритъ Архивъ, была покинута система обращенія всей массы ассигнацій въ процентный долгъ для насильственнаго погашенія государственныхъ долговъ и приняты мѣры къ образованію запасныхъ капиталовъ. Рѣдкое знаніе всѣхъ отраслей военнаго хозяйства дало Канкрину возможность указать и провести значительныя сокращенія въ издержкахъ военнаго министерства и тѣмъ восполнить предстоявшій въ 1823 году недочетъ. Издержки другихъ министерствъ также были значительно ограничены. Напротивъ доходы не замедлили умножиться вслѣдствіе отмѣны злоупотребленій и улучшеній въ дѣлѣ откупа и таможенныхъ сборовъ. Уже въ 1824 году недочету не существовало, кредитъ государства значительно поднялся.» Русскій біографъ Канкрина А. П. Шиповъ говоритъ, что онъ уже въ первые четыре года своего управленія скопилъ слишкомъ 160 милліоновъ рублей ассигнаціями, и не прибѣгая къ иностраннымъ займамъ, до такой степени поправилъ разстроенные до него финансы имперіи, что ни значительныя войны (съ Персіею, Турціею, въ Италіи и на Кавказѣ), ни польскій бунтъ, ни холера и наводненія, ни другія бѣдствія не могли поколебать высокой стоимости русскаго рубля на европейскихъ биржахъ.

Опредѣляя заслуги своей министерской дѣятельности, Канкринъ говорилъ, что заслуги его состояли не въ томъ, что сдѣлано, а въ томъ, чего онъ не допустилъ.

При назначеніи министромъ финансовъ, вмѣсто аристократическаго Гурьева, — Канкрина, человѣка мало извѣстнаго въ высшемъ обществѣ, мало обтертаго, въ обращеніи рѣзкаго, публика русская ахнула отъ удивленія, говоритъ «Архивъ». И если вѣрить словамъ «Архива», то графъ Канкринъ въ самомъ дѣлѣ былъ неспособенъ замѣнить для публики графа Гурьева. До конца жизни онъ сохранилъ—говоритъ «Архивъ»—умѣренность и простоту въ образѣ жизни. Уже министромъ видѣли его дома почти постоянно въ солдатской шинели, съ сигарой русскаго производства. Онъ даже не держалъ стакана въ кабинетѣ и пилъ воду какъ попало. Старомодные серебряные часы свои онъ цѣнилъ выше всякихъ другихъ и даже завѣщалъ ихъ, какъ драгоцѣнность, пастору Муральту. Конверты бумагъ и писемъ, къ нему приходившихъ, всегда распечатывались тщательно и сберегались. «Они на что нибудь пригодятся, говорилъ Канкринъ. Бѣдность пріучила меня съ неохотою выдавать деньги, и потому теперь я нарочно не записываю своихъ расходовъ, чтобы не раздражаться ихъ обширностію».

«Однажды великій князь Михаилъ Павловичъ увѣдомилъ Канк-

рина, что государь по его прошенію не только дозволилъ двумъ старшимъ сыновьямъ его ходить на уроки въ Пажескій Корпусъ, но и приказалъ выдавать по 1000 руб. пенсіи профессору Шульгину, подъ надзоромъ котораго они состояли. Благодаря за монаршую милость, Канкринъ прибавилъ: «по милости государя я въ состояніи самъ расходоваться на дѣтей моихъ, и потому всеподданнѣйше прошу обратить назначаемую сумму въ пользу кого либо болѣе нуждающагося.»

«Въ 1838 году графъ Канкринъ преподавалъ финансовыя науки благополучно нынѣ царствующему государю императору, еженедѣльно по два раза. Лекціи свои онъ записывалъ и онѣ хранятся въ архивѣ министерства финансовъ.»

Въ 1818 году Канкринъ составилъ записку объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости. Препроводивъ эту записку графу Нессельроде для представленія государю, Канкринъ писалъ между прочимъ Нессельроде: «признаюсь, этотъ предметъ съ давнихъ поръ лежалъ у меня на сердцѣ, и увидавъ въ Москвѣ, какъ вся публика недовольна намѣреніемъ Императора освободить крестьянъ, я почерпнулъ въ этомъ новое побужденіе изложить мои мысли.»

Записка эта напечатана въ 11 и 12 книжкахъ «Архива» за прошедшій годъ. Въ настоящее время для насъ самая записка не можетъ имѣть никакого живаго интереса, но взглядъ, который высказываетъ въ ней Канкринъ на положеніе русскихъ крестьянъ, показываетъ, какъ уже въ то время умные люди находили необходимымъ освобожденіе и какъ лгутъ тѣ изъ современныхъ журналистовъ, которые прежнее состояніе крестьянъ подъ властію помѣщиковъ изображаютъ въ какомъ-то идиллическомъ состояніи.

«Естественныя послѣдствія крѣпостнаго состоянія, — говоритъ Канкринъ, — по самому свойству своему ничѣмъ не ограниченнаго, роскошь и разныя другія причины, въ особенности же не по силамъ предпринимаемыя помѣщиками винокуренныя операціи, необдуманное устройство разнаго рода фабрикъ, тягость подводной повинности привели наконецъ нашего крестьянина въ ужасающее положеніе. Губерніи, находившіяся нѣкогда въ цвѣтущемъ состояніи, какъ напр. Подольская, разорены до того, что крестьяне лишены тамъ первыхъ потребностей жизни. Никогда Бѣлоруссія не была доведена до такой степени бѣдствія, въ какомъ она находится въ настоящее время; этому впрочемъ содѣйствовало пагубное вліяніе многочисленнаго еврейскаго населенія и событія послѣдней войны. Богатыя губерніи Орловская, Курская, Харьковская, Рязанская и др. далеко не похожи на то, чѣмъ они были двадцать лѣтъ тому назадъ. Однѣ только малоземельныя губерніи, занимающіяся мануфактуры-

ми производствами и ремеслами, какъ напримѣръ Ярославская, находятся еще въ лучшемъ положенiи; но такъ какъ жители этихъ мѣстностей заняты преимущественно трудомъ, въ сущности непроизводительнымъ, то они живутъ на счетъ другихъ губернiй. Огромное количество дворовыхъ людей, находящихся при помѣщикахъ, отрываетъ съ одной стороны слишкомъ много рукъ отъ земледѣлiя, съ другой препятствуетъ въ городахъ необходимому для нихъ развитiю ремесленнаго производства, которое, съ отнятымъ вмѣстѣ нынѣ у городовъ правомъ винокуренiя, составляетъ два главнѣйшiе источника народнаго благосостоянiя.

«Упадающее благосостоянiе городовъ препятствуетъ въ свою очередь процвѣтанiю земледѣлiя, лишая его ближайшихъ мѣстъ сбыта для произведенiй, перевозимыхъ съ большимъ трудомъ, но за то и выгоднѣйшихъ къ продажѣ. И дѣйствительно, земледѣлiе нигдѣ не дѣлаетъ у насъ настоящихъ успѣховъ, потому что до сихъ поръ всѣ усилiя сельскихъ хозяевъ обращены были не столько къ улучшенiю быта крестьянъ, сколько къ ихъ угнетенiю. Увеличить поборы съ земледѣльца—единственная цѣль помѣщика. Съ незапамятнаго времени не сдѣлано въ Россiи ни одного шага въ этомъ отношенiи. Нѣкоторыя сѣверныя губернiи: Псковская, Новгородская, Тверская съ тѣхъ поръ, какъ лѣса ихъ обращены въ пашни, истощенныя посѣвами льна, видимо бѣднѣютъ, и крестьянинъ постоянно скитается съ мѣста на мѣсто, ища средствъ къ пропитанiю по большой части въ томъ печальномъ извозномъ промыслѣ, который доставляетъ намъ издалека то, что слѣдовало бы намъ имѣть подъ рукою. Отъ подобныхъ причинъ и бѣднѣетъ Россiя. Вообще почва наша лишилась своей производительной силы, особенно въ этихъ странахъ, и крестьянинъ вынужденъ покинуть свою неблагодарную землю. Для поправленiя этого зла слѣдовало бы прибѣгнуть къ лучшимъ прiемамъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства,—но этихъ-то прiемовъ именно и недостаетъ. Выписываемыя нѣкоторыми землевладѣльцами по большой цѣнѣ изъ Англiи пахотныя орудiя дѣлу не помогутъ; ибо дѣйствительныя улучшенiя въ земледѣлiи не состоятъ въ слѣпомъ подражанiи тому, что непримѣнимо ни къ степени развитiя нашихъ землевладѣльцевъ, ни къ нашимъ учрежденiямъ, ни къ климату, но въ изысканiи средствъ и системы усовершенствованiя, сообразныхъ съ положенiемъ этого дѣла въ нашемъ отечествѣ. Русскiй же крестьянинъ неоспоримо одаренъ способностiю къ правильному уходу за землею, чему доказательствомъ служатъ наши Ростовскiе огородники.

«Упомянутые факты и много другихъ имъ подобныхъ, а въ особенности справедливыя опасенiя, возбуждаемыя идеями, распростра-

няемыми чрезъ военныхъ, возвратившихся изъ чужихъ краевъ и имѣющихъ еще возвратиться изъ Франціи, настоятельно требуютъ другаго порядка вещей. Вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрно и то, что никто почти не подозрѣваетъ опасности покоиться на огнедышащей горѣ (le danger de reposer sur un volcan), потому что личные интересы съ одной стороны, съ другой сила обычая, освященнаго вѣками, наконецъ самыя затрудненія, сопряженныя неминуемо со всякой перемѣной, не дозволяютъ инымъ правильно смотрѣть на дѣло и успокоиваютъ тревожныя опасенія другихъ. Опасность эта безъ сомнѣнія еще не такъ близка отъ насъ, но для предотвращенія зол такого рода слѣдуетъ принимать надлежащія мѣры гораздо ранѣе пагубной развязки».

Статейка: *Лагарпъ въ Россіи*, помѣщенная въ Архивѣ, извлечена изъ записокъ самого Лагарпа, вышедшихъ въ 1864 году въ Женевѣ подъ заглавіемъ: Mémoires de Frédéric-Cesar-Laharpe, concernant sa conduite comme directeur de la République Hélvétique, adressée par lui même à Zschokke и проч.

Императрица Екатерина, женщина замѣчательно образованная и сочувствовавшая новымъ идеямъ своего времени, естественно, не могла довольствоваться ни тѣмъ жалкимъ образованіемъ, которое существовало тогда въ Россіи, ни тѣми узкими тенденціями, которыя лежали въ его основѣ. Еще воспитаніе своего сына она хотѣла поручить одной изъ первыхъ тогдашнихъ философскихъ знаменитостей — д'Аламберу. Вызывая его въ Россію, она предлагала ему 100,000 р. ежегоднаго оклада, предоставляла ему пріѣхать въ Петербургъ со всѣми его друзьями, обѣщая доставить и ему и имъ всѣ удобства жизни. Но д'Аламберъ отказался отъ этой высокой чести и воспитаніе наслѣдника престола было поручено графу Никитѣ Ивановичу Панину. Когда настало время воспитывать внука, Екатерина выписала для воспитанія его швейцарца Лагарпа, по убѣжденіямъ завзятаго республиканца, бывшаго потомъ директоромъ гельветической республики. Трудно было найдти для воспитанія наслѣдника престола личность болѣе благородную, болѣе честную, болѣе достойную этого высокаго поста во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Но политическія убѣжденія Лагарпа діаметрально расходились не только съ убѣжденіями всего окружавшаго его общества, но и съ практическимъ взглядомъ самой Екатерины. Одно это уже дѣлало положеніе Лагарпа весьма щекотливымъ при русскомъ дворѣ. Но при этомъ Лагарпъ вовсе не принадлежалъ къ тѣмъ дилеттантамъ республиканскаго образа мыслей, которые умѣютъ наслаждаться идеею свободы умозрительно; находясь при русскомъ дворѣ, онъ принималъ самое дѣятельное, какъ мы увидимъ ниже, участіе въ тогдашнемъ движе-

нія Швейцаріи,—равно какъ считалъ недостойнымъ истиннаго республиканца носить какую бы то ни было маску относительно своего образа мыслей; съ благородною прямотою и одушевленіемъ онъ высказывалъ и защищалъ республиканскіе принципы передъ всѣми, во всякое время, даже и тогда, когда подобное ораторство могло навлечь ему большія непріятности. Не смотря на все это, Лагарпъ прожилъ при русскомъ дворѣ 12 лѣтъ, пользовался во все это время глубокимъ уваженіемъ императрицы, горячею привязанностію великихъ князей, въ особенности старшаго Александра, который сохранилъ эту привязанность къ Лагарпу навсегда, снискалъ общее благорасположеніе русскихъ до того, что когда вспыхнула французская революція и самое слово: демократъ сдѣлалось ненавистнымъ въ глазахъ русскихъ, Лагарпа не только не потревожили, а напротивъ онъ по прежнему въ обществахъ, гдѣ шли тогда непрерывные разговоры о французскихъ событіяхъ и идеяхъ, которыми они были порождены, свободно отстаивалъ свои любимыя воззрѣнія и принципы передъ всѣми.

Что же за человѣкъ былъ Лагарпъ?

Изъ записокъ Лагарпа мы видимъ, что это былъ фанатикъ свободы по воспитанію. Онъ сросся съ этимъ образомъ мыслей съ ранняго дѣтства и для него немыслимо было никакое добро, никакое счастіе подъ иною формою, кромѣ республиканской. На свое пребываніе въ Россіи онъ смотрѣлъ, какъ на высшее посланничество, указанное ему небомъ для просвѣщенія этой страны,—и потому только онъ считалъ себя обязаннымъ самоотверженно раздѣлять свою дѣятельность между нею и любимою своею родиною. Ваатландскій дворянинъ по рожденію, Лагарпъ имѣлъ дѣда и отца, державшихся демократическаго образа мыслей и внушившихъ ему съ дѣтства глубокую ненависть къ бернской аристократіи, превращавшей швейцарцевъ, по выраженію Лагарпа, въ илотовъ. Когда Лагарпу не было еще и 14 лѣтъ, онъ любилъ воображать себя блуждающимъ въ Аѳинахъ, Лакедемонѣ, Римѣ. «Чтобы не быть развлекаемымъ въ этомъ наслажденіи, говоритъ Лагарпъ, — я избѣгалъ своихъ товарищей и искалъ уединенія; иногда же я приходилъ къ моему дорогому отцу, въ чувствительномъ и благородномъ сердцѣ котораго были струны, отвѣчавшія моимъ рѣчамъ, и одной прогулкой съ нимъ я наслаждался болѣе, чѣмъ если бы онъ былъ моимъ товарищемъ». Пробужденію такихъ раннихъ мечтаній о республикахъ древняго міра способствовала случайно попавшая въ руки Лагарпа *Древняя Исторія*; «которую я пожиралъ, — говоритъ Лагарпъ,—и здѣсь я получилъ къ людямъ древности и республикамъ то восторженное уваженіе, которое имѣло такое вліяніе на всю мою послѣдующую жизнь. Исторія Англіи, голландцевъ и швейцарцевъ,

давая мнѣ еще болѣе понять цѣну свободы, еще сильнѣе укрѣпила во мнѣ республиканскія наклонности».

14 лѣтъ Лагарпъ поступилъ въ Гольденштейнскую семинарію, гдѣ прожилъ 30 мѣсяцевъ. Республиканское устройство этого заведенія вполнѣ соотвѣтствовало наклонностямъ Лагарпа, и здѣсь онъ набросалъ уже первый очеркъ гельветической республики, который «и въ моихъ собственныхъ глазахъ, говоритъ онъ, былъ не болѣе, какъ воздушнымъ замкомъ». Въ Гольденштейнѣ Лагарпъ занимался математикой; тѣ же занятія продолжалъ потомъ въ Женевѣ; за тѣмъ, избравъ себѣ поприще адвоката онъ для приготовленія къ нему отправился въ Тюбингенъ; двадцати лѣтъ получилъ уже степень доктора правъ, и вернулся на родину. Здѣсь, состоя адвокатомъ въ высшейРолльской апелляціонной камерѣ, онъ принужденъ былъ проживать каждую зиму по своимъ обязанностямъ въ Бернѣ, «гдѣ, — говоритъ Лагарпъ, — каждый природный житель города съ презрѣніемъ смотрѣлъ на ваатланца, даже дворянина», и это было невыносимо Лагарпу, какъ поклоннику идей равенства. Послѣ непріятнаго столкновенія съ однимъ изъ членовъ высшаго трибунала, Лагарпъ рѣшился оставить и адвокатуру, и Бернъ, и намѣревался уже отправиться въ Америку, гдѣ шла тогда борьба за независимость, какъ въ это время познакомился съ братомъ одного значительнаго русскаго вельможи, который пригласилъ его путешествовать съ собою по Италіи. Въ этомъ путешествіи Лагарпъ пробылъ годъ, а вслѣдъ за тѣмъ получилъ отъ императрицы черезъ барона Гримма приглашеніе ѣхать въ Россію, куда и прибылъ въ 1782 году.

Положеніе Лагарпа въ Россіи сначала было очень тяжелое, такъ что у него не разъ являлась мысль уѣхать отсюда. Но честный швейцарецъ, смотрѣвшій на свое пребываніе въ Россіи, какъ на высшую миссію, старался подавить, уничтожить въ себѣ подобную мысль, какъ недостойную истиннаго республиканца. Чѣмъ же онъ утѣшался въ своей горести?

«Въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ,—говоритъ онъ,—когда я соблазнялся мыслію просить увольненія, я запирался у себя дома, и открывая древнихъ, преимущественно же добряка Плутарха, скоро находилъ въ немъ утѣшеніе. Катонъ, Аратъ, Филопеменъ, Ю. М. Брутъ, Демосѳенъ, Цицеронъ и другіе, которымъ отличные таланты, великія заслуги и высокія добродѣтели давали столько права на счастіе, были не признаны, угнетаемы и тѣмъ не менѣе не переставали идти по начертанному ими пути; а меня мелкія противорѣчія, незначащія обиды и тому подобныя неудачи могли заставить отказаться отъ моей задачи, между тѣмъ, какъ благодаря постоянству, можно было способствовать сохраненію лучшаго будущаго для сорока милліоновъ

людей! Никогда это цѣлительное средство не оставалось безплодно, и когда я видалъ въ отчаянномъ положеніи людей, достойныхъ имени человѣка, я имъ говорилъ: «загляните въ древнихъ, посовѣтуйтесь съ Тацитомъ и съ добрымъ Плутархомъ».

Мало по малу однакожъ Лагарпъ, что называется, обжился въ Россіи. Его оцѣнили, какъ человѣка умнаго и честнаго, и «благорасположеніе ко мнѣ, говоритъ Лагарпъ, сдѣлалось до того общимъ, что я пріобрѣлъ много друзей на чужой сторонѣ, которая съ тѣхъ поръ стала для меня вторымъ отечествомъ».

Даже когда вспыхнула французская революція и поднялось гоненіе на всѣхъ демократовъ, благорасположеніе къ Лагарпу не уничтожилось. Его не включили въ число демократовъ и нисколько не потревожили, хотя его республиканскіе принципы и были всѣмъ извѣстны. Съ своей стороны, самъ Лагарпъ, сознавая всю исключительность своего положенія въ это опасное время, рѣшился было вести себя какъ можно осторожнѣе, избѣгать всякихъ непріятныхъ столкновеній изъ-за принциповъ... и не могъ этого сдѣлать—не могъ по своей прямотѣ, честности, по неумѣнью носить какую бы то ни было маску.

«Однакожъ такое положеніе,—продолжаетъ онъ, сказавъ о своемъ намѣреніи избѣгать всякихъ непріятностей,—было затруднительно, потому что событія революціи, сдѣлавшись предметомъ ежедневныхъ разговоровъ, приводили къ очень оживленнымъ спорамъ о принципахъ и ихъ приложеніи, спорамъ, въ которыхъ нельзя было не принимать участія. Когда приходилъ мой чередъ, я откровенно высказывалъ мое мнѣніе, и если разговоръ происходилъ въ присутствіи великихъ князей, я старался оправдать принципы и приводилъ такіе примѣры изъ древней и новой исторіи, которые лучше всего могли бы подѣйствовать на ихъ чистый, здравый смыслъ и молодыя сердца. Вмѣсто того, чтобы предлагать имъ обыкновенный курсъ естественнаго и человѣческаго права, я предположилъ себѣ подробно и вполнѣ свободно изложить великій вопросъ о происхожденіи обществъ. Это произведеніе было набросано, но нападки, направленныя противъ меня, помѣшали мнѣ продолжать его, ибо нѣкоторое время оно слыло даже за *якобинское*. Пришлось пріостановиться, что я и сдѣлалъ, принявшись читать съ моими учениками сочиненія, въ которыхъ вопросъ о свободѣ человѣчества былъ энергически защищаемъ людьми замѣчательными и притомъ умершими прежде революціи. Это удалось, и благодаря рѣчамъ Демосѳена, Плутарху, Тациту, исторіи Стюартовъ, Локку, Сиднею, Мабли, Руссо, Гиббону, посмертнымъ запискамъ Дюкло, я могъ исполнить мою задачу, какъ человѣкъ, сознававшій свои обязательства передъ великимъ народомъ».

Высказывая откровенно и свободно свои любимые принципы въ Россіи всѣмъ и каждому, Лагарпъ, естественно, считалъ себя тѣмъ болѣе въ правѣ дѣйствовать въ пользу этихъ принциповъ въ своемъ отечествѣ. Время для этого было самое благопріятное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень короткое. Лагарпъ не вѣрилъ прочности новыхъ французскихъ учрежденій и желалъ, чтобы въ Швейцаріи поторопились переворотомъ прежде, чѣмъ состоится контръ-революція во Франціи. Поэтому онъ почелъ своимъ долгомъ агитировать возстаніе въ Швейцаріи; и въ этихъ видахъ написалъ болѣе шестидесяти записокъ, которыя на разныхъ языкахъ были печатаемы въ европейскихъ газетахъ и распространяемы людьми, не знавшими, кто ихъ авторъ, такъ что записки присылались даже самому Лагарпу, какъ предметъ любопытства.

Тайна эта условливалась однакожъ пользою самаго дѣла. Когда обстоятельства потребовали открытаго дѣйствія, Лагарпъ нисколько не усомнился сдѣлать это. «Узнавъ, говоритъ онъ, что патриціи успѣли подавить первое движеніе своихъ илотовъ и старались обмануть ихъ частными и незначительными уступками, къ которымъ присоединялись коварныя обѣщанія удовлетворить ихъ требованіямъ *въ болѣе покойное время*, я понялъ, что слѣдовало немедля повести дѣло оффиціальнымъ путемъ. Въ такомъ смыслѣ я написалъ прошеніе, которое имѣло быть подано Бернскимъ господамъ, и въ которомъ исчисливъ нужды моей страны съ благородною откровенностію, но почтительно, я требовалъ созванія чиновъ для устраненія злоупотребленій. Я подписалъ проэктъ этого прошенія и послалъ три экземпляра его: одинъ къ генералу Лагарпу, другой къ гражданину Полье, впослѣдствіи префекту Лемана, и третій къ одному чиновнику, моему пріятелю».

Это до того озлобило Бернскихъ господъ, что они приговорили генерала Лагарпа къ отсѣченію головы и къ заочной казни изображеніе русскаго Лагарпа, а между тѣмъ обвинительныя бумаги противъ послѣдняго были присланы къ императрицѣ. Самою важною изъ этихъ бумагъ былъ проэктъ помянутаго прошенія. Но императрица, разсмотрѣвъ его, хотя и признала языкъ его нѣсколько горячимъ, «однакожъ, говоритъ Лагарпъ, содержаніе нашла дѣльнымъ и вполнѣ согласнымъ съ тѣми принципами, которыхъ, какъ она знала и полагала, я держался и имѣлъ право держаться».

Все дѣло кончилось тѣмъ, что императрица потребовала отъ Лагарпа, чтобы онъ оставался чуждъ швейцарскимъ дѣламъ, пока находится въ ея службѣ,—но при этомъ выразила своё неудовольствіе интригowавшимъ противъ Лагарпа.

Но интрига не прекратилась. Члены дипломатическаго корпуса не вѣрили тому, чтобы Лагарпъ искренно отказался отъ вмѣшательства въ политику. Баронъ фонъ-Роль, золотурнскій патрицій, прибывшій въ Петербургъ съ графомъ Артуа, умѣлъ привести Лагарпа въ столь сильное подозрѣніе у императрицы, что она черезъ посланнаго выразила ему желаніе, чтобы онъ оставилъ свою должность, взявъ вознагражденіе по своему собственному назначенію. «Такое сообщеніе ея воли, говоритъ Лагарпъ, которую могъ бы передать мнѣ только воспитатель великихъ князей, мой начальникъ, убѣдило меня, что интриганы желаютъ какого нибудь неумѣстнаго поступка съ моей стороны; я не доставилъ имъ этого удовольствія. Отдавъ моему начальнику отчетъ во всемъ случившемся, я письмомъ отъ 24 іюня 1793 года просилъ его объявить императрицѣ, что: 1) по ея желанію, я подаю въ отставку; 2) не могу принять того почетнаго порученія, которое мнѣ предложено (*какое, неизвѣстно*) для прикрытія моего удаленія; 3) испрашиваю ея позволенія остаться еще нѣсколько мѣсяцевъ для устройства хозяйственныхъ дѣлъ, и 4) ничего не желаю въ вознагражденіе».

Вслѣдствіе этого письма, переданнаго императрицѣ, она 30 іюня потребовала его къ себѣ. «Въ теченіе болѣе, чѣмъ двухчасовой аудіенціи, говоритъ Лагарпъ, разговоръ шелъ объ интереснѣйшихъ предметахъ съ искренностію и живостію, память о которыхъ никогда для меня не исчезнетъ. Событія французской революціи не были забыты. Екатерина II хотѣла знать мое мнѣніе. Съ своей стороны она полагала, что Франція погибла; я осмѣлился ей возражать. Мало того, полагая, что долгъ мой, какъ человѣка, воспользоваться столь выгодной минутой, чтобы послужить великому дѣлу, — я весь отдался этому побужденію и защищалъ мою мысль такъ горячо и такими доводами, что императрица, очень пораженная, выразила мнѣ свое одобреніе самымъ лестнымъ образомъ. Столько безсовѣстныхъ людей хвалятся своими дѣлами, что честному человѣку, бывшему жертвою клеветы, извинительно чувствовать желаніе доказать, что въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ онъ никогда не забывалъ ни принциповъ, ни своихъ обязанностей относительно истины и себѣ подобныхъ».

Послѣ этой аудіенціи императрица сдѣлалась снова благосклонною къ Лагарпу, но это продолжалось не долго. «По видимому, говоритъ Лагарпъ,—прибѣгли къ новымъ доносамъ, и утомленная Екатерина II рѣшилась удалить меня, какъ камень соблазна. Извѣщеніе о томъ сдѣлано было мнѣ деликатно и притомъ мнѣ дали отсрочку въ нѣсколько мѣсяцевъ для окончанія занятій». Съ своей стороны и Лагарпъ, хотя и былъ увѣренъ, что новая его аудіенція у императри-

цы измѣнила бы все дѣло, утомленъ былъ постоянною борьбою съ происками и желалъ покоя и удаленія.

Лагарпъ говоритъ, что Екатерина II простилась съ нимъ почти что съ сожалѣніемъ. И мы этому не можемъ не вѣрить. Императрица вполнѣ была довольна воспитаніемъ своего внука. Сравнивая воспитаніе Александра съ воспитаніемъ своего сына, императрица говорила въ 1793 году Храповицкому: «какая разность между воспитателемъ его и отца! Тамъ не было мнѣ воли сначала, — а послѣ по политическимъ причинамъ не брали отъ Панина. Всѣ думали, что если не у Панина, то пропалъ». Кого разумѣла здѣсь императрица подъ воспитателемъ своего внука, мы не знаемъ. Лагарпъ не числился оффиціально воспитателемъ,—но игралъ если не главную, то самую важную роль въ дѣлѣ воспитанія великихъ князей. Планъ ученія великихъ князей былъ составленъ Лагарпомъ, — и императрица была такъ довольна этимъ планомъ, что препровождая его къ Салтыкову изъ своего путешествія въ 1787 году, писала ему: «Присланную роспись ученія, сочиненную Лагарпомъ, я показать велѣла Фицгерберту (англійскому послу) и онъ такъ, какъ и я,—находитъ, что лучше выдумать нельзя, и о успѣхахъ не сомнѣваюсь. Скажите Лагарпу мое удовольствіе». Въ 1788 году какой-то честный человѣкъ изъ кадетскаго корпуса, написавшій хорошую рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ и поднесшій ее императрицѣ, вѣроятно, чрезъ Храповицкаго, просилъ императрицу предоставить ему должность преподавателя исторіи великимъ князьямъ. Императрица писала Храповицкому объ этомъ честномъ человѣкѣ: «нужно его чѣмъ нибудь подарить за присылку книги; что же касается до его просьбы преподавать исторію моимъ внукамъ, то я не могу ее исполнить, потому что этимъ занимается г. Лагарпъ и исполняетъ свою должность отлично».

«Тяжела была мнѣ разлука, говоритъ Лагарпъ, съ моими учениками, въ особенности со старшимъ (т. е. Александромъ), который преимущественно привязался ко мнѣ». Когда вступилъ на престолъ Александръ Павловичъ, Лагарпъ счелъ долгомъ еще разъ побывать въ Россіи. «Я поѣхалъ въ Россію, говоритъ онъ, въ 1801 году и возвратился оттуда только въ іюлѣ 1802 года. Естественно, мнѣ хотѣлось видѣть на тронѣ человѣка, на которомъ почили послѣднія мои надежды. Тѣ, кто не зналъ меня, предполагали, что я хотѣлъ взять дань съ его дружбы, довѣрія и богатства, словомъ сыграть роль вельможи. Эти люди ошиблись. Я всегда старался дѣйствовать согласно тому, чего требовало отъ меня мое положеніе. Республиканцемъ прожилъ я 12 лѣтъ при дворѣ, республиканцемъ появился въ немъ снова, не смутивъ покою... Мои сношенія съ Россіею или, лучше сказать, съ государемъ ея, чужды этихъ записокъ. Послѣ смерти лицъ,

причастныхъ этому дѣлу, публика его обсудитъ съ документами въ рукахъ, если оно того достойно. Я не боюсь ея суда».

Эти слова въ устахъ Лагарпа на были хвастовствомъ. Онъ пользовался дѣйствительно огромнымъ довѣріемъ и уваженіемъ императора Александра.

Въ вышедшемъ недавно № 1 «Вѣстника Европы», съ которымъ мы познакомимъ читателя въ слѣдующемъ нашемъ обозрѣніи, къ статьѣ г. Богдановича подъ названіемъ: *Первая эпоха преобразованій императора Александра I* приложено извлеченіе изъ засѣданій неоффиціальнаго комитета, состоявшаго при императорѣ въ 1801 и 1802 годахъ и вмѣстѣ съ императоромъ занимавшагося соображеніями относительно преобразованія Россія. Комитетъ этотъ ex officio состоялъ изъ слѣдующихъ довѣренныхъ и приближенныхъ государю лицъ: графа Кочубея, Николая Новосильцева, князя Адама Чарторижскаго и графа Строганова. Но частнымъ образомъ принималъ въ немъ самое близкое участіе и Лагарпъ и нѣкоторыя дѣла поступали къ нему на предварительное разсмотрѣніе по личному распоряженію императора. О другихъ онъ самъ писалъ государю письма съ изложеніемъ своихъ взглядовъ и мнѣній, и государь обращалъ особенное вниманіе на эти письма.

ЛИТЕРАТУРА ПЕРЕВОДОВЪ.

Рускую литературу все больше и больше наполняютъ переводы, и переводы вовсе не однихъ романовъ, какъ это было испоконъ вѣку, а книгъ серьезныхъ, разсчитывающихъ на интересъ къ научному знанію. Чуть не каждый день можно встрѣтить въ газетахъ заявленія множества издателей, что они издаютъ или намѣреваются издавать такія-то книги, — заявленія становятся даже необходимы, иначе издатели встрѣчаются на одной и той же книгѣ; книги являются въ двойныхъ и даже тройныхъ переводахъ; нѣкоторые иностранные авторы пріобрѣтаютъ у русскихъ читателей такую славу, что достаточно автору написать нѣсколько новыхъ страничекъ въ журналѣ или издать маленькую брошюру, какъ наши переводчики съ алчностью бросаются на статейку и брошюрку и мгновенно переводятъ ее въ назиданіе соотечественникамъ; для скорѣйшаго доставленія русскимъ читателямъ европейскихъ научныхъ новостей существуетъ даже цѣлый особый журналъ, ежемѣсячно поставляющій исключительно переводные матеріалы, и къ удивленію очень часто совсѣмъ серьезнаго содержанія, — и журналъ идетъ. Таковы факты. Иные печалятся этимъ обстоятельствомъ, полагая, что оно означаетъ обѣднѣніе отечественной словесности, въ которой мало начало появляться своихъ «быстрыхъ разумовъ Невтоновъ», и которая поэтому стала усиленно обращаться къ иноземнымъ; другіе напротивъ радуются, что словесность наша «обогащается». Кто изъ двухъ правъ, — радоваться этому или печалиться, и если радоваться, — что можетъ казаться естественнѣе, потому что эта литературная предпріимчивость все-таки обнаруживаетъ нѣкоторое движеніе,— въ какомъ смыслѣ можно желать продолженія этой усердно начатой дѣятельности? Вопросъ любопытенъ, потому что развитіе переводной дѣятельности становится весьма характеристической чертой современной литературы, и послѣднее обстоятельство, т. е. направленіе этой дѣятельности, заслуживаетъ особеннаго вниманія: издатели не всегда руководятся зрѣлымъ обсужденіемъ наибольшей пользы читающей публики, и слиш-

комъ часто разсчитываютъ только на минутное ея настроеніе; читатель также поддается не рѣдко случайнымъ вліяніямъ и упускаетъ изъ виду болѣе существенные предметы,—такъ что и тѣмъ и другимъ полезно было бы отдать себѣ отчетъ въ характерѣ господствующей литературы и въ дѣйствительныхъ потребностяхъ нашего общественнаго образованія, которымъ должна служить эта литература. Вопросъ важенъ въ особенности потому, что наша литература находится безъ сомнѣнія въ исключительномъ положеніи. Наше образованіе издавна и до сихъ поръ стоитъ въ весьма невыгодныхъ условіяхъ. Наша школа, отъ самыхъ низшихъ и до высшихъ учебныхъ учрежденій, остается до сихъ поръ такой рутинной школой, что она далеко не даетъ человѣку того, что даетъ она въ другихъ обществахъ; университетская наука давно не имѣетъ у насъ кредита, потому что усердно носитъ на себѣ схоластическое ярмо, и въ наши дни имѣетъ этого кредита меньше, чѣмъ когда нибудь. Наша жизнь, по характеру своихъ нравовъ и обычаевъ, стѣсняющихъ свободную самодѣятельность и широкое развитіе, не даетъ тѣхъ средствъ образованія, какія даетъ въ другихъ странахъ вступленіе въ общественную жизнь, такъ что человѣкъ, ограниченный въ школѣ одной схоластикой и лишенный въ жизни извѣстнаго простора нравовъ, развивающаго практическую самостоятельность, лишается наиболѣе необходимыхъ условій, создающихъ характеры и довершающихъ настоящее образованіе. Этотъ недостатокъ условій у насъ пополняетъ литература, которая такимъ образомъ пріобрѣтаетъ у насъ особенное значеніе, какъ средство общественнаго образованія; то, чего не даетъ школа, чего не доставляютъ условія общественной жизни, человѣкъ, желающій сознательно опредѣлить свои убѣжденія, сталъ уже давно искать въ литературѣ...

Какое же значеніе имѣетъ въ этомъ смыслѣ нашествіе переводовъ, совершающееся въ нашей литературѣ въ настоящую минуту? Положеніемъ литературы, какъ мы видимъ, опредѣляется положеніе средствъ нашего общественнаго образованія.

Мы могли бы весьма наглядно увидѣть это положеніе, если бы кто нибудь съумѣлъ точнымъ образомъ примѣнить къ литературѣ статистическія вычисленія. Если бы эта статистика высчитала количество нашего литературнаго матеріала, поступающаго въ обращеніе по разнымъ отраслямъ знанія, опредѣлила степень его внутренней годности, распредѣлила по извѣстнымъ градусамъ творенія нашихъ ученыхъ и беллетристовъ и національныхъ просвѣтителей отъ академіи наукъ до книгопродавца-типографа Вольфа, и наконецъ, вывела среднія цифры литературной потребности и ея качества въ разныхъ слояхъ массы и образованнаго общества, — мы увидѣли бы

вообще весьма оригинальную и неожиданную картину, которая бы многихъ разочаровала относительно нашего литературнаго богатства и успѣховъ на пути прогресса. Но хотя подобная статистика къ сожалѣнію еще не существуетъ, главнѣйшіе пункты дѣла мы все-таки можемъ опредѣлить довольно вѣрно, можемъ напримѣръ прежде всего ясно видѣть, для какого незначительнаго процента цѣлой націи служитъ наша литература и вообще наше образованіе, и придти къ довольно вѣрнымъ соображеніямъ и о томъ, на сколько сильно наше литературное образованіе въ самомъ этомъ процентѣ. Приблизительное рѣшеніе поставленнаго выше вопроса становится возможнымъ при нѣсколько внимательной и безпристрастной оцѣнкѣ фактовъ.

Замѣтимъ прежде всего, что наша переводная дѣятельность въ самомъ дѣлѣ принимаетъ размѣры, довольно обширные даже и безъ отношенія къ скромному объему нашей литературы, сравнительно съ европейскими. Чтобы видѣть эти размѣры, достаточно привести нѣсколько фактовъ, относительно нѣкоторыхъ книгъ, болѣе или менѣе общаго интереса, получившихъ репутацію въ европейской литературѣ за послѣднее время. Напримѣръ, книга Бокля появилась въ русскомъ переводѣ едва ли не раньше, чѣмъ она вышла на французскомъ языкѣ, и имѣла даже два перевода, тогда какъ у французовъ и нѣмцевъ только по одному. Сочиненія Фохта имѣли гораздо больше русскихъ переводовъ, чѣмъ англійскихъ и французскихъ. Книги Льюиса точно также гораздо извѣстнѣе у насъ, чѣмъ у французовъ и нѣмцевъ; первые, кажется, даже вовсе не имѣютъ ни его «Физіологіи», ни другихъ книгъ. Сочиненія Милля опять гораздо меньше извѣстны и по французски и по нѣмецки, чѣмъ по русски. У насъ готовятся цѣлые переводы Огюста Конта и Спенсера: перваго нѣтъ ни по англійски (кромѣ сокращенныхъ изложеній, какъ миссъ Мартино), ни по нѣмецки; втораго нѣтъ ни по нѣмецки, ни по французски. Къ этимъ именамъ можно прибавить еще много другихъ второстепенныхъ писателей по разнымъ отраслямъ знанія, которые нигдѣ не находили такихъ усердныхъ переводчиковъ, какъ въ русской литературѣ, писателей въ родѣ Маколея, Куно-Фишера, Миттермайера и т. д. и т. д., иногда такихъ, безъ которыхъ русская литература могла бы даже пока и обойтись; надо прибавить сюда массу популярныхъ изданій по естественнымъ наукамъ; наконецъ, въ огромномъ количествѣ переводной беллетристики иногда появляются и замѣчательнѣйшія вещи европейской литературы,—назовемъ напримѣръ, недавнія изданія Шекспира, Шиллера, Гёте, Гейне, Байрона. Въ сложности, все это представляетъ значительное количество литературнаго матеріала и большое развитіе переводной дѣятельности.

Нѣтъ спора, конечно, что сравненіе съ другими европейскими литературами въ сущности не можетъ имѣть здѣсь мѣста, потому что эти литературы гораздо богаче нашей собственными трудами по тѣмъ же предметамъ, и слѣдовательно могутъ не нуждаться въ подобныхъ заимствованіяхъ; но во всякомъ случаѣ количество нашихъ переводовъ довольно крупное и обнаруживаетъ несомнѣнное стремленіе нашей литературы переносить къ себѣ важнѣйшія произведенія европейской науки и европейской поэзіи и усвоивать себѣ результаты европейскаго опыта. Размѣръ этого стремленія мы можемъ до нѣкоторой степени опредѣлить сравненіемъ настоящаго съ тѣмъ, что могла представить наша литература въ этомъ отношеніи даже какія нибудь десять лѣтъ тому назадъ

Намъ не трудно также опредѣлить то, въ какомъ направленіи совершается эта переводная дѣятельность; въ какую сторону склоняется любознательность тѣхъ, кто читаетъ у насъ книги; какой характеръ воззрѣній въ иностранныхъ авторахъ возбуждаетъ наиболѣе любопытства. Своей общей сложностью эта литература даетъ возможность судить о томъ, въ чемъ приблизительно заключаются потребности нашего общественнаго образованія.

Теперь опредѣлилось достаточно, какого рода литературный матеріалъ потребляется особенно быстро. Это книги съ естественно-научнымъ интересомъ, преимущественно популярныя; книги общаго историческаго и политическаго содержанія, какъ Бокль, Милль, книги, которыя довольно рѣзко отличаются отъ господствующихъ рутинныхъ взглядовъ; вообще книги, въ которыхъ такъ или иначе высказываются реальныя тенденціи — однимъ словомъ, тоже содержаніе, которое всего больше интересуетъ читателей и въ нашей собственной журнальной литературѣ. У насъ есть не мало безмозглыхъ господъ, которые вопіютъ противъ Бокля, Льюиса и т. д., и которымъ напр. литераторы кажутся *партіей;* они полагаютъ, что этихъ писателей переносятъ въ нашу литературу люди злонамѣренные или легкомысленные, по которымъ, слѣдовательно, нельзя судить о «здравой» русской публикѣ; но эти господа забываютъ, что успѣхъ этихъ писателей сдѣланъ не переводчиками и издателями , а самой публикой, которая раскупала изданія и тѣмъ показала, что онѣ отвѣчаютъ ея потребности и любознательности: во всякомъ случаѣ дѣло рѣшаетъ въ концѣ концовъ сама публика, и если она предпочтительно выбираетъ извѣстныхъ авторовъ, это можетъ служить признакомъ, что эти авторы въ особенности удовлетворяютъ ея запросу.

Характеръ этого запроса и слѣдовательно положеніе переводной дѣятельности въ цѣломъ составѣ нашей литературы не требуютъ большихъ объясненій. Всего удобнѣе и нисколько не противорѣча

сущности дѣла, въ нашей литературѣ — и вообще въ нашихъ общественныхъ понятіяхъ — можно указать два главнѣйшія направленія, между которыми распредѣляется разнообразіе ходячихъ мнѣній и въ книгахъ и въ практикѣ. Одно изъ этихъ направленій желаетъ сколько возможно знакомить русскаго читателя съ результатами европейскаго знанія, сообщать ему здравыя общественныя понятія; другое всѣми силами возстаетъ противъ всего этого, старается скорѣе задержать всякое движеніе, и для этого не пренебрегаетъ никакими средствами. Это послѣднее направленіе, иногда прикрываемое благовидной внѣшностью и выраженіями патріотическаго усердія, иногда ничѣмъ не прикрываемое, имѣетъ, какъ извѣстно, своихъ главнѣйшихъ представителей въ гг. Катковѣ и Леонтьевѣ съ одной стороны, и въ г. Аскоченскомъ съ другой; къ нимъ примыкаетъ еще цѣлая свита, пересчитывать которую было бы слишкомъ долго. Сопоставленіе этихъ именъ, вѣроятно будетъ совершенно понятно нашимъ читателямъ. Съ разныхъ сторонъ они разработываютъ и эксплуатируютъ одинъ и тотъ же принципъ. Мнѣнія ихъ о молодомъ поколѣніи и о новомъ литературномъ направленіи достаточно извѣстны. Г. Аскоченскій давно уже посыпаетъ главу пепломъ, оплакивая современное направленіе, и отъ времени до времени обращаетъ на него вниманіе начальства. Издатели «Московскихъ Вѣдомостей» обращаютъ на него вниманіе постоянно, хотя о самой литературѣ говорятъ больше косвеннымъ образомъ и для исправленія нравовъ рекомендуютъ классическое образованіе. Поступать не косвенно относительно наукъ,—какъ поступаетъ напр. г. Аскоченскій—было бы для нихъ неловко: нельзя же прямо рекомендовать отмѣну мысли и запрещеніе философскихъ выводовъ тому, кто нѣкогда самъ былъ жрецомъ науки и даже писалъ крайне ученыя статьи о древней греческой философіи. Но когда «Московскія Вѣдомости» принялись рекомендовать классическіе языки и *статарное* преподаваніе отечественной словесности, отъ людей, не лишенныхъ нѣкоторой сообразительности, не укрылась задняя мысль этой чрезмѣрной любви къ классикамъ,—тѣмъ больше, что «Московскимъ Вѣдомостямъ» случается забывать свою дипломатическую осторожность и, что называется, провираться. Недавно, напримѣръ, они проврались весьма курьезно, ухитрившись поставить въ число вредныхъ и опасныхъ писателей— г. Островскаго. Изъ этого одного факта можно представить себѣ, какъ должны они относиться къ писателямъ болѣе опредѣленныхъ взглядовъ, чѣмъ г. Островскій. Очевидно, что въ г. Островскомъ московскихъ публицистовъ возмутило даже одно только приближеніе его къ сонму нечестивыхъ. Извѣстно, съ другой стороны, съ какимъ усердіемъ преслѣдовали «Московскія Вѣдомости» въ нашемъ гимна-

зическомъ преподаванiи (вотъ ужь кажется невинная вещь!) наклонность внушать легкомыслiе, неповиновенiе авторитетамъ и другiе, болѣе тяжкiе пороки. Для ихъ, такъ сказать, доминиканской ревности, естественно должно было казаться зловреднымъ то направленiе литературы, которое между прочимъ имѣетъ свойство подрывать ихъ кредитъ. Еслибы «Московскiя Вѣдомости» захотѣли, «негодованiю и чувству давъ свободу», выражаться прямѣе, они конечно ничѣмъ не уступили бы тому адвокату нашего genty, который видѣлъ въ Боклѣ не меньше, какъ опасность для государственнаго порядка. Для нихъ Бокль, Фохтъ и т. д. тоже чуть не ругательныя слова, и чтенiе ихъ также чуть не примѣта поджигателя или человѣка, наклоннаго къ сепаратизму. Озлобленiе ихъ противъ новой литературы, конечно, не безосновательно; потому что ихъ мнѣнiя, поставленныя рядомъ съ мнѣнiями этой новой литературы, представили бы любопытные en regard, и «Московскiя Вѣдомости» чувствуетъ, что для сообразительнаго русскаго читателя эти en regard вышли бы не въ ихъ пользу.

Изъ этого одного озлобленiя мы могли бы уже вывести заключенiе, что новая литература уже оказываетъ свое влiянiе на сумму распространенныхъ въ обществѣ понятiй, и вноситъ въ нихъ нѣчто новое. Но тѣмъ не менѣе, въ послѣднее время не разъ приходилось слышать сожалѣнiе о томъ, что русская литература обѣднѣла, что за этимъ наплывомъ чужихъ книгъ и идей въ ней меньше является самобытныхъ произведенiй, и что въ особенности она обѣднѣла въ поэзiи. Было бы дѣйствительно прискорбно, если бы это обвиненiе было справедливо и если бы литературное движенiе состояло только въ пассивномъ принятiи чужихъ идей;—но на дѣлѣ этого къ счастiю нѣтъ. Если нынѣшняя литература не богата и во многихъ отношенiяхъ жалкимъ образомъ бѣдна, то въ прежнее время она безъ сомнѣнiя была еще бѣднѣе и русскiй читатель обрѣтался въ еще болѣе прискорбномъ положенiи.

Люди, оплакивающiе нынѣшнее обѣднѣнiе литературы, всего чаще люди, перенесшiе кораблекрушенiе прежнихъ литературныхъ школъ, умиленно вспоминаютъ о прежнихъ богатствахъ литературы, когда въ ней была настоящая поэзiя, настоящая любовь къ «изящному», когда занятiе литературой было чистымъ служенiемъ музамъ, далекимъ отъ всякихъ мелочей и дрязгъ дѣйствительности, когда въ этой литературѣ были «Державинъ, Карамзинъ, Жуковскiй, Пушкинъ, Гоголь»,—къ нимъ теперь прибавляютъ еще И. С. Тургенева. Однимъ словомъ, это повторенiе тѣхъ же iеремiадъ, какiя читались во времена Бѣлинскаго, противъ котораго вопiялъ Михаилъ Дмитрiевъ:

Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ уязвленъ!

Есть и теперь Михайлы Дмитріевы, полагающіе, что теперь въ литературѣ нѣтъ ни чистаго служенія искусству, ни уваженія къ прежнимъ знаменитостямъ, ни возвышенныхъ стремленій, что литература напротивъ стала орудіемъ страстей, спустилась съ своего пьедестала и вмѣшалась въ ту суету дѣйствительности, которой прежде старательно избѣгала. Эти послѣдніе могикане тридцатыхъ годовъ полагаютъ, что послѣдніе «образцы» явились не ближе, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ, и конецъ русской литературы считаютъ на И. С. Тургеневѣ. Намъ случалось слышать, какъ эти могикане отзываются о нынѣшней литературѣ, производящей только очерки изъ народной жизни, о которыхъ будто бы «и не упомянетъ» исторія литературы. Справедливо, конечно, что настоящее время не представляетъ такихъ сильныхъ талантовъ, какъ Пушкинъ и Гоголь; но вѣдь русская литература и съ самаго ея начала не представляла талантовъ подобной силы и отсутствіе такихъ исключительныхъ личностей не говоритъ ничего о характерѣ цѣлаго уровня литературнаго развитія. А сравнивая этотъ уровень съ тѣмъ, какой господствовалъ во времена Пушкина и Гоголя, едва ли можно сомнѣваться, что объемъ литературныхъ идей нашего времени гораздо шире, чѣмъ онъ былъ во времена Пушкина, Гоголя и даже И. С. Тургенева. Требованія такъ повысились, что старыя знаменитости становятся чисто историческимъ матеріаломъ литературы, и даже читая Бѣлинскаго, лучшаго представителя передовыхъ идей своего времени, мы уже слишкомъ часто остаемся неудовлетворенными и чувствуемъ разницу двухъ литературныхъ періодовъ. Шагъ, сдѣланный обществомъ въ послѣдніе годы, еще больше раздѣлилъ эти періоды, теперь еще дальше отодвинулась отъ насъ литература стараго времени, съ ея незамысловатой сатирой, съ ея идилліей изъ помѣщичьихъ нравовъ, съ ея хвастливой и пустой реторикой и наконецъ «чистымъ искусствомъ». Не во гнѣвъ будь сказано г. Галахову, столько лѣтъ состоящему архиваріусомъ старинныхъ «образцовъ», многіе изъ этихъ «образцовъ» стали теперь слишкомъ ребяческими вещами... Новая литература, хоть бы и состояла имъ мелкихъ очерковъ народнаго быта, имѣетъ болѣе серьезный смыслъ уже тѣмъ, что обратилась къ народному быту, не выдумываетъ идиллій тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, считаетъ «искусство для искусства» забавой людей, которымъ нечего дѣлать, и стремится изображать народную жизнь такой, какъ она есть, чтобы для читателя раскрывалась не одна поэтическая сторона, но и общественный дѣйствительный смыслъ этой жизни. Отношеніе новой литературы къ народу имѣетъ свое достоинство въ томъ, что здѣсь нѣтъ ни барскаго пренебреженія къ «черни», ни сантиментальнаго прикрашиванія, а простое естественное отношеніе къ

равноправному человѣку. Бросивъ искусственные пріемы, литература стала ближе къ дѣйствительности, и если ея идеалы еще не всегда свободны отъ фантастическихъ элементовъ, — они уже во всякомъ случаѣ ближе къ жизни и указываютъ дѣйствительныя и серьезныя стремленія и требованія.

Это успѣхъ немаловажный. Но успѣхъ, быть можетъ, еще значительнѣе въ другомъ, не чисто поэтическомъ отдѣлѣ литературы. Въ смыслѣ средства общественнаго образованія, литература, хотя все еще очень бѣдная, далеко превышаетъ то, чѣмъ она была не только двадцать, но даже десять лѣтъ тому назадъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли говорить здѣсь что нибудь объ обѣднѣніи нашей литературы? Къ какой бы отрасли знанія мы ни обратились въ русской литературѣ (кромѣ развѣ изученія собственно русскихъ предметовъ, русской исторіи, географіи и т. п.), къ естественнымъ наукамъ, ко всеобщей исторіи, къ классической древности, къ наукамъ соціальнымъ и политическимъ, — человѣка безпристрастнаго поразитъ крайняя бѣдность самостоятельныхъ и въ особенности *критически-свободныхъ* трудовъ, которою даже и до сей поры отличается поле русской науки. Въ послѣднее время мы могли бы, правда, указать нѣсколько именъ ученыхъ, стоящихъ въ естествознаніи на уровнѣ европейской науки, хотя большей частію ихъ труды ограничиваются разработкой частныхъ спеціальностей; но всеобщая исторія, классическая древность, науки политическія у насъ просто почти не существовали, — потому что здѣсь всѣ богатства ограничивались двумя-тремя книжками, которыя появлялись изрѣдка по этимъ предметамъ, или же простымъ повтореніемъ вычитаннаго во французскихъ и нѣмецкимъ писателяхъ. Напр. по всеобщей исторіи, нѣсколько сочиненій и журнальныхъ статей Грановскаго, Кудрявцева, Ешевскаго, нѣсколько тощихъ брошюрокъ г. Куторги, нѣсколько журнальныхъ статей о новой исторіи, составленныхъ по готовымъ иностраннымъ сочиненіямъ, нѣсколько историческихъ очерковъ европейской литературы, въ родѣ статей Дружинина—это есть все, заслуживающее вниманія въ цѣломъ отдѣлѣ знанія, обнимающемъ исторію человѣчества! Даже переводныя книги по всеобщей исторіи, до самаго появленія исторіи XVIII-го столѣтія Шлоссера, не представляли ничего серьезнаго и важнаго. — Классическая древность, которую долго старались вкоренять въ наши нравы, какъ снова стараются теперь, была еще меньше счастлива: пять-шесть книжекъ въ родѣ «Пропилей», «Поклоненія Зевсу», «Горація» г. Благовѣщенскаго остаются въ русской литературѣ не помнящими родства сиротами — да и здѣсь наполовину перевода и компиляціи. Наши историки и классики бывали почти исключительно

люди ученые по профессіи, имѣли претензію на самостоятельные труды, писали диссертаціи о «Поклоненіи Зевсу» или высчитывали года персидскихъ войнъ, когда въ русской литературѣ не было ни единаго сноснаго учебника исторіи, и такимъ образомъ дарили русскую публику изслѣдованіемъ какой нибудь ничтожной мелочи предмета, о которомъ она и вообще имѣла только самыя неясныя представленія. Ученые мужи считали вѣроятно низкимъ для себя заняться популяризаціей результатовъ западной науки,—что было бы въ двадцать разъ проще и полезнѣе,—и въ концѣ концовъ русская литература осталась съ нѣсколькими спеціальными диссертаціями и съ отсутствіемъ всякихъ элементарныхъ обозрѣній. Такимъ образомъ, въ смыслѣ развивающаго средства, вся эта литература, за двумя-тремя исключеніями, конечно не стоила одной главы Бокля... Далѣе, наша литература политическая... но объ ней даже трудно и говорить, потому что такое названіе едва ли приложимо къ тому, чѣмъ поучаютъ русское общество публицисты въ родѣ гг. Каткова, Ив. Аксакова, Погодина, академика Безобразова и всей остальной компаніи. Русская исторія, какъ мы замѣтили, разработывалась съ большимъ усердіемъ, но до самаго послѣдняго времени почти совершенно безплодно; это было одно накопленіе матеріала, потому что при скудости общихъ понятій она могла быть только или раскапываньемъ неважныхъ мелочей, или крайнимъ самохвальствомъ. До нѣсколько раціональнаго пониманія жизни народа и отношенія ея къ жизни государства наша исторія доходитъ едва въ наше время. Намъ случалось не разъ указывать на то, какъ мало мы знаемъ даже самыя близкія къ намъ и непосредственно интересныя эпохи нашей исторіи, какъ мало понятенъ намъ даже вчерашній день нашего общественнаго существованія—по своей или чужой винѣ, все равно.

Когда при такой бѣдности литература могла говорить о себѣ съ нѣкоторой suffisance, это было яснымъ признакомъ, что она не понимала собственнаго положенія, т. е. своей крайней нищеты во всемъ, что называется свободной научной мыслью и критикой; это было признакомъ, что ея самолюбіе и не имѣло дальнѣйшихъ притязаній: всякое сомнѣніе въ ея достоинствахъ принималось не иначе, какъ за неуваженіе къ исторической славѣ и за покушеніе на предметы національной гордости. Наша критика едва только теперь рискуетъ на нѣсколько хладнокровныя сужденія хоть о Державинѣ, да и то это не всегда проходитъ ей даромъ. Когда при такомъ положеніи дѣла начинались толки о самобытномъ русскомъ мышленіи и независимой наукѣ и съ пренебреженіемъ говорилось о наукѣ европейской, это было просто нелѣпымъ самохвальствомъ и вздоромъ. Извѣстно, что это самохвальство нравилось и еще нравится множеству людей, не-

достаточно разсудительныхъ, чтобы не поддаваться на грубую лесть. Но рядомъ съ этимъ стала однако сознаваться и другая сторона дѣла. Съ тридцатыхъ годовъ въ обществѣ начинается извѣстное увлеченіе европейской литературой, которой философскія системы и общественныя ученія находили у насъ ревностныхъ послѣдователей,—они доходили до того, что иногда совершенно сживались съ нѣмецкой философіей или французскимъ соціализмомъ въ теоріи и теряли интересъ къ русской практикѣ. Этотъ періодъ «лишнихъ людей» въ первый разъ далъ вѣрную мѣрку того, на сколько способна или, вѣрнѣе, до какой степени неспособна была русская литература внушить интересъ или дать поприще дѣйствія для людей, увлеченныхъ болѣе широкими философскими и общественными вопросами. — Потомъ, спустя извѣстное время, мы стали считать «лишнихъ людей» болѣзненнымъ явленіемъ, праздными мечтателями, не хотѣвшими дѣлать настоящаго дѣла, — но взглянувши на этихъ людей съ исторической внимательностью, мы должны признать, что въ сущности они во многомъ были правы, что пропасть между дѣйствительнымъ положеніемъ русской мысли и жизни и между возбужденными запросами и открывшимися идеалами была такъ велика, что нельзя винить отдѣльныхъ людей, если они отчаявались перейти ее. Ихъ вина была то, что называется трагическая вина. Съ другой стороны, въ людяхъ этого разряда была впрочемъ и своя доля дилеттантизма, который опять имѣетъ объясненіе въ совершенной исторической непривычкѣ къ личной дѣятельности, соотвѣтственой извѣстнымъ философскимъ убѣжденіямъ, — этихъ послѣднихъ долго даже вовсе и не имѣлось. Съ сороковыхъ годовъ новое движеніе литературы уже поставило для общественной мысли серьезные, хотя на первый разъ и не глубоко понятые вопросы. Въ настоящее время таже потребность умственнаго движенія начинаетъ обнимать болѣе обширный кругъ людей, читающихъ у насъ книги, и при указанномъ выше количествѣ наличнаго содержанія въ русской литературѣ, эта потребность очень естественно выразилась въ стремленіи читать, за неимѣніемъ своихъ, европейскія книги, т. е. имѣть переводы этихъ книгъ. Переводная дѣятельность, усиленно начавшаяся въ послѣднее время, во многомъ отвѣтила потребностямъ публики, и когда запросъ на переводы оказался довольно значителенъ, это въ свою очередь усилило производительность переводчиковъ.

Выборъ книгъ, переведенныхъ до сихъ поръ и привлекающихъ особенное вниманіе, не совсѣмъ дуренъ; многія книги положительно хороши и положительно полезны. На эти книги конечно особенно и злятся господа, одержимые литературной водобоязнью; имъ хочется выдать эти книги за легкомысленныя, поверхностныя или ненауч-

ныя; но, къ ихъ большой досадѣ, слишкомъ мудрено, и только при особенномъ безстыдствѣ или невѣжествѣ можно было бы сказать, чтобы имена, имѣющія всего больше успѣха между нынѣшними читателями, какъ Милль, Бокль, Дарвинъ, Фохтъ и т. д., не были именами съ заслуженной европейской славой, съ дѣйствительнымъ и высокимъ научнымъ значеніемъ. Сколько ни бросалось тѣни, а иной разъ и просто грязи въ этихъ писателей, — которымъ страннымъ образомъ пришлось у насъ расплачиваться за читающую ихъ молодежь,— ожесточенные вопли Катковыхъ и Аскоченскихъ могутъ только усиливать ихъ успѣхъ, потому, что русскій читатель уже научился отчасти цѣнить голосъ дѣйствительной науки. Ненавистный для обскурантовъ успѣхъ обнаруживается уже тѣмъ, что читатель, со вниманіемъ читавшій подобныя книги, научившійся изъ нихъ понимать нѣсколько пружины, дѣйствующія въ общественной жизни, уразумѣвшій историческіе примѣры, довольно легко разгадываетъ маскирующійся обскурантизмъ, который проповѣдуютъ ему напр. московскіе публицисты, начинаетъ яснѣе различать бѣлое и черное въ общественной жизни и отличать въ литературѣ людей убѣжденныхъ отъ проходимцевъ... Этотъ успѣхъ останавливаетъ отчасти и самихъ проходимцевъ: передъ публикой нѣсколько начитанной уже мудренѣе говорить завѣдомую ложь, и писатель, собирающійся сказать эту ложь, старается принять на себя видъ благоприличія и является съ нѣкоторой осторожностью — а это уже не мало.

Съ этой стороны новая литература, гдѣ не малая роль принадлежитъ именно переводнымъ книгамъ, принесла уже свою пользу, указавши русскому читателю много понятій и свѣдѣній, до сихъ поръ ему неизвѣстныхъ, или даже по прежнимъ условіямъ литературы вовсе недоступныхъ. Согласившись съ этимъ и припомнивъ эти прежнія условія литературы и ея небогатое содержаніе, мы легко можемъ примириться съ тѣмъ, что въ нашемъ нынѣшнемъ литературномъ производствѣ мало самостоятельнаго труда и больше заимствованій. Это и не можетъ быть иначе, потому что наличныхъ самостоятельныхъ силъ не оказывается или оказывается слишкомъ мало, и развитіе переводной литературы должно, напротивъ, считаться самымъ утѣшительнымъ признакомъ, что русская литература признаетъ наконецъ свою «наготу и безпомощность» и, снимая съ себя прежнее самохвальство, просто принялась переносить къ себѣ то полезное и поучительное, чего еще не могла сдѣлать сама и что находитъ въ литературахъ европейскихъ. «Національная гордость», какъ понимаютъ ее квасные патріоты, должна сильно страдать отъ подобнаго сознанія, но наконецъ нѣтъ возможности скрыть, что относительно всѣхъ родовъ теоретическаго изученія и образованія кни-

ги, усвоиваемыя нами изъ европейской литературы, во всякомъ случаѣ больше расширяютъ кругъ понятій и свѣдѣній, чѣмъ дѣлаютъ это книги отечественнаго производства.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что переводный по преимуществу и воспринимающій характеръ нынѣшней русской литературы во всемъ, что относится къ теоретическому образованію, есть явленіе совершенно логическое и свидѣтельствующее о томъ, что въ литературѣ устанавливается сознаніе о ея дѣйствительномъ положеніи. Въ настоящее время для нея пока и не можетъ быть, къ сожалѣнію, дѣла болѣе возможнаго и полезнаго, и ей вѣроятно еще не скоро можно будетъ стать на самостоятельную дорогу, — до тѣхъ поръ конечно, пока не поднимется уровень общественной жизни.

Но если вообще мы имѣемъ основаніе находить въ нынѣшнемъ положеніи литературы сравнительно большой шагъ впередъ противъ прежняго, мы не скрываемъ отъ себя и многихъ слабыхъ сторонъ этого положенія, устранить которыя и должно быть задачей тѣхъ, кто дорожитъ успѣхами нашего общественнаго образованія. Самая существенная, слабая сторона этого положенія заключается именно въ томъ общемъ явленіи, что наше общество принимаетъ литературу все еще слишкомъ внѣшнимъ образомъ, что потребность знанія еще слишкомъ поверхностна, и что пріобрѣтаемыя теоретическія свѣдѣнія становятся у насъ пока особнякомъ отъ практики и мы не дѣлаемъ усилія развивать ихъ до послѣднихъ выводовъ и практическихъ примѣненій. Въ большинствѣ, для котораго новая литература служитъ дополненіемъ недостаточнаго школьнаго образованія и отсутствія практическаго образованія въ общественной дѣятельности, — въ этомъ большинствѣ еще слишкомъ мало привычки къ самостоятельной критикѣ; съ другой стороны закоренѣлое невѣжество и предразсудки способны остановить всякаго комментатора, который бы сталъ обстоятельно излагать эти теоретическія идеи, потому что у насъ есть еще очень много людей, которые въ *русской* книгѣ и въ примѣненіи къ русскимъ предметамъ еще не могутъ переварить тѣхъ вещей, которыя они уже начинаютъ понимать и допускать въ книгѣ *иностранной*. Странно сказать это, но люди, знакомые съ закулисной стороной литературы и съ тѣмъ, какъ относятся къ ней различнаго рода читатели, согласятся съ нами, что у насъ дѣйствительно иностранному автору дозволяется гораздо больше, чѣмъ русскому. И такъ разсуждаютъ не одни литературные судіи, но нерѣдко и сама читающая публика. У насъ дѣйствительно нерѣдки примѣры, что тѣ же самые люди, которые признаютъ возможность извѣстнаго взгляда у иностраннаго писателя, не могутъ — къ удивленію, очень искренно! — понять этой возможности для русскаго. Эти

люди все еще выдѣляютъ себя въ какой-то особенный міръ, въ «шестую часть свѣта», и какъ они не могутъ подвести своей практической дѣйствительности подъ общую точку зрѣнія, такъ и общій здравый смыслъ и самыя несомнѣнныя данныя науки считаютъ непримѣнимыми къ русской головѣ. Читатель, нѣсколько слѣдившій за отечественной литературой, припомнитъ конечно, что такіе примѣры зачастую происходили уже не только въ массѣ публики, но и между самими литературными дѣятелями: одинъ и тотъ же журналъ, «Эпоха», «Библіотека», «Отечественныя Записки», въ одной и той же книжкѣ совершенно спокойно говоритъ объ извѣстномъ *принципѣ* въ западной жизни, литературѣ, учрежденіяхъ, и самымъ злобнымъ образомъ опрокидывается на тѣхъ, кто примѣняетъ тотъ же принципъ, т. е. твердое правило, къ русской жизни.

Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ виновата больше конечно старая часть публики; но и молодая также не всегда отличается опредѣленностью своихъ представленій, и это едва ли не оказало своего дѣйствія въ особенномъ увлеченіи естественными науками.—Мы уже не одинъ разъ указывали на это увлеченіе, которое по нашему мнѣнію не всегда оправдывалось достаточными основаніями, и этимъ своимъ мнѣніемъ успѣли даже вызвать противъ себя обвиненія чуть ли не въ обскурантизмѣ и союзѣ съ «Московскими Вѣдомостями». Но обвинители наши были слишкомъ скоры, и имъ слѣдовало бы больше обратить вниманія на то, чѣмъ мы обставляли свое мнѣніе. Вопросъ вовсе не въ абсолютномъ значеніи естествознанія, несомнѣнно занимающаго первостепенное мѣсто въ нынѣшнемъ періодѣ науки, какъ ея философское основаніе и источникъ, и это значеніе естествознанія мы умѣемъ цѣнить не хуже нашихъ обвинителей; а вопросъ въ популярномъ и педагогическомъ примѣненіи естественныхъ наукъ, за которымъ мы не признаемъ той же абсолютной важности для общественнаго образованія, т. е. не думаемъ, чтобы популярная геологія и физіологія исчерпывали всѣ знанія, нужныя для образованнаго человѣка, и могли уже въ настоящую минуту быть полнымъ кодексомъ его образа мыслей

Особенная наклонность къ естествознанію въ нашей публикѣ, была весьма естественнымъ слѣдствіемъ того положенія, въ какомъ эта отрасль науки поставлена была въ нашей литературѣ прежняго времени. Дѣло въ томъ, что естествознаніе только недавно получило нѣкоторое право гражданства въ русской книгѣ. Еще въ очень недавнее время оно не имѣло этого права: конечно, въ университетахъ преподавались ботаника, зоологія и т. п., бывали даже и книги съ такими заглавіями, но другія части науки, напр. геологія, существовали въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, потому что считались опас-

ными; книги Фохта, которыя теперь благополучно читаются на русскомъ языкѣ, были совершенно недоступны, — вмѣстѣ съ ними и множество другихъ книгъ; весь отдѣлъ естествознанія ограничивался въ литературѣ или крайними мелкими спеціальностями или дѣтскими книгами, которыя мало способны были занять взрослыхъ. Любознательный русскій читатель угадывалъ, что естественныя науки могутъ представить ему самый богатый интересъ, но у него были закрыты всѣ пути для знакомства съ любопытнѣйшими пунктами этихъ наукъ; — *то* общественное мнѣніе, отъ котораго зависѣли судьбы литературы, считало естествознаніе синонимомъ матеріализма и невѣрія, и конечно всѣми силами задерживало всякія поползновенія этого рода. Люди, которые помнятъ положеніе нашей литературы лѣтъ за пятнадцать, знаютъ, какую роль играли въ ней естественныя науки, и помнятъ конечно, какимъ литературнымъ событіемъ была одна напечатанная рѣчь московскаго профессора Рулье, трактовавшая о геологіи. Рѣчь заключала въ себѣ не болѣе, какъ самыя общеизвѣстныя (въ европейской наукѣ) геологическія свѣдѣнія — такія свѣдѣнія *теперь* заходятъ даже и въ дѣтскія книжки, — но тогда это показалось чуть не нарушеніемъ общественной безопасности. Когда наконецъ то общественное мнѣніе, которое давало направленіе литературѣ, нѣсколько примирилось съ этими вещами и когда естествознаніе нашло нѣкоторый доступъ въ русскую книгу, понятно, что читатель съ усиленнымъ любопытствомъ набросился на то, что въ теченіе долгаго времени было для него запрещеннымъ плодомъ, и изъ вещей серьезныхъ книги по естествознанію надолго (и до сихъ поръ еще) стали наиболѣе потребляемымъ литературнымъ матеріаломъ. Это былъ сильный аппетитъ послѣ долгаго голоданія. — Такова была одна причина особеннаго увлеченія естествознаніемъ: имъ надѣялись удовлетворить долго задерживаемой любознательности, въ немъ искали разрѣшенія вопросовъ, которые всегда способны возбуждать любопытство и въ рѣшеніи которыхъ предполагалось найти рѣшеніе всей «загадки бытія». Къ этой причинѣ присоединилась потомъ и другая — потребность въ реальномъ знаніи, ставшая инстинктомъ нынѣшняго молодаго поколѣнія: въ естественныхъ наукахъ желали найти или непосредственныхъ практическихъ знаній, или необходимаго введенія къ такимъ знаніямъ. — Обѣ указанныя нами причины интереса къ естественнымъ наукамъ безъ сомнѣнія совершенно резонны и заслуживаютъ всякаго уваженія и поощренія и естественныя науки несомнѣнно имѣютъ большую цѣну, какъ образовательное средство, потому что никакой другой предметъ не отучаетъ такъ полно отъ метафизики и предразсудковъ, и ни одинъ не открываетъ такой прямой дороги къ

реальному практическому знанію; но дѣло въ томъ, что въ большинствѣ это увлеченіе имѣетъ и свои слабыя стороны. Большинство ищетъ въ естествознаніи конечно не непосредственныхъ примѣненій къ дѣлу; оно ищетъ здѣсь разрѣшенія общихъ вопросовъ и съ голоса «мыслящихъ реалистовъ» многіе думаютъ, что именно здѣсь, и нигдѣ больше, заключается корень всѣхъ рѣшеній. Къ сожалѣнію, наше время еще не создало цѣлой натуръ-философіи, которая бы съумѣла построить на этой почвѣ всю систему знанія и вывести всѣ общественные и политическіе принципы изъ одной естественно-исторической идеи. Когда нибудь наука конечно и дойдетъ до этого, но въ настоящую минуту трудно счесть большинство русскихъ читателей за такихъ натуръ-философовъ, и особенно читателей, въ которыхъ глубина естественно-историческаго знанія ограничивается прочтеніемъ нѣсколькихъ книгъ, — хотя бы даже это были книги Фохта, Дарвина, Гексли и т. д. Какъ это бываетъ съ иными читателями изъ молодежи и что это дѣйствительно бываетъ, мы имѣемъ возможность судить по упомянутымъ выше «мыслящимъ реалистамъ»: достаточно припомнить для примѣра удивительныя разсужденія г. Зайцева въ «Русскомъ Словѣ». Въ такомъ родѣ вопросы рѣшаются конечно безъ большихъ затрудненій, но извѣстно, что легкія рѣшенія бываютъ иногда очень сомнительнаго достоинства...

Такимъ образомъ исключительное, но вмѣстѣ дилеттантское увлеченіе естествознаніемъ, какъ оно проявляется въ молодой части читателей, можетъ оказываться положительно вреднымъ для выработки твердыхъ и ясныхъ понятій и убѣжденій, когда къ нему не прибавляется изученіе другаго рода. Мы говоримъ въ особенности о соціальныхъ и политическихъ наукахъ, которыя конечно могли бы оказывать болѣе дѣйствительное вліяніе на развитіе общественныхъ понятій и пріучать, хотя теоретически, къ задачамъ общественной жизни. Наша переводная литература даетъ и здѣсь нѣсколько книгъ болѣе или менѣе полезныхъ, но къ сожалѣнію, этотъ отдѣлъ ея все еще очень бѣденъ и не возбуждаетъ въ публикѣ достаточнаго интереса. Между тѣмъ именно здѣсь и представляется множество предметовъ, знакомство съ которыми могло бы служить прекраснымъ образовательнымъ средствомъ, если только мы вообще нуждаемся въ общественномъ образованіи и въ пониманіи нашего общественнаго положенія.

Въ этомъ отношеніи нашей литературѣ остается пріобрѣсти себѣ еще очень многое. У насъ почти буквально нѣтъ литературы по общественнымъ наукамъ и по всеобщей исторіи. Знаменитыя имена и событія европейской исторіи, великіе подвиги европейской мысли, великіе историческіе перевороты, поставившіе Европу въ ея совре-

менное состояніе, и затѣмъ дѣйствующіе наконецъ непосредственно и на наше собственное политическое и общественное состояніе, все это покрыто для насъ мракомъ неизвѣстности. Новѣйшей исторіи мы не знаемъ вовсе, не знаемъ цѣлаго хода той глубокой борьбы, которая идетъ въ европейскомъ обществѣ въ настоящую минуту и которая прямо или косвенно отражается на нашей собственной жизни,— не мудрено, что въ большинствѣ мы не умѣемъ отдать себѣ отчета въ томъ, что творится съ нами и кругомъ насъ.

Наша общественная жизнь мало по малу начинаетъ выдвигать на сцену такіе вопросы, о которыхъ общество наше не привыкло разсуждать и которыхъ оно часто даже и не подозрѣвало; сильная реформа, значительно перемѣшавшая соціальныя шашки, пробудила потребность оглянуться на свое положеніе и думать о тѣхъ средствахъ, которыя бы могли поставить общество снова на какую нибудь прочную колею — и въ обществѣ сознательно или безсознательно начинается столкновеніе противоположныхъ интересовъ; другія реформы даютъ этому обществу извѣстную долю самоуправленія, съ которой оно — иногда не знаетъ что дѣлать. Такъ или иначе, но въ общественной жизни начинается порядокъ вещей, значительно несходный съ прежнимъ и не только вызывающій вниманіе частныхъ людей, но иногда и дающій имъ нѣкоторую самостоятельную роль, какой они никогда прежде не имѣли. Нельзя сказать, чтобы само общество сдѣлало много для пріобрѣтенія этого порядка вещей, но теперь оно можетъ воспользоваться имъ. Какъ воспользоваться, оно этого не знаетъ, потому что не имѣется для этого никакого критеріума. Наше собственное прошедшее этого критеріума не даетъ, потому что весь смыслъ движенія заключался бы именно въ удаленіи этого прошедшаго; критеріумомъ остается то, что обыкновенно имѣетъ силу въ практическомъ ходѣ вещей — т. е. интересъ, какой бы то ни было, личный, сословный, государственный, національный; но этотъ интересъ можетъ быть понимаемъ и часто дѣйствительно понимается совершенно различно даже людьми, стоящими повидимому въ одномъ общемъ положеніи, — и если образованіе служитъ вообще для болѣе просвѣщеннаго пониманія интереса, то однимъ изъ лучшихъ средствъ къ этому можетъ и должно бы быть именно изученіе соціальныхъ и политическихъ наукъ, ихъ теоріи и ихъ практическихъ примѣровъ въ исторіи европейскихъ обществъ.

Мы часто имѣемъ наклонность вѣрить тому, въ чемъ стараются увѣрить мыслители во вкусѣ «Дня», что мы представляемъ народъ совершенно исключительный по самымъ внутреннимъ качествамъ нашей организаціи. Конечно, нѣтъ ничего нелѣпѣе подобнаго утвержденія, — если только разъ мы принадлежимъ къ кавказской расѣ, къ

которой принадлежатъ всѣ добрые люди въ Европѣ; но если бы даже мы принадлежали къ негритянской породѣ, то и здѣсь, разсудительные люди XIX-го столѣтія приходятъ къ убѣжденію, что подобное обстоятельство не исключало бы насъ изъ общаго человѣческаго порядка, что изъ-за него мы не лишились бы права имѣть такіе же интересы и стремленія, какіе существуютъ у цивилизованныхъ людей, такія же мнѣнія о личномъ достоинствѣ и достоинствѣ общества. Но кромѣ нелѣпости, подобное утвержденіе и очень вредно, потому что, заставляя выдѣлять себя изъ среды остальныхъ людей, оно стремится навязывать людямъ и націи такія метафизическія и соціальныя представленія, которыя давно отжили свое время и теперь должны бы замѣниться болѣе обстоятельными представленіями. Указанное нами изученіе всего лучше могло бы показать дѣйствительное положеніе вещей. Теорія общественныхъ наукъ познакомила бы насъ съ тѣми рычагами, которые соединяютъ человѣческія общества и управляютъ ихъ судьбами, показала бы, въ чемъ заключаются существенныя свойства общественнаго развитія, и доказала бы самымъ несомнѣннымъ образомъ, что такъ называемыя національныя отличія, будто бы кладущія цѣлыя пропасти между развитіемъ двухъ разныхъ народовъ, не измѣняютъ нисколько этихъ существенныхъ свойствъ,—потому что вопросъ сводится къ условіямъ экономическимъ и къ степени образованности, т. е. къ вещамъ, нисколько не связаннымъ съ національностью, съ языкомъ, рыжими или черными волосами и т. д.; послѣднее связано развѣ только съ величиной лицеваго угла,—но въ этомъ отношеніи природа еще насъ не обидѣла. Науки историческія не только доказали бы справедливость этихъ теоретическихъ положеній, но и самымъ наглядньмъ образомъ показали бы историческую аналогію въ судьбѣ разныхъ европейскихъ націй, аналогію, которую мы могли бы примѣнить наконецъ и къ нашей собственной исторіи. Въ необозримомъ разнообразіи фактовъ, въ видимомъ несходствѣ событій мы научились бы отыскивать руководящія нити и привыкли бы вѣрнѣе оцѣнивать смыслъ событій, совершавшихся и совершающихся въ средѣ нашего собственнаго общества. Мы лучше, чѣмъ понимаютъ до сихъ поръ наши присяжные историки, понимали бы, въ чемъ состояла сущность пройденнаго нами прошедшаго и какія формы быта могли бы ожидать насъ въ будущемъ... Это сознательное пониманіе своей собственной среды могло бы объяснить ступень, занимаемую современнымъ поколѣніемъ, и направить его убѣжденія въ ту сторону, которой принадлежитъ будущее.

Эти аналогіи могутъ быть занимательны и поучительны и съ другой стороны, когда мы обратимъ вниманіе на ближайшую къ на-

шему времени исторію европейскихъ государствъ. Европа безъ сомнѣнія далеко опередила насъ и своимъ экономическимъ развитіемъ, и своими политическими формами, и своей образованностью и литературой; она давно прошла тѣ общественныя учрежденія и то состояніе понятій и образованія, какими пользуемся мы въ настоящую минуту,—мы находимъ теперь полезнымъ и даже необходимымъ заимствовать у нея готовые результаты ея жизни, въ формѣ науки, литературы, учрежденій и практическихъ бытовыхъ улучшеній,—такъ что въ ея прошедшемъ мы можемъ наблюдать, какъ совершались явленія, переживаемыя нашимъ обществомъ, и въ ея настоящемъ — значеніе учрежденій, которыя мы принимаемъ отъ нея теперь. Если мы упомянемъ наконецъ наши постоянныя политическія встрѣчи, сношенія и столкновенія съ Европой, которыя также нерѣдко чувствительно отражались на нашей общественной жизни,—вотъ достаточно основаній, которыя должны бы сдѣлать для насъ новую европейскую исторію однимъ изъ любопытнѣйшихъ предметовъ изученія. И оно конечно больше могло бы содѣйствовать разъясненію понятій въ читающемъ большинствѣ, чѣмъ можетъ это дѣлать наиболѣе распространенное теперь чтеніе, и больше содѣйствовать развитію недостающихъ намъ характеровъ.

Важное мѣсто въ этомъ изученіи должна была бы занять европейская литература, конечно по преимуществу новѣйшая. Эта литература познакомила бы насъ съ внутреннимъ процессомъ общественной исторіи, съ первымъ зарожденіемъ, развитіемъ и торжествомъ идей, смѣнившихъ теперь старое содержаніе европейской мысли и изъ европейской книги, разными путями и все въ большемъ размѣрѣ, проникающихъ къ намъ. Кромѣ высокаго историческаго интереса, какой представляетъ развитіе общественной мысли въ ея разнообразныхъ формахъ, въ поэзіи, въ наукѣ, въ публицистикѣ, это изученіе литературы могло бы имѣть для насъ и прямой практическій смыслъ. Мы еще разъ убѣдились бы, что переживаемъ общественную ступень, уже извѣстную исторіи, ступень, имѣющую свое особенное міросозерцаніе, свою логику, свои метафизическія и общественныя теоріи, свою поэзію; и если бы мы встрѣтились съ подобнымъ родомъ логики, метафизики и политическихъ понятій въ какихъ нибудь явленіяхъ нашей собственной литературы, мы сразу могли бы опредѣлить ихъ настоящую цѣну и, быть можетъ, не одинъ поклонникъ «Дня» пересталъ бы быть его поклонникомъ, если бы зналъ содержаніе и судьбу средневѣковаго мистицизма и ретроградно-романтическихъ теорій, господствовавшихъ нѣкогда въ европейской литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мнимо-національныя теоріи, которыми хвалятся подобнаго рода мыслители и, выѣзжая на которыхъ, они сни-

скиваютъ благосклонность мало образованной и мало начитанной публики, по сущности своей имѣютъ въ старой европейской литературѣ совершенно сходныхъ двойниковъ, имѣвшихъ свою пору и теперь отживающихъ ее въ рядахъ завѣдомаго обскурантизма. Отыскавъ въ европейскихъ литературахъ соотвѣтствующую формацію, мы легко бы опредѣлили ея внутреннюю стоимость, и могли бы видѣть, на сколько эта формація оказалась несостоятельна и какъ она должна была уступить передъ болѣе здравыми и справедливыми воззрѣніями. — Такую старую формацію, уже пройденную здравомыслящими людьми, составляетъ напр. Жозефъ де-Местръ, о которомъ мы говорили недавно. Въ Европѣ это — отжившее преданіе; у насъ — еще благополучно обманывающее людей направленіе, послѣдователи котораго раздѣляются между «Московскими Вѣдомостями» и *блаженной* памяти «Днемъ». Мы полагаемъ, что читатель не станетъ отвергать между ними довольно тѣснаго родства: это—самое то направленіе, которое въ средніе вѣка устроивало инквизицію, во имя спасенія общества, и которое теперь не рекомендуетъ ее прямо только потому, что совѣстится или боится, что не послушаютъ. Впрочемъ «Московскія-то Вѣдомости» не очень далеки отъ этого...

Такимъ образомъ, если въ нашихъ общественныхъ понятіяхъ и литературѣ еще имѣютъ силу такія старыя точки зрѣнія, то изученіе европейской литературы пріобрѣтаетъ для насъ прямое педагогическое значеніе для воспитанія въ обществѣ понятій, которыхъ еще не даетъ ему наша плохо устроенная школа и наша практическая дѣйствительность. Для большинства нашего «образованнаго» общества было бы еще очень полезно и даже необходимо пройти ту школу, которую проходили въ XVIII-мъ столѣтіи европейскія литературы, и полезно особенно теперь, когда наша собственная производительность поставлена въ свои неблагопріятныя условія. Для того, чтобы наше образованіе, которое доставляется и дополняется литературой, было полно, намъ нужно познакомиться съ тѣми европейскими произведеніями, которыя представляютъ собой движеніе европейской мысли и были вмѣстѣ орудіемъ этого движенія. У насъ давно распространена идея, будто бы мы очень легко воспринимаемъ европейскіе результаты и можемъ довольствоваться готовымъ содержаніемъ, выработаннымъ Европою, не имѣя нужды добираться до него собственнымъ опытомъ; — мы прибавляемъ даже, что наше дѣло просто только усовершенствовать и вести дальше эти результаты. Но эта идея часто бываетъ слишкомъ хвастлива—чтобы принять эти результаты съ успѣхомъ, надо умѣть *вполнѣ* понимать ихъ; и хотя конечно намъ нѣтъ необходимости самимъ добираться до нихъ, когда они уже отысканы другими,—какъ нѣтъ необходимости отыс-

кивать законъ тяготѣнія, когда онъ уже найденъ Ньютономъ, или опровергать средневѣковыя мистическія представленія о природѣ и человѣкѣ, когда они уже опровергнуты всей новѣйшей наукой, — но мы должны однако изучить путь, которыми эти результаты были достигнуты, потому что тогда только они могутъ быть усвоены нами прочно и получить у насъ полное право гражданства.—Это условіе особенно необходимо въ нашей литературѣ, — какъ въ этомъ весьма не трудно убѣдиться.

Дѣло въ томъ, что наша литература стоитъ ко всѣмъ этимъ результатамъ въ очень странномъ положеніи. Она сама не участвовала въ рѣшеніи тѣхъ великихъ вопросовъ, какіе рѣшила европейская наука и литература, и которые являются къ намъ готовыми. Наша литература ничѣмъ не участвовала въ открытіяхъ Галилея, Коперника, Кеплера, Ньютона, въ развитіи философскихъ идей Бэкона, Локка, Спинозы и пр., въ скептицизмѣ Бэйля, Вольтера, Юма и т. д., въ открытіяхъ естествознанія, геологіи, физіологіи и т. д. и т. д.; наша литература не переносила той борьбы, послѣ которой только и были одержаны эти научныя побѣды,—такъ что, въ заключеніе, наша литература, существуя во второй половинѣ XIX-го столѣтія и принимая (большей частью только урывками) новѣйшее міровоззрѣніе, въ сущности владѣетъ этимъ міровоззрѣніемъ весьма непрочно. Общественное мнѣніе, т. е. то, которое въ концѣ концовъ оказываетъ вліяніе на весь ходъ литературы и опредѣляетъ ея уровень—даетъ у насъ мѣсто этому міровоззрѣнію изъ приличія, вслѣдствіе извѣстнаго нравственнаго гнета европейскихъ понятій, но въ сущности оно до сихъ поръ смотритъ на него съ опасеніемъ, не довѣряетъ ему и при случаѣ злобно на него вооружается. У насъ кажется ни у кого уже нѣтъ достаточно невѣжества или безстыдства, чтобы говорить, чтобы открытія Ньютона или Галилея были фальшивы, чтобы философское величіе Локка было сомнительно; люди, слыхавшіе о Вольтерѣ или Юмѣ, соглашаются, что во многомъ ихъ скептицизмъ былъ правъ,—но когда у насъ вопіютъ о матеріализмѣ, о вредномъ вольнодумствѣ, то весь этотъ предполагаемый матеріализмъ часто состоитъ только въ принятіи того, что несомнѣнно со временъ Галилея и Ньютона. Другаго смысла по крайней мѣрѣ не имѣетъ тотъ матеріализмъ, который противенъ конфессіональнымъ философамъ «Дня». Достаточно «Дню» быть сколько нибудь послѣдовательнымъ, онъ долженъ бы былъ необходимо опровергать и Галилея, и Коперника. Онъ не дѣлалъ этого, потому что все-таки кое что читалъ и ему совѣстно, — но множество людей читали меньше его и готовы конечно на эти опроверженія. И еслибы въ настоящую минуту подобный вопросъ былъ у насъ поставленъ прямо, мы еще не

знаемъ, на какую сторону стало бы «общественное мнѣніе». По крайней мѣрѣ, еще вовсе не такъ давно геологія считалась у насъ опасной наукой и не имѣла мѣста въ литературѣ; другія подобныя вещи не имѣютъ его и до сихъ поръ.—Для всякой европейской литературы подобное положеніе вещей есть уже дѣло невозможное: если и тамъ не всегда выводятся изъ извѣстныхъ посылокъ всѣ данныя слѣдствія, во всякомъ случаѣ научныя данныя имѣютъ свое, не подлежащее спору положеніе, и не могутъ быть упраздняемы ради того, чтобы не возбудить невѣжественной раздражительности необразованной массы. Для европейскихъ литературъ эти данныя науки составляютъ неотъемлемое достояніе, потому что изъ-за нихъ ведена была въ этихъ литературахъ энергическая борьба, уже давно конченная и въ настоящее время давно превратившаяся въ правильное развитіе дальнѣйшихъ научныхъ открытій, и наука уже такъ проникла въ общество, что и не можетъ быть вопроса объ ея правахъ. Въ нашей литературѣ эта наука, напротивъ, не имѣетъ никакой традиціи: она введена была оффиціально, какъ государственная мѣра (при Петрѣ В.); всегда существовала для извѣстныхъ практическихъ цѣлей, и потому въ извѣстномъ размѣрѣ, въ особыхъ учрежденіяхъ; поставлена была рядомъ съ обществомъ, которое не думало отказываться отъ старыхъ предразсудковъ, и постоянно склонно было считать науку чѣмъ-то постороннимъ и чѣмъ-то ведущимъ къ «вольнодумству», — такъ что отъ времени до времени въ нашей общественной исторіи совершались странные факты, заявлявшіе о непрочности положенія этой науки, факты въ родѣ оффиціальныхъ гоненій Магницкаго и Рунича на профессоровъ, въ родѣ изгнанія геологіи и многихъ другихъ явленій этой хронической или перемежающейся наукобоязни, напр. въ родѣ нынѣшней войны противъ Бокля, ничѣмъ не уступающей невѣжественному или іезуитскому обскурантизму Магницкаго.—Такъ вредило намъ отсутствіе упомянутой традиціи.

Само собою разумѣется, что наукобоязнь (надо впрочемъ сказать, значительно все-таки убавившаяся въ наше время) прекратится только тогда, когда распространеніе знаній обниметъ значительную долю общества и массы и когда меньшинство, представляющее собой науку теперь, будетъ считать больше людей на своей сторонѣ и слѣдовательно станетъ сильнѣе, и въ состояніи будетъ выдерживать нападенія. Для этой-то цѣли, для утвержденія авторитета науки, не поддерживаемаго у насъ традиціей, и для увеличенія числа ея прозелитовъ, необходимо, чтобы кромѣ самой науки и литературы, мы изучили и ихъ прошедшую исторію. Познакомившись съ существенными пунктами этой исторіи, т. е. съ замѣчательнѣйшими произведеніями европейской науки и литературы, сдѣлавшими рядъ

переворотовъ въ европейскомъ мышленіи, — которое переходитъ по наслѣдству къ намъ, — мы до извѣстной степени усвоимъ себѣ недостающую намъ традицію и будемъ владѣть въ своемъ литературномъ арсеналѣ надежнымъ оружіемъ на случай невѣжественныхъ нападеній. — Какіе предметы заслуживали бы всего больше вниманія въ этой прошедшей исторіи, это ясно само собою: это — тѣ предметы, которые всего ближе касаются нашихъ собственныхъ научныхъ интересовъ, нравственныхъ и общественныхъ отношеній.

Далѣе, намъ случалось уже не разъ говорить о томъ, какое значеніе можетъ и должно бы имѣть для нашей литературы усвоеніе замѣчательнѣйшихъ поэтическихъ произведеній новой европейской литературы, въ которыхъ наиболѣе отражалась исторія нравственныхъ улучшеній и общественныхъ успѣховъ Европы. Здѣсь точно также мы можемъ сказать, что наша литература больше, чѣмъ какая нибудь другая, нуждалась бы въ этомъ усвоеніи, потому что поэтическая литература есть опять живое отраженіе той борьбы, которую проходило европейское сознаніе и которую очень недостаточно проходили мы сами. Тѣсные размѣры внутренняго развитія нашего общества конечно не способствовали и широкому поэтическому развитію, и если наша поэзія нерѣдко умѣла вѣрно угадывать и передавать гнетущія стороны нашей дѣйствительности, она никогда не возвышалась до тѣхъ высокихъ поэтическихъ идеаловъ, какіе порождала поэзія европейская, и эти идеалы могли бы и должны бы служить для того эстетическаго воспитанія нашего общества, о которомъ говоритъ Шиллеръ.

Вотъ достаточное поприще для переводной дѣятельности, кромѣ тѣхъ естественно-историческихъ популярныхъ книгъ, которыя наводняютъ теперь литературу, и кромѣ спеціальныхъ книгъ и руководствъ, усвоивать которыя заставляетъ насущная необходимость. Полагаемъ, что издателямъ и предпринимателямъ, которые хотятъ понимать свое дѣло серьезно, а не спекулировать только на вещи, возбуждающія преувеличенный интересъ въ настоящую минуту, полезно было бы обратить вниманіе на указываемыя нами потребности нашей литературы. Экономическій законъ конечно сдѣлаетъ свое дѣло и выгодно продаваемыя книги будутъ еще издаваться и безъ соображенія ихъ качества; но обдуманная предпріимчивость литературныхъ дѣятелей можетъ съ своей стороны направлять извѣстнымъ образомъ вкусы публики, которая, быть можетъ, поддержитъ труды, внушенные серьезнымъ пониманіемъ потребностей нашего образованія.

Но во всякомъ случаѣ послѣднее слово должно принадлежать публикѣ. Предпріимчивость можетъ идти только до извѣстной степени,

дальше которой она становилась бы совершенно излишнимъ самопожертвованіемъ, если бы не нашла себѣ въ публикѣ достаточной поддержки. Той же публикѣ предстояла бы и другая задача. Указанные нами предметы, на которые могла бы съ большой пользой направиться наша переводная дѣятельность, эти предметы въ значительномъ количествѣ случаевъ оказались бы затруднительными для передачи на русскій языкъ по особенному положенію нашей литературы. Именно, они могутъ оказываться затруднительными потому, что русское ухо еще далеко не привыкло ко многимъ истинамъ, въ сколько бы строгой научной формѣ они ни выражались. Подобныхъ затрудненій встрѣчается не мало и при настоящемъ небогатомъ матеріалѣ нашей литературы; по всей вѣроятности такихъ трудностей стало бы встрѣчаться еще больше, если бы шелъ вопросъ о передачѣ на русскій языкъ, напримѣръ, многихъ произведеній XVIII вѣка. Мы не будемъ загадывать впередъ примѣровъ, но полагаемъ, что читатель, знакомый отчасти съ условіями нынѣшняго литературнаго труда, согласится и безъ того съ нашимъ предположеніемъ. Что же можетъ выйти въ такомъ случаѣ? — Не выйдетъ ничего, если читатель будетъ оставаться апатиченъ; потому что благія желанія одного отдѣльнаго издателя не въ состояніи будутъ бороться съ представляющимися препятствіями. Читатель можетъ именно поддержать его, если сознаетъ самъ необходимость тѣхъ изученій, на которыя мы указывали и которыя должна бы была доставлять ему литература. Пробужденіе общественной потребности одно только и можетъ дать литературѣ средства начать труды, стремящіеся собственно къ удовлетворенію этой потребности. Чѣмъ больше общественный интересъ будетъ склоняться къ извѣстнымъ предметамъ, тѣмъ больше упомянутое ухо будетъ привыкать къ нимъ, и тѣмъ больше будетъ возможно и для литературы останавливаться на нихъ. Приблизительно такъ шло, напримѣръ, дѣло съ естественными науками: лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ нашей литературѣ было почти невозможно имя того Фохта, который переводится и раскупается теперь такъ усердно и такъ благополучно; точно также было и съ геологіей, которая считалась прежде наукой опасной. Благодаря возбужденной любознательности значительнаго количества читателей, т. е. публики, другая, неблагосклонная къ этимъ писателямъ часть общественнаго мнѣнія, мало по малу привыкла къ ихъ именамъ и къ ихъ содержанію. На это общественное мнѣніе не дѣйствовала при этомъ никакая внѣшняя принудительная сила, — не во власти литературныхъ дѣятелей было заставить это мнѣніе думать иначе, а не такъ, какъ оно думало; эффектъ произведенъ былъ чисто нравственнымъ давле-

ніемъ общественнаго интереса, оказавшагося съ извѣстной силой въ этомъ направленіи.

Мы должны привыкнуть къ мысли, что литературные вопросы вовсе не составляютъ дѣла однихъ литераторовъ по профессіи; какъ сами литераторы по профессіи выходятъ изъ того же общества, которое составляетъ читающую публику, такъ и успѣхъ литературнаго дѣла, выгодное или невыгодное его направленіе зависятъ отъ того же общества, потому что литература служитъ ему только отраженіемъ. Въ средѣ людей, посвящающихъ себя литературной дѣятельности, можетъ созрѣть мысль извѣстнаго литературнаго предпріятія, способствующаго успѣху общественнаго образованія, но поддержать эту мысль и дать возможность ея исполненія можетъ дать только нравственная сила самой публики.

— А —

НОВЫЯ КНИГИ.

Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Въ трехъ томахъ. Изданіе *Ф. Толля.* Спб. 1863 — 1864. Приложенія (3 выпуска, А — Р). Спб. 1865 — 1866.

«Современникъ» говорилъ уже о предпріятіи г. Толля, когда появился первый томъ «Настольнаго Словаря», и мы отдали справедливость трудолюбію г. Толля и его добросовѣстнымъ стараніямъ дать русскому читателю и вообще любознательнымъ людямъ по возможности полную, толковую и доступную по цѣнѣ справочную книгу. Съ тѣхъ поръ г. Толль успѣлъ не только окончить изданіе, но также дать три выпуска «Приложеній», заключающихъ въ себѣ разнообразныя дополненія и исправленія къ прежнимъ статьямъ, и весьма значительное количество новыхъ. Съ выходомъ 4-го выпуска, который г. Толль обѣщаетъ издать въ непродолжительномъ времени, предпріятіе г. Толля будетъ закончено вполнѣ.

Наше мнѣніе о трудѣ г. Толля мы уже высказали при его началѣ, и мы остаемся при этомъ мнѣніи и теперь. «Настольный Словарь» есть безъ сомнѣнія весьма полезное изданіе въ русской литературѣ, которая до сихъ поръ не имѣла ничего подобнаго—потому что многотомный «Словарь» г. Старчевскаго есть очень нелѣпая спекуляція, сшитая на живую нитку, а другіе словари, очень обширные и крайне ученые, не шли, какъ извѣстно, дальше первыхъ буквъ азбуки. Мы указывали въ «Словарѣ» г. Толля болѣе или менѣе важныя ошибки, невѣрности и пропуски; но ошибокъ едва ли возможно избѣжать въ подобномъ предпріятіи, когда оно является въ литературѣ почти въ первый разъ и когда громадный трудъ исполняется усиліями немногихъ людей, а главнымъ образомъ лежитъ на одномъ человѣкѣ. Г. Толль и самъ сознавалъ неполноты «Словаря» и замѣчалъ его ошибки, и для поправленія ихъ предназначилъ весьма трудолюбиво составленныя «приложенія», которыя въ значительной мѣрѣ исправляютъ прежніе пропуски и недосмотры.

Объемъ трехъ томовъ «Словаря» весьма значительный. Онъ напечатанъ въ очень большую осьмушку, въ два столбца, мелкимъ, но четкимъ шрифтомъ, и этихъ очень убористыхъ страницъ въ 1-мъ томѣ заключается 800, во 2-мъ — 1132, въ 3-мъ — 1171, такъ что сравнительно, напримѣръ, 1-й томъ «Словаря» равняется тремъ съ небольшимъ книгамъ «Современника». Изъ этого читатель можетъ судить о массѣ печатнаго матеріала, заключающагося во всѣхъ томахъ «Словаря» и его приложеніяхъ. Этотъ матеріалъ представляетъ множество разнообразныхъ справочныхъ свѣдѣній, изложенныхъ обыкновенно толково и сжато: эта сжатость объясненій каждаго слова дала конечно издателю возможность значительно увеличить количество самыхъ объясняемыхъ словъ. Даже очень поверхностное сравненіе «Настольнаго Словаря» съ изданіемъ г. Старчевскаго показываетъ между ними огромную разницу и безспорное превосходство изданія г. Толля.

Г. Толль разсчитывалъ дать въ своемъ Словарѣ: 1) объясненіе всѣхъ главныхъ основныхъ терминовъ, именъ и названій каждой науки, искусства, художества и ремесла; 2) опредѣленіе именъ и названій, относящихся къ русской исторіи и географіи, объясненіе русскихъ терминовъ различныхъ производствъ, отечественныхъ обрядовъ, обычаевъ и т. п.; 3) объясненія иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ и не всякому знакомыхъ, — также и объясненіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ выраженій для предметовъ общеупотребительныхъ; 4) гдѣ нужно, библіографическія указанія на сочиненія, брошюры и журналы, гдѣ читатель, недовольствующійся короткимъ объясненіемъ, можетъ найти о томъ же предметѣ болѣе обширныя свѣдѣнія. Въ «Приложеніяхъ» обращено особенное вниманіе на сообщеніе этихъ библіографическихъ указаній, которыя составляются вообще внимательно и могутъ служить особенно полезнымъ пособіемъ для людей мало знакомыхъ съ литературой того или другаго предмета.

Г. Толль заявляетъ въ предисловіи, что помѣщенныя слова получали мѣсто въ его «Словарѣ» только послѣ внимательнаго обсужденія — нужны они или не нужны, и мы охотно этому вѣримъ, потому что въ исполненіи «Словаря» видѣнъ вообще трудъ добросовѣстный; онъ обращаетъ также вниманіе на богатство статей по естественнымъ наукамъ, — и статей дѣйствительно много. Но еслибы «Словарь» достигъ втораго изданія (мы искренно желаемъ ему этого успѣха), мы обратили бы вниманіе г. Толля на то, что въ «Словарѣ» при всемъ томъ есть много мелочей, которыя едва ли когда нибудь понадобятся для справки читателю и безполезно занимаютъ мѣсто, которымъ можно было бы воспользоваться для расширенія болѣе важ-

ныхъ статей; обратили бы также его вниманіе на то, дѣйствительно ли нужно было давать такой обширный размѣръ статьямъ по естественнымъ наукамъ, — потому что едва ли когда понадобится для *справки* читателю длинная статья о какихъ нибудь мелкихъ подробностяхъ ботаники, зоологіи и т. п.,— которыя онъ найдетъ или въ первой спеціальной книгѣ (если онъ спеціалистъ), или которыхъ онъ все равно не пойметъ (если онъ не спеціалистъ). По нашему мнѣнію, г. Толль положительно ошибается, если думаетъ, что распространеніе этого отдѣла увеличиваетъ достоинства «Словаря». «Словарь» не можетъ брать на себя задачи подробнаго учебника науки, и если онъ хотѣлъ въ этомъ случаѣ поощрить тѣхъ охотниковъ до естествознанія, которые повидимому такъ многочисленны въ наше время, то во первыхъ, эти охотники пробавляются больше популярнымъ чтеніемъ по естествознанію и въ большихъ подробностяхъ (особенно для *справокъ*) не нуждаются; во вторыхъ, ради ихъ онъ забываетъ объ общей массѣ читателей, которымъ безъ сомнѣнія гораздо чаще будутъ оказываться нужны справки совершенно иного рода. Едва ли не важнѣе было бы обратить особенное вниманіе на все, что относится къ общественнымъ наукамъ въ обширномъ смыслѣ, къ литературѣ и къ исторіи, давши болѣе скромное мѣсто отвлеченнымъ наукамъ о природѣ, которыхъ невозможно преподать въ справочномъ словарѣ: предметы общественной и политической жизни, юридическихъ учрежденій, экономической науки, исторіи, въ особенности новѣйшей и современной исторіи, литературы (не въ смыслѣ одного указателя именъ, но съ извѣстными теоретическими разъясненіями) и тому подобные сюжеты составляютъ едва ли не существенное, о чемъ всего больше нужно (и полезно) справляться русскому читателю; составитель словаря не можетъ конечно упустить изъ виду и всѣхъ другихъ «отраслей знанія», но онъ не долженъ переносить въ словарь цѣлыхъ учебниковъ химіи, минералогіи и т. п.; самое лучшее, что онъ можетъ сдѣлать въ этихъ случаяхъ, — это удовольствоваться сколько возможно краткимъ объясненіемъ слова и указаніемъ на спеціальное руководство, гдѣ желающій (если таковой окажется) можетъ найти уже совершенно обстоятельныя свѣдѣнія. Понятіе о *полнотѣ* словаря есть весьма неопредѣленное и скользкое понятіе. Ради этой полноты въ «Словарѣ г. Толлѣ помѣщено напр. слово *Пальба*, съ объясненіемъ: «главное военное средство для пораженія непріятеля». Не говоря уже о томъ, что объясненіе невѣрно, потому что пальба очень часто употребляется и не противъ непріятеля, а для забавы и при торжественныхъ случаяхъ,—спрашивается: кто пойдетъ въ словарь за такимъ словомъ? Составитель словаря могъ бы очень удобно выбросить это слово и прибавить лишнія строчки напр. хоть къ статьѣ *Паль-*

мерстонъ, которая тутъ же весьма недостаточно характеризуетъ англійскаго министра. Не мало такихъ случаевъ могло бы, съ пользой для «Словаря», произойти и напр. съ естественно-историческими статьями, еслибы часть даннаго имъ мѣста была уступлена болѣе подробному изложенію указанныхъ нами выше предметовъ.

Но во всякомъ случаѣ и въ томъ видѣ, какой онъ имѣетъ теперь, «Настольный Словарь» есть весьма полезное изданіе, какого до сихъ поръ недоставало русской литературѣ, и мы желаемъ ему всякаго успѣха въ публикѣ.

Цѣна «Словаря» чрезвычайно умѣренна (съ приложеніями 12 руб. сер.), если читатель обратитъ вниманіе на сравнительный разсчетъ его объема, приведенный нами выше. Дешевле едва ли возможно было что нибудь сдѣлать.

Арманъ Каррель. Собраніе сочиненій. Томъ первый. *Исторія контръ-революціи въ Англіи*. Изданіе Н. Тиблена. Спб. 1866.

Имя Армана Карреля мало знакомо русскимъ читателямъ; единственная, нѣсколько подробная характеристика Карреля, которую можно указать на русскомъ языкѣ, явилась только недавно, въ переводѣ «Разсужденій и Изслѣдованій» Милля, — но эта одна характеристика способна внушить читателю большой интересъ къ этой личности, въ которой замѣчательный писатель соединяется съ не менѣе замѣчательнымъ политическимъ дѣятелемъ. Статья Милля написана была вскорѣ послѣ смерти Карреля и подъ вліяніемъ тогдашнихъ мнѣній автора, и проникнута самымъ горячимъ признаніемъ недавнихъ политическихъ и литературныхъ заслугъ Карреля. Очень нерѣдко случается, что слишкомъ горячіе отзывы подобнаго рода, написанные подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ личности и событій, по прошествіи извѣстнаго времени кажутся панегирикомъ и выставляемыя заслуги кажутся преувеличенными, когда новыя событія закрываютъ прежнюю сцену и человѣкъ заслоняется новыми историческими дѣятелями. Но Милль повидимому не измѣнилъ и теперь мнѣній, высказанныхъ имъ почти тридцать лѣтъ тому назадъ, и въ самомъ дѣлѣ характеръ Карреля до сихъ поръ сохраняетъ въ литературномъ и историческомъ преданіи еще много той привлекательности, какую онъ возбуждалъ въ современникахъ.

Вотъ нѣсколько словъ Милля, въ которыхъ онъ излагаетъ свое мнѣніе о Каррелѣ.

«Кто же и что былъ Арманъ Каррель? «Издатель республиканской газеты», восклицаетъ англійскій тори такимъ голосомъ, въ которомъ трудно различить, слово ли «республиканскій» или «газета» произнесено съ большимъ пре-

зрѣніемъ. Каррель былъ издателемъ республиканской газеты, его слава состоитъ именно въ томъ, что, будучи издателемъ газеты и именно вслѣдствіе этого, онъ сдѣлался величайшимъ политическимъ вождемъ своего времени. Политическимъ вождемъ мы называемъ не того, кто можетъ создать и поддерживать политическую партію, и не того, кто сообщаетъ уже существующей партіи значеніе въ государствѣ, не того даже, кто въ силахъ сдѣлать ее достойною этого значенія, но человѣка, который одинъ выполняетъ всѣ упомянутыя роли и притомъ такъ легко и съ такимъ превосходствомъ генія и характера, которые не допускаютъ никакого успѣшнаго соперничества. Таковъ былъ Каррель. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ и при благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ могъ бы быть Мирабо или Вашингтономъ своего вѣка или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.»

Слава Карреля основывается главнымъ образомъ на его участіи и потомъ въ главномъ веденіи газеты «National», важнѣйшаго оппозиціоннаго органа временъ іюльской монархіи. Каррель провелъ бурную политическую жизнь; во времена реставраціи, которымъ принадлежала первая его молодость, онъ былъ сначала офицеромъ французской арміи, вышелъ въ отставку, чтобы сражаться противъ своихъ соотечественниковъ въ рядахъ испанской конституціонной арміи, былъ взятъ въ плѣнъ, едва не подвергся смертной казни, получилъ наконецъ свободу и вступилъ на литературное поприще, гдѣ въ скоромъ времени сталъ во главѣ журнала, игравшаго первую роль во французской оппозиціонной прессѣ противъ буржуазной монархіи. Въ литературной своей дѣятельности Каррель никогда не былъ писателемъ по профессіи; напротивъ онъ всегда оставался человѣкомъ живаго дѣла и непосредственной политической оппозиціи и борьбы; литература и журналъ были для него только средствомъ для прямой политической цѣли, — это былъ типъ публициста, не столько писателя, сколько энергическаго борца общественной свободы. Когда онъ сталъ во главѣ «Насьоналя», первый пылъ его молодости уже впрочемъ прошелъ и этотъ прежній заговорщикъ сталъ называть заговоры «прибѣжищемъ слабыхъ партій», сталъ искать средства борьбы въ открытой нравственной силѣ праваго убѣжденія, на законномъ пути, гдѣ онъ разсчитывалъ дѣйствовать прямо на всю массу общества и гдѣ не хотѣлъ однако уступать противникамъ ни шагу, чего бы это ни стоило самому ему лично. Какъ писатель, онъ переносилъ въ свою журнальную дѣятельность всю рѣшимость и энергію личнаго характера, которыя при публицистическомъ талантѣ давали ему обширное вліяніе.

«Исторія контръ-революціи въ Англіи», т. е. реставраціи Стюартовъ послѣ большой революціи, была издана въ 1827 году, когда Каррель еще не игралъ своей блестящей роли. Книга вышла еще при Бурбонахъ и за своимъ непосредственнымъ сюжетомъ она давала автору случай высказать то, что онъ думалъ о тогдашней Франціи. Два

историческіе періода представляли много сходныхъ пунктовъ и англійская исторія очевидно должна была послужить урокомъ для его соотечественниковъ. Въ первыхъ страницахъ своей книги Арманъ Каррель даетъ уже чувствовать читателю, какая мысль господствовала надъ нимъ, когда онъ занятъ былъ этимъ историческимъ трудомъ, и какое впечатлѣніе онъ желалъ оставить въ своемъ читателѣ. Книга становилась косвеннымъ памфлетомъ противъ реставраціи. Вотъ первыя слова его «введенія»:

«Контръ-революція, съ которой два короля Карлъ II и Іаковъ II имѣли несчастье связать судьбы своей фамиліи, была послѣднимъ сопротивленіемъ, противопоставленнымъ въ Англіи королевскою властью установленію обоюдо-признаннаго правленія.

«Двадцать восемь лѣтъ,—въ продолженіе которыхъ эта власть насиловала мнѣнія, интересы и нужды, высказавшіеся въ разрушеніи прежняго порядка,—напрасно считаются временемъ униженія для англійскаго народа.

«Вновь принимая къ себѣ владыками сыновей того, кто былъ побѣжденъ и казненъ революціей, нація повиновалась могущественной необходимости; она непредусмотрительно призвала ихъ, не потребовавъ, чтобъ они признали ея права, какъ она признавала ихъ право.

«Отсюда возникла новая распря: власть хотѣла опять быть неограниченною; тѣ же вѣрованія, тѣ же мнѣнія, которыя однажды низвергли ее, воспротивились ей; но, охладѣвъ вслѣдствіе прежнихъ ошибокъ, они сопротивлялись другимъ оружіемъ и стали на почву, не обѣщавшую сопротивленію такого блеска.

«Этою почвою была законность: народъ, оспаривая ее на каждомъ шагу, научился лучше понимать ее. Чтобъ удержаться на этой почвѣ, онъ отказался отъ слѣпой силы, которая не могла согласоваться съ требованіями разумной борьбы; нація даже поддерживала реставрацію противъ людей, сожалѣвшихъ о республикѣ, и пожертвовала ими для сохраненія тѣхъ результатовъ революціи, принять которые хотѣли заставить царствующую фамилію.

«Стюарты могли бы примириться съ такой системой. Противъ нихъ была ненависть партій, но не народная антипатія; однако они пали вторично.

«Въ этой развязкѣ англійской контръ-революціи какъ бы заключался великій урокъ для нашего времени, а потому мы относимся съ живымъ любопытствомъ къ періоду, протекшему между призваніемъ Стюартовъ и ихъ вторичнымъ паденіемъ. Хочется знать, почему существованіе этого королевскаго дома стало несовмѣстнымъ съ интересами Англіи; почему эго вторичное сверженіе совершилось съ такой изумительной легкостью, безъ особенныхъ волненій и потрясеній?

«Была ли эта катастрофа несчастнымъ предопредѣленіемъ, связаннымъ съ кровью Стюартовъ? Не произошла ли она отъ совпаденія внѣшнихъ обстоятельствъ, случайно противъ нихъ соединившихся?

«Отвѣчу изложеніемъ хода англійской контръ-революціи, ея различныхъ фазисовъ и постоянно возрастающихъ притязаній. Результатъ раскроется въ причинахъ.

«Мы увидимъ, что Стюарты пали не подъ вліяніемъ вражды къ королевской власти; что просвѣщенная масса, дѣятельная и заинтересованная порядкомъ и спокойствіемъ, всегда стояла за нихъ, когда остатки религіозныхъ и политическихъ партій, примкнувшихъ къ революціи послѣдними, волновались для возстановленія порядка, противнаго элементамъ, изъ которыхъ состояло общество.

знаемъ, на какую сторону стало бы «общественное мнѣніе». По крайней мѣрѣ, еще вовсе не такъ давно геологія считалась у насъ опасной наукой и не имѣла мѣста въ литературѣ; другія подобныя вещи не имѣютъ его и до сихъ поръ.—Для всякой европейской литературы подобное положеніе вещей есть уже дѣло невозможное: если и тамъ не всегда выводятся изъ извѣстныхъ посылокъ всѣ данныя слѣдствія, во всякомъ случаѣ научныя данныя имѣютъ свое, не подлежащее спору положеніе, и не могутъ быть упраздняемы ради того, чтобы не возбудить невѣжественной раздражительности необразованной массы. Для европейскихъ литературъ эти данныя науки составляютъ неотъемлемое достояніе, потому что изъ-за нихъ ведена была въ этихъ литературахъ энергическая борьба, уже давно конченная и въ настоящее время давно превратившаяся въ правильное развитіе дальнѣйшихъ научныхъ открытій, и наука уже такъ проникла въ общество, что и не можетъ быть вопроса объ ея правахъ. Въ нашей литературѣ эта наука, напротивъ, не имѣетъ никакой традиціи: она введена была оффиціально, какъ государственная мѣра (при Петрѣ В.); всегда существовала для извѣстныхъ практическихъ цѣлей, и потому въ извѣстномъ размѣрѣ, въ особыхъ учрежденіяхъ; поставлена была рядомъ съ обществомъ, которое не думало отказываться отъ старыхъ предразсудковъ, и постоянно склонно было считать науку чѣмъ-то постороннимъ и чѣмъ-то ведущимъ къ «вольнодумству», — такъ что отъ времени до времени въ нашей общественной исторіи совершались странные факты, заявлявшіе о непрочности положенія этой науки, факты въ родѣ оффиціальныхъ гоненій Магницкаго и Рунича на профессоровъ, въ родѣ изгнанія геологіи и многихъ другихъ явленій этой хронической или перемежающейся наукобоязни, напр. въ родѣ нынѣшней войны противъ Бокля, ничѣмъ не уступающей невѣжественному или іезуитскому обскурантизму Магницкаго.—Такъ вредило намъ отсутствіе упомянутой традиціи.

Само собою разумѣется, что наукобоязнь (надо впрочемъ сказать, значительно все-таки убавившаяся въ наше время) прекратится только тогда, когда распространеніе знаній обниметъ значительную долю общества и массы и когда меньшинство, представляющее собой науку теперь, будетъ считать больше людей на своей сторонѣ и слѣдовательно станетъ сильнѣе, и въ состояніи будетъ выдерживать нападенія. Для этой-то цѣли, для утвержденія авторитета науки, не поддерживаемаго у насъ традиціей, и для увеличенія числа ея прозелитовъ, необходимо, чтобы кромѣ самой науки и литературы, мы изучили и ихъ прошедшую исторію. Познакомившись съ существенными пунктами этой исторіи, т. е. съ замѣчательнѣйшими произведеніями европейской науки и литературы, сдѣлавшими рядъ

переворотовъ въ европейскомъ мышленіи, — которое переходитъ по наслѣдству къ намъ, — мы до извѣстной степени усвоимъ себѣ недостающую намъ традицію и будемъ владѣть въ своемъ литературномъ арсеналѣ надежнымъ оружіемъ на случай невѣжественныхъ нападеній. — Какіе предметы заслуживали бы всего больше вниманія въ этой прошедшей исторіи, это ясно само собою: это — тѣ предметы, которые всего ближе касаются нашихъ собственныхъ научныхъ интересовъ, нравственныхъ и общественныхъ отношеній.

Далѣе, намъ случалось уже не разъ говорить о томъ, какое значеніе можетъ и должно бы имѣть для нашей литературы усвоеніе замѣчательнѣйшихъ поэтическихъ произведеній новой европейской литературы, въ которыхъ наиболѣе отражалась исторія нравственныхъ улучшеній и общественныхъ успѣховъ Европы. Здѣсь точно также мы можемъ сказать, что наша литература больше, чѣмъ какая нибудь другая, нуждалась бы въ этомъ усвоеніи, потому что поэтическая литература есть опять живое отраженіе той борьбы, которую проходило европейское сознаніе и которую очень недостаточно проходили мы сами. Тѣсные размѣры внутренняго развитія нашего общества конечно не способствовали и широкому поэтическому развитію, и если наша поэзія нерѣдко умѣла вѣрно угадывать и передавать гнетущія стороны нашей дѣйствительности, она никогда не возвышалась до тѣхъ высокихъ поэтическихъ идеаловъ, какіе порождала поэзія европейская, и эти идеалы могли бы и должны бы служить для того эстетическаго воспитанія нашего общества, о которомъ говоритъ Шиллеръ.

Вотъ достаточное поприще для переводной дѣятельности, кромѣ тѣхъ естественно-историческихъ популярныхъ книгъ, которыя наводняютъ теперь литературу, и кромѣ спеціальныхъ книгъ и руководствъ, усвоивать которыя заставляетъ насущная необходимость. Полагаемъ, что издателямъ и предпринимателямъ, которые хотятъ понимать свое дѣло серьезно, а не спекулировать только на вещи, возбуждающія преувеличенный интересъ въ настоящую минуту, полезно было бы обратить вниманіе на указываемыя нами потребности нашей литературы. Экономическій законъ конечно сдѣлаетъ свое дѣло и выгодно продаваемыя книги будутъ еще издаваться и безъ соображенія ихъ качества; но обдуманная предпріимчивость литературныхъ дѣятелей можетъ съ своей стороны направлять извѣстнымъ образомъ вкусы публики, которая, быть можетъ, поддержитъ труды, внушенные серьезнымъ пониманіемъ потребностей нашего образованія.

Но во всякомъ случаѣ послѣднее слово должно принадлежать публикѣ. Предпріимчивость можетъ идти только до извѣстной степени,

дальше которой она становилась бы совершенно излишнимъ самопожертвованіемъ, если бы не нашла себѣ въ публикѣ достаточной поддержки. Той же публикѣ предстояла бы и другая задача. Указанные нами предметы, на которые могла бы съ большой пользой направиться наша переводная дѣятельность, эти предметы въ значительномъ количествѣ случаевъ оказались бы затруднительными для передачи на русскій языкъ по особенному положенію нашей литературы. Именно, они могутъ оказываться затруднительными потому, что русское ухо еще далеко не привыкло ко многимъ истинамъ, въ сколько бы строгой научной формѣ они ни выражались. Подобныхъ затрудненій встрѣчается не мало и при настоящемъ небогатомъ матеріалѣ нашей литературы; по всей вѣроятности такихъ трудностей стало бы встрѣчаться еще больше, если бы шелъ вопросъ о передачѣ на русскій языкъ, напримѣръ, многихъ произведеній XVIII вѣка. Мы не будемъ загадывать впередъ примѣровъ, но полагаемъ, что читатель, знакомый отчасти съ условіями нынѣшняго литературнаго труда, согласится и безъ того съ нашимъ предположеніемъ. Что же можетъ выйти въ такомъ случаѣ? — Не выйдетъ ничего, если читатель будетъ оставаться апатиченъ; потому что благія желанія одного отдѣльнаго издателя не въ состояніи будутъ бороться съ представляющимися препятствіями. Читатель можетъ именно поддержать его, если сознаетъ самъ необходимость тѣхъ изученій, на которыя мы указывали и которыя должна бы была доставлять ему литература. Пробужденіе общественной потребности одно только и можетъ дать литературѣ средства начать труды, стремящіеся собственно къ удовлетворенію этой потребности. Чѣмъ больше общественный интересъ будетъ склоняться къ извѣстнымъ предметамъ, тѣмъ больше упомянутое ухо будетъ привыкать къ нимъ, и тѣмъ больше будетъ возможно и для литературы останавливаться на нихъ. Приблизительно такъ шло, напримѣръ, дѣло съ естественными науками: лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ нашей литературѣ было почти невозможно имя того Фохта, который переводится и раскупается теперь такъ усердно и такъ благополучно; точно также было и съ геологіей, которая считалась прежде наукой опасной. Благодаря возбужденной любознательности значительнаго количества читателей, т. е. публики, другая, неблагосклонная къ этимъ писателямъ часть общественнаго мнѣнія, мало по малу привыкла къ ихъ именамъ и къ ихъ содержанію. На это общественное мнѣніе не дѣйствовала при этомъ никакая внѣшняя принудительная сила, — не во власти литературныхъ дѣятелей было заставить это мнѣніе думать иначе, а не такъ, какъ оно думало; эффектъ произведенъ былъ чисто нравственнымъ давле-

ніемъ общественнаго интереса, оказавшагося съ извѣстной силой въ этомъ направленіи.

Мы должны привыкнуть къ мысли, что литературные вопросы вовсе не составляютъ дѣла однихъ литераторовъ по профессіи; какъ сами литераторы по профессіи выходятъ изъ того же общества, которое составляетъ читающую публику, такъ и успѣхъ литературнаго дѣла, выгодное или невыгодное его направленіе зависятъ отъ того же общества, потому что литература служитъ ему только отраженіемъ. Въ средѣ людей, посвящающихъ себя литературной дѣятельности, можетъ созрѣть мысль извѣстнаго литературнаго предпріятія, способствующаго успѣху общественнаго образованія, но поддержать эту мысль и дать возможность ея исполненія можетъ дать только нравственная сила самой публики.

— А —

НОВЫЯ КНИГИ.

Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Въ трехъ томахъ. Изданіе *Ф. Толля.* Спб. 1863 — 1864. Приложенія (3 выпуска, А — Р). Спб. 1865 — 1866.

«Современникъ» говорилъ уже о предпріятіи г. Толля, когда появился первый томъ «Настольнаго Словаря», и мы отдали справедливость трудолюбію г. Толля и его добросовѣстнымъ стараніямъ дать русскому читателю и вообще любознательнымъ людямъ по возможности полную, толковую и доступную по цѣнѣ справочную книгу. Съ тѣхъ поръ г. Толль успѣлъ не только окончить изданіе, но также дать три выпуска «Приложеній», заключающихъ въ себѣ разнообразныя дополненія и исправленія къ прежнимъ статьямъ, и весьма значительное количество новыхъ. Съ выходомъ 4-го выпуска, который г. Толль обѣщаетъ издать въ непродолжительномъ времени, предпріятіе г. Толля будетъ закончено вполнѣ.

Наше мнѣніе о трудѣ г. Толля мы уже высказали при его началѣ, и мы остаемся при этомъ мнѣніи и теперь. «Настольный Словарь» есть безъ сомнѣнія весьма полезное изданіе въ русской литературѣ, которая до сихъ поръ не имѣла ничего подобнаго—потому что многотомный «Словарь» г. Старчевскаго есть очень нелѣпая спекуляція, сшитая на живую нитку, а другіе словари, очень обширные и крайне ученые, не шли, какъ извѣстно, дальше первыхъ буквъ азбуки. Мы указывали въ «Словарѣ» г. Толля болѣе или менѣе важныя ошибки, невѣрности и пропуски; но ошибокъ едва ли возможно избѣжать въ подобномъ предпріятіи, когда оно является въ литературѣ почти въ первый разъ и когда громадный трудъ исполняется усиліями немногихъ людей, а главнымъ образомъ лежитъ на одномъ человѣкѣ. Г. Толль и самъ сознавалъ неполноты «Словаря» и замѣчалъ его ошибки, и для поправленія ихъ предназначилъ весьма трудолюбиво составленныя «приложенія», которыя въ значительной мѣрѣ исправляютъ прежніе пропуски и недосмотры.

Объемъ трехъ томовъ «Словаря» весьма значительный. Онъ напечатанъ въ очень большую осьмушку, въ два столбца, мелкимъ, но четкимъ шрифтомъ, и этихъ очень убористыхъ страницъ въ 1-мъ томѣ заключается 800, во 2-мъ — 1182, въ 3-мъ — 1171, такъ что сравнительно, напримѣръ, 1-й томъ «Словаря» равняется тремъ съ небольшимъ книгамъ «Современника». Изъ этого читатель можетъ судить о массѣ печатнаго матеріала, заключающагося во всѣхъ томахъ «Словаря» и его приложеніяхъ. Этотъ матеріалъ представляетъ множество разнообразныхъ справочныхъ свѣдѣній, изложенныхъ обыкновенно толково и сжато: эта сжатость объясненій каждаго слова дала конечно издателю возможность значительно увеличить количество самыхъ объясняемыхъ словъ. Даже очень поверхностное сравненіе «Настольнаго Словаря» съ изданіемъ г. Старчевскаго показываетъ между ними огромную разницу и безспорное превосходство изданія г. Толля.

Г. Толль разсчитывалъ дать въ своемъ Словарѣ: 1) объясненіе всѣхъ главныхъ основныхъ терминовъ, именъ и названій каждой науки, искусства, художества и ремесла; 2) опредѣленіе именъ и названій, относящихся къ русской исторіи и географіи, объясненіе русскихъ терминовъ различныхъ производствъ, отечественныхъ обрядовъ, обычаевъ и т. п.; 3) объясненія иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ и не всякому знакомыхъ, — также и объясненіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ выраженій для предметовъ общеупотребительныхъ; 4) гдѣ нужно, библіографическія указанія на сочиненія, брошюры и журналы, гдѣ читатель, недовольствующійся короткимъ объясненіемъ, можетъ найти о томъ же предметѣ болѣе обширныя свѣдѣнія. Въ «Приложеніяхъ» обращено особенное вниманіе на сообщеніе этихъ библіографическихъ указаній, которыя составляются вообще внимательно и могутъ служить особенно полезнымъ пособіемъ для людей мало знакомыхъ съ литературой того или другаго предмета.

Г. Толль заявляетъ въ предисловіи, что помѣщенныя слова получали мѣсто въ его «Словарѣ» только послѣ внимательнаго обсужденія — нужны они или не нужны, и мы охотно этому вѣримъ, потому что въ исполненіи «Словаря» видѣнъ вообще трудъ добросовѣстный; онъ обращаетъ также вниманіе на богатство статей по естественнымъ наукамъ, — и статей дѣйствительно много. Но еслибы «Словарь» достигъ втораго изданія (мы искренно желаемъ ему этого успѣха), мы обратили бы вниманіе г. Толля на то, что въ «Словарѣ» при всемъ томъ есть много мелочей, которыя едва ли когда нибудь понадобятся для справки читателю и безполезно занимаютъ мѣсто, которымъ можно было бы воспользоваться для расширенія болѣе важ-

комендуетъ самопомощь (Selbst-hülfe) для рабочихъ. Мы уже не разъ имѣли случай говорить о томъ, какъ несостоятельна эта послѣдняя и съ теоретической и съ практической точки зрѣнія. Читатель вѣроятно припомнитъ приведенныя нами прежде возраженія и объясненія Лассаля, что самопомощь въ смыслѣ Шульце можетъ служить только минутнымъ и непрочнымъ улучшеніемъ судьбы рабочихъ; потому что рабочіе, удешевляя свое существованіе кредитными ассоціаціями, въ то же самое время подготовляютъ уменьшеніе заработной платы, такъ что въ общемъ счетѣ трудъ останется въ томъ же зависимомъ положеніи отъ капитала, какъ и прежде, и рекомендовать исключительную самопомощь значитъ рекомендовать рабочимъ наполнить бочку Данаидъ. Нѣчто подобное можно возразить и противъ Смайльза.

Въ англійскомъ обществѣ, какъ и во всѣхъ, гдѣ поднятъ рабочій вопросъ, есть много людей, которые всѣми мѣрами стараются отклонять рабочихъ отъ политическихъ цѣлей и политическаго способа дѣйствій; люди, какъ Шульце-Деличъ, совѣтуютъ имъ трудолюбіе и бережливость, долженствующія, по словамъ ихъ, дать рабочему классу все, что ему нужно; въ Англіи эти люди отклоняли подъ разными предлогами вопросъ о парламентской реформѣ и о пониженіи ценза, которое должно было распространить избирательное право на значительную часть рабочаго класса и, слѣдовательно, дать ему голосъ въ управленіи. Очевидно, что въ основаніи всѣхъ этихъ лицемѣрныхъ или искреннихъ мнѣній лежатъ буржуазныя наклонности удержать выгодное status quo, которому могло бы грозить опасностью непосредственное участіе рабочихъ классовъ въ политическихъ дѣлахъ. Мы не знаемъ, къ какому собственно разряду относится англійскій авторъ «Самодѣятельности», но въ его политическихъ взглядахъ нельзя не замѣтить отраженія той же неохоты видѣть рабочій классъ владѣющимъ извѣстной политической ролью. Но предполагая въ Смайльзѣ даже самыя доброжелательныя тенденціи, мы не находимъ никакого резона въ его мнѣніи, чтобы избирательное право имѣло такую ничтожную цѣну, какую онъ ей приписываетъ, и чтобы «составить какую нибудь милліонную часть законодательной единицы» въ самомъ дѣлѣ, «даже при самомъ добросовѣстномъ исполненіи этой обязанности», производило «лишь незначительное вліяніе на жизнь и характеръ каждаго отдѣльнаго человѣка, который призывается къ этому».

Подобное мнѣніе во всякомъ случаѣ странно въ человѣкѣ, который до такой степени высоко цѣнитъ развитіе характера, и въ англійскомъ гражданинѣ, которому должно быть понятно значеніе избирательнаго права. Смайльзъ забываетъ, что въ странахъ,

гдѣ народу принадлежитъ существенное участіе въ правительствѣ, какъ напр. Англія, избирательное право прежде всего даетъ человѣку сознаніе личнаго достоинства,—этимъ достоинствомъ могутъ не дорожить отдѣльные, мало развитые люди, но для людей развитыхъ это — драгоцѣнное право, дающее не только сознаніе своей личной роли въ общемъ дѣлѣ, но и прямое вліяніе на управленіе въ томъ смыслѣ, какъ избиратель считаетъ разумнымъ и для себя выгоднымъ. Если выборы происходятъ рѣдко, разъ въ теченіе трехъ или пяти лѣтъ, это не измѣняетъ сущности дѣла, и напротивъ, быть можетъ, еще полезнѣе для образованія характера: не повторяясь слишкомъ часто, этотъ призывъ къ политической роли можетъ производить тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе на простаго человѣка; избирательная агитація, борьба партій, предшествующая выборамъ, можетъ достаточно вводить простаго человѣка въ общественные вопросы, составляющіе предметъ спора и борьбы, и характеръ именно долженъ закаляться тогда, когда человѣкъ кромѣ своего личнаго труда и положенія долженъ рѣшить такъ или иначе и свое положеніе въ обществѣ. Наконецъ самый вопросъ о парламентской реформѣ и споръ о распространеніи избирательнаго права доказываетъ, что этому предмету принадлежитъ большое значеніе, что избирательное право представляется привилегіей; если его считаютъ возможнымъ давать только людямъ по возможности самостоятельнымъ, значитъ и здѣсь оказывается мѣсто для проявленія характера, а слѣдовательно и для его развитія. Такъ можно было бы возражать на мнѣнія Смайльза съ англійской точки зрѣнія, если дѣло идетъ о націи, управленіе которой принадлежитъ представителямъ, являющимся изъ избирательнаго права.

Но возраженіе возможно и не съ одной англійской точки зрѣнія. Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, восхваляя недавно книгу Смайльза, рекомендовалъ по той же мѣркѣ самовоспитаніе и отвергалъ всякое значеніе учрежденій. «Еслибъ этотъ взглядъ на себя и на общее благо (т. е. взглядъ Смайльза) распространился, онъ заглушилъ бы пошлую привязанность къ формамъ, перешедшую въ какое-то политическое зодчество, для котораго люди точно кирпичи: изъ нихъ и для нихъ же строятъ общество на разные лады, будто строй или форма можетъ быть сущностью! (!). Всякій новый строй, каковъ бы онъ ни былъ, будетъ жить тѣми же людьми, изъ которыхъ и для которыхъ построенъ; а если люди прежніе, то и послѣдствія будутъ прежнія». Такъ разсуждалъ нашъ соотечественникъ. Но во первыхъ, различіе формъ соединяется и съ различіемъ сущности, напр. различіе формъ турецкихъ и англійскихъ, и турку, понявшему неудобство турецкихъ законовъ, простительно желать англійскихъ; во вторыхъ,

формы мѣняются однако не по одному капризу, и невозможно сказать, чтобы съ ними не мѣнялась отчасти и сущность, какъ напр. формы измѣнились во многихъ европейскихъ государствахъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, — если онѣ еще не установились, это еще не доказываетъ конечно ихъ ненужности,—потому что историческій переломъ совершается медленно и допускаетъ колебанія, болѣе или менѣе продолжительныя, пока новая сущность, сопровождаемая новой формой, смѣнитъ старую сущность и старую форму. Перемѣна формъ предполагаетъ измѣненіе сущности, и нынѣшнія государства дѣйствительно управляются уже далеко не такъ, какъ управлялись въ XVIII столѣтіи. Зодчество происходитъ просто отъ того, что извѣстная доля людей въ націи раньше измѣняется по сущности, и находя новую сущность болѣе совершенною, желаетъ ея, и такъ какъ сущность олицетворяется въ извѣстной формѣ, то она желаетъ и этой формы. Усилія этихъ людей имѣть новую форму вовсе не имѣютъ въ себѣ ничего постыднаго, какъ полагаетъ нашъ соотечественникъ; дѣло только въ томъ, что эти усилія остаются напрасны до тѣхъ поръ, пока ихъ сущность будетъ принята болѣе значительной долей общества, способной выполнить свои желанія. Такимъ образомъ учрежденія имѣютъ свою цѣну, и самодѣятельность могла бы съ пользой для общества направляться и въ этомъ смыслѣ.

Примѣровъ множество. Чтобы не заходить далеко, мы ограничимся двумя, попадающимися подъ руку. Въ этой же самой книжкѣ Смайльза читатель (и нашъ упомянутый соотечественникъ) можетъ найти разсказъ о весьма замѣчательномъ дѣятелѣ англійской общественной жизни, нѣкоемъ Гренвилѣ Шарпѣ, который поставилъ себѣ задачей именно борьбу противъ учрежденія, именно противъ учрежденія невольничества. По теоріи нашего соотечественника Шарпу не слѣдовало бы браться за этотъ вопросъ, потому что ему слѣдовало бы скорѣе заняться своимъ личнымъ самовоспитаніемъ, воздѣлываніемъ въ себѣ личной добродѣтели. Но Шарпъ полагалъ иначе; его добродѣтель направилась на пользу несчастныхъ негровъ,—и мы совѣтуемъ читателямъ Смайльза прочесть разсказъ о трудахъ этого человѣка, возбуждающихъ истинное уваженіе. Этотъ небогатый, совершенно незамѣтный въ обществѣ человѣкъ,—въ которомъ раньше другихъ измѣнилась «сущность» и раньше другихъ явилось желаніе измѣнить «форму», — цѣной труда и упорства въ своемъ мнѣніи достигъ того, что склонилъ на свою сторону высшія государственныя власти и — положилъ начало уничтоженію невольничества, т. е. цѣлаго, крѣпкаго учрежденія.

Другое подобное «учрежденіе» было въ нашемъ обществѣ. Крѣпостное право было такое учрежденіе, при которомъ многимъ мил-

ліонамъ людей не представлялось даже никакой возможности «само воспитанія», или самовоспитаніе являлось въ формѣ страшной насмѣшки надъ этимъ словомъ. Это «учрежденіе» можно было уничтожить именно только «средствами закона», которымъ такъ мало довѣряетъ Смайльзъ, потому что безъ этого закона, — какъ мы это очень хорошо знаемъ по опыту, — невозможно было даже выразить сочувствія и сострадапія къ положенію этихъ крѣпостныхъ милліоновъ.

Полагаемъ, что упомянутый соотечественникъ убѣдится, что даже и «самовоспитаніе» бываетъ возможно не вездѣ и не при всякихъ условіяхъ, и что вопросъ объ учрежденіяхъ не есть праздный вопросъ лѣнивцевъ, не желающихъ прилагать труда къ своему личному развитію. Смайльзъ конечно правъ, что одними законами нельзя ввести ни добрыхъ нравовъ, ни общественнаго улучшенія, когда само общество живетъ еще грубой и безсознательной жизнью; но если онъ полагаетъ, что «быть можетъ, самое большее, что законы могутъ сдѣлать, заключается въ предоставленіи людямъ свободы развитія и возможности самимъ улучшать свое личное положеніе», — то этимъ сказано вовсе не такъ мало, какъ онъ думаетъ.

Таинственная капля, народное преданье, въ двухъ частяхъ. Берлинъ.

Стихотворенія М. А. Дмитріева, въ двухъ частяхъ. Москва.

Эпопея тысячелѣтія. Паломничество. *Ипполита Завалишина*. Москва.

Дневникъ дѣвушки. Романъ графини *Ростопчиной*. С.-Петербургъ.

Сонъ и пробужденіе. Поэма, сочиненіе *Божича-Савича*. С.-Петербургъ.

Оттиски, стих. *Я. П. Полонскаго*. С.-Петербургъ.

Переводы изъ Мицкевича, *Н. Берга*. Варшава.

Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ, сокращенный и исправленный по статьямъ новѣйшихъ лжереалистовъ *Темнымъ Человѣкомъ*. С.-Петербургъ.

Пишетъ ли современная Россія стихи? вотъ вопросъ, который представляется для многихъ напраснымъ.—Разумѣется, не пишетъ! отвѣчаютъ они. Современная Россія пишетъ проэкты банковъ и желѣзныхъ дорогъ, раскладки земскихъ повинностей, она говоритъ

въ собраніяхъ о томъ, что нѣтъ ни у кого денегъ, и предлагаетъ средства самыя вѣрныя отъ безденежья, какія прежде предлагались только отъ зубной боли... словомъ, она все дѣлаетъ, обо всемъ пишетъ и про все говоритъ — только ничего не дѣлаетъ по части стиховъ, ничего не пишетъ стихами и не говоритъ ими—даже на сценѣ Александринскаго театра говоритъ рѣдко!

Такъ думаютъ читатели; но иначе, совсѣмъ иначе думаютъ редакторы литературныхъ журналовъ!

Говорятъ, изъ десяти писемъ, получаемыхъ въ редакціи, въ девяти непремѣнно стихи! Изъ десяти человѣкъ, приходящихъ въ редакцію въ обычные пріемные дни,—девять непремѣнно со стихами!

Стихи пишутъ! $^9/_{10}$ всей грамотной Россіи пишетъ стихи! это мы узнали: редакція «Современника», со свойственною ей нескромностью, не скрыла отъ насъ этого. Но что стихи печатаются, то есть издаются на собственный рискъ и коштъ, подобнаго не могло себѣ представить наше воображеніе, покуда намъ не былъ присланъ цѣлый ворохъ испечатанной стихами бумаги (слишкомъ 150 листовъ!). И чего-чего только нѣтъ въ этихъ полутораста листахъ! И элементы патріотическіе (на сотнѣ безъ малаго листовъ!), и нравственно-религіозные, и безнравственно-любовные,—есть даже магнетическіе («Магнетизмъ любви», г. Божича-Савича); нѣтъ только элементовъ поэтическихъ. Крошечной брошюркѣ г. Полонскаго, съ небольшимъ въ $1^1/_2$ печатныхъ листа, одной суждено быть исключеніемъ и представлять собою гомеопатическую крупинку поэзіи (собственную). Переводы г. Берга показываютъ тоже поэзію—Мицкевича.

Какъ бы то ни было, въ виду всеобщаго писанія стиховъ и самоотверженнаго печатанія ихъ многими авторами, мы находимъ, что молчать о стихахъ болѣе невозможно, и посвящаемъ имъ настоящую статейку.

Соединеніе воедино именъ и произведеній, выставленныхъ въ началѣ нашей статейки, подводитъ итоги дѣятельности стихотворствующихъ россіянъ, начиная за полвѣка назадъ и до нашихъ временъ. Тутъ есть и такія книжки, какъ г. Дмитріева и «Таинственная капля», которыя еще шевелили сердца нашихъ бабушекъ и настроивали дѣдушекъ на патріотическій и возвышенный ладъ. Тутъ есть и г-жа Ростопчина, безпокоившая нашихъ дядюшекъ, и г. Полонскій, тревожившій насъ самихъ. Одна только стихотворная работа г. Завалишина, очевидно сверстника двухъ первыхъ, кажется напрасно тщится разшевелить кого либо. Почтенные старики такъ искренно и такъ благодушно поютъ свои рапсодіи, сидя у края дороги, по которой уже давно отказались идти ихъ неподвижныя ноги, что все бѣгущее впередъ, живое и бодрое, съ улыбкой снисхожденія, должно

проходитъ мимо. Какое въ самомъ дѣлѣ чувство можетъ оскорбить «Таинственная капля», въ двухъ толстенькихъ томахъ разсказывающая подробно и длинно, какъ подобаетъ старости, стихами въ риѳмахъ и безъ риѳмъ, въ сценахъ прозою и безъ прозы, коротенькое преданіе о разбойникѣ, покаявшемся Христу на крестѣ. Какое кому до того дѣло, что къ легендѣ, созданной наивнымъ воображеніемъ народа, автору вздумалось придѣлать преданіе о паденіи трехсотъ идоловъ, бесѣды ада съ сатаною и смертью, «пѣснь о шестодневномъ», говорящія стихами кометы, «тревоги въ высшемъ воздухѣ отъ движенія летящаго міра» и т. п. и т. п. Никто не оскорбится, разумѣется, и тѣмъ, что въ избыткѣ піитическаго пламенѣнія, авторъ мечетъ образами безъ всякой умѣренности, и описывая бѣгство святаго семейства въ Египетъ, живописуетъ такъ одежду пресвятой Дѣвы:

«Въ одежды алыя жена одѣта,
Скроенныя (?) какъ будто изъ зари (?!),
И голубой покровъ — *отрѣзокъ неба* (?!?), —
Вился вокругъ главы ея прекрасной.»

Это примѣненіе кройки и портняжнаго искусства къ зарѣ и небу нѣсколько игриво. Но, опять таки, кто за это станетъ гнѣваться на старика?

Сочиненіе издано въ Берлинѣ (отчего не въ Москвѣ?), и, говорятъ, *не могло быть* издано до сей поры въ Россіи. Странно, почему бы это?

Второй обломокъ прошлаго, г. Дмитріевъ, собралъ всего себя, и тоже въ двухъ томахъ, хотя болѣе лепешкообразныхъ и похожихъ на блинъ, какъ и подобаетъ быть изданію, рожденному въ самомъ сердцѣ отечества — въ Москвѣ, и притомъ на «Малой Молчановкѣ». Будучи старцемъ, подобно таинственному автору «Капли», московскій поэтъ существенно отличается отъ этого мvроносца своимъ темпераментомъ: онъ болѣе холерикъ. Онъ весь преданъ суетамъ міра сего, и даже на Бѣлинскаго (названнаго «безъимяннымъ критикомъ») ополчается не хуже всякаго современнаго писателя, подвизающагося на страницахъ «Русскаго Вѣстника».

«Нѣтъ, твой подвигъ не похваленъ!

говоритъ г. Дмитріевъ:

Не *привѣтъ* Россіи онъ (?)!
Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ уязвленъ!»

Точно назначеніе критика — дѣлать *привѣты* Россіи! «Сдѣлай молъ, душенька, ручку тётѣ!»

Но далѣе еще лучше — уже прямо предчувствіе пріемовъ самихъ «Московскихъ Вѣдомостей».

«Подточивши цвѣтъ Россіи,
Червемъ *къ корню* подползать...»

Радикалъ, значитъ!

«Духъ ли это анархіи...»

Замѣчаете, куда гнетъ! Да еще въ 1842 году! Духъ анархіи!! Подумайте только, чѣмъ это въ 42 году пахло! Даже и подумать страшно!

Въ противоположность анархическому направленію петербургскихъ умовъ, москвичъ рисуетъ слѣдующую увлекательную картину благонравія Москвы:

«Нѣтъ, у насъ въ Москвѣ *смиренной*
На гробахъ (какихъ?) *священный страхъ* (кого?!)
Имя дѣдовъ намъ священно...
. . . .
Плодъ и въ корнѣ почитаемъ,
Но не чтимъ растлѣнный плодъ!»

Само собою разумѣется, что нашему времени достается еще болѣе:

«Оттого что вѣкъ реальный
Хочетъ денегъ, *пить и ѣсть*.»

За такіе пороки, конечно, слѣдуетъ погонять хорошенько. Вишь чего захотѣлъ!

«Скороспѣлому прогрессу
Я не вѣрую, друзья, —

говоритъ далѣе г. Дмитіевъ, —

Да и грамотность народа
Разведетъ однихъ плутовъ.»

Разумѣется! Это уже и въ прозѣ объясняемо было неоднократно.

Еще загвоздка нашему времени и назидательное изображеніе не нашего. Пьеса называется «Льстецы народа».

«Поэты наши въ стары годы
Вельможамъ льстили и царямъ:
О томъ свидѣтельствуютъ оды
И ихъ *обильный* (вѣрно) ѳиміамъ!»

И между прочимъ ваша собственная ода московскому генералъ-губернатору.

«А вы, газетные клевреты,
Кому плетете вы вѣнцы?
Не душъ вы доблестныхъ поэты,
Толпы безграмотной льстецы!»

А вотъ и еще сказаніе г. Дмитріева — послѣднее, — больше не станемъ. И это-то уже потому только, что ужь очень хорошо.

ВИЗИТЫ.

«Вотъ замолчали ужь раннихъ обѣденъ призывные звоны;
Къ позднимъ торжественно громко звонятъ... и т. д.
А у насъ начались ужь ѣзда и *каретная скачка*».

NB. Въ Москвѣ, значитъ, бываютъ особыя скачки — не съ препятствіями, но «каретныя», которымъ г. Дмитріевъ впрочемъ весьма не прочь подставить препятствія.

«Прадѣды наши (говоритъ онъ) въ день этотъ сидѣли съ семьей, *не шатались!*
Только *на третій день* (и почему именно на третій?) праздника ѣздили въ гости; къ кому же?
Къ старшему въ родѣ, потомъ къ кумовьямъ, *да къ роднымъ попочетнѣй*;
Вступятъ въ хоромы, крестомъ осѣнясь; похристосуясь, сядутъ;
Умную рѣчь поведутъ, *да закусятъ*, степенные люди!»

Ужь точно степенные! А еще жили въ вѣкъ, который ѣсть и пить не хотѣлъ. Что же, если бъ они жили въ нашъ «вѣкъ реальный?» Умрите, г. Дмитріевъ, если вы еще живы! лучше этого вы ничего не напишете!

Воспѣвшему «Эпопею Тысячелѣтія», г. Завалишину непремѣнно простятся его стихотворныя прегрѣшенія за ту безпредѣльную дѣтскую незлобивость и наивность прилежнаго ученика, упражняющагося въ стихосложеніи, какими дышитъ его эпопея. Вотъ бы кому воспѣвать каплю! Онъ до того добръ, сердце его такъ неочерствѣло, что онъ даже слова *разумное* и *прогрессивное* употребляетъ не въ замѣну иглъ, для уязвленія молодаго поколѣнія, а взаправду. Въ его любящемъ сердцѣ столько любви, въ его горячей головѣ столько воображенія, что въ Россіи для него «что *этотъ* шагъ, то великое событіе! что *эта* мысль, то великое воспоминаніе!» Онъ пишетъ цѣлый путеводитель по Россіи риѳмованными стихами (ужь какими— за то его проститъ пусть Аполлонъ!) «въ ея памятникахъ и великихъ людяхъ, благородныхъ порывахъ и утѣшительныхъ надеждахъ...» И, повѣрьте, авторъ даетъ все, что обѣщаетъ, даже болѣе, чѣмъ обѣщаетъ: онъ описываетъ всѣ мосты (стихами!) и всѣ постройки, какія ему попадаются на пути. Онъ очень добросовѣстенъ! Онъ увѣковѣчиваетъ такія имена, о которыхъ не всякому и слышать приходилось. Въ Крыму, напримѣръ, передъ нимъ проходятъ ряды вотъ какихъ героевъ послѣдней войны:

«И Тетеревниковъ и Бѣлевцовъ съ полками,
Отшибшіе не разъ врага отъ сихъ валовъ;
Нѣмчиновъ, Бельгардъ и Гордѣевъ, *памятями*

Отважныхъ для своихъ живущи (?). Огаревъ
Безстрашный, Галманъ и Тимашевъ (,) съ именами
Которыхъ *слава* есть съ хвалой (?); Проскурняковъ,
Кишинскій» и проч. и проч.

Можетъ быть, и вѣроятно, все это очень были храбрые люди, но мы по крайней мѣрѣ ихъ до сихъ поръ мало знали, въ чемъ и раскаяваемся чистосердечно.

Г. Завалишинъ обходитъ всю Россію, и вездѣ найдется сказать что нибудь привѣтливое: Петербургу, Москвѣ, Кіеву — ужь и подумать страшно, какихъ только онъ наговорилъ комплиментовъ. Да чего! въ Шуѣ, даже въ самой Шуѣ онъ побывалъ, можно сказать, не всуе! И ее подарилъ двумя стихами:

«Вотъ Шуя (говоритъ) городокъ фабричности богатый,
Трудолюбивый край—*себя онъ разовьетъ*».

Впрочемъ, это только изъ любезности онъ такъ говоритъ; вообще же, по его мнѣнію, не фабрики, но

«Для насъ суть вотъ что: трудъ сохи и *скотъ, двойной*
Залогъ спокойствія и силы родовой».

Да, такому человѣку, какъ г. Завалишинъ, рѣшительно все прощается—даже заблужденія насчетъ значенія его «Пѣсенъ», какъ онъ зоветъ свою тяжелую работу надъ стихами. Представьте себѣ, онъ въ одномъ мѣстѣ восклицаетъ:

«Я памятникъ себѣ воздвигъ, чудесный, славный,
Гранитовъ лучше онъ и тверже пирамидъ;
А каждую черту сей пѣсни *православной*,
Родной, *понятной всѣмъ* (ужь это едва ли!), *народъ мой сохранитъ*.

И далѣе:

«Да, вѣрю *я*, что Русь *немудры* пѣсни эти
Почтитъ сочувствіемъ, ихъ *родственность* пойметъ;
Что ими заслужилъ *народнаго* (?) *поэта*
Названье—и меня воспомнитъ мой народъ!
Ибо я первый здѣсь тысячелѣтье славы
Въ едино собралъ, ихъ (кого ихъ?) значенье указалъ
И въ *въ формахъ столь простыхъ* воздвигъ имъ *величавый*,
Прекрасный «Памятникъ», какъ Новгородскій» и проч.

Жалко разочаровывать, но нельзя не сказать, что даже хуже новгородскаго!

«И вспомнитъ мой народъ, когда меня не будетъ,
Пѣвца народности», —

настаиваетъ г. Завалишинъ. Ну, Богъ съ вами совсѣмъ! думайте, какъ знаете—отъ этого вѣдь никому не хуже.

Соблазнительница нашихъ дядюшекъ, уже покойная, графиня Ростопчина, извлекаетъ насъ изъ области любви къ отечеству (отъ Новгорода до Шуи включительно) и ввергаетъ непосредственно въ горнило страсти къ Владиміру... не подумайте тутъ чего нибудь другаго — нѣтъ, просто таки къ Владиміру, къ господину Владиміру, по всѣмъ вѣроятіямъ даже Петровичу, или Семенычу, съ которымъ г-жа Ростопчина сперва помѣщается «въ просторной ложѣ»; потомъ ссорится и по этому случаю:

«За чаемъ не сѣла близь него,
Какъ принято у насъ».

Но онъ пріѣхалъ звать ее «для саннаго катанья» (въ Москвѣ то каретныя скачки, то санныя катанья—покоя себѣ люди не даютъ!), и они помирились. Да и немудрено, — съ такимъ рѣдкимъ молодымъ человѣкомъ никакъ нельзя долго жить въ ссорѣ:

«Не дѣлитъ онъ хладъ вѣка своего,
Не увлеченъ *припадкомъ* (?) вычисленій!

Напротивъ того, —

«Онъ разгадалъ весь міръ своей *мечтой*».

За что же съ нимъ ссориться? Притомъ г-жа Ростопчина узнала, что «походу должно быть».

«И полкъ его изъ первыхъ выступаетъ,—
Поэтому изъ первыхъ будетъ онъ
Въ бою...»

А сама г-жа Ростопчина, какъ только полкъ уйдетъ, «вернется тотчасъ въ Стрѣльну». Даже и времени нѣтъ для ссоръ!

Въ Стрѣльнѣ происходитъ между тѣмъ слѣдующее достопамятное въ жизни графини событіе. Случилось ей найти клочекъ бумаги, гдѣ Владиміръ, теперь, увы! выступающій передъ своею ротою въ ногу, писалъ прежде всякій вздоръ, который училъ г-жу Ростопчину повторять за собою. Но нѣтъ, пусть лучше она сама разскажетъ: это обстоятельство капитальное, и притомъ такое невѣроятное, что если мы его разскажемъ, намъ, чего добраго, и не повѣрятъ. На страницахъ 272—274, рукою г-жи Ростопчиной начертано:

«И вотъ, попался мнѣ
Клочекъ *простой* бумаги, гдѣ однажды
Карандашомъ чертилъ онъ.
Случилась фраза цѣлая по шведски:
Якъ-эльскаръ-дигъ!.. И, говоря ее,
Онъ на меня смотрѣлъ съ своей улыбкой,
Опасной мнѣ...
. . . . . Долго я
Въ раздумьи твердила и шептала,

Какъ чудный талисманъ, какъ заклинанье,
Магическій девизъ: «якъ-эльзкаръ-дыгъ»!
Якъ-эльзкаръ-дыгъ! о, звукъ *небесный* (пощадите!!)
. . . .
Въ умѣ живетъ, *въ устахъ* (?) все вьется (?),
Въ ушахъ и сердцѣ раздается:
Якъ-эльзкаръ-дыгъ!

Вы думаете, излилась г-жа Ростопчина по поводу шведскаго, небеснаго звука! Далеко нѣтъ!

«Якъ-эльзкаръ-дыгъ (продолжаетъ она, не переводя духу),
любви преданье и проч. и проч.

И черезъ пять строкъ опять кричитъ:

«Я долго вслѣдъ за нимъ шептала:
Якъ-эльзкаръ-дыгъ!
Якъ-эльзкаръ-дыгъ! въ разлукѣ скучной
Отрада сердцу моему:
Языкъ чужой, но *сладкозвучный*,
Понятенъ страстному уму
И въ часъ желаннаго свиданья
Скажу ему, забывъ страданья:
Якъ-эльзкаръ-дыгъ!»

Минута будетъ высоко комическая! и онъ навѣрное расхохочется.

Послѣ этого говорить о «романѣ Дѣвушки» нечего. Еще по шведски можно бы; но къ нашему душевному прискорбію насъ этому сладкозвучному языку не обучали. А вѣдь можно бы, какъ говоритъ, кажется, Хожалкинъ у Гоголя—стóило только посѣчь, и мы бы выучились, непремѣнно бы выучились!

Темный человѣкъ написалъ пародію на «Онѣгина», Пушкина, или, вѣрнѣе, на Онѣгина «Русскаго Слова», и это одна изъ самыхъ остроумныхъ его пародій: сущность ученія этого «Слова» мастерски усвоена стихомъ и пріемомъ очень близкимъ Пушкинскому. Намъ особенно понравилась сцена Онѣгина съ Татьяной, послѣ знаменитаго письма.

«Татьяна вздрогнула, глядитъ:
Предъ ней въ саду стоялъ Евгеній
И, снявъ фуражку съ головы,
Ей говоритъ: «здоровы-ль вы?
Ну, духота! Потъ льется градомъ...
Потомъ онъ, вынувъ свой платокъ,
Стеръ потъ съ лица; сѣлъ съ Таней рядомъ
И началъ длинный монологъ
О томъ, что физикъ Маттеучи
Былъ яркимъ солнцемъ въ темной тучѣ,
Что всѣмъ намъ праотцомъ—полипъ,

И что похожъ на мелкій грибъ
Acetabulum известковый,
Что отъ несчастій всѣхъ народъ
Ассоціація спасетъ,
Что реалистъ закалки новой—
Иль пьянства мрачнаго поэтъ,
Иль геніальный Архимедъ и т. д.»

Все это остро и смѣшно. Но, спросимъ откровенно автора: не меркнетъ ли его удачное выворачиванье на изнанку чужаго произведенія передъ этимъ собственноручнымъ выворачиваніемъ самой себя г-жею Ростопчиною? Пари можно держать, что *такой* пародіи, какую сочинила г-жа Ростопчина, не придумать никакому Темному человѣку въ мірѣ. Одинъ только г. Божичъ-Савичъ, авторъ поэмы «Сонъ и Пробужденіе» еще до нѣкоторой степени способенъ до нея возвыситься. Угадайте, напримѣръ, чье это: г-жи Ростопчиной или ея ученика?

«Проснулось все... Рука горѣла...
Меня ты *быстро ухватилъ* (?)!
Въ самозабвеніи танцуя,
Со мной *безпечно ты игралъ!*»

Дѣйствіе происходитъ, повидимому, въ одномъ изъ *поющихъ кафе* (cafe-chantant) сѣверной Пальмиры, гдѣ только и можно играть, да еще безпечно, *хватая* свою даму.

«Потомъ ты въ польку устремился...
Схвативъ за талію (еще!) въ испугѣ,
Боясь, чтобъ я бы не ушла (?),
Въ *ребурѣ* (?!) быстромъ и летучемъ
Меня на руки подымалъ...

Ну что, угадали? Нѣтъ? Такъ еще слушайте.

«Зачѣмъ *тряхнулъ* ты головою
И медленно пошелъ отъ насъ?
Зачѣмъ въ гостиную *убрался?*
Зачѣмъ опять ко мнѣ, *безстыдный*,
Ты приближаешься...

Нѣтъ, гдѣ же графинѣ Ростопчиной! Такъ можетъ писать только мужчина!—Зато г. Божичъ-Савичъ до того доигрался и дохватался, что вынужденъ сознаться печатно, что онъ

«*Здоровье*, благо жизни милой,
И счастье, *силы потерялъ!*»

И вдругъ, среди всего этого вранья, карканья воронъ и рева пѣтуховъ и индюшекъ, услышать, хоть маленькую, отрывочную, какъ бы сквозь зубы спѣтую, но все же пѣсенку г. Полонскаго. Пра-

во, растаешь! жаль только, что въ «Оттискахъ» тоже попадаются пьесы вовсе не поэтическія.

«Поцалуй меня...
Моя грудь въ огнѣ...
Я еще люблю...
Наклонись ко мнѣ...
Такъ въ прощальный часъ
Лепеталъ и гасъ
Тихій голосъ твой,
Словно тающій,
Въ глубинѣ души
Догарающей.
Я дышать не смѣлъ,
Я въ лицо твое
Какъ мертвецъ глядѣлъ,
Я склонилъ мой слухъ...
Но, увы! мой другъ,
Твой послѣдній вздохъ
Мнѣ любви твоей
Досказать не могъ.
И не знаю я,
Чѣмъ развяжется
Эта жизнь моя!
Чѣмъ доскажется
Мнѣ любовь твоя!»

Право—вѣдь это соловей поетъ! А вотъ это—воля ваша, ворона каркаетъ:

Жизнь наша — развратная барыня,
У ней на пиру ты не скромничай
И не идеальничай.
Бездушная, своекорыстная,
Она вишь не любитъ чувствительныхъ,
Она любитъ чувственныхъ.
Въ гостяхъ у нея Расточительность
Цалуется съ Жадностью—да пьянствуетъ
Развратъ съ безобразіемъ.
Въ гостяхъ у нея Чванство съ Пошлостью,
Обманъ *да еще два пріятеля:*
Успѣхъ съ лицемѣріемъ»...

и т. д.

Нѣтъ, сердиться вы не умѣете,—такъ и не заставляйте ужъ себя, не прикидывайтесь звѣремъ, когда вы соловей.

У насъ, какъ извѣстно, водятся поэты трехъ родовъ: такіе, которые «сами не знаютъ, что будутъ пѣть», по мѣткому выраженію ихъ родоначальника, г. Фета. Это, такъ сказать, птицы-пѣвчія. Потомъ поэты съ тенденціями или поэты-граждане, —

Эти не блещутъ особеннымъ геніемъ,
Но вѣдь не богъ обжигаетъ горшки,—

Скорбность главы возмѣстивъ направленіемъ,
Пишутъ изрядно стишки!

и наконецъ, птицы-пѣвчія, наряжающіяся, по мѣрѣ надобности, въ платья гражданскаго покроя, какой бываетъ въ модѣ. Этихъ иные видятъ даже во снѣ—*къ перемѣнѣ погоды*, и къ нимъ-то менѣе всего слѣдуетъ пристроиваться поэтамъ категоріи г. Полонскаго.

Если его лира (выражаясь классически) имѣетъ и немного струнъ, за то струны какія на ней есть, звучатъ вѣрнымъ и поэтическимъ аккордомъ...

По поводу переводовъ г. Берга изъ Мицкевича, слѣдовало бы многое кое-что сказать о переводахъ вообще и переводчикахъ, которыхъ итальянцы называютъ не безъ основанія «предателями»: traduttore—traditore,—но легкая статья наша и безъ того уже грозитъ сдѣлаться тяжелою, по своему объему; а потому, ограничимся нѣсколькими словами.

Передавать близко стихи иностраннаго поэта русскими стихами вообще трудно, часто труднѣе, чѣмъ прямо писать русскіе стихи. Причинъ тому множество, и между прочимъ длина нашихъ словъ, особенно причастій, дѣепричастій, прилагательныхъ и проч., такъ что переводить тѣмъ же размѣромъ, тѣмъ же количествомъ строкъ, сохраняя по возможности самый наружный видъ стихотворенія, (а это-то и значитъ переводить близко) — иногда почти невозможно! Есть поэты, какъ А. Шенье, напримѣръ, котораго передать такимъ образомъ нѣтъ средствъ. Да и не онъ одинъ, — всякій поэтъ изящной формы и у кого внѣшнее изящество выше внутренняго содержанія (какъ и у Шенье) не переводимъ близко. Какой нибудь грубіянъ по формѣ, Барбье, но силачъ по содержанію, поддается гораздо легче переводу. А попробуйте перевести близко Петрарку — не выйдетъ ничего: букетъ выдохнется, а вкуса не останется.

Мы не можемъ пожаловаться, чтобы у насъ переводили мало стихами, напротивъ! Кто только и чего у насъ не переводятъ! Но несправедливо было бы жаловаться и на то, что переводя слишкомъ много, переводятъ слишкомъ хорошо. Тоже напротивъ—это случается особенно рѣдко.

Г. Бергъ (Н.) чуть ли не одинъ изъ самыхъ неутомимыхъ и неисчерпаемыхъ переводчиковъ въ Россіи: онъ переводилъ съ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, кажется даже съ индѣйскаго и калмыцкаго, и теперь переводитъ съ польскаго. Переводы его грѣшатъ менѣе всего близостью къ подлинникамъ. Но стихи *его* хороши. Есть переводчики, у которыхъ *свои* стихи до того уже плохи, что готовъ подарить имъ и близость, только бы немножко отлегло отъ уха...

Мицкевичъ, котораго теперь перевелъ Н. Бергъ, одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ поэтовъ, у кого форма и содержаніе нераздѣлимы: одно превосходно и другое превосходно. Значитъ, переводить Мицкевича тоже не легко. Особенно эта трудность должна увеличиваться родственнымъ сходствомъ языковъ польскаго и русскаго. Съ близкаго по духу языка переводить еще труднѣе, — можетъ быть оттого, что ближе, нагляднѣе чувствуется недостиженіе подлинника. Съ итальянскаго, напримѣръ, легче переводить иногда, чѣмъ съ малороссійскаго. Невѣроятно, а между тѣмъ вѣрно.

Но какой же однако общій итогъ нашего стихотворства, по всѣмъ этимъ частнымъ итогамъ, нами приведеннымъ? спросятъ насъ. Отвѣчаемъ: дефицитъ, какъ и въ другихъ итогахъ, и потому не будемъ сокрушаться много, вспомнивъ, что *тотъ* дефицитъ, въ «вѣкъ реальный, который хочетъ ѣсть и пить», еще гораздо сокрушительнѣе...

ПОЛИТИКА.

[illegible] шлезвигъ-голштинскій вопросъ и проистекающая изъ него опасность войны между австріей и пруссіей. — европейская дипломатія и дунайскія княжества.

Будутъ или не будутъ воевать между собою Австрія и Пруссія изъ-за Шлезвигъ-Голштейна? Вотъ вопросъ, который занималъ Европу въ теченіе послѣднихъ недѣль, и который продолжаетъ занимать ее и до сихъ поръ. На вопросъ этотъ отвѣчаютъ различнымъ образомъ, одни считаютъ несомнѣннымъ утвердительное его рѣшеніе, другіе еще сомнѣваются въ возможности войны: но во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ въ настоящее время выступилъ на первый планъ и оттѣснилъ на второй планъ всякіе другіе политическіе вопросы, даже вопросъ о будущей судьбѣ Дунайскихъ княжествъ.

Въ послѣдній разъ, когда мы говорили объ этомъ нескончаемомъ вопросѣ, мы оставили Пруссію и Австрію величайшими друзьями; онѣ только что устранили возникшія было между ними по этому вопросу затрудненія гаштейнскою конвенціей, и казалось, что поводы къ несогласіямъ между ними устранены если не окончательно, то по крайней мѣрѣ надолго: Австрія должна была спокойно управлять Голштейномъ, Пруссія — Шлезвигомъ. А между тѣмъ прошло не болѣе полугода послѣ заключенія гаштейнской конвенціи, какъ дѣло дошло опять до того, что съ обѣихъ сторонъ самымъ серьезнымъ образомъ стали говорить о возможности войны между недавними друзьями и союзниками. Дѣло это объясняется весьма просто.

Прусское правительство послѣ окончанія войны съ Даніей не упускало ни одного случая заявлять о своемъ желаніи пріобрѣсти отнятыя у Даніи герцогства въ свою собственность, подъ тою или другою формою. Бисмаркъ повидимому съ самаго начала увѣренъ былъ въ томъ, что онъ не встрѣтитъ серьезнаго сопротивленія, тому въ остальныхъ европейскихъ державахъ, потому что трудно было предположить, чтобы напр. Англія, Франція или Россія вмѣшались въ это дѣло иначе, какъ дипломатическимъ путемъ, и вздумали бы тратить свои силы и средства на то, чтобы помѣ-

шать Пруссіи овладѣть герцогствами. Бисмаркъ не опасался далѣе встрѣтить сопротивленія своей политикѣ въ самой Пруссіи, въ средѣ либеральной партіи, которая изъ чувства патріотизма и изъ пламеннаго желанія увидѣть увеличеніе любезнаго отечества готова была поддерживать внѣшнюю политику Бисмарка. Она доказала это между прочимъ во время недавнихъ парламентскихъ преній о Лауэнбургѣ, во время которыхъ представители ея объявили, что слѣдуетъ считать измѣнникомъ государству всякаго, кто будетъ мѣшать осуществленію плановъ прусскаго правительства относительно герцогствъ. Когда въ палатѣ зашелъ вопросъ о томъ, что лучше, предоставить ли населенію герцогствъ самому устроить свою судьбу, или просто присоединить ихъ къ Пруссіи безъ дальнихъ спросовъ и разговоровъ, большая часть парламентскихъ либераловъ высказались въ пользу этого послѣдняго разрѣшенія вопроса, и предложеніе депутата Михаэлиса о присоединеніи герцогствъ къ германскому союзу подъ властью ими избраннаго государя было отвергнуто. Прусская пресса старалась обратить на это обстоятельство особенное вниманіе аугустенбургской партіи и сторонниковъ автономіи герцогствъ, и настоятельно совѣтовала имъ разубѣдиться въ томъ, что стремленія ихъ могутъ встрѣтить сочувствіе въ прусской палатѣ депутатовъ. На германскій союзъ прусское правительство давно уже перестало обращать вниманіе, такъ какъ оно очень хорошо знало, что ни согласіе, ни несогласіе его ничего не значатъ, и никому не могутъ быть ни полезны, ни вредны. Съ желаніями населенія оно тоже считало излишнимъ справляться, потому что смотрѣло на это освѣдомленіе какъ на лишнюю роскошь и какъ на новѣйшія выдумки безпокойныхъ новаторовъ. Оставалось только покончить дѣло съ совладѣтелемъ Пруссіи—Австріей, которая имѣла такія же права на герцогства, какъ и сама Пруссія. Но и тутъ Бисмаркъ по видимому не надѣялся встрѣтить слишкомъ сильнаго и трудно преодолимаго сопротивленія. Онъ очевидно разсчитывалъ на то, что Австрія, имѣя на рукахъ вопросы венгерскій, венеціанскій, да въ послѣднее время еще близко касающійся ея вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ, не захочетъ, да и не будетъ въ состояніи слишкомъ сильно противиться стремленіямъ Пруссіи относительно герцогствъ, и готова будетъ войти по этому дѣлу въ какое нибудь соглашеніе. Поэтому онъ считалъ себя въ правѣ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ смѣло и рѣшительно, и всѣми возможными способами подвигаться къ окончательному завладѣнію герцогствами. Для Пруссіи здѣсь существовалъ только вопросъ времени; оставалось только разрѣшить вопросъ, какъ скоро произойдетъ окончательное присоединеніе герцогствъ къ Пруссіи. Самая же цѣль политики ея была ясно обозначена, и прусское пра-

вительство неуклонно стремилось къ достиженію этой цѣли, какъ до заключенія гаштейнской конвенціи, такъ и послѣ того. — Совсѣмъ не то мы видимъ въ Австріи.—Поведеніе ея въ настоящемъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, относящихся къ внѣшней и внутренней политикѣ ея, весьма странно, и свидѣтельствуетъ или о нерѣшительности и нетвердости ея политики, или о нѣкоторой двуличности ея дипломатіи. До сихъ поръ австрійское правительство явно выказало только двѣ вещи: съ одной стороны нежеланіе видѣть расширеніе владычества Пруссіи въ герцогствахъ; съ другой же стороны опасеніе открытаго, серьезнаго столкновенія съ Пруссіей. Такъ какъ Пруссія еще съ 1864 года откровенно выказала свои планы относительно герцогствъ, и желаніе свое такъ или иначе прочно утвердиться въ герцогствахъ, то австрійскому правительству сообразно съ своими видами и интересами слѣдовало или вмѣстѣ съ союзнымъ сеймомъ энергически и открыто противиться таковымъ планамъ Пруссіи, или же согласиться на эти планы подъ условіемъ выгоднаго для себя и возможнаго для Пруссіи вознагражденія. Но въ томъ-то и дѣло, что австрійское правительство не можетъ рѣшиться ни на то, ни на другое, отчего и происходило странное колебаніе въ ея политикѣ относительно герцогствъ. То оно требовало вмѣстѣ съ прусскимъ правительствомъ отъ франкфуртскаго сейма удаленія изъ герцогствъ принца аугустенбургскаго (декабрь 1864 года), то оно принималось изо-всѣхъ силъ покровительствовать ему; то оно являлось сторонникомъ автономіи герцогствъ, то оно опять принималось преслѣдовать тамъ автономическія стремленія. Это странное колебаніе, эта непослѣдовательность Австріи могутъ быть объяснены, какъ обычною нерѣшительностью австрійской политики, такъ и преднамѣренною двойною игрою, имѣющей цѣлью получить при окончательномъ устройствѣ судьбы герцогствъ болѣе выгодныя условія отъ Пруссіи. Можно предполагать, что Австрія понимаетъ необходимость уступить Пруссіи свои права на герцогства за извѣстное вознагражденіе. Но вопросъ заключается именно въ томъ, каково должно быть это вознагражденіе. Австрія очевидно желала бы вознагражденія земельнаго, которое бы состояло въ уступкѣ ей части Силезіи, или же того, чтобы Пруссія гарантировала ей обладаніе Венеціей; но прусское правительство не желаетъ согласиться ни на тотъ, ни на другой изъ этихъ видовъ вознагражденія. Оно охотнѣе всего дало бы Австріи вознагражденіе деньгами; но австрійская пресса покуда еще увѣряетъ, что національная честь Австріи не позволяетъ ей уступать свои права за деньги. Поднятъ былъ недавно также вопросъ о томъ, чтобы вознаградить Австрію за уступку ея правъ на герцогства уступкою ей Пруссіей нѣкоторыхъ правъ

этой послѣдней относительно Германскаго Союза, и о произведеніи соотвѣтствующей тому союзной реформы—но и этотъ планъ остается покуда въ видѣ предположенія. Австрійское правительство очевидно еще не рѣшило, на чемъ ему остановиться; оно очевидно желало бы получить отъ Пруссіи возможно бóльшее вознагражденіе, и съ этою цѣлью оно считаетъ нелишнимъ попугать ее признаніемъ правъ принца аугустенбургскаго, и оказаніемъ покровительства его партіи. Этимъ можетъ быть объяснена довольно удовлетворительнымъ образомъ та двойная игра, которую Австрія ведетъ въ герцогствахъ. Прусское же правительство раздражено этою нерѣшительною и двуличною политикою, и оно повидимому рѣшилось вывести дѣло на чистоту и заставить австрійское правительство выйти изъ неопредѣленной роли его: отсюда и произошло настоящее критическое положеніе дѣлъ въ Шлезвигъ-Голштейнѣ. Австрійскому правительству конечно трудно принять какое нибудь рѣшеніе касательно того вознагражденія, которое ему придется получить отъ Пруссіи за уступку своихъ правъ на герцогства: но такъ или иначе, ему придется принять окончательное рѣшеніе, если только оно не желаетъ начать войну съ Пруссіей, чего отъ него никакъ нельзя ожидать.

Разсмотримъ же теперь вкратцѣ, по какимъ этапамъ прошло это дѣло послѣ гаштейнскаго договора, прежде нежели оно дошло до того, что обѣ стороны стали угрожать другъ другу войною.—Первымъ поводомъ къ столкновенію, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ мира и согласія, было дѣло редактора Мая, котораго прусское правительство непремѣнно хочетъ наказать за производимую имъ въ Голштейнѣ агитацію противъ Пруссіи. Послѣ того какъ судъ первой инстанціи оправдалъ его, берлинскій апелляціонный судъ приговорилъ его за оскорбленіе величества къ годичному тюремному заключенію. А такъ какъ Май жилъ въ Голштейнѣ, управляемомъ австрійскими властями, то и поднятъ былъ вопросъ о выдачѣ Мая прусскимъ властямъ. Прежде нежели прусскія власти обратились съ оффиціальнымъ требованіемъ объ этомъ предметѣ къ австрійскому правительству, австрійскія газеты поспѣшили объявить, что исполненіе этого требованія невозможно, потому что преступленіе, въ которомъ обвиняется Май, совершено внѣ Пруссіи, не прусскимъ подданнымъ, и что поэтому это дѣло подлежитъ разсмотрѣнію голштинскихъ судовъ. Прусскія же газеты доказывали, что необходимо настаивать на выдачѣ Мая; отсюда полемика и обоюдное раздраженіе. Вскорѣ послѣ того явился еще новый, по мнѣнію ссорящихся болѣе серьезный поводъ къ столкновенію. Депутаты шлезвигъ-голштинскихъ ассоціацій, разбросанныхъ въ незначительномъ числѣ

по всей Германіи, собрались въ голштинскомъ городѣ Альтонѣ, и постановили резолюцію о томъ, что слѣдуетъ непремѣнно просить о скорѣйшемъ созваніи законныхъ представителей герцогствъ для рѣшенія объ окончательномъ устройствѣ ихъ судьбы. Вслѣдъ за тѣмъ и сами представители голштинскихъ чиновъ, собравшись въ Килѣ, рѣшились обратиться къ австрійскому правительству съ такимъ же требованіемъ. Вѣнское правительство, правда, нашло это требованіе несвоевременнымъ, и отказало въ немъ. Но прусское правительство было недовольно такою мягкостью и снисходительностью, потому что оно считало требованіе голштинскихъ чиновъ незаконнымъ и нарушающимъ верховныя права, принадлежащія двумъ великимъ германскимъ державамъ въ силу вѣнскаго трактата 1864 года. На Австрію посыпались упреки въ томъ, что позволяя такое вопіющее нарушеніе правъ верховной власти въ герцогствахъ, она нарушаетъ гаштейнскій договоръ; ее обвиняли въ томъ, что она дѣлается соучастницею революціи въ герцогствахъ, что она поддерживаетъ въ населеніи герцогствъ ненависть къ Пруссіи, и что она старается дѣлать Пруссіи всевозможныя затрудненія; противъ этого нарушенія договоровъ, говорили прусскія оффиціальныя газеты, Пруссія должна принять свои мѣры. — Но упрекая Австрію въ агитаціи противъ Пруссіи, прусское правительство съ своей стороны считало дозволеннымъ поддерживать въ герцогствахъ и даже въ Голштейнѣ, находящемся подъ управленіемъ Австріи, агитацію въ пользу Пруссіи и противъ союзницы ея. Такъ напр. когда 19 членовъ голштинскаго рыцарства обратились къ прусскому правительству съ просьбою присоединить герцогства къ Пруссіи, для того, чтобы положить конецъ жалкому положенію тамошнихъ дѣлъ и интригамъ аугустенбургской партіи, Бисмаркъ не только не увидѣлъ въ этой просьбѣ агитацію противъ Австріи, но напротивъ оказалъ ей весьма радушный пріемъ и отвѣчалъ на нее очень любезно. Онъ изъявилъ просителямъ отъ имени короля похвалу и одобреніе за «патріотическія» чувства ихъ, и сказалъ, что прусское правительство надѣется найти средства для исполненія ихъ просьбы. Эта выходка голштинскихъ феодаловъ очень оскорбила генерала Габленца, намѣстника австрійскаго императора въ Голштиніи, а также мѣстное правительство въ Голштиніи. Это послѣднее протестовало противъ поступка 19 помѣщиковъ, и предлагало свою отставку на тотъ случай, если австрійское правительство признаетъ справедливыми направленные противъ голштинскихъ властей упреки въ интригахъ и дурномъ управленіи страною; въ противномъ же случаѣ оно требовало, чтобы податели адреса къ прусскому королю преданы были суду за клевету и за агитацію противъ законнаго правительства своего. Габ-

ленцъ принялъ протестъ и отправилъ его въ Вѣну; оттуда прислали очень благосклонный отвѣтъ на этотъ протестъ, и дали голштинскому правительству аттестацію въ томъ, что оно всегда поступало по законамъ и добросовѣстно исполняло долгъ свой; впрочемъ его просили отказаться отъ судебнаго преслѣдованія подателей адреса и взять назадъ свою просьбу объ отставкѣ. Всѣ эти происшествія не могли способствовать къ уменьшенію обоюднаго раздраженія, и отношенія между Австріей и Пруссіей становились все болѣе и болѣе натянутыми. Вслѣдъ за полуоффиціальными перекорами въ это дѣло вмѣшалась дипломатія, и начались уже совсѣмъ оффиціальные укоры, попреки и жалобы. Въ концѣ января прусское министерство иностранныхъ дѣлъ отправило въ Вѣну ноту, въ которой оно жаловалось на покровительство, оказываемое Австріей аугустенбургскимъ проискамъ, на слабость ея относительно обще-германской революціонной партіи, агитирующей въ герцогствахъ, и на неприличныя нападки, которымъ Пруссія подвергается со стороны австрійскихъ газетъ. Несмотря на всѣ обѣщанія австрійскаго правительства, говорилось въ нотѣ, Голштинія продолжаетъ оставаться средоточіемъ дѣятельности партіи безпорядковъ и агитаціи противъ Пруссіи, и со стороны мѣстныхъ властей и намѣстника ничего не дѣлается для воспрепятствованія этому. Въ этомъ прусское правительство видитъ нарушеніе со стороны Австріи гаштейнскаго договора; ссылаясь на то, что Пруссія есть совладѣтель Голштиніи, Бисмаркъ говоритъ, что если продолжится такой порядокъ вещей, и если Австрія не обратитъ вниманія на справедливыя жалобы Пруссіи, эта послѣдняя должна будетъ приступить къ такому образу дѣйствій, который будетъ согласоваться только съ ея собственными интересами, и позаботиться о средствахъ окончательно и прочно устроить судьбу герцогствъ. Въ прусской нотѣ нѣтъ прямыхъ указаній на то, какимъ образомъ Пруссія полагаетъ устроить судьбу ихъ, но всякому понятно было, что прусское правительство разумѣло тутъ или просто присоединеніе герцогствъ къ Пруссіи, или по меньшей мѣрѣ персональную унію ихъ съ Пруссіей. Въ отвѣтной нотѣ австрійскаго правительства графъ Менсдорфъ опровергалъ прусское толкованіе гаштейнской конвенціи, и доказывалъ, что договоръ этотъ именно и имѣлъ въ виду сдѣлать невозможнымъ всякое столкновеніе между обоими соправителями, давши каждому изъ нихъ болѣе свободы въ управленіи выпавшей ему на долю провинціи; поэтому онъ находилъ совершенно неосновательными притязанія Пруссіи ограничить свободу Австріи въ управленіи Голштиніей, причемъ указывалось на то, что вѣнскій кабинетъ и не думаетъ вмѣшиваться въ прусское управленіе Шлезвигомъ, хотя можетъ быть и онъ имѣлъ бы что возразить противъ этого управленія

и хотя на жалобы Пруссіи австрійское правительство точно также могло бы отвѣчать жалобами на противозаконныя дѣйствія прусской партіи; нота эта оканчивалась увѣреніемъ, что Австрія будетъ придерживаться гаштейнскаго договора до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдено средство удовлетворительнымъ образомъ устроить судьбу герцогствъ. На эту ноту Пруссія не отвѣчала; послѣ полученія ея въ Берлинѣ, отсюда было отправлено въ Вѣну только требованіе о выдачѣ Мая. Такимъ образомъ дипломатическіе переговоры между ними какъ будто кончены, и теперь со стороны Пруссіи ожидаютъ отправленія въ Вѣну ультиматума, который однако же будетъ вѣроятно отправленъ не ранѣе, чѣмъ Пруссія окончательно подготовится для должнаго подкрѣпленія своихъ требованій; полагаютъ, что въ этомъ ультиматумѣ Пруссія просто потребуетъ для одной себя управленія обоими герцогствами съ предоставленіемъ Австріи извѣстнаго вознагражденія. Но покуда вмѣсто дальнѣйшаго обмѣна нотами и пустой траты словъ, прусское правительство тѣмъ тщательнѣе принялось за утвержденіе de facto своей власти въ герцогствахъ. «Если Австрія не хочетъ идти вмѣстѣ съ нами, сказалъ оффиціозный органъ Бисмарка, то мы пойдемъ впередъ одни». И дѣйствительно, вскорѣ послѣ напечатанія этой угрозы, прусское правительство приняло очень непріятное для шлезвигъ-голштинскихъ патріотовъ, а также и для Австріи, рѣшеніе: издано было королевское повелѣніе о томъ, что тотъ, кто будетъ пытаться насильственнымъ образомъ утвердить въ герцогствахъ другую власть, кромѣ законныхъ правительствъ Пруссіи и Австріи, подвергается тюремному заключенію отъ 5 до 10 лѣтъ; тотъ, кто съ этою же цѣлью вступитъ въ сношеніе съ гражданами другихъ державъ, кто будетъ дѣлать незаконныя вербовки, или противиться распоряженіямъ военныхъ властей, подвергнется тюремному заключенію отъ 2 до 5 лѣтъ; наконецъ тотъ, кто устно, письменно или печатно будетъ величать государемъ герцогствъ другое лицо, кромѣ австрійскаго и прусскаго монарховъ, подвергнется тюремному заключенію отъ 3 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ. Вмѣстѣ съ изданіемъ этого повелѣнія было также сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы арестовать принца Фридриха аугустенбургскаго при появленіи его на шлезвигской территоріи. Какъ скоро стали извѣстны эти послѣднія мѣры прусскаго правительства, толки о войнѣ начали появляться и распространяться съ особенною силою. Австрійскія и прусскія газеты стали взвѣшивать всѣ шансы войны, при чемъ разумѣется перевѣсъ клонился на сторону Пруссіи. Начались также толки о томъ, на кого изъ среднихъ и малыхъ германскихъ державъ могутъ разсчитывать обѣ враждующія стороны въ случаѣ, если дѣло дойдетъ до войны: оказывалось, что въ этомъ отношеніи

перевѣсъ какъ будто клонился на сторону Австріи, политикѣ которой Германскій Союзъ сочувствовалъ гораздо болѣе, чѣмъ политикѣ Пруссіи. Но въ случаѣ, если бы Австрія вздумала разсчитывать на поддержку остальной Германіи, то ей повидимому пришлось бы горько разочароваться, потому что врядъ ли она найдетъ въ прочихъ германскихъ державахъ что либо иное, кромѣ платоническаго сочувствія своей политикѣ. Тѣ державы, которыя болѣе всего храбрились и угрожали Пруссіи въ то время, когда возможность войны была еще далека, теперь вдругъ присмирѣли, и стали утверждать, что въ случаѣ войны они ни за что не выйдутъ изъ нейтралитета (напр. Саксонія, Виртембергъ); другія державы, какъ напр. Баварія, Баденъ, Ганноверъ, правда, тоже протестуютъ противъ всякаго рѣшенія судьбы герцогствъ, несогласнаго съ желаніями населенія ихъ, но они высказываютъ еще менѣе желанія, чѣмъ Саксонія, идти далѣе этого протеста и стать на сторону Австріи въ случаѣ войны ея съ Пруссіей. Съ этой стороны Европѣ нечего опасаться: если дѣло будетъ зависѣть только отъ второстепенныхъ германскихъ державъ, то миръ Европы конечно никогда не будетъ нарушенъ, потому что дальше пустыхъ протестовъ, брани и угрозъ эти державы не способны идти. Не то повидимому представляютъ намъ Австрія и Пруссія, которыя держали себя въ послѣднее время такъ, какъ будто они собирались сейчасъ же вступить между собою въ борьбу на жизнь и на смерть. Хотя во всѣхъ воинственныхъ слухахъ заключается много преувеличеній и пустой болтовни, несомнѣнно однако, что распря между обѣими державами дѣйствительно дошла до того, что обѣ стороны начали серьезно приготовляться на случай войны. Для насъ вовсе не интересно знать, кто первый началъ эти воинственныя приготовленія—Австрія ли, какъ увѣряютъ берлинскія газеты, или Пруссія, какъ то твердитъ вѣнская пресса; мы видимъ только фактъ, что эти приготовленія дѣйствительно производятся. Въ Вѣнѣ происходилъ цѣлый рядъ военныхъ совѣщаній, и вслѣдъ за тѣмъ австрійское правительство начало стягивать войска въ Богемію и Моравію, и назначило лучшаго своего генерала Бенедека главнокомандующимъ богемской арміей; въ Берлинѣ тоже происходили различныя военныя совѣщанія, и вслѣдъ за тѣмъ появилось распоряженіе о томъ, чтобы сдѣлать генеральную репетицію мобилизаціи арміи, и стали ходить слухи о занятіи Пруссіей военно-этапной дороги черезъ Голштейнъ. Въ дѣло это вмѣшалась также дипломатія: французскій и англійскій посланники дѣлали въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ представленія насчетъ опасности начинать войну въ центрѣ Европы; австрійское правительство поспѣшило разослать къ главнымъ европейскимъ кабинетамъ циркуляръ, въ которомъ оно старается свалить съ себя вину

въ настоящемъ положеніи дѣлъ и выставить Пруссію единственной виновницей его; ему же приписывается намѣреніе предложить дѣло объ эльбскихъ герцогствахъ на разсмотрѣніе европейской конференціи, чего Пруссія опять не желаетъ. Вообще въ настоящее время это дѣло имѣетъ видъ чрезвычайно запутанный, и значительная часть европейскихъ публицистовъ считаютъ неминуемою войну между Австріею и Пруссіею, такъ какъ они не видятъ другаго средства распутать этотъ узелъ. Есть даже такіе пессимисты, которые считаютъ неминуемою великую европейскую войну, и видятъ уже всю Европу распавшуюся на два большихъ союза: съ одной стороны австро-англо-французскій союзъ, съ другой стороны союзъ русско-прусско-итальянскій. О политическихъ бредняхъ этого послѣдняго вида политическихъ алармистовъ нечего и распространяться: такія бредни всегда являлись и будутъ являться въ публицистикѣ, и противъ нихъ безсильны всякіе аргументы. Что касается до насъ, мы полагаемъ даже, что нѣтъ достаточныхъ поводовъ серьезно опасаться войны между двумя великими германскими державами.

Пруссія конечно готова къ войнѣ и не прочь отъ нея: армія ея положительно желаетъ войны, какъ и вообще всякая армія, для которой война стала ремесломъ; нація въ своемъ патріотическомъ энтузіазмѣ если и не желаетъ положительно войны, то во всякомъ случаѣ не имѣетъ къ ней ни малѣйшаго отвращенія; наконецъ, что важнѣе всего, финансы Пруссіи находятся въ такомъ положеніи, что они смѣло могутъ вынести даже довольно дорого стоющую войну. Поэтому Пруссія не сдѣлаетъ вѣроятно никакихъ уступокъ, потому что отъ войны ей можно ожидать однихъ только успѣховъ. Если бы Австрія была въ такомъ же положеніи, какъ Пруссія, то конечно возможность войны значительно увеличилась бы. Но къ счастью для европейскаго мира, она находится въ совершенно иномъ положеніи. Ни разномастное войско ея, ни національности, входящія въ составъ ея, не обнаруживаютъ ни малѣйшаго воинственнаго энтузіазма; она имѣетъ кромѣ того на рукахъ множество непріятныхъ и хлопотливыхъ дѣлъ, и наконецъ финансы ея находятся въ такомъ положеніи, что самая незначительная война легла бы на нихъ большою тяжестью. При такихъ обстоятельствахъ трудно предположить, чтобы она серьезно думала о войнѣ; гораздо вѣроятнѣе предположеніе, что она желаетъ только запугать Пруссію и получить отъ нея болѣе выгодное для себя вознагражденіе; но какъ скоро она убѣдится въ безполезности системы запугиванія, она по всей вѣроятности постарается найти какую нибудь лазейку, для того чтобы съ честью и безъ убытковъ выйти изъ этого дѣла. Конечно нѣтъ никакихъ гарантій, чтобы политическое неразуміе не дошло до того, что вой

на дѣйствительно начнется: но мы считаемъ довольно невѣроятнымъ такое политическое ослѣпленіе, даже со стороны австрійскаго правительства, которое однако же на нашихъ глазахъ дѣлало не мало политическихъ промаховъ. Мы все-таки полагаемъ, что въ слѣдующій разъ, когда мы коснемся этого предмета, намъ придется разсказывать не о кровопролитныхъ сраженіяхъ между двумя недавними союзниками, а о различныхъ дипломатическихъ комбинаціяхъ, посредствомъ которыхъ будетъ найдено средство болѣе или менѣе прочнымъ образомъ замазать и затушить эту распрю.

Дунайскія княжества все еще продолжаютъ ожидать, чтобы европейская дипломатія, согласно съ своими намѣреніями и обѣщаніями, сдѣлала что нибудь для устройства судьбы ихъ. Въ ожиданіи рѣшеній конференціи, въ княжествахъ, какъ того и слѣдовало ожидать, начались волненія и интриги, чего бы конечно можно было избѣжать, если бы населенію княжествъ предоставлена была возможность самому устроить судьбу свою. Между тѣмъ теперь въ средѣ временнаго правительства начались различныя интриги, и вражда различныхъ боярскихъ партій начинаетъ все болѣе и болѣе разыгрываться. Хотя заемъ, предпринятый временнымъ правительствомъ, вполнѣ удался, и хотя уже нѣсколько недѣль послѣ низверженія Кузы временное правительство нашло возможнымъ уничтожить всѣ чрезвычайныя мѣры, принятыя на первое время; однако проволочки этого дѣла производятъ нѣкоторое волненіе и безпокойство въ самой Валахіи. Что же касается до Молдавіи, то тамъ обнаруживается нѣкоторая агитація въ пользу отдѣленія отъ Валахіи. Молдаване желали бы оставаться соединенными съ валахами подъ властью иностраннаго принца; въ противномъ случаѣ они предпочитаютъ отдѣльное отъ Валахіи управленіе, и на этотъ случай они уже и выставляютъ своихъ собственныхъ кандидатовъ на званіе господаря Молдавіи. Временному же правительству такія стремленія очень не нравятся, и оно принимаетъ противъ нихъ свои мѣры посредствомъ отправки въ Молдавію войскъ и замѣны прежнихъ префектовъ новыми, болѣе надежными. Въ то же время оно отправило къ гарантировавшимъ державамъ циркуляръ, въ которомъ оправдываетъ недавнія происшествія въ княжествахъ и указываетъ на назначеніе иностраннаго принца государемъ Румыніи, какъ на единственный исходъ изъ настоящихъ затрудненій. Оно отправило также въ Парижъ нѣсколько лицъ, которыя служили бы передъ конференціей представителями желаній и интересовъ румынской націи.—Въ то время, какъ временное правительство княжествъ изо всѣхъ силъ агитируетъ въ пользу сохраненія соединенія княжествъ, и притомъ подъ властью иностраннаго принца, съ другой

стороны происходитъ сильная агитація въ пользу раздѣленія ихъ и возстановленія въ нихъ порядковъ, господствовавшихъ тамъ до восточной войны. Агитація въ этомъ смыслѣ происходитъ главнымъ образомъ со стороны Турціи. Держава эта съ самаго начала румынской революціи объявила, что она ни на волосъ не отступитъ отъ своихъ правъ на княжества, что низверженіе Кузы равносильно уничтоженію всѣхъ прежнихъ трактатовъ относительно княжествъ, и что поэтому она намѣрена вступить въ полное отправленіе своихъ правъ; она прямо указывала на необходимость раздѣленія обоихъ княжествъ, такъ какъ соединеніе ихъ оказалось вреднымъ и для Турціи, и для самихъ княжествъ. Турецкое правительство не признаетъ также законности существованія нынѣшняго временнаго правительства, такъ какъ оно существуетъ вопреки трактатовъ 1858 и 1859 года; вмѣсто него оно предлагаетъ отправить управлять княжествами, до окончательнаго устройства судьбы ихъ конференціей, особеннаго турецкаго коммиссара, которому было бы также поручено произвести, вмѣстѣ съ представителями другихъ европейскихъ державъ, слѣдствіе о послѣднихъ бухарестскихъ событіяхъ. Для подкрѣпленія своихъ правъ и своихъ требованій турецкое правительство стянуло войска на правый берегъ Дуная, и расположило ихъ около Шумлы и Рущука.—Австрія повидимому не прочь отъ поддержанія требованій Турціи касательно раздѣленія княжествъ и назначенія господаря изъ туземцевъ для каждаго изъ нихъ; есть слухи о томъ, что отъ этого не прочь и Россія. Но за то французское правительство прямо высказалось въ пользу сохраненія соединенія княжествъ. Полуоффиціальный Поленъ Лимейракъ объявилъ въ своемъ журналѣ, что соединеніе княжествъ необходимо, и что конференція сдѣлаетъ его окончательнымъ; а совсѣмъ оффиціальный «Монитёръ» объявилъ, что конференція займется разсмотрѣніемъ вопроса, не слѣдуетъ ли придать характеръ окончательныхъ уступокъ благоразумнымъ уступкамъ, сдѣланнымъ Турціей, сообразно съ желаніемъ румынской націи, въ 1861 году.—Итакъ, покуда Франція открыто выразилась въ пользу соединенія княжествъ, Австрія и Турція въ пользу раздѣленія ихъ; желанія Россіи, Англіи, Пруссіи и Италіи касательно этого вопроса положительно еще неизвѣстны. При такихъ скудныхъ данныхъ трудно предвидѣть, къ чему приведутъ занятія парижской конференціи, имѣвшей уже два засѣданія. Покуда кажется несомнѣннымъ только то, что конференція положила въ основаніе своихъ рѣшеній неприкосновенность верховныхъ правъ Турціи на княжества и сохраненіе существующихъ договоровъ. Этимъ устраняется всякая возможность возведенія на румынскій престолъ иностраннаго принца; еще болѣе устраняется возможность осуществленія различныхъ

[illegible]

[illegible] значено [illegible]

[illegible] быть можетъ. [illegible] и съ своей ст- [illegible]

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

III.

I. Рѣчь императора и адресъ сената: де-Буасси, де-Гекеренъ и тюркосы; римскій вопросъ; генералъ Форе и Мехика; свобода Рулана и Персиньи. — II. Масляница и постъ, на публичныхъ балахъ и въ свѣтѣ; Патти и ея враги; филармоническое общество и коопeрація; литературное сокровище и общество литераторовъ. — III. Обсужденіе адреса законодательнаго корпуса, рѣчь Тьера; манифестъ средней партіи, Латуръ Дюмуленъ; случай съ Глэ-Бизуаномъ. — IV. Продолженіе: ускользнувшій мехиканскій вопросъ; имперія, земледѣліе и финансы: муниципальные или общіе выборы и нравственность всеобщей подачи голосовъ; случай съ Жюлемъ Симономъ; поправка 17-ти и поправка 42-хъ; голосованіе съ 62 до 65; рожденіе средней партіи. — V. Les Travailleurs de la mer и la contagion. — Посмертная книга полковника Шарраса.

I.

Парижъ, 21 марта 1866.

Когда мнѣ приходится читать императорскую рѣчь и вслѣдъ затѣмъ отвѣтный адресъ сената, то я невольно напѣваю вполголоса остроумную пѣсню о *Двухъ Жандармахъ:*

Deux gendarmes, un beau dimanche,
Chevauchaient le long du sentier;
L'un avait la sardine blanche,
L'autre le jaune baudier.
Le brigadier, de sa voix sonore:
«Le temps est beau pour la saison!»
«Brigadier, repondit Pandore,
«Brigadier, vous avez raison!!» (Bis).

Итакъ, 22-го января вслѣдъ за сто-однимъ пушечнымъ выстрѣломъ и съ акомпаниментомъ браво, возглашаемымъ толпою въ бѣлыхъ чулкахъ, его величество говорилъ своимъ подданнымъ... «Извнѣ миръ обезпеченъ повидимому всюду. Соеди-

«неніе англійскаго и французскаго флота въ однихъ и тѣхъ же «портахъ... послужило только къ скрѣпленію взаимнаго со-«гласія обѣихъ странъ. Относительно Германіи, я думаю про-«должать нейтральную политику, которая, не мѣшая намъ огор-«чаться или радоваться, иногда держитъ насъ вмѣстѣ съ тѣмъ «въ сторонѣ отъ такихъ вопросовъ, въ которыхъ мы не заинте-«ресованы прямымъ путемъ. Италія утвердилась въ своемъ «единствѣ... мы въ правѣ разсчитывать на добросовѣстное вы-«полненіе договора 15-го сентября и на поддержаніе столь не-«обходимой власти св. Петра... Вы раздѣляли вмѣстѣ со мной «негодованіе противъ убійства президента Линкольна... Въ «Мехикѣ все болѣе утверждается правительство, учрежденное «народною волею... (?) Экспедиція наша, какъ я уже выражалъ «надежду въ прошломъ году, приходитъ наконецъ къ концу «(???)... Франція, не забывающая ни одной благородной стра-«ницы изъ своей исторіи, искренно желаетъ процвѣтанія ве-«ликой американской республики и поддержанія дружествен-«ныхъ отношеній, которыя продолжаются уже около столѣтія. «Волненіе, произведенное въ Соединенныхъ Штатахъ присут-«ствіемъ нашего войска на мехиканской почвѣ, должно будетъ «успокоиться послѣ нашихъ откровенныхъ объясненій... Обѣ «націи, одинаково другъ друга ревнующія къ независимости, «должны избѣгать всякихъ попытокъ, сколько нибудь компро-«меттирующихъ ихъ достоинство и честь». Внутри совершенное спокойствіе; муниципальные выборы произведены такъ хорошо, что почти вездѣ имѣлась возможность выбирать мэровъ изъ муниципальныхъ совѣтниковъ. Законъ о коалиціяхъ выполнился съ большимъ безпристрастіемъ (кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ суды осудили рабочихъ и пощадили хозяевъ, въ Сентъ-Этьеннѣ, Парижѣ и пр.). Для поощренія ассоціацій: «Я рѣшилъ, что дозволеніе собираться будетъ дано всѣмъ тѣмъ, которые захотятъ, внѣ политики, обсуждать промышленные и торговые интересы. Эта возможность будетъ ограничиваться только гарантіями, необходимыми для поддержанія общественнаго спокойствія». (Это означаетъ, что собственно будетъ отказано въ *правѣ* собраній, и что граждане въ будущемъ, какъ и въ прошедшемъ, не иначе будутъ говорить и понимать другъ друга, какъ съ полиціею и подъ ея пріятнымъ надзоромъ). Финансы въ отличномъ положеніи. «Доходъ прогрессивно увеличивается, расходы же клонятся къ уменьшенію»; палатамъ бу-

детъ представленъ законъ о погашеніи. Для уравновѣшенія бюджета сдѣлана нѣкоторая экономія по военной части; тогда какъ бюджетъ общественныхъ работъ (столь необходимыхъ для богатства Гаусмана) и бюджетъ общественнаго просвѣщенія (столь необходимый для славы Дюрюи) не подверглись и не подвергнутся никакимъ сокращеніямъ. Для довершенія же національнаго благополучія будетъ производиться изслѣдованіе о положеніи и нуждахъ земледѣлія. «Я увѣренъ, что оно «укрѣпитъ принципъ свободной торговли, представитъ драго«цѣнныя свѣдѣнія, которыя будутъ содѣйствовать къ изученію «средствъ, облегчающихъ мѣстныя бѣдствія, или помогутъ при«мѣнить на практикѣ новѣйшіе успѣхи». «Можетъ быть, нѣко«торые безпокойные умы, подъ предлогомъ ускоренія либераль«наго хода правительства, захотятъ помѣшать ему идти и ли«шить его всякой силы и иниціативы; они, по выраженію импе«ратора Наполеона I, смѣшиваютъ съ прогрессомъ непостоян«ство. Конституція 1852 предприняла учредить раціональную «систему, правильно уравновѣшиваемую великими властями «государства» (исполнительная власть дѣлаетъ все, а остальныя ничего). «Она существуетъ уже 14 лѣтъ». «Я не могу не «одобрять себя, видя, какимъ внѣшнимъ уваженіемъ и внутрен«нимъ спокойствіемъ пользуется Франція, вмѣстѣ съ тѣмъ и «не имѣя политическихъ преступниковъ въ своихъ тюрьмахъ» (кромѣ писателей, наполняющихъ восточный павильонъ тюрьмы Ste.-Pélagie, кромѣ студентовъ, которые чуть ли не наканунѣ императорской рѣчи были отведены въ Мазасъ за то, что праздновали 21-е января), «безъ эмигрантовъ за границею» (кромѣ Кине, Дюфресса, Флокона, Банееля, Виктора Гюго, Луи Блана, Ледрю-Роллена, Шельхера и до сотенъ другихъ, которые отказались отъ амнистіи автора 2-го декабря). «Развѣ «мало было 80 лѣтъ на обсужденіе правительственныхъ теорій? «Не полезнѣе было бы въ настоящее время изыскивать прак«тическія средства улучшить нравственное и матеріальное по«ложеніе народа?... Если французы будутъ съ дѣтства воспи«тываться въ принципахъ вѣры и нравственности, возвышаю«щихъ человѣка въ его собственныхъ глазахъ, то они сами со«бою поймутъ, что надъ человѣческимъ пониманіемъ, надъ «усиліями науки и разума существуетъ еще высочайшая воля, «предписывающая законы, какъ отдѣльнымъ личностямъ, такъ «и цѣлымъ націямъ». Говоря обыкновенымъ языкомъ: положи-

тесь на насъ, избранныхъ людей, спите себѣ спокойно, кушайте хорошо, бойтесь свободы, какъ черта, и предоставьте общественныя дѣла въ руки наслѣдниковъ Наполеона Великаго, Карла Великаго и Цезаря!

Чѣмъ могъ отвѣчать на подобную рѣчь сенатъ, поставленный для охраненія конституціи, какъ не полнѣйшимъ согласіемъ? Проэктъ адреса, составленный президентомъ Тролономъ, не болѣе, какъ надутые парафразы каждой фразы императорскаго оптимизма. Тролонъ съумѣлъ угодить всѣмъ сенаторамъ, не исключая даже монсеньора, кардинала Донне, хотя свѣтскія школы повидимому болѣе поощряются настоящимъ министромъ народнаго просвѣщенія, нежели духовныя школы (въ которыхъ все болѣе и болѣе усиливаются преступленія противъ нравственности; на прошлой недѣлѣ еще судились трое изъ братіи!). Одинъ только маркизъ де-Буасси, англофобъ и либералъ, нашелъ тутъ пищу для своихъ насмѣшекъ. «Вѣрные подданные, умные бонапартисты, преданные изъ благодарности и интереса», восклицаетъ экс-пэръ Франціи и совѣтуетъ правительству лучше сегодня, нежели завтра, написать на своемъ знамени: «Защита свѣтской власти папства противъ и относительно всѣхъ; возобновленіе протекціоннаго права, возстановленіе парламентскаго правительства!» Это послѣднее слово поднимаетъ шумъ. Президентъ напоминаетъ о присягѣ сенатору, позволившему себѣ сказать, что прочность трона не совмѣстима съ парламентскимъ образомъ правленія, что «только парламентъ и можетъ рѣшить передачу вѣнца отъ отца къ сыну». Де-Буасси считаетъ тѣмъ не менѣе нужнымъ разсказать исторію о реставраціи, паденіе которой было причинено «людьми, хотѣвшими быть болѣе роялистами, нежели самъ король.» Ропотъ, которымъ была встрѣчена его характеристика льстецовъ, «которые не могутъ быть поддержкою, такъ какъ постоянно гнутся», и его опредѣленіе самого себя, какъ имперіалиста оппозиціи, который поддерживаетъ имперію, какъ «желѣзный столбъ, а не какъ тростникъ», — этотъ ропотъ онъ считаетъ для себя комплиментомъ. Счастливо еще, что въ проэктѣ адреса не было повторено выраженіе *«безпокойные умы»*, слишкомъ сходное съ однимъ возбуждающимъ выраженіемъ послѣдней рѣчи Луи-Филиппа, выраженіемъ, которое считали одной изъ причинъ февральской революціи. Онъ же съ своимъ «не безпокойнымъ

умомъ» обезпокоенъ тѣмъ, что «императоръ не знаетъ всего, что никто не объясняетъ ему дѣла и что его обманываютъ молчаніемъ или лестью.» И вотъ, не смотря на призывы къ порядку и возраженія англофиловъ, онъ принимается мстить за лорда Байрона (на послѣдней вдовѣ котораго онъ женился) и гремитъ противъ ужаснаго Альбіона, который бы мы охотнѣе раззорили, нежели обняли (какъ это было сдѣлано *по приказанію*, во время Шербургскаго свиданія). Его ненависть къ Англіи доходитъ до того, что онъ упрекаетъ имперію и императора за то, что они оффиціально плакали по бельгійскомъ королѣ Леопольдѣ, союзникѣ и задушевномъ другѣ Англіи. Болѣе патріотъ, нежели христіанинъ, онъ восклицаетъ на возраженія кардинала Донне: «Господа, когда умираетъ врагъ моей страны, то я не плачу, а пою *Te Deum*... Перехожу теперь къ земледѣлію!» По прошествіи четверти часа шума, послѣдовавшаго за послѣднимъ заявленіемъ, онъ продолжаетъ: «Я за конституцію, я хочу поддержать ее въ цѣлости... кромѣ нѣкоторыхъ измѣненій!» Ораторъ проливаетъ горькую слезу надъ земледѣліемъ, умирающимъ по милости послѣдователей свободной торговли, земледѣліемъ, которое,—если его не поднимутъ съ помощію разрыва торговаго трактата съ коварнымъ Альбіономъ, — легко можетъ статься, начнетъ опускать весьма опасные бюллетени въ урну всеобщей подачи голосовъ. Затѣмъ внезапно произошла перемѣна декорацій и мы очутились въ Мехикѣ, и «эта бомба, гораздо опаснѣе орсиніевской бомбы», отталкиваетъ насъ въ Италію и оттуда въ Бельгію, которую де-Буасси желаетъ присоединить къ Франціи не потому, чтобы онъ любилъ Фаро, но потому, что отъ этого пожелтѣетъ съ досады Великобританія. Потомъ мы неизвѣстно почему падаемъ на Ватиканъ, гдѣ намъ показываютъ папство въ видѣ «подпилка, дѣйствующаго на подобіе змѣинаго жала». И потомъ, опять благодаря ловкости этого фокусника, мы очутились въ Алжиріи, положеніе которой внушаетъ опасенія, какъ за ея настоящее, такъ и за будущее, потому что если «пучекъ розогъ», разбросанный въ брошюрѣ его величества, и раскрываетъ намъ преступленія и пороки администраціи; тѣмъ не менѣе методъ исправленія и преобразованія арабской національности можетъ только послужить средствомъ доставленія силы Абдель-Кадеру или какому другому правовѣрному. 20,000 арабовъ собранныхъ въ войско, по мнѣнію маркиза де-Буас

си, ни что иное, какъ 20,000 арабовъ, подготовленныхъ къ возстанію. И если бы вздумали перевести ихъ во Францію, то это были бы не только 20,000 янычаръ противъ свободы, но и 20,000 развратителей военныхъ нравовъ. Улыбаются. Съ лукавствомъ, желающимъ казаться наивнымъ, ораторъ продолжаетъ, глядя въ лицо барону Гекерену (весьма извѣстному по своему нравственному оріентализму со времени открытія одного заведенія въ восточномъ вкусѣ въ avenue Marboeuf): «нѣкоторые смѣются моимъ словамъ, но многіе думаютъ, что я и справедливъ. Пребываніе тюркосовъ во Франціи ввело весьма печальные нравы въ арміи...» Всѣ глаза устремляются на Гекерена... И тогда де-Буасси заканчиваетъ свой періодъ страннымъ словомъ, которое непонято было *Монитеромъ*, потому что онъ напечаталъ его въ стенографированномъ отчетѣ; но за то оно было быстро уничтожено въ *подобныхъ же отчетахъ*, розданныхъ другимъ журналамъ.

Слово это должно сдѣлаться достояніемъ исторіи, такъ какъ оно не было никѣмъ опровергнуто, никто противъ него не протестовалъ и такъ какъ оно лучше всего характеризуетъ самую чудовищную нравственную рану... Доказательствомъ того, что увеличеніе безнравственности нисколько не чуждо нелиберальной политики, можетъ служить и то, что статистика преступленій съ году на годъ все болѣе и болѣе насчитываетъ покушеній, преступленій, о которыхъ говоритъ сенаторъ. По крайней мѣрѣ половина ассизныхъ сессій была посвящена преступленіямъ подобнаго же рода, что явно доказываетъ гнусную наклонность публичнаго разврата. Къ чему служитъ намъ эта многочисленная императорская полиція, сажающая насъ въ тюрьму, какъ только мы осмѣлимся выразить вслухъ нашу политическую мысль, и которая вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ дѣтей въ городахъ и деревняхъ на произволъ преступленія?

Правительство весьма коротко отвѣчало на рѣчь сенатора и не упомянуло о тюркосахъ. Оно ограничилось заявленіемъ (при посредствѣ Ше-д'Эстъ-Анжа) своей любви къ Англіи и (при посредствѣ органа министерства) въ рѣчи оппонента, съ 30,000 франковъ жалованья, увидѣло только намѣреніе возбудить самыя дурныя страсти и пріобрѣсти вредную популярность, которая невольно должна внушать самую глубокую печаль всѣмъ честнымъ людямъ!

Затѣмъ послѣдовало обсужденіе параграфовъ проэкта адреса и началось всеобщимъ одобреніемъ параграфа 1. Второй параграфъ относительно земледѣлія былъ тоже одобренъ послѣ двухъ длинныхъ рѣчей де-Бомона и Гюберъ-Делиля. Чтеніе мнѣнія Мимереля мало задержало всеобщее принятіе § 3. Далѣе, § 5 о финансахъ и общественномъ образованіи возбудилъ нѣкоторую критику барона де-Венсента, который полагалъ, что слишкомъ и слишкомъ долго учатъ латынь въ коллегіяхъ, что мало преподается нравственности и религіи въ общинныхъ школахъ и что преподаваніе въ духовныхъ пансіонахъ гораздо лучше образованія, получаемаго въ правительственномъ университетѣ. Руланъ защищаетъ университетъ и мертвые языки. Леверрье, вѣчно открывающій планеты послѣ другихъ, сдѣлалъ еще кое-какъ свое замѣчаніе, и параграфъ прошелъ. § 7 касательно Мехики долженъ былъ разумѣется возбудить краснорѣчіе маршала Форе, главнокомандующаго перваго экспедиціоннаго корпуса. Побѣдитель при Пуэблѣ счелъ долгомъ утверждать законность и прочность трона Максимиліана и настаивать вопреки общему мнѣнію на томъ, чтобы продлить наше занятіе Мехики на неопредѣленное время. Его требованіе отправить новыя войска или по крайней мѣрѣ удержать уже находящіяся тамъ, и требованіе нѣкоторой новой денежной жертвы вызвало ропотъ, отъ котораго онъ впалъ въ такую неловкость, что наивно напомнилъ дѣло Причарда, столь роковое для Луи Филиппа, говоря: «Франція довольно богата дли того, чтобы платить за свою славу». Руэ поторопился заявить, что маршалъ высказалъ только свое личное мнѣніе, а что касается правительства, то его мнѣніе было всегда таково, какъ оно было формулировано въ тронной рѣчи, то есть: желаніе какъ можно скорѣе выйти изъ Мехики для того, чтобъ не навлечь неудовольствія великой американской республики, которой мы только что возвратили всѣ наши старинныя симпатіи съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторые изъ нашихъ оффиціозныхъ газетъ и нѣкоторые изъ нашихъ судохозяевъ лишены возможности снабжать южанъ похвалами и канонерскими лодками! § 8, возобновленіе императорской любезности относительно упомянутыхъ Штатовъ было вотировано единогласно.

Мы коснемся теперь римскихъ дѣлъ, и мы могли бы поза-

бавиться, еслибъ принцъ Наполеонъ былъ на своей скамьѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ обитатель Пале-рояля позволилъ себѣ создать въ Аяччіо либеральныхъ бонапартистовъ, съ тѣхъ поръ ему запрещено разсуждать даже о папѣ и даже въ сенатѣ, хотя онъ и членъ его. Младшая линія блуждаетъ по Средиземному морю и присутствуетъ во Флоренціи на новыхъ операхъ въ то время, какъ въ Парижѣ графъ Сегюръ д'Агессо нападаетъ на его тестя Виктора Эммануила! Да чтобы и могъ отвѣтить принцъ графу, оканчивающему слѣдующимъ образомъ свою отчаянную защиту папы: «Пусть лучше не возражаетъ мнѣ мой почтенный другъ Руэ, пусть лучше не отвѣчаетъ мнѣ государственный министръ!.. Пусть хоть своимъ молчаніемъ дадутъ если не иллюзію, то по крайней мѣрѣ сладость надежды!» Монсеньоръ кардиналъ Бонншозъ, несмотря на всю свою вѣру въ императорскую набожность, не питаетъ уже никакой надежды: слово *свѣтская* не было произнесено въ императорской рѣчи, и это дало только поводъ къ насмѣшкамъ недоброжелателей. Онъ убѣжденъ, что Италія никакъ не хочетъ примиренія, о которомъ мечтала конвенція 15 сентября, что если и возможно какое нибудь соглашеніе между демократическою Италіею и абсолютнымъ папствомъ, то католицизмъ отвергнетъ его, и потому онъ подаетъ голосъ за предложенный параграфъ. Генералъ Жерно полагаетъ, что Италія не останется въ покоѣ, какъ того ожидаютъ; онъ ожидаетъ революціоннаго взрыва, какъ скоро наши войска выйдутъ изъ Рима; Италія наконецъ покончитъ эту братоубійственную войну, полагаетъ онъ: Римъ сдѣлается столицею Италіи и папство будетъ въ распоряженіи у тѣхъ, которые стремятся къ свободной церкви въ свободномъ государствѣ. Нужно ли доставлять это удовольствіе революціи только потому, что ультрамонтаны, легитимисты, самые горячіе приверженцы святаго отца во Франціи—въ тоже время и враги императора? Этихъ враговъ еще можно все-таки удовлетворить въ ихъ католической вѣрѣ, справедливо замѣчаетъ Жерно, тогда какъ революціонеры не успокоятся никакими удовлетвореніями. Люди 48 года не говорятъ подобно ультрамонтанамъ и легитимистамъ: «Господи, что станетъ съ нами, если вдругъ не будетъ императора!» Эти люди въ своихъ понятіяхъ гораздо рѣшительнѣе. Берегитесь. «Свѣтская власть необходима для религіи, религія необходима нашимъ семьямъ, нашему на-

роду, нашему потомству и будущности нашей страны. Паденіе ея предоставитъ весь общественный строй пылкимъ и честолюбивымъ умамъ, которые хотятъ устроить новое общество, новую нравственность и новую религію!..» Наконецъ-то, наконецъ сенатъ гремитъ противъ деморализаціи въ лицѣ этого стараго генерала, замѣнившаго свою шпагу кропиломъ усерднѣйшаго клерикала. Однако Гекеренъ не рукоплещетъ вмѣстѣ съ другими. Но послушайте, святой генералъ, точно ли присоединенію Романіи и экспедиціямъ Гарибальди въ обѣ Сициліи обязаны мы, этой распущенностью семейной жизни, на которую вы жалуетесь съ такимъ ожесточеніемъ? Не сверху ли поданные примѣры содѣйствовали къ развращенію нравовъ въ самыхъ низшихъ слояхъ общества? Развѣ раціонализмъ, не имѣющій ни храмовъ, ни монастырей, ни духовенства, на жалованьѣ ни ассоціацій, развѣ раціонализмъ, едва пользующійся правомъ издавать бѣдный журнальчикъ, la Morale indèpendante, читаемый 1.500 теоретиковъ, развѣ раціонализмъ, не имѣющій ни одной школы, долженъ отвѣчать за роскошь, прелюбодѣяніе, проституцію, которыя васъ такъ огорчаютъ?

Далеко не такой капуцинъ, какъ нашъ генералъ, и далеко не такой ультрамонтанъ, какъ монсеньоръ Бонношозъ, кардиналъ Матьё—извѣстный тѣмъ, что Прудонъ посвятилъ ему свою книгу *De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise* — находитъ параграфъ проэкта адреса «удовлетворительнымъ и достаточнымъ». Конвенція 15 сентября—не въ обиду будь сказано тупоумнымъ свободомыслителямъ, считающимъ ее побѣдой—вещь удивительная; императоръ слишкомъ хорошо знаетъ настроеніе Франціи, и онъ не изобрѣлъ бы этой конвенціи, если бы она была противна папству; кардиналъ совершенно вѣритъ въ этотъ трактатъ; *это не столько снисхожденіе, сколько угроза Италіи*. Иначе впрочемъ думаетъ Бонжанъ; и вызываетъ свистки, утверждая, что какъ ни совершенно будетъ выполнена конвенція—въ чемъ онъ не сомнѣвается относительно Франціи — но все-таки никакая сила не будетъ въ состояніи законнымъ путемъ принудить римлянина терпѣть папское правительство... Онъ полагаетъ, что теократическій образъ правленія не совмѣстимъ съ новѣйшими понятіями и потому отнесется къ его уничтоженію «безъ удовольствія, правда, но также и безъ опасенія». Со всѣхъ сторонъ поднимается протестъ,

графъ Фламмаренсъ кричитъ, одобряемый монсеньоромъ Донне: «Вы находитесь въ оппозиціи съ католическими чувствами сената и цѣлой Франціи!» — «Съ своей стороны я бы не желалъ, возражаетъ Бонжанъ, чтобъ сенатъ своимъ молчаніемъ послѣ четырехъ, только что выслушанныхъ рѣчей, далъ публикѣ поводъ принять это молчаніе за единодушное одобреніе мнѣній и совѣтовъ, высказанныхъ до меня почтенными ораторами». Среди довольно сильнаго волненія, кардиналъ Донне требуетъ слова, «для того, чтобъ протестовать во имя церкви и всѣхъ друзей Франціи», но онъ охотно уступаетъ государственному министру по его просьбѣ;—Руэ произноситъ среди шума рукоплесканій весьма туманную рѣчь о какомъ-то «соглашеніи» (съ кѣмъ, противъ кого, по поводу чего? это все давно). Сенатъ разтроганъ; параграфъ 9-й баллотируется и принимается. Не сказавъ ничего, хотя какъ будто и говорилъ, Руэ можетъ сызнова начать говорить и въ будущемъ году и его «соглашеніе» навсегда останется тѣмъ же, чѣмъ будетъ выполненіе конвенціи 15-го сентября. Событія рѣшатъ, кто правъ, Матьё или Бонжанъ, сенатъ же, что бы тамъ ни случилось, всегда будетъ придерживаться мнѣній государственнаго министра.

Генералъ де-ла-Рюэ повторяетъ мысли, высказанныя императоромъ по поводу Алжиріи. Его почти не слушаютъ и быстро вотируютъ 11 и 12 параграфы адреса. Торопятся слушать Фіалена, герцога Персиньи о внутренней свободѣ. Этотъ мужъ весьма любезной жены не имѣетъ столько причинъ, какъ маркизъ де-Буасси, возставать противъ Англіи; но онъ любитъ англійскую свободу только въ Англіи; американская свобода также не подходитъ по его мнѣнію къ умѣренному климату нашей прекрасной Франціи. Неужели же одинъ только деспотизмъ можетъ совмѣщаться съ нашею черезчуръ прославленною вѣтренностью? Клевещутъ тѣ, которые утверждаютъ, будто имперія есть деспотизмъ, — Европа отвергаетъ ихъ слова, а исторія заклеймитъ ихъ... (Да! да! отлично! очень хорошо!) — «Дѣло императора было дать — и онъ это сдѣлалъ—свободу Франціи, не скоропроходящую свободу, тотчасъ же разбивающуюся о мостовую, но свободу прочную, опирающуюся о верховную власть!»—(Волненіе.—Продолжительное и горячее одобреніе). — Новое волненіе начинается дальше: «Свобода подобно славѣ и любви увеличивается вслѣдствіе сво-

ихъ страданій и одерживаетъ верхъ только силой добродѣтели и жертвъ!» Такимъ образомъ чѣмъ больше жертвъ свободы, тѣмъ больше будемъ мы достойны завоевать ее; а если свобода походитъ на славу, то ее нужно поджидать, сложа руки, и нельзя захватывать насильно... «Я убѣжденъ, восклицаетъ эксъ-министръ, что свобода можетъ утвердиться во Франціи только при твердо основанной власти, и потому я хочу удалить отъ власти все, что содѣйствуетъ ея ослабленію. Я знаю, что существуетъ фальшивый либерализмъ, клонящійся къ обезоруженію власти; но объ немъ можно сказать то же, что и объ лести, осаждающей королевскій тронъ: это развратитель общественнаго пониманія и язва государства».

Руланъ со времени своей *отставки*—во французскій банкъ, сдѣлался положительнымъ и не хочетъ пускаться въ высокія сферы и принимать участія въ обсужденіи «философической, доктринальной, теоретической и личной» программы, ослѣпившей сенатъ. Онъ обращается къ дѣйствительности, разсматриваетъ намѣренія достопамятнаго декрета 24 ноября 1860 года. Разрѣшая палатамъ публичность ихъ преній и возможность высказывать свое мнѣніе при обсужденіи адреса, и вслѣдствіе этого ознакомляя ближе страну съ ея правительствомъ, императоръ даетъ гораздо болѣе, нежели сколько того требуетъ страна. Онъ долженъ былъ предвидѣть послѣдствія своего великодушія: потому что нетерпѣливые умы хотѣли воспользоваться расщиреніемъ конституціи 1852 года «для того, чтобы возбудить общественное мнѣніе и ввергнуть страну во всѣ смуты революціи». Составилась лига, требующая безграничной свободы прессы, возстановленія прежняго представительнаго правительства, противопоставляющая оффиціальнымъ кандидатамъ Богъ знаетъ какихъ кандидатовъ во время мѣстныхъ и общихъ выборовъ и услаждающая себя возбужденіемъ подозрѣнія противъ самыхъ преданныхъ дѣятелей, выдумывающая систему абсолютной децентрализаціи и проч. и проч. — Но милѣйшій Руланъ не думаетъ, чтобы лига хотѣла ниспровергать императорское правительство, она хочетъ только вынудить желаемую ею форму. Требуя расширенія свободы, она требуетъ, по его мнѣнію, только орудія, съ помощію котораго старыя партіи достигнутъ своей цѣли. Имперія не можетъ и не должна предаваться старымъ партіямъ. Если бы она сдалась на желанія этихъ партій

и согласилась на представительный образъ правленія въ прежнемъ смыслѣ, то это повело бы ее неизбѣжно къ тому, къ чему привелъ этотъ образъ правленія буржуазную монархію 1830 года. А еще менѣе должна она доставлять радикаламъ и якобинцамъ свободу, которая бы «привела это уже и безъ того обезсиленное правительство ко всѣмъ смутамъ и крайностямъ демагогіи» и возвратила бы къ ужасамъ отъ 93 до 1848 года! Слѣдовательно весьма хорошо дѣлаетъ императоръ въ своей рѣчи, а сенатъ въ своемъ адресѣ, что говоритъ этой лигѣ: ты не пойдешь далѣе! Только мы и одни мы можемъ рѣшить, въ какомъ часу можетъ быть увѣнчано зданіе! Все клонится къ лучшему въ лучшемъ изъ всѣхъ міровъ. Впрочемъ, продолжаетъ ораторъ (для успокоенія своей аудиторіи, испуганной нѣсколько описаніемъ разрушительной лиги), Франція не идетъ за лигой; она только проситъ о томъ, «чтобы ее оставили при ея работѣ, ея мастерскихъ и школахъ; о томъ, чтобы ее избавили отъ всякихъ вызововъ, о которыхъ она не хлопочетъ; о томъ, чтобы ее предоставили ея мыслямъ, ея достоинству и ея волѣ»... Мы свободны вездѣ — внутри и извнѣ, только умѣренно. «Развѣ вы будете тронуты угрозами, которыя указываютъ намъ на выборы 1869 г.?.. Мы надѣемся, что и тогда, какъ теперь, страна услышитъ просвѣщающіе ее голоса, и что страсти не войдутъ въ народное собраніе. Во всякомъ случаѣ мы надѣемся на Провидѣніе!»

Маркизъ де-Буасси встаетъ для того, чтобы опровергать систему абсолютизма, только что изложенную Руланомъ и Персиньи. Представительный образъ правленія обвиняютъ въ томъ, что производитъ революцію; но вѣдь ее производили и производятъ всякаго рода правительства; революціи, производимыя свободными правительствами, далеко не такъ страшны, какъ революціи, производимыя деспотическими правительствами. — «Мы видѣли, говоритъ де-Буасси,—революціи, произведенныя вслѣдствіе абсолютнаго правительства, и тогда послѣдовалъ 93-й годъ... Когда же революція совершается при представительномъ правленіи, тогда устроиваются баррикады и митральяды. Правда, король вынужденъ уѣхать въ Лондонъ; но его и не ведутъ на мѣсто Людовика XVI... Я самъ не охотникъ до революціи; но еслибъ пришлось выбирать, то я бы не затруднился. Вы пользуетесь свободой, говорятъ намъ,— я согласенъ; но достаточна ли она?... Нѣтъ... Развѣ мы мо-

жемъ вотировать законы? Нѣтъ! Когда мы хотимъ разсматривать ихъ, то намъ говорятъ, что мы не имѣемъ на то права...»

Президентъ замѣчаетъ маркизу, что собраніе повидимому нерасположено слушать его: «я весьма жалѣю о сенатѣ, возражаетъ ораторъ, потому что онъ не долженъ желать, чтобы его принимали за нѣмаго, и потому, что онъ въ теченіе двѣнадцати часовъ долженъ разсмотрѣть поведеніе цѣлаго года!... Если, продолжаетъ онъ, свобода не существуетъ...» Баронъ Гекеренъ вскакиваетъ и кричитъ: «Да, она не существуетъ!.. Это правда! Тѣмъ лучше! Отлично!» И затѣмъ Тролонъ, поддерживая своего собрата, замѣчаетъ де-Буасси, что онъ говорилъ весьма достаточно. «Вы хотите, чтобъ не было вовсе разсужденій? Берегитесь! Скажутъ вѣдь, что вы не только сами ничего не говорите, но что и другимъ не даете говорить...» Шумъ становится такъ силенъ, что несчастнаго маркиза не слышно даже самому Монитеру. Президентъ объявляетъ, что весь сенатъ желаетъ закрытія. Де-Буасси садится ворча: «хотятъ задушить свободу трибуны... Это несправедливо; горе правительству, горе странѣ, если задушатъ свободу преній!»

Такъ какъ случай этотъ могъ произвести непріятное впечатлѣніе въ публикѣ, то сенатъ пользуется первымъ вопросительнымъ знакомъ, поставленнымъ Бонжаномъ для того, чтобы рукоплескать псевдо-либеральному заявленію Руэ, который, какъ не безъ основанія ожидали, долженъ былъ помѣшать газетамъ воздвигать пьедесталъ маркизу де-Буасси и презрительно умалчивать о дебатахъ первой государственной корпораціи. Еще до открытія преній объ адресѣ нѣсколько горячившіяся газеты были приглашены «Монитеромъ» (1 февраля) остерегаться отъ критики преній. Большинство оффиціозныхъ газетъ увидѣло въ этомъ формальное запрещеніе хвалить или критиковать нашихъ настоящихъ Демосѳеновъ. Бонжанъ полагаетъ, что журналы ошиблись, а Руэ принужденъ объяснить, что запрещены невѣрные отчеты, а не обсужденіе. Но какъ распредѣлить границы между обсужденіями и отчетами? Государственный министръ не умѣетъ этого сдѣлать и журналисты должны довѣриться великодушію министра внутреннихъ дѣлъ и собственной сообразительности. Послѣ такого великодушнаго увѣренія наши испуганныя газеты мало по малу заговорили снова. Но предостереженія и сообщенія по

прежнему сыпались на нихъ дождемъ. Напрасно напоминала бѣдная «Presse», что она выбрала Луи-Бонапарта президентомъ въ 1848 году; напрасно объясняла она, что она положительно равнодушна ко всевозможнымъ родамъ правительства и желаетъ свободы только потому, что не хочетъ революціи; напрасно, подъ многоцвѣтнымъ знаменемъ Эмиля де-Жирардена, куртизанила она передъ дѣйствительностію и дѣлала самые экстравагантные выводы на воздухъ; два предостереженія упали на нее другъ за другомъ съ высоты министерскаго Олимпа. И такъ какъ *ея собственности* угрожало скорое запрещеніе, то она быстро отдѣлалась отъ редакторовъ, по милости которыхъ ее читали. Эмиль Жирарденъ и двое изъ его сотрудниковъ должны были подать въ отставку и принять чрезъ нѣсколько дней участіе въ «Liberté», католической газетѣ безъ подписчиковъ. Онъ спустилъ ее съ 15 сантимовъ на 10, и «Presse» осталась безъ подкладки *ad majorem libertatis gloriam*. Сенатъ между тѣмъ принялъ проэктъ адреса Тролона въ теченіе четырехъ засѣданій, не прибавивъ даже ни одной запятой; и депутація, въ которую, по насмѣшливой случайности, попалъ де-Буасси, торжественно отправилась представить въ Тюльери парафразу рѣчи Пандора: vous avez raison!»

II.

Послѣдній mardi-gras и даже mi-carême доказали, что покончились наши христіанскія сатурналіи. Знаменитая прогулка правнука быка Аписа, выгоняющая въ теченіе трехъ дней по крайней мѣрѣ до 500,000 парижанъ изъ дому, имѣла большое сходство съ самыми бѣдными похоронами. Число прачекъ, бѣгающихъ по случаю праздника по нашимъ бульварамъ съ открытыми грудями, было весьма незначительно. Торговцы готоваго платья, бульона и химическихъ спичекъ сами утомились отъ костюмированныхъ рекламъ. Вообще можно сказать, что веселость французовъ начинаетъ утрачивать свою славу.

Не думайте впрочемъ, что если шумная веселость исчезла съ улицы, то смѣнилась здравымъ смысломъ и благонравіемъ. Никогда еще безстыдство не доходило до такихъ размѣровъ (я говорю о прекрасномъ полѣ) на публичныхъ балахъ; никогда еще не говорили другъ другу (я говорю и о сильномъ, и о слабомъ полѣ) такихъ грубыхъ словъ; никогда

столько не объѣдались и не пили. Но и никогда такъ мало не веселились въ сущности. Оперные балы, пользовавшіеся нѣкогда европейскою извѣстностью и на которые еще рисковали отправляться получестныя великосвѣтскія дамы, теперь страшно упали. Танцами уже болѣе не интересуются, а только предлагаютъ и принимаютъ ужины; женщины предлагаются и продаются съ самыми возмутительными грубостью и цинизмомъ. Танцуютъ ли тамъ по крайней мѣрѣ? Стоитъ того! Какъ только у маленькой дамы завелись подвязки, то она всякій вечеръ можетъ поднимать свои ноги выше носа восторженныхъ переднихъ рядовъ креселъ или въ *Variétés*, или въ *Bouffes*, или въ *Porte St. Martin*, или въ *Chatelet*..

Конкурренція театра, убивающая публичные балы, не убиваетъ еще частные. Люди танцуютъ, переодѣваются, интригуютъ и стараются казаться веселыми въ салонахъ оффиціальныхъ личностей и при дворѣ. Я не стану вамъ разсказывать объ этой стереотипной картинѣ, которую всегда найдешь въ нашихъ газетахъ. Императоръ и императрица не участвовали на маскированномъ балу его высокопревосходительства X.... но въ продолженіи нѣкотораго времени были замѣчены *два таинственныхъ домино?!!*..

У господина маршала военнаго министра хозяйка дома сама должна была прибѣгнуть къ довольно компрометирующему изгнанію и навлекла на себя такимъ образомъ весьма сальное мщеніе, придуманное какими-то казарменными весельчаками, которые долго не получали повышенія. Я никогда не рѣшусь разсказывать вамъ подробности, точно также, какъ и подробности бала, на которомъ хозяйка не смѣла надѣть выбранный ею костюмъ, потому что мужъ не нашелъ его достаточно открытымъ сверху и заставилъ надѣть почти только рубашку и чулки... Внѣ журналовъ извѣстно все смѣшное и постыдное, совершающееся въ оффиціальномъ мірѣ, а изъ журналовъ публика узнаетъ, какъ велико количество платьевъ и бриллiантовъ, вывѣшиваемыхъ въ высшихъ сферахъ съ цѣлію поощренія торговли. Бѣдные, — бѣдными считаются начиная съ тѣхъ, которые не могутъ имѣть 6000 франковъ дохода — не понимаютъ толку въ экономической теоріи роскоши, въ агентахъ производства, источникахъ богатства, и возмущаются, глядя на то, какъ деньги разбрасываются. Пожирающіе бюджетъ нимало не подозрѣваютъ, сколько ненависти порождаютъ удовольствія

счастливыхъ настоящей минуты. Мнѣ приходилось слышать, какъ подписчики «Petit journal» прерывали свое чтеніе странными возгласами, которые едвали вырываются при чтеніи самой красной политической газеты.

Ввкусъ высшаго общества вовсе не рекомендуетъ то, что оно охладѣло къ Патти, не утратившей ни одного изъ качествъ своего единственнаго въ свѣтѣ голоса, такъ что она какъ будто вышла *изъ моды*. Пѣла она, напримѣръ, двѣ недѣли тому назадъ, просто невозможно было добыть мѣста въ залѣ Вантадуръ, и какъ только Патти показывалась, подымался крикъ, восторженная топотня, возобновлявшіеся до шести разъ. Теперь же можно почти положительно найти кресло, когда играетъ Патти, и если любишь музыку и знаешь, что такое пѣніе, то придешь въ изумленіе, видя, что ты чуть не одинъ выражаешь свои восторги. Со времени послѣдняго представленія Lucia di Lammermoor публика итальянской оперы будто оледенѣла къ своему идолу. Подѣйствовали ли на нее крики завистниковъ, протестовавшихъ въ своихъ фельетонахъ противъ 3000 франковъ, получаемыхъ Патти за каждое представленіе, — сумма огромная безъ сомнѣнія; но она имѣетъ право получать ее, если она ей дается за ея нравственный трудъ и если директоръ театра получаетъ по милости ея до 17500 франковъ сбора. Развѣ убѣдилась милая публика въ томъ, что слава, пріобрѣтенная знаменитой молодой дѣвушкою въ обоихъ полушаріяхъ, слишкомъ тяжела для ея маленькихъ плечъ, и хочетъ вслѣдствіе этого довести ее до скромности? Или быть можетъ она доставляетъ менѣе удовольствія въ роляхъ Церлины и Эльвиры, нежели въ роляхъ Севильскаго Цирюльника и Донъ-Пасквале?

Что касается меня, я полагаю, что Патти еще надолго останется по прежнему хороша, и такъ какъ она никогда не насилуетъ своего чуднаго голоса, останется самымъ естественнымъ, самымъ гибкимъ, самымъ мелодическимъ и самымъ чуднымъ голосомъ въ театрѣ. Но сдѣлается ли она трагической пѣвицей? Можетъ быть; особенно, если вдругъ сдѣлается женщиной подъ вліяніемъ какой либо сильной страсти. Теперь же это только ребенокъ, какъ выражается Викторъ Гюго, птичка. Пусть поетъ себѣ птичка, не станемъ упрекать ее за то, что она не женщина; иначе она скоро состарится.

За то тѣнь Моцарта можетъ считать себя удовлетворенной своей популярностью; такъ какъ Донъ-Жуанъ въ одно и

то же время игрался и въ Оперѣ, и въ Лирическомъ театрѣ. Дай только Богъ, чтобы онъ вошелъ въ моду! Я напишу вамъ въ моемъ будущемъ письмѣ, на сколько исполнилось мое желаніе. Я очень сильно надѣюсь на оперу, при участіи Форръ и m-mes Саксъ и Геймаръ, сильно также надѣюсь и на лирическій театръ при участіи г-жъ Міоланъ и Нильсонъ. Не надѣюсь только на публику. *Волшебная флейта* шла нѣсколько разъ. Но если Донъ-Жуанъ получитъ вдругъ достойный его успѣхъ, то директоры Оперы и Лирическаго театра должны будутъ опасаться революціи во вкусѣ публики, революціи, которая отвратитъ пожалуй ихъ посѣтителей отъ многихъ другихъ произведеній, выдаваемыхъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ за chefs d'oeuvres... начиная съ *Фауста* и кончая *Африканкой*.

Если бы я вздумалъ дать себѣ волю, то мнѣ пришлось бы еще написать двадцать страницъ прежде, чѣмъ я исчерпаю всѣ музыкальныя новости. Мы теперь находимся въ самомъ усиленномъ концертномъ сезонѣ. Тутъ даютъ концерты братья Мюллеры, только что выѣхавшіе изъ бѣлокурой Германіи, и съ удивительною стройностью исполняютъ квартеты Гайдна, Моцарта, Бетховена и Мендельсона. Однако (позвольте встрепенуться французскому тщеславію!), относительно чувства, быстроты и законченности у нихъ найдутся соперники, чтобы не сказать больше, въ обоихъ парижскихъ музыкальныхъ обществахъ, въ которыхъ Аларъ и Арменго первые скрипачи. Аларъ (изъ консерваторіи) пользуется европейскою извѣстностью... Арменго, ознакомившій насъ съ квартетами Мендельсона, съ каждымъ днемъ приближается къ разряду первыхъ смычковъ въ свѣтѣ.

Съ другой стороны, *филармоническое парижское общество* даетъ сегодня 18-го марта въ циркѣ Елисейскихъ Полей свой первый концертъ классической музыки, конкуррирующій съ концертами, даваемыми Паделу въ циркѣ Бульвара de filles du Calvaire. Херувимская пѣснь Бортнянскаго, пропѣтая по русски, раздѣляла успѣхъ съ утъ-минорной симфоніей Бетховена. Я упоминаю объ этомъ не изъ одной любви къ искусству: послѣ консерваторіи, общество которой есть общество аристократическое, филармоническое общество,—изъ болѣе демократическихъ артистовъ — пытается эксплуатировать искусство въ свою собственную пользу. Это прежде всего братскій союзъ двухъ кооперативныхъ обществъ *оркестра* и *хора*; и каждое

изъ нихъ отдѣльно есть настоящая ассоціація, прибыль которой дѣлится поровну между всѣми производителями. Учрежденіе этого общества, которому я не могу не апплодировать, служитъ доказательствомъ духа времени. Наконецъ-то кооперативное движеніе низшаго класса народонаселенія перешло къ классу артистовъ и если его поддерживать, то оно быть можетъ произведетъ такую же революцію въ умственномъ мірѣ, какая развивается, къ несчастію весьма медленно, за недостаткомъ политической свободы, среди рабочаго сословія. Когда-то нѣсколько драматическихъ авторовъ съ Эмилемъ Ожье во главѣ чуть не разрушили *общество драматическихъ авторовъ*, слишкомъ не кооперативное. Сильный кризисъ произошелъ среди *общества литераторовъ*. Я знаю людей, которые пишутъ уже 15, 20, 30 лѣтъ, пользуются нѣкоторою извѣстностью и которые ни за что не хотятъ вступать въ вышеупомянутое общество. Почему? Потому что оно приноситъ очень мало пользы, хотя имѣетъ значительныя средства. Нѣкоторые литераторы, которыхъ собраты считаютъ отчасти безумными и во всякомъ случаѣ утопистами, вздумали было употребить это общество для освобожденія литераторовъ отъ эксплуатаціи издателей; постоянными настаиваніями въ общихъ собраніяхъ они наконецъ добились того, что была составлена коммиссія для пересмотра статутовъ; въ сущности же эта коммиссія должна преобразовать это общество взаимнаго вспоможенія въ кооперативную ассоціацію. Движеніе это могло бы продолжать свой путь безъ большихъ *внѣшнихъ* бурь, ежели бы вдругъ не произошелъ случай по поводу книги *Trésor Littéraire*, собранія лучшихъ отрывковъ, писанныхъ на французскомъ языкѣ и компилированныхъ управленіемъ отъ имени всего общества... Сборникъ этотъ проданъ былъ въ пользу общества дому Гашеттъ и успѣлъ заслужить одобреніе министра народнаго просвѣщенія. Независимые литераторы, не желая, чтобы литература сдѣлась имперіалистскою, подняли громкіе крики: они возстали противъ куртизанства самой компиляціи, въ которой первоклассные писатели, но второстепенные бонапартисты приносились въ жертву менѣе скомпрометированнымъ, но менѣе знаменитымъ собратьямъ; они напали на бюро общества, позволившее себѣ повести общество по выгодному, но и по безчестному пути, и возстали противъ желанія навязать на шею ихъ ассоціаціи ошейникъ оффиціальной протекціи. Возстаніе противъ

Сокровища разразилось въ годовомъ собраніи литераторовъ; двѣ недѣли спустя собрались снова, и на этотъ разъ среди страшнаго шума *сокровище* и принципъ зависимости, съ нимъ соединенный, было уничтожено большинствомъ одного голоса! Бюро протестовало, угрожало вмѣшательствомъ правосудія; но торжествующая оппозиція выбрала трехъ уполномоченныхъ изъ своихъ членовъ для того, чтобы требовать у бюро объясненій. Бюро отказывается отъ всякихъ объясненій и не признаетъ ихъ законности. Уполномоченные, не имѣя никакой возможности дѣйствовать, вынуждены дожидаться новаго собранія своихъ избирателей,—я съ нетерпѣніемъ ожидаю новаго собранія общества литераторовъ, назначеннаго 15 марта. Окончаніе преній объ адресѣ въ законодательномъ корпусѣ и преній о бюджетѣ дастъ возможность привлечь нѣсколько вниманіе публики и попытаться создать литературную кооперацію, — если это только не окажется невозможнымъ при такомъ отсутствіи свободы, каково настоящее...

III.

26 февраля въ законодательномъ корпусѣ начались пренія объ адресѣ, и подобно двумъ предшествовавшимъ годамъ, Тьеръ первый *говорилъ* обо всей императорской политикѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Я съ намѣреніемъ выражаюсь *говорилъ,* потому что знаменитый орлеанистъ вовсе не ораторъ, точно также, какъ и не историкъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Ему недостаетъ роста, внушающей физіономіи, энергическихъ жестовъ и авторитета. Но онъ владѣетъ здравымъ смысломъ, тонкостью, ясностью и неимовѣрнымъ изобиліемъ словъ. Онъ могъ бы заставить себя вѣчно слушать, такъ какъ никогда не утомляетъ и всегда занимаетъ. Къ несчастію, если его критика и попадаетъ въ цѣль, — такъ какъ она никогда не превышаетъ уровня пониманія слушателей, — за то его доказательства не всегда удачны: когда читаешь его банальныя истины, составляющія его политическое евангеліе, чувствуется, что въ нихъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ принциповъ.

Начиная излагать планъ своей рѣчи, Тьеръ очень ловко оставилъ ту почву, на которую его ставили анти-имперіалистскіе избиратели Парижа. Высказавъ тотъ фактъ, что допослѣдней тронной рѣчи увѣнчаніе зданія, обѣщанное въ 1853 году, всегда выдавалось націи за несомнѣнную цѣль имперіализма,

а что потомъ, напротивъ, требованіе народной свободы считалось возмущеніемъ безпокойныхъ умовъ, вслѣдствіе чего требованіе этой свободы всегда вызывало отказы; Тьеръ не считаетъ нужнымъ возвращаться къ правамъ, признаннымъ французскою революціею, и придерживаясь исключительнаго дѣйствующаго писаннаго права, говоритъ слѣдующее: «конституція 1852 года породила два права: право династіи и право націи. Право династіи неоспоримо; никто не думаетъ дѣлать изъ него вопросъ.... но мы знаемъ тоже, что всякая новая революція только замедлитъ свободу». «Отлично», кричатъ со всѣхъ сторонъ, и лѣвая съ усмѣшкой.

Трудно найдти положительную логику у Тьера; но должно думать, что онъ лучше другихъ понимаетъ несовмѣстимость цезаризма съ настоящей свободой; и что онъ хочетъ только сбить съ толку бонапартистовъ, въ которыхъ интересы еще не заглушили всякихъ опасеній за будущее. Весьма многозначичерта настоящаго положенія вещей состоитъ въ томъ, что гораздо большее число вѣрноподданныхъ *оффиціальныхъ* депутатовъ, чѣмъ предполагаютъ, опасается теперь за свои будущіе выборы. Многіе изъ этихъ депутатовъ высказываютъ вслѣдствіе этого сильную склонность къ либеральнымъ тенденціямъ, помощь которыхъ можетъ оказаться имъ нужной на тотъ случай, если бы рекомендація гг. префектовъ, мэровъ, сельской полиціи и жандармовъ утратила какимъ бы то ни было образомъ свою прежнюю силу. Имперія, очевидно, далеко не такъ сильна и прочна, какъ прежде. Еще ни разу, съ самаго возобновленія законодательнаго корпуса, не случалось, чтобы болѣе сорока членовъ этого компактнаго большинства, удивлявшаго міръ своей единодушной покорностью, своимъ раболѣпствомъ, рѣшились бравировать громовые удары оффиціальныхъ журналовъ, сморщенныя брови государственнаго министра, и бравировать наконецъ даже явные признаки нерасположенія самого юпитера и за всѣмъ этимъ рѣшились подписать слѣдующаго рода «поправку».

«Прочность порядка не несовмѣстима съ мудрымъ прогрессомъ нашихъ учрежденій. Франція, крѣпко привязанная къ династіи, гарантирующей порядокъ, *не менѣе привязана и къ свободѣ*, которую она считаетъ необходимой для довершенія своего назначенія. Поэтому законодательный корпусъ полагаетъ, что онъ выразитъ общее чувство, принося къ подножію

трона желаніе, чтобы ваше величество дали великому акту 1860 года (т. е. декрету 24 ноября) то развитіе, къ которому онъ способенъ. Пятилѣтній опытъ, какъ мы полагаемъ, показалъ его необходимость и своевременность. Нація, болѣе тѣсно связанная съ вашею либеральною иниціативою—въ дѣлѣ веденія ея дѣлъ, будетъ тогда съ полнымъ довѣріемъ смотрѣть на будущее».

Я избавлю васъ отъ передачи жаркой полемики, возбужденной этой поправкой, какъ между оппозиціонными журналами, такъ и между журналами вѣчно довольными. Безполезно также представлять доказательства того византинизма, въ который впала великая нація. Будетъ достаточно, если я скажу, что принятіе манифеста средней партіи законодательнымъ корпусомъ было бы весьма важнымъ событіемъ при настоящемъ положеніи вещей и что даже самое его непризнаніе большинствомъ, не достаточно значительнымъ, было бы не совсѣмъ пріятнымъ симптомомъ для настоящаго правительства. Я понимаю, что либералъ, подобный Тьеру, спряталъ до времени въ карманъ свое знаніе и окрасился въ лиловый цвѣтъ бонапартизма для того, чтобы придать своей партіи наиболѣе неопредѣленности. Менѣе желательно было бы конечно, чтобы подобную опасную роль стали играть депутаты, претендующіе на демократическое направленіе. Что мнѣ за дѣло впрочемъ; развѣ принципы и честность не начали оскорбляться съ того дня, какъ прежніе представители народа и члены временнаго правительства дали присягу тому, кто вооруженною рукою измѣнилъ единственной присягѣ, которую отъ него потребовали тогда.

Если бы имперія не была имперіей, если бы ея происхожденіе и ея люди, ея ежедневныя дѣйствія были таковы, что объ нихъ можно было бы говорить открыто, то Наполеонъ III могъ бы подавить орлеанистовъ и республиканцевъ, уступивъ только часть той свободы, которую Тьеръ называетъ необходимою. Стало быть, партія Тьера требуетъ только тѣни того, что большинство націи стремится возстановить вполнѣ. Къ несчастію, имперія не находится въ благопріятномъ для этого положеніи. Этотъ добрый Тьеръ совершенно правъ, когда говоритъ, что онъ старъ, что ему нечего думать о будущемъ, — что пройдя чрезъ столько революцій, онъ можетъ думать только о сохраненіи собственнаго достоинства,

а вовсе не объ злости. Поэтому въ качествѣ стараго дитяти 1789 года онъ можетъ развѣ только оцарапать своихъ противниковъ. Но зачѣмъ человѣкъ 1830 года, человѣкъ буржуазной монархіи, ослабляетъ онъ свои либеральныя стремленія, примѣшивая къ нимъ вещи, защищаемыя современною демократіею, каково напримѣръ единство Италіи, и въ тоже время защищая такую ветошь, какъ папство, порицаемое той же демократіей.

Графъ Латуръ подобно своему предшественнику старается доказать, что если намъ недостаетъ свободы политической, то мы въ изобиліи можемъ пользоваться всѣми свободами гражданскими, кромѣ свободы завѣщаній (что весьма прискорбно конечно для дворянства, которому хотѣлось бы возстановить крупную собственность); онъ не принадлежитъ къ разряду проклинающихъ представительную систему, пригодную для многихъ, но не для французовъ, такъ какъ они отличаются слишкомъ революціоннымъ духомъ и духомъ партій. Мы не всегда были благоразумны, и вотъ почему г. Латуръ, «не забывая, что самыми свободными бываютъ народы самые благоразумные», хочетъ «быть терпѣливымъ въ своихъ надеждахъ». Короче, по его мнѣнію, прочный и солидный прогрессъ зависитъ отъ соединенія слѣдующихъ трехъ условій: религіи, имперіи и истинной свободы, т. е. свободы, умѣряемой желѣзной властью! Даже скамьи правой стороны опустѣли въ то время, какъ Латуръ говорилъ.

На слѣдующій день къ началу засѣданія онѣ были снова полны; долженъ былъ говорить одинъ изъ корифеевъ средней партіи

Г. Латуръ-Дюмуленъ начинаетъ съ заявленія того, что если онъ высказывается противъ адреса, то это не потому, чтобы онъ становился на сторону оппозиціи. Онъ всегда былъ преданъ имперіи... Заявленіе это не помѣшало однако господамъ на правой сторонѣ прервать его послѣ того, какъ онъ заявилъ, что его искренняя, испытанная и просвѣщенная преданность не мѣшаетъ ему требовать «нѣкоторой иниціативы для палатъ, свободы прессы, министерской отвѣтственности, общаго суда для преступленій печати, серьезнаго контроля надъ финансами и измѣненія въ правѣ представлять поправки». Ему не позволяютъ повторять свои указанія на Карла X (изгнаннаго революціей 1830 года) и Мартиньяка (своихъ

либеральнымъ управленіемъ отдалившаго на нѣсколько лѣтъ паденіе старшей линіи Бурбоновъ). Но такъ какъ онъ хотѣлъ возвратиться къ этому предмету, указывая на одинъ докладъ Полиньяка, въ которомъ послѣдній описываетъ общественное мнѣніе въ самомъ успокоительномъ свѣтѣ за мѣсяцъ до катастрофы, то одинъ голосъ изъ большинства имѣлъ неосторожность закричать: «вы дозволяете себѣ дѣлать предсказанія», другой голосъ, — а можетъ быть тотъ же самый, — восклицаетъ: «вы уже на половинѣ дороги». Тогда Дюмуленъ припомнилъ слова, сказанныя Гизо г. Морни, который позволилъ себѣ подавать ему совѣты въ 47 г., «перейдите на лѣвую сторону». Громкія рукоплесканія слѣдуютъ за этими словами. «И если бы я могъ обратиться къ императору, то сказалъ бы ему: «Ваше величество, вы уже много сдѣлали для Франціи, вы можете сдѣлать еще болѣе, и упрочить будущность, давъ ей должную свободу. Все, чего мы у васъ просимъ, это имѣть возможность въ день восшествія на престолъ Наполеона IV провозгласить вмѣстѣ со всей Франціею: «Да здравствуетъ императоръ!»» Пріемъ, которымъ были встрѣчены эти слова, доказывалъ, что большинство законодательнаго корпуса хочетъ остаться равнодушнымъ къ прошедшему, довольнымъ настоящимъ.—Памаръ противопоставляетъ «увѣнчанію зданія» коалицію партій, которую нужно разбить, давъ народу даровое, но не обязательное образованіе; продолжая дѣлать экономіи, отказавшись отъ дальнихъ завоеваній и экспедицій; содержа въ департаментахъ достаточное количество свободныхъ и здравомыслящихъ людей для того, чтобы противодѣйствовать интриганамъ и честолюбцамъ; стараясь отыскать между защитниками имперіи въ составѣ законодательнаго корпуса такихъ депутатовъ, которые бы готовы были выдерживать пренія по всѣмъ встрѣчающимся предметамъ, такъ какъ настоящіе правительственные ораторы похожи на лошадей съ разбитыми ногами. «Посмотрите на г. Бильо—онъ чуть живъ; г. Барошъ — чтобы отдохнуть, онъ долженъ былъ наслѣдовать положеніе Лопиталя, Матьё, Моле и д'Агессо. А Руланъ!—онъ до того усталъ, что «отказался отъ чести говорить передъ палатами и отыскалъ себѣ убѣжище въ одномъ финансовомъ учрежденіи, оказавшемъ большія услуги въ трудное время». Руэ! — онъ остается только одинъ... Значитъ, — продолжаетъ ораторъ, смущенный нѣсколько смѣхомъ аудиторіи,—

все обстоитъ благополучно: нашей демократіи нечего завидовать англійской аристократіи, и императору должна быть предоставлена свобода увѣнчать зданіе, о прочности котораго онъ одинъ только и можетъ судить; нужно только просить о томъ, чтобъ онъ избавилъ насъ какъ можно скорѣе отъ этой коалиціи, которая подъ лживымъ именемъ либеральнаго союза въ сущности ничто иное, какъ раздоръ, брошенный въ среду народа и порождающій только смуты и ненависть; раздоръ, который, далеко не будучи средствомъ прогресса — какъ это несправедливо предполагаютъ — служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ большимъ препятствіемъ къ расширенію и утвержденію нашей свободы.»

Почтенный Глэ-Бизуанъ съ юношеской гордостью протестуетъ противъ отсутствія естественныхъ и гражданскихъ правъ, требуемыхъ Франціею уже въ теченіи 77 лѣтъ; протестуетъ противъ полнаго нравственнаго, вовсе незаслуженнаго разложенія нашего отечества. Это навлекаетъ ему призывъ къ порядку, за которымъ слѣдуетъ и другой, сдѣланный по поводу одной фразы,—фразу эту ораторъ думалъ примѣнить только къ восшествію Максимиліана на мехиканскій престолъ. Увлекаясь далѣе, онъ сравниваетъ нашъ походъ въ Мехику съ походомъ Наполеона за Пиренеи и предсказываетъ подобный же конецъ. Не обращая вниманія ни на возраженія барона Бенуа, поэта куртизана Бельмонте, ни на шумъ тѣхъ, кто не въ силахъ ему противорѣчить, и не смотря на свой слабый голосъ, онъ продолжаетъ, говоря по прежнему скорѣе для *Монитера*, для страны, нежели для палаты. Онъ показываетъ, какою опасностью можетъ угрожать Кохинхина, Мехика, Алжирія и Италія, если руководство огромной націи будетъ предоставлено фантазіи одного человѣка. Послѣ военной славы, императорская власть болѣе всего претендуетъ сдѣлаться другомъ и исключительнымъ покровителемъ рабочихъ классовъ; онъ напоминаетъ, что будто «никогда еще не чувствовали къ нимъ такой любви, какъ во времена Генриха IV № 2». Съ большимъ умомъ замѣчаетъ Глэ-Бизуанъ, что этотъ Генрихъ никогда однако не давалъ обѣщанной крестьянину курицы, и доказываетъ, что еслибы настоящее правленіе любило народъ болѣе, нежели любили его прежнія правленія, то оно должно было бы начать съ того, чтобы сбавить военную службу съ 7 на 2 года, уничтожить соляную пошлину, пошлину на съѣстные припасы и хотя бы измѣнить акцизъ на напитки. Говоря о пра-

вахъ, которыми владѣла Францiя уже въ теченіе 45 лѣтъ и которыя были уничтожены coup d'Etat и отлагаемы имперiею, онъ заклинаетъ власть не допускать до смутъ и не ждать слишкомъ долго для того, чтобы потомъ искать себѣ спасенiя въ какихъ нибудь *добавочныхъ актахъ*. Возражая на перерывы, которыми не перестаютъ его подчивать Кассаньяки, онъ утверждаетъ, что свобода составляетъ душу Францiи и пр. Самъ государственный министръ даетъ въ эту минуту сигналъ къ оскорбительнымъ возраженiямъ и баронъ Жеромъ Давидъ (сродни покойному принцу Жерому) острить. Но Глэ-Бизуанъ продолжаетъ и описываетъ возбужденіе общественной совѣсти противъ раболѣпства и развратности прессы. И въ то самое время, когда онъ начинаетъ представлять рядъ изображенiй министра внутреннихъ дѣлъ, запрятавшагося подобно зайцу въ своемъ кабинетѣ и приподнимающаго уши по поводу всего, что пишется и что заслуживаетъ быть прочитано въ разрѣшенныхъ газетахъ, — его вдругъ останавливаетъ его превосходительство г. Руэ, крича самымъ оффицiальнымъ голосомъ патентованнаго защитника правительства: «это не политика, а *пасквинада!*»; большинство рукоплещетъ. Безсильное же меньшинство, подъ предводительствомъ Гарнье-Паже, Жюля Симона, Пелльтана, напоминаетъ о порядкѣ государственному министру, оскорбившему депутата и слѣдовательно и страну. Нѣкто Дидье говоритъ: «вы правы, министръ!» А когда самъ Оливье отвергалъ право министра давать оскорбительныя названiя рѣчи оратора, то нѣкто Пиччiони принимается кричать: «Оскорблять такъ, какъ оскорбляли сейчасъ правительство, не позволительно. Насъ тоже не уважаютъ. Мы не можемъ терпѣть этого и не потерпимъ!» — «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!» вторитъ хоръ удовлетворенныхъ. «Я съ величайшимъ *презрѣнiемъ* отношусь къ словамъ г. государственнаго министра», говоритъ Глэ-Бизуанъ, пытающiйся съизнова начать свою прерванную рѣчь. Но со всѣхъ сторонъ, кромѣ нѣсколькихъ скамей крайней лѣвой стороны, требуютъ закрытiя, и оно произносится среди невыразимаго крика и безпорядка.

Случай этотъ, происшедшiй на засѣданiи 27 февраля и сдѣлавшiйся извѣстнымъ къ вечеру въ Парижѣ, произвелъ сильное волненiе въ кружкахъ, еще разсуждающихъ о политикѣ. Поведенiе Глэ-Бизуана (не смотря на то, что «Монитеръ» старался лишить его всякаго характера и замѣнилъ слово *пре-*

арпніе словомъ *пренебреженіе*), поведеніе Глэ-Бизуана, говорю я, заслужило вообще одобреніе. На другой день ждали еще какихъ нибудь значительныхъ сценъ; поговаривали объ отставкѣ большинства парижскихъ депутатовъ; говорили также и о новомъ coup d'Etat. Съ какимъ нетерпѣніемъ развертывался на другой день «Монитеръ» отъ 1 марта!

Всеобщее разочарованіе! Ни слова о Глэ-Бизуанѣ. Жюль Фавръ говоритъ по поводу 1 параграфа адреса и объ дружескомъ союзѣ Франціи съ Англіею, о всеобщемъ мирѣ, критикуетъ съ торжественною важностью трактатъ 13-го февраля 1843 года, о выдачѣ преступниковъ. Руэ съ такимъ же спокойствіемъ требуетъ отъ законодательнаго корпуса одобренія поведенію правительства въ этомъ международномъ дѣлѣ. Фавръ возражаетъ и большинство принимаетъ спокойно параграфъ 1. Затѣмъ Гарнье-Паже нападаетъ на свѣтскую власть папы. Католическій бонапартистъ Шенелонъ защищаетъ св. отца, императорское величество и конвенцію 15-го сентября. Де-Пире называетъ знаменитую псевдо-католическую и псевдо-папскую конвенцію — «мирнымъ удушеніемъ свѣтской власти» и на требованіе президента объяснить это нѣсколько сильное выраженіе говоритъ: «Протекція Франціи Риму походитъ на peau de chagrin романа Бальзака; только уменьшаясь она и можетъ доказать свою доброкачественность». Но онъ обѣщаетъ впрочемъ подать голосъ въ пользу перваго параграфа. Ему апплодируютъ со смѣхомъ. Пире вызываетъ возраженія Геру, это —главный редакторъ Opinion national, отецъ (со смерти Анфантена) сенъ-симонистской церкви и религіозный врагъ католической, апостольской и римской церкви. Онъ ничего не имѣетъ, говоритъ онъ своимъ самымъ сладенькимъ голосомъ, противъ своего собрата, преемника св. Петра; онъ полагаетъ даже, что еслибъ вовсе исключить изъ адреса и изъ дѣйствительности слова: *свѣтская власть необходима*, то духовная власть папы, избавленная отъ единственной власти, которую надъ ней имѣетъ правительство, только усилилась бы отъ этого. Поэтому-то онъ и не рѣшается прямо требовать, чтобы папа пущенъ былъ по міру со своими благословеніями; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и не боится торжества англиканизма въ томъ случаѣ, еслибъ папа принужденъ былъ оставить вѣчный городъ. Онъ удовольствовался бы тѣмъ, если бы Пій IX лишился всякой власти; еслибы римляне стали настоящими итальянцами и

пользовались бы тою свободой, которой пользуется Франція.— Какой свободой? восклицаетъ неожиданно Глэ-Бизуанъ. Геру перечисляетъ: свободой прессы съ предостереженіями, публичностью судебныхъ преній только не въ печати, suffrage universel съ правительственными кандидатами и пр. и пр. Большинство развеселяется, слышны крики одобренія и Геру, не будучи вовсе ораторомъ, имѣетъ полный ораторскій успѣхъ. Кольбъ-Бернаръ съ рукописью въ рукахъ угрожаетъ народу и королямъ самыми жестокими наказаніями, въ случаѣ низложенія папы. Жюль Фавръ—неистощимый запасъ краснорѣчія—повторяетъ въ новой формѣ теорію раздѣленія властей, невозможность реформы свѣтской власти въ томъ смыслѣ, въ какой ее желало французское правительство. Онъ за одно съ Геру хочетъ, чтобы эпитетъ «свѣтская власть папы» былъ исключенъ изъ адреса для того, чтобы христіанство перешло изъ феодальнаго періода въ періодъ философскій, ибо «самъ онъ вовсе не атеистъ». «Религія Христа и его апостоловъ есть моя религія,—говоритъ онъ,—бойтесь обидѣть Бога, предполагая, что его вѣчная догма можетъ быть подчинена людскимъ страстямъ и заблужденіямъ». Этотъ конецъ, похожій на проповѣдь въ нео-католическомъ духѣ, весьма удивилъ публику и такъ хорошо принятъ, что *Монитеръ* счелъ долгомъ заявить, будто аплодисментамъ не было конца. Тѣмъ не менѣе Гранье-де-Кассаньякъ продолжаетъ защищать фразу о *временной власти папы*, необходимой этому послѣднему для того, чтобы остаться первымъ, свободнымъ — словомъ, хозяиномъ у себя. Собраніе вотируетъ параграфъ 2 адреса большинствомъ 218 голосовъ противъ 18.

Засѣданіе 2-го марта было также мирно, какъ и предшествовавшее. Жюль Фавръ удивлялся, какъ Франція допустила Пруссію и Австрію разорвать съ такимъ пренебреженіемъ конвенцію 1852 года по датскимъ дѣламъ. Моренъ довольно ясно высказываетъ мысль, что не худо бы ввести въ адресъ маленькое выраженіе неудовольствія палаты на Гаштейнскую конвенцію и той (платонической) привязанности, которую питаетъ Франція къ Даніи. Тьеръ поддерживаетъ Морена и говоритъ, что молчаніемъ своимъ законодательный корпусъ доказалъ бы только, что онъ отказывается отъ своей роли.

Вслѣдствіе всѣхъ дебатовъ на слѣдующій день комиссія вноситъ въ адресъ слѣдующую мягкую и глухую фразу: «Мы одобря-

емъ политику вашего величества относительно Германіи — эта неправильная политика, которая, не оставляетъ Францію равнодушной къ внѣшнимъ событіямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ согласна съ ея интересами. Моренъ вмѣстѣ съ Жюлемъ Фавромъ предлагаетъ болѣе энергическую редакцію; но при помощи разъясненій Руэ, фраза коммиссіи проходитъ большинствомъ 238 голосовъ противъ 14. А между тѣмъ наши псевдо-либеральныя газеты провозглашали четыре дня сряду побѣду. О случаѣ съ Глэ-Бизуаномъ никто и не упоминалъ. Этотъ послѣдній не присутствовалъ на обѣдѣ у человѣка, о которомъ онъ выразился съ презрѣніемъ. Крайняя лѣвая сторона осталась въ томъ убѣжденіи, что она сдѣлала серьезный выговоръ правительству.

IV.

Нелѣпый и страшный мехиканскій вопросъ, болѣе чѣмъ какой либо другой, тревожитъ въ настоящее время общественное мнѣніе Франціи, и общество съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидало его обсужденія въ законодательномъ корпусѣ. Но правительство весьма искусно отклонило его при преніяхъ объ адресѣ и отсрочило до разсмотрѣнія бюджета, подъ предлогомъ, что ожидается отвѣтъ отъ императора Максимиліана на сообщенія, сдѣланныя ему французскимъ правительствомъ. Было основаніе опасаться, что эта отсрочка есть только одна увертка со стороны правительства, чтобы вовсе избѣжать преній по мехиканскому вопросу, но оппозиціи удалось съ помощію средней партіи вынудить у государственнаго министра формальное объявленіе, что законодательному корпусу дана будетъ возможность обсудить этотъ вопросъ при разсмотрѣніи бюджета.

Пренія касательно Кохинхины и колоній не представляютъ ничего замѣчательнаго, хотя въ нихъ и принялъ участіе Кассаньякъ, этотъ защитникъ рабства, состоявшій нѣкогда на жалованьи у креоловъ. Что же касается до преній, которыя были возбуждены депутатомъ нижней Луары, Ланжюине, касательно бѣдственнаго положенія Алжиріи, то они весьма замѣчательны въ томъ отношеніи, что тутъ дѣло касалось лично его величества, который своимъ «арабскимъ королевствомъ» изволилъ привести въ страхъ и смятеніе всѣхъ алжирскихъ колонистовъ. Тщетно оффиціальный ораторъ, генералъ Алларъ,

старался убѣдить, что знаменитое «арабское королевство» есть не болѣе, какъ призракъ, — Беррье и Ланжюине раскрыли до послѣдней очевидности всю нелѣпость этой императорской затѣи и всю опасность сенатскаго постановленія, которое оставляетъ арабовъ подъ мусульманскими законами, совершенно противоположными законамъ Франціи, и уравниваетъ ихъ относительно военной службы съ природными французами. Они доказывали, что пріемъ арабовъ во французскую армію можетъ отозваться весьма дурными послѣдствіями въ случаѣ возстанія, и что вообще дисциплинированные арабы будутъ такимъ орудіемъ, которое можетъ быть употреблено для какихъ угодно цѣлей, и даже прямо противъ ихъ новаго отечества, котораго законы имъ совершенно чужды, какъ это справедливо замѣтилъ въ сенатѣ маркизъ Буасси. Беррье отвѣчалъ государственный министръ. Въ рѣчи его мало успокоительнаго для колонистовъ, хотя онъ и утверждалъ, что правительство заботливо печется объ ихъ интересахъ...

Затѣмъ наступили пренія касательно 5-го параграфа, въ которомъ воздаются восхваленія императорскому правительству за духъ свободы и порядка, съ какимъ совершились будто бы послѣдніе муниципальные выборы, и за то, что мэры почти повсемѣстно назначены изъ числа избранныхъ всеобщей подачей голосовъ. Въ преніяхъ приняли участіе три оратора, которыхъ демократія до сихъ поръ и не подозрѣвала въ томъ, что они могутъ имѣть свои мнѣнія. Эти ораторы съ большимъ жаромъ обличали недостатки теперешняго порядка вещей, графъ Галле-Клапаредъ утверждалъ, что назначеніе мэровъ не изъ числа избранныхъ въ члены муниципальныхъ совѣтовъ есть почти повсемѣстно ничто иное, какъ месть со стороны администраціи за пораженіе, потерпѣнное ею на выборахъ, и что администрація нерѣдко руководилась въ этомъ случаѣ такими соображеніями, которыя имѣли своимъ результатомъ назначеніе въ мэры людей, не только неспособныхъ и не пользующихся хорошей репутаціей, но даже и просто нечестныхъ. Онъ утверждалъ, что можетъ указать примѣры назначенія на должность мэровъ такихъ людей, которые по судебнымъ приговорамъ признаны были виновными въ нанесеніи увѣчья, въ нанесеніи оскорбленій, и наконецъ даже такихъ, которые навлекли на себя важныя подозрѣнія въ мошенничествѣ, — онъ говорилъ, что во многихъ мѣстностяхъ населеніе

пыталось протестовать противъ подобныхъ назначеній, но протесты были задавлены администраціей, которая своими предостереженіями заставила молчать журналы и лишила обывателей всякой возможности заявить о справедливыхъ своихъ сѣтованіяхъ. Гери подтвердилъ слова графа Клапареда,—онъ указалъ на мэровъ, которые прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы доставить большинство правительственнымъ кандидатамъ, вербовали съ этой цѣлію избирателей даже между отсутствующими и умершими и на мѣсто французскихъ гражданъ подставляли пруссаковъ. Большинство наконецъ пришло въ раздраженіе, и когда герцогъ Мармье сталъ подтверждать новыми аргументами справедливость того, что было сказано и Клапаредомъ и Гери, то ему не дали говорить. Министръ-президентъ государственнаго совѣта, г. Вюитри, отвѣчалъ голословнымъ отрицаніемъ и большинство вотировало, что ничего не можетъ быть совершеннѣе нашихъ муниципальныхъ выборовъ.

Лѣвая сторона воздержалась отъ участія въ преніяхъ по вопросу о матеріальномъ и нравственномъ улучшеніи рабочаго класса, сберегая свои силы для предстоящихъ преній касательно закона о кооперативныхъ обществахъ. Г. Пинаръ высказалъ нѣсколько довольно пошлыхъ замѣчаній противъ стачекъ, что впрочемъ не помѣшало ему вотировать вмѣстѣ съ правой стороной похвалы закону, противъ котораго онъ говорилъ.

Всѣ засѣданія, начиная съ 7 и до 12 марта, почти исключительно были заняты преніями касательно плачевнаго состоянія земледѣльческой промышленности. Пренія были очень живы и возбудили такой интересъ, что въ немъ почти безразлично приняли участіе всѣ фракціи собранія. Протекціонистъ Пуйе-Кертье, авторъ обсуждавшейся поправки къ проэкту адреса, утверждалъ, что причина бѣдственнаго положенія земледѣлія заключается въ свободной торговлѣ хлѣбомъ. Онъ привелъ множество цифръ, стараясь доказать, что упадокъ цѣны на хлѣбъ мѣстнаго производства есть главная причина всѣхъ бѣдствій, какія терпятъ въ настоящее время 26 милліоновъ французовъ, занимающихся земледѣліемъ, и что этотъ упадокъ цѣны произошелъ вслѣдствіе конкурренціи иностраннаго хлѣба. Его предложеніе состояло не въ возстановленіи прежней подвижной пошлины, а въ томъ, чтобы не ожидая результатовъ обѣщаннаго правительствомъ изслѣдованія о состояніи земле-

дѣльческой промышленности, теперь же установить постоянную опредѣленную пошлину съ привознаго хлѣба по 2 фр. съ гектолитра, пока цѣна на внутреннихъ рынкахъ не поднимется выше 20 фр. за гектолитръ. Ему возражалъ баронъ де-Вос̆ъ, приверженецъ свободной торговли. Онъ указалъ, что установленіе постоянной 2-хъ франковой пошлины будетъ имѣть дурныя послѣдствія и для потребленія и для производства, что многія цифры, приведенныя г. Кертье, совершенно ошибочны, и съ замѣчательнымъ блескомъ доказалъ, что если дѣйствительно земледѣльческая промышленность во Франціи находится теперь въ бѣдственномъ положеніи, то этому другія причины, весьма сложныя, а вовсе не иностранная конкурренція. Земельная собственность,—объясняетъ онъ, — по исчисленію, сдѣланному въ 1851 году, представляетъ цѣнность въ 80 милліардовъ; валовой доходъ съ нея простирается до 5 милліардовъ, а чистый доходъ — до 3-хъ милліардовъ. Она выплачиваетъ ежегодно 600 милліоновъ процентовъ по ипотечному долгу (весь ипотечный долгъ простирается до 10 милліардовъ) и 600 милліоновъ налога, слѣдовательно, изъ 3-хъ милліардовъ чистаго дохода надо исключить 1,200 милліоновъ. Въ послѣдніе двадцать лѣтъ, правительство, дѣлая свои займы не у банкировъ, а прямо у гражданъ, взяло этимъ займомъ изъ образующагося въ народѣ капитала 2 милліарда, 300 милліоновъ, капиталъ банка удвоился; превращеніе ренты уменьшило оборотный капиталъ Франціи на 130 милліоновъ, ипотечный заемъ и иностранныя желѣзныя дороги уменьшили его на 8 милліардовъ; присоединяя сюда капиталъ, обращенный на операціи кредитныхъ учрежденій по залогу движимостей и недвижимостей, оказывается, что въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ извлечено изъ земледѣльческой промышленности 14-ть милліардовъ. Нуждаясь въ капиталахъ и не имѣя возможности достать капиталы по дешевой цѣнѣ, мелкая земельная собственность дошла до того бѣдственнаго положенія, что изъ 7,846,000 мелкихъ собственниковъ три милліона придется освободить отъ личнаго налога, потому что они стали совсѣмъ *неимущіе!* Не забывайте при этомъ, что разнаго рода пошлины, взимаемыя при переходѣ недвижимости изъ однѣхъ рукъ въ другія, не принимаютъ во вниманіе ипотечныхъ долговъ и до такой степени велики, что въ 80-тилѣтней сложности должны образовать сумму, равную всей земельной цѣнности. Есть департа-

менты, какъ убійственно ясно доказалъ баронъ де-Восъ, гдѣ земельная собственность платитъ фиску 29%. Въ общемъ итогѣ количество разнаго рода судебныхъ пошлинъ, взимаемыхъ фискомъ при переходѣ изъ однихъ рукъ въ другія земельной собственности, при цѣнѣ до 300 франк., составляетъ 122% относительно всей цѣнности переходящаго имущества; 100%— съ переходящей земельной собственности цѣною до 500 франковъ; 70%— при цѣнѣ отъ 2,000 до 3,000 франковъ; 35% — отъ 5,000 до 10,000 франк. Замѣтьте при этомъ, что земельная собственность дробится все болѣе и болѣе. И такъ, въ нашей демократической странѣ, налогъ, платимый земельною собственностію, обратно пропорціоналенъ ея цѣнности и, въ буквальномъ смыслѣ слова, убиваетъ мелкую собственность. Де-Восъ доказалъ эти выводы неопровержимыми цифрами, и рѣчь его, по всей вѣроятности, произведетъ сильное впечатлѣніе въ нашей провинціи. Законодательный корпусъ былъ пораженъ его доводами, и какъ только онъ кончилъ, раздались горячія жалобы со стороны депутатовъ-землевладѣльцевъ на поземельное кредитное учрежденіе и на сіамскаго его братца,—земледѣльческое кредитное учрежденіе. А давно ли еще превозносили эти учрежденія, какъ великія, геніальныя созданія имперіи, которыя доставятъ неслыханное благоденствіе возлюбленному сельскому населенію, такъ усердно вотировавшему за президента и императора въ 1848, 1861 и 62 годахъ!— Директоръ названныхъ нами кредитныхъ учрежденій Фреми, имѣющій честь быть членомъ законодательнаго корпуса, привыкши къ акціонернымъ собраніямъ, гдѣ акціонеры обыкновенно поддакиваютъ ему во всемъ, закрывши глаза, — онъ вообразилъ, что и здѣсь имѣетъ дѣло съ какими нибудь ничтожными акціонерами, и что достаточно будетъ ему только поговорить, чтобъ зажать всѣ рты, но представленныя имъ объясненія оказались столь неловкими, что собраніе встрѣтило ихъ гомерическимъ смѣхомъ. Объяснивъ, что поземельное кредитное учрежденіе не могло ссужать землевладѣльцевъ, потому что они — недостаточно надежные заемщики и требуютъ долгосрочныхъ ссудъ, онъ пустился доказывать, что тѣмъ не менѣе учрежденіе это оказало великую услугу тѣмъ, что оно по крайней мѣрѣ въ шесть разъ подняло цѣнность городской собственности и такимъ образомъ обогатило домовладѣльцевъ, и что жильцы не имѣли никакого основанія роптать на возвы-

шеніе квартирныхъ цѣнъ, такъ какъ они «платятъ только то, что вещь стоитъ»... Не болѣе посчастливилось Фреми и въ той части его объясненій, гдѣ онъ старался опровергнуть намекъ, сдѣланный Пуйе-Кертье относительно циркуляра, которымъ поземельное кредитное учрежденіе приглашало всѣхъ, имѣющихъ съ нимъ текущіе счеты, воспользоваться выгодами не знаю какого-то займа, австрійскаго или турецкаго.—Въ отвѣтъ на его объясненія г. Брамъ цитировалъ самый циркуляръ и сдѣлалъ слѣдующій выводъ: «оба кредитныя учрежденія, и земледѣльческое и поземельное, стремятся со всевозможною точностію выполнить ихъ назначеніе,—они не забыли даже и дренажъ, и осушаютъ французскіе капиталы, переводя ихъ въ руки иностранцевъ».

Оффиціальному оратору, Форкаду-де-ла-Рокетту, не трудно было опровергнуть то, что было преувеличеннаго въ тезизѣ г. Пуйе-Кертье, и доказать, что изобиліе хлѣба не есть еще очень большое соціальное зло и что теперешній кризисъ земледѣльческой промышленности слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ тѣмъ бѣдствіямъ, какимъ въ послѣдніе годы подверглись винодѣліе, шелководство и скотоводство. Но совершенно тщетными оказались всѣ его усилія доказать, что правительство будто бы сдѣлало съ своей стороны все, что должно было сдѣлать, чтобъ воспрепятствовать отвлеченію капиталовъ отъ земледѣльческой промышленности и предохранить эту промышленность отъ того зла, какое ей нанесло чрезмѣрное развитіе ажіотажа и разнаго рода предпріятій. Его ультра-хвалебное краснорѣчіе вызвало весьма непріятные для правительства возгласы даже въ средѣ самаго чистаго большинства, и ему отказано было въ обычномъ торжествѣ оффиціальныхъ ораторовъ: выслушавъ его рѣчь, собраніе не отвергло тотчасъ же обсуждавшейся поправки, противъ которой онъ возражалъ, и продолжало преніе. Впрочемъ, надо замѣтить, нѣкоторые члены большинства, которые сначала поддерживали поправку, видя, что правительство очень серьезно смотритъ на ихъ оппозиціонныя поползновенія, отступились отъ нея. Г. Пуйе-Кертье снова говорилъ въ пользу своего предложенія. Ему отвѣчалъ баронъ Бенуа, какъ практическій земледѣлецъ. По его мнѣнію надо благодарить провидѣніе за изобильныя жертвы, надо радоваться значительному прогрессу, какой сдѣланъ въ послѣднее время земледѣльческимъ рабочимъ классомъ, и для

того, чтобъ улучшить положеніе земледѣльческой промышленности, не слѣдуетъ стѣснять хлѣбную торговлю, какъ это предлагаютъ, а надо стараться расширить торговлю скотомъ, содѣйствовать увеличенію винокуренныхъ заводовъ, устраивать каналы, не продавать казенныхъ лѣсовъ (какъ это въ прошломъ году хотѣлъ сдѣлать Фульдъ, чтобъ избѣжать займа), уменьшить налоги, сдѣлать хорошій сельскій кодексъ и расширить сферу дѣятельности муниципальныхъ совѣтовъ, то есть—что впрочемъ г. Бенуа воздержался прямо высказать, но это по временамъ не перестаетъ повторять г. Пикаръ — политической свободой укрѣпить экономическую свободу и сдѣлать ее плодотворной. — Тьеръ, какъ горячій приверженецъ всѣхъ предразсудковъ самой отсталой экономической секты, съ обыкновенною своею изумительною легкостію и безъ всякой глубины мысли, поддерживалъ протекціонизмъ и ставилъ правительству въ вину вредныя послѣдствія, какія имѣла отмѣна подвижной пошлины (и дѣйствительно, можетъ быть, что отмѣна была сдѣлана слишкомъ поспѣшно, безъ должной подготовки). Руэ, столь же ревностный защитникъ торговой свободы какъ и ревностный врагъ свободы политической, съ большою живостію защищалъ свое произведеніе, законъ 1861 года. Послѣ его длинной оффиціальной рѣчи большинство потребовало голосованія и изъ 222 вотировавшихъ 192 подали голоса противъ протекціонистской поправки.

Пренія касательно земледѣльческой промышленности снова возобновились по случаю другой поправки къ проэкту адреса, въ которой лѣвая демократическая сторона требовала понизить пошлины, взимаемыя при переходѣ земельной собственности изъ однихъ рукъ въ другія, такъ какъ эти пошлины окончательно разоряютъ мелкую собственность, — сократить военный контингентъ,—совсѣмъ уничтожить, или по крайней мѣрѣ понизить заставныя пошлины, — умѣрить работы по украшенію городовъ, которыя производятся въ настоящее время на столь значительные капиталы. Маньенъ, депутатъ отъ Котъ-д'Ора, произнесъ превосходную рѣчь въ защиту этой поправки, и заключилъ слѣдующей перифразой знаменитыхъ словъ барона Луи: «дайте странѣ хорошія политическія учрежденія, и тогда будетъ процвѣтать ея земледѣльческая промышленность». Одинъ изъ членовъ коммиссіи, которая составляла проэктъ адреса, Жоссо, обнаружилъ большое безпокойство,

чтобъ публика и въ особенности многіе избиратели не подумали, что только одна лѣвая сторона и желаетъ того, чего всегда желалъ и желаетъ народъ, — уменьшенія и уничтоженія разныхъ налоговъ. Онъ старался увѣрить, что если проэктъ адреса не заключаетъ въ себѣ никакихъ обѣщаній касательно исполненія этихъ желаній народа, то единственно потому, что законодательный корпусъ желаетъ совершенно предоставить ихъ осуществленіе тому изслѣдованію о состояніи земледѣльческой промышлениости, которое его величеству угодно было взять на свою иниціативу. «Зачѣмъ,—воскликнулъ онъ—вдаваться «намъ теперь въ разныя подробности! это было бы совершенно «безполезно. Не слѣдуетъ допускать, чтобы вопросъ о земледѣль«ческой промышленности превратился въ оппозиціонное ору«жіе противъ правительства. Обратимъ всѣ наши силы на «предстоящее изслѣдованіе, возвѣщенное императоромъ, — «пойдемъ на этотъ зовъ съ такимъ же единодушіемъ, какъ «если бы мы шли на пожаръ, безъ различія партій, от«ложивъ въ сторону всѣ наши разногласія». — Хорошо, — отвѣчалъ ему г. Пикаръ, — но только съ однимъ условіемъ: примите наше предложеніе, чтобы изслѣдованіе было произведено самимъ законодательнымъ корпусомъ и чтобы при этомъ была допущена самая широкая гласность. Можетъ ли изслѣдованіе привести къ какимъ нибудь серьезнымъ результатамъ, если имъ будутъ руководить тѣ самые люди, которые отказываютъ самымъ почтеннымъ гражданамъ двухъ департаментовъ въ дозволеніи основать земледѣльческіе журналы, которые заставляютъ бургундскихъ винодѣловъ отправляться въ Женеву для обсужденія своихъ дѣлъ, которые не дозволяютъ винодѣламъ Жиронды собраться въ Парижѣ, не смотря на то, что они обѣщаютъ вовсе не касаться политики, и даже не касаться вопроса о заставныхъ пошлинахъ! Нѣтъ, до тѣхъ поръ вы ничего не сдѣлаете, пока не пригласите свободу... — Она теперь путешествуетъ для поправленія здоровья—прервáлъ его баронъ Рейнахъ.—«Изслѣдованіе — продолжалъ Пикаръ, на каждомъ почти словѣ призываемый къ порядку Валевскимъ, — которое хочетъ сдѣлать земледѣльческій вопросъ правительственною монополіей, такое изслѣдованіе есть химера.... Спрашивая мнѣніе префектовъ, которые въ свою очередь спросятъ мнѣнія мэровъ, правительство ничего болѣе не узнаетъ, какъ только свое собственное мнѣ-

ніе.... Считая себя непогрѣшимымъ, правительство хочетъ безъ нашего вѣдома устроить наше счастіе, котораго между тѣмъ не устроиваетъ....» Министръ-президентъ государственнаго совѣта, замѣчая, что рѣчь парижскаго депутата произвела нѣкоторое впечатлѣніе на собраніе, поспѣшилъ объявить, что обсуждаемое предложеніе заключаетъ въ себѣ «недовѣріе къ правительству, недовѣріе, ничѣмъ не оправданное»... «Я считаю излишнимъ — прибавилъ онъ — останавливаться на вопросѣ, имѣетъ ли право законодательный корпусъ самъ производить изслѣдованіе.... я увѣренъ, что вы отвергнете обсуждаемое предложеніе и останетесь вѣрны тѣмъ чувствамъ взаимнаго довѣрія , которыя всегда существовали и, надѣюсь, всегда будутъ существовать между правительствомъ и законодательнымъ корпусомъ.»

И собраніе немедленно отвергло поправку большинствомъ 223 голосовъ противъ 23. На другой день, когда лѣвая сторона предложила, по крайней мѣрѣ, призвать къ участію въ изслѣдованіи генеральные и муниципальные совѣты, къ 23 голосамъ оппозиціи присоединилось еще 18. Однако безгранично преданныхъ оказалась весьма почтенная цифра, 201.

По случаю обѣщанія, даннаго правительствомъ, представить законъ о погашеніи государственнаго долга, предложено было сдѣлать къ проэкту адреса дополненіе, въ которомъ выражалась та мысль, что правительство должно озаботиться погашеніемъ, потому что «этого требуетъ вѣрное исполненіе государствомъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ.» Пренія по этому предложенію были очень непродолжительны. Беррье, знаменитый ораторъ легитимизма, горячо возсталъ при этомъ случаѣ противъ тѣхъ финансистовъ, которые повидимому не признаютъ, чтобы государство было также обязано, какъ и всякій должникъ, платить свои долги и поддерживать цѣнность своихъ долговыхъ бумагъ. Онъ сказалъ, что правительство своими займами влечетъ насъ въ пропасть и что императорское правительство стоитъ Франціи очень дорого: къ 1-му августа 1852 года государственный долгъ Франціи простирался до 5 милліардовъ, а къ 1-му января 1866 года онъ возросъ до 10 милліардовъ, «конечно — поспѣшилъ онъ прибавить,—теперешнее поколѣніе должно нести свою долю тѣхъ тягостей, которыя оно создало для будущаго». Ему отвѣчали министръ-президентъ государственнаго совѣта, г. Вюитри, и

члены адресной коммиссіи, Сегри и Леру, и собраніе отвергло предложеніе, выражая этимъ, что оно, безъ сомнѣнія, также желаетъ погашенія государственнаго долга, но желаетъ не потому, чтобы «этого требовало исполненіе государствомъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ, а потому что этого требуютъ интересы государства и интересы его вѣрителя.» Вслѣдъ за тѣмъ Гентинсъ, негоціантъ и одинъ изъ самыхъ преданныхъ членовъ большинства, открылъ пренія по 8 параграфу и объявилъ, что торговля терпитъ въ настоящее время не менѣе, чѣмъ и земледѣліе. «Враги имперіи—говорилъ онъ—конечно преувеличиваютъ бѣдствія промышленности, стараясь увѣрить страну, что его величество и великія государственныя учрежденія обманываютъ страну, превознося ея благосостояніе», но при этомъ онъ высказалъ, что французскій банкъ, не смотря на то, что имѣетъ въ своей главѣ такого человѣка, какъ г. Руланъ, однако не сдерживаетъ своихъ обѣщаній, не выполняетъ своихъ обязанностей и, имѣя въ резервѣ до 7 милліоновъ, не устраиваетъ конторъ по департаментамъ, — и въ заключеніе почтенный ораторъ восклицаетъ: «немножко побольше кредиту для торговли!»—Пылкій Ларрабюръ въ восторгѣ отъ прогресса нашихъ финансовъ и отъ генія Фульда. Если бы не кохинхинская и мехиканская экспедиціи и алжирскія возстанія, и если бы при этомъ миръ былъ повсюду прочно установленъ, и намъ не нужно было бы содержать подъ ружьемъ и въ резервѣ 600,000 человѣкъ, тогда нашъ бюджетъ не только пришелъ бы въ равновѣсіе, но приходъ превзошелъ бы расходъ, и тогда мы были бы въ состояніи удовлетворить всѣ наши нужды и осуществить всѣ желанія и земледѣлія, и торговли, и промышленности. — Де-Сенъ-Поль выказалъ себя не менѣе горячимъ бонапартистомъ, чѣмъ и предшествующій ораторъ; замѣтимъ, что онъ даже имѣетъ болѣе основанія быть преданнымъ бонапартистомъ, чѣмъ Ларрабюръ, потому что имѣетъ своимъ зятемъ генерала Флери, великаго друга, великаго ловчаго и великаго организатора всякаго рода удовольствій его величества. Кромѣ того де-Сенъ-Поль имѣетъ удовольствіе быть директоромъ одного большаго финансоваго учрежденія, которое конкуррируетъ съ поземельнымъ кредитнымъ учрежденіемъ и съ учрежденіемъ по залогу движимостей, — и въ довершеніе всего, питаетъ надежду сдѣлаться министромъ финансовъ. Поэтому, хотя онъ и принад-

лежитъ къ числу горячихъ враговъ парламентаризма и отвѣтственности министровъ, но это не помѣшало ему разразиться грозной филиппикой — не противъ императора, конечно, который впрочемъ, по конституціи, одинъ отвѣчаетъ за всѣхъ — а противъ теперешняго министра финансовъ, который, собственно говоря, по займу не болѣе какъ повѣренный, отвѣтственный только предъ своимъ начальникомъ, а не предъ собраніемъ. Итакъ, дефицитомъ нашего бюджета, упадкомъ кредита и государственнаго, и частнаго, упадкомъ общественнаго благосостоянія, и наконецъ тѣмъ оппозиціоннымъ духомъ, который обнаруживается теперь въ обществѣ, всѣмъ этимъ мы обязаны ошибкамъ Фульда, — если вѣрить де-Сенъ Полю, Этотъ претендентъ на министерскій портфель говоритъ, что надо, *не теряя словъ*, *побороть* всѣхъ враговъ правительства, которые находятъ для себя въ прошломъ предметы для сожалѣній и не возлагаютъ всѣхъ своихъ надеждъ на имперію. Если нѣкоторые члены большинства, прежде искренно поддерживавшіе императорское правительство, переходятъ теперь на сторону оппозиціи, то не потому ли, что правительство дискредитировано ошибками..... г. Фульда. Превращеніе $4^1/_2\%$ ренты въ 3%, пониженіе на биржѣ цѣнности бумагъ, произведенное таинственнымъ и могущественнымъ покупателемъ, тогда какъ было обѣщано повышеніе,—наконецъ допущеніе на биржу иностранныхъ бумагъ, все это возбудило противъ правительства неудовольствіе рантьеровъ, которое можетъ быть продолжится и не долго, но тѣмъ не менѣе теперь оно сильно..... (это все говоритъ бонапартистъ Сенъ-Поль, рѣчь котораго я сокращаю). Три четверти нашихъ народныхъ сбереженій перешли за границу. Государственные займы и разныя кредитныя операціи нанесли обществу большой вредъ, развили ажіотажъ до огромныхъ размѣровъ и деморализировали страну.... Если бы съумѣли удержать хотя одинъ изъ этихъ милліардовъ, которые ушли отъ насъ за границу, то у насъ были бы теперь средства для постройки третьей части желѣзныхъ дорогъ, мы могли бы заняться проселочными дорогами и были бы въ состояніи помочь земледѣлію и промышленности.... Вотъ что говорилъ де-Сенъ-Поль и мимоходомъ не упустилъ случая бросить камешекъ въ кредитное учрежденіе по залогу движимостей. Онъ обвинялъ во всемъ министра финансовъ, ставилъ ему въ вину даже и то, что онъ не живетъ въ

министерскомъ домѣ. Онъ утверждалъ, что Фульдъ, для успѣха своихъ несчастныхъ финансовыхъ операцій прибѣгая къ содѣйствію прессы, давалъ ей случай поживиться, и та превозносила его сердце и его особу, между тѣмъ какъ предостереженія дѣлали совершенно невозможной критику его дѣйствій. Эти слова де-Сенъ-Поля остались безъ всякаго протеста со стороны большей части журналовъ, и едва ли не одинъ Siècle протестовалъ противъ нихъ въ выраженіяхъ ясныхъ и категорическихъ. Такое молчаніе со стороны журналовъ еще разъ подтвердило справедливость пословицы: кто молчитъ, тотъ согласенъ. Мы очень хорошо знаемъ, что вообще всякаго рода спекуляторы для успѣха своихъ спекуляцій, обыкновенно обращаются къ помощи объявленій, за которыя платятъ столько-то за строчку, и къ помощи разныхъ рекламъ, но мы до сихъ поръ не знали, что даже и самъ г. министръ финансовъ прибѣгалъ къ подкупу прессы.... Мы должны быть благодарны де-Сенъ-Полю, что онъ раскрылъ намъ эту загадку.... Благодаря ему, мы теперь знаемъ еще одну прелесть нашего режима.

Оппозиція думала предложить поправку касательно государственныхъ финансовъ. Но что могла она прибавить къ филиппикѣ грознаго врага г. Фульда! Довольно и того, что̀ нашелъ нужнымъ повѣдать странѣ одинъ изъ самыхъ преданныхъ членовъ большинства.... Впрочемъ филиппика де-Сенъ-Поля не помѣшала большинству вотировать грубую лесть § 9.

Мы не будемъ останавливаться на преніяхъ по § 10, хотя эти пренія и повели къ нѣкоторому измѣненію первоначальной его редакціи и вызвали ораторскую стачку между Жюлемъ Фавромъ и г. вице-президентомъ государственнаго совѣта касательно путей сообщенія вообще и касательно шлюзовъ, въ которыхъ терпитъ недостатокъ каналъ св. Людовика. Мы также упомянемъ только вскользь о преніяхъ по § 11, хотя онъ и очень важенъ, потому что тутъ дѣло шло о народномъ образованіи. Главный редакторъ Siècle, Гавенъ, прочелъ съ обычною своею торжественностію рѣчь въ защиту даровaго и общественнаго образованія. Въ этой рѣчи онъ между прочимъ разсказалъ одинъ весьма курьезный фактъ, какъ одинъ префектъ Геро, вооружился противъ одного муниципальнаго совѣта за то, что этотъ совѣтъ осмѣлился, безъ его дозволенія, вотировать денежный сборъ съ цѣлью увеличить число учениковъ, получающихъ даровое образованіе въ общинной школѣ... За-

тѣмъ приступили къ голосованію и поправкѣ, предложенной лѣвой стороной, что было конечно отвергнуто.

Наконецъ открылись пренія по параграфу, въ которомъ воздаются благодаренія его величеству за установленіе прочнаго государственнаго порядка, за улучшеніе общественной нравственности, и свидѣтельствуется о крѣпкихъ узахъ, которыя соединяютъ Францію съ императорской династіей. Поправка, предложенная лѣвой стороной, или иначе демократической партіей, какъ ее теперь называютъ, въ отличіе отъ формирующейся средней партіи,—удостоилась той чести, что первая была подвергнута обсужденію, или лучше сказать, первая удостоилась чести быть отвергнутой. Жюль Фавръ утомленнымъ голосомъ но съ своимъ обыкновеннымъ неутомимымъ краснорѣчіемъ произнесъ рѣчь, которая займетъ не менѣе семи столбцовъ «Монитера». Тономъ горькой ироніи развивалъ знаменитый адвокатъ ту мысль, что принципы конституціи 1852 года тождественны съ принципами 89 года, и въ подтвержденіе своей гипотезы цитировалъ всѣ фразы самого императора касательно увѣнчанія зданія. Ставъ на эту точку зрѣнія, онъ доказывалъ, что конституція 1852 года извращена, нарушена тѣми самыми людьми, которые ее установили и предоставили себѣ дальнѣйшее ея развитіе, и что убійственная фраза, заключающаяся въ послѣдней рѣчи императора, есть противорѣчіе, отрицаніе той идеальной имперіи, которую рисовали предъ лицемъ Франціи и Европы самые искренніе имперіалисты, а въ томъ числѣ и самъ императоръ. Большинство слушало сначала спокойно, — оно очевидно не понимало истиннаго смысла словъ оратора, — но когда потомъ передъ нимъ начали развертываться цицероновскіе періоды, въ которыхъ ясно и категорически требовалось возстановленіе свободы, оно стало приходить въ раздраженіе, какъ будто бы его шпиговалъ самъ Глэ-Бизуанъ. Когда ораторъ сталъ доказывать, что положеніе, сдѣланное прессѣ органическимъ закономъ 17-го февраля, совершенно противно тому, что было обѣщано во вступленіи въ конституцію, и когда онъ сказалъ: что свобода прессы есть первая изъ всѣхъ свободъ, то одинъ изъ членовъ большинства, журналистъ (которому пресса, правда, дала и богатство, и депутатское мѣсто, но который однако не дѣлаетъ чести прессѣ), а именно Гранье де-Кассаньякъ, не устыдился публично пожать плечами и воскликнулъ со всей безцеремонностію улич-

наго мальчишки: «Allons donc!» — «Вы говорите, продолжалъ ораторъ, что система, которую вы теперь примѣняете къ прессѣ, есть система 89 года, а я утверждаю, что она есть пародія и отрицаніе системы 89 года». Услышавъ этотъ язвительный косвенный отвѣтъ на выходку Руэ, большинство пришло въ негодованіе и потребовало, чтобы ораторъ былъ призванъ къ порядку, что президентъ и исполнилъ. Но не смотря на все это, ораторъ продолжалъ развивать, какія послѣдствія личная власть имѣла для страны какъ относительно ея внутренняго состоянія, такъ и относительно ея внѣшняго положенія, и произнесъ нѣсколько весьма краснорѣчивыхъ словъ о томъ, какое вліяніе отсутствіе свободы имѣло на нравы народа. «Да,—воскликнулъ онъ,—Франція процвѣтаетъ; да, она пресыщена «военной славой... Но все ли это, что ей нужно? Развѣ ей «не надо ни достоинства, ни нравственнаго величія? Хотя вы и «декретировали свободу театровъ, но съ помощію цензуры вы «распоряжаетесь сценой совершенно самовластно, и какъ же «вы распоряжаетесь! Вы довели до того, что человѣкъ съ сердцемъ (Баррьеръ, авторъ запрещенной комедіи: *Честь побѣжденнымъ!*) долженъ былъ удалиться изъ этого привилегированнаго храма, бросивъ вамъ въ лицо эти горькія слова: «я хотѣлъ говорить о добродѣтели и самоотверженіи, но объ этомъ «нельзя говорить, и меня выгнали изъ храма, который имъ по«священъ». Посмотрите, что вы сдѣлали изъ французской сце«ны! Вы превратили ее въ позорное зрѣлище, гдѣ показываются безстыдство и развратъ во всей ихъ постыдной наготѣ... «У насъ есть законъ, который запрещаетъ употреблять дѣтей «на фабричныя работы, а вы... что вы дѣлаете съ дѣтьми? Вы «оскверняете ихъ невинность развратными и циническими зрѣлищами, къ негодованію всѣхъ честныхъ людей!» Никто не вступился за *Fanfan Benoiton*, и парижскій депутатъ могъ окончить свою рѣчь христіанской и метафизической фразой, предъ которой остались безмолвны апологисты цезарской нравственности.

Между ораторскими предосторожностями, къ которымъ искусный ораторъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть на этотъ разъ даже до излишества, чтобы лучше выставить все противорѣчіе между дѣйствительностью и мнимой конституціонной теоріей 1852 года, — между этими предосторожностями вкралась одна фраза, которую конечно ни одинъ изъ друзей Жюля Фавра

не принялъ въ буквальномъ смыслѣ, но которою друзья Эмиля Олливье не преминули воспользоваться. Въ тотъ же вечеръ жирарденовская «Liberté» напечатала ее курсивомъ. Вотъ эта фраза: «Я желаю только одного—«пусть гг. министры пред«ставятъ намъ законы, которые бы «соотвѣтствовали принци«памъ 89 года, и уничтожили бы противорѣчіе между консти«туціей 1852 года и послѣдующими законодательными акта«ми, — я болѣе ничего не желаю, и если они это сдѣлаютъ, «тогда я, милостивые государи, оставлю ряды оппозиціи и со«чту своимъ долгомъ поддерживать тѣхъ, которые возстановля«ютъ свободу».

Я не думаю, чтобы г. Фавръ нашелъ нужнымъ объяснять редактору «Liberté» ироническій смыслъ своей фразы. Но повидимому эта злая инсинуація, которая касалась не только его, но вмѣстѣ съ нимъ и всей лѣвой демократической стороны, имѣла то дѣйствіе, что демократическая оппозиція защищала свою такъ называемую радикальную поправку (которую назвали радикальной вѣроятно только потому, что не было другой, истинно радикальной) съ большей энергіею, чѣмъ если бы не было подобной инсинуаціи. Фавру отвѣчалъ Ножанъ-Сенъ-Лоранъ. Онъ говорилъ, что свобода прессы, собраній, ассоціаціи и пр. и пр., что всѣ эти свободы соединены съ большими опасностями, сравнивалъ прочность имперіи (что докажетъ болѣе или менѣе близкое будущее) съ непрочностію пяти или шести правительствъ, которыя смѣнились съ 1792 года, и убѣждалъ приверженцевъ наполеоновской династіи твердо и неуклонно стоять за свои бонапартистскія убѣжденія (какъ будто бонапартизму угрожаетъ какая нибудь опасность). Потомъ говорилъ Пикаръ. Онъ произнесъ весьма ѣдкую рѣчь и съ поразительной очевидностію высказалъ, что такое на самомъ дѣлѣ эта свобода критики, которою будто бы мы пользуемся въ достаточной степени, сколько этого требуетъ темпераментъ Франціи, — какъ это утверждаютъ гг. Ножанъ-Сенъ-Лоранъ, Кассаньякъ и другіе, слѣдуя примѣру Рулана и Руэ. Съ безпощадною ироніей разоблачилъ онъ всѣ продѣлки прессы, начиная съ *оффиціозной*, съ «Constitutionnel», котораго касса подвержена обморокамъ, и кончая *оффиціальной*, Le petit Moniteur», который вмѣстѣ со штемпелемъ, стоющимъ 6 сантимовъ, продается за 5 сантимовъ. Онъ съ замѣчательной убѣдительностію доказывалъ, что эта хваленая сво-

бода критики, составляющая привилегію извѣстнаго сорта людей, есть ничто иное, какъ торговая привилегія, что очевидно изъ фактовъ, приведенныхъ членомъ большинства, де-Сенъ-Полемъ, что она есть правительственное орудіе въ рукахъ министра, который, давая избраннымъ людямъ патенты на критику, беретъ отъ нихъ бланки, въ которыхъ могъ бы прописать ихъ отставку, если только эти патентованные оппоненты окажутся опасными или чѣмъ либо непріятными для правительства. «Законъ 17 февраля 1852 года, — говорилъ Пикаръ, не «обращая вниманія на всѣ возгласы правой стороны,—поставилъ прессу въ такое положеніе, что она менѣе свободна, «чѣмъ даже въ Турціи съ того времени, какъ султанъ заимствовалъ у французскаго императора его *вольный переводъ* «принциповъ 89 года. И дѣйствительно, блистательная Порта «предостерегаетъ и прекращаетъ журналы, но тамъ для изданія журнала не требуется никакихъ разрѣшеній. Поправка, «предложенная лѣвой стороной, совершенно справедливо говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ установилась во Франціи диктаторская власть, чему теперь уже 14 лѣтъ, — что съ тѣхъ «поръ общественное мнѣніе во Франціи постоянно задавлено и «свобода преній не существуетъ». Желая доказать, что утвержденія Пикара нѣ болѣе, какъ крайнія преувеличенія, графъ де-Жокуръ принялся читать выдержки изъ «Morning-Herald», гдѣ даже англичане, сами свободные англичане признаютъ, что Франція пользуется значительной степенью свободы, потому что въ законодательномъ корпусѣ ораторы меньшинства осмѣливаются нападать даже лично на самого императора, не называютъ его принадлежащимъ ему титуломъ и пр. и пр. Въ отвѣтъ на эту аргументацію гг. Пелльтанъ, Гарнье-Паже, Жюль Фавръ и Глэ-Бизуанъ раскрыли для всей Франціи то, что Парижъ и Европа давно уже знаютъ,—они объяснили, что «Morning-Herald», этотъ журналъ торіевъ, получаетъ свои статьи о Франціи отъ самого французскаго правительства и за напечатаніе ихъ беретъ съ него деньги,—что тутъ повторяется таже продѣлка, что и съ корреспонденціей Гавасъ-Бюллье, которая снабжаетъ статьями департаментскіе журналы, хотя впрочемъ ея статьи могутъ вводить въ заблужденіе только развѣ одпихъ праздныхъ невѣждъ и дураковъ. Графъ де-Жокуръ со стыдомъ вынужденъ былъ положить обратно въ карманъ свой *Morning-Chronicle* и уступить слово

Гранье де-Кассаньяку, который, какъ журнальный ветеранъ, счелъ нужнымъ распространиться съ обыкновенной своей совѣстливостію о пользѣ разрѣшеній и предостереженій. Воздадимъ должную справедливость за его постоянство: какъ во времена Людовика-Филиппа, такъ и теперь, онъ постоянно служитъ тому, кто сильнѣе и богаче. Оканчивая свою рѣчь, онъ саркастически напомнилъ Латуръ-Дюмулену, который играетъ теперь одну изъ первыхъ ролей въ формирующейся средней партіи, что онъ былъ главнымъ директоромъ прессы въ 1852 и 1853 годахъ, и что ему выпала на долю честь дать первое предостереженіе французской прессѣ. Послѣ него говорилъ Жюль Симонъ. Импровизировавъ нѣсколько замѣчаній на рѣчь Кассаньяка, онъ перешелъ къ критикѣ тѣхъ мелочныхъ средствъ, къ которымъ прибѣгаетъ правительство, чтобъ имѣть на своей сторонѣ большинство избирателей. Не отвергая въ принципѣ оффиціальныя кандидатуры онъ началъ исчислять разныя льготы и вольности, съ помощію которыхъ оффиціальные кандидаты добиваются избранія. Но когда онъ заговорилъ объ афишахъ, бюллетеняхъ, о даровой разсылкѣ бюллетеней и пр., большинство не выдержало, раздались возгласы: «подобные упреки оскорбляютъ нашу совѣсть!... Насъ хотятъ унизить въ глазахъ народа.»—Но вѣдь вамъ говорятъ то, что дѣлается на самомъ дѣлѣ, возражаетъ лѣвая сторона,—развѣ мэры не разсылаютъ вашихъ бюллетеней? Развѣ сельская полиція не разноситъ вашихъ циркуляровъ и не раздаетъ избирателямъ бумажки съ вашими именами, рекомендуя положить ихъ въ избирательную урну?—Шумъ продолжался минутъ десять. Въ заключеніе своей рѣчи Жюль Симонъ сказалъ, что «во Франціи не существуетъ правильнаго отправленія избирательной власти, и слѣдовательно конституція, поймите вы, что конституція подкапывается въ самомъ корнѣ тѣми самыми людьми, которые обязаны ее охранять».

Послѣ Симона говорилъ государственный министръ, г. Руэ. Онъ сказалъ, что касательно внутренней политики правительство будетъ говорить при обсужденіи той поправки, которая предложена средней партіей, и перейдя затѣмъ къ рѣчи Симона, выразилъ надежду, что г. Симонъ «потому произнесъ такую рѣчь, что не отдавалъ себѣ яснаго отчета, какую важность имѣло то, что онъ сказалъ». Но такъ какъ его рѣчь

во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ хотя и не намѣренное, но тѣмъ не менѣе прямое нападеніе на законность выборовъ, въ силу которыхъ существуетъ настоящее собраніе, а слѣдовательно и на законную власть собранія, то его превосходительство находитъ нужнымъ объявить, что «правительство считаетъ своимъ долгомъ твердо и неуклонно держаться принципа»—ужь не 89 г., а—«оффиціальной кандидатуры».—«Негодованіе собранія, сказалъ Руэ, было справедливымъ от«вѣтомъ на это несчастное обвиненіе, будто правительствен«ные кандидаты получаютъ изъ государственнаго бюджета «деньги на расходы по выборамъ...» — Послѣ этихъ словъ Руэ немедленно приступилъ къ голосованію, и поправка лѣвой стороны была отвергнута 238 голосами противъ 17. — Колеблющіеся члены лѣвой стороны и бонапартистское меньшинство, гг. Тьеръ, Беррье, Даримонъ и Олливье, воздержались отъ подачи голоса,—средняя партія почти вся безъ исключенія вотировала противъ.

Въ засѣданіе 17 марта,—какъ видите,—лѣвая сторона нѣсколько загладила свое дурное поведеніе въ тотъ день, когда Глэ-Бизуанъ былъ оскорбленъ Руэ. Такъ называемые оппозиціонные журналы замолчали, когда лѣвая сторона дѣйствительно заслуживала порицаніе, а теперь заговорили, но вмѣсто того, чтобъ похвалить, порицаютъ ее. Журналъ Жирардена, *La Liberté*, обвиняетъ Симона въ томъ, что, поднимая избирательный вопросъ, онъ имѣлъ злой умыселъ подрѣзать въ самомъ корнѣ среднюю либеральную партію. Этотъ журналъ приходитъ въ крайнее негодованіе, какъ могъ осмѣлиться Симонъ прорвать эту паутину, надъ которой трудятся съ одной стороны гг. Оливье и Даримонъ, а съ гругой гг. Бюффе и Латуръ-Дюмуленъ, — онъ заранѣе уже оплакиваетъ свою мечту, усовершенствованіе императорскаго режима, и оплакиваетъ ядовитыми слезами.

Однако истина, высказанная авторомъ *Долга, Школы* и *Работницы*, не убила средней партіи, и въ засѣданіе 18 марта Бюффе развивалъ ея поправку. Этотъ экс-министръ, президентъ республики вступилъ на конституціонную дорогу только со времени послѣднихъ выборовъ. Онъ тщательно указалъ, что поправка, предлагаемая средней партіей, совершенно различна отъ той поправки, которая была отвергнута собраніемъ наканунѣ; онъ объяснялъ, что какъ онъ самъ, такъ и его друзья,

ничего болѣе не желаютъ, какъ только «благоразумнаго прогресса нашихъ свободныхъ учрежденій», что они совершенно далеки отъ всякой мысли дозволить себѣ какія нибудь нападенія на самого императора, какъ это дозволяетъ себѣ лѣвая сторона, и что собственно все ихъ разногласіе съ редакторами адреса заключается только въ вопросѣ о своевременности. Они не могутъ согласиться съ тѣми оффиціальными сферами, которыя считаютъ декретъ 24 ноября несчастіемъ; по ихъ убѣжденію этотъ декретъ есть благодѣяніе, «которое должно быть благоразумно расширяемо, чтобы могло принести всѣ тѣ богатые плоды, какіе оно обѣщаетъ». — Такъ! такъ! восклицаетъ при этихъ словахъ Эмиль Олливье. — Они хотятъ не поколебать зданіе имперіи, но «дать его фундаменту тѣ условія прочности и силы, которыхъ въ настоящее время оно не имѣетъ».— Съ этою цѣлію они просятъ, чтобы законодательному собранію дана была возможность плодотворно пользоваться своимъ правомъ контроля, чтобы облегчено было пользованіе правомъ дѣлать поправки къ предлагаемымъ отъ правительства мѣрамъ и, наконецъ, чтобы ему предоставлено было право интерпелляціи.—«По ихъ мнѣнію, различіе между *министрами дѣла и* «*министрами слова* основано на чистой фикціи, и потому они «желаютъ, чтобы министры присутствовали въ собраніи и са«ми лично объясняли свои дѣйствія прямо передъ представите«лями страны».—«Пресса есть необходимый союзникъ трибу«ны, есть гарантія всѣхъ гарантій, и потому они не думаютъ, «чтобы она могла быть оставлена въ теперешнемъ ея положеніи». «Наконецъ, чтобъ усилить связи, соединяющія депутатовъ съ «ихъ избирателями и дать возможность депутатамъ ближе зна«комиться съ истинными требованіями страны, они просятъ «*собраній*, по крайней мѣрѣ, на время выборовъ».

Баронъ Жеромъ Давидъ хотя еще и не дожилъ до сѣдыхъ волосъ, но отвѣчалъ Бюффе со всею болтливою важностію восьмидесятилѣтняго старца. Онъ старался убѣдить своихъ друзей, подписавшихъ поправку 42, что они не болѣе, какъ орудіе 17, которые съ тѣмъ разсчетомъ и высказываютъ свою оппозицію противъ правительства такимъ рѣзкимъ тономъ, чтобы возбудить себя въ средѣ большинства соревнователей на популярность, и такимъ образомъ надѣются достигнуть того, что собраніе приметъ поправку 42. «Эта поправка «хотя изложена въ весьма мягкой формѣ, но тѣмъ не менѣе ка-

«сается вопросовъ первой важности; принять ее значитъ нару-«шить согласіе между палатой и правительствомъ, и для кого «это будетъ полезно? не для авторовъ поправки, конечно, а для «крайнѣй оппозиціи, за которой стоятъ враги имперіи». Чтобъ объяснить положеніе партій по отношенію къ императорскому правительству, Давидъ пустился разсказывать нелѣпую исторію о томъ, какъ вели себя партіи въ Соединенныхъ Штатахъ при избраніи Линкольна; «порядокъ не былъ бы возстановленъ «и легальность не была бы обезпечена, если бы...»—«Хорошо! «воскликнулъ кто-то, — мы понимаемъ!» — Давидъ продолжалъ развивать далѣе свою мысль.—«Итакъ, стало быть, мы побѣждены» сказалъ Пелльтанъ. — «Вы были побѣждены на выборахъ 1848 года» возразилъ ему Давидъ. — «Въ такомъ слу-«чаѣ и поступайте съ нами, какъ съ побѣжденными», отважно вмѣшался Тьеръ. — Послѣ Давида говорилъ Мартель, одинъ изъ 42. Онъ весьма ловко указалъ, что плохую услугу оказываютъ правительству его приверженцы, выставляя врагами имперіи не только тѣхъ, которые домогаются возстановленія прежнихъ правъ націи, но даже и тѣхъ, которые хотятъ только развитія великаго акта 1860 года. — «Припомните «прошлое,—сказалъ онъ,—припомните, какъ государственные «люди отвѣчали предостерегавшимъ ихъ: вы — наши враги! и «какъ потомъ оказывалось, что эти государственные люди сво-«ею близорукостію губили правительство и династію, кото-«рымъ служили». — «Мы не въ такомъ положеніи», гордо прервалъ г. государственный министръ. Эти слова вызвали громкое одобреніе со стороны преданнаго большинства, которое въ знакъ своего удовольствія принялось кричать и стучать перочинными ножами; въ отвѣтъ на это Эмиль Олливье (хотя онъ, также какъ и Даримонъ, не подписалъ поправки Бюффе), а по его примѣру и вся группа 42-хъ, стали рукоплескать словамъ Мартеля. — Продолжая далѣе свои возраженія на странные аргументы ультра-бонапартиста Давида, Мартель съ особенною силой указывалъ на то, что предоставленіе свободы исключительно только тѣмъ журналамъ, которые не занимаются ни экономическими, ни политическими вопросами, имѣло весьма печальныя слѣдствія, что эти журналы, распространяющіеся милліономъ экземпляровъ подъ покровомъ этой свободы, стали разсадниками разврата. Онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими весьма разсудительными словами: «Вмѣсто того, чтобъ

«пугаться старыхъ партій, которыхъ пугаются совершенно «напрасно, подумайте лучше о томъ поколѣніи, которое подра«стаетъ, которое не знаетъ, что такое революція, и не видало «вблизи, какое значеніе имѣютъ злосчастныя доктрины, по«рождаемыя революціей, — подумайте о томъ, что это поколѣ«ніе хочетъ свободы».—Не смотря на то, что поправка 42 облечена въ выраженія самыя мягкія и что объясненія, представленныя ея защитниками, умалили ея значеніе до нельзя, тѣмъ не менѣе Дю-Мираль усмотрѣлъ въ ней «недовѣріе къ правительству». — Нѣтъ! нѣтъ! отвѣтилъ ему Бюффа, а Клари требовалъ: «Мы знаемъ наши мысли лучше, чѣмъ вы ихъ знаете».—Но всѣ эти возгласы не подѣйствовали на оратора-куртизана, и онъ пустился доказывать, что немедленное осуществленіе свободы несовмѣстно съ существованіемъ династіи. Замѣчая, что его не слушаютъ, и желая загладить впечатлѣніе, какое произвела на собраніе его несчастная логика, онъ сталъ утверждать, что адресная коммиссія выразила въ проэктѣ адреса достаточно либеральныя стремленія.—«Но въ васъ не замѣтно либеральныхъ стремленій», сказалъ ему Жюль-Фавръ, а Глэ-Бизуанъ прибавилъ, смѣясь: «немножко храбрости, и вы дойдете до того, что будете вмѣстѣ съ нами».—«Страна—такъ «окончилъ свою рѣчь Дю-Мираль, — хочетъ сохраненія дина«стіи и императорскихъ учрежденій,—она знаетъ, что ничто «иное невозможно... таково мнѣніе страны и проэктъ адреса «есть его вѣрное выраженіе!»

Послѣ Дю-Мираля говорилъ маркизъ Талуэ. Онъ нашелъ нужнымъ снова объяснить значеніе поправки 42, потому что противники этой поправки понимаютъ ее совершенно неправильно: 42 не менѣе, чѣмъ адресная коммиссія, говорилъ онъ, убѣждены въ томъ, что страна глубоко предана династіи и что внѣ императорской династіи нѣтъ ничего, кромѣ бѣдствій и анархіи, но вмѣстѣ съ этимъ они утверждаютъ, что «развитіе политической свободы не есть что либо несовмѣстное съ прочностію имперіи», и расходятся съ адресной коммиссіей только въ томъ, что, по ихъ убѣжденію, наступило время приступить къ дальнѣйшему развитію началъ, заключающихся въ декретѣ 24-го ноября 1860 года. — Рѣчь Талуэ вызвала со стороны правительства категорическія объясненія касательно внутренней политики. Государственный министръ г. Руэ произнесъ въ засѣданіе 19-го числа длин-

ную рѣчь. Стараясь опровергнуть аргументы 42-хъ, онъ прибѣгнулъ къ коварной уловкѣ и, не смотря на всѣ возгласы и на всѣ напоминанія, которыя раздавались и съ правой, и съ лѣвой стороны собранія, настойчиво смѣшивалъ Тьера съ сорока двумя, сорока двухъ съ семнадцатью, а семнадцать съ тѣми партіями, къ которымъ нѣкоторые изъ нихъ когда-то принадлежали и къ которымъ нѣкоторые принадлежатъ еще и до сихъ поръ. Вся его рѣчь была не что иное, какъ критика прежнихъ правительствъ. Съ помощію этой критики онъ старался доказать превосходство теперешняго порядка вещей и необходимость сохранить его. «Требовать, чтобы Наполеонъ III превратилъ свою диктатуру въ парламентаризмъ, значитъ требовать, чтобы онъ отрекся отъ власти. Имѣйте смѣлость быть послѣдовательными: посовѣтуйте ему послѣдовать примѣру Карла V; это—способъ отречься отъ власти, наиболѣе достойный его имени, его характера и его славы!» Руэ утверждалъ, что Франція находитъ достаточной ту степень иниціативы, которая предоставлена теперь законодательному собранію, что индивидуальная свобода достаточно обезпечена, что избирательная свобода никогда не пользовалась такимъ уваженіемъ, какъ теперь, что право собраній, за исключеніемъ развѣ только эпохи республиканской анархіи, никогда еще не пользовалось такимъ уваженіемъ со стороны административныхъ властей, а что касается до свободы прессы, то эта свобода, бывшая нѣкогда зломъ, теперь благоустроена и приноситъ большую пользу странѣ, содѣйствуя распространенію честныхъ мнѣній. Когда ему напоминали о конфискаціи книги герцога Омальскаго «Historie des princes de Condé», то онъ отвѣчалъ: «развѣ правительство не было обязано въ этомъ случаѣ прибѣгнуть (противъ автора знаменитаго письма объ исторіи Франціи) къ той верховной административной власти, которой примѣненіе лежитъ на его отвѣтственности, и развѣ не обязано оно было напомнить, что изгнанный принцъ, *не имѣющій никакихъ обязанностей по отношенію къ Франціи, не можетъ имѣть въ ней и никакихъ правъ*». Это — иностранецъ! воскликнулъ кто-то. Это — изгнанный французскій принцъ, сказалъ герцогъ Марме. — Герцогъ Омальскій не иностранецъ, замѣтилъ Жюль-Фавръ, — а если бы даже онъ и былъ иностранецъ, то едва ли найдется такой юристъ, который бы рѣшился утверждать, что иностранцы не имѣютъ во Франціи никакихъ

правъ! Въ ту самую минуту, какъ собраніе ожидало, что Руэ приступитъ наконецъ къ обѣщанному имъ въ началѣ своей рѣчи общему обзору внутренней политики правительства и раскроетъ предъ собраніемъ все величіе либеральнаго прогресса, достигнутаго этой политикой, онъ объявилъ, что не можетъ продолжать далѣе своей рѣчи, что не имѣетъ для этого «ни времени, ни силъ», и ограничился утвержденіемъ, что «у «правительства нѣтъ двухъ политикъ, одной либеральной, а «другой реакціонной, а одна политика—либеральная.» «Объ«являю отъ имени императора, — прибавилъ онъ, — что либе«ральная политика есть единственная истинная политика, кото«рой правительство будетъ неуклонно слѣдовать» (рукоплесканія). Рѣчь свою Руэ закончилъ слѣдующимъ обращеніемъ къ 42: «Не отдѣляйтесь отъ насъ! Оставайтесь нашими «друзьями, какъ были! Путь, на который вы становитесь, «очень скользокъ, я знаю, вы ничего болѣе не желаете, какъ «благоразумныхъ, постепенныхъ улучшеній, но ваши требова«нія несвоевременны. Черезъ нѣсколько минутъ начнется голо«сованіе; вы увидите, что въ пользу вашей поправки будутъ «подавать свои голоса люди, вовсе не раздѣляющіе вашихъ «мнѣній, и это, надѣюсь, убѣдитъ васъ, что вашъ образъ дѣй«ствія дѣлаетъ васъ орудіемъ партіи, съ которой вы не може«те имѣть ничего общаго,—pour avoir voulu conquérir des nuan«ces, vous aurez été absorbés par des couleurs!»

Г. государственный министръ очевидно желалъ, чтобы собраніе немедленно приступило къ голосованію, и его сеиды, привѣтствуя рѣчь его троекратнымъ залпомъ рукоплесканій, принялись кричать: на голоса! на голоса! Но въ то же время раздались голоса, которые требовали отложить пренія до другаго дня, и кончилось тѣмъ, что президентъ далъ слово Эмилю Оливье. Бывшій членъ систематической оппозиціи *пяти* сказалъ, что весьма затрудняется отвѣчать на министерскую рѣчь, такъ какъ она вся наполнена противорѣчіями и несообразностями, недостойными правительства великой страны. Онъ объявилъ, что отсрочка свободы, которая принадлежитъ Франціи въ силу принциповъ 89 года, рѣшительно не имѣетъ никакого смысла,—«чего же ждать? Не ждете ли вы, что Фран«ція по какому нибудь чуду, или по какому нибудь вдохнове«нію свыше, не имѣя свободы, научится пользоваться свобо«дой и пріобрѣтетъ нравы свободнаго народа?» Доказавъ,

что тезисъ, защищаемый Руэ, есть совершенная нелѣпость. Олливье, который ничего бы лучше не желалъ, какъ сдѣлаться государственнымъ министромъ, обвинялъ своего противника въ недостаткѣ правдивости, потому что онъ дозволилъ себѣ смѣшать, очевидно съ злымъ умысломъ, тѣхъ, которые «не хотятъ конституціи «1852 года», съ тѣми, которые хотятъ установленія парламентскаго порядка и наконецъ съ тѣми...»—«Скажите, съ средней партіей, прервалъ его кто-то, которые стремятся къ тому, чтобъ прочно установить имперію, такъ какъ послѣ декретовъ 1860 года, отмѣнившихъ конституцію 1852 года въ самой существенной ея части, имперія опирается одной ногой на конституцію, а другою на воздухъ». Въ это время нѣсколько депутатовъ, взглянувъ на часы, сказали громко, что уже шесть часовъ и пора обѣдать, и поднялись съ своихъ мѣстъ. Раздались голоса: до завтра! Одинъ изъ 42, Мартель, сталъ требовать поименной переклички, государственный министръ далъ знакъ, — покорное большинство, хотя и не безъ ропота, вновь усѣлось на мѣста, и Олливье могъ продолжать свою рѣчь. Конецъ его рѣчи замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что онъ ставитъ въ положеніе, совершенно новое, какъ самого эксъ-коммиссара республики, такъ и среднюю партію, и наконецъ само правительство. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ законодательный корпусъ, никто еще изъ людей, не принадлежащихъ къ явнымъ или мнимымъ врагамъ имперіи, не ставилъ правительству такого историческаго вопроса, какой поставилъ Олливье: «На поверхности все спокойно, — сказалъ онъ, — но «умы встревожены, и эта таинственная тревога происходитъ «отъ того разнорѣчія, какое существуетъ теперь между политическими людьми. Одни говорятъ: правительство не можетъ дать «свободы. А другіе утверждаютъ наоборотъ, что благодаря своему происхожденію, и той силѣ, которую оно черпаетъ изъ «своего происхожденія, императорское правительство можетъ «дать свободу съ большею безопасностію, чѣмъ какое либо другое,—что оно можетъ дать свободу, но не хочетъ...»—«Правда! правда!» раздались голоса.—«Будущее зависитъ отъ того, «которое изъ этихъ мнѣній восторжествуетъ. Если восторжествуютъ тѣ, которые утверждаютъ, что императоръ можетъ «дать свободу, то императорская династія получитъ незыблемую твердость. Но если же торжество останется на сторонѣ «тѣхъ, которые говорятъ, что императоръ не можетъ дать сво-

«боды, то императорская династія будетъ осуждена на будущ-«ность, полную случайностей». Эти слова произвели сильное впечатлѣніе,—раздались различныя восклицанія,—на многихъ скамьяхъ замѣтно сильное сочувствіе къ оратору.—«Какъ вы, «мои любезные сочлены, подписавшіе поправку, я также же-«лаю, чтобы династія упрочилась, но, какъ и вы, я убѣжденъ, «что она не можетъ упрочиться, если не будетъ свободы! И я, «какъ вы, также рѣшился энергически бороться противъ всѣхъ «препятствій, какія встрѣчаетъ свобода,—и хотя я не подпи-«салъ предложенной вами поправки, но тѣмъ не менѣе я хочу «раздѣлить съ вами отвѣтственность *и оставляю мое одиноче-«ство, чтобъ стать въ ваши ряды* (сильное движеніе). Будемъ «надѣяться,—что бы ни случилось, не будемъ падать духомъ... «будущее принадлежитъ намъ. Не будемъ спѣшить, осмотрим-«ся, ознакомимся, обдумаемъ, и наше согласіе составитъ нашу «силу и поведетъ насъ къ побѣдѣ. Намъ предстоитъ трудная «борьба. Будемъ равно остерегаться и насилія и слабости, по-«тому что какъ насиліе, такъ и слабость равно унижаютъ са-«мыя правыя дѣла».

Послѣ рѣчи Олливье, немедленно приступлено было къ голосованію. Законодательный корпусъ оказался почти въ полномъ сборѣ. Поправка 42 была отвергнута большинствомъ 206 голосовъ противъ 62, считая въ томъ числѣ и голосъ Жюля Фавра, который сначала не былъ сосчитанъ въ числѣ подавшихъ голосъ за поправку, но на другой день ошибка эта была исправлена. Надо полагать, что если гг. Жюль-Фавръ, Пикаръ, Геру, Гавенъ, Маньенъ, Бетмонъ, Глэ-Бизуанъ и даже Мари не подали голоса въ пользу поправки 42, что это вовсе не означаетъ, чтобы они, также, какъ и Олливье, отреклись отъ своего прошедшаго и сдѣлались бонапартистами. Они стали подъ знамя гг. Бюффе, Латуръ-Дюмулена и пр. только изъ дисциплины, потому что этого требовало отъ нихъ большинство такъ называемыхъ независимыхъ журналовъ. Впрочемъ, если судить съ точки зрѣнія *строгой правды*, то нельзя не признать, что оффиціозные журналы, какъ напр. «Patrie», совершенно правы, подсмѣиваясь надъ этими новоиспеченными «приверженцами императорской династіи».

Какъ бы то ни было, но если отдѣлить отъ средней партіи всѣхъ тѣхъ, которые собственно къ ней не принадлежатъ и только примкнули къ ней на время, то оказывается, что эта

партія, только что родившаяся, состоитъ изъ *пятидесяти* членовъ, которые не далѣе еще, какъ вчера, принадлежали къ числу *довольныхъ*, и *изъ двухъ* членовъ, которые *способны завтра же сдѣлаться довольными* (гг. Олливье и Даримонъ). Очень можетъ быть, что эта партія будетъ все болѣе и болѣе разростаться въ средѣ большинства, если только не примутъ мѣръ, чтобы устранить изъ большинства это больное мѣсто, чего нельзя считать невозможнымъ, — стоитъ только г. Руэ разсердиться, какъ слѣдуетъ.

Во всякомъ случаѣ, благодаря средней партіи, *представительныя пренія* (такъ принято выражаться на оффиціальномъ языкѣ) теперь не такъ монотонны, какъ прежде. Теперь передъ нами фигурируютъ на первомъ планѣ три лица, а не два уже только, какъ было прежде; если бы они съѣли другъ друга, я бы первый посмѣялся этому, хотя я и вовсе не расположенъ смѣяться. Но «мы еще не въ такомъ положеніи», какъ выразился г. Руэ.

Послѣднее засѣданіе, 20 марта, въ которомъ были закончены пренія объ адресѣ, не менѣе любопытно, чѣмъ и другія. 18 изъ числа 62, или, правильнѣе сказать, изъ 50, выразили желаніе, чтобы пресса была изъята отъ административнаго произвола и подлежала бы только отвѣтственности передъ судами; но какими — исправительными или уголовными, съ присяжными или безъ присяжныхъ, — все это неизвѣстно, потому что господа, выразившіе это желаніе, не нашли нужнымъ это объяснить. По этому поводу Мартель доказывалъ, что полезно было бы для самого правительства измѣнить декретъ 17 февраля 1852 года. Въ отвѣтъ на это, Гранье де-Кассаньякъ разразился гнѣвной діатрибой противъ прессы, которой, однако, какъ онъ самъ говоритъ весьма серьезнымъ тономъ, онъ обязанъ и тѣмъ «peu d'honneur», которое онъ имѣетъ. Одинъ изъ новообращенныхъ приверженцевъ свободы, Жюль Брамъ, до послѣдней очевидности раскрылъ продажность привилегированныхъ журналовъ; онъ указалъ многія въ высшей степени курьезныя финансовыя спекуляціи, чрезъ которыя разорились тысячи людей, потому что были увлечены рекламами привилегированной прессы. При этомъ Брамъ выразилъ желаніе, чтобы уменьшена была величина залоговъ и цѣна газетныхъ штемпелей. Это будетъ содѣйствовать, говорилъ онъ, къ увеличенію числа журналовъ, а чѣмъ болѣе журналовъ, тѣмъ луч-

ше: «стѣсняя прессу, сказалъ онъ, вы одинаково стѣсняете какъ выраженіе лжи, такъ и выраженіе истины». Олливье пришелъ въ восторгъ отъ этихъ словъ Брама. Президентъ государственнаго совѣта, Форкадъ де-ла-Рокеттъ, старался доказать, что это совершенно въ порядкѣ вещей, чтобы журналы были монополіей, и что въ этомъ нисколько не виноваты существующіе законы касательно прессы. Слушая эту аргументацію, даже само большинство не могло удержаться отъ улыбки. Жюль Фавръ рѣзко отвѣчалъ Форкаду, что «это для всѣхъ несомнѣнная истина, что пресса находится въ полномъ распоряженіи правительства, такъ какъ ни одинъ журналъ не можетъ издаваться безъ его дозволенія, и оно всегда можетъ запретить любой журналъ по своему усмотрѣнію»,—и далѣе онъ хорошо объяснилъ, въ поученіе Кассаньяку, что «на правительство вполнѣ падаетъ вся отвѣтственность за весь тотъ развратъ, которымъ мы обязаны теперешней прессѣ». При голосованіи оказалось 65 голосовъ противъ рабства прессы передъ администраціей.

Нападая на послѣдній параграфъ адреса, Пелльтанъ, до сихъ поръ не принимавшій участія въ преніяхъ, яркими красками обрисовалъ упадокъ нашей литературы и нашихъ нравовъ. Его совершенно справедливыя замѣчанія касательно роскоши и нравственности женщинъ были приняты не очень хорошо, а его воззваніе къ свободѣ, «которая уже встаетъ и, какъ солнце, очиститъ атмосферу отъ нечистыхъ міазмовъ»,—совсѣмъ было заглушено общимъ шумомъ.

Подъ самый конецъ преній, нѣкто Сегри, который по большей части только, но не всегда, вотируетъ вмѣстѣ съ большинствомъ, хотѣлъ повидимому сформировать новую партію, которая бы не походила ни на лѣвую сторону, ни на среднюю партію, и состояла бы изъ тѣхъ людей, «которые всегда были въ одно время и за имперію, и за свободу». Но было уже поздно,—собраніе было нерасположено его слушать, депутаты проголодались и требовали закрытія преній. Затѣмъ собраніе приступило къ общему голосованію адреса. Проэктъ адреса былъ принятъ 251 голосомъ противъ 17. Гг. Беррье, Галле-Клапаредъ, Гавенъ, де-Кервегенъ, Эмиль Олливье, Плана, Шнейдеръ, Тьеръ—вотъ всѣ члены, которые не подали голоса. Одна только лѣвая сторона была послѣдовательна; средняя же партія, за исключеніемъ четырехъ или пяти человѣкъ, поступила какъ

и слѣдовало людямъ, проникнутымъ должнымъ почтеніемъ къ правительству.

V.

Я долженъ былъ сдѣлать вамъ полное изложеніе внутренняго положенія Франціи, и я не могъ сдѣлать этого лучше, какъ изложивши вполнѣ дебаты, къ которымъ подали поводъ адресы сената и законодательнаго корпуса. Но, какъ я ни старался быть краткимъ, поучительныя разсужденія, которыя мнѣ пришлось передавать, были такъ длинны и сложны, что у меня уже мало остается мѣста для другихъ новостей.

Чтобы познакомить васъ съ положеніемъ французскихъ дѣлъ, мнѣ слѣдовало бы сказать о разныхъ литературныхъ событіяхъ, совершившихся только съ прошлой недѣли, которыя безъ сомнѣнія скоро перестанутъ быть «современностью».

«*Travailleurs de la mer*» Виктора Гюго, которыя Librairie international — пораженная недавно такъ сурово по поводу «Евангелій» Прудона—издала недавно въ 3 томахъ 8⁰, производятъ не меньше шуму и быть можетъ будутъ имѣть успѣха не меньше, чѣмъ «Misérables». Что касается до меня, я предпочитаю новый романъ этимъ послѣднимъ и думаю, что онъ положитъ конецъ нападеніямъ, которыя навлекли «Chansons des rues et des bois» на знаменитаго изгнанника 2 декабря, даже со стороны его политическихъ друзей. Все трогательно въ *Travailleurs de la mer*, начиная съ посвященія: «скалѣ гостепріимства и свободы, тому уголку старой земли, гдѣ живетъ маленькій морской народъ; острову Гернсею, суровому и пріятному, моему нынѣшнему жилищу и моей вѣроятной могилѣ!» — до простаго романа любви, которая служитъ нитью для грандіозной поэмы въ прозѣ. Но если своимъ глубокимъ чувствомъ эта книга безъ сомнѣнія увлечетъ всѣхъ влюбленныхъ, всѣхъ женщинъ, она въ то же время возбуждаетъ и мужественный энтузіазмъ, она вызываетъ насъ изъ нашего тяжелаго соціальнаго положенія, и высокимъ примѣромъ Жиллья, который борется со всѣми силами неба и моря и кончаетъ побѣдой, онъ показываетъ намъ, какъ мы должны встрѣчать нашихъ общественныхъ враговъ, невѣжество и несправедливость, — которыхъ побѣдить легче, потому что они сильны только нашей слабостью и нашей трусостью. Нужно бы много говорить, чтобы достойнымъ образомъ оцѣнить нравственную и литера-

турную заслугу новаго произведенія Виктора Гюго. Теперь мнѣ остается только выразить мое удивленіе и указать на это произведеніе, которое получитъ безъ сомнѣнія ту же огромную извѣстность, какъ и другія произведенія Гюго, и дойдетъ и до русской литературы.

Не удивительно ли для васъ, какъ и для меня, что тѣ первостепенныя произведенія, которыя являются еще отъ времени до времени на французскомъ языкѣ, принадлежатъ не императорской Франціи. Гюго, Кине, Луи-Бланъ живутъ и трудятся въ Гернсеѣ, Вейто (въ Швейцаріи) и въ Лондонѣ. Ламартинъ, Жоржъ-Зандъ принадлежатъ 1830-му, а не 1852 году. Цезаризмъ можетъ похвалиться только такими поэтами, какъ Бельмонте,и такими прозаиками,какъ Эрнестъ Фейдо,авторъ «Мужа танцовщицы». Даже Эдмондъ Абу, хотя «Монитеръ» и открываетъ ему часто свой фельетонъ, есть человѣкъ оппозиціи по своей фантазіи и не примыкаетъ къ дѣлу. Эрнестъ Ренанъ явился не подъ покровительствомъ второй имперіи, и ни его «Vie de Iésus», ни его «Apôtres» (выходъ въ свѣтъ этой книги назначенъ на этихъ дняхъ) не подходятъ подъ католическіе планы нынѣшняго режима. Что касается до Прево-Парадоля, этого блестящаго публициста, принятаго недавно въ академію самимъ Гизо, — это отъявленный врагъ цезаризма. Однажды думали прибѣгнуть къ преміи во 100,000 франковъ за лучшее литературное произведеніе, но не могли найти ни одного таланта, который бы исключительно принадлежалъ современной эпохѣ. Такимъ образомъ то, что можно называть французской литературой, все еще принадлежитъ прежнимъ старикамъ литературы, и она остается совершенно чуждой имперіи.

Замѣчательно, что наше драматическое искусство,—вещь, которой нельзя отнять у имперіи, потому что наши комедіи и драмы играются подъ прямой ея отвѣтственностью,—само драматическое искусство обращается противъ этой имперіи, когда освобождается отъ общаго направленія, состоящаго въ томъ, чтобы замѣнять веселость скандальнымъ неприличіемъ и умъ—выставкой раздѣтыхъ женщинъ. Пьесы Александра Дюма-сына, Баррьера, Октава Фелье, Сарду, Эмиля Ожье, все это болѣе или менѣе картина нашего нравственнаго упадка и, слѣдовательно, болѣе или менѣе прямая протестація противъ политики, доставившей намъ такіе нравы. Доказательство этого—«*La Contagion*» (Зараза), пьеса, игранная не дальше, какъ на

прошлой недѣлѣ въ Одеонѣ. Императоръ и императрица присутствовали на первомъ представленіи, и въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы, свѣтскомъ хвастунѣ, баронѣ д'Эстриго (d'Estrigaud), который живетъ на широкую ногу, играетъ на биржѣ, соблазняетъ свѣтскихъ женщинъ и т. д., публика хотѣла видѣть воскресшаго герцога Морни; Наваретта, безстыдная плутовка, которую онъ эксплуатируетъ, сочтена была за одну извѣстную графиню, потому что она успѣшно устроиваетъ великолѣпныя операціи въ Champs-Elysés; банальная фраза объ идеяхъ, которыя раздаются какъ пушечные выстрѣлы, когда ихъ стѣсняютъ,—пріобрѣла страшные аплодисменты; но они прекратились, какъ скоро началъ аплодировать императоръ. Надо сказать правду, что такое эта «Contagion», какъ не комическое засвидѣтельствованіе нашей гнили, и что такое этотъ д'Эстриго, который съ родни Меркаде и Роберу Макеру, если не живое осужденіе нашихъ финансистовъ безъ чести, нашихъ политиковъ безъ убѣжденій, нашихъ поклонниковъ успѣха, которые достигаютъ всего и портятъ все, презирая и заставляя презирать добродѣтель и гражданскую честь, — которыя они оскорбляютъ и превращаютъ въ насмѣшку?

Къ сожалѣнію, я уже не могу пуститься теперь въ подробный анализъ новой пьесы автора «Fils de Giboyer». Если въ цѣломъ она уступаетъ послѣдней, то превосходитъ ее энергіей характера и жесткостью тона. Мнѣ въ особенности нравится то, что Эмиль Ожье вовсе не старается и не успѣваетъ привлечь участіе публики къ своей Навареттѣ, какъ Дюма-сынъ къ своей «Dame aux camélias»; я согласенъ, выходки ея не особенно остроумныя выходки, но онѣ кажутся тѣмъ, чѣмъ онѣ должны быть, — онѣ гнусны для честныхъ людей, непріятны для молодыхъ людей, слишкомъ склонныхъ искать въ этой грязи того, чего въ ней не находится, — я не говорю любви, а даже простаго наслажденія. Наконецъ другая прекрасная сторона комедіи Ожье: благородный графъ д'Эстриго наказанъ тѣмъ, чѣмъ онъ согрѣшилъ, онъ дѣлаетъ графиней участницу своихъ постыдныхъ аферъ, и рядомъ съ нимъ являются люди, какъ Луціанъ Шелльбуа и Андре Логардъ, которые избѣгаютъ его заразы—и вмѣстѣ той смѣшной торжественности, съ которой добродѣтель вознаграждается въ нашихъ бульварныхъ драмахъ.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПРІЕМУ ХОЛЕРЫ.—ОБУХОВСКАЯ БОЛЬНИЦА.—ВѢРОВАНІЕ И НЕВѢРОВАНІЕ ВЪ ТРИХИНЪ.—ВѢРЯТЪ ЛИ ФАБРИКАНТЫ ВЪ ТИФОЗНУЮ ГОРЯЧКУ ИХЪ РАБОЧИХЪ?—КУДА ДѢВАЮТЪ БОЛЬНЫХЪ БУРЛАКОВЪ?—КЛАДБИЩЕНСКІЕ ПРИЧТЫ И ДАРОВЫЯ МОГИЛЫ.—«ПОКАЗАННОЕ МѢСТО».—ЗАСѢДАНІЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ОБЩЕЙ ДУМЫ.—ПУБЛИЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СЕНАТѢ.—ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ ВЪ УГОЛОВНОЙ ПАЛАТѢ; ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ЭЛЕРСЪ; О ПРАВѢ ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ. — СУДЕБНЫЕ ПРИГОВОРЫ ПО ДѢЛАМЪ: 1) О КНИГѢ Г. БИБИКОВА; 2) О ПОХИЩЕНІИ ШЕСТИ КОЧНЕЙ КАПУСТЫ; 3) О ВОРОВСТВѢ СО ВЗЛОМОМЪ ДВУХЪ ЦЫПЛЯТЪ; 4) О ШАЛОСТЯХЪ НЕСОВЕРШЕННОЛѢТНЯГО ИСПРАВЛ. ДОЛЖН. ИСПРАВНИКА И 5) О ПРЕСТУПЛЕНІИ ОДНОГО ЧУХОНЦА.—ПЕТЕРБУРГСКІЯ УВЕСЕЛЕНІЯ. — ЗАПРЕЩЕНІЕ «ЛЕТУЧАГО ЛИСТКА». — КИТАЙСКАЯ И НАША СИСТЕМЫ СБОРА ПОДАТЕЙ.—ПРОБА СЪ РОЗГАМИ.—НЕУДАЧНАЯ ПРОБА ПРОФЕССОРА ЮРКЕВИЧА ВЪ МАТЕМАТИКѢ.—ВЛІЯНІЕ НА ПРОСВѢЩЕНІЕ НАРОДА ТЮРЕМЪ И ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.—ГОРЕСТНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ОДЕССЫ. — ОПЕЧАТКА.

Трудно сказать, что изъ дѣйствительности настоящей минуты болѣе всего выдается впередъ! У всѣхъ слоевъ и классовъ нашего общества есть по нѣскольку своихъ такихъ фактовъ и явленій, которые имъ кажутся самыми выдающимися! У петербургскаго дворянства, напримѣръ, главный выдающійся фактъ настоящей минуты—послѣдніе дворянскіе выборы; у купечества — два послѣднія собранія общей думы; у духовенства — пріѣздъ въ Петербургъ одного изъ восточныхъ патріарховъ; у москвичей—недавніе выборы въ думу; у Одессы—заботы о безопасности города; у народа... неизвѣстно—что, но надобно полагать, что земскія собранія; у литературы, особенно петербургской—судебныя преслѣдованія ея и т. д. Но если есть въ сов[р]еменной дѣйствительности какое нибудь явленіе, равно интересующе всѣхъ, то это, безъ сомнѣнія, трихины и холера, или вѣрнѣе, ожиданіе холеры.

Холера еще не пришла и неизвѣстно даже, придетъ ли, но противъ нея предпринимаются уже всевозможныя мѣры. Главнѣйшія изъ этихъ мѣръ—полицейскія распоряженія о соблюденіи въ городѣ всевозможной чистоты и опрятности, и отпускъ болѣе или менѣе значительныхъ суммъ на покупку медицинскихъ пособій и заготовленіе больницъ, кроватей, фургоновъ и могилъ для ожидаемыхъ больныхъ

и умершихъ. Такой предусмотрительности нельзя, конечно, не порадоваться, особенно относительно заготовленія кроватей. Жаль только, что разсчитывать на эти кровати можно только подъ условіемъ болѣзни, и болѣзни именно эпидемической или заразительной, а безъ этого никакъ нельзя попасть на нихъ, и тѣмъ изъ петербургскихъ жителей, которые совершенно незнакомы съ кроватями и большими, чистыми и свѣтлыми комнатами, такъ и не придется ознакомиться съ ними—если только они не захворають тифомъ или холерой!

Впрочемъ, и здѣсь не слѣдуетъ слишкомъ фантазировать...

Я не знаю, какъ будутъ устроены эти больницы, и еще менѣе—какъ будутъ обходиться въ нихъ съ больными. Можно надѣяться, что хорошо,—что больницы будутъ устроены въ большихъ, чистыхъ и свѣтлыхъ комнатахъ — въ «палатахъ» и хоромахъ, и что больные будутъ въ нихъ умирать съ радостнымъ чувствомъ, что вотъ-де хоть при смерти-то привелъ Господь видѣть, какъ жизнь человѣческая можетъ быть пріятно и удобно устроена. Но можно также думать, что и здѣсь будетъ соблюдена только форма дѣла, а не сущность.

На эти сомнѣнія наводитъ меня настоящее состояніе нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ больницъ. Напримѣръ, объ одной изъ нихъ, именно Обуховской, разсказывается въ одной газетѣ, между прочимъ, слѣдующее: «Я очень живо помню одну ночь, въ концѣ (прошлаго) апрѣля, въ которую умирающій крестьянскій мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, вплоть до разсвѣта, напрасно призывалъ къ себѣ сторожа, именемъ Божіимъ прося дать ему напиться»; но онъ такъ и умеръ, не дозвавшись сторожа».—Уходъ здѣсь за больными, какъ видится, не особенно хорошъ, но не менѣе изъ рукъ вонъ плохо и леченье. Авторъ, расказавшій этотъ случай съ крестьянскимъ мальчикомъ, пришелъ въ Обуховскую больницу съ вередомъ, а вышелъ изъ нея съ возвратной горячкой! Его положили въ ту палату, гдѣ были больные, поступившіе, по его словамъ, съ ушибами, вывихами, порѣзами, ознобленіемъ членовъ и т. под. Но «въ одно прекрасное утро, на освобождавшіяся кровати этой палаты начали помѣщать больныхъ, одержимыхъ свирѣпствовавшей тогда возвратной горячкой... Поступавшіе горячечные быстро распространяли эпидемію между выздоравливающими... по крайней мѣрѣ десятеро заразилось отъ другихъ возвратной горячкой и нѣкоторые изъ нихъ умерли». Самъ описавшій это тоже получилъ горячку, но спасся отъ смерти, по его словамъ, только тѣмъ, что еще во время вышелъ изъ этой больницы въ другую.

За вѣрность этого разсказа я не могу ручаться, но что все это очень правдоподобно, въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія.

Оффиціальные и неоффиціальные толки о холерѣ нагнали на многихъ настоящую панику и они уже думаютъ, что если вдругъ ни съ того, ни съ сего начали издаваться разныя строгія распоряженія относительно очистки человѣческихъ жилищъ, то холера непремѣнно должна придти. Меня недавно спрашивалъ одинъ мой знакомый, даже еще довольно образованный человѣкъ, не знаю ли я, скоро ли будетъ холера?—Я отвѣчалъ, что не знаю, что можетъ быть холеры и вовсе не будетъ. Но онъ возразилъ мнѣ, что нѣтъ, непремѣнно будетъ, потому что вѣдь сдѣланы уже и распоряженія о заготовленіи кроватей для больныхъ холерой; стало быть, заключилъ онъ, это уже навѣрное извѣстно! — Эти распоряженія, въ самомъ дѣлѣ, кажутся чѣмъ-то необыкновеннымъ, какъ будто независимо ни отъ какой холеры или возвратной горячки и не слѣдуетъ содержать дома и улицы въ чистотѣ и заботиться о томъ, чтобы бѣдные люди содержались на сколько только возможно лучше!

А тутъ еще трихины! — Но относительно трихинъ мнѣнія очень разногласны, — одни въ нихъ вѣрятъ, другіе не вѣрятъ, а третьи и вѣрятъ и не вѣрятъ, то есть, вѣрятъ, что онѣ есть, но не боятся ихъ. Казалось бы, тутъ-то и не должно быть никакого сомнѣнія и никакого мѣста вѣрованію или невѣрованію; это фактъ наглядный, очевидный, не то, что какая нибудь ожидаемая болѣзнь. Но, видите ли, ожидаемая болѣзнь происходитъ отъ неизвѣстныхъ причинъ, съ увѣренностью уберечься отъ нея нельзя, поэтому она можетъ постигнуть всякаго, а трихины такіе звѣрки, которые живутъ только въ извѣстныхъ животныхъ и которые опасны только для людей, потребляющихъ мясо этихъ животныхъ. Стоитъ только ѣсть это мясо при извѣстныхъ условіяхъ или даже и вовсе его не ѣсть, и тогда можно смѣло не вѣрить въ трихинъ. Съ другой стороны, вѣрованіе въ трихинъ подрываетъ цѣлую отрасль торговли, поэтому всѣмъ колбасникамъ есть прямая выгода тоже не вѣрить въ нихъ или по крайней мѣрѣ увѣрять покупателей своихъ, что они не вѣрятъ. Но какая выгода не вѣрить въ трихинъ литературѣ, я уже этого никакъ не могу понять! Какая, напримѣръ, выгода одной столичной газетѣ насмѣхаться надъ заявленіемъ одного петербургскаго доктора о томъ, что онъ въ трехъ человѣческихъ трупахъ нашелъ трихину? И какая ей выгода заключать свое извѣщеніе объ этомъ открытіи такой фразой: «результатъ, слѣдовательно, по настоящую минуту все тотъ же: кушайте себѣ на здоровье, безо всякой опасности, свинину вареную, жареную и пропеченую»? Самое лучшее, самое невинное объясненіе этому невѣрію я могу найти развѣ только въ томъ, что первое заявленіе петербургскаго доктора о найденныхъ имъ трихинахъ напечатано было на страницахъ такой газеты, съ убѣжденіями которой

эта, невѣрующая въ трихинъ, газета не желаетъ имѣть ничего общаго и старается быть ей во всемъ діаметрально противоположною.

Но та же самая газета не находитъ противнымъ своему направленію сообщить другой «печальный фактъ, свидѣтельствующій о жалкомъ положеніи нашихъ рабочихъ на фабрикахъ»: Фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что «въ Егорьевскѣ (въ Рязан. губ.) появилась тифозная горячка. Болѣзнь развита преимущественно между фабричнымъ классомъ народа; причина распространенія тифа собственно зависитъ отъ скопленія на фабрикахъ рабочихъ, отъ тѣснаго помѣщенія ихъ, дурнаго содержанія, равно и отъ нечистотъ вблизи фабрикъ. Фабриканты, не смотря на то, что болѣзнь принимаетъ обширные размѣры, нисколько не заботятся о соблюденіи требуемыхъ гигіеническихъ условій». — Я думаю, что фабриканты потому нисколько не заботятся о соблюденіи гигіеническихъ условій на своихъ фабрикахъ, что должно быть не вѣрятъ въ тифозную горячку, — смерть же своихъ рабочихъ приписываютъ вѣроятно ихъ лѣности и пьянству! Я не думаю, чтобы этимъ фабрикантамъ, а равно и продавцамъ свинаго мяса, и антитрихинной газетѣ и вообще кому бы то ни было въ самомъ дѣлѣ нужна была чья нибудь смерть, и въ частности смерть тѣхъ, которыхъ нужда заставляетъ работать на фабрикахъ и ѣсть свиное мясо; смерти они навѣрное никому не желаютъ, но они соблюдаютъ свои интересы! Что же имъ дѣлать, если нѣкоторые люди при этомъ умираютъ! Не закрывать же для этого фабрикантамъ и колбасникамъ своихъ фабрикъ и колбасныхъ, а газетѣ съ опредѣленнымъ, установившимся направленіемъ, не перемѣнять же для этого своего направленія!

Подумай-ка объ этомъ, читатель; не найдешь ли ты подлѣ себя и еще нѣсколько другихъ, можетъ быть даже цѣлую бездну подобныхъ фактовъ? Въ Англіи, скажешь ты, дѣлается еще не то, или по крайней мѣрѣ нисколько не лучше. Но какое же намъ дѣло до дурныхъ примѣровъ?!

Не знаю, какъ въ Англіи, а мы не только расположены жить на счетъ благосостоянія и жизни другихъ людей, но даже и изъ могилъ-то ихъ стараемся иногда извлечь для себя нѣкоторую пользу. Что могилы эти надобно купить, я объ этомъ уже не говорю, но даже и купить-то ихъ иногда бываетъ нельзя, если на этой землѣ бываетъ гораздо выгоднѣе устроить, напримѣръ, хоть огородъ! Относительно этого предмета недавно было напечатано слѣдующее: «Не разъ управленія разныхъ госпиталей и больницъ жаловались на затрудненія, встрѣчаемыя при погребеніи покойниковъ на нѣкоторыхъ городскихъ кладбищахъ. На эти жалобы причты кладбищъ отзывались неимѣніемъ мѣстъ въ 7-мъ (даровомъ) разрядѣ, и просили о прирѣзкѣ

новыхъ земель къ кладбищамъ. Эти обстоятельства вызвали въ петербургской общей думѣ учрежденіе особой коммиссіи, которой и поручено было представить общей думѣ докладъ по устройству столичныхъ кладбищъ. Коммиссія, исполняя возложенное на нее порученіе, прежде всего остановилась на способѣ употребленія городскихъ земель, отводимыхъ подъ кладбища. До сихъ поръ земли, отводимыя городомъ въ разныя времена вообще подъ всѣ кладбища, поступали въ непосредственное распоряженіе причтовъ. Отъ усмотрѣнія ихъ зависѣло употребленіе этихъ земель, т. е. распредѣленіе ихъ по разрядамъ, а иногда болѣе или менѣе продолжительное отчужденіе, ради выгодъ, посредствомъ отдѣленій участковъ *подъ огороды для причтовъ, или отдачу въ аренду стороннимъ лицамъ подъ скосъ травы и даже выстройку домовъ*. Обстоятельства эти составляютъ, по мнѣнію коммиссіи, единственную причину того, что всѣ разсмотрѣнныя ею прежнія дѣла о кладбищахъ несутъ на себѣ одинъ и тотъ же характеръ домогательства съ одной стороны въ пріобрѣтеніи новыхъ земель и участковъ и болѣе или менѣе уклончивые отвѣты съ другой. Послѣдствіемъ такого порядка вещей является фактъ, въ которомъ убѣдилась коммиссія, что на всѣхъ кладбищахъ отведено весьма недостаточное пространство подъ 7-й разрядъ, предназначенный для безплатнаго погребенія бѣдныхъ обывателей столицы, и что въ то время, какъ другіе разряды остаются еще совершенно свободными, причты кладбищенскіе уже хлопочутъ о прирѣзкѣ новыхъ земель, указывая на недостаточность мѣста въ 7-мъ разрядѣ, и даже *отказываются принимать тѣла покойниковъ, отсылая ихъ обратно въ больницы*, изъ которыхъ они были привезены».

Каково! Съ одной стороны—огороды и сѣнокосы, а съ другой — обратно въ больницы!

«Кромѣ того, продолжаетъ отчетъ коммиссіи, осмотрѣвъ такъ называемое «показанное мѣсто», отведенное для погребенія самоубійцъ, находящееся около линіи царско-сельской желѣзной дороги, въ семи верстахъ отъ города, коммиссія убѣдилась, что мѣсто это находится въ ужасномъ безпорядкѣ. Вмѣстѣ съ самоубійцами иногда хоронятся утопленники и вообще поднятые полиціею тѣла никому неизвѣстныхъ мертвыхъ, и *тутъ же зарывается всякая падаль и привозимая изъ города тухлая провизія. Надъ могилами похороненныхъ людей воспрещается ставить памятники, и въ тоже время рядомъ ставятся памятники надъ зарытыми собаками*».

И все это въ *девятнадцатомъ*-то вѣкѣ!!... Что, если и я, напримѣръ, съ тоски по моей умершей женѣ, застрѣлюсь, или переходя завтра черезъ Неву, провалюсь подъ ледъ и утону,—и меня зароютъ вмѣстѣ съ дохлыми собаками? и дѣти мои, блуждая между памятни-

ками дохлымъ аристократическимъ собакамъ, не въ состояніи будутъ отъискать между ними моей могилы, потому что на ней и простаго кирпича никто не посмѣетъ положить! О, сжальтесь, благочестивые люди, хоть надъ ни въ чемъ неповинными дѣтьми человѣка, умирающаго съ тоски по ихъ матери, или попадающаго въ число утопленниковъ только оттого, что на Невѣ плохо разставляются вѣхи!

Петербургская дума рѣшилась ходатайствовать объ томъ, чтобы самоубійцъ зарывали отдѣльно отъ падали и тухлой провизіи и чтобы надъ ними позволено было ставить памятники, а всѣ находимыя полиціею мертвыя тѣла хоронились бы на православныхъ кладбищахъ, по обрядамъ христіанскаго погребенія. Можетъ быть, это ходатайство петербургской думы и будетъ уважено, но по всей прочей-то Россіи будутъ продолжать хоронить самоубійцъ и утопленниковъ все по прежнему?—А по всей прочей Россіи, особенно въ деревняхъ, хоронятъ самоубійцъ и многихъ утопленниковъ даже еще хуже, чѣмъ въ самой столицѣ, хуже, чѣмъ собакъ и всякую падаль. Собакъ и падаль зарываютъ въ оврагахъ подлѣ села или бросаютъ ихъ въ рѣки и озера; мѣста ихъ погребенія считаются только грязными и гадкими, или даже и гадкими-то не считаются, и люди преспокойно продолжаютъ потреблять и благословлять ту воду, въ которую они бросаютъ падаль. Но для утопленниковъ и самоубійцъ выбираютъ обыкновенно какую нибудь непроходимую трясину въ степи или въ глухомъ лѣсу, вдали не только отъ всякихъ человѣческихъ жилищъ, но и отъ всякихъ дорогъ; мѣста эти становятся потомъ страхомъ и ужасомъ для всѣхъ и ихъ обѣгаютъ, какъ нѣчто проклятое, какъ какое-то дьявольское мѣсто!

Впрочемъ, все это дѣлается съ добрыми цѣлями — посредствомъ страха позорнаго погребенія удержать людей отъ самоубійства и — утонутія!

Еще одинъ примѣръ человѣколюбія.—Мнѣ недавно доставлено было слѣдующее письмо: «18 сентября 1865 года, производя изысканія по р. Шекснѣ, привалили мы около одного затопленнаго бичеваго мостика. Только что успѣли развести огонь, какъ намъ послышался чей-то слабый голосъ. Мы поспѣшили по направленію стоновъ и увидѣли совершенно окоченѣвшаго человѣка; онъ умолялъ перевезти его черезъ рѣчку. Не имѣя возможности перейдти, онъ уже тутъ около сутокъ пролежалъ въ стогахъ. Лицо, руки и ноги были совершенно распухши, одежда весьма плохая,—парень лѣтъ восьмнадцати. На наши вопросы онъ нехотя отвѣчалъ, что по случаю болѣзни его оставили на берегу.—Онъ былъ въ качествѣ водолива на какомъ-то суднѣ (мы не могли добиться, чье оно). Шелъ уже пять мѣсяцевъ. За Бѣлозерскомъ въ баркѣ показалась течь, онъ сталъ конопатить;

былъ вѣтеръ и его другимъ судномъ *немного* (его слова) помяло.— Вслѣдствіе этого онъ сталъ хворать, а затѣмъ за негодностью его разсчитали и бросили на берегу. Разсчетъ съ нимъ легко было сдѣлать, потому что онъ отданъ былъ за недоимку.—Онъ сидѣлъ у огня и совершенно машинально протягивалъ руки къ огню, равнодушно выслушивая разговоры рабочихъ о томъ, что ежели его взять, то въ случаѣ его смерти, затаскаютъ. Ему оставалось идти до дому еще верстъ 500.—Вслѣдствіе недоимокъ, общество отдало его въ эту тяжкую работу за нѣсколько тысячъ верстъ отъ дому! «Съ нами бѣдняками всегда такъ дѣлаютъ—дома у меня матка съ двумя мальчишками», говорилъ парень.

«Онъ уже прошелъ отъ Моршанска до Бѣлозерска, отъ излишняго усердія заболѣлъ и тогда, какъ негодный гвоздь, былъ выброшенъ. Судоходство въ это время уже почти прекратилось, поэтому берегъ былъ совершенно безлюденъ и ему не оставалось никакой надежды на то, чтобы кто нибудь его подвезъ. Денегъ у него, конечно, не было.—Черезъ мѣсяцъ мы его похоронили».

Смерть этого несчастнаго навѣрное тоже никому не была нужна, но люди уморили его, соблюдая свои интересы! Что же удивительнаго, что и въ Петербургѣ умираютъ люди, когда ихъ интересы сталкиваются съ интересами другихъ людей, сильнѣйшихъ!

Теперь я разскажу кое что о той самой петербургской общей думѣ, которая раскрыла такіе факты о здѣшнихъ кладбищахъ.

Я откровенно долженъ сознаться, что до недавняго времени я имѣлъ объ ней не особенно высокое понятіе. Оказывается, къ моему величайшему удивленію и посрамленію, что это чуть-чуть не настоящій англійскій или по крайней мѣрѣ берлинскій парламентъ, гдѣ есть и президентъ съ колокольчикомъ, и министерство, и центръ, и правая и лѣвая стороны, и даже стенографы; недостаетъ только публики, но хоры для нея есть. Конечно, все это не въ такой формѣ и не такъ называется, какъ въ настоящихъ парламентахъ, но суть этой формы совершенно таже. Президентъ, напримѣръ, называется «головою», и есть скорѣе первый министръ, чѣмъ президентъ палаты, потому что онъ принадлежитъ къ министерству и ведетъ всѣ дѣла съ нимъ за одно. Колокольчикъ его—какъ и во всѣхъ парламентахъ. Министерство составляютъ старшины или, кажется, то, что называется «распорядительной думой». Они засѣдаютъ на особомъ возвышеніи въ концѣ залы, впереди ихъ—голова. Центръ—переднія скамьи, занятыя самыми почтеннѣйшими и разнородными представителями города; тутъ есть и первогильдейные купцы, и разные графы, князья и бароны, статскіе и военные. Лѣвая сторона не имѣетъ опредѣленнаго мѣста, она разсѣяна повсюду и вѣрнѣе можетъ быть названа просто оппозиціей;

представители ея постоянно все возражаютъ и не соглашаются съ предложеніями головы и старшинъ, а отчасти и центра. Правая сторона—собственно задній центръ и нѣкоторыя боковыя скамьи. Здѣсь сидятъ люди самые безмолвные и робкіе; по внѣшности своей они всѣ походятъ другъ на друга — длиннополые сюртуки, сапоги безъ калошъ, на шеяхъ платки, а не галстуки, борода, прямой проборъ и волоса въ кружокъ. Они-то, я думаю, и составляютъ остатокъ прежней думы, какъ я ее себѣ до сихъ поръ все воображалъ. Эта «правая» сторона соглашается со всѣмъ, что только ей ни предложатъ, но въ тоже самое время она все что-то ворчитъ, шепчется и кажется хочетъ что-то возразить. Блестящіе ораторы переднихъ рядовъ и оппозиціи то и дѣло встаютъ съ своихъ мѣстъ, «просятъ слова» и говорятъ, говорятъ! Президентъ, а иногда и самъ ораторъ, спрашиваетъ: согласны вы? или, «не правда ли, вѣдь вы, милостивые государи, съ этимъ согласны?» И всѣ отвѣчаютъ:—согласны, согласны!—За тѣмъ въ переднихъ рядахъ начинается шумъ, на возвышеніи, или въ министерствѣ—говоръ, а въ «правой сторонѣ» перешептыванье и мимика. Вдругъ среди всего этого снова раздается: «прошу слова, N. N. (президента называютъ по имени и отчеству), прошу слова!» Президентъ звонитъ, понемногу все утихаетъ и просившій слова начинаетъ что-то говорить. Онъ говоритъ ни за, ни противъ того, съ чѣмъ только сейчасъ всѣ согласились, а такъ, по поводу этого; его вскорѣ перестаютъ слушать и онъ оканчиваетъ свою рѣчь среди прежняго шума, говора и перешептыванья «правой стороны». «N. N! N. N! Позвольте слово, позвольте мнѣ сказать», выдается снова чей-то голосъ или, конечно, скорѣе, крикъ. Снова звонокъ, снова тишина и рѣчь. Это говоритъ одинъ изъ оппозиціи; онъ говоритъ совершенно противоположное тому, что говорилъ первый ораторъ и съ которымъ всѣ были согласны. Къ концу его рѣчи оказывается, что и съ нимъ тоже всѣ согласны! Только на этотъ разъ «правая сторона» высказываетъ свое согласіе несравненно дружнѣе и сильнѣе прежняго, ея перешептыванье на минуту становится даже говоромъ, мимика и жестикуляція обращаются въ рѣшительное киваніе головами и удары кулаками по спинкамъ скамеекъ. Президентъ нѣсколько въ недоумѣніи отъ такого неожиданнаго оборота дѣла и не знаетъ, съ чѣмъ же собственно палата согласна. Одинъ изъ блестящихъ ораторовъ вскакиваетъ съ своего мѣста и объявляетъ, что мы-де должны выслушать и меньшую братію. Такой фразы онъ не говоритъ, потому что въ палатѣ, кажется, всѣ равны, но онъ эту же самую мысль очень прозрачно высказываетъ въ другихъ словахъ. Взоры всѣхъ устремляются на меньшую братію, т. е. на «правую сторону». Президентъ проситъ «кого нибудь» изъ членовъ ея пожаловать

впередъ, къ мѣднымъ periламъ передъ министерскимъ возвышеніемъ (ораторы говорятъ обыкновенно свои рѣчи, опершись спиной на эти перила; при этомъ они обращаются лицомъ не къ президенту, какъ это дѣлается въ настоящихъ парламентахъ, а къ внутренности залы). Но изъ «правой стороны» никто не рѣшается выступить впередъ. Тогда одинъ изъ переднихъ отправляется въ самый центръ этой правой стороны и буквально за руку выводитъ одного изъ безгласныхъ-гласныхъ впередъ къ периламъ и убѣдительнѣйшимъ образомъ проситъ его что нибудь сказать, «просто, безъ всякихъ украшеній» (а сами-то, небось, съ украшеніями говорятъ!). Несчастный представитель правой стороны совершенно теряется, мнетъ въ рукахъ шляпу, неловко жестикулируетъ и прерывистымъ голосомъ объявляетъ, что конечно, «поведерно или поштофно платить лучше; примѣрно, если платить по двугривенничку съ ведра, такъ каждый столько двугривенничковъ и заплатитъ, сколько у него ведеръ вина; бѣднымъ людямъ это будетъ не въ примѣръ легче».

— Такъ, стало быть, вы находите, что гораздо справедливѣе будетъ платить акцизную пошлину, а не патентную? — спрашиваетъ его одинъ изъ переднихъ.

— Да, такъ-то, поведерно платить будетъ сподручнѣе, отвѣчаетъ представитель правой стороны и, среди благосклоннаго одобренія переднихъ рядовъ и дружественнаго и шумнаго заднихъ, спѣшитъ спрятаться между своими.

Эта рѣчь, продолжавшаяся не болѣе одной минуты, была самая блестящая изъ всѣхъ двухчасовыхъ преній и разсужденій; мало того —она именно рѣшила дѣло. Непосредственно за ней приступлено было къ баллотировкѣ предложенія: какой сборъ съ торговли водки признаетъ городъ болѣе справедливымъ—акцизный или патентный, т. е. съ права торговли, не обращая вниманія на то, въ какихъ размѣрахъ ведется эта торговля.

Но, увы, къ ужасу всѣхъ и негодованію нѣкоторыхъ, баллотировка показала, что засѣданіе думы было недѣйствительно или по крайней мѣрѣ сомнительной дѣйствительности—въ собраніи недоставало 6 или 8 человѣкъ до опредѣленнаго закономъ minimum'а, при которомъ засѣданія признаются законно-дѣйствительными! Поднялся ропотъ и чуть, чуть не брань, направленные больше все къ внутренности залы, какъ будто виновата во всемъ была именно эта внутренность залы, то есть, наличные члены собранія, а не тѣ, которыхъ вовсе не было въ собраніи или которые преждевременно ушли изъ него. Президентскаго колокольчика никто не хотѣлъ больше слушать, «послушайте», «позвольте», «прошу слова»—тоже; среди оглушающаго шума, секретарь думы прочиталъ было параграфъ устава, на-

лагающій денежный штрафъ на виновниковъ недѣйствительности собраній, но это не произвело на собраніе никакого впечатлѣнія. Президентъ не могъ болѣе совладѣть съ собраніемъ и не зналъ, что дѣлать. Люди, видавшіе виды или же только слыхавшіе ихъ, объявляли, что въ Англіи дѣлается не такъ, что тамъ-де въ парламентѣ запираютъ членовъ, чтобы они не уходили изъ собранія. Оппозиція возражала на это, что нѣтъ, и тамъ не запираютъ, а члены собранія, проникнутые сознаніемъ важности своихъ обязанностей, и сами не оставляютъ засѣданій преждевременно. Наконецъ, президентъ еще разъ звонитъ и кричитъ во всю силу своего голоса, что «засѣданіе закрыто». — Я ухожу тоже въ нѣкоторомъ волненіи, думая, что ужь не виноватъ ли и я въ томъ, что засѣданіе сдѣлалось не дѣйствительнымъ?

Само собою разумѣется, что я вошелъ въ залу собранія и не тайкомъ, и не просто съ улицы, а тоже по рекомендаціи и протекціи!

Я сказалъ, что президентъ къ концу засѣданія не могъ болѣе совладѣть съ нимъ, но этимъ я не хочу сказать что нибудь противъ самого президента, напротивъ,—я нахожу, что онъ ведетъ пренія съ большимъ тактомъ, знаніемъ дѣла и безпристрастіемъ; онъ держитъ себя именно какъ президентъ, а не какъ начальникъ; самъ въ споры не вступаетъ, внушеній и выговоровъ никому не дѣлаетъ, на возраженія не сердится и не обижается ими и, наконецъ, съ большимъ умѣньемъ схватываетъ главные пункты преній и ясно и отчетливо резюмируетъ ихъ. Въ этомъ отношеніи у него могли бы поучиться президировать даже нѣкоторые другіе президенты, напримѣръ, нѣкоторые президенты земскихъ собраній, сильно забывающіе иногда свою президентскую роль,—они сами вступаютъ въ такіе споры, которые вызываютъ разныя возраженія и замѣчанія, да потомъ, обидѣвшись этими возраженіями, и просятъ покорнѣйше не дѣлать президенту замѣчаній! Если въ засѣданіяхъ общей думы и сильно замѣтно раздѣленіе членовъ ея на большую и меньшую братію, на членовъ — очень гласныхъ и членовъ — совсѣмъ почти безгласныхъ и безмолвныхъ, то президентъ въ этомъ едва ли виноватъ, а виноватъ въ этомъ скорѣе такой ужь составъ думы, гдѣ мелкимъ лавочникамъ приходится сидѣть рядомъ съ генералами, графами и князьями, передъ которыми они съ дѣтской колыбели привыкли молчать и благоговѣть. Впрочемъ, вѣдь почти тоже самое существуетъ и въ англійскомъ парламентѣ,—тамъ, говорятъ, тоже не мало бываетъ такихъ депутатовъ, которые, будто бы, иногда во всю парламентскую сессію не открываютъ своего рта!—Вообще, внѣшность и форма засѣданій петербургской думы почти не оставляетъ ничего больше желать. Не достаетъ въ ней только публики и скамьи или ложи для

журналистовъ, но это, мнѣ кажется, относится уже больше къ сущности, къ содержанію учрежденія, а не къ формѣ его.

Я видѣлъ также, наконецъ, и сенатъ и уголовную палату. Входъ въ нихъ и безъ рекомендацій, и безъ протекцій.—Въ нихъ уже наоборотъ,—важность содержанія слишкомъ преобладаетъ надъ формой, а особенно въ уголовной палатѣ. — Но объ ней потомъ, сперва о сенатскихъ докладахъ.

Сенатъ, какъ извѣстно всякому, есть одно изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій; высотѣ и солидности этого предмета должно бы соотвѣтствовать такое же и описаніе его, но я боюсь, что мое перо, привыкшее къ нѣкоторой фривольности, не въ состояніи будетъ вдругъ получить приличную предмету описанія важность и солидность. Къ сожалѣнію, и самъ предметъ настоящаго описанія своей внѣшностью вовсе не импонируетъ. Еще такое чувство способна внушить затворенная дверь, передъ которой стоитъ курьеръ, объявляющій публикѣ, что «тсъ! сюда нельзя»; но куда дозволено входить, тамъ господствуетъ совершенная простота нравовъ. Люди свободно ходятъ по комнатамъ, сидятъ на столахъ, говорятъ и даже кричатъ и рисуются передъ посторонними посѣтителями; другіе, украшенные золотыми нашивками, проходятъ чрезъ толпу посѣтителей съ серьезными, озабоченными лицами; къ нимъ бросаются на встрѣчу «адвокаты» и освѣдомляются о ходѣ разныхъ дѣлъ. Впрочемъ, все это только передъ «присутствіями», а не въ нихъ. Туда двери долго еще остаются затворенными; передъ ними тоже стоятъ курьеры или просто служители. Наконецъ, завѣтныя двери отворяются и толпа довольно шумно бросается въ залу присутствія. Въ присутствіи посрединѣ комнаты стоитъ большой столъ съ зерцаломъ; за нимъ сидятъ члены присутствія. Подлѣ стола пюльпитръ съ бумагами; на столѣ подлѣ него и на полу тоже лежатъ бумаги; передъ пюльпитромъ стоитъ чиновникъ — докладчикъ. Противъ стола, ближе къ дверямъ, поставлено нѣсколько рядовъ стульевъ. Публика не безъ благоговѣнія, но все таки съ шумомъ садится на нихъ. Члены присутствія терпѣливо ждутъ, пока все утихнетъ и затворятся двери. За тѣмъ, докладчикъ начинаетъ докладъ, перелистывая въ тоже время лежащія передъ нимъ бумаги и по временамъ заглядывая въ нихъ. Я думаю, что это для него не особенно легко — болѣе или менѣе заучить на память цѣлое «сенатское дѣло», съ безчисленнымъ множествомъ именъ, годовъ, числъ и цифръ! И такихъ дѣлъ докладчикъ обязанъ разучить къ каждому засѣданію нѣсколько! Докладъ состоитъ обыкновенно изъ сжатаго повторенія всего дѣла, со всѣми справками, объясненіями, показаніями и т. под. По окончаніи доклада, изъ среды публики поднимается «адвокатъ», подходитъ къ столу

присутствующихъ и начинаетъ, тоже на память, опять повторять почти все дѣло, только что доложенное оффиціальнымъ докладчикомъ; но адвокатъ повторяетъ дѣло съ той существенной разницей, что придаетъ ему извѣстный тонъ и направленіе, выставляя на первое мѣсто тѣ мѣста доклада, которыя говорятъ въ пользу его довѣрителя; при этомъ онъ придаетъ и голосу своему нѣкоторое особенное настроеніе. Иногда адвокатъ сообщаетъ, кромѣ того, и кое что новое, чего въ оффиціальномъ докладѣ не было. По окончаніи этого, втораго доклада, адвокатъ кланяется присутствующимъ членамъ и уходитъ. На его мѣсто выходитъ другой адвокатъ, противной стороны, и дѣлаетъ совершенно тоже самое, что дѣлалъ его предшественникъ, опять съ тою только разницей, что онъ придаетъ особенный тонъ и особенное направленіе уже другимъ мѣстамъ доклада, а не тѣмъ, которыя особенно интересовали его противника. По окончаніи этого, втораго повторенія одного и тогоже доклада, раздается звонокъ, и публика удаляется, или же она удаляется и безъ всякаго звонка, по одному только знаку власть имѣющихъ. Двери за публикой запираются, и что происходитъ въ это время въ залѣ присутствія — неизвѣстно. Чрезъ 5—10 минутъ или же черезъ полчаса двери снова отворяются, публика снова входитъ или вторгается въ залу и снова начинается тройственный докладъ разныхъ дѣлъ. И такъ далѣе, по нѣскольку разъ въ одно засѣданіе «присутствія» публика входитъ въ залу и выходитъ изъ нея. — Во всей этой процедурѣ иногда бываетъ нѣкоторое разнообразіе и отступленіе отъ описаннаго мною порядка. Такъ, напримѣръ, вмѣсто адвокатовъ выходятъ иногда на средину залы сами заинтересованныя въ дѣлѣ стороны или одна которая нибудь изъ нихъ, или же вовсе никто не выходитъ, и все дѣло ограничивается однимъ чтеніемъ доклада; иногда также докладываютъ подъ рядъ нѣсколько дѣлъ, не заставляя между ними публику выходить изъ залы.

Еслибы я осмѣлился употребить здѣсь нѣсколько критическій методъ описанія, то я высказалъ бы свое недоумѣніе относительно того, зачѣмъ двери присутственной залы отворяются для публики не до открытія засѣданія, а уже послѣ него, и зачѣмъ при этомъ не публика ждетъ господъ сенаторовъ, а они ее — пока она войдетъ и усядется? Потомъ, зачѣмъ по окончаніи докладовъ публика выходитъ изъ залы, а не присутствующіе члены, — какъ то дѣлается, напр., при судѣ присяжныхъ?

Я описываю только форму дѣла, внѣшность, но содержанія всѣхъ докладовъ и нѣтъ никакой возможности, да еще менѣе и нужды описывать. Пожалуй, выходя уже изъ области сената и, вмѣстѣ съ тѣмъ, серьознаго тона, я могу еще, по поводу содержанія нѣкоторыхъ

слышанныхъ мною дѣлъ, высказать одну общую мысль о томъ, почему доклады присутственныхъ мѣстъ были прежде недоступны для публики. Ужь не потому ли, что эти «дѣла» могли быть *опасны*, — такъ же опасны, какъ считаются, напримѣръ, опасными и вредными для публики нѣкоторыя скандалезныя исторіи въ нѣкоторыхъ судахъ присяжныхъ. Публику въ тайныя засѣданія суда не допускаютъ, чтобы она не соблазнялась, не увлекалась дурными примѣрами; я думаю, что дѣла и всякаго суда — и гражданскаго и уголовнаго, рѣшительно всѣ судебныя дѣла способны подавать и дурной примѣръ, столько же, какъ и хорошій. Сенатскія дѣла въ этомъ отношеніи тоже не исключеніе. Здѣсь вдругъ узнаешь иногда, если не зналъ этого прежде изъ своей собственной семейной исторіи, или изъ исторіи своихъ знакомыхъ, что деньги, этотъ презрѣннѣйшій металлъ, способны иногда разрушать самыя священныя и самыя дорогія связи людей и возстановлять дѣтей противъ родителей и родителей противъ дѣтей, братьевъ и сестеръ другъ противъ друга, друзей противъ друзей и людей почтеннѣйшихъ противъ другихъ людей не менѣе почтенныхъ и достойныхъ всякаго уваженія. Эти скандалезныя исторіи докладываются и разъясняются здѣсь самымъ подробнымъ образомъ, и какихъ соблазнительныхъ и вредоносныхъ или философскихъ мыслей не можетъ возродиться при этомъ въ умахъ нѣкоторыхъ слушателей! Здѣсь человѣкъ узнаетъ дѣйствительную жизнь, и узнаетъ, къ удивленію своему, что она далеко не такова, даже пожалуй вовсе не такова, какъ изображаютъ ее разные моралисты, проповѣдники и публицисты. Въ одномъ департаментѣ правительствующаго сената докладывалось, напримѣръ, что одинъ отецъ на смертномъ одрѣ завѣщалъ своему нѣжно любимому сыну дать въ приданое своей сестрѣ нѣсколько тысячъ рублей. Покорный сынъ и нѣжный братъ, вѣроятно со слезами на глазахъ, обѣщалъ отцу исполнить его послѣднюю волю — не оставить сестру. Но сестра, вышедшая уже давно замужъ, жалуется теперь, что братъ отдалъ ей не всѣ завѣщанныя отцомъ деньги; она и доказательства на это приводитъ, но братъ не хочетъ признать этой жалобы справедливою и его поддерживаетъ въ этомъ ихъ общая родная мать! Дѣйствующія лица: отецъ (умершій) и братъ, сестра и мать! Да вѣдь здѣсь, если смотрѣть на дѣло съ моральной точки зрѣнія, чистое ужь, съ чьей нибудь стороны, преступленіе!..

Эта фраза да послужитъ мнѣ переходомъ къ разсказу объ уголовной палатѣ.

10 марта въ петербургской уголовной палатѣ объявлено было къ

докладу цѣлыхъ 17 уголовныхъ дѣлъ, и всѣ до одного по дѣламъ печати! *Семнадцать* разомъ!

Но прежде, чѣмъ говорить о содержаніи докладовъ, я считаю не безполезнымъ сказать кое-что о доступѣ къ нимъ. — Доступъ этотъ открытъ для всѣхъ—господъ и мужиковъ, мужчинъ и женщинъ, какъ и въ правительствующемъ сенатѣ. По грязной и мрачной лѣстницѣ вы входите въ еще болѣе грязную и мрачную переднюю. Верхнюю одежу можете здѣсь снять или не снимать, какъ угодно. Далѣе слѣдуетъ пріемная, она же и арестантская,—комнатка маленькая и грязная. Одинъ уголъ ея отгороженъ рѣшоткой. Передъ ней, 10 марта, стояли трое часовыхъ съ ружьями; за рѣшоткой, какъ звѣрь въ клѣткѣ, расхаживалъ какой-то арестантъ, можетъ быть придорожный разбойникъ, — если только такіе бываютъ еще въ настоящее время! Остальное пространство комнаты было занято публикой. Публики этой, вѣроятно интересующейся дѣлами печати вообще или въ частности судьбой «Петербургскаго Листка» и ея редактора и сотрудниковъ, дѣло о которыхъ стояло на первой очереди, собралось чрезвычайно много, особенно сравнительно съ вмѣстимостью комнаты. Двери въ залу присутствія оставались затворены; передъ ними была такая же давка, какая бываетъ обыкновенно, напримѣръ, хоть передъ кассами петербургскихъ театровъ. Особеннаго благоговѣнія къ мѣсту замѣтно было не много—всѣ говорили, смѣялись, толкались и острили, какъ и при всякихъ другихъ давкахъ. Слышны были и разсужденія о литературѣ и предстоящемъ судѣ надъ ней, но все самаго невиннаго содержанія. Къ серьезности и обстоятельности разсужденій не располагала впрочемъ и самая обстановка—грязь, давка, духота, мрачные часовые и расхаживающій изъ угла въ уголъ и изъ подлобья посматривающій на публику уголовный арестантъ (хотя положеніе арестанта было, конечно, и серьезно, но къ серьезности оно тѣмъ не менѣе не располагало, какъ рѣдко располагаютъ къ ней и самыя наказанія уголовныхъ преступниковъ). Когда двери присутствія, наконецъ, отворились и какой-то чиновникъ началъ вызывать впередъ людей соприкосновенныхъ къ дѣламъ, то ихъ нужно было буквально протаскивать сквозь стоявшую передъ дверями толпу. Эта церемонія продолжалась довольно-таки долго; затѣмъ двинулась въ залу и публика. Какого рода было это движеніе, можно судить по тому, что при этомъ послышался даже трескъ какихъ-то стеколъ и многіе внесены были въ залу бокомъ и спиной! Зала присутствія оказалась также крайне тѣсною, и нѣкоторые изъ публики должны были взобраться на окна, столы и стулья.—Началось чтеніе доклада по жалобѣ нѣкоторыхъ «обличенныхъ» господъ на «оклеветавшую» ихъ обличительную литературу. Процедура этого доклада и затѣмъ

двухъ передокладовъ совершенно таже, что и въ правительствующемъ сенатѣ, съ тою только разницей, что здѣсь дѣлалось все это какъ-то проще, какъ будто фамильярнѣе или семейнѣе — истцамъ и отвѣтчикамъ не приходилось далеко выходить на средину залы, они только вставали съ своихъ мѣстъ или прямо говорили оттуда, гдѣ и прежде стояли. Судъ, состоявшій изъ 9 или 10 членовъ, слушалъ и молчалъ, а публика съ трудомъ удерживала свое сочувствіе и одобреніе попеременно то той, то другой обвиняющей сторонѣ (здѣсь были собственно обѣ стороны обвиняющія!). Большинство публики смотрѣло на все дѣло, кажется, именно какъ на какое-то представленіе,— не доставало только хлопанья, но въ довольно выразительныхъ: «браво», «молодецъ», «хорошо» и т. под. недостатка не было. Судъ высказывалъ по временамъ свое неодобреніе на такое поведеніе публики и публика, послѣ этого, на время притихала.

Въ извиненіе публики и къ утѣшенію любителей строгаго порядка, я могу напомнить здѣсь, что вѣдь и въ Европѣ бываетъ нерѣдко совершенно то же самое! Тамъ дѣло доходитъ иногда, съ одной стороны, до совершенно громкихъ одобреній или неодобреній, а съ другой — до рѣзкихъ выговоровъ публикѣ и даже до совершеннаго изгнанія ея изъ залы присутствія! Значитъ, это лежитъ уже въ натурѣ человѣка—высказывать свое сочувствіе или несочувствіе тому, чему онъ сочувствуетъ или не сочувствуетъ, а не въ грубости нравовъ или неразвитости русскихъ!

Когда докладъ и передоклады и объясненія на нихъ кончились, судъ приказалъ публикѣ выйти вонъ, и за нею заперли двери на замокъ. Совѣщаніе суда продолжалось около получаса, потомъ публику опять впустили въ залу присутствія, и на этотъ разъ дозволили уже ей остаться тамъ безвыходно до окончанія всего засѣданія, — всѣ остальныя дѣла были доложены и объяснены или защищены безъ промежуточныхъ совѣщаній судей.

Изъ «обличительныхъ» дѣлъ самое интересное было дѣло *доктора философіи*, режиссера с.-петербургскаго нѣмецкаго театра Толлерта, по поводу извѣстнаго обжога актрисы Элерсъ. «Петербургскій Листокъ» объявлялъ, что Элерсъ сгорѣла отъ неосмотрительности режиссера Толлерта, не убравшагр роковаго газоваго рожка въ суфлерской будкѣ, *не смотря на просьбу объ этомъ покойной Элерсъ*; Толлертъ, напротивъ, увѣряетъ, что Элерсъ никогда его объ этомъ не просила, что онъ не предвидѣлъ (смотри ниже) такой опасности отъ этого рожка, иначе бы онъ, хотя и не имѣетъ на это права, но убралъ бы его подъ своею личною отвѣтственностью предъ дирекціей театра, что онъ самъ, напротивъ, постоянно просилъ и умолялъ Элерсъ не приближаться къ роковому рожку (смотри выше), и что мать покой-

ной каждый разъ, какъ ея дочь играла въ роковой пьесѣ, дожидалась ее за кулисами съ шерстяной шалью, чтобы прикрыть ею дочь, если она загорится (?!!). Теперь Толлертъ проситъ судъ только объ одномъ, чтобы обвиненіе его въ оплошности и неисполненіи своихъ обязанностей, а чрезъ то, косвеннымъ образомъ, и въ смерти Ѳлерсъ, было взято назадъ и объявлено клеветой.

Одна газета, принимающая впрочемъ сторону Толлерта, говоритъ, что его рѣчь была немного театральна; но газета эта забываетъ вѣроятно, что и всѣ адвокаты—по чужимъ или собственнымъ дѣламъ—говорятъ болѣе или менѣе театрально, и поэтому особенно страннаго въ рѣчи г. Толлерта ничего нѣтъ. Мнѣ она, напротивъ, кажется не столько театральною, сколько проникнутою истиннымъ чувствомъ. По его ли винѣ сгорѣла Ѳлерсъ или нѣтъ, но дѣло это должно быть для него все-таки выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ; онъ не могъ и нравственно не долженъ былъ говорить объ немъ спокойно, какъ только о сюжетѣ обличительной статьи. Въ этомъ отношеніи рѣчь противника его тѣмъ особенно и была непріятна, что онъ старался только оправдать себя и обвинить своего противника, мало обращая вниманія на самое трагическое событіе, по поводу котораго возникло это дѣло. Изъ смерти несчастной дѣвушки сдѣлали казусъ хладнокровнаго препирательства о томъ, кто правъ и кто виноватъ! Даже жалѣютъ, что у умирающей не вытребовали *письменнаго* показанія о томъ, отъ чего она сгорѣла, — хоть словесное-то, говорятъ, и было взято!!

Другой интересный докладъ былъ по обвиненію книгопродавца Вольфа въ присвоеніи имъ чужой собственности.—Г. Вольфъ купилъ нѣсколько экземпляровъ одного журнала — «Промышленность» — съ правомъ перепродавать ихъ въ цѣломъ видѣ и въ частяхъ. Онъ вырѣзалъ изо всѣхъ этихъ экземпляровъ одну статью, обложилъ ее оберткой и сталъ продавать, какъ отдѣльное сочиненіе или книгу. Но собственникъ (переводчикъ) этой статьи съ тѣмъ и отдалъ ее прежде въ журналъ, чтобы получить отъ издателя нѣсколько отдѣльныхъ оттисковъ и продавать ихъ въ видѣ самостоятельной книги. Теперь, спрашивается, имѣетъ ли Вольфъ право продавать свою книгу, составленную имъ изъ нѣсколькихъ статей законно купленнаго имъ журнала, или нѣтъ? Противникъ его, г. Фрибесъ, увѣряетъ, что нѣтъ, что могутъ быть продаваемы только тѣ экземпляры его перевода, которые снабжены его (Фрибесовой) оберткой, имѣющей на себѣ факсимиле переводчика. Факсимиле это гласитъ, что продажѣ подлежатъ только такіе экземпляры книги, на оберткѣ которыхъ находится вотъ это факсимиле.

Дѣло Вольфа защищалъ г. Спасовичъ. Его рѣчь ни сколько не

походила на тѣ повторенія докладовъ, которыя мнѣ доселѣ приводилось все слышать. Это было блестящее и обстоятельное развитіе цѣлой юридической и нравственно-общественной теоріи о правѣ литературной собственности—въ самомъ обширномъ и частномъ ея значеніи. — Но за это-то самое достоинство своей рѣчи г. Спасовичъ и получилъ отъ своего противника, самого г. Фрибеса, такой колючій комплиментъ, что на такую-де блестящую рѣчь такого ученаго и просвѣщеннаго юриста отвѣчать ему—Фрибесу—трудно, особенно-де въ виду такого *широкаго пониманія права пользованія чужою собственностью!*...

Ничего, недурно! Тоже довольно широкое, даже ужь слишкомъ широкое пониманіе права стараться склонять судей на свою сторону и вооружать ихъ противъ своего противника.

Всѣ эти доклады и защитительныя и обвинительныя рѣчи по поводу ихъ кончились для публики, можно сказать, ничѣмъ, потому что приговора по нимъ она не могла узнать и навѣрное долго еще не узнаетъ.

О свойствѣ и характерѣ этого приговора можно будетъ, впрочемъ, нѣсколько судить по другому приговору, произнесенному въ той же самой уголовной палатѣ по дѣлу о книгѣ г. Бибикова, «Критическіе Этюды». Здѣсь обвиненіе возникло не по частной жалобѣ, а путемъ оффиціальнаго преслѣдованія со стороны цензурнаго комитета. Приговоръ суда гласитъ, что «сочиненіе Бибикова, ни по формѣ своей, ни по способу изложенія не можетъ оправдываться научною цѣлью, и что цѣль онаго можетъ заключаться лишь въ стремленіи поколебать основы брачнаго союза и семейства, установленныхъ христіанствомъ и законами гражданскими», что потому «сочиненіе Бибикова должно быть причислено къ разряду тѣхъ, которыя воспрещены цензурнымъ уставомъ;» но такъ какъ сочиненіе это, по слабому достоинству своему, не можетъ служить средствомъ къ достиженію означенной цѣли, то и не требуетъ принятія столь серьезной мѣры, какъ конфискація. Сочиненіе г. Бибикова осталось не конфискованнымъ и находится въ продажѣ, но самъ авторъ за написаніе такой вредоносной книги былъ посаженъ на семь дней на гауптвахту! Такимъ образомъ, за дѣйствіе потерпѣла здѣсь наказаніе причина, за произведенное — произведшее, или за дѣтище родитель его. Между виноватымъ и наказаннымъ есть здѣсь очевидная и несомнѣнная связь.

Но какая связь между виновнымъ и наказаннымъ существовала, напримѣръ, въ томъ случаѣ, гдѣ, по разсказу одной газеты, за какое-то преступленіе одной деревенской бабы высѣченъ былъ міромъ ея мужъ?! За жену наказали мужа—зачѣмъ онъ не учитъ бабу!

Попавши разъ на тему о судебныхъ взысканіяхъ и наказаніяхъ, я намѣреваюсь не скоро еще сойти съ нея, тѣмъ болѣе, что у меня есть еще въ запасѣ два ужасныхъ и отвратительныхъ уголовныхъ преступленія и третье—такъ себѣ, уголовная шалость.

Первое изъ этихъ преступленій изображается въ газетахъ такъ:

«Крестьянка великолуцкаго уѣзда спасо-никольской волости Федосья Акимова Лашкина 14-го сентября 1865 г. въ городѣ Великихъ Лукахъ *украла съ огорода шесть кочней капусты* для продажи, «чтобъ было чѣмъ похмѣлиться». Учинила въ этомъ полное сознаніе, и за это преступленіе великолуцкое уѣздное полицейское управленіе крестьянку Федосью Акимову Лашкину, виновную въ кражѣ шести кочней капусты, *оцѣненныхъ въ семь копѣекъ серебромъ*, съ огорода мѣщанки Дохновской, по добровольному ея сознанію, которое по 316 ст. XV т. 2-й книги считается совершеннымъ доказательствомъ, хотя и слѣдовало подвергнуть на основаніи 2,238-й ст. того же тома 1-й книги отдачѣ въ рабочій домъ на время отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ, или наказанію розгами; но такъ какъ рабочій домъ уничтоженъ и на основаніи 18-й ст. по IV продол. къ XV тому 1-й книги, наказаніе розгами отмѣнено, а потому ее, Лашкину, подвергли заключенію въ тюремномъ замкѣ на $1^1/_2$ мѣсяца по обстоятельствамъ уменьшающимъ ея вину и наказаніе».

Чего же послѣ этого должно ожидать оное *лицо* (будто бы) укравшее 75 тысячъ рублей?! Если за каждыя 7 коп. изъ этихъ 75 тысячъ руб. посадить его на полтора мѣсяца въ тюрьму — на сколько лѣтъ это хватитъ?

Другое уголовное преступленіе, «возбудившее большое вниманіе» московской публики, состоитъ въ кражѣ, да еще со взломомъ... *двухъ цыплятъ!* Приговора по этому дѣлу не произнесено еще пока никакого, но подсудимый просидѣлъ уже подъ арестомъ съ 21 іюля 1864 года по 3 марта 1866 г., т. е. почти 19 мѣсяцевъ! При этомъ надобно еще замѣтить, что онъ, вѣроятно, по упорству своему, и въ преступленіи этомъ не сознается!

Третье преступленіе совершенно инаго характера; это не воровство какое нибудь грошовое и не грабежъ, а просто только потѣха! Въ указѣ правительствующаго сената говорится объ томъ преступленіи слѣдующее: «исправлявшій должность рязанскаго исправника Дмитрій Левашевъ 20-ти лѣтъ и 9-ти мѣсяцевъ, оказывается виновнымъ: 1, въ истязаніяхъ и жестокостяхъ при отправленіи должности, состоявшихъ въ подверженіи въ іюнѣ 1864 г. тѣлесному наказанію розгами чрезъ понятыхъ и собственноручно розгами и арапникомъ, для вынужденія показаній по дѣлу о двухъ бѣжавшихъ арестантахъ и за дѣйствія почему-либо Левашову непонравившіяся — разныхъ лицъ, какъ не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, такъ и изъятыхъ отъ онаго стариковъ, женщинъ, имѣющаго знакъ отличія и дѣтей священнослужителей, нѣкоторыхъ въ нѣсколько пріемовъ, въ теченіе

продолжительнаго времени и съ нарушеніемъ всякаго уваженія къ естественной стыдливости женщинъ; 2, въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ, заключавшемся въ вырываніи бороды, трепаніи за волосы и нанесеніи собственными руками побоевъ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ должностнымъ лицамъ волостнаго и земскаго управленій, и 3, въ противозаконномъ лишеніи одного крестьянина свободы».—«Московскія Вѣдомости» прибавляютъ къ этому еще одну слѣдующую подробность: «онъ (Левашовъ) дѣйствовалъ такъ достославно, что ему, наконецъ, отказались повиноваться находившіеся подъ его командою люди, и вырвали изъ его рукъ несчастую дѣвушку, не подлежавшую, какъ и мать ея, тѣлесному наказанію, надъ которою онъ, послѣ истязаній розгами, хотѣлъ надругаться неслыханно-гадкимъ образомъ».

За всѣ эти преступленія рязанская уголовная палата приговорила господина Левашова *къ домашнему аресту въ его домѣ на полторы недѣли!*

Правда, правительствующій сенатъ увеличилъ потомъ это наказаніе, именно: лишилъ Левашова права участвовать въ выборахъ и поступать на государственную службу и на какія бы то ни было должности по назначенію земства, дворянства, городовъ и селеній; но все-таки... въ сравненіи съ 19 мѣсяцами за 2-хъ цыплятъ или съ $1^1/_2$ мѣсяцами за 7 копѣекъ!...

Или даже хоть бы въ сравненіи и съ этимъ приговоромъ, съ мѣсяцъ тому назадъ слышаннымъ мною на Мытной площади: крестьянинъ Савойлане, за нанесеніе побоевъ до потери сознанія и кражу (кажется со взломомъ) 5 рублей (съ копѣйками) ссылается въ каторжную работу на $4^1/_2$ года и на вѣчное поселеніе въ Сибири; имѣніе, если какое у Савойлане окажется, продать и изъ него, а равно и изъ 3 руб. 80 коп., найденныхъ при Савойлане, вознаградить ограбленнаго.

Я вовсе не желаю, чтобы наказаніе Левашову было увеличено, чтобы онъ былъ напр. сосланъ въ Сибирь или заключенъ на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму, или наказанъ какъ нибудь еще подобнымъ образомъ; напротивъ, я совершенно подчиняюсь состоявшемуся объ немъ судебному приговору и нахожу его совершенно достаточнымъ, особенно если принять во вниманіе вѣроятную впечатлительность благовоспитаннаго юноши къ доброй или худой славѣ объ немъ,— чего, конечно, въ какихъ нибудь Савойланахъ нельзя предполагать; но такъ ли посмотритъ на это большинство нашей «непросвѣщенной публики?»

Впрочемъ, кажется пора ужѐ мнѣ выйти изъ этой судейской области и заняться какими нибудь другими явленіями дѣйствитель-

ности, напр., хоть петербургскими увеселеніями и ходомъ нашего просвѣщенія.

Объ увеселеніяхъ, впрочемъ, я говорить нерасположенъ, потому что всѣ общественныя увеселенія настоящаго времени состоятъ въ однихъ только концертахъ, соединенныхъ съ живыми картинами и разными фокусами. О пріятности и высокомъ значеніи пѣнія и музыки я могъ бы много сказать, но все значеніе настоящей концертной музыки и концертнаго пѣнія состоитъ вѣдь только съ одной стороны въ желаніи видѣть разныя музыкальныя и вокальныя знаменитости, а съ другой — въ стараніи показать себя и собрать за то побольше денегъ.

По части просвѣщенія я могу указать прежде всего на то, что, по требованію театральной дирекціи, запрещенъ недавно «Летучій Листокъ»,—ежедневная газета, наполнявшаяся исключительно одними только объявленіями. Въ чемъ эта газетка могла провиниться предъ театральной дирекціей, я не могъ никакъ узнать. Самое лучшее въ ней было то, что она раздавалась даромъ, но не это-то ли самое и составляло главную вину ея передъ театральной дирекціей? «Летучій Листокъ» постоянно перепечатывалъ между прочимъ и свѣдѣнія о томъ, какія пьесы даются на томъ или другомъ изъ петербургскихъ театровъ, а право сообщать публикѣ эти свѣдѣнія находится, какъ извѣстно, на откупу у г. Стелловскаго; поэтому «Летучій Листокъ» можетъ «слишкомъ уже широко понялъ право собственности», какъ остроумно выразился бы г. Фрибесъ. — Къ просвѣщенію публики самъ этотъ «Листокъ», конечно, не относился, но запрещеніе его, или вѣрнѣе *даже* его, мнѣ кажется, несомнѣнно относится. По этому случаю мы можетъ быть скоро будемъ имѣть еще одинъ литературный процессъ!

Разные публичные—ученые, литературные и драматически-литературные утра, вечера и чтенія продолжаются попрежнему. Изъ нихъ китайское чтеніе, о которомъ я говорилъ въ прошедшій разъ, оказывается, дѣйствительно, поучительнымъ и нѣкоторыя явленія въ китайскомъ сельскомъ хозяйствѣ достойными подражанія. Это именно—сборъ съ земледѣльцевъ податей послѣ окончанія полевыхъ работъ. Что это вполнѣ разумно, въ этомъ кажется никто не можетъ сомнѣваться, но такъ ли дѣлается это у насъ? На это пусть отвѣтятъ тѣ, которые постоянно жалуются на недоимки и недостаточно энергичныя мѣры при собираніи ихъ.—Когда у мужика требуютъ подати или оброка весной, передъ началомъ полевыхъ работъ, онъ рѣдко бываетъ въ состояніи исправно заплатить ихъ; а заплативши ихъ, онъ лишается возможности вести свои полевыя работы въ настоящемъ ихъ объемѣ, или же и вовсе оказывается не въ состояніи

приступить къ какимъ бы то ни было работамъ. Чрезъ это къ концу года у него по необходимости являются новыя, еще бóльшія недоимки. Возьмите у мужика весной его единственную лошадь или тоже единственную пару воловъ, и онъ останется вовсе безъ хлѣба и не въ состояніи будетъ заплатить ровно никакихъ податей и оброковъ. А между тѣмъ такъ именно и совѣтуютъ у насъ собирать подати и отчасти даже такъ и собираютъ ихъ! — Китай-то, значитъ, будетъ поумнѣе насъ!

Засимъ, я не нахожу больше въ С. Петербургѣ никакихъ особенныхъ, выдающихся явленій или событій по части нашего просвѣщенія, — если только не относить къ этому одного рѣшенія одного казеннаго училища. Рѣшеніемъ совѣта этого училища (впрочемъ вовсе незначительнымъ большинствомъ голосовъ) отмѣнены на три года, *въ видѣ пробы*, розги! — Это свѣдѣніе можетъ быть будетъ небезъинтересно для тѣхъ изъ моихъ читателей, которымъ вздумалось бы воображать, что розги въ нашихъ оффиціальныхъ школахъ давно уже не существуютъ. Какъ видится, съ ними все производятъ еще пробу!

Я перехожу къ московскому и провинціальному просвѣщенію.

Не знаю, какого понятія объ этой пробѣ г. профессоръ московской философіи Юркевичъ, но о другой «пробѣ» онъ имѣетъ самостоятельныя понятія. Пробой онъ называетъ желаніе людей экзаменоваться на поступленіе въ университетъ. Эти желающіе экзаменоваться (не гимназисты) не платятъ обыкновенно профессорамъ университета ничего за тѣ труды, которые сіи послѣдніе претерпѣваютъ во время экзаменовъ. Г. Юркевичу мало того, что плата за слушаніе университетскихъ лекцій лишаетъ многихъ вовсе возможности слушать эти лекціи, онъ требуетъ еще увеличенія этой платы, въ видѣ вознагражденій гг. экзаменаторамъ. Дѣйствительно, эта плата могла бы облегчить труды нетолько экзаменующихъ, но можетъ быть отчасти даже и трудности экзаменовъ, хотя бы даже тѣмъ, что размягчала бы сердца экзаменаторовъ.

Съ этимъ предложеніемъ г. Юркевича я вполнѣ согласенъ, но я кромѣ того предложилъ бы еще плату и съ самихъ нѣкоторыхъ экзаменаторовъ — хоть въ пользу тѣхъ учениковъ, надъ которыми они производятъ свои экзаменаторскія пробы.

На эту мысль навелъ меня самъ же г. Юркевичъ своимъ донесеніемъ «о ходѣ выпускныхъ экзаменовъ въ московской 2-й гимназіи». Онъ былъ въ этой гимназіи ревизоромъ отъ университета, напалъ тамъ особенно на математику, и въ частности на геометрію, эту, будто бы, старшую сестру философіи. Преподаваніемъ и изученіемъ ея въ гимназіи онъ остался совершенно недоволенъ и говоритъ, что

«Хотя отвѣты лучшихъ учениковъ и были *удовлетворительны и разумны, но натянуты и напряженны:* такъ и видно, что по окончаніи курса они постараются забыть геометрію». Такъ, напримѣръ, спросилъ я, говоритъ онъ, одного ученика: «*Почему высота плоскости измѣряется перпендикуляромъ, брошеннымъ отъ вершины на ея основаніе, а не дѣйствительною ея стороною?*» Представьте себѣ, какъ это озадачило ученика? А вѣдь отвѣчалъ прежде и удовлетворительно, и разумно, да ужъ видно, видно, что натянуто и напряженно!

Нѣтъ, а вы представьте себѣ, г. Юркевичъ, вотъ что, — представьте себѣ, что вѣдь даже и вы сами, — вы! не отвѣтите на этотъ вопросъ!—Что профессоръ философіи аза въ глаза не знаетъ по части геометріи, хотя она и старшая сестра философіи, этого я ему, по добротѣ своей, уже въ вину не ставлю, но что онъ, при такомъ классическомъ невѣжествѣ въ математикѣ, рѣшается еще тиранить бѣдныхъ гимназистовъ своими пробами въ ней и за свое собственное невѣжество въ этихъ пробахъ жалуется на гимназистовъ и ихъ университетскому начальству, и потомъ, печатно, всему читающему міру, вотъ за это ужь надобно бы обложить нѣкоторыхъ экзаменаторовъ приличными пожертвованіями въ пользу тѣхъ, надъ которыми они производятъ свои пробы!

Вѣдь ужь вы славны, г. Юркевичъ, въ философіи и знамениты своими лекціями противъ матеріализма, зачѣмъ же это вамъ захотѣлось еще и въ математикѣ прославиться?!

Другой курьезный фактъ по части народнаго просвѣщенія представляетъ вятская тюремная школа. Устроена эта школа и поддерживается трудами и стараніями мѣстнаго тюремнаго священника. Въ продолженіи 12 лѣтъ никто ему въ этомъ ничѣмъ или почти совершенно ничѣмъ не помогалъ, а между тѣмъ онъ обучилъ за это время грамотѣ 300 человѣкъ государственныхъ крестьянъ. На эти труды и успѣхи обращено было, наконецъ, вниманіе мѣстной палаты государственныхъ имуществъ, и она, *убѣдясь въ несомнѣнной пользѣ* этой тюремной школы, сочла своимъ долгомъ поощрить ее приличнымъ денежнымъ пожертвованіемъ на ея содержаніе. — Не есть ли это косвенное признаніе пользы тюрьмы и благодѣтельнаго вліянія ея на просвѣщеніе народа? И затѣмъ, не есть ли это злая насмѣшка надъ народомъ, — что онъ только и можетъ выучиться грамотѣ, что посидѣвши въ тюрьмахъ?!

Воронежское губернское земское собраніе и нѣкоторыя другія земскія собранія хотѣли было прекратить просвѣщеніе народа «губернскими вѣдомостями»,—именно хотѣли было освободить сельскіе приходы отъ обязательной выписки «губернскихъ вѣдомостей»; но рѣшеніе этого вопроса еще отсрочено.

Окончу свою «Дѣйствительность» извѣстіемъ о горестномъ положеніи города Одессы. — Одесса не знаетъ, что дѣлать ей съ своими уличными собаками, такъ ихъ тамъ много расплодилось! Но по мѣрѣ освобожденія себя, чрезъ посредство стрихнина, отъ собакъ, Одесса опять не знаетъ, какъ освободиться отъ воровъ и мошенниковъ! Собаки, видите ли, замѣняли въ Одессѣ полицію или по крайней мѣрѣ сильно помогали ей въ охраненіи спокойствія и имущества мѣстныхъ жителей,—что же будетъ съ городомъ безъ собакъ?

NB. Я считаю долгомъ извиниться предъ Казанскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ въ невольно взведенной мною на него напраслинѣ, что будто бы въ немъ нѣкоторымъ образомъ защищалось пьянство, какъ источникъ государственнаго дохода. Эта мысль высказана была не въ Казанскомъ, а въ Новгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи.

ГЮКЪ и ГАБЭ. Путешествіе черезъ Монголію въ Тибетъ къ столицѣ Тале-Ламы. М. 1866. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. за 2 ф.

ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ. Сборникъ повѣстей, разсказовъ, стихотвореній и популярныхъ статей для дѣтей всѣхъ возрастовъ. Составлено Лихачевой и Сувориной. Спб. 1866. Ц. 75 к., вѣс. за 1 ф.

ИКОННИКОВЪ В. Максимъ грекъ. Изслѣдованіе кандидата историко-философскаго факультета, вып. 1-й К. Ц.

ЛЮБАВСКІЙ А. Сборникъ замѣчательныхъ уголовныхъ процессовъ. Спб. 1866. 2 р., вѣс. за 2 ф.

МАКУШЕВЪ В. В. Матеріалы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузскою республикой, съ планами: Рагузы XI вѣка и военныхъ дѣйствій русскихъ въ области рагузской въ 1806. М. 1865. Ц. 1 р., вѣс. за 2 ф.

НЭГЕЛИ К. Происхожденіе естество-историческаго вида и понятіе о немъ. Перев. Стофъ. М. 1866. Ц. 50 к., вѣс. за 1 ф.

ПОЛОНСКІЙ Я. П. Оттиски, стихотворенія. Спб. 1866. Ц. 40 к., вѣс. за 1 ф.

РОСТОПЧИНА Е. П. Дневникъ дѣвушки. Романъ. Спб. 1866. Ц. 1 р., вѣс. за 1 ф.

РОСТОПЧИНА Е. П. Поэмы, повѣсти, разсказы и новѣйшія мелкія стихотворенія. Спб. 1866. Ц. 50 к., вѣс. за 1 ф.

СЕРВАНТЕСЪ-САВЕДРА. Донъ-Кихотъ Ламанчскій 2 ч. Перев. съ испанскаго. В. Карелина. Спб. 1866. Ц. 3 р., вѣс. за 3 ф. (вышла часть 1-я, на 2-ю выдается билетъ).

СМИТЪ. Ключъ къ разрѣшенію польскаго вопроса, или почему Польша не могла и не можетъ существовать какъ самостоятельное государство. Спб. 1866. Ц. 50 к., вѣс. за 1 ф.

СТРУКОВЪ Д. Руководство къ разведенію табаку. М. Ц. 40 к., вѣс. за 1 ф.

ТАЙНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИЦІИ. Описаніе истинныхъ и интересныхъ событій изъ государственной и семейной жизни французскаго народа. М. 1866. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. за 2 ф.

УТРО литературный и политическій сборникъ. Изданный М. Погодинымъ. М. 1866. Ц. 2 р., вѣс. за 3 ф.

ФРЕДОЛЬ АЛЬФРЕДЪ морской міръ. Съ хромолитографированными картинами, гравированными картами и политипажными рисунками въ текстѣ. М. 1866. Ц. 3 р., вѣс. за 3 ф.

ХЛѢБНИКОВЪ. Физика земнаго шара о явленіяхъ производимыхъ на земномъ шарѣ теплотою. Спб. 1866. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. за 3 ф.

ШИМАНОВСКІЙ Ю. Операціи на поверхности человѣческаго тѣла. Съ атласомъ, содержащимъ на 108 таблицахъ 602 рисунка. К. 1865. Ц. 5 р., вѣс. за 4 ф.

ШОПЕНЪ И. Новыя замѣтки на древнія исторіи Кавказа и его обитателей. Спб. 1866. Ц. 3 р., вѣс. за 2 ф.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ
ПРИГОВОРЕННАГО КЪ СМЕРТИ

(DERNIER JOUR D'UN CONDAMNÉ)

(1829)

ВИКТОРА ГЮГО.

Цѣна за оба романа, сброшюрованные въ одномъ томѣ, 1 р. 50 к.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ

Романъ въ стихахъ, сокращенный и исправленный по статьямъ новѣйшихъ лже-реалистовъ *Темнымъ Человѣкомъ*. Съ приложеніемъ 5 рисунковъ работы художника А. И. Лебедева. Спб. 1866 года. Цѣна 40 к., вѣс. за 1 фунтъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Собраніе сочиненій Михаила Иларіоновича Михайлова. Томъ 1. Стихотворенія.

С.-Петербургъ, 21-го марта 1866 года.

Издатель и редакторъ **Н. НЕКРАСОВЪ.**

Редакторъ **А. ПЫПИНЪ.**